

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Hw RRNH E

2 v. 80. 1801.

C LH/-

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ

ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.
1901.

Δ
K S F 458 ($\frac{1901}{10-12}$)

Slavic Exchange

Дни испытанія.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Окончаніе.

XXI.

На слѣдующій день утромъ Гительзонъ пріѣхалъ навѣстить Гутина и дать ему свой совѣтъ по поводу болѣзни. Служанка, отворившая дверь, сказала, что баринъ сидитъ у себя въ кабинетѣ съ какимъ-то господиномъ, а барыня ушла изъ дому и скоро вернется. Гительзонъ направился въ сосѣднюю комнату, чтобы подождать, пока Гутинъ освободится, и невольно услышалъ происходившій въ кабинетѣ разговоръ.

— Не могу, не могу я исполнить вашу просьбу,—послышался голосъ Гутина,—и я еще разъ прошу васъ взять всѣ свои бумаги, потому что я не буду вашимъ защитникомъ.

— Но, господинъ Гутинъ,—говорилъ незнакомый голосъ,—вѣдь всѣ бумаги въ порядкѣ, и вы легко могли изъ нихъ убѣдиться, что законъ на моей сторонѣ...

— Эти бумаги меня убѣдили, что вы неправы, и потому я не могу взять это дѣло.

— Да вѣдь я вамъ заплачу...

— Не нужно мнѣ вашей платы,—возвысилъ голосъ Гутинъ,—пожалуйста, обратитесь къ другому адвокату.

— О васъ мнѣ сказали,—началъ тотъ нервнѣе, —что вы еврейскій патріотъ и готовы всегда защищать евреевъ. Чѣмъ же я хуже другихъ евреевъ?..

— А тѣмъ, что я убѣжденъ въ вашей виновности. Никогда я не защищалъ человѣка, честность котораго мнѣ казалась подозрительной.

— Вотъ какъ. Значить, навралъ мнѣ про васъ мой знакомый; онъ говорилъ, что вы преданы еврейству, что вы даже палестинецъ. Мое имя тоже, слава Богу, извѣстно среди палестинцевъ. Я имъ никогда не отказываю въ пожертвованіи, когда обращаются ко мнѣ...

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе, длившееся минуты двѣ.

— И такъ... прощайте, господинъ Гутинъ, я уйду.

Гутинъ не проронилъ ни слова.

Отворилась дверь, и изъ сосѣдней комнаты вышелъ пожилой господинъ, высокаго роста, очень толстый. На ходу, приводя въ порядокъ свои бумаги, онъ мелькомъ взглянулъ на Гительсона и поспѣшно направился къ выходу.

Гительсонъ пошелъ въ кабинетъ и напелъ Гутина очень взволнованнымъ.

— Здравствуйте, Гительсонъ!—сказалъ Гутинъ, и лицо его прояснилось.

— Я вижу, что вы очень огорчены и взволнованы. Вѣдь это очень вредно вашему здоровью.

— Что же прикажете дѣлать, если всякій негодяй, сдѣлавъ какую-нибудь пакость, кутается въ тогу патриотизма и требуетъ, чтобы мы его поддерживали... Меня возмущаетъ до глубины души, когда мерзавцы всякаго рода пользуются высокой идеей для прикрытія своихъ грязныхъ дѣлишекъ. Я васъ спрашиваю, вы развѣ могли-бы оставаться спокойнымъ и не прійти въ ужасъ отъ такого возмутительнаго явленія?

— Какъ врачъ, могу вамъ только сказать, что душевное спокойствіе ведетъ къ тѣлесному здоровью—отвѣтилъ Гительсонъ и громко разсмѣялся.—А теперь, батенька, только душа ваша принадлежитъ вамъ, а ваше тѣло, по приказанію вашей супруги, всецѣло предоставлено въ мое распоряженіе. Я

долженъ васъ внимательно повзслѣдовать и узнать, чѣмъ вы невдоровы.

Часъ спустя, вернулась Дебора и первымъ дѣломъ спросила Гительсона о состоянїи мужа.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я-бы сжегъ всё его бумаги и книги и заставилъ-бы бросить всё занятія, а еще лучше было-бы съѣздить ему на югъ и подышать тамъ воздухомъ...

— Не вѣрь ему, дорогая!—вставилъ Гутинъ.

Но Дебора присѣла, какъ-бы пораженная громомъ.

— Я такъ и сдѣлаю, г. Гительсонъ,—проговорила она тихо.

— Впрочемъ, теперь еще ничего страшнаго нѣтъ, но... профилактическія мѣры... это, знаете, нашъ долгъ—прибавилъ докторъ, немного спустя.

— Но, я надѣюсь,—сказалъ Гутинъ, смѣясь,—что сегодня вы еще позволите мнѣ окончить рефератъ, который я долженъ вечеромъ прочитать въ засѣданїи юридическаго общества?

— А гдѣ будетъ это засѣданіе?—спросилъ Гительсонъ.

— Въ актовомъ залѣ университета.

— Не могу-ли и я получить отъ васъ входный билетъ? Мнѣ-бы очень хотѣлось послушать тамъ сегодняшнія рѣчи.

— Отлично, приходите въ восемь часовъ, у меня еще есть два билета: одинъ я уже обѣщаль передать госпожѣ Энгельштейнъ, а другой могу дать вамъ.

Въ юридическомъ обществѣ на этотъ вечеръ было назначено торжественное засѣданіе. Праздновалось столѣтіе со дня смерти одного великаго ученаго, произведшаго своими сочиненїями по философіи права переворотъ въ этой области юриспруденціи. По предложенію общества Гутинъ къ этому засѣданію приготовилъ обширный рефератъ о великомъ юристѣ.

Актовый залъ былъ переполненъ самой избранной столичной интеллигенціей, собравшейся послушать рѣчи, посвященныя памяти великаго ученаго и человѣка. Среди слушателей было много друзей и знакомыхъ Гутина. Была также Наталья Энгельштейнъ.

Гутинъ говорилъ въ своей рѣчи о дѣятельности великаго ученаго не только какъ гениальнаго юриста, но и какъ выдающагося чловка, со смѣлыми, честными взглядами, не боящагося низвергать старыя воззрѣнія на право и высказывать новыя идеи о справедливости ко всѣмъ созданнымъ по образу Божію. И эти идеи получили широкое распространеніе не только среди юристовъ, но и среди всѣхъ образованныхъ людей, проникли онѣ и въ массу, благодаря сочиненіямъ позднѣйшихъ писателей, его послѣдователей. Въ нѣсколькихъ словахъ ораторъ коснулся социальныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ устарѣлые предрасудки сѣютъ раздоры и ненависть между отдѣльными группами населенія. «Но—закончилъ ораторъ свою рѣчь—я глубоко убѣжденъ, какъ и всѣ мыслящіе люди, что это время скоро пройдетъ и исчезнетъ безвозвратно. Свидѣтельствомъ тому служить это собраніе въ честь великаго чловка, который всю свою жизнь боролся за свободу, за справедливость и равенство для всѣхъ людей».

Взрывъ аплодисментовъ во всѣхъ углахъ огромнаго зала былъ отвѣтомъ на послѣднія слова оратора.

— Какъ онъ хорошо говорить! Какъ пріятно слушать его убѣдительную рѣчь!—въ восторгѣ воскликнула Наталья, обращаясь къ Гительзону, сидѣвшему рядомъ съ ней.

Гительзонъ мрачно посмотрѣлъ на нее и печально опустилъ голову.

— Боюсь только,—сказалъ онъ, тихо вздохнувъ,—что это его лебединая пѣснь... Дай Богъ, чтобы я ошибся...

— Развѣ онъ такъ серьезно боленъ?—тревожно спросила Наталья.

— Если онъ не оставитъ этотъ городъ какъ можно скорѣе, то... плохо съ нимъ будетъ. Но я еще надѣюсь, что южный климатъ на него подѣйствуетъ благотворно...

Дебора наклонилась въ ихъ сторону, чтобы послушать, о чемъ они говорятъ, и Гительзонъ успѣшилъ прекратить разговоръ.

Гутинъ сошелъ съ кафедры и занялъ свое мѣсто за длиннымъ столомъ, за которымъ сидѣли всѣ члены общества. Его мѣсто на кафедрѣ занялъ другой референтъ, а онъ безъ силъ опустился на свой стулъ и глубоко задумался, впервые вворъ въ толпу, наполнявшую залъ.

Рядъ картинъ проходитъ теперь передъ его мысленнымъ взоромъ. Онъ сидитъ съ открытыми глазами и грезить на яву... Въ его воображеніи проносится непрерывная, напряженная дѣятельность запада, свидѣтелемъ которой онъ былъ, когда путешествовалъ тамъ. И этотъ шумъ и гулъ интенсивной работы какъ-бы раздается въ его ухахъ... Передъ нимъ проходитъ картина кипучей дѣятельности, борьба партій, ростъ науки, искусства и промышленности съ ихъ неугомоннымъ шумнымъ движеніемъ,—и сердце его болѣзненно сжимается. Онъ сознаетъ, что онъ вдали отъ всѣхъ одиноко блуждаетъ по невѣдомому пути, гонится за воображаемымъ призракомъ и борется за неясную, далекую идею... И онъ всматривается въ огромный, страшный потокъ, увлекающій за собою весь міръ, и ему слышится зловѣщій хохотъ за спиной: куда идешь ты? за что ты боролся всю жизнь?..

Онъ весь вздрагиваетъ и видитъ передъ собою груды печатныхъ страницъ. Что это за страницы?

Это—твои многочисленныя статьи, писанныя въ защиту идеи. На этихъ страницахъ ты говорилъ народу о его счастіи... Это—камни, собранные тобой, чтобы воздвигнуть вѣчное, невыблемое зданіе для гонимаго народа... Будетъ-ли оно когда-нибудь воздвигнуто? Будетъ-ли оно долговѣчно или, быть можетъ, рассыплется въ прахъ и вмѣстѣ съ твоимъ именемъ исчезнетъ навсегда изъ памяти людской?

Въ залѣ глубокая тишина... Только съ кафедры раздается голосъ оратора, рассказывавшаго о безсмертныхъ трудахъ покойнаго ученаго.

XXII.

Наталья сидѣла въ своемъ будуарѣ грустная, подавленная тяжелой тоской.

Въ ея воображеніи всплыла одна картина давно минувшаго прошлаго, когда она впервые пріѣхала въ столицу, воодушевленная горячими порывами къ знанію, къ наукѣ. Къ ней тогда пришелъ Гутинъ, только одинъ часъ говоритъ съ нею—и какой чудный міръ яркаго свѣта открылся передъ ней!.. Когда онъ ушелъ, она ощущала въ душѣ какое-то высокое, чистое чувство, и ей хотѣлось, чтобы онъ приходилъ еще много, много разъ... Она тогда твердо рѣшила посвятить всю жизнь наукѣ и неустанному труду... И вотъ она устроила свою жизнь, но та-ли это жизнь, о которой она мечтала?..

Чувство невыносимой, острой боли стало ей грудь,—и слезы навернулись на глазахъ.

— Зачѣмъ мнѣ эта жизнь? Люблю-ли я мужа такъ-же, какъ нѣкогда любила? Вызываютъ-ли во мнѣ какое-нибудь теплое чувство его близость, привѣтливость и ласки?... Единственное мое утѣшеніе это мой мальчикъ. Но сумѣю-ли я его воспитать? Знаю-ли я, какъ мнѣ его слѣдуетъ воспитывать? Въ духѣ религіи? Но ея нѣтъ и поминуту—ни въ насъ самихъ, ни въ нашемъ домѣ... Буду-ли я говорить своему сыну о правдѣ и любви? Да, полно, сами-то мы развѣ подадимъ ему примѣръ правды и справедливости?.. Развѣ мы отдаемъ свои силы работѣ на пользу народную? Развѣ мы слѣдуемъ ученію о любви ко всѣмъ людямъ? Вѣдь это одна только красивая маска!..

* * *

Въ то время упорно стали распространяться слухи о голодѣ. Въ началѣ, правда, нѣкоторыя газеты увѣряли, что ничего страшнаго нѣтъ, что о повальной голодовкѣ не можетъ быть и рѣчи, что только въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревняхъ былъ недородъ. Но мало по малу въ другихъ газетахъ стали появляться письма, въ которыхъ рисовались потрясающія картины страшнаго голода, и эти вѣсти приводили въ содроганіе всю читающую Россію. Со всѣхъ сторонъ раздавались призывы о помощи; повсюду собирались пожертвованія въ пользу голодающихъ. Много нашлось искреннихъ народо-

любцевъ, которые сами отправились въ голодающія мѣстности и прилагали всѣ силы, чтобы сколько-нибудь облегчить участь страдальцевъ. Открывались по деревнямъ столовые, организовалась даровая раздача муки. Правительство въ свою очередь поощряло дѣятельность частныхъ благотворителей и изъ государственныхъ суммъ оказывало помощь голодающему населенію.

Если гдѣ-нибудь собиралось нѣсколько человѣкъ, то первымъ долгомъ говорили о голодѣ, о его причинахъ и послѣдствіяхъ, о состояніи крестьянскаго населенія, о земледѣліи въ Россіи и т. п.

— Сколько-бы мы денегъ ни собирали, все равно мы всѣхъ голодающихъ не накормимъ, больно ужъ ихъ много,— заявилъ Михаилъ Денисовъ, наливая вино себѣ и своей сосѣдкѣ.

— А развѣ вы увѣрены Михаилъ Михайловичъ, что этихъ голодающихъ дѣйствительно такъ много?—спросилъ его какой-то сухопарый господинъ съ сѣдиной въ рѣдкихъ волосахъ. При этомъ его ротъ скривился въ какую-то странную улыбку.

— Безъ сомнѣнія, Дмитрій Ивановичъ. Если-бы голодъ не имѣлъ ужасающихъ размѣровъ, то о немъ не трубили-бы такъ по всей Россіи.

— Ну, это еще ничего не доказываетъ...

— Тогда самое лучшее самому отправиться въ голодающія мѣста, ходить по деревнямъ и собирать точныя цифры о числѣ голодающихъ, и у васъ уже тогда никакихъ сомнѣній не останется—замѣтила Наталья, бросивъ пристальный взглядъ на сухопараго господина.

— Вы совершенно правильно извоили замѣтить, сударыня,—отвѣтилъ спокойно господинъ,—пока у насъ не будетъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, показывающихъ истинное положеніе дѣлъ, до тѣхъ поръ мы не можемъ довѣрять всѣмъ этимъ крикамъ и воззваніямъ...

— А тѣмъ временемъ всѣ голодающіе перемрутъ съ голоду,—сердито проговорила Наталья.

— Милая моя, — сказалъ Александръ, — вѣдь это только прихотливая фантазія можетъ нарисовать такую мрачную картину, что будто въ короткое время всѣ они умрутъ съ голоду.

— Намъ дѣйствительно трудно представить себѣ, какъ это люди могутъ умирать съ голоду, когда у насъ на столѣ стоятъ такія дорогія блюда...

Эти рѣзкія слова Натальи смутили присутствующихъ. Воцарилось неловкое молчаніе, которое нарушилъ Денисовъ.

— Ты, сестрица, видно распатала себѣ нервы, читая постоянно статьи о несчастныхъ мужичкахъ, — сказалъ Денисовъ, улыбнувшись сестрѣ.

— И мы тоже, — заговорилъ Александръ, — знаемъ свой долгъ передъ отечествомъ и народомъ. Всѣ мы вносимъ свои посильныя лепты въ комитеты, основанные въ разныхъ мѣстахъ солидными дѣятелями... Вотъ еще одно доказательство, дорогая моя, — прибавилъ онъ, обратившись къ женѣ: — составляя годичный балансъ нашего банка, мы постановили удѣлить въ пользу голодающихъ 1% чистой прибыли... Кажется, нѣтъ человѣка, который-бы забылъ о своемъ долгѣ и не сочувствовалъ голодающимъ... Но все же Дмитрій Ивановичъ правъ, что мы должны повслѣдовать и посмотреть, въ самомъ-ли дѣлѣ такъ велико это бѣдствіе, узнать его источники и причины, чтобы подобныя несчастія больше не повторились.

— Кто-же будетъ заниматься этими изслѣдованіями? — тихо спросила Наталья.

— Я думаю, что это должны дѣлать мѣстныя власти: собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія и представить ихъ правительству и интеллигенціи, а тѣ уже будутъ дѣйствовать сообразно съ этими свѣдѣніями, — отвѣтилъ спокойно Александръ.

— Много лѣтъ я былъ мировымъ посредникомъ, — началъ одинъ изъ присутствующихъ, — и отлично изучилъ нашу крестьянскую среду, и потому могу васъ увѣрить, господа, что только лѣнь и пьянство, которыя такъ распространились со времени отміны крѣпостного права, — вотъ что привело кре-

стыянь въ такое ужасное состояніе... Причина голодовокъ не въ отсутствіи дождей, не въ засухахъ, а именно въ томъ, что я указалъ.

— По моему,—сказалъ Энгельштейнъ,—кромѣ этой причины есть еще другая, болѣе важная: земледѣліе у насъ слишкомъ распространено, сравнительно съ потребностями населенія и спросомъ на нашъ хлѣбъ на иностранныхъ рынкахъ. Вотъ почему самые крупные землевладѣльцы терпятъ одни убытки и увеличиваютъ только свои долги... Но, къ счастью, въ послѣднее время у насъ начинается нарождаться фабрично-заводская промышленность, которая поглощаетъ огромное количество рабочихъ, не могущихъ прокормиться земледѣльческимъ трудомъ. На это обстоятельство я давно уже обратилъ вниманіе, и нашъ банкъ поэтому заботится о томъ, чтобы дать возможность многимъ лицамъ основать черезъ наше посредство большія мастерскія, фабрики и заводы. Я увѣренъ, что это будетъ содѣйствовать поднятію благосостоянія нашей страны...

— Вы совершенно правы,—согласились присутствующіе.

Послѣ ужина мужчины встали и прошли въ сосѣднюю комнату, чтобы покурить, а Наталья пошла въ свой будуаръ и усѣлась въ кресло передъ каминомъ.

Много разныхъ мыслей толпилось теперь у нея въ головѣ, мыслей тяжелыхъ и мрачныхъ... Развѣ это нужно дѣлать для народа, взывающаго о помощи? Нужно давать пожертвованія, говорятъ они, собирать точныя свѣдѣнія о крестьянахъ, превратить ихъ въ фабричныхъ рабочихъ... И, развѣется, мужъ ея при этомъ еще увеличитъ свои капиталы новыми спекуляціями... Тамъ люди съ женами и дѣтьми гибнутъ отъ голода, тамъ царитъ тьма кромѣшная, а здѣсь эти самодовольные, сытые господа глубокомысленно разсуждаютъ о лѣни и пьянствѣ крестьянъ и возбуждаютъ сомнѣнія, дѣйствительно-ли тамъ люди голодаютъ или они кричатъ и вопіютъ такъ себѣ отъ оворства или отъ запоя!.. Что это за

ужасное мѣсто здѣсь, какіе все противные люди!.. А она, она-то что станетъ дѣлать? Опять сидѣть сложа руки?

Рой воспоминаній всплываетъ теперь въ ея умѣ о томъ времени, когда она еще жила въ имѣніи отца. Она вспоминаетъ объ этихъ крестьянахъ и ихъ женахъ, объ ихъ тяжелыхъ полевыхъ работахъ лѣтомъ и осенью. Знакомыя лица сосѣдей-крестьянъ мелькаютъ теперь передъ ней... И они теперь голодаютъ?.. Безъ сомнѣнія, ибо тяжкое бѣдствіе съ особенной силой обрушилось на тотъ уѣздъ, гдѣ находится имѣніе ея отца. Много тамошнихъ помѣщиковъ, которыхъ она всегда презирала въ душѣ, теперь чутко отзываются на народное горе и помогаютъ деревнѣ въ ея острой нуждѣ. А она!.. она сидитъ тутъ въ своемъ дворцѣ и наслаждается роскошью, которую приобрѣлъ ея мужъ... Чѣмъ приобрѣлъ? За что онъ получаетъ свои огромные доходы? Что онъ сдѣлалъ полезнаго для отечества, для народа? Ничего онъ не сдѣлалъ ни для своихъ единоплеменниковъ, ни для русскаго народа... Онъ, знай себѣ, копить деньги, продавая однѣ бумаги и покупая взаимнѣ другія... Кому онѣ нужны эти бумаги и акціи? Накормятъ-ли онѣ голодныхъ? Такъ-ли живутъ его единоплеменники и друзья, которыхъ онъ оставилъ? Вѣдь они, не зная отдыха, трудятся, чтобы поднять благосостояніе своего народа, каждый работаетъ въ своей области, основываютъ кружки и общества, думаютъ, ищутъ, какъ помочь народу... Вотъ Гутинъ даже въ Палестину поѣхалъ, чтобы приглядѣться къ новымъ колоніямъ, основаннымъ тамъ. А въ головѣ моего мужа, сына того-же племени, только бумаги да бумаги... И въ то самое время, какъ Александру хочется, чтобы народная масса покинула земледѣліе,—они, его бывшіе друзья, громко взываютъ къ своему народу: обрабатывайте землю, она лучшей источникъ вашего существованія... А Гутинъ? Вѣдь онъ знаменитый адвокатъ, а какъ бѣдно онъ живетъ, какъ скромна обстановка въ его домѣ, но за то сколько любви и поэзіи въ ихъ жизни. Они точно знали путь, по которому имъ слѣдуетъ пойти, у него съ женой одинаковые

интересы, одни и тѣ-же стремленія... Всю жизнь они сообща посвящаютъ духовной работѣ... И теперь еще въ ея ушахъ раздаются горячіе споры, которые она слышала въ домѣ Гутина, его рѣчь о любви къ людямъ, о высокихъ идеалахъ, объ истинной свободѣ и о живой дѣятельности... Передъ нею встаетъ блѣдное, изнуренное лицо Гутина... Быть можетъ, не болѣзнь только подтачиваетъ его здоровье, быть можетъ его угнетаютъ и тяжелыя нравственныя страданія... Нашелъ ли онъ покой, къ которому стремился? Кто знаетъ, счастливы ли онъ?..

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги мужа и прервали ея размышленія.

Александръ вошелъ въ комнату жены и сѣлъ рядомъ съ нею у камина.

— Мнѣ очень больно видѣть,—началъ онъ,—что ты, моя дорогая, уже столько времени ходишь мрачная, печальная... Скажи мнѣ, что тебя гнететъ.

Наталья подняла на него свои большіе грустные глаза и послѣ непродолжительнаго молчанія отвѣтила:

— Если ты въ самомъ дѣлѣ хочешь исполнить мое за-вѣтное желаніе, такъ вотъ оно: я хочу теперь поѣхать съ нашимъ мальчикомъ къ отцу въ имѣніе.

— Какъ! Теперь, въ глубокую осень?.. Что ты тамъ станешь дѣлать? Да и теперь твой отецъ даже не живетъ въ своемъ имѣніи. Неужели ты оставишь столичные развлеченія и поѣдешь въ эту глушь; вѣдь ты тамъ еще больше будешь грустить... Отца вѣдь ты недавно видѣла, а твоя мачиха по старому тебя ненавидитъ...

— Не къ отцу я хочу поѣхать, а въ его имѣніе, въ деревни, окружающія мою родину,—отвѣтила Наталья съ раздраженіемъ въ голосъ.—Я хочу пойти къ моимъ голодающимъ землякамъ и принести имъ мою посильную помощь...

— Желаніе безспорно очень похвальное, дорогая моя... Но кто же тебѣ препятствуетъ оказывать помощь голодаю-

щимъ, сидя здѣсь? Вѣдь моя касса для тебя открыта, бери сколько угодно и посылай тамошнимъ комитетамъ.

— Не денегъ только просить эти несчастные, и не одними деньгами мы имъ поможемъ... Всю душу, все силы наши мы обязаны посвятить имъ... Пойти въ ихъ деревни, въ ихъ избы, выслушать и понять ихъ страданія, оцѣнить всю тяжесть ихъ положенія, узнать его причины...

— Но вѣдь кромѣ денегъ, которыя ты имъ дашь, ты ничего хорошаго не можеешь для нихъ сдѣлать, — перебилъ ее Александръ съ улыбкой на устахъ.

Наталья задрожала какъ въ лихорадѣ, слушая эти слова. Презрѣнiе и ненависть бурно заклокотали въ ея груди... Руки у нея дрожали, и ноги подкашивались. Глазами, полными гнѣва, она смотрѣла на мужа и въ ту минуту она его презирала отъ всей души, глядя на его полное, выхоленное лицо, сіяющее самодовольствомъ, на его изящный костюмъ и особенно на его галстухъ съ дорогой брилліантовой булавкой.

Она вдругъ порывисто вскочила съ мѣста и съ ея устъ сорвались слова:

— Я презираю тебя, ненавижу, если ты гордишься только своими деньгами...

Она стремительно вышла изъ комнаты.

Александръ остолебенѣлъ и продолжалъ стоять на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ...

На слѣдующее утро горничная принесла ему краткую записку слѣдующаго содержанія: «Сегодня уѣзжаю въ имѣніе къ отцу съ ребенкомъ и съ няней. Надѣюсь, не придешь меня проводить. Наталья».

XXIII.

Поѣздъ быстро мчался между швейцарскими Альпами. Было очень холодно, и пассажиры кутались въ теплыя платья. Черныя тучи нависли надъ высокими снѣжными вершинами, мелкія капли осѣдали на окнахъ вагоновъ. Но вотъ поѣздъ какъ бы прорѣзалъ себѣ новый путь; тучи стали быстро таять, еще немного — и они совсѣмъ исчезли. Выглянуло

солнце, и подулъ свѣжій теплый вѣтерокъ. Лица путешественниковъ радостно засіяли, и они поспѣшили раскрыть окна въ вагонахъ, желая поскорѣе насладиться уопительнымъ горнымъ воздухомъ.

Гутинъ и Дебора, погруженные въ глубокія, печальныя думы, тоже пробудились теперь при видѣ окружающей благодати и чарующей красоты швейцарской природы, и всею грудью вдыхали свѣжій воздухъ.

По настоянію врачей Гутинъ былъ вынужденъ оставить столицу и поѣхать на югъ: у него была въ полномъ разгарѣ чахотка легкихъ. Оставивъ дѣтей на руки женѣ Гительсона, они безъ дальнѣйшихъ разговоровъ выѣхали изъ города.

Только тайкомъ отъ мужа Дебора плакала надъ достигшимъ ихъ горемъ, при немъ же она всегда силилась подавить свою печаль и казаться веселой и беззаботной, чтобы онъ не падалъ духомъ. Она не знала, что Гутинъ въ глубинѣ души давно уже потерялъ всякую надежду, онъ отлично сознавалъ, что болѣзнь неизлѣчима и сведетъ его въ могилу. И во все время ѣзды только одна мысль неотступно преслѣдовала его: что будетъ съ Деборой и дѣтьми? Чѣмъ они жить будутъ послѣ его смерти? За все время своей адвокатской дѣятельности онъ почти ничего не успѣлъ скопить, а тѣ небольшія средства, какія у него есть, будутъ истрачены на гѣченіе.

Порою промелькнетъ у него другая мысль, причиняющая ему вестерпимую боль. Онъ, правда, нисколько не боится приближающейся смерти, но его страшитъ мысль о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ погибнуть и всѣ его труды на пользу завѣтной идеи. Вся его жизнь проходитъ передъ нимъ, какъ въ панорамѣ, онъ высчитываетъ всѣ свои шаги на общественномъ поприщѣ— всѣ ли они были направлены къ одной цѣли, всегда ли онъ исполнялъ свой долгъ передъ народомъ? И тогда его охватываетъ пламенное желаніе жить и работать, бороться всѣми силами противъ всѣхъ дурныхъ взглядовъ, укоренившихся въ народѣ, и своимъ перомъ защищать высокій

идеаль, который онъ желѣетъ въ душѣ. Ему тогда кажется жалкой и ничтожной его дѣятельность. Предстоитъ еще такъ много бороться, а онъ остановился на полпути... Для него ясно, что страшный вопросъ, который возникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и потрясъ всѣ сердца, вопросъ: что дѣлать?— все еще остается неразрѣшеннымъ... Съ того времени никто еще не нашелъ отвѣта, ни онъ самъ, ни его товарищи въ своихъ литературныхъ работахъ, ни филантропы со своею благотворительностью, ни Сапирштейнъ и его товарищи въ своей дѣятельности... Вопросъ стоитъ передъ нимъ загадочнымъ сфинксомъ, какъ стоитъ уже много лѣтъ и какъ будетъ стоять Богъ знаетъ, какъ долго еще...

Эти мысли, не оставлявшія его на всемъ пути, не давали ему покоя и теперь въ Ниццѣ, гдѣ онъ поселился для лѣченія. Временами его одолеваетъ жажда жизни, онъ тогда ощущалъ въ себѣ избытокъ силъ, чтобы выступить на борьбу, работать, не покладая рукъ, писать безъ конца, излить на бумагѣ всю душу, всѣ помыслы свои, чтобы направлять шаги народа по вѣрному пути, чтобы снять темное покрывало съ того ужаснаго вопроса и при свѣтѣ истинной критики указать на всѣ подводные камни и препятствія, которыми усяяны нашъ путь. И вотъ онъ беретъ перо въ руки и садится за работу. Но вдругъ этотъ подъемъ духа смѣняется страшной усталостью и безсилимъ во всемъ тѣлѣ; ему кажется, будто его руки закованы въ цѣпи... Онъ печально опускаетъ голову, на лбу выступаетъ холодный потъ, и руки въ безсиліи трясутся.

Будутъ-ли мои дѣти—думаетъ онъ—продолжать до конца начатую мною борьбу?.. Останутся-ли они преданными сынами еврейства, будутъ-ли въ ихъ сердцахъ горѣть священный огонь любви къ народу, какъ онъ горитъ въ моей душѣ? Или, можетъ быть, они будутъ смѣяться надъ моими мечтами? Быть можетъ, они уйдутъ съ избраннаго нами пути и ихъ не будутъ мучить тѣ вопросы, которые такъ угнетаютъ насъ? Они, можетъ быть, будутъ черпать свое міросозерпаніе изъ дру-

того источника и будутъ проповѣдывать иныя идеи, иныя взгляды на живнѣ?..

Онъ тогда трепетно беретъ руку Деборы, ловить ея грустный взоръ и тихо говорить ей:

— Дорогая, я увѣренъ, что ты и послѣ моей смерти будешь отдавать свою жизнь и силы нашимъ дѣтямъ... Но вѣдь ты ихъ воспитаешь по тому пути, который для насъ обоихъ святъ, не правда-ли?.. Ты ихъ направишь къ нашей возвышенной цѣли, будешь внушать имъ любовь къ народу и нашей вѣрѣ, не такъ-ли?

Глаза Деборы наполнились слезами, и какой-то туманъ застлалъ передъ ней и мужа и все окружающее.

— Ты будешь жить, дорогой мой!.. Безъ тебя намъ жить не стоять.

И онъ не могъ ничего сказать ей, онъ не въ силахъ былъ высказать ей волновавшія его чувства и свои завѣтныя желанія на будущее время... Онъ знаетъ, что его дни сочтены, что скоро онъ перестанетъ наслаждаться красотами природы и чарами жизни, бьющей ключемъ въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ... И вмѣстѣ съ нимъ сойдетъ въ могилу весь потокъ толпящихся въ его головѣ мыслей, которыя такъ хотѣлось-бы оставить въ наслѣдство горячо любимому народу... Онъ тогда брался за перо и начиналъ писать... Въ своихъ писаніяхъ онъ силился дать отвѣтъ еще на много жгучихъ вопросовъ, которыхъ до сихъ поръ ему не приходилось касаться, старался создать опредѣленную программу дѣйствій въ будущемъ. Его слова полны энтузіазма, они написаны кровью сердца и сокомъ нервовъ; рѣчь его лилась то тихимъ ручейкомъ, то бурнымъ потокомъ... Но вдругъ рука начинаетъ дрожать, глаза горятъ зловѣщимъ огнемъ, громкій кашель вырывается изъ груди, на худомъ, изможденномъ лицѣ выступаетъ яркій румянецъ, онъ весь обливается холоднымъ потомъ, — но все продолжаетъ писать и не выпускаетъ пера изъ рукъ, пока не падаетъ въ изнеможеніи на кровать, на которой онъ сидѣлъ, или пока Дебора насильно не вы-

рветъ изъ его рукъ бумагу и не начнетъ умолять его бросить работу.

Иногда онъ отправляется вмѣстѣ съ женой на прогулку въ паркѣ. Они усаживаются на скалѣ и оттуда любятъ просиравшимся передъ ними моремъ. Въ такія минуты онъ ощущаетъ въ себѣ приливъ новыхъ силъ и начинаетъ вѣрить, что онъ еще будетъ жить, еще вернется на родину къ дѣтямъ, къ любимымъ занятіямъ... Убаюкиваемый сладкими грезами, онъ говоритъ о воспитаніи старшаго сына, сожалѣетъ, что нѣтъ хорошихъ учебниковъ для обученія еврейскихъ дѣтей родному языку и вѣрѣ, развиваетъ передъ Деборой цѣлую систему изданія ряда книгъ для чтенія на еврейскомъ языкѣ...

Дебора слушаетъ его слова, ласково улыбается ему, но чувствуетъ, что глаза ея полны слезъ, и употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы изъ груди ея не вырвался тяжкій вздохъ, чтобы не упасть въ отчаяніи къ нему на грудь и не зарыдать горькими слезами...

На дняхъ они получили письмо отъ Натальи Энгельштейнъ. Она спрашиваетъ о здоровьи Гутина, надѣется, что онъ еще оправится подъ благодатнымъ солнцемъ юга, убѣждаетъ Дебору не терять надежды на Бога, который не оставитъ такую чистую душу, какъ она, и пошлетъ Абраму исцѣленіе... Она имъ сообщила также, что оставила свой «дворецъ» и ушла въ деревню, чтобы тамъ работать на пользу несчастной крестьянской массы, что теперь она счастлива, послѣ того какъ осуществила свою давнишнюю мечту, и что только благодаря имъ, Гутинимъ, въ домѣ которыхъ она научилась любить людей,—въ ея душѣ пробудилось желаніе работать для ближнихъ. Работаетъ она теперь очень много, и одно сознаніе того, что она не сидитъ въ своемъ «роскошномъ замкѣ» и не ограничивается однимъ бросаніемъ подачекъ нищимъ,—дѣлаетъ ея счастливой... О мужѣ она ничего не писала, зато много въ письмѣ говорила о своемъ мальчикѣ, съ

которымъ она проводить свободные отъ работъ часы, забавляетъ и научаетъ любить людей и работать для нихъ.

Это письмо, какъ и письма товарищей Гутина изъ столицы, доставило имъ не мало радостныхъ минутъ. Много разъ они его перечитывали и нѣсколько дней кряду все говорили о Натальѣ, радуясь тому, что она, наконецъ, ступила на настоящую дорогу.

— Если хорошенько присмотрѣться,—говорилъ Гутинъ по этому поводу,—то окажется, что женщина можетъ гораздо больше сдѣлать для просвѣщенія и распространенія истинной культуры, чѣмъ мужчина. Онѣ могутъ всю душу, всѣ силы свои положить на алтарь любви къ ближнему, а мужчина на это не способенъ... Это я видѣлъ на примѣрѣ Сарры Сапирштейнъ и еще больше на тебѣ, дорогая моя,—прибавилъ Гутинъ съ любовью.

Дебора въ сильномъ волненіи не могла ничего отвѣтить. Только глаза ея выражали безконечную грусть.

* * *

Приближалась весна... Скоро наступятъ дни карнавала. Мужчины и женщины весело гуляютъ по улицамъ, собираютъ цвѣты и украшаютъ ими свои шляпы. Со всѣхъ сторонъ несутся звуки восторга; всѣ ликуютъ вмѣстѣ съ обновляющейся природой.

А силы Гутина слабѣютъ съ каждымъ днемъ... Онъ уже не въ силахъ оставить комнату и только изъ окна любитъ съ зеленымъ уборомъ деревьевъ, веселымъ щебетаньемъ птичекъ въ саду и ясно-голубымъ небомъ... Онъ сидитъ всегда въ глубокомъ раздумьи и чувствуетъ приближающуюся смерть. Дебора ходитъ по комнатѣ грустная, съ тяжелой тоской въ груди.

Напрасно являются къ нему каждый день врачи, выстукиваютъ ему грудь, прислушиваются къ зловѣщему хлопотанію въ его легкихъ и прописываютъ рецепты.

Только газеты и книги, которыя читаетъ ему Дебора, даютъ ему хотя нѣкоторое удовлетвореніе и заставляютъ его

забыться. Онъ живо интересуется газетными новостями, бо-
лѣетъ душой, когда получаетъ неприятныя вѣсти о положеніи
евреевъ, и приходитъ въ восторгъ отъ всякаго добраго извѣ-
стія, особенно о Палестинѣ; онъ сіяетъ отъ удовольствія, когда
читаетъ, что какая нибудь колонія процвѣтаетъ, что тамъ
идетъ сборъ винограда и что колонисты собрали обильную
жатву...

Гительзонъ аккуратно присылаетъ ему утѣшительныя
вѣсти о дѣятельности ихъ кружка. Кружокъ, оказывается,
быстро прогрессируетъ, и народъ несетъ свои лепты на пале-
стинское дѣло... Всякая мелочь, на которую онъ прежде не
обращалъ вниманія, теперь его радуетъ и сулитъ надежду
на то, что его завѣтная идея пышно разовьется и расцвѣ-
тетъ; ему уже начинаетъ казаться, что спасеніе Израиля уже
близко, но что только онъ его не увидитъ... Порою, однако,
его охватываетъ отчаяніе и тогда онъ опасается, что вся его
работа пойдетъ прахомъ, что всѣ ихъ труды, чаянія и на-
дежды пронесутся тѣнью мимолетной и не оставятъ по себѣ
и слѣда... Въ такія мучительныя минуты онъ начинаетъ умо-
лять Девору тщательно слѣдить за дѣтьми и научить ихъ
любить еврейство, и заставляеть ее поклясться въ томъ, что
она исполнитъ его завѣтъ...

По временамъ онъ вспоминаетъ о родителяхъ... Онъ ихъ ви-
дѣлъ мѣсяца три тому назадъ, когда проѣзжалъ черезъ родной
городъ, видѣлъ ихъ печальныя лица при разставаніи съ нимъ...
Что они стануть дѣлать, несчастные, послѣ него? Кто ихъ
поддержитъ, кто имъ поможетъ на старости? Братья его—
бѣдные ремесленники, съ трудомъ могущіе прокормить сво-
ихъ дѣтей. Только онъ одинъ помогалъ имъ все время, и они
могли спокойно доживать свою старость... Переживутъ-ли они
горе, которое ихъ скоро постигнетъ? Хватитъ-ли у нихъ силъ,
чтобы перенести такой тяжелый ударъ? «Братъ мой, доро-
гой!—писалъ онъ Гительзону:—я обращаюсь къ вамъ въ эту
тяжкую годину, ибо чувствую, что конецъ мой близокъ и дни
мои сочтены... Вамъ я поручаю моихъ дѣтей и жену, под-

держите ихъ въ трудную минуту жизни, берегите ихъ и доставьте имъ возможность найти себѣ пристанище... Я имъ ничего не оставляю въ наслѣдство, но Дебора найдетъ источникъ пропитанія для себя и для дѣтей, а вы, другъ мой, помогите имъ добрымъ совѣтомъ... И тогда я спокойно умру, увѣренный въ томъ, что мои дѣти не будутъ голодны, не останутся безъ духовной пищи, какъ покинутые на произволъ судьбы сироты, — вы будете имъ вторымъ отцомъ...

«Мнѣ хорошо извѣстны ваши непоколебимыя убѣжденія, дорогой другъ, я знаю вашу безграничную любовь и преданность народу и нашей идеѣ... Но позвольте мнѣ сказать вамъ эти мои послѣднія слова передъ тѣмъ, какъ я умру. Знайте, что у меня есть теперь одно только желаніе, только одна надежда еще поддерживаетъ мои силы: что вы и наши добрые друзья будете по прежнему стремиться къ нашей общей цѣли... Умоляю васъ не забыть нашъ высокій идеалъ и посвятить ему всю жизнь... Мое единственное предсмертное утѣшеніе, что наша идея еще будетъ расти и развиваться, что много еще горячихъ приверженцевъ найдетъ она среди нашихъ братьевъ; она станетъ, наконецъ, идеей, общей для всего еврейства, она станетъ народной святыней...

«Еще одна просьба: если возможно будетъ, соберите воедино всѣ мои статьи, касающіяся еврейства, и издайте ихъ отдѣльной книгой. Быть можетъ, мои мысли будутъ жить и послѣ моей смерти и окажутся полезными потомству»...

Гутинъ съ трудомъ дописалъ до конца это письмо и, чувствуя сильную усталость, легъ и уснулъ, а Дебора присѣла у его постели... Только теперь она можетъ снять маску съ своего лица и излить свою душу... Тихо прислонившись къ подушкѣ, она силится подавить свою мучительную сердечную боль, но слезы ручьемъ текутъ изъ ея глазъ...

Долго она такъ просидѣла, пока не услышала, что Абрамъ начинаетъ поворачиваться въ постели. Поднявъ голову, она поспѣшно стерла слезы съ лица.

* * *

.....Былъ ясный, великолѣпный солнечный день. Лучи солнца проникали въ комнату черезъ выходящія въ садъ окна, оттуда доносилось дивное пѣніе птицъ.

Въ комнатѣ тихо... По временамъ только слышится хрипящее дыханіе умирающаго.

Дебора стоитъ, нагнувшись надъ кроватью мужа... Мертвенная блѣдность покрыла его лицо... Онъ держитъ въ своей высохшей рукѣ руку Деборы и открытыми глазами смотритъ на нее... Онъ тяжело дышитъ, и воздухъ со свистомъ вырывается изъ его груди.

Но вотъ послышался еще одинъ протяжный вздохъ, что-то застонало у него въ груди,—и все смолкло.

Она опустилась на колѣни передъ кроватью, припала головой къ подушкѣ, и душу раздирающій крикъ вырвался у нея:

— Абрамъ, Абрамъ дорогой!.. Милыя, несчастныя дѣти мои!..

И тонкій пучекъ солнечныхъ лучей упалъ на голову Деборы и на торжественно-спокойное, блѣдное лицо Гутина... Нѣсколько минутъ лучи озаряли прекрасное лицо его, потомъ спустились ниже и скрылись въ темныхъ складкахъ одѣяла.

Перев. Н. Ш.

Конецъ.

По промышленной чертѣ осѣдлости.

(Путевые наброски ¹).

VII. Городъ еврейскихъ фабричныхъ рабочихъ.

(Пинскъ и его фабрично-заводская промышленность. Населеніе, положеніе относительно водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія и промышленное значеніе Пинска. Крупныя фабрики съ паровыми двигателями, не работающія по субботамъ. Фанерная фабрика, фабрика деревянныхъ сапожныхъ гвоздей и гипсовый заводъ. Пробочныя фабрики. Чугунно-литейныя, судостроительныя и машиностроительныя заводы и другія предпріятія Пинска. Трудолюбіе и предпримчивость пинскаго населенія. Еврейскіе директоры фабрикъ техники, мастера и машинисты. Условія жизни и труда пинскихъ фабричныхъ рабочихъ. Заработная плата. Преобладаніе женскаго труда. Страхуваніе рабочихъ. Еврейскій строй фабричной жизни. Отношенія между предпринимателями и рабочими. Ремесленники, перешедшіе на фабрики. Судовые рабочіе. Жилища пинскихъ рабочихъ. Недостатокъ общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ. Талмудъ-Тора и ремесленные при ней классы. Профессиональные курсы.

Покидая бѣлостокскій районъ, вы долго еще остаетесь во власти тѣхъ впечатлѣній, которыми васъ такъ богато одаряетъ мѣстная еврейская промышленность. Отраднago въ ней—весьма немного.

Мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, что Бѣлостокъ съ его окрестными фабричными мѣстечками въ гораздо большей степени городъ еврейскихъ предпринимателей, нежели *фабрично-заводскихъ* рабочихъ. Паровая машина со всѣми новыми формами труда, внесенными ею въ производство, въ жизни еврейской трудовой массы получила роковое значеніе. Передъ дверьми фабрикъ, наглухо закрытыми для еврейскихъ

¹) См. „Кн. Восх.“ № 8 с. г.

рабочихъ, такъ и слышится въ ея мѣрныхъ ударахъ неумолимый приговоръ: «либо подчинитесь моей желѣзной волѣ, повинуйтесь режиму, мною заведенному на фабрикахъ,—либо оставайтесь безъ работы и ютитесь въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ царяты еще старыя приемы труда и гдѣ меня не хотятъ и не могутъ признать»...

А что представляетъ собой само производство въ Бѣлостокскомъ районѣ? Преобладаніе мелкихъ предпріятій, не имѣющихъ часто средствъ для возведенія собственнаго приличнаго зданія и приобрѣтенія паровыхъ двигателей, а вынужденныхъ *арендовать* помѣщеніе и силу; отсутствіе техническихъ знаній и необходимость вслѣдствіе этого братья за производство болѣе простыхъ и болѣе распространенныхъ въ данномъ мѣстѣ товаровъ, чѣмъ обостряется лишь взаимная конкуренція и вызывается перепроизводство въ одной и той же отрасли мѣстнаго труда; отсутствіе технически и коммерчески образованныхъ руководителей во главѣ еврейскихъ предпріятій; недостатокъ оборотныхъ средствъ; недостатокъ самостоятельности и оригинальности въ производствѣ товаровъ и преобладаніе шаблонности и подражанія другъ другу—все эти характерныя особенности бѣлостокской еврейской промышленности, указывающія на ея отсталость и бѣдность, придаютъ ей еще болѣе безотрадный видъ, если вспомнить условія существованія и труда мѣстнаго еврейскаго рабочаго населенія, вытѣсненнаго главнымъ образомъ изъ-за субботняго отдыха изъ тѣхъ немногихъ отраслей труда, въ которыхъ многолѣтними усиліями ему удалось найти для себя сносный источникъ существованія...

Но Бѣлостокъ—не единственный городъ Сѣверо-Западнаго края, гдѣ еврейская энергія и предпріимчивость создали болѣе или менѣе развитую фабрично-заводскую промышленность. На юго-западной окраинѣ Минской губерніи, одиноко среди обширныхъ Пинскихъ болотъ и вдали отъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, на берегу рѣки Пины, приютился другой

промышленный пунктъ; городъ Пинскъ, насчитывающій 28 тысячъ жителей, изъ которыхъ 24 тысячи евреевъ.

Находясь въ глубинѣ Полѣсья и выгодно расположенный относительно водныхъ и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, Пинскъ былъ издавна естественнымъ центромъ лѣсопромышленности этого края. Съ Киевомъ и Екатеринославомъ онъ непосредственно сообщается воднымъ путемъ и расположенъ по двумъ воднымъ системамъ, Днѣпровско-Бугской и Огинской. По рѣкамъ и искусственнымъ каналамъ, образующимъ эти двѣ системы ¹⁾, лѣсъ со всего Полѣсья сплавляется на плотахъ и «дубахъ» ²⁾ въ Данцигъ и Мемель.

Но за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ Пинскъ приобрѣлъ значеніе и какъ фабрично-заводскій пунктъ Сѣверо-Западнаго края. До этого періода въ Пинскѣ не было болѣе или менѣе значительныхъ фабричныхъ предприятий, а въ настоящее время годовая производительность его заводовъ и фабрикъ достигаетъ 2½ мил. рублей.

Число фабрично-заводскихъ заведеній достигаетъ 54 съ числомъ рабочихъ свыше 4000, изъ которыхъ еврейскихъ болѣе 2000 человекъ. Съ каждымъ годомъ возникаютъ новые заводы и фабрики или расширяются существующіе. Дешевизна лѣса, какъ сырого матеріала, особенно благоприятствуетъ развитію деревообдѣлочныхъ производствъ, а дешевизна его въ качествѣ топлива, удобное желѣзнодорожное сообщеніе, дешевая рабочая сила (рабочіе стекаются въ Пинскъ изъ окрестныхъ еврейскихъ мѣстечекъ) и предпріимчивость его жителей—все это общаетъ ему вообще фабрично-заводское развитіе въ будущемъ.

Къ наиболѣе крупнымъ фабрикамъ и заводамъ можно отнести: главныя мастерскія Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ

¹⁾ Первая соединяетъ Днѣпръ съ Вислой при посредствѣ Припяти, Пинь Днѣпровско-Бугскаго канала и Буга; вторая же—сливаетъ воды Днѣпра съ Нѣманомъ по той же рѣкѣ Припяти, Яцольдѣ, Огинскому каналу, озеру Выговскому и рѣкѣ Шарѣ.

²⁾ „Дубами“ называются деревянные баржи, нагруженные лѣсомъ.

(1500 рабочихъ), фанерно-лѣсопильный заводъ и фабрику сапожныхъ гвоздей (700 раб.), спичечную фабрику (500 раб.), судостроительный заводъ (160 раб.), стеариновый заводъ (90 раб.), 3 табачныхъ фабрики (180 рабоч.), чугуно- и сталелитейный (35 раб.), пробочную фабрику К—а (около 200 раб.), пробочную фабрику Г—а (60 раб.), маслобойный заводъ и фабрику химическихъ продуктовъ А. (16 раб.), 4 маслобойныхъ завода (всего 32 раб.), 3 кожевенныхъ завода, 4 пивоваренныхъ завода (ок. 50 раб.), 2 мыловаренныхъ завода, 10 круподеренъ, 6 разныхъ мельницъ, гильзовыя фабрики, фабрика струнъ, паточные заводы, фабрика халвы, 2 фабрики соломенныхъ чехловъ для бутылокъ, костеожигательный заводъ, фабрики толя, лампъ, чернилъ, кристаллической соды и друг.

Большинство этихъ предпріятій принадлежатъ евреямъ (лишь 5 заводовъ—нееврейскихъ), и рабочіе всюду также евреи. Они работаютъ за машинами, приводимыми въ дѣйствіе механическими двигателями, въ качествѣ кочегаровъ и машинистовъ управляютъ двигателями и составляютъ главный контингентъ мѣстныхъ фабричныхъ рабочихъ. По субботамъ и еврейскимъ праздникамъ фабрики не работаютъ, и весь фабричный строй пинскихъ фабрикъ — чисто еврейскій.

Чтобы ближе познакомиться, какъ съ этимъ своеобразнымъ строемъ, такъ и съ характеромъ пинскихъ фабрикъ, мы коснемся вкратцѣ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ изъ нихъ.

Изъ всѣхъ пинскихъ фабрикъ, принадлежащихъ евреямъ и пользующихся исключительно трудомъ еврейскихъ рабочихъ, самое крупное предпріятіе—товарищества братьевъ Л. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ производствъ: фанерной фабрики, лѣсопильнаго завода и фабрики сапожныхъ деревянныхъ гвоздей. Первое производство состоитъ въ изготовленіи: тонкихъ досокъ для сигарныхъ, кондитерскихъ и т. п. ящиковъ, досокъ для наматыванія мануфактурныхъ товаровъ, деревянныхъ рекламъ и т. п. тонкихъ дощечекъ—гладкихъ,

имитированныхъ подѣ различные сорта дерева и съ выжженными изображеніями и надписями.

Четыре паровыхъ котла и 2 паровыя машины—въ 35 и 75 лошадиныхъ силъ—служать источникомъ силы для нуждъ производства. Какъ продукты фанернаго производства, такъ и сапожные гвозди изготовляются—первые преимущественно по заказу, а вторые—на массовую продажу по всей Европейской и Азіатской Россіи, Сибири, а также въ послѣднее время получили значительный сбытъ и за-границу. Въ самое послѣднее время товарищество открыло отдѣленіе фабрики въ Вѣнѣ, гдѣ пинскіе полуфабрикаты перерабатываются въ готовые надѣлія. Общій годовой оборотъ достигаетъ 500.000 р.

Фабрикаты этой фирмы пользуются громкой извѣстностью въ промышленныхъ кругахъ Россіи ¹⁾, несмотря на то, что за исключеніемъ Москвы она нигдѣ не имѣетъ своихъ представителей; она долгое время была господиномъ рынка. Въ самое послѣднее время появляются и въ Петербургѣ подобныя же предпріятія.

Фабрика устроена въ техническомъ отношеніи образцово: машины новѣйшихъ типовъ и очень производительныя. Руководители фабрики внимательно слѣдятъ за техникой своего производства и постоянно улучшаютъ ее, поддерживая частыя сношенія съ за-границей. Такъ называемую Rund Schälmaschine, т. е. машину, разрѣзывающую брусья дерева на безконечное тонкое полотно, которое потомъ разрѣзается на тонкія доски, фирма ввела у себя одна изъ первыхъ въ Россіи. Въ настоящее время такія машины сильно распространяются во многихъ спичечныхъ, фанерныхъ и мебельныхъ фабрикахъ Россіи. Число рабочихъ превышаетъ 700 человекъ, изъ которыхъ около 600 занято въ производствѣ, за машинами, а около 100—въ качествѣ чернорабочихъ при перетаскиваніи бревенъ, складываніи ихъ на берегу, при перевозкѣ и т. п. работахъ,

¹⁾ Въ любой кожевенной и «шпичной» торговлѣ Петербурга можно купить деревянные гвозди этой фирмы, при чемъ продавецъ указываетъ на нихъ какъ на самый «ходкій» товаръ.

связанныхъ съ лѣсопильнымъ дѣломъ. Половина рабочихъ— дѣвушки въ возрастѣ до 25 лѣтъ.

Рабочимъ приходится работать при машинахъ, разрѣзывающихъ бревна на бруски, а послѣдніе— на длинныя полотна, которыя въ свою очередь на другихъ машинахъ разрѣзываются на доски разныхъ сортовъ и размѣровъ. Эти полотна разрѣзаются также на щепы, превращаются потомъ на особыхъ рѣзательныхъ и заострительныхъ машинахъ въ сапожные гвозди. Кромѣ того имъ приходится работать при сушильняхъ, паровыхъ прессахъ, машинахъ, придающихъ фанерамъ желаемую поверхность (шероховатую, бороздчатую, имитированную подъ какое-либо дерево и т. п.), сортирующихъ и др. Всѣ эти машины приводятся въ дѣйствіе паровымъ двигателемъ. Рабочимъ и работницамъ приходится наблюдать за ихъ работой, принимать продукты одной стадіи обработки и постепенно видоизмѣнять ихъ. Трудъ здѣсь въ высокой степени раздѣленъ.

Обороты фирмы быстро развиваются. Два года тому назадъ товарищество насчитывало только около 420 рабочихъ, а теперь ихъ, какъ было указано, около 700. Успѣхъ фирмы создавался въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Въ 1880 г. была основана фабрика сапожныхъ гвоздей и только черезъ 14 лѣтъ начали изготовлять фанеры. При возникновеніи фабрика имѣла лишь 40 человѣкъ рабочихъ.

Другая крупная деревообдѣлочная фабрика—спичечная г. Г. Она вырабатываетъ въ годъ до 10.000,000 коробокъ спичекъ на сумму 250.000 руб., не считая въ томъ числѣ акциза. Два паровыхъ котла и паровая машина въ 36 лошадиныхъ силъ снабжаютъ фабрику необходимой двигательной силой. Число рабочихъ—500 человѣкъ, изъ которыхъ 350 дѣвушекъ и 150 мужчинъ. Изъ послѣднихъ около 30 подростковъ. Среди работницъ лишь около 150 въ возрастѣ отъ 17 до 25 лѣтъ; остальные 12—15 лѣтъ.

Процессъ производства въ нѣкоторыхъ своихъ стадіяхъ тотъ же, что и при производствѣ деревянныхъ сапожныхъ

гвоздей. Здѣсь встрѣчаются тѣ же машины, которыя разрѣзаютъ бревна на бруски, разворачиваютъ послѣдніе на длинныя тонкія деревянныя полотна, разрѣзаютъ послѣднія на полосы, которыя уже превращаются въ спичечную лучину. Послѣдняя сушится, красится, покрывается химическими составами, сортируется и запаковывается въ коробки. Многіе изъ этихъ процессовъ совершаются автоматически, на особыхъ аппаратахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паровымъ двигателемъ.

Въ другомъ отдѣленіи фабрики изготовляются деревянныя коробки для спичекъ. Здѣсь также находятся въ дѣйствіи десятки автоматическихъ машинъ, весьма остроумныхъ и производительныхъ. Забрасывая напр. въ одну изъ нихъ, клей, нарѣзанныя древесныя полосы и бумагу съ ярлыками—работчій вынимаетъ уже готовую спичечную коробку, покрытую ярлыкомъ. Послѣ того, какъ коробки наполняются спичками, онѣ покрываются химическимъ составомъ по бокамъ, сушатся, покрываются бандеролью и запаковываются въ ящики. При фабрикѣ имѣется небольшая ремонтная мастерская, поправляющая машины и изготовляющая новыя по заграничнымъ моделямъ. Въ ней работаетъ до 10 слесарей.

Эта спичечная фабрика принадлежитъ къ наиболѣе крупнымъ фабрикамъ Сѣверо-Западнаго края ¹⁾. Къ настоящему владѣльцу она перешла лишь въ 1897 г., основана же она была 10 лѣтъ тому назадъ другимъ крупнымъ спичечнымъ фабрикантомъ Л. Гиршманомъ.

Третій крупный заводъ, пользующійся преимущественно трудомъ еврейскихъ рабочихъ, вырабатываетъ стеариновыя свѣчи, олеинъ и глицеринъ и принадлежитъ гг. Э. и Р. Онъ перерабатываетъ до 60.000 пудовъ сала въ видѣ стеарина (до 40.000 пудовъ), олеина (18.000 пуд.) и глицерина (4000 пудовъ). Годовой оборотъ достигаетъ 500.000 руб. Незначительное количество паровой силы, нужное въ этомъ химиче-

¹⁾ Спичечныхъ фабрикъ особенно много въ Минской, Могилевской и Черниговской губерніяхъ, вообще богатыхъ лѣсомъ. Владѣльцы фабрикъ—преимущественно евреи, и значительный процентъ рабочихъ—тоже евреи.

скомъ производствѣ, доставляется двумя машинами въ 10 и 6 лошадиныхъ силъ. Это одинъ изъ крупнѣйшихъ стеариновыхъ заводовъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ.

Сырье (овечье и баранье сало) покупается въ Россіи, Австріи и Америкѣ. Заводъ былъ основанъ нѣмцемъ и перешелъ въ руки нынѣшнихъ владѣльцевъ лишь 25 лѣтъ т. н. Изъ 90 рабочихъ (40 мужчинъ и 50 женщинъ) всего около 20 христіанъ.

Исключительно трудомъ еврейскихъ рабочихъ пользуется пробочная фабрика г. Гр. Въ ней работаетъ около 60 человекъ, преимущественно дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ (мужчинъ—около 10). Работа здѣсь исключительно ручная. Пробочное дерево доставляется изъ-за границы, а готовые пробки сбываются преимущественно на казенные винные склады. Техника производства на этой фабрикѣ значительно уступаетъ другой пробочной фабрикѣ г. К., приводимой въ дѣйствіе паровымъ двигателемъ и пользующейся помимо ручныхъ машинъ также и такими, которыя приводятся въ дѣйствіе двигателемъ. На фабрикѣ работаютъ отъ 120 до 300 человекъ, преимущественно дѣвушекъ.

Эти работницы—исключительно христіанки. Раньше на этой фабрикѣ, принадлежащей неевреямъ, работали еврейскія дѣвушки, но съ тѣхъ поръ, какъ еврейскіе предприниматели начали пользоваться исключительно трудомъ еврейскихъ рабочихъ, владѣльцы фабрикъ перешли къ труду исключительно христіанскихъ рабочихъ.

Фабрика существуетъ около 6 лѣтъ и работаетъ преимущественно на склады винной монополіи. На этой фабрикѣ работа идетъ продуктивнѣй, нежели на предыдущей, и то, что 1 рабочій изготовить на одной машинѣ, приводимой въ дѣйствіе механической силой, изготовляютъ пятеро рабочихъ на пяти ручныхъ машинахъ.

Въ главныхъ мастерскихъ Полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ, ремонтирующихъ подвижной составъ (паровозы, вагоны), работаетъ около 1500 рабочихъ, среди которыхъ совершенно

нѣтъ евреевъ. Большинство слесарей и монтеровъ для этихъ мастерскихъ были выписаны въ Пинскъ изъ другихъ мѣстъ, и созданію въ мѣстномъ рабочемъ населеніи опытныхъ машиностроительныхъ рабочихъ управленіе дороги удѣляетъ много серьезнаго вниманія. Такъ, съ этой цѣлью оно открыло вечерніе курсы съ преподаваніемъ черченія, ариметики, технологии, физики и желѣзнодорожнаго искусства. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ курсахъ я приведу ниже.

Судостроительный заводъ О'Бріенъ де-Ласи, насчитывающій до 160 рабочихъ, дѣлаетъ годовою оборотъ до 150000 р., изготовляя въ теченіе года до 4-хъ крупныхъ судовъ по заказамъ казенныхъ округовъ путей сообщенія. Желѣзо заводъ выписываетъ изъ Сосновиць. Литейной въ немъ нѣтъ, и всѣ отливки онъ заказываетъ на мѣстномъ чугунно-литейномъ заводѣ г. Скирмунта. Всѣ отдѣленія завода: токарно-слесарное, кузница и парходныя верфи—освѣщены электричествомъ. Суда здѣсь же на заводѣ конструируются директоромъ, и чертежи выполняются въ чертежномъ бюро нѣсколькими чертежниками. Источникъ силы—паровая машина въ 20 лошадиныхъ силъ. Заводъ существуетъ уже около 15 лѣтъ и ему приходится строить довольно значительные пароходы. Такъ, во время моего посѣщенія заводъ строилъ пароходъ въ 240 лошадиныхъ силъ.

Этотъ заводъ—единственный судостроительный заводъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Онъ работаетъ исключительно на казенные округа путей сообщенія, и производство его не находится въ непосредственной зависимости отъ промышленности Пинска, такъ какъ сырой матеріалъ (желѣзо) онъ выписываетъ извнѣ, а заказы выполняетъ главнымъ образомъ казенные. Но еслибъ заводъ работалъ на частные заказы, онъ также имѣлъ бы работу въ видѣ ремонта и постройки новыхъ судовъ, такъ какъ предприимчивые Пинскіе промышленники охотно занимаются судоходствомъ, и съ открытіемъ навигаціи десятки пароходовъ пинскихъ судопромыш-

ленниковъ изрѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ соединяющія Пинскъ съ Екатеринославомъ и Кіевомъ рѣки и каналы.

Чугуннолитейный заводъ Скирмунта отливааетъ до 200—300 пудовъ чугуна въ мѣсяцъ и приводится въ дѣйствіе локомотивомъ въ 8 лошадей силъ. Заказы на отливки разнаго рода онъ получаетъ отъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ и отъ окрестныхъ винокуренныхъ, лѣсопильныхъ и разныхъ другихъ заводовъ, перерабатывающихъ сельско-хозяйственные продукты.

Литье производится по готовымъ моделямъ изъ Криворожскаго чугуна-сырца. Заводъ снабженъ печью для плавки чугуна (вагранкой), подъемнымъ краномъ и небольшой механической мастерской. Въ немъ устроена также печь для плавки мѣди. Заводъ этотъ принадлежитъ нееврею, и еврейскихъ рабочихъ на немъ нѣтъ.

Коснувшись въ общихъ чертахъ производительности крупнейшихъ пинскихъ фабрикъ и заводовъ (не желая утомлять читателя, мы не касаемся еще нѣкоторыхъ во многихъ отношеніяхъ весьма интересныхъ), мы перейдемъ къ краткому ознанченію съ внутреннимъ строемъ еврейской фабричной жизни. Она весьма своеобразна и оригинальна. Въ этомъ городѣ еврейскаго труда мирно уживаются еврейскія традиціи, укладъ еврейской національной жизни съ новѣйшими пріобрѣтеніями культуры, съ успѣхами техники и всѣми типичными свойствами крупно-капиталистическаго производства.

На общемъ фонѣ зауяднаго уѣзнаго еврейскаго города, сѣраго, унылаго, со многими ухабистыми немощеными улицами и съ преобладаніемъ одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ, лишь изрѣдка, на главныхъ улицахъ, чередующихся съ каменными—на этомъ однообразномъ фонѣ рѣзко выдѣляются высоко стоящія дымящія фабричныя трубы и красныя кирпичныя зданія, проглатывающія ежедневно цѣлыя толпы фабричныхъ рабочихъ, рано утромъ спѣшащихъ подъ пронзительные свистки на работу и вечеромъ разсѣивающихся по глухимъ закоулкамъ города.

Этими фабричными свистками регулируется здѣсь город-

ская жизнь, мѣстные интересы вращаются почти исключительно вокругъ промышленности и торговли.

Это по истинѣ—городъ труда. Трудъ лежитъ здѣсь въ основаніи существованія всего населенія, начиная съ низшихъ и кончая высшими его слоями. Но для успѣха этого труда нужны также энергія, предприимчивость и положительныя знанія. И въ нихъ здѣсь нѣтъ недостатка.

Съ каждымъ годомъ возникаютъ новыя разнообразныя производства, рассчитанныя на дальній сбытъ и перерабатывающія сырье, получаемое нерѣдко издалека, изъ-заграницы. Такъ напр. пробочныя фабрики выписываютъ пробочное дерево изъ Испаніи; маслобойные заводы, не довольствуясь сѣменами конопли ближайшихъ районовъ, выписываютъ ее также изъ внутреннихъ губерній; желѣзо и чугуны-сырецъ доставляется изъ западной окраины Польши—Сосновицкаго района или изъ южнаго Донецкаго. Овечье и баранье сало для стеариноваго завода получается изъ Австраліи и Америки; бертолетова соль и парафинъ (для спичечной фабрики)—изъ заграницы; осина—изъ центральныхъ губерній и т. д.

Всѣ эти производства съ такимъ же успѣхомъ могли бы существовать въ любомъ другомъ городѣ, лишь бы тамъ было дешевое топливо, дешевая рабочая сила и удобные пути сообщенія. Однако мы не видимъ въ другихъ подобныхъ же городахъ этого явно бросающагося въ глаза въ Пинскѣ стремленія къ производительному промышленному труду.

Природа Полѣсья—сурова, почва—малоплодородна и не хранить въ себѣ никакихъ естественныхъ богатствъ; для борьбы за свое существованіе поѣтому жителю Полѣсья остается одинъ путь—это путь упорнаго и настойчиваго труда.

Рѣдко приходится встрѣчать среди еврейскихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края городъ, гдѣ было бы такое относительно большое количество интеллигентныхъ, технически и коммерчески образованныхъ предпринимателей и руководителей фабричными предпріятіями.

На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Пинска насчитывается

около 30 техниковъ и мастеровъ, среди нихъ нѣсколько техническихъ и коммерческихъ директоровъ получили за-границей высшее образованіе и имѣютъ ученые докторскія степени. На еврейскихъ фабрикахъ мастера и техники—преимущественно евреи, и многіе изъ нихъ, несмотря на отсутствіе систематическаго образованія, превосходно практически изучили свое дѣло и занимаютъ весьма отвѣтственные посты.

Въ коммерческихъ конторахъ при заводахъ служебный персоналъ также успѣшно ведетъ нелегкую задачу—сбыта и распространенія фабрикатовъ. Особого вниманія заслуживаетъ наличность въ Пинскѣ евреевъ машинистовъ и кочегаровъ (ухаживающихъ за паровыми машинами); вмѣстѣ съ помощниками ихъ—17 человекъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать въ Бѣлостокѣ, что причина отсутствія тамъ на фабрикахъ еврейскихъ рабочихъ кроется отчасти въ отсутствіи машинистовъ и кочегаровъ среди евреевъ. Я не думаю, чтобы Пинская почва болѣе другихъ благопріятствовала произростанію именно этихъ професіоналистовъ. Подготовлять для нуждъ своего производства необходимыхъ опытныхъ специалистовъ—одна изъ важныхъ заботъ всякаго предпринимателя, и въ Пинскѣ это, вѣроятно, ясно сознаютъ...

Если принять во вниманіе, что владѣльцы пинскихъ фабрикъ, ихъ директора, техники и мастера, машинисты и кочегары—евреи, а также то обстоятельство, что 86% пинскаго населенія еврейское, и что въ Пинскѣ стекается рабочее населеніе изъ окрестныхъ мѣстечекъ, если принять все это во вниманіе, то станетъ ясно, что пинская фабрично-заводская промышленность должна была создаваться трудомъ еврейскаго рабочаго населенія и что весь строй фабричной жизни долженъ былъ принаровиться къ вкусамъ и потребностямъ именно этой еврейской трудовой массы.

Одинъ изъ коренныхъ вопросовъ экономической жизни ея, вопросъ о субботнемъ отдыхѣ, разрѣшился здѣсь естественно и просто. Еврейскимъ предпринимателямъ нужны были рабочіе, а такъ какъ среди послѣднихъ въ Пинскѣ евреи

преобладаютъ, то пришлось ввести фабричный строй, соответствующій потребностямъ еврейской массы.

Этотъ еврейскій фабричный строй былъ также по душѣ предпринимателямъ и администраціи фабрикъ, т. е. многіе изъ нихъ въ приобщеніи еврейской массы къ производительному труду видятъ лишь выполненіе своего долга передъ своимъ народомъ.

Переходя къ изложенію нашихъ наблюденій относительно условій жизни и труда пинскихъ фабричныхъ рабочихъ, мы коснемся прежде всего ихъ заработной платы. Среднія данныя о высотѣ заработной платы въ различныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ г. Пинска мы приводимъ въ ниже-слѣдующей таблицѣ, въ рубрикахъ. (? обозначаетъ, что мы не имѣемъ точныхъ данныхъ).

(Табл. см. на оборотѣ).

Название фабрики или завода.	Заработная плата мужчинъ (въ рубляхъ въ недѣлю).		Заработная плата женщинъ (въ рубляхъ въ недѣлю).	
	Взрослыхъ.	Подростковъ.	Взрослыхъ.	Подростковъ.
Фанерно-глѣсок. заводъ и фабрика сапожныхъ гвоздей	отъ 3,00 до 7,00	отъ 2,50 до 3,00	отъ 1,20 до 2,50	отъ 0,70 до 1,50
Спичечная фабрика	отъ 3,00 до 5,00	" 0,70 " 1,50	" 1,20 " 2,50	" 0,70 " 1,50
Старинный заводъ	въ среднемъ 3,60	?	въ среднемъ 1,80	?
Судостроительный заводъ	отъ 6,00 до 18,00	отъ 5,00 до 3,60	" "	т " .
Чугунно-литейный "	" 6,00 " 16,00	" 3,00 " 3,50	" "	т " .
Пробочная (паровая)	въ среднемъ 4,00	?	отъ 1,20 до 3,00	?
Пробочная (ручная)	?	?	" 1,20 " 2,09	?
Тильзовья фабрики	?	?	" 1,20 " 2,00	?

Чернорабочіе получаютъ отъ 65 до 80 коп. въ день. Грузчики на берегу—отъ 1 р. до 1 р. 20 коп. въ день.

Какъ видно изъ таблицы, самая высокая заработная плата приходится на чугунолитейные и машиностроительные заводы. Въ этихъ производствахъ въ день могутъ выработать:

Кузнецы	отъ 1 р.	— коп.	до 2 р.	— коп.
Котельщики	» 1 »	— »	» 2 »	50 »
Слесаря	» — »	80 »	» 1 »	50 »
Токари	» — »	90 »	» 1 »	60 »
Литейщики	» 1 »	50 »	» 2 »	— »

Вообще изъ всѣхъ фабрично-заводскихъ предпріятій г. Пинска наиболѣе высокая заработная плата приходится на тѣ именно производства, гдѣ евреи не работаютъ, къ каковымъ относятся: судостроительный и чугунолитейный заводы, а также главные мастерскія Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Эти же заводы отличаются отъ специально еврейскихъ фабрикъ также по составу своихъ рабочихъ. На фанерно-лѣсопильномъ заводѣ и фабрикѣ сапожныхъ гвоздей, на спичечной фабрикѣ, стеариновомъ заводѣ, пробочныхъ и гильзовыхъ—большинство рабочихъ—женщины, тогда какъ на машиностроительныхъ заводахъ послѣднихъ совершенно нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 500 рабочихъ спичечной фабрики 350—дѣвушекъ, что составляетъ 70% общаго числа; на фанерно-лѣсопильномъ заводѣ и фабрикѣ сапожныхъ гвоздей—изъ 700 рабочихъ 350 дѣвушекъ, т. е. 50%; на стеариновомъ заводѣ изъ 90 рабочихъ 50 дѣвушекъ, т. е. 55,5%; на ручной пробочной изъ 60 рабочихъ 50 дѣвушекъ, что составляетъ 83,3 общаго числа и т. д. Такимъ образомъ *большинство рабочихъ пинскихъ фабрикъ (отъ 50 до 80%) дѣвушки*. На всѣхъ этихъ фабрикахъ вы не встрѣтите замужней женщины. Выходя замужъ, работница покидаетъ фабрику, посвящая себя исключительно домашнему хозяйству и семьѣ. Правда, не всегда она остается лишь хранительницей домашнего очага: нерѣдко и ее нужда побуждаетъ заниматься всякими недомашними работами, какъ напр.: шитьемъ на за-

кавъ, печеніемъ хлѣба для продажи и т. п. Однако, на фабрику она не идетъ.

Но за то дѣвушки съ раннихъ лѣтъ превращаются въ «фабричныхъ». Изъ своего скромнаго бюджета всякая работница старается въ теченіе многихъ лѣтъ скопить небольшую сумму для своего приданнаго и къ 25 годамъ она въ большинствѣ случаевъ покидаетъ фабрику для будущей семьи.

Какъ я уже упоминалъ, главная особенность пинскихъ фабрикъ—это *празднованіе на нихъ еврейскихъ праздниковъ и субботы*. Всѣ еврейскія пинскія фабрики стоятъ безъ дѣйствія кромѣ субботы въ слѣдующіе дни: 2 дня еврейскаго новаго года, 2 дня іомъ-кипуръ (9 и 10 тишри), первые два и послѣдніе три дня праздника кущей, пуримъ, канунъ и 4 дня пасхи, 2 дня «швуосъ» и день разрушенія храма ¹⁾.

На фабрикѣ фанеръ и деревянныхъ гвоздей работа происходитъ въ двѣ смѣны. Дневная смѣна работаетъ съ 7 утра до 7 вечера съ перерывомъ въ 1 часъ на обѣдъ, т. е. 11 часовъ, а ночная лишь 10 часовъ (съ 7¹/₂ часовъ вечера до 6¹/₂ ч. утра съ перерывомъ для ужина въ 1 часъ).

На этой фабрикѣ рабочіе застрахованы. Между страховымъ обществомъ и предпринимателями установлено слѣдующее соглашеніе. Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго отъ несчастнаго случая страховое общество уплачиваетъ всю застрахованную сумму вдовѣ и дѣтямъ моложе 16 лѣтъ; если же умершій былъ холостымъ или бездѣтнымъ, то половину этой суммы получаютъ родители его. На случай смерти уплачивается 1000-кратная денная заработная плата. Въ случаѣ потери

¹⁾ Мы советуемъ обратить вниманіе на это обстоятельство гѣмъ изъ еврейскихъ фабрикантовъ, которые мотивировали отсутствіе на ихъ фабрикахъ еврейскихъ рабочихъ запрещеніемъ субботнаго отдыха со стороны фабричной инспекціи. Лежачія передо мною правила внутреннего распорядка для рабочихъ фанерно-гвоздильнаго завода и шпичельной фабрики Товарищества Вр. Л. и Ал. Дурье въ городѣ Пинскѣ, и заключающія въ себѣ помимо другихъ §—также §, перечисляющій праздничные дни для евреевъ и православныхъ, утверждены Старшимъ Фабричнымъ Инспекторомъ Мясской губ. Ив. Воклевскимъ 17 Апрѣля 1900 г. за № 275.

трудоспособности навсегда (инвалидности) выдается пожизненная пенсія на каждые 100 руб. застрахованной суммы по особому тарифу сообразно возрасту потерпѣвшаго. Въ этомъ случаѣ страхуемая сумма составляетъ 1500 кратный дневной заработокъ. При временной инвалидности общество выдаетъ заболѣвшему $\frac{4}{5}$ суточного вознагражденія со дня несчастнаго случая, но не болѣе 200 дней.

Во время праздниковъ пасхи и кущей рабочіе фабрики фанеръ и деревянныхъ гвоздей получаютъ помимо обычной заработной платы еще 3—4 руб. на праздникъ. Такой же приблизительно порядокъ и на спичечной фабрикѣ, а на маслобойномъ заводѣ г. Л. во время праздниковъ рабочіе получаютъ двойную заработную плату. Каждый заболѣвшій рабочій пользуется бесплатно совѣтомъ фабричнаго врача, а также пользуется на средства фабрики въ больницу.

Любопытно, что во время семейныхъ праздниковъ рабочихъ они получаютъ отъ предпринимателей небольшія вспомошествованія для покрытія экстренныхъ расходовъ: такъ, къ обряду обрѣзанія рабочій на фанерной фабрикѣ получаетъ 3 руб., при выходѣ замужъ—работница получаетъ отъ фабриканта евадебный подарокъ въ 5 руб.; а при эмиграціи въ Америку рабочій получаетъ на дорогу до 10 руб. (!?).

Не лишено интереса то обстоятельство, что нѣкоторыя молитвы рабочіе совершаютъ во время особыхъ перерывовъ на фабрикѣ. Такъ, въ субботу вечеромъ передъ началомъ ночной смѣны на фабрикѣ мастеръ совершаетъ вслухъ «гавдала», и только послѣ этого начинается работа.

Между пинскими предпринимателями и рабочими въ значительной степени сохранилась патріархальность отношеній. Фабрикантъ вполне доступенъ своему рабочему, и рабочіе часто при недоразумѣніяхъ обращаются къ нему лично. Одинъ изъ фабрикантовъ, напримѣръ, приглашается часто своими рабочими на ихъ семейные праздники, напр. къ обряду обрѣзанія и удостоивается высокой чести быть «сандикомъ». Правда, эта патріархальность шагъ за шагомъ уступаетъ мѣсто

отношеніямъ, диктуемымъ пробужденіемъ классоваго самознанія пинскихъ рабочихъ...

Фабриканты, ихъ директора и техники—всѣ съ большой похвалой отзываются о пинскомъ еврейскомъ рабочемъ. Они съ гордостью говорятъ объ его способностяхъ, трудолюбіи, честности и трезвости, и ихъ отзывы о людяхъ, трудомъ которыхъ они ведутъ свои прекрасныя промышленныя предприятия—проникнуты сердечностью, какой я не встрѣчалъ ни въ Бѣлостоку, ни въ промышленныхъ районахъ Польши.

Въ Пинскѣ предприниматели и техники любятъ свой народъ и вѣрятъ въ продуктивность его труда. Объединенные съ нимъ одной общей работой, они создаютъ своей энергіей, знаніями и капиталомъ ту атмосферу труда, въ которой крѣпнеть физически и морально всякій народный организмъ и при существованіи которой лишь мыслимъ экономической и социальной прогрессъ.

«Отличительная черта нашего вѣка—это то усердіе, съ которымъ великія и малыя націи стремятся къ обладанію рынками для сбыта продуктовъ своего національнаго труда. Мы живемъ въ столѣтіи труда и только онъ можетъ стать основой каждаго современнаго и государственнаго и общественаго организма», пишетъ авторъ очерка: «Eine jüdische Arbeiterstadt» ¹⁾ и въ этомъ бодромъ призывѣ къ труду всѣхъ слоевъ нашего народа—высшихъ и низшихъ—для *совмѣстной* работы нельзя не видѣть залога лучшаго будущаго...

На пинскихъ фабрикахъ встрѣчаются помимо чернорабочихъ также и ремесленники, бросившіе свое ремесло и хозяйскую самостоятельность и перешедшіе въ положеніе наемныхъ фабричныхъ рабочихъ. Такихъ ремесленниковъ: шорниковъ сапожниковъ, красильщиковъ, плотниковъ и т. п. на фабрикахъ фанеръ и деревянныхъ гвоздей, а также на спичечной—по 30—40 человекъ. Эти факты, сами по себѣ мало говорящіе, приобрѣтаютъ однако особое значеніе, если сопоставить ихъ съ

¹⁾ Die Welt № 11 за 1898.

констатированными въ предыдущихъ очеркахъ явленіями перепроизводства ремесленниковъ въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ ремеселъ и вытѣсненія послѣднихъ крупнымъ производствомъ. Заработокъ въ 4—5 руб. въ нед., получаемый рабочимъ на фабрикѣ въ качествѣ наемнаго рабочаго, кажется ему болѣе выгоднымъ, нежели работа самостоятельная. Эти явленія, столь часто наблюдаемыя въ промышленныхъ пунктахъ черты осѣдлости, не могутъ не заставить привадуматься подъ процессами, совершающимися въ нѣдрахъ экономической жизни еврейскаго населенія Западныхъ губерній.

Помимо фабричныхъ рабочихъ въ Пинскѣ, какъ въ пчелиномъ ульѣ, копошатся трудолюбивые ремесленники и всякіе чернорабочіе при нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ, баржъ и плотовъ. Лѣтомъ вся набережная рѣки Пины густо покрыта грузчиками, гонщиками плотовъ, матросами и т. п. Нѣтъ лишь еврейскихъ бурлаковъ, а то вѣроятно пустынные берега Пины не разъ оглашались бы еврейской «пѣсней подобно стону», въ которой вылилась бы не только скорбь бѣдняка, но и скорбь вѣчнаго скитальца, знающаго лишь махичу—отчизну...

Мы въ общихъ чертахъ коснулись условій труда пинскихъ рабочихъ. Заглянемъ также въ мѣста ихъ отдохновенія отъ дневного труда въ кругу семьи. Посѣтимъ для этого ихъ жилища.

Вблизи спичечной фабрики и фабрики фанеръ и сапожныхъ гвоздей ютятся ветхіе покосившіеся деревянные домики, густо населенные пинскими рабочими и ремесленниками. Эти нерѣдко едва замѣтныя надъ землей, полусгнившія избушки тянутся вдоль трудно проходимыхъ въ дождливую пору грязныхъ, лишенныхъ какой бы то ни было растительности, сѣрыхъ и непривлекательныхъ улицъ. Внѣшній унылый видъ этихъ жилищъ даетъ лишь слабый намекъ на ту обстановку, на тѣ условія, при которыхъ день за днемъ, втеченіе многихъ лѣтъ, влачитъ свое безотрадное существованіе пинскій трудящійся людъ.

Для иллюстраціи жилищныхъ условийъ пинскихъ рабочихъ мы составили слѣдующую таблицу.

Чѣмъ занимается квартиронаниматель.	Сколько зарабатываетъ въ мѣсяць.	Сколько платитъ за квартиру (въ годъ).	Сколько получаетъ съ жильцовъ (въ годъ).	Во что ободится квартира (въ годъ).	Сколько душъ въ семьѣ.	Сколько душъ живетъ во всей квартирѣ.	Какая часть мѣсячнаго заработка выдѣляется за квартиру.
	РУБ.	РУБ.	РУБ.	РУБ.			
Бывшій рабочий	12	36	20	16	?	?	$\frac{1}{10}$
Рабочій на лѣсопильномъ заводѣ	16	36	—	36	8	8	$\frac{1}{8}$
Поденщикъ	12	36	—	36	7	7	$\frac{1}{4}$
Учитель	25	45	—	45	5	5	$\frac{1}{7}$
Рабочій на спичечной фабрикѣ	25	45	—	45	8	8	$\frac{1}{8}$
Портной	20	46	—	46	4	4	$\frac{1}{8}$
Столяръ на фабрикѣ	25	64	32	32	5	11*)	$\frac{1}{8}$
Извозчикъ	20	45	25	20	5	13*)	$\frac{1}{10}$
Фабричная работница.	6	28,8	—	28,8	?	Жилища	$\frac{2}{8}$
Фабричный рабочий	16	45	—	45	9	9	$\frac{1}{8}$
Нищій	6	30	24	6	4	6	$\frac{1}{12}$
Прачка	?	14	—	14	1	1	?

*) Вместе съ жильцами и жилищами.

Люди разныхъ профессій пріютились подъ этими низкими, угрожающими обрушиться, гнилыми крышами. Здѣсь можно встрѣтить чернорабочихъ, фабричныхъ обученыхъ рабочихъ, столаровъ, извозчиковъ, портныхъ, портнихъ, булочниковъ, нищихъ и др. Какъ видно изъ таблицы, въ низкой тѣсной комнатѣ, вмѣщающей въ себѣ менѣе 1 куб. сажени воздуха, можно встрѣтить семью въ 5—8 душъ. Если у такого квартиронанимателя дома работаютъ еще ученики или подмастерья, то число дневныхъ обитателей значительно возрастаетъ.

Дороговизна квартиръ побуждаетъ квартиронанимателей, имѣющихъ свободный уголь за деревянной перегородкой—отдавать его въ наемъ цѣлымъ семьямъ и одинокимъ мужчинамъ и дѣвушкамъ.

Трудно встрѣтить квартирку изъ двухъ комнатокъ (въ числѣ коихъ одна большей частью—кухня), въ которой у квартиронанимателя не было бы жильцевъ, семейныхъ или одинокихъ.

Такъ, въ квартирѣ изъ двухъ крохотныхъ комнатокъ и кухни, мы встрѣтили двѣ семьи въ 9 душъ и 4 жилищъ-дѣвушекъ. Извозчикъ-квартиронаниматель помѣщается самъ съ своей женой и тремя дѣтьми въ одной комнатѣ, въ другой поселилась другая семья въ 4 души, а въ кухнѣ лишь по ночамъ спятъ фабричныя дѣвушки. За всю квартиру извозчикъ платитъ 45 руб. въ годъ. Отъ жильца онъ получаетъ 20 руб. въ годъ и отъ дѣвушекъ за «углы» — по 60 коп. въ недѣлю. Эти дѣвушки спятъ на лавкахъ, въ кухнѣ, и трудно представить себѣ, какъ онѣ размѣщаются въ этой конурѣ, большая часть которой занята печью и черезъ которую проходятъ всѣ обитатели квартиры. За то лишь, что дѣвушка ночуетъ въ «квартирѣ», она платитъ 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ за 36 руб. въ годъ¹⁾ можно нанять полную квартирку изъ комнаты и кухни. Здѣсь, слѣдовательно, строго проводится правило, что чѣмъ меньше удобства, свѣта, простора и воздуха—тѣмъ дороже обходится квартира. Въ то время, какъ квартиронаниматель, рабочій на лѣсопильномъ заводѣ, изъ

¹⁾ Т. е. за 3 руб. въ мѣсяцъ.

своего мѣсячнаго заработка въ 16 руб. платитъ за квартиру 3 руб. т. е. около $\frac{1}{5}$ своего бюджета, работница, снимающая лишь «уголь» для ночлега, расходуетъ изъ мѣсячной заработной платы въ 6 руб. $\frac{2}{5}$ своего мѣсячнаго бюджета, т. е. 2 р. 40 к.

Тѣснота и дороговизна жилищъ выработала въ пинскомъ рабочемъ людѣ особую приспособляемость. Такъ, въ кроватяхъ, рано утромъ покинутыхъ ушедшими на работу рабочими—можно днемъ встрѣтить спящими тѣхъ работницъ, снимающихъ «углы», которыя работали во время ночной смѣны. Впрочемъ, имъ, очевидно, не всегда удается выспаться, такъ какъ дѣтскій шумъ и дневное оживленіе въ значительной мѣрѣ нарушаютъ ихъ покой. Кромѣ того, нерѣдко нужда составляетъ ихъ нѣсколько часовъ своего отдыха удѣлять также какой-либо домашней работѣ, какъ напр. шитью, вязанью и т. п.

Какъ видно изъ таблицы, въ описываемомъ рабочемъ кварталѣ квартира, состоящая изъ комнаты и кухни, большую часть которой занимаетъ печь, обходится въ 2 р. 50 к.—3 р. и 4 р. въ мѣсяцъ (безъ отопленія). Такая квартирка вмѣщаетъ въ себѣ около кубической сажени воздуха, которыми ночью, когда всѣ обитатели въ сборѣ, дышать около 5—8 человекъ. Зимой квартиры отапливаются самими квартиронанимателями, что обходится имъ въ 20 коп. въ недѣлю.

Такъ какъ средній мѣсячный заработокъ фабричныхъ рабочихъ колеблется отъ 12—20 руб., то квартирная плата составляетъ въ среднемъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ всего бюджета любого семейнаго рабочаго (см. таблицу).

Квартирная плата взимается домохозяйевами впередъ за цѣлый годъ, по мѣстному выраженію «сгуру». Конечно, рабочему зарабатывающему 3—4 руб. въ недѣлю и имѣющему семью въ 5—7 душъ, нелегко уплатить сразу 25 руб., 36 руб., 45 руб. и т. д. Невольно приходится обращаться къ ростовщику и выплачивать «вохерь». Занявъ какую-либо сумму у

ростовщика, должникъ еженедѣльно погашаетъ, какъ самый долгъ, такъ и проценты. Расчетъ ведется слѣдующимъ образомъ: за 100 руб. каждую недѣлю должникъ платитъ 2 р. 24 коп., изъ коихъ—2 р.—въ счетъ погашенія долга, а 24 коп. проценты.

Все внутреннее убранство квартиръ составляетъ деревянный столъ, кровать, нѣсколько табуретокъ и изрѣдка диванъ. Постарѣвшія грязныя стѣны, лишь кое-гдѣ увѣшанныя портретами знаменитыхъ еврейскихъ раввиновъ и филантроповъ (ковенскаго раввина, виленскаго, Монтефиоре и др.), грязные полы и отсутствіе чистаго бѣлья на кроватяхъ—все это рѣзко бросается въ глаза при входѣ въ эти зарытыя въ землю избушки. Днемъ, когда всѣ ихъ обыватели уходятъ на разные работы—въ комнатахъ не чувствуется той духоты, того спертатаго воздуха, которымъ, несомнѣнно, полны эти лачуги, когда всѣ жильцы ихъ погружаются въ сонъ. Тогда на каждого спящаго нерѣдко приходится до $\frac{1}{2}$ куб. сажени помѣщенія, полного зловоніями и испареніями отъ грязныхъ и мокрыхъ лохмотьевъ, называемыхъ платьемъ. Значительно чаще однако мы встрѣчали отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ куб. сажени на душу.

Мы не видѣли въ этомъ кварталѣ семействъ, которыя помѣщались бы болѣе чѣмъ въ одной комнатѣ; если въ квартирѣ оказывалось нѣсколько каморокъ, то онѣ отдавались, какъ было уже упомянуто, въ наймы. Здѣсь спятъ нераздѣленные стѣнами родители и ихъ дѣти, мужчины и женщины, родственники и совершенно чужіе—безъ различія пола и возраста. Надо предположить, что подъ гнетомъ нужды здѣсь выработалась своя мораль, свои правила приличія.

Эти краткія свѣдѣнія даютъ лишь слабое представленіе о тѣхъ недоровыхъ и отвратительныхъ условіяхъ, при которыхъ живетъ пинская трудящаяся масса. Въ описанномъ кварталѣ жилищныя условія значительно лучше, нежели въ такъ называемыхъ «Глинищахъ», гдѣ скопилась вся нищета г. Пинска. Когда пинскіе жители хотятъ изобразить край-

нюю степень нищеты и обездоленности, они называютъ «Глинищи». Къ сожалѣнію, намъ не удалось посѣтить жилищъ этого квартала.

Казалось бы, что при такомъ сравнительно съ другими городами Сѣверо-Западнаго края развитомъ состояніи промышленности въ Пинскѣ, постановка профессиональнаго образованія населенія должна была находиться также на должной высотѣ. Но дѣйствительность говоритъ совершенно противоположное. Для того, чтобы профессиональная школа приносила населенію ту пользу, которая ожидается отъ нея, населеніе должно имѣть основательную общеобразовательную подготовку, оно должно быть по крайней мѣрѣ грамотно.

Относительно пинскихъ рабочихъ нельзя однако сказать, чтобы среди нихъ была развита грамотность. На одной изъ фабрикъ умѣли подписаться по русски не болѣе 50%, дѣвушекъ, но это умѣнье подписываться не говоритъ еще за ихъ русскую грамотность. Огромное большинство ихъ мало понимаетъ по-русски, и для объясненій съ ними необходимо прибѣгать къ жаргону. Недостатокъ общеобразовательныхъ школъ, доступныхъ бѣднѣйшему населенію, сильно чувствуется. При томъ трудолюбіи, какое проявляетъ постоянно пинское рабочее населеніе, широкое развитіе образованія явилось бы могучимъ факторомъ для развитія его производительныхъ силъ. Но пока еще въ значительной силѣ ортодоксальныя талмудъ-торы, смрадные, темныя и грязныя, гдѣ подъ руководствомъ невѣжественныхъ меламедовъ, калѣчатся физически и морально еврейскія дѣти, эта «надежда народа».

Такъ, въ посѣщенной нами каролинской талмудъ-торѣ дѣти занимаются съ утра до 7 часовъ вечера съ маленькими перерывами. Вдоль стѣнъ въ темныхъ и низкихъ классахъ стоятъ лавки, на которыхъ худыя и истомленные дѣти дружно раскачиваются и громко, хоромъ, повторяютъ за своимъ ребе мудрости богословской науки, чуждой и далекой отъ положительнаго знанія, столь важнаго для современнаго подросткающаго поколѣнія. Эти дѣти, вынужденныя цѣлый день про-

быть въ спертomъ воздухѣ талмудъ-торы и усиленно напрягать свои неокрѣпшіе еще мозги для механическаго усвоенія непонятныхъ имъ схоластическихъ тонкостей—почти никогда не рѣзвятся на открытомъ воздухѣ...

При пинской талмудъ-торѣ имѣются также ремесленные классы, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бѣднѣйшіе ученики обучаются слесарному ремеслу. Эта слесарная учебная мастерская, устроенная по образцу учебныхъ мастерскихъ при талмудъ-торахъ, очень распространенныхъ въ городахъ Северо-Западнаго края—оставляетъ желать многого. Существуетъ она уже болѣе 15 лѣтъ, а между тѣмъ на всемъ строѣ ея лежитъ какой-то особый отпечатокъ: бѣдности, отсутствія просвѣщеннаго технического надзора и недостатковъ благотворительнаго характера. До сихъ поръ въ школѣ этой совершенно не преподаются основные общеобразовательные и техническіе предметы: технологія, физика и т. п., а преподаваніе черченія ведется несистематически, но между прочимъ, безъ всякой послѣдовательности и системы. Ученики—малограмотны, и по выходѣ изъ школы немногіе въ состояніи прочесть самое доступное руководство по механическому дѣлу. Они все содержатся на благотворительныя средства, и нѣтъ позорнѣй и униженнѣй того способа, который практикуется въ училищѣ для того, чтобы прокормить этихъ несчастныхъ, въ большинствѣ случаевъ бездомныхъ сиротъ. Этотъ способъ—весьма распространенный въ благотворительности многихъ еврейскихъ городовъ—извѣстенъ подъ именемъ «ѣденія дней». Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что сердобольные еврейскіе граждане даютъ 1 разъ въ недѣлю какому-либо ученику повавтракать, пообѣдать и поужинать. Каждый ученикъ имѣетъ такимъ образомъ 7 домовъ, гдѣ онъ періодически питается по одному дню въ недѣлю. Въ домѣ, гдѣ мальчикъ питается, на него, конечно, смотрять какъ на нищаго, живущаго подачкой, милостыней... Подаютъ имъ кушать обыкновенно на кухнѣ и, надо предполагать, кухарки съ ними мало церемонятся, т. е. нѣкоторые ученики

со слезами на глазахъ говорили о тѣхъ униженіяхъ, которымъ они подвергаются на этихъ задворкахъ благодѣтелей.

Дѣйствительно, для ученика школы, привыкающаго въ послѣдней къ вѣжливому и гуманному обращенію со стороны учителей, быть вынужденнымъ питаться такимъ унижительнымъ образомъ—слишкомъ большое испытаніе...

Школа выпускаетъ ежегодно до 15 учениковъ слесарей, которые потомъ расходятся по всѣмъ градамъ и весямъ «черты». Въ послѣдній годъ въ этой школѣ трудомъ учениковъ и нѣсколькихъ наемныхъ слесарей подъ руководствомъ завѣдующаго училищемъ былъ изготовленъ для продажи небольшой пароходикъ, кажется мощностью въ 15 лошадиныхъ силъ. Кромѣ этой учебной мастерской, находящейся при мѣстной талмудъ-торѣ, существуютъ въ Пинскѣ также вечерніе профессиональные курсы, открытые въ 1897 г. при мѣстномъ реальномъ училищѣ. Въ 1898—99 году на курсахъ обучалось 52 человека, изъ которыхъ 82% евреевъ. Здѣсь также преобладаютъ (94%) учащіеся въ возрастѣ отъ 14 до 21 года; остальные—въ возрастѣ 21—30 лѣтъ составляютъ 6%. Большинство посѣтителей ученики разныхъ ремесленниковъ. Годовые расходы курсовъ, не превышающіе 300 руб., покрываются доходами изъ платы за ученіе (2 р. въ годъ) и изъ суммъ, отпускаемыхъ городской думой.

Потребность въ этихъ курсахъ среди рабочаго населенія г. Пинска—очень высока. Такъ, при открытіи на эти курсы записалось 118 человекъ, изъ которыхъ принято было лишь 40. Занятіями по черченію и рисованію не удовлетворились однако слушатели пинскихъ курсовъ: они подали въ совѣтъ курсовъ ходатайство, подписанное 30 учениками, объ открытіи для нихъ чтеній по механикѣ, химіи, физикѣ и технологіи. Для удовлетворенія этой просьбы бывшій директоръ реального училища, горячо преданный идеѣ профессиональнаго развитія рабочихъ, началъ вести переговоры съ городской думой объ увеличеніи субсидіи курсамъ. Предполагалось получить дополнительныхъ 300 р. отъ городской думы и 300 р.

изъ средствъ коробочнаго сбора, такъ какъ пришлось бы давать 3 урока физики и механики, 2 урока химіи и 2—технологіи, что при оплатѣ урока съ опытами не дешевле 4 р. потребовало бы не менѣе 600 руб.

Но вскорѣ послѣ возбужденія ходатайства директора перевели въ другой городъ, и такъ много общавшее въ будущемъ прекрасное начинаніе, къ сожалѣнію, по настоящее время не осуществлено.

Спустя нѣкоторое время, въ Пинскѣ, при главныхъ мастерскихъ Подѣсскихъ жел. дор., открылись также вечерніе профессиональные курсы для желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ и учениковъ. Эти курсы, открыты съ цѣлью подготовить молодыхъ мастеровыхъ для занятія болѣе отвѣтственныхъ желѣзнодорожныхъ должностей, а также съ цѣлью дать теоретическую подготовку рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо—совершенно недоступны еврейскимъ ремесленникамъ и рабочимъ.

Спеціальные предметы здѣсь читаются инженерами и техниками, а общіе—учителями церковно-приходской школы. Болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ и объ ихъ недостаткахъ см. газету «Восходъ» № 26 за 1901 г., въ статьѣ: «Вечерніе профессиональные курсы для взрослыхъ ремесленниковъ и рабочихъ».

И. Хорошъ.

Римскіе евреи въ средніе вѣка ¹⁾.

III.

Перенесеніе въ 1304 году резиденціи папы въ Авиньонъ особенно чувствительно отразилось на положеніи римскихъ евреевъ, которые, несмотря на всяческія притѣсненія первосвященниковъ, имѣли нерѣдко въ нихъ же удобныхъ и могущественныхъ защитниковъ, легко доступныхъ деньгамъ. Правда, общій духовный подъемъ, наступившій въ Римѣ послѣ отъѣзда папы и связанный съ новою, демократическою формою правленія, не могъ не отразиться на евреяхъ и не вызвать и съ ихъ стороны полного сочувствія и участія. За это правительство оказалось благодарнымъ евреямъ, подтверждая имъ въ 1305, 1306, 1308, 1309, 1311 и 1317 годахъ тѣ благопріятные евреямъ статуты, которые первоначально были предложены въ 1303 году сенаторомъ Гвидономъ де Пидео и окончательно одобрены 16 іюля 1317 года. Не менѣе важно и то, что римскій народъ въ засѣданіи «публичнаго городского парламента» (8 февр. 1310) даровалъ еврейской общинѣ охранную грамоту, уравнивавшую ее съ остальными общинами города Рима. Однако, здѣсь же мы должны оговориться, что это уравниваніе слѣдуетъ понимать такимъ только образомъ, что старые порядки и ограниченія евреевъ оставались въ силѣ и евреи лишь ограждались на будущее время отъ новыхъ стѣсненій.

Тѣмъ временемъ историческія судьбы вѣчнаго города принимали новыя формы. 7 мая 1312 года населеніе горо-

¹⁾ См. „Книжку Восхода“ № 9 с. г.

да съ ликованіемъ встрѣтило германскаго короля Генриха VII, въ лицѣ котораго ожидало найти спасителя Италіи. Однако въ этомъ имъ пришлось жестоко разочароваться: занявъ послѣ продолжительной борьбы на улицахъ Рима съ Іоанномъ Анжуйскимъ городъ, Генрихъ VII немедленно обложилъ населеніе весьма значительною податью въ свою пользу. ¹⁾ Какъ доподлинно извѣстно, дань эта была уплачена только евреями (въ причитавшейся съ нихъ долѣ), что указываетъ на несомнѣнное благосостояніе общины, подтверждаемое, впрочемъ, и другими фактами, къ которымъ мы ниже еще вернемся.

Въ 1321 году римскихъ евреевъ постигло жестокое бѣдствіе, чуть ли не поголовное публичное избіеніе, результатъ папскаго распоряженія о необходимости сжечь всѣ экземпляры Талмуда. Объ этомъ несчастіи еврейскіе и христіанскіе источники повѣствуютъ различно. Въ Етек Наваша говорится, что Санга (вѣроятно Санкція), сестра папы, въ «гнѣвѣ своемъ подобная Аману», задумала истребить при помощи своего брата всѣхъ евреевъ. Для начала принимаются за очистку отъ нихъ «святой» церковной области и города Рима. Внѣшнимъ поводомъ къ насильственнымъ мѣропріятіямъ является мнимое глумленіе евреевъ надъ какою то торжественною процессією. Однако евреи обращаются за помощью къ римскому сенатору Фридриху (вѣрнѣе, Роберту) Неаполитанскому, подкупаютъ его, а затѣмъ и Сангу, суммою въ 100,000 червонцевъ; Санга отказывается отъ своего первоначальнаго намѣренія и добивается отмѣны постановленія о высылкѣ евреевъ изъ Рима. Другой еврейскій источникъ, р. Тодросъ б. Ицхакъ, въ толкованіи на тракт. Назиръ (1322 года), гораздо ближе къ истинѣ, заключая свое сочиненіе слѣдующими словами: «Я комментировалъ сей трактатъ во времена гора, въ 5082 и въ концѣ 5081 года, въ эпоху гоненій, исходившихъ отъ прокаженныхъ, когда къ

¹⁾ F. W. Barthold: Der Römerzug Heinrichs von Lützelburg, 1830, II, p. 225 и Vogelstein'a, l. c. I, p. 304.

царю народовъ, папѣ, явились злоумышленники съ предложениемъ уничтожить ученіе истины. Священные книги были сожжены и открыто требовалось, чтобы самое имя Израиля болѣе не произносилось въ странѣ заблуждающихся. Послѣдніе уготовали святымъ въ странѣ кровавую рѣзню. Однако Господь въ мѣсяцѣ Тебетѣ умѣрилъ гнѣвъ свой и враги наши не смогли привести въ исполненіе задуманное ими, ибо десница Предвѣчнаго ограждала насъ. Также и царь римскій возсталъ во гнѣвѣ своемъ, чтобы обратить насъ въ пустой сосудъ. Онъ писалъ объ этомъ, обсуждалъ свое намѣреніе и разрабатывалъ его, но не смогъ привести его въ исполненіе... Господь Богъ обезоружилъ его, и онъ сталъ безсиленъ и не могъ исполнить планъ свой—уничтожить Талмудъ и отнять у cadaго Тору».

Если съ этимъ сопоставить то, что по даннымъ другихъ источниковъ, 18 іюня 1321 года римскіе евреи отправили къ папѣ въ Авиньонъ посольство съ порученіемъ хлопотать отмѣну злополучнаго декрета и что, по словамъ Иммануила б. Соломона, въ числѣ посланныхъ находился (до сихъ поръ однако остающійся неизвѣстнымъ) энергичный, многоопытный и страстный заступникъ евреевъ, то придется заключить, что преданіе о Сангѣ относится, вѣроятно, къ какому нибудь другому событію.—Какъ бы тамъ ни было, но посольство римской общины ничего не добилося, и въ день Пятидесятницы (еврейской) 1322 года, на основаніи папскаго распоряженія, противъ котораго демократическое правленіе города оказалось безсильнымъ, произошло въ Римѣ торжественное аутодафѣ Талмуда. Повидимому, богатые и вліятельные евреи пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы предупредить это горе. Но ихъ энергичные протесты встрѣтили дружный отпоръ со стороны черни и повели къ уличнымъ схваткамъ, окончившимся жестокимъ еврейскимъ погромомъ съ человѣческими жертвами.

Какъ то обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, теперь наступилъ довольно продолжительный періодъ ре-

акціи и тишины, и евреямъ въ теченіе шести лѣтъ жилось довольно сносно. 7 января 1328 года въ вѣчный городъ торжественно вступилъ Людовикъ Баварскій. Первымъ его дѣломъ было взыскать съ населенія 30,000 золотыхъ, причеиъ треть этой суммы должны были заплатить евреи. Это новое доказательство сравнительной зажиточности общины. Если принять во вниманіе, что общинѣ приходилось платить ежегодно 1130 гульденовъ для устройства народныхъ празднествъ (*ludi agonis et testacie*) и, кромѣ того, вносить еще 100 гульденовъ папскому викарію, являвшемуся юридическимъ и крайне рѣдко фактическимъ ея оградителемъ и заступникомъ, то мы не удивимся, что около этого времени всетаки было рѣшено привлечь и другія еврейскія общины Италіи къ участію въ названной повинности.

Вообще 1328 и слѣдующіе годы принадлежать къ числу тяжелыхъ для римскихъ евреевъ, которымъ приходилось сильно страдать отъ постигшихъ Италію голодovieвъ. Несмотря на самыя энергичныя мѣры, принятыя правительствомъ, бѣдствіе повторялось изъ года въ годъ, вплоть до 1340 года, когда папа Венедиктъ XII, назначенный сенаторомъ города Рима, прислалъ изъ Авиньона 5000 золотыхъ. Къ указанному бѣдствію вскорѣ присоединилось еще новое горе: въ 1345 году Тибръ выступилъ изъ береговъ съ такою силою, что наводнилъ большую часть города, особенно же мѣстности, населенныя евреями ¹⁾.

Когда трибуномъ сталъ знаменитый Кола ди Ріензи, въ Римѣ наступили болѣе благоприятныя условія жизни: доходы города стали возрастать вслѣдствіе обильнаго подвова съѣстныхъ припасовъ; разбойничьи шайки покинули городъ, а над-

¹⁾ Въ началѣ XIV вѣка римскіе евреи особенно охотно селились между Ponte S. Angelo и Ponte Quattro Capi (*pons judaeorum*), т. е. въ той мѣстности, гдѣ впоследствии возникло гетто. Кромѣ того, они жили также въ Regione Ripa, Trastevere; вся эта мѣстность носила общее названіе *Convicium judaicum*. Главная синагога находилась вблизи церкви св. Фомы. Еврейскихъ кладбищъ было два: одно около St. Francesco въ Trastevere, другое вблизи Porta portese на Colle Rosato. Срв. Vogelstein, l. c. I p. 301—302.

менные и назавшіеся несокрушимыми бароны подчинились трибуну, быстро стяжавшему себѣ знаменитость своею справедливостью. Со всѣхъ концовъ Италіи тяжущіеся стекались къ нему за разрѣшеніемъ споровъ и даже представители одной итальянской еврейской общины слѣдовали этому примѣру. Извѣстно, что Ріензи не удалось надолго утвердиться въ Римѣ. Уже 14 декабря 1347 въ городѣ раздались звуки набата, свывавшаго друзей и приверженцевъ трибуна. По странной случайности то былъ еврей, которому Кола приказывалъ бить тревогу, хотя вообще евреи города скоро стали на сторону противниковъ трибуна, не стѣснявшагося грабить всѣхъ зажиточныхъ людей. Вскорѣ Колѣ пришлось спастись бѣгствомъ, и прошло цѣлыхъ семь лѣтъ раньше, чѣмъ ему удалось вновь вступить въ Римъ побѣдителемъ. Тѣмъ временемъ надъ Европою вообще и Италіею въ частности разразилась ужасная гроза въ лицѣ занесенной съ береговъ Чернаго моря чумы. Какъ извѣстно, невѣжественное и фанатичное населеніе средней Европы сдѣлало евреевъ отвѣтственными за это бѣдствіе и жгло и пытало ихъ тысячами. Итальянцы оказались въ этомъ отношеніи значительно гуманнѣе и образованнѣе своихъ сосѣдей. Быть можетъ, и предупрежденія папы Климента VI оказали сдерживающее вліяніе на итальянцевъ. Во всякомъ случаѣ послѣдніе на этотъ разъ оставили евреевъ въ покоѣ, и множество еврейскихъ бѣглецовъ нашло въ ту пору защиту и убѣжище на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Возвратившись въ Римъ, Кола ди Ріензи своими непопулярными налогами быстро возстановилъ противъ себя чернь. Она возстала и, поджегши дворецъ трибуна, убила его во время бѣгства. Трупъ его былъ повѣшенъ на трое сутокъ на балконѣ одного дома. Затѣмъ, по приказанію Югурты Колонны, онъ былъ доставленъ въ мавзолею Августа, гдѣ и преданъ сожженію. Интересно, что евреевъ заставили при этомъ исполнять роль палачей, хотя и невѣроятно, чтобы это всегда было

ихъ обязанностью въ Римѣ, какъ предполагають Фогельштейнъ и Ригеръ (l. c. I, p. 266 и 314).

Послѣ смерти Ріензи снова наступилъ періодъ затишья, и въ это время былъ утвержденъ городской уставъ, не отличавшійся чрезмѣрнымъ антисемитизмомъ. Опредѣляя въ точности подати, платимыя евреями, и обязательную одежду послѣднихъ, равно какъ устанавливая различные штрафы за нарушение отдѣльныхъ предписаній, статутъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограждалъ римскихъ евреевъ отъ хищничества различныхъ чиновниковъ, до того, повидимому, отнюдь не стѣснявшихся вымогать большія суммы.

Между тѣмъ «Авиньонское плѣненіе» подходило къ концу и въ 1367 году папа Урбанъ V, еще раньше проявившій относительно евреевъ большую гуманность (онъ издалъ буллу противъ насильственнаго крещенія ихъ) торжественно вступилъ въ Римъ. Естественно, что еврейское населеніе города особенно ликовало. Но радость его оказалась непродолжительной: папа вскорѣ снова покинулъ Римъ, а 7 сентября 1370 г. Италію, пребываніе въ которой враги его старались сдѣлать ему невозможнымъ. Преемникъ Урбана, Григорій XI, вернулся въ Римъ и въ теченіе его кратковременнаго правленія городъ снова сталъ жертвою чумы, въ 1374 году. Когда на папскій престолъ вступилъ Урбанъ VI, то новое бѣдствіе постигло Римъ и конечно особенно евреевъ: наводненіе 8 ноября 1378 года принадлежитъ къ числу особенно жестокихъ, поглотившихъ массу жертвъ. Не меньше жертвъ поглощали и чумныя эпидеміи, свившія себѣ прочное гнѣздо въ Римѣ и постоянно повторявшіяся при папѣ Бонифаціи IX вплоть до 1401 года. Правленіе этого первосвященника было для евреевъ удачно, потому что папа не отличался узкосердечіемъ многихъ своихъ предшественниковъ. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ его отношеніе къ евреямъ врачамъ—Мануэле и его сыну Анжело. Еще раньше, именно въ 1376 и 1385 годахъ, римскій сенатъ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ этихъ выдающихся врачей, не только освободилъ ихъ и ихъ семейства отъ всякихъ налоговъ,

но и ради нихъ на тридцать червонцевъ уменьшилъ повинности еврейской общины. Бонифацій IX назначилъ Анжело своимъ лейбъ-медикомъ съ титуломъ «домочадца» (*familiaris*) и утвердилъ за нимъ права римскаго гражданства. Вскорѣ затѣмъ папа оказалъ такую же честь другому еврею-врачу, Соломону изъ Перуджии ¹⁾. Подъ вліяніемъ этихъ людей Бонифацій значительно улучшилъ правовое положеніе ихъ единоверцевъ, давъ имъ разныя привилегіи (булла отъ 14 апрѣля 1402 года), какъ напр., освобожденіе отъ специально еврейскаго костюма въ предѣлахъ улицъ, заселенныхъ евреями, огражденіе отъ произвола чиновниковъ, подтвержденіе святости субботы и подчиненіе евреевъ юрисдикціи капитолийской куріи. Это было особенно важнымъ для евреевъ преимуществомъ, потому что охраняло ихъ отъ произвола инквизиціи.

Такимъ же гуманнымъ къ евреямъ первосвященникомъ оказался Иннокентій VII, подобно предшественнику своему даровавшій права римскаго гражданства еврейскимъ врачамъ Эліи Саббаты, Моисею ди Лисбона и Моисею Тиволийскому. Грамота папы первому изъ нихъ сохранилась до нашего времени и свидѣтельствуетъ о великодушіи Иннокентія ²⁾. Элія Саббаты игралъ особенно выдающуюся роль при папѣ Мартынѣ V. Во время понтификата Григорія XII (1405—1410) евреямъ также жилось хорошо, если не считать постоянныхъ смуть, вызванныхъ появленіемъ Владислава передъ стѣнами города. Когда же Римъ подпалъ власти Владислава, то наступилъ наконецъ давно жданный покой, нарушенный лишь 1 іюня 1408 г. загадочнымъ убійствомъ еврея-врача Моисея, лейбъ-медика короля. Преступленіе это надѣлало въ городѣ не мало шума. Въ убійствѣ былъ обвиненъ другой еврейскій врачъ, Гелія, который въ капитолийской канцеляріи былъ подверг-

¹⁾ Срв. L. Marini, *Archiatrum pontificum*, I, 107 sqq. e. II, 49. Также Berliner, I. c. II, p. 62, гдѣ помѣщенъ и переводъ папской грамоты Анжело, смуу Мануэле.

²⁾ Срв. Vogelstein-Rieger, I. c. I, p. 320, Берлинеръ, I. c. II, p. 64—65 и Gregorovius, *Kleinere Schriften*, I, p. 284—285.

нуть жестокой пыткой, послѣ чего признался въ совершеніи преступленія изъ зависти къ служебнымъ успѣхамъ своего погибшаго коллеги (?).

Послѣ смерти папы Григорія XII и его преемника Александра снова наступили продолжительныя смуты, чередовавшіяся съ разными другими бѣдствіями, вродѣ голодовокъ и наводненій. Наконецъ, 30 сентября 1420 года состоялся торжественный вѣздъ Мартына V въ Римъ, моментъ, крайне важный въ исторіи еврейской общины вѣчнаго города, потому что теперь окончились смуты и особенно та неопредѣленность положенія, отъ которой евреямъ раньше приходилось такъ сильно страдать. Впрочемъ, эта неопредѣленность имѣла и свою хорошую сторону, именно въ томъ смыслѣ, что еще въ 1416 году побудила римскихъ евреевъ созвать раввинскій сѣздъ въ Болонью и тамъ распредѣлить матеріальныя тяготы итальянскихъ единовѣрцевъ по отдѣльнымъ общинамъ. Такимъ образомъ былъ заключенъ еврейскій союзъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ Рима, еще общины Падуи, Феррары, Болоньи, Романьи и Тосканы. Черезъ два года состоялся новый сѣздъ раввиновъ, въ городѣ Форли, гдѣ было, между прочимъ, рѣшено отправить депутацію къ папѣ Мартыну V съ просьбою о дарованіи новыхъ привиллегій и, по крайней мѣрѣ, о подтвержденіи старыхъ. Снабдивъ депутацію весьма крупною суммою «на расходы» по дѣлу, евреи неожиданно для самихъ себя добились большого успѣха. Но тутъ мы, не желая забѣгать впередъ и помня рамки поставленной себѣ задачи, прерываемъ наше повѣствованіе и переходимъ къ очерку быта римскихъ евреевъ за сто лѣтъ, отдѣляющихъ этотъ періодъ отъ предшествующаго. Въ заключеніе намъ затѣмъ придется посвятить еще страницу—другую богатой литературѣ римскихъ евреевъ за послѣднія 420 лѣтъ, т. е. за время наибольшаго расцвѣта литературнаго творчества ихъ.

Какъ и раньше, еврейская община управлялась выборными должностными лицами, т. наз. *ragnessim*, въ вѣдѣніи которыхъ была главнымъ образомъ вся благотворительность. Во

главѣ ихъ стояла комиссія изъ трехъ членовъ; въ составъ ея входилъ и начальникъ талмудической академіи. Въ особенно серьезныхъ случаяхъ избиралась чрезвычайная коллегія изъ десяти лицъ (berurim). Рядомъ съ этимъ имѣлось нѣчто вродѣ полицейскаго органа, трехъ метунпim, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за доброю нравственностью отдѣльных членовъ общины, смотрѣть за исполненіемъ рѣшеній раввиновъ и парнесовъ и распределять между отдѣльными лицами налогъ, уплачивавшійся въ пользу римской куріи. Эти метунпim были снабжены большими полномочіями, имѣя право налагать не только денежные штрафы, но и предавать слушниковъ «херему». Въ кругъ ихъ обязанностей входило также созваніе въ синагогу, чрезвычайныхъ собраній и веденіе протоколовъ этихъ засѣданій (на еврейскомъ языкѣ). Однимъ изъ преимуществъ всѣхъ должностныхъ лицъ общины было то, что они освобождались отъ ношенія специально-еврейскихъ знаковъ на одеждѣ. Привиллегія эта имѣла особенно важное значеніе оттого, что въ срединѣ XIV и началѣ XV столѣтій и въ Римѣ водворился обычай, по которому евреямъ, подъ угрозою весьма значительнаго штрафа, запрещалось носить одежду общераспространеннаго покроя. Въ этомъ отношеніи замѣчался уже значительный регрессъ въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ.

Кромѣ ношенія уже упомянутыхъ знаковъ (желтыхъ кружковъ) на плащахъ, евреямъ было вмѣнено въ обязанность (статутами города Рима отъ 1360 года) носить особыя остроконечныя шляпы и поверхъ платья ярко-красные плащи (tabarri). Женщины должны были надѣвать только яркія юбки (guarnelli). Кромѣ должностныхъ лицъ, отъ ношенія этой одежды освобождались только практикующіе врачи, равно какъ пріѣзжіе иноземные евреи въ теченіе первыхъ десяти дней своего пребыванія въ Римѣ. За точнымъ исполненіемъ этихъ предписаній слѣдили специально для того назначенные чиновники, нерѣдко злоупотреблявшіе своею властью и вымогавшіе отъ евреевъ болѣе или менѣе крупныя денежныя суммы. По-

этому впоследствии было рѣшено, что чиновники каждый разъ должны присягою подтверждать свои показанія относительно виновности евреевъ, которые въ такихъ случаяхъ подвергались весьма значительнымъ денежнымъ взысканіямъ.

Интересно, что рядомъ съ этими правительственными цензорами по части костюмовъ, у евреевъ существовали такіе же собственные блюстители порядка или, вѣрнѣе, экономіи и простоты. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ вообще въ то время охватившей все населеніе Италіи любви къ большой роскоши и евреи стали обращать слишкомъ много вниманія на красоту и цѣнность своихъ туалетовъ ¹⁾. Тогда раввины, собравшіеся въ 1416 году въ Болоньѣ, издали цѣлый рядъ ограничительныхъ постановленій. Такъ, напр., членамъ общины возбранялось ношеніе *foderato cinto*, оттороченнаго мѣхомъ камзола съ разрѣвами на рукавахъ и пестрою шелковою подкладкою. Одежда краснаго, сянгаго или фіолетоваго цвѣта также была запрещена. Ношеніе шелковыхъ или бархатныхъ юбокъ а также ожерелій возбранялось. Золотыя сѣтки на головѣ могли носить только невѣсты и молодыя женщины въ теченіе перваго мѣсяца послѣ брака. Пряжки на поясахъ должны были имѣть строго опредѣленный вѣсъ (не болѣе шести унцій серебра и не болѣе десяти у женщинъ). Ни одна женщина не смѣла украшать свои пальцы болѣе чѣмъ тремя перстнями. За нарушеніе всѣхъ этихъ постановленій налагались денежныя взысканія, которыя мужья должны были вносить за женъ, а при повтореніи исключеніе изъ общины и даже отлученіе.

Несмотря на весьма неблагоприятно складывавшіяся въ то время обстоятельства, римскіе евреи вели довольно роскошный образъ жизни. Особенно наглядно проявлялось это по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ вродѣ свадебъ, обрѣзанія и т. п. Раввины и здѣсь выступили съ цѣлымъ рядомъ ограниченій, строго опредѣливъ максимальное количество гостей и угощеніе

¹⁾ Не безъ вліянія здѣсь оказалось, вѣроятно, и то, что множество римскихъ евреевъ занималось тогда торговлею платьемъ (и, можетъ быть, заготовленіемъ его).

ихъ ¹⁾. Нарушеніе этихъ постановленій наказывалось уплатою штрафа въ одинъ червонецъ за каждого лишняго гостя. Составлявшіяся такимъ образомъ суммы обращались на благотворительность.

Какъ и раньше, главнымъ источникомъ къ жизни римскіе евреи считали торговлю. Особенно процвѣтала торговля готовымъ платьемъ въ разносъ или же дорогими матеріями ²⁾. Рядомъ съ этимъ шли и банкирскія дѣла. Здѣсь будетъ уместно указать на то, что ростовщицествомъ занимались тогда главнымъ образомъ христіане. Евреи и еврейки, посвящавшіе себя отдачѣ денегъ въ ростъ, должны были имѣть на то спеціальныя разрѣшенія городского управленія, строго опредѣленнымъ регламентомъ котораго они обязаны были руководствоваться. За нарушеніе этого статута налагалось весьма чувствительное наказаніе. Это обстоятельство и частое напоминаніе раввиновъ и авторитетныхъ талмудистовъ о нежелательности занятій отдачею денегъ въ ростъ побуждали евреевъ ограничиваться самыми ничтожными процентами. Не то мы видимъ у ихъ христіанскихъ сотоварищей: они не стѣсняясь грабили всѣхъ, пользуясь съ одной стороны страшно въ то время развившеюся страстью къ роскоши, съ другой же полною безнаказанностью подобныхъ дѣйствій ³⁾.

Отсутствіемъ въ этомъ отношеніи конкуренціи между евреями и христіанами объясняются и тѣ хорошія отношенія, которыя царили между ними и которыя ограждали евреевъ отъ жестокихъ, столь распространенныхъ въ то время въ другихъ государствахъ насилій, гоненій и погромовъ. Незавидно однако было положеніе евреевъ пріѣзжихъ. Спеціальныи декретъ городского управленія (отъ 1402 года) долженъ былъ ограждать ихъ отъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны римской черни.

¹⁾ Срв. Vogelstein-Rieger, l. c. I, p. 337.

²⁾ Недавно найденъ отрывокъ документа, доказывающій, что евреи занимались даже обмундированіемъ папскихъ войскъ. Документъ этотъ—ордеръ на папское казначейство (отъ 1373 года). Vogelstein, l. c. I, p. 328.

³⁾ Характерные тому примѣры, ярко иллюстрирующіе денежное хозяйство, тогдашняго Рима, можно найти у Гюдеманна, l. c. p. 243—247.

Другимъ весьма прибыльнымъ занятіемъ римскихъ евреевъ были переписка книгъ и торговля ими. Сохранился цѣлый рядъ именъ выдающихся переписчиковъ и переписчицъ, которые повидимому окончательно специализировались на этомъ. Цѣна рукописей была, впрочемъ, крайне неустойчива; въ концѣ XIV вѣка она, повидимому, очень поднялась: въ 1383 году можно было купить рукопись въ 492 листа за пять золотыхъ, а въ 1395 году за списокъ пророческихъ книгъ платили 30, а за махзоръ 31 червонецъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что какъ разъ въ то время замѣчается особенно сильный подъемъ литературно-научнаго творчества среди римскихъ евреевъ. Развившееся въ нихъ пристрастіе къ философскимъ и медицинскимъ работамъ должно было вызвать большой спросъ на книги и повліять также на предложеніе. Между тѣмъ мы видимъ какъ разъ обратное.

Занятія философіею и естествознаніемъ отразились довольно неблагоприятно на религіозности многихъ членовъ римской общины. Пробудившійся духъ сомнѣнія образовалъ глубокую пропасть между интеллигентными евреями и простонародьемъ; и въ то время, какъ первые въ высокой степени способствовали блеску итальянскаго возрожденія, оставивъ цѣлый рядъ выдающихся и не для однихъ только евреевъ цѣнныхъ произведеній, масса погрязала въ невѣжествѣ и суевѣріи. «Книгъ Давида посвящали наибольшее вниманіе, вопросъ о сочетаніи созвѣздій при рожденіи человѣка явился предметомъ специальныхъ трактатовъ, былъ составленъ списокъ «тяжелыхъ» дней, были установлены дни, когда нельзя было пускать кровь, землетрасеніямъ въ разные мѣсяцы года приписывалось разное вліяніе на переѣмну погоды и т. п.... Всюду страшились вліянія могущественныхъ злыхъ духовъ. Учителямъ было запрещено бить дѣтей въ извѣстные часы дня въ періодъ отъ 17 тамуза по 9 аба, ибо въ то время, думали, злой демонъ особенно властенъ»¹⁾.

¹⁾ Vogelstein-Rieger. I c. I, p. 341—342.

Подобное настроеніе въ достаточной мѣрѣ объясняетъ и успѣшность проповѣди какого-нибудь Тодроса Абулафіи въ Италиі. Если однако сопоставить съ этимъ то, что дѣлалось тогда вообще въ Европѣ, можно только изумляться высокой культурности римскихъ евреевъ конца XIV и начала XV вѣковъ, когда среди нихъ насчитывалось не мало выдающихся писателей.

Четырехсотлѣтній періодъ (1000—1420), за который мы прослѣдили внѣшнія судьбы еврейской общины Рима, отличается особеннымъ развитіемъ литературнаго творчества. Малая и слабая по числу, но отзывчивая ко всему прекрасному и возвышенному, община являлась въ полномъ смыслѣ слова носительницею и центромъ просвѣщенія своего времени. Здѣсь, въ Римѣ, гдѣ сосредоточивалась борьба между императорами и папами, куда были обращены взоры всего мыслящаго міра, еврейство нашло уголокъ, куда стекались результаты всей научной и литературной дѣятельности лучшихъ его сыновъ. Тутъ эти результаты собирались, записывались, зарегистрировались, чтобы затѣмъ, нерѣдко въ переработанномъ видѣ, вернуться на окраины Европы, гдѣ имъ былъ данъ первоначальный импульсъ. Постоянныя сношенія съ сѣверно-французскими экзегетами, германскими галахистами, испанскими мыслителями и, особенно со времени перенесенія папской резиденціи въ Авиньонъ, съ провансальскими пѣвцами, близость расцвѣтшей именно тогда въ Сициліи арабской культуры съ ея драгоцѣнными переводами лучшихъ произведеній писателей классической древности, наконецъ широкое развитіе схоластическихъ и философскихъ работъ среди христіанскихъ ученыхъ, все это отразилось на лучшей части римскаго еврейства. Лучи этого обильнаго, разносторонняго свѣта, какъ въ фокусѣ, собрались на берегахъ Тибра и, найдя тутъ подходящую среду, зажгли могучій огонь, въ свою очередь впослѣдствіи послужившій путеводнымъ знакомъ для еврейства отдаленныхъ окраинъ.

Указанное время въ смыслѣ литературномъ распадается на три эпохи (1000—1230, 1230—1350, 1350—1420), изъ которыхъ средняя отличается особеннымъ богатствомъ звучныхъ именъ. Попытаемся вкратцѣ охарактеризовать наиболѣе выдающіяся произведенія каждаго изъ этихъ періодовъ по порядку.

Среди всѣхъ римскихъ писателей XI—XII вѣковъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, знаменитому *Натану б. Језиелю*. Имя его знаменуетъ новую эру въ исторіи еврейской литературы и можетъ быть сопоставлено съ именами Раши и Альфасси. «Въ высшей степени знаменательно, что эти три ученыхъ почти одновременно восполняли другъ друга въ своихъ сочиненіяхъ и создали такъ сказать фундаментъ для талмудическихъ занятій всѣхъ послѣдующихъ поколѣній: Альфасси кодифицировалъ религіозно-талмудическія предписанія, Раши составилъ комментаріи къ большей части Талмуда, а Натанъ собралъ въ своемъ словарѣ «Арухъ» лексическія сокровища всей побиблейской литературы»¹⁾.

Происходя изъ высоко интеллигентной семьи, Натанъ рано подъ руководствомъ своего отца началъ научныя занятія. Въ юныхъ же годахъ онъ, побуждаемый жаждою знанія, покинулъ Римъ и отправился въ Сицилію, къ знаменитому даяну р. Мацліаху б. Иліи Ибнъ-аль-Баваку, который когда то объѣздилъ Востокъ и слушалъ въ пумбадитской академіи лекціи р. Гаи-гаона. Прислушавъ нѣкоторое время р. Мацліаха, которому Натанъ былъ впоследствии обязанъ своимъ настолько детальнымъ знакомствомъ съ обычаями и установленіями вавилонскихъ и палестинскихъ евреевъ, что сложилось преданіе, будто бы онъ самъ путешествовалъ по Востоку, онъ посѣтилъ другія академіи Италіи (напр., въ городѣ Бари), побывалъ и въ Нарбоннѣ, гдѣ проживалъ тогда знаменитый агадистъ Моисей Гадаршанъ, прожилъ на пути туда нѣкоторое время въ Павіи и затѣмъ вернулся въ Римъ. Когда умеръ отецъ Натана, послѣдній вмѣстѣ съ своими братьями, т. наз. «гаонами дома Јехиеля», Да-

¹⁾ Vogelstein-Rieger. I. с. I. 158.

ніиломъ и Авраамомъ, принялъ на себя руководство и управление римскою академіею и, въ качествѣ главы ея, прославился рядомъ респонзовъ на запросы ритуального свойства. Въ это же время, вскорѣ послѣ кончины отца, Натанъ потерялъ всѣхъ своихъ четырехъ сыновей, умершихъ въ отроческомъ возрастѣ. Подавленный горемъ, онъ еще глубже ушелъ въ науку и весь отдался окончанію своего безсмертнаго труда, словаря «Аруха». За пять лѣтъ до смерти, послѣдовавшей въ 1106 году, Натанъ окончилъ это грандіозное не только по объему, но и по обилію и разнообразію разработаннаго матеріала сочиненіе, которое, несмотря на всѣ свои недостатки а отчасти именно вслѣдствіе ихъ, до сего дня продолжаетъ служить основою всякихъ подобныхъ трудовъ. Натанъ задался цѣлью составить толковый словарь всей побиблейской письменности. Ограничиваясь внесеніемъ въ этотъ трудъ весьма незначительной доли личнаго элемента, начитанный авторъ собралъ тутъ буквально все, что было доступно ему. Респонзы вавилонскихъ гаоновъ, комментаріи и компендіи современныхъ ему экзегетовъ, философскіе труды еврейско-арабскихъ мыслителей и, главнымъ образомъ, богатѣйшая литература таргумовъ, мидрашей и агадическихъ сборниковъ давали ему обильный матеріалъ. Прекрасное знаніе нѣсколькихъ языковъ (латинскаго, вѣроятно греческаго, арабскаго и сирійскаго) сослужило Натану неоцѣнимую службу и, если личныя толкованія его и теряются въ морѣ учености другихъ писателей, на данныхъ которыхъ основывался Натанъ, то это только способствовало объективности его труда и дѣлало послѣдній тѣмъ болѣе цѣннымъ. Имѣя дѣло съ «Арухомъ» Натана б. Тихіеля, недоумѣваешь, чему больше изумляться: безпримѣрному ли прилежанію автора или разносторонности и обширности его лингвистическихъ, экзегетическихъ и литературныхъ познаній. Послѣдующія поколѣнія по достоинству оцѣнили значеніе труда Натана: Арухъ легъ въ основаніе цѣлаго рода подобныхъ же трудовъ и неоднократно издавался въ полномъ и сокращенномъ видѣ. Въ виду того, что, какъ мы ука-

зывали, работа Натана восполняетъ труды Раши, позднѣйшее преданіе произвело послѣдняго даже въ ученики Натана. Послѣдній умеръ въ 1106 году приблизительно въ 70 лѣтнемъ возрастѣ.

Тутъ же мы немного остановимся на уже упомянутыхъ братьяхъ его, *Даніилъ и Авраамъ*. Объ обстоятельствахъ ихъ жизни намъ почти ничего не извѣстно, кромѣ того, что Авраамъ участвовалъ вмѣстѣ съ Натаномъ въ постройкѣ красивой, оконченной въ сентябрѣ 1101 года синагоги, какъ это видно изъ заключительнаго стихотворенія «Аруха». Оба брата составляли религиозные гимны, вошедшіе въ составъ римско-еврейской литургіи, а Даніилъ комментировалъ трактатъ Зераимъ Мишны. Онъ же находился въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ съ христіанскими учеными.

Въ тѣсной дружбѣ съ Натаномъ б. Іехіелемъ былъ и другой выдающійся римскій ученый, извѣстный *Калонимось б. Шабтай*, сынъ крупнаго синагогальнаго поэта и главы общины, р. Шабтая б. Моисея. Калонимось родился не позже 1030 года въ Римѣ и въ 1070 году переселился въ Вормсъ, гдѣ онъ палъ жертвою овѣрѣвшихъ крестоносцевъ (въ 1096 г.). Еще въ Римѣ онъ пользовался большою извѣстностью, какъ замѣчательный ученый, специализировавшійся на галахѣ. Его объясненія къ Талмуду и разнымъ темнымъ мѣстамъ, равно какъ толкованія на Библію рано обратили на него всеобщее вниманіе. Изъ сочиненій его однако до насъ дошли лишь отрывки, главнымъ образомъ сохранившіеся въ работахъ французскихъ и нѣмецкихъ талмудистовъ.

Изъ другихъ галахистовъ этого періода здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще *Менахема б. Іегуда*, который пользовался почетною извѣстностью, хотя и не выступалъ на литературномъ поприщѣ. Въ 1166 году онъ былъ главою талмудической академіи въ Римѣ. Многія изъ его авторитетныхъ изреченій цитируются его близкимъ другомъ, Авраамомъ Ибнъ-Эврою. Послѣдній въ 1140 году бѣжалъ изъ Испаніи и прибылъ въ Римъ, гдѣ прожилъ около пяти лѣтъ, зарабатывая пропитаніе

уроками по грамматикѣ еврейскаго языка и лекціями по экзегетикѣ книгъ Св. Писанія. Въ Римѣ талмудисты того времени мало интересовались Св. Писаніемъ; между ними, если вѣрить Ибнъ-Эврѣ, находились лица, неумѣвшія разобрать тексты различныхъ библейскихъ книгъ, хотя и обладавшія недюжинными талмудическими познаніями. Одною изъ крупныхъ заслугъ Авраама Ибнъ-Эвры было то, что онъ пробудилъ среди римскихъ евреевъ интересъ къ грамматическимъ вопросамъ. Еще большую услугу оказалъ онъ имъ тѣмъ, что познакомилъ ихъ съ дивными, строго по формѣ законченными произведеніями сефардской синагогальной поэзіи. Многіе гимны послѣдней перешли въ римскій махзоръ.

Чтобы покончить съ талмудистами даннаго періода, назовемъ здѣсь еще *р. Шмуэль Роми*, т. е. «римлянина», жившаго въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка и составившаго изслѣдованіе о молитвѣ и поясненія къ тракт. Берахотъ. Отъ этихъ сочиненій, впрочемъ, почти ничего не сохранилось, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ. За то въ другой области, именно въ сферѣ синагогальной поэзіи, въ это время и нѣсколько раньше замѣчаются болѣе утѣшительные результаты: римскій махзоръ сохранилъ цѣлый рядъ гимновъ, молитвъ и селихъ, авторами которыхъ являются довольно извѣстные поэты. Тутъ на первомъ планѣ нужно назвать отца упомянутаго *р. Менахема*, *р. Іегуду б. Менахема*, современника Натана б. Іехіеля. Хотя онъ и не обладалъ особенно крупнымъ поэтическимъ талантомъ, однако отличался большою плодовитостью. Современникъ его, также синагогальный поэтъ, *Леонте б. Авраамъ*, немногимъ превышалъ его своимъ дарованіемъ. За то нѣсколько выше ихъ въ этомъ отношеніи *р. Беняминъ б. Авраамъ* (о немъ см. ниже) и *Натанъ б. Цидкія*. Если мы назовемъ еще синагогальнаго поэта *р. Моисей за-Софера б. Бенямина*, то мы исчерпали затронутый вопросъ.

Во второмъ періодѣ, эпохѣ полного, блестящаго расцвѣта литературнаго творчества римскихъ евреевъ, мы встрѣчаемся съ плеядою писателей, изъ которыхъ многіе съ честью могли

бы занять мѣсто въ исторіи міровой литературы. Раньше всего здѣсь должно упомянуть высокоинтеллигентное и заслуженное семейство *Анаэз* (Anawim), изъ среды котораго вышелъ цѣлый рядъ врачей, талмудистовъ, поетовъ и философовъ. Такъ напр., мы назовемъ тутъ римскихъ врачей и въ то же время талмудистовъ *Веньямина* и *Авраама б. Іехіель*, сыновья которыхъ, *Іегуда б. Веньяминъ* (или *Іегуда Яала*), *Цидкія б. Веньяминъ*, *Менахемъ б. Веньяминъ* и особенно *Веньяминъ б. Авраамъ* и *Цидкія б. Авраамъ*, стяжали себѣ своею замѣчательною ученостью неувядаемую славу. Учителемъ всѣхъ этихъ корифеевъ былъ р. *Меиръ Моисей*, римскій раввинъ, переселившійся впоследствии въ Сицилію и знаменитый своими респонсами. Наиболѣе выдающимся его ученикомъ былъ уже упомянутый *р. Іегуда б. Веньяминъ* (Яала), родившійся въ 1215 и умершій около 1284 года въ Римѣ. Отличаясь большою начитанностью и либеральнымъ образомъ мыслей, р. Іегуда занялся комментированіемъ галахъ р. Альфасси, писалъ о ритуалѣ при убоѣ скота и составилъ, кромѣ цѣлаго ряда респонзовъ, еще поясненія къ трактату Мишны Шекалимъ. Замѣчательно требованіе р. Іегуды, чтобы во время синагогальнаго богослуженія отрывокъ изъ Торы читался на общедоступномъ итальянскомъ языкѣ, чему, конечно, усердно противились рьяные талмудисты. Остальные два брата р. Іегуды, Цидкія и Менахемъ, были серьезными учеными, но не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій.

Одновременно съ р. Іегудою жилъ и писалъ въ Римѣ его двоюродный братъ, образованный, начитанный и остроумный *р. Веньяминъ б. Авраамъ Анаэз*, авторъ цѣлаго ряда сочиненій философскаго, галахическаго, агадическаго, астрономическаго и поэтическаго характера. Изъ его поэтическихъ произведеній заслуживаютъ особаго вниманія селихы, относящіяся къ гоненіямъ 1269 года. Какъ по формѣ, такъ и по тону онѣ отличаются въ авторѣ много эстетическаго вкуса и сердечной отзывчивости. Изъ поэтическихъ произведеній р. Веньямина здѣсь можно назвать еще сатиру *מִן הַמַּלְאָכִים*. Наиболѣе выдающимся

его научнымъ сочиненіемъ является *Sepher jedjodth*, по категоріямъ разбирающее ритуаль. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе его лексическія объясненія, для которыхъ онъ обращался не только къ латинскому, но и къ греческому и арабскому языкамъ. Изъ еврейскихъ грамматиковъ онъ цитируетъ р. Саадію-гаона и Менахема б. Сарука.

Въ одаренности р. Бенъямину значительно уступалъ его братъ р. *Цидкія б. Авраамъ Анавъ*, тѣмъ не менѣе занимающій въ высшей степени почетное мѣсто среди еврейскихъ писателей XIII вѣка. Отличаясь страстною жаждою знанія, онъ въ юности объѣздилъ всю Германію и слушалъ выдающихся учителей не только въ Майнцѣ, но и въ Вюрцбургѣ и Вѣнѣ. Особенно многому научился онъ у извѣстнаго р. Исаи де Трано, котораго онъ часто цитируетъ въ своемъ капитальномъ трудѣ *Schibolej haleketh* (Сборъ колосьевъ). Это его первое сочиненіе, представляющее главнымъ образомъ компилляцію изъ болѣе древнихъ ритуальныхъ кодексовъ и распадающееся на 12 главъ, *agugoth* (грядокъ), съ 372 параграфами (колосьями, *schibolim*). Большое культурно-историческое значеніе приобретаетъ этотъ трудъ оттого, что въ немъ, при разборѣ ритуала итальянскихъ евреевъ, имѣются ссылки на ритуаль евреевъ другихъ странъ. Кромѣ этого сочиненія, р. Цидкія составилъ еще другой болѣе обширный компендіумъ, въ который вошли ритуальныя постановленія для всего житейскаго обихода и масса респонзовъ. Заглавіе этого труда до сихъ поръ еще не установлено. Въ противоположность своему брату Бенъямину, р. Цидкія былъ совершенно лишенъ всякаго поэтическаго дарованія.

Въ связи съ семействомъ Анавъ находилась семья Боцекко, наиболѣе замѣчательнымъ представителемъ которой въ разсматриваемое время является р. *Бенъяминъ б. Йегуда*, выдающійся грамматикъ и экзегетъ и отличный знатокъ Св. Писанія. Кромѣ того, ему далеко не чужды были математика и естествознаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Наряду съ комментаріями къ кн. Паралипоменонъ, онъ со-

ставилъ весьма серьезное толкованіе къ Притчамъ Соломона; тутъ онъ указываетъ на необходимость держаться буквального смысла текста, а не вносить, какъ то дѣлалось сплошь и рядомъ до него, массу агадическихкихъ элементовъ въ этотъ текстъ. Давая главнымъ образомъ уроки по еврейской грамматикѣ, *р. Бенъяминъ б. Іегуда* составилъ также «Введеніе въ грамматику (или языкъ)» которое имѣется въ разныхъ вариантахъ и сдѣлало имя автора весьма популярнымъ. Особенно интересны замѣчанія Бенъямина, объясняющія, почему въ еврейскомъ языкѣ 22 буквы, соотвѣтственно числу звуковъ этого языка. Бенъяминъ б. Іегуда умеръ вскорѣ послѣ 1330 года.

Чтобы покончить съ представителями фамиліи Анавъ, вѣдѣсь слѣдуетъ назвать еще *р. Іехіеля б. Іекутіеля б. Венъямина*, стяжавшаго себѣ извѣстность какъ поэтъ и философъ-моралистъ. Въ богослужебномъ ритуалѣ до сихъ поръ находятъ себѣ мѣсто его душу потрясающая селиха, составленная по случаю происшедшаго 26 сентября 1268 года пожара въ синагогѣ Трастeverской. Вообще, Іехіель былъ большимъ меланхоликомъ. Неудачно сложившіяся обстоятельства жизни и особенно непокорность собственныхъ дѣтей, совершенно отъ него отчуждившихся, глубоко потрясли его, и онъ чуть не умеръ съ горя. Добрые друзья во-время поддержали его, и, когда Іехіель нѣсколько оправился отъ постигшаго его удара, то рѣшился въ краткой формѣ составить руководство практической морали. Этотъ небольшой трудъ не претендуетъ на оригинальность: авторъ включилъ въ него все, что было ему доступно изъ трудовъ предшественниковъ-философовъ и придалъ ихъ мыслямъ афоризматическую форму. *Mealoth ha-middoh*, такъ озаглавлена названная книжечка, распадается на 24 главы, изъ которыхъ въ каждой разсматривается сущность какой нибудь добродѣтели и противоположнаго ей порока. Сводка всѣхъ правилъ и практической изъ нихъ выводъ составляетъ тему небольшого стихотворенія, очевидно

заключительнаго, но обыкновенно помѣщающагося въ рукописяхъ передъ текстомъ самаго трактата ¹⁾).

Этотъ Іехиель б. Іекутиель, носившій также прозвище *Рофе*, обезсмертилъ себя между прочимъ составленнымъ его рукою и единственнымъ сохранившимся до нашего времени рукописнымъ спискомъ Іерусалимскаго Талмуда. Безъ этой рукописи указанный крайне важный литературный памятникъ былъ бы намъ извѣстенъ только по наслышкѣ и по случайнымъ цитатамъ.

Поскольку въ предшествующую эпоху римскіе евреи охотно и почти исключительно предавались галахическимъ и агадическимъ, отчасти и экзегетическимъ занятіямъ, постольку XIII вѣкъ характеризуется удивительнымъ подъемомъ и развитіемъ у нихъ философіи. Это и понятно, если принять во вниманіе, что какъ разъ въ то время и римскіе, провансальскіе и южноитальянскіе евреи, подъ влияніемъ арабскаго мыслителя Ибнъ Рошта (Аверроэса) и еврея Моисея Маймонида, отрѣшились отъ неоплатонизма и усвоили себѣ аристотелевское міросозерцаніе. Нѣсколько позже тому же аристотелевскому влиянію подпала и христіанская схоластическая наука (Тома Аквинскій и Альбертъ Великій). Итальянскіе и специально римскіе евреи, жившіе какъ мы видѣли, въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ и всегда отличавшіеся большою культурною отзывчивостью, охотно восприняли результаты философской работы предшествующихъ поколѣній и въ свою очередь продолжали разрабатывать выдвинутыя философіею проблемы. Какъ извѣстно, знаменитое «Морѣ Небукимъ» Маймонида проникло въ переводѣ Харизи еще въ 1230 году въ Римъ и, естественно, должно было оказать огромное влияніе на представителей философіи въ вѣчномъ городѣ. Рядомъ съ этимъ тамъ вообще процвѣтала переводная съ арабскаго философская и медицинская литература, оказавшая такую значительную услугу человѣчеству. Мы здѣсь неконимъ обра-

¹⁾ Gudemann, l. c. p. 197—199.

зомъ не можемъ обойти молчаніемъ опять таки цѣлой семьи переводчиковъ Гамеати изъ города Ченто (откуда происходитъ и самое имя Гамеати), стяжавшей себѣ такую же почетную извѣстность, какъ Тиббониды. Основателемъ этой семьи былъ жившій между 1279 и 1283 годами въ Римѣ «князь переводчиковъ», *Натанъ б. Елизеръ*. Вслѣдствіе потребности въ медицинскихъ книгахъ онъ перевелъ въ 1279 году «Канонъ» Авиценны и снабдилъ его указателемъ специально врачебныхъ терминовъ. Кромѣ того, его перу принадлежатъ также переводы нѣсколькихъ трактатовъ Гиппократата съ комментаріями Галена. Само собою разумѣется, что Натанъ переводилъ не съ подлинниковъ, а съ арабскихъ переводовъ. Сынъ Натана, *Соломонъ*, равно какъ его внукъ, *Самуилъ*, также перевели нѣсколько сочиненій Гиппократата.

Всѣ эти лица довольно тѣсно примыкали къ кружку медиковъ-философовъ, вдохновителемъ которыхъ былъ лейб-медикъ папы Николая IV, нами уже цитированный *Исаакъ б. Мордехай*, болѣе извѣстный подъ итальянскимъ своимъ именемъ *Маэстро Гайо*. Другомъ послѣдняго былъ выдающійся ученый и переводчикъ *Гиллель б. Самуилъ*, который хотя и не былъ природнымъ римляниномъ (онъ происходилъ изъ Вероны), однако оказалъ огромное вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій римскихъ евреевъ XIII вѣка. Въ 1259—1262 годахъ Гиллель переселился въ Барселону, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго Іоны Геронди, прославившагося, между прочимъ, своими ожесточенными нападениями на сочиненія Маймонида, вслѣдствіе чего инквизиція предала послѣднія публичному сожженію въ 1235 году. Впослѣдствіи Іона Геронди искренне раскаялся въ своемъ заблужденіи и сталъ яркимъ поборникомъ философіи Маймонида. Подъ его вліяніемъ, вѣроятно, и Гиллель полюбилъ философію «орла синагоги».

На обратномъ пути изъ Испаніи въ Италію Гиллель б. Самуилъ заѣхалъ также въ Монпелье, для пополненія своихъ научныхъ познаній. Въ Римѣ онъ познакомился и подружился

съ Исаакомъ б. Мордехаемъ. Но не долго оставался Гиллель въ Римѣ; перебравшись вскорѣ въ Капую, онъ поселился тамъ и открылъ чтенія по философіи Маймонида. Немного спустя мы находимъ его въ «изгнаніи», какъ онъ самъ выражается, именно въ городѣ Форли, откуда онъ корреспондировалъ со многими выдающимися христіанскими учеными и профессорами болонскаго университета. Кромѣ ряда переводовъ различныхъ медицинскихъ сочиненій, Гиллель, въ противоположность Натану Гамеати переводившій съ латинскаго языка, хотя ему былъ вполне доступенъ и арабскій языкъ, оставилъ переводъ крайне важной для средневѣковой книги философіи «De causis», которую онъ къ тому же и комментировалъ. Будучи страстнымъ поклонникомъ философіи Маймонида и считая себя лучшимъ знатокомъ ея, Гиллель въ 1291 году составилъ комментарий къ «Морю Небукимъ». Главнымъ же его философскимъ трудомъ было составленное совершенно въ духѣ Аристотеля изслѣдованіе «о загробномъ возмездіи» שאל 'אלול' распадающееся на два отдѣла, философскій и метафизическій. При замѣчательной сжатости, трудъ этотъ весьма полно исчерпываетъ затронутую тему и замѣчателенъ между прочимъ тѣмъ, что тутъ Гиллель нападаетъ на Нахманида, который, опираясь на Талмудъ и Мидраши, возставалъ противъ Маймонида. Кромѣ того, Гиллель б. Самуилъ перевелъ хирургию Бруно на древнееврейскій языкъ.

Говоря о Гиллелѣ б. Самуилѣ нельзя не упомянуть о не менѣе, чѣмъ онъ, глубокоомъ знатокѣ Маймонида, столь же отрицательно относившемся къ философіи Нахманида. Мы имѣемъ тутъ въ виду происходившаго изъ Барцелонны, но долгое время жившаго въ Римѣ *р. Серахью б. Исаака б. Шеальтіеля*. Это былъ выдающійся переводчикъ съ арабскаго. Въ 1277 году онъ перевелъ въ Римѣ медицинскіе афоризмы Маймонида, затѣмъ двѣ первыя книги «Канова» Авиценны, а раньше, въ 1274 г. имъ былъ переведенъ обширный комментарий Альфараби къ «Аналитикѣ» Аристотеля. Черезъ десять лѣтъ онъ былъ уже авторомъ переводовъ цѣлаго ряда другихъ сочиненій великаго стагирита и

книги Альфараби «о сущности души». Не меньшее значеніе имѣютъ самостоятельные труды Серахи, его комментаріи къ Притчамъ Соломона, къ книгѣ Іова, къ Пятикнижію. Читая лекціи о Маймонидѣ, Серахья впослѣдствіи собралъ воедино и выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свои толкованія на «Морэ Небукимъ». Впослѣдствіи между нимъ и Гиллелемъ б. Самуиломъ возникла ожесточенная полемика по поводу пониманія философскихъ сочиненій Маймонида. Благодаря этому спору указанныхъ корифеевъ римская община стяжала себѣ большую славу, сохранивъ потомству извѣстный комментарий «орла синагоги» къ Мишнѣ.

Однимъ изъ учениковъ Серахьи и несомнѣнно талантливейшею фігурою въ исторіи еврейской литературы всего XIII вѣка является родившійся около 1270 года въ Римѣ *Иммануиль б. Соломонъ б. Іекутіель Цифрони*, стяжавшій себѣ широкую извѣстность какъ равносторонностью своего образованія, такъ особенно своимъ недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ, который далъ ему, между прочимъ, прозвище «еврейскаго Данта». Происходя изъ зажиточной, почти богатой семьи, Иммануиль рано посвятилъ себя изученію (спеціально маймонидовской) философіи, астрономіи, математики и медицины. Послѣдняя, повидимому, была его профессіею. Мощное развитіе экзегетики среди итальянскихъ евреевъ того времени отразилось и на Иммануилѣ, и первыя его сочиненія были посвящены грамматикѣ еврейскаго языка въ примѣненіи къ герменевтикѣ Св. Писанія. Иммануиль составилъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ философскій комментарий почти ко всѣмъ библейскимъ книгамъ. Отличное знаніе языковъ, особенно арабскаго и греческаго, постоянныя сношенія съ христіанскими учеными, наконецъ крайне живой умъ и богатѣйшая память способствовали большому успѣху этихъ трудовъ. Но главное значеніе Иммануила заключается въ его позвѣи. Потерявъ по легкомыслію все свое состояніе и будучи во второй половинѣ жизни вынужденъ покинуть Римъ и скитаться по Италіи, онъ въ 1328 году нашелъ въ городѣ Фермо убѣ-

жище и приютъ въ домѣ одного великодушнаго мецената, даваго Иммануилу возможность всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Иммануилъ, уже раньше съ успѣхомъ подвизавшійся въ области поэзіи, куда онъ перенесъ между прочимъ испанскіе стихотворные размѣры, ожилъ, и изъ подъ пера его вышли удивительные по законченности формы и остроумному сатирическому содержанию *сонеты* на итальянскомъ и еврейскомъ языкахъ. Иммануилу принадлежитъ честь введенія этой стихотворной формы въ еврейскую поэзію. Впослѣдствіи, по настоянію своего покровителя, Иммануилъ собралъ свои сонеты, гимны, селихи, эпиграммы и сатиры въ одинъ общій сборникъ *Machbereth*, распадающійся на 28 главъ. Тутъ цѣликомъ отражается богатая натура и разносторонность поэта. Обширное образованіе побуждаетъ его писать обо всемъ, а присущая ему жизнерадостность находитъ выраженіе въ цѣломъ рядѣ юмористическихъ стихотвореній. Эротическій элементъ также далеко не отсутствуетъ, такъ что впослѣдствіи многіе литературные авторитеты (напр., Иосифъ Каро) запрещали читать *Machbereth* Иммануила. Наиболее замѣчательною частью этого сборника является заключительная XXVIII глава его, написанная авторомъ уже въ старости, она представляетъ подражаніе дантовской «Божественной Комедіи», хотя и не претендуетъ на то, чтобы сравняться по своимъ художественнымъ достоинствамъ съ этимъ бессмертнымъ твореніемъ Алигieri. Руководимый пророкомъ Данииломъ, Иммануилъ спускается въ преисподнюю, гдѣ видитъ рядъ грѣшниковъ и ужасается своей собственной будущей участи. Но пророкъ успокаиваетъ его увѣреніемъ, что его, Иммануила, библейскіе комментаріи искупили всѣ его грѣхи, и ведетъ его затѣмъ въ рай, гдѣ поэтъ видитъ массу праведниковъ и среди нихъ нѣсколькихъ ему совершенно чуждыхъ лицъ. Послѣднія оказываются праведными иновѣрцами. Этимъ твореніемъ выгодно отличается отъ дантовской Божественной Комедіи, не проникнутой духомъ такой терпимости. Конечно, *Machbereth* Иммануила никоимъ образомъ не можетъ равняться по поэти-

ческимъ своимъ достоинствамъ съ безсмертнымъ твореніемъ Данта. Но оно всетаки характерный памятникъ приспособляемости еврейскаго народа. Существуют данныя, указывающія на личную дружбу и во всякомъ случаѣ короткое знакомство Алигьери съ Иммануиломъ. Рядомъ съ послѣднимъ, за ѣдкость своего сатирическаго таланта могущимъ назваться еврейскимъ Ювеналомъ, а за вольнодумство (скорѣе впрочемъ, кажущееся, чѣмъ дѣйствительное) прозваннымъ еврейскимъ вольтеріанцемъ ¹⁾, нельзя не упомянуть еще объ одномъ римскомъ поэтѣ-философѣ разсматриваемаго періода, именно о двоюродномъ братѣ Иммануила, *Іегуда б. Моисей (Iehuda Romano)*.

Онъ родился въ 1292 году и рано отдался изученію языковъ и философіи. Въ послѣдней онъ является одною изъ наиболѣе крупныхъ величинъ своего вѣка. Особенно важны его стремленія познакомить евреевъ съ результатами научной дѣятельности христіанскихъ ученыхъ: Томы Аквинскаго, Альберта Великаго, Эгидія Колонны, Анжело ди Камерино. Онъ перевелъ массу ихъ сочиненій на еврейскій языкъ. Состоя на службѣ интеллигентнаго короля Роберта Неаполитанскаго, Іегуда давалъ ему уроки еврейскаго языка и философіи. Изъ самостоятельныхъ сочиненій Іегуды, оказавшихъ по собственному признанію послѣдняго огромное вліяніе на Иммануила, назовемъ здѣсь комментарий къ библейскому повѣствованію о міросотвореніи, изслѣдованіе объ изученіи пророчества, философскія истолкованія ряда молитвъ, комментарий къ ритуальнымъ сочиненіямъ Маймонида и еврейско-итальянскій словарь философскихъ выраженій.

Въ тѣсной связи съ Іегудою Романо и Иммануиломъ состоялъ также происходившій изъ Прованса и находившійся одно время на службѣ у Роберта Неаполитанскаго философъ-сатирикъ *Калонимосъ б. Калонимосъ*, авторъ сочиненія *Eben ha-bohen*. Кромѣ того, тутъ могутъ быть упомянуты: эзегетъ-мистикъ *Соломонъ*

¹⁾ Vogelstein Rieger, l. c. I, p. 421.

Гедидья б. Соломонъ (1285—1330) и поклонникъ Маймонида *Моисей б. Йегуда Нанари*. Если мы укажемъ здѣсь еще на ученика Йегуды Романо, *Моисея б. Шебтая*, комментировавшаго философскіе труды своего наставника, то мы можемъ считать обзорніе литературнаго творчества римскихъ евреевъ этого наиболѣе блестящаго періода законченнымъ.

Третій періодъ, обнимающій собою только около семидесяти лѣтъ (примѣрно отъ 1350 до 1420 года) знаменуетъ, въ сравненіи съ предшествующимъ временемъ, эпоху упадка. Здѣсь мы можемъ отмѣтить лишь ученика Иммануила, талантливаго поэта *Йегуду Сицилиано*, философа-мечтателя, несчастнаго *Зимарью б. Илію изъ Негропонта*, погибшаго въ 1362 году въ испанской тюрьмѣ за свое великодушное стремленіе примирить ученіе раввинистовъ съ утвержденіями караймовъ, и наконецъ прославившагося страстною полемикою противъ христіанства р. *Венъямина б. Моисея*. Нѣкоторые другіе мыслители и поэты-эпигоны школы Иммануила принадлежать уже другому времени, и мы надѣемся въ послѣдствіи еще когда нибудь вернуться къ нимъ.

Г. Генкель.

Еврейскія общинныя учрежденія въ губерніяхъ Царства Польскаго въ ихъ историческомъ развитіи ¹⁾.

Статья II-я.

Раввинатъ.

Не такъ успѣшно, какъ преобразование общиннаго управленія, шло въ теченіе всего 19-го столѣтія рѣшеніе раввинскаго вопроса, важность котораго внолнѣ оцѣнена русскимъ правительствомъ, проявившимъ въ стремленіи къ его разрѣшенію, какъ въ Имперіи такъ и въ Царствѣ Польскомъ, большую энергію и добрую волю; но и тутъ, и тамъ труды его въ этомъ направленіи, къ сожалѣнію, пока не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и вопросъ этотъ еще понинѣ настоятельно ждетъ своего разрѣшенія. Замѣчательно однако то, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ объ общинномъ управленіи, дѣйствія нашего правительства въ Царствѣ Польскомъ во многомъ отличались отъ дѣйствій его же въ Имперіи.

Раввинскій вопросъ былъ отъ самаго начала своего возникновенія тѣсно связанъ съ вопросомъ о реформѣ еврейскаго быта вообще. Отжившій свой вѣкъ раввинатъ со своими узкими взглядами на жизнь и на вѣру былъ камнемъ преткновенія при всякой попыткѣ къ улучшенію общиннаго строя евреевъ и воспитанія юношества. Для того, чтобы законоположенія въ этомъ направленіи имѣли примѣненіе на практикѣ и дѣйствительный успѣхъ, необходимо было, чтобы во главѣ евреевъ стояли духовные руководители, не только отличающіеся религіозно-нравственною жизнью и знаніемъ вѣроученія іудаизма, но и обладающіе солидными обще-

¹⁾ См. „Книжку Восхода“ № 4 с. г.

человѣческими познаніями, люди просвѣщенные, стоящіе въ уровнѣ съ вѣкомъ и умѣющіе согласовать религіозныя предписанія съ общественными обязанностями, съ жельзными требованіями жизни. Нуждалось въ просвѣщенныхъ представленіяхъ еврейскихъ общинъ и правительство, которому часто приходилось обращаться къ раввинамъ за разъясненіемъ различныхъ религіозныхъ вопросовъ (какъ напр. брако-разводныхъ), и поручать имъ исполненіе извѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ функцій (какъ напр. приведеніе къ присягѣ, веденіе метрическихъ книгъ и т. п.), надзоръ за общественными учрежденіями и вообще участіе въ управленіи общиною.

При польскомъ правительствѣ раввинскій вопросъ возбужденъ былъ впервые на 4-хъ-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1791) въ связи съ общимъ вопросомъ объ улучшеніи еврейскаго быта. Внесенный въ сеймъ проектъ „Политическаго права польскаго народа“ требуетъ отъ лицъ, желающихъ получить званіе раввина, извѣстный общеобразовательный цензъ и удовлетворительное знаніе польскаго языка. Извѣстный историкъ польскаго еврейства Э. Чацкій въ проектъ, внесенномъ имъ въ еврейскую комиссію того же сейма, предлагаетъ даже запрещеніе евреямъ, не окончившимъ польской элементарной школы, изученія богословія (!!). Лучшие дѣятели этой эпохи были воодушевлены самыми лучшими напѣреніями, и гуманные проекты короля Станислава Августа Понятовскаго, Вутриновича, Чацкаго, Коллонтая, Езерскаго и другихъ, предлагая различныя мѣры къ распространенію просвѣщенія среди польскихъ евреевъ, единогласно требовали отміны существовавшихъ для нихъ стѣснительныхъ и позорныхъ ограниченій и признанія за ними всѣхъ гражданскихъ правъ, какъ средства для привлеченія ихъ къ полезной общественной дѣятельности. Какъ относились современныя польскіе евреи и ихъ духовные пастыри къ этимъ преобразовательнымъ и просвѣтительнымъ проектамъ тогдашнихъ польскихъ реформаторовъ, можно судить по вышедшей въ то время на польскомъ языкѣ брошюрѣ Холинскаго раввина Герша Лузефовича.

Въ брошюрѣ этой, озаглавленной: „Мысли о мѣрахъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ евреевъ полезныхъ обывателей края“ (безъ означенія мѣста и года печатанія), единственный депутатъ отъ евреевъ въ еврейской комиссіи 4-хъ-лѣтняго сейма возстаетъ противъ всѣхъ предложеній гуманнѣйшаго изъ современныхъ дѣятелей

и ревностнаго поборника эмансипаціи евреевъ, Вутриновича, видя въ нихъ подкопъ подъ основы еврейской вѣры и стремленіе къ униженію еврейскаго народа. Раввинъ Лузефовичъ не идетъ ни на какія уступки; онъ знатъ не хочетъ никакихъ компромиссовъ. Онъ былъ бы радъ отиѣнъ специальныхъ сборовъ съ евреевъ, ограниченій въ выборѣ мѣстожительства, стѣсненій въ занятіяхъ торговлею и ремеслами и вообще дарованію евреямъ всѣхъ правъ гражданскихъ; но жертвовать за это чѣмъ либо съ своей стороны не хочетъ; онъ не соглашается не только на обязательное изученіе раввинами государственнаго языка и посѣщеніе еврейскими дѣтьми польской школы, но и слышать не хочетъ о перемѣнѣ формы одежды.

Правда, говорятъ мудрый рабби, Моисеевъ законъ не предписываетъ намъ формы костюма; но если ужъ евреи сдѣлаются негодными, то лучше, чтобы они носили особую отъ другихъ одежду, дабы ихъ легче было узнавать и различать отъ христіанъ. Сочиненіе это есть, насколько намъ извѣстно, первый дебютъ польскаго еврейства въ польской письменности. Въ томъ же ультраконсервативномъ духѣ высказался четверть вѣка спустя другой раввинъ, нѣкій рабби Моисей-бенъ-Абрамъ, въ брошюрѣ, изданной имъ въ 1818 году, когда въ польской печати появилось много статей и брошюръ за и противъ равноправія евреевъ¹⁾. Рабби Моисей стоялъ на сторонѣ противниковъ эмансипаціи евреевъ. „Всѣ эти нововведенія, говоритъ благочестивый рабби, ведутъ только къ безбожію и безнравственности, въ каковыя впадаютъ отщепенцы, какъ Спиноза и ему подобныя, превзошедшіе въ безвѣріи всѣхъ гонимыхъ языческаго міра“.

Какъ ни наивны и нелѣпы отзывы этихъ двухъ раввиновъ, они были эхомъ гласа народа, дѣйствительнымъ выраженіемъ мнѣній почти всего тогдашняго польско-еврейскаго общества, что видно уже изъ того, что первый изъ этихъ раввиновъ, Холмскій, выразилъ свое мнѣніе въ качествѣ единственнаго депутата отъ евреевъ въ 4-хъ-лѣтній сеймъ. Единичныхъ личностей, втайнѣ сочувствовавшихъ образованію и стремившихся вырваться изъ затхлой атмо-

¹⁾ Сочиненіе это озаглавлено: Glos ludu Izraelskiego do pradziwych chrzescian Polskich, przez Rabbi Mozesz ben Abram, Duchownego synagogi L. R. roku 1818 (Голосъ народа Израильскаго къ истиннымъ польскимъ христіанамъ соч. р. Моисей, сына Абрама, раввина синагоги Л. Р. (?) 1818 г..

сферы гетто, было еще слишком мало, да и те были так разрознены, так еще находились под властью всемогущаго кагала и под страхом херима, что никто не отважился выступить въ защиту просвѣщенія, какъ это сдѣлали несефисты и многіе раввины въ принадлежавшихъ Австріи итальянскихъ областяхъ по поводу реформъ еврейства, начатыхъ императоромъ Іосифомъ Вторымъ. Эдикты этого вѣнценоснаго гуманиста-просвѣтителя вселили среди евреевъ Австріи и даже Германіи новыя надежды, ему воспѣвали восторженные гимны, а пылкій и энергичный Вессели опубликовалъ цѣлый рядъ пламенныхъ брошюръ (געזען פארן רבני) противъ мракобѣсія; въ современной же Польшѣ такія же гуманитарныя и просвѣтительныя мѣры 4-хъ-лѣтнаго сейма и короля Сигизмунда Августа вызвали со стороны евреевъ только чувство ужаса и недобвірія. Впрочемъ, не только проекты еврейскихъ реформъ 4-хъ-лѣтнаго сейма, но и вся вообще либеральная конституція 3-го мая, вслѣдствіе наступившихъ второго и третьаго раздѣловъ Польши, остались мертвою буквою въ завѣщаніе умирающей Рѣчи Посполитой.

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ, вступивъ во владѣніе краемъ послѣ 3-го раздѣла Польши, произвелъ значительную, хотя только отрицательнаго свойства, реформу въ польскомъ раввинатѣ, лишивъ его права судопроизводства и запретивъ раввинамъ подъ страхомъ строгой кары произносить анасему надъ непослушными членами общины; для поднятія же образовательнаго уровня мѣстныхъ раввиновъ онъ не успѣлъ сдѣлать въ свое кратковременное управленіе краемъ ничего положительнаго.

Болѣе рѣшительно дѣйствовало въ отношеніе просвѣщенія польскихъ евреевъ русское правительство. Въ десятилѣтіе отъ Вѣнскаго конгресса до кончины императора Александра Павловича (1815—1825) издавъ былъ цѣлый рядъ законоположеній по еврейскому вопросу въ только что присоединенномъ Польскомъ краѣ; 1) въ 1817 году обнародованъ былъ Высочайшій указъ объ открытіи въ Царствѣ Польскомъ еврейскихъ начальныхъ училищъ, 2) Высочайшимъ указомъ отъ 20 декабря 1821 г. кагалъ былъ упраздненъ и замѣненъ Божничнымъ Дозоромъ; 3) по постановленію правительственной комисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 12 марта 1821 года евреи, желающіе содержать частныя училища или хедеры, должны подвергаться

экзамену въ училищномъ дозорѣ; 4) правительственною комиссіею внутреннихъ дѣлъ и полиціи изданъ былъ рядъ постановленій съ цѣлью противодѣйствовать вредному вліянію хасидизма и постановлено открытіе варшавскаго раввинскаго училища; 5) Высочайшимъ указомъ отъ 6 іюля 1825 года учрежденъ комитетъ по еврейскимъ дѣламъ съ цѣлью всесторонняго обсужденія и тѣхъ, какія необходимо принять для улучшенія матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго положенія евреевъ ¹⁾. Всѣ приведенныя постановленія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о благихъ намѣреніяхъ Императора Александра I по отношенію къ евреямъ Царства Польскаго; къ сожалѣнію однакожь, не всѣ они привели на практикѣ къ предначертаннымъ цѣлямъ. Особенно же не оправдало возложенныхъ на него надеждъ варшавское раввинское училище, какъ впрочемъ не оправдали таковыхъ и другія раввинскія училища, открытыя двадцать лѣтъ спустя Императоромъ Николаемъ I (виленское и житомирское).

Открытіе казенныхъ раввинскихъ училищъ было единственною въ своемъ родѣ не только у насъ, но и во всей Европѣ, попыткою христіанскаго правительства воспитать для евреевъ духовныхъ пастырей. Вездѣ и во всѣ времена предоставлялось самимъ евреямъ устройство своихъ вѣроисповѣдныхъ учрежденій, и въ виду отсутствія у евреевъ духовной іерархіи еврейскія общины всегда и вездѣ пользовались широкою свободою въ выборѣ раввиновъ. Иначе и быть не можетъ. Законоучители, духовные руководители народа нуждаются больше, чѣмъ всякіе другіе обществен-

¹⁾ Въ составъ комитета вошли, хотя только съ совѣтательнымъ голосомъ и нѣкоторые выдающіеся члены варшавско-еврейской общины, какъ извѣстный математикъ Абрамъ Штернъ, современный филантропъ Соломонъ Познеръ (основавшій на свой счетъ въ своемъ имѣніи „Кухары“, въ Плонскомъ уѣздѣ, первую еврейскую земледѣльческую колонію, существующую понынѣ) и нѣкоторые другіе. Комитетъ этотъ, какъ передаетъ Г. Нусбаумъ въ исторіи евреевъ т. V, начерталъ весьма благоприятныя для евреевъ законопроекты, одобренныя императоромъ Николаемъ I-мъ; но по причинѣ возстанія 1831 г. комитетъ этотъ былъ закрытъ, и выработанныя имъ законоположенія, вслѣдствіе наступившей реакціи, остались безъ послѣдствій. А обошелся комитетъ польскимъ евреямъ не дешево: на содержаніе его ассигновалось ежегодно 48,000 польскихъ золотыхъ изъ основаннаго тогда такъ называемаго „билетнаго сбора“, взимающагося съ иногороднихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Варшаву (въ размѣрѣ одного золотого въ сутки). Весьма стѣснительный и оскорбительный для евреевъ билетный сборъ взимался и по закрытіи еврейскаго комитета въ теченіе 30 лѣтъ, а именно до 1862 года, когда евреямъ Царства Польскаго даровано было императоромъ Александромъ II-мъ, по ходатайству маркиза Веліопольскаго, почти полное равноправіе.

ные дѣятели, въ полномъ что довѣріи, а сего послѣдняго никому предписывать, насильственно навязывать невозможно. Всякое насиліе въ дѣлахъ вѣры часто мѣло къ послѣдствіямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какія отъ него ожидалось. Установившійся вѣками типъ польско-еврейскаго раввина есть продуктъ исторіи и гармонировалъ со взглядомъ современнаго еврейства на жизнь и на вѣру, и типъ этотъ могъ быть измѣненъ не мановеніемъ волшебнаго жезла, а исторією же: постепеннымъ измѣненіемъ условій жизни, экономического и гражданскаго положенія и распространеніемъ въ широкихъ слояхъ народа европейскаго образованія. Русская поговорка: каковъ попъ, таковъ и приходъ, больше всего приѣмима, хотя въ обратномъ смыслѣ, къ еврейскимъ общинамъ, гдѣ раввины могли всегда служить вѣрнѣйшими показателями степени просвѣщенія и нравственнаго кругозора прихожанъ. Нѣмецкіе евреи не потому имѣютъ просвѣщенныхъ раввиновъ—докторовъ философіи, что у нихъ есть образцовыя раввинскія семинаріи, а образцовыя эти раввинскія семинаріи имѣются у нихъ потому, что они чувствуютъ потребность въ просвѣщенныхъ раввинахъ. Начать же просвѣщеніе евреевъ открытіемъ раввинскихъ училищъ—значило начать постройку зданія съ крыши. Извинительно было правительству, особенно русскому, только-что вступившему въ сношенія съ евреями, не знать ихъ потребностей, стойкости ихъ взглядовъ въ дѣлахъ традиціи, но ужъ совершенно непонятенъ этотъ самообманъ со стороны вдохновителей его изъ евреевъ, такихъ знатоковъ еврейской жизни, какъ А. Штернъ и Яковъ Тугендгольдъ въ Польшѣ и И. В. Левинзонъ, д-ръ Диліенталь и ихъ приверженцы, „друзья просвѣщенія“ въ Россіи.

Въ оправданіе этихъ „друзей просвѣщенія“ нужно однако же сказать, что открытіемъ раввинскихъ училищъ они имѣли въ виду, кромя воспитанія будущихъ раввиновъ, и другія цѣли, а именно подготовку народныхъ учителей и предоставленіе еврейскимъ юношамъ, стремившимся къ свѣту, возможности прохожденія курса среднеучебныхъ заведеній рядомъ съ систематическимъ и болѣе рациональнымъ изученіемъ еврейскихъ предметовъ, а способнѣйшимъ изъ нихъ думали открыть такимъ образомъ доступъ въ высшія учебныя заведенія. Гимназіи для этихъ цѣлей еврейскіе юноши въ то время не могли еще пользоваться: въ Польшѣ до 1862 года двери гимназій были закрыты для евреевъ, въ Россіи же, хотя

пріемъ евреевъ въ общія учебныя заведенія (среднія и высшія) былъ разрѣшенъ положеніемъ о евреяхъ 1804 года, переходъ изъ хедера въ гимназію былъ слишкомъ рѣзокъ. А въ этихъ отношеніяхъ, т. е. въ дѣлѣ воспитанія народныхъ учителей и распространенія среди евреевъ общаго образованія, раввинскія училища имѣли неоспоримыя заслуги. И польза этихъ училищъ была бы еще больше, если бы не тройственный ихъ характеръ. Одно и то же заведеніе должно было одновременно служить богословскою академіею, учительскою семинаріею и общеобразовательнымъ заведеніемъ. Ясно, что та программа и тотъ режимъ, которые считались цѣлесообразными для будущихъ медиковъ и юристовъ, не соотвѣтствовали будущимъ раввинамъ и педагогамъ. Особенно же возбуждало общественное мнѣніе противъ этихъ училищъ присвоенный имъ богословскій характеръ; какъ общеобразовательныя или педагогическія заведенія они не вызвали бы противъ себя такого отпора со стороны еврейской массы и духовенства.

Можно порицать инициаторовъ раввинской реформы въ неумѣстномъ желаніи сразу разрубить Гордіевъ узелъ вмѣсто того, чтобы терпѣливо распутывать его. Не стѣсняясь фактическимъ положеніемъ и народною волею и пренебрегая мудрымъ принципомъ умѣренности и постепенности, они хватили черезъ край, предъявляя раввинамъ слишкомъ высокія требованія (знаніе курса раввинскихъ или уѣздныхъ училищъ). Конечно правительство вправѣ было требовать отъ раввиновъ, какъ отъ другихъ лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, извѣстнаго образовательнаго ценза, но, сообразуясь съ обстоятельствами, на первое время слѣдовало бы довольствоваться знаніемъ кандидатами на открывающіяся раввинскія вакансіи русской грамоты, а затѣмъ повышать этотъ цензъ постепенно по мѣрѣ повышенія образовательнаго уровня народа. Для достиженія же этой цѣли достаточно было введеніе преподаванія русскаго языка въ существующихъ раввинскихъ семинаріяхъ, въ такъ называемыхъ „іешивахъ“. Но дѣлая эти упреки, мы забываемъ, что въ то время, за отсутствіемъ еврейскихъ учителей и училищъ, раввинскимъ кандидатамъ негдѣ и не у кого было учиться русскому языку и что вслѣдствіе крайней отсталости еврейской тогдашней массы, считавшей занятіе какимъ-либо предметомъ, кромѣ талмуда, грѣхомъ, даже такое, повидимому, невинное нововведеніе, какъ преподаваніе русскаго языка въ

іешивахъ, встрѣтило бы неменьшій отпоръ въ обществѣ, чѣмъ открытіе раввинскихъ училищъ. Яснымъ доказательствомъ тому можетъ служить фактъ, имѣвшій мѣсто въ послѣднее время ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ учебное начальство предписало ректору Воложинской іешивы веденіе приходо-расходныхъ книгъ, требованіе отъ поступающихъ въ заведеніе учениковъ, документовъ о рожденіи и званіи, преподаваніе русскаго языка въ теченіе одного или двухъ часовъ въ день. И что же? Наша ортодоксія предпочла совершенно закрыть этотъ знаменитый расадникъ талмудическаго знанія, чѣмъ подчиниться приведеннымъ законнымъ и умѣреннымъ требованіямъ!..

Реформаторы того времени были въ положеніи врачей, собирающихся производить трудную операцію надъ больнымъ, который, считая себя совершенно здоровымъ, отбивается отъ нихъ руками и ногами,—при такихъ условіяхъ промахи неизбѣжны. Напрасно друзья просвѣщенія указывали народу на бѣдственное, безпомощное и униженное его положеніе, на необходимость европейской культуры для дальнѣйшаго его существованія среди европейскихъ народовъ, напрасно увѣряли его агенты графа Уварова, что открытіемъ раввинскихъ и другихъ училищъ правительство далеко отъ желанія поколебать еврейскую вѣру и что новыя преобразования имѣютъ въ виду только возрожденіе евреевъ,—народъ остался глухъ ко всѣмъ увѣреніямъ и увѣщаніямъ и, не имѣя возможности препятствовать новымъ реформамъ, относился къ нимъ пассивно, игнорируя новыя учрежденія и избѣгая ихъ, какъ заключенныя, въ ожиданіи удобнаго случая, когда можно будетъ выступить противъ нихъ открыто ²⁾. Даже предложеніе правительства лучшимъ представителямъ тогдашняго раввинскаго міра принять на себя руководство раввинскими училищами было отклонено

¹⁾ См. статью И. Ковнера из *התורה והמוסר* въ газетѣ „Гацфир“ за 1899 г. № 269.

²⁾ Причиной этого крайняго недовѣрія евреевъ къ школьной реформѣ, Императора Николая I-го были, кромѣ темноты массъ, также нѣкоторыя весьма стѣснительныя мѣропріятія правительства въ отношеніи евреевъ какъ напр., двойные рекрутскіе наборы, институтъ камтонистовъ, строгія кары за ношеніе еврейскаго костюма, бороды и пейсовъ, выселеніе евреевъ изъ многихъ мѣстностей, проектъ раздѣленія евреевъ на разряды, по которому около 80% процентовъ еврейскаго населенія было бы зачислено въ разрядъ „беспользыхъ“ и осуждено на выселеніе изъ мѣстечекъ и деревень въ Сибирь или въ большіе города

послѣдними. Одинъ только рабби Израиль Салантскій, основатель „этической школы“, изъявилъ было сначала согласіе на принатіе этой должности; вскорѣ однакожъ и онъ раздумалъ и отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь и тѣмъ сохранить для потомства слѣдующій эпизодъ, характеризующій бурную эпоху еврейскихъ реформъ 40-хъ годовъ—эпизодъ, переданный мнѣ очевидцемъ и за вѣрность котораго ручаюсь.

Съ цѣлью примиренія евреевъ съ новооткрывавшимися еврейскими училищами, докторъ Лиліенталь, какъ извѣстно, объѣзжалъ въ 1842 году, по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, многолюднѣйшія и вліятельнѣйшія еврейскія общины, вездѣ пропагандируя въ пользу просвѣщенія, вездѣ убѣждая народъ въ доброжелательности правительства. Лучшаго выбора графъ Уваровъ не могъ сдѣлать. Докторъ Лиліенталь, соединявшій искреннюю религіозность съ полнымъ убѣжденіемъ въ необходимости преобразованія еврейскаго быта и, какъ иностранецъ, стоявшій внѣ распріи между ортодоксіею и партіею „друзей просвѣщенія“, былъ какъ бы созданъ для возложенной на него миссіи ¹⁾. Однако же всѣ усилія почтеннаго доктора были напрасны. Въ Вильнѣ краснорѣчіе его не вознигло никакого дѣйствія на иѣстныхъ раввиновъ и строго консервативныхъ представителей общины; далеко худшій пріемъ онъ встрѣтилъ въ Минскѣ: разъяренная фанатическая толпа съ крикомъ „*schkoles ne желаемъ!*“ набросалась на него съ палками въ рукахъ; съ большимъ трудомъ полиціи удалось защитить его и дать ему возможность спастись ночью бѣг-

¹⁾ Выборъ Лиліентала вызвалъ крайнее неудовольствіе виленской партіи прогресса. Въ брошюрѣ, изданной въ то время въ Лейпцигѣ подъ именемъ г-на Чесъ и подписанной псевдонимомъ Чесъ изъ Чесъ, подъ коимъ скрывался извѣстный еврейскій писатель М. А. Гинцбургъ, указывается на то, что руководительство въ дѣлѣ реформы еврейскаго воспитанія въ Россіи должно быть поручено не иностранцамъ, а русскимъ евреямъ, вполне знакомымъ съ жизнью, нуждами и взглядами различныхъ слоевъ и партій русскаго еврейства, и въ сильныхъ выраженіяхъ порицается образъ дѣйствій Лиліентала, игнорировавшаго въ Вильнѣ „друзей просвѣщенія“ и обращававшагося за содѣйствіемъ не къ нимъ, а къ ортодоксамъ. Въ слѣдующей брошюрѣ того же автора подъ названіемъ Чесъ изъ Чесъ, курсировавшей въ рукописи, осмѣивается невѣжество дипломированныхъ нѣмецкихъ докторовъ философіи въ еврейской литературѣ и указывается на превосходство въ этомъ отношеніи русско-еврейскихъ ученыхъ, причемъ въ этой брошюрѣ проглядываетъ слабо замаскированное желаніе автора выдвинуть на первый планъ извѣстнаго тогда дѣятеля Нисома Розенталя.

ствою. Оттуда онъ отправился въ м. Воложинъ, гдѣ раввиномъ и ректоромъ іешивы состоялъ въ то время извѣстный своею эрудиціею и мудростію р. Исаакъ, въ надеждѣ склонить этого уважаемаго всѣми современниками раввина въ пользу реформъ и тѣмъ самымъ обезпечить имъ успѣхъ. Прибыль Лионталь въ Воложинъ за нѣсколько дней до Суднаго дня и былъ принятъ радушно великимъ рабби. Долго бесѣдовали эти два замѣчательныхъ мужа, и между ними, какъ будто, установилось соглашеніе. Между тѣмъ наступилъ канунъ Суднаго дня. По исполненіи различныхъ религиозныхъ обрядовъ народъ, одѣтый въ бѣлые саваны и молитвенныя ризы, до заката солнца наполнялъ синагогу, освѣщенную сотнями восковыхъ свѣчей, молясь, бія себя въ грудь и плача навзрыдъ. Скоро вошли въ синагогу р. Исаакъ и его гость и стали у кивота. Наступило глубокое молчаніе; народъ ожидалъ обычной рѣчи благочестиваго рабби передъ молитвою „Коль-Нидре“. Послѣ краткой и тихой молитвы рабби взомель на авсонъ и сказалъ слѣдующее:

Въ трактатѣ Іона (гл. I л. 12) Мишна слѣдующимъ образомъ описываетъ приготовленіе первосвященника къ служенію въ Судный день въ Св. Святыхъ: старѣйшіе члены синедріона провожали его (первосвященника) къ главнымъ представителямъ священническаго сословія; послѣдніе говорили первосвященнику: Владыко, первосвященникъ! Мы—уполномоченные Синедріона, а ты—уполномоченный нашъ и Синедріона; клянись же именемъ Того, Чья слава покоится въ семь св. Храмовъ, что ты не отступишь отъ данныхъ тебѣ нами наставленій. По произнесеніи первосвященникомъ требуемой присяги, говоритъ далѣе Мишна, онъ удалялся съ плачемъ, и они удалялись съ плачемъ. Талмудъ поясняетъ: „онъ плачетъ, огорченный тѣмъ, что его заподозрили въ ереси саддукеизма; они плачутъ, зная, что подозрѣвающій невиннаго не избѣгнетъ кары Божіей“. Многимъ изъ васъ, господа, продолжалъ рабби, вѣрно покажется страннымъ, что въ то время, когда заподозриваніе невинныхъ такъ сильно порицается нашими святыми законоучителями, считается страшнымъ грѣхомъ, — лучшіе представители народа, свѣдѣлы священники совершаютъ этотъ грѣхъ публично, подозрѣваютъ въ страшномъ грѣхѣ—въ ереси—и кого? Красу Израіля, помазанника Божія—первосвященника! И гдѣ?—въ св. Храмѣ Господнемъ! И когда? Въ день страшнаго суда,

покаянія и поста! Объяняется однако это тѣмъ, что подозрительность осуждается только въ частныхъ дѣлахъ, а не въ общественныхъ. Всякаго частнаго челоуѣка мы должны считать честнымъ и благонамѣреннымъ, пока виновность его не сдѣлалась очевидною; другое дѣло съ челоуѣкомъ, выступающимъ во имя всего народа для совершенія дѣйствій, касающихся его священныхъ традицій, основъ его вѣрученія,—такого челоуѣка, и будь онъ даже Богомъ помазанный первосвященникъ—обязательно слѣдуетъ испытывать: не саддукей ли онъ, не еретикъ ли, не легкомысленно ли относится онъ къ предстоящему ему общенародному дѣлу, не преслѣдуетъ ли онъ личныя или партійныя цѣли? И вотъ, братья мои, почему прежде чѣмъ первосвященникъ входилъ въ св. святыхъ для совершенія служенія за весь народъ, говорили ему: „Владыко, первосвященникъ: ты—посланникъ всего народа; клянись же именемъ Того, Чья слава поконится въ этомъ храмѣ, что при исполненіи своей высокой миссіи не отступишь ни на іоту отъ данныхъ нами тебѣ наставленій!“

Рабби сошелъ съ амвона къ изумленію народа, непонявшаго, къ чему клонилась его рѣчь, но вслѣдъ за тѣмъ взошелъ на амвонъ докторъ Лиліенталь, открылъ св. Кивотъ и, взявъ въ руки свитокъ Торы и обратившись къ народу, торжественно произнесъ слѣдующія слова: „Именемъ Того, Чья слава поконится въ этой святой обители, клянусь, что въ дѣлѣ предпринятыхъ реформъ не руководить мною ни корыстолюбіе, ни честолюбіе, а искреннее желаніе блага народу нашему; что, насколько мнѣ извѣстно, министръ Его Величества графъ Уваровъ воодушевленъ самыми лучшими намѣреніями относительно насъ и что я при осуществленіи реформъ ни на іоту не отступлю отъ данныхъ мнѣ великимъ рабби наставленій, и первый же отрекусь отъ нихъ, коль скоро таковыя выйдутъ изъ указанныхъ мнѣ нашихъ рабби границъ“. Докторъ Лиліенталь исполнялъ свое клятвенное обѣщаніе. Внезапное и загадочное исчезновеніе его изъ Россіи объясняется несогласіемъ его съ нѣкоторыми мѣрами графа Уварова при основаніи училищъ. Дѣло это, какъ извѣстно, было потомъ поручено менѣе щепетильному Льву Мандельштаму.

Но я уже слишкомъ уклонился отъ главнаго предмета настоящей статьи; пора вернуться къ нему.

Варшавское раввинское училище, опередившее виленское и жиитомирское на 20 лѣтъ (открыто въ 1826 году), уступало послѣднимъ, во первыхъ, по объему преподаваемыхъ предметовъ. Виленское и жиитомирское раввинскія училища состояли изъ 10 классовъ для кандидатовъ на раввинскую должность и изъ 8 классовъ для будущихъ педагоговъ, при чемъ въ первыхъ 7 классахъ еврейскіе и общіе предметы проходились одинаково всѣми учащимися. По окончаніи же 7 класснаго курса (по общимъ предметамъ—въ объемъ гимназическаго курса, но безъ древнихъ языковъ) воспитанники распредѣлялись по избранннмъ специальностямъ на два специальныхъ отдѣленія: педагогическое и раввинское: въ первомъ будущіе педагоги оставались въ теченіе одного года для усовершенствованія въ знаніи еврейскихъ предметовъ и въ педагогическихъ приемахъ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ; во второмъ же отдѣленіи (раввинскомъ) будущіе раввины оставались цѣлыхъ три года для пополненія своихъ свѣдѣній по раввинско-талмудической литературѣ, по философско-богословской письменности, по гомилетикѣ, а также для изученія раввинской практики подъ руководствомъ одного изъ мѣстныхъ раввиновъ. Варшавское же раввинское училище состояло всего изъ 4 классовъ, для учителей и 6 для раввиновъ. Изъ общихъ предметовъ преподавались тамъ языки русскій, польскій и нѣмецкій, естествознаніе, математика, физика, исторія всеобщая и польская, а изъ еврейскихъ—Библия, Мишна, Талмудъ и еврейскій языкъ; но ясно, что 6-лѣтній курсъ еврейскихъ предметовъ въ этомъ училищѣ долженъ быть значительно ниже 10-лѣтнаго въ другихъ раввинскихъ училищахъ. Разница очень значительная, ибо въ каждомъ изъ высшихъ 4-хъ классовъ воспитанники при большей подготовкѣ и зрѣлости (физической и умственной) могли пріобрѣтать гораздо больше, чѣмъ въ каждомъ изъ низшихъ. О скудости программы этого училища можно судить по тому, что въ ней исторія еврейскаго народа совсѣмъ отсутствовала; Св. Писаніе преподавалось только въ низшихъ трехъ классахъ и то только по три раза въ недѣлю; Талмуду обучались будущіе учителя только въ 4-мъ классѣ, а будущіе раввины въ 4-мъ и 5-мъ классахъ. Вообще же въ низшихъ 4-хъ классахъ

общимъ предметамъ удѣлялось 83 урока въ недѣлю, а еврейскимъ только 53 ¹⁾).

Далѣе Варшавское раввинское училище стояло ниже Виленскаго и Житомирскаго по качеству преподавательскаго персонала. Инспектора и учителя еврейскихъ предметовъ Виленскаго и Житомирскаго равв. училищъ, хотя не пользовались довѣріемъ среди еврейской ортодоксіи, составляли цвѣтъ еврейской образованности того времени; между ними были глубокіе знатоки талмуда (Баценеленбогенъ отецъ и сынъ, М. Плувгяскій, Ид. Шерешевскій, А. Цвейфель, Г. Сегаль), даровитые писатели и поэты (С. І. Финъ, Як. Эйзенбаумъ, Х. З. Слонимскій, А. Б. Лебензонъ, А. Б. Готлоберъ, А. Цвейфель, С. Залкиндъ), специалисты по еврейской грамматикѣ (А. В. Лебензонъ, Х. Г. Лернеръ, Получинецкій и пр.); всѣ названныя лица—корифеи новоеврейской литературы, ея первые зрители, насчитывавшіе въ народѣ своихъ горячихъ поклонниковъ тысячами, а нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны далеко за предѣлами своей родины. Преподаватели же Варшавскаго раввинскаго училища были люди съ зауряднымъ знаніемъ еврейскихъ предметовъ, ничѣмъ не заявившіе себя въ еврейской литературѣ, за исключеніемъ развѣ Бихнера, пріобрѣтшаго себѣ въ свое время печальную извѣстность изданнымъ имъ памфлетомъ на талмудъ подъ заглавіемъ „Der Talmud in seiner Wichtigkeit“. Особенно губительнымъ для училища былъ выборъ въ директоры его Антонія Эйзенбаума. Профанъ въ еврейской наукѣ, энтузіастъ по природѣ и горячій поборникъ европейской цивилизаціи, онъ, за неимѣніемъ духовныхъ средствъ наставлялъ еврейскую массу, всю жизнь велъ съ нею отчаянную борьбу, орудіемъ же въ этой борьбѣ служило для него ввѣренное ему учебное заведеніе, которое по характеру своему, по своему назначенію болѣе всякаго другого должно было стремиться къ пріобрѣтенію симпатіи и довѣрія народа ²⁾).

Назначеніе яраго ассимилятора Эйзенбаума на постъ ректора раввинскаго училища само по себѣ уже указываетъ на сокровен-

¹⁾ См. программу варшавскаго раввинскаго училища, помѣщенную въ сборникѣ административныхъ постановленій Царства Польскаго Т. V, стр. 154 и 150.

²⁾ Эйзенбаумъ доходилъ въ своемъ подраженіи всему нееврейскому нвогда до смѣшнаго. Онъ, напримѣръ, одѣвалъ своихъ питомцевъ, будущихъ раввиновъ, въ станы, т. е. форменную одежду ксендзовъ, установленную католическою церковью.

ния вождельнія добрыхъ католиковъ, членовъ т. наз. Еврейскаго Комитета; но болѣе ясно вождельнія эти видны изъ слѣдующаго отрывка изъ объяснительной записки Комитета къ установленной программѣ раввинскаго училища. При основаніи раввинскаго училища Комитетъ руководился слѣдующими принципами: „а) для того, чтобы не возбудить противъ этого учрежденія раввиновъ, талмудистовъ и вообще набожныхъ евреевъ и не сдѣлать ихъ съ самаго начала врагами его, постановлено преподавать въ немъ Библію, Мишну и Талмудъ по подлиннымъ книгамъ, употребляемымъ въ хедерахъ и частныхъ домахъ“ (другими словами: собственно говоря, Библия, Мишны и Талмуда въ раввинскомъ училищѣ не слѣдовало бы вовсе преподавать или лучше бы преподавать по какимъ либо переводамъ; только во избѣженіе неудовольствія ослѣпленной еврейской массы Комитетъ согласился на эту уступку). б) Въ видахъ же привітія молодымъ раввинамъ зародыша болѣе чистыхъ понятій о религіи, постановлено также преподаваніе языковъ еврейскаго и польскаго, всеобщей и польской исторіи, географіи, математики, естествовѣдѣнія. Такимъ образомъ, если съ одной стороны юные питомцы раввинскаго училища будутъ черпать знаніе своей вѣры изъ подлинныхъ книгъ, неочищенныхъ отъ ложныхъ (!) воззрѣній, за то съ другой стороны знаніе еврейскаго языка укажетъ имъ, что *ошибочныя часто толкованія стараго Талмуда и его натяжки* довели ихъ вѣру до состоянія, несогласуемаго съ общественными требованіями; присвоеніе же другихъ наукъ покажетъ имъ воочію, *какъ страшно слѣпая привязанность къ стародавней родинѣ*, незнакомство съ исторіею человѣческаго рода и отсутствіе пониманія явленій природы, погрузившія народъ Израильскій въ предразсудки, въ суевѣріе и отчужденіе отъ нравовъ окружающей среды“¹⁾.

Не удивительно поэтому, что польскіе евреи съ самаго начала враждебно относились къ новому учрежденію; тѣмъ болѣе что одновременно съ основаніемъ этого училища польскіе евреи были лишены права выбирать себѣ раввиновъ, а отерывавшіяся раввинскія

¹⁾ Эта характерная выписка изъ протокола Комитета приведена Г. Нуссбаумомъ въ его *Szkice Historyczne z życia Żydów w Warszawie* (Варшава 1881 г.).

вакансіи предписано было замѣщать назначенными отъ правительства питомцами этого училища.

Опасенія однакожь польскихъ евреевъ относительно быстрого кореннаго измѣненія раввината не сбылись. Первый выпускъ учениковъ Варшавскаго раввинскаго училища совпалъ по времени съ возстаніемъ 1831-го года. Вниманіе правительства было всецѣло поглощено сначала усмиреніемъ возстанія и успокоеніемъ страны, а потомъ заботами о „предупрежденіи и пересѣченіи“. Наступила обычная въ такихъ случаяхъ перемята людей и направленія. Еврейскій Комитетъ былъ упраздненъ; новые же администраторы края мало интересовались судьбою учрежденнаго Комитетомъ раввинскаго училища, по крайней мѣрѣ не считали благоразумнымъ дразнить въ это смутное время еврейское населеніе навязываніемъ ему духовныхъ пастырей. На вакантныя раввинскія должности никто изъ окончившихъ раввинское училище не былъ назначенъ, и послѣдніе, потерявъ всякую надежду на дѣятельность въ этомъ направленіи, поступали на другія болѣе соотвѣтственныя ихъ образованію поприща: одни изъ нихъ открывали частныя начальныя училища, другіе поступали на службу въ коммерческія учрежденія, третьи занимались частными уроками, а четвертые, по выдержаніи дополнительнаго экзамена, поступали въ медицинскую академію или въ Варшавскую главную школу, а такимъ образомъ много содѣйствовали распространенію образованія между евреями Царства Польскаго вообще и Варшавы въ особенности. Варшавское раввинское училище, такимъ образомъ, несмотря на свое названіе и вопреки мысли его основателей, силою обстоятельствъ становилось тѣмъ, чѣмъ оно могло быть: еврейскимъ общеобразовательнымъ средне-учебнымъ заведеніемъ.

Ортодоксы ликовали, а хасиды приписывали благопріятный для нихъ оборотъ чудодѣйственной силѣ своихъ цадиковъ. Однакожь самое существованіе раввинскаго училища, а главное сохранившій полную силу законъ о замѣщеніи раввинскихъ вакансій питомцами онаго не переставали внушать евреямъ опасеніе и, ободренные измѣнившееся внутреннею политикою, они стали обращаться со всѣхъ сторонъ въ правительственныя учрежденія съ жалобами на антирелигіозное направленіе руководителей раввинскаго училища и съ просьбами объ оставленіи за еврейскими общинами съ поконъ вѣковъ дарованной имъ свободы въ выборѣ раввиновъ. Для

разъясненія этого вопроса главный директоръ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Строгановъ поручилъ въ 1833 году Якову Тугендгольду рассмотреть всѣ жалобы на раввинское училище и изложить ему свой взглядъ на это дѣло. Во исполненіе этого порученія Тугендгольдъ препроводилъ въ названную комиссію меморіалъ, въ которомъ онъ между прочимъ высказался, что шестилѣтній курсъ вообще недостаточенъ для приобрѣтенія тѣхъ знаній, которыя необходимы раввину, и что руководитель училища вмѣсто того, чтобы расширить программу преподаваемыхъ еврейскихъ предметовъ, вводитъ въ училищѣ все новыя общіе предметы, подчасъ излишніе, какъ напр. французскій языкъ, во вредъ еврейскимъ предметамъ. Онъ поэтому рекомендуетъ увеличить число уроковъ еврейскаго языка и Талмуда и сверхъ того только тѣмъ изъ питомцевъ этого заведенія присвоить раввинское званіе, которые по отличномъ окончаніи оного будутъ въ теченіе не менѣе четырехъ лѣтъ изучать талмудическую письменность и упражняться въ раввинской практикѣ подъ руководствомъ авторитетныхъ раввиновъ края. А чтобы не оставлять до того времени еврейскихъ общинъ безъ раввиновъ, Тугендгольдъ предлагаетъ подвергать представленнымъ общинами раввинскихъ кандидатовъ испытанію въ раввинскомъ училищѣ.

Правительственная Комиссія, принявъ во вниманіе отзывъ Тугендгольда, постановила воздержаться назначеніемъ питомцевъ раввинскаго училища впредь до его преобразования, а губернскимъ правленіямъ было предписано утверждать въ раввинской должности только тѣхъ изъ избранныхъ общинами кандидатовъ, кои представятъ свидѣтельства въ выдержаніи ими экзамена въ раввинскомъ училищѣ. Последнее предписаніе осталось однакожъ мертвой буквою. Случилось такъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не открылось ни одной раввинской вакансіи, а потомъ губернскія правленія въ виду отсутствія кандидатовъ, удовлетворительно выдержавшихъ экзаменъ, не находили возможнымъ строго придерживаться этого предписанія.

Съ цѣлью реорганизаціи раввинскаго училища правительство назначило въ 1836 году комитетъ, въ который вошли графъ Грабовскій и нѣсколько другихъ чиновниковъ католниковъ. Комитетъ этотъ Эйзенбаумъ успѣлъ убѣдить, что никакихъ преобразованій въ вѣренному ему училищу не нужно, что причина недовѣрія въ

нему евреевъ заключается въ ихъ темнотѣ и фанатизмѣ, что если его воспитанники не дѣйствуютъ въ качествѣ раввиновъ, за то они приносятъ несомнѣнную пользу въ качествѣ учителей и что, благодаря просвѣтительному влиянію тѣхъ же воспитанниковъ раввинскаго училища, общество скоро почувствуетъ потребность въ просвѣщенныхъ духовныхъ руководителяхъ. Эйзенбауму также удалось убѣдить комитетъ въ томъ, что вмѣшательство ортодоксовъ въ управленіе раввинскимъ училищемъ можетъ имѣть только вредное влияніе на воспитаніе юношей. Вся реформа кончилась на томъ, что ближайшій надзоръ за раввинскимъ училищемъ былъ порученъ директору одной изъ мѣстныхъ гимназій, который, находя дѣйствія Эйзенбаума правильными и цѣлесообразными, не виѣшивался во внутреннія дѣла школы и при всякомъ случаѣ защищалъ его отъ нападокъ его противниковъ.

Въ 1850 году Варшавскій учебный округъ, побуждаемый новыми жалобами евреевъ, назначилъ ревизіонную комиссію для изслѣдованія состоянія раввинскаго училища въ учебно-воспитательномъ и административномъ отношеніяхъ. Замѣчательнъ отъѣзвъ одного изъ членовъ этой комиссіи, часто упоминаемаго нами Якова Тугендгольда, препровожденный въ учебный округъ. По мнѣнію Тугендгольда, причины того печальнаго факта, что Варшавское раввинское училище за все время своего 26 лѣтняго существованія не дало обществу ни одного достойнаго духовнаго наставника, суть слѣдующія:

1) Несоотвѣтственное своему назначенію училищное управленіе, а главное неуважительное отношеніе руководителей школы къ освященнымъ традиціямъ религіозныхъ обычаевъ; такъ напр. учениковъ заставляють сидѣть съ непокрытыми головами при чтеніи библіи и талмуда, на что не разъ жаловалось начальству еврейское Варшавское духовенство.

2) Слишкомъ большое количество учащихся, обыкновенно около 180. Число учениковъ, окончивающихъ ежегодно училище, превышаетъ значительно число раввинскихъ вакансій, влѣдствіе чего ученики, вынужденные по окончаніи училища искать себѣ занятій на другихъ поприщахъ, уже на школьныхъ скамьяхъ теряютъ охоту къ богословскимъ предметамъ.

3) Въ училищѣ слишкомъ много времени удѣляется нѣкоторымъ свѣтскимъ наукамъ, какъ напр. тригонометріи, химическимъ

опытатъ и исторіи, а слишкомъ мало еврейскіе предметы. Упущая изъ виду главную задачу училища—приговлѣть свѣдущихъ раввиновъ, стараются дѣлать изъ нихъ свѣтскихъ ученыхъ.

4) Отсутствие у начальства школы религіознаго характера. Во главѣ такого заведенія должно стоять лицо, вполне знакомое со всѣми областями еврейской и раввинской письменности, извѣстное своею религіозно-нравственною жизнію и пользующееся авторитетомъ въ народѣ. Возможно ли назначеніе напр. ректоромъ римско-католической духовной семинаріи челоуѣка, несвѣдущаго въ католическомъ богословіи? И не возбудило ли бы такое назначеніе скорбь въ сердцахъ вѣрующихъ католиковъ?

Для устранения указанныхъ недостатковъ Тугендгольдъ предлагаетъ назначить училищный совѣтъ изъ главнаго раввина Варшавскаго и нѣсколькихъ другихъ знатковъ еврейской и талмудической письменности, который бы заботился о подходящей богословской подготовкѣ воспитанниковъ и наблюдалъ за религіозно-нравственнымъ ихъ поведеніемъ. Далѣе совѣтуетъ онъ сократить число учениковъ до 50, для остальныхъ же учениковъ открыть реальное училище для воспитанія учителей, техникувъ, купцовъ и бухгалтеровъ, такъ какъ многіе набожные евреи по религіознымъ причинамъ не могутъ пользоваться существующими общими реальными училищами ¹⁾.

Указанные Тугендгольдомъ недостатки сами по себѣ вѣрны, хотя въ докладахъ его сквозитъ личная ненависть къ Эйзенбауму; невѣрно только то, будто тѣми или другими мѣрами можно было достигъ того, чтобы тогдашнее еврейское общество смотрѣло на раввинское училище, какъ на учрежденіе истинно религіозное, а на воспитанниковъ его, какъ на достойныхъ духовныхъ пастырей. При той распространенности знаній талмуда въ Польшѣ и на Литвѣ и при тѣхъ требованіяхъ, которыя тамъ обыкновенно предъявлялись къ раввинамъ, никакая вообще программа раввинскаго училища не могла бы удовлетворить евреевъ. Вѣдь для достиженія должности духовнаго раввина нужно было даже самымъ даровитымъ людямъ посвящать себя исключительно изученію талмуда въ теченіе 20—25 лѣтъ! Но это еще не все; фанатическую массу возбуждало противъ воспитанниковъ раввин-

¹⁾ Szkice historyczne Hucsbauма.

скихъ училищъ не столько неудовлетворительное знаніе еврейскихъ предметовъ, сколько знаніе свѣтскихъ наукъ, изученіе коихъ въ то время считалось признакомъ ереси. Даже рациональное толкованіе библіи и изученіе еврейской грамматики влекло за собою въ то доброе старое время страшныя преслѣдованія со стороны кагала и изгнаніе изъ іешивъ со стороны ректоровъ! Что же при такихъ обстоятельствахъ могъ сдѣлать рекомендованный Тугендгольдомъ училищный совѣтъ изъ раввиновъ! Этихъ раввинамъ предстояла бы слѣдующая альтернатива: или, слѣдуя господствующимъ взглядамъ, упразднить преподаваніе въ училищѣ общихъ предметовъ вкупѣ съ библіею и еврейскимъ языкомъ, т. е. превратить его въ обыкновенную іешиву, или же, рѣшаясь на компромиссы, прослыть самимъ еретиками. Вѣдь если бы раввины хотѣли и могли идти на уступки, они сами безъ воздѣйствія правительства и безъ всякой лонки, могли разрѣшить раввинскій вопросъ введеніемъ преподаванія государственнаго языка и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ въ іешивахъ и хедерахъ. Тогда не было бы нужды ни въ раввинскихъ, ни въ другихъ казенно-еврейскихъ училищахъ ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ 1858 году послѣ смерти Эйзенбаума, тотъ же Тугендгольдъ былъ назначенъ директоромъ Варшавскаго раввинскаго училища, онъ не предпринялъ никакихъ мѣръ къ его преобразованію, утверждая, что его воспитанники поступаютъ въ училище не въ надеждѣ на раввинскую должность и не съ цѣлью спеціальнаго изученія Талмуда, знаніе котораго они легко могли бы приобрѣтать въ іешивахъ, а для приобрѣтенія знанія общеобразовательныхъ предметовъ. Впрочемъ, Тугендгольду не суждено было долго управлять этимъ училищемъ: въ 1862 году, во время польскаго возстанія, оно было закрыто навсегда послѣ 36 лѣтняго существованія.

По усмиреніи мятежа въ 1864 году, опубликовано было слѣдующее распоряженіе правит. ком. внутр. и дух. дѣлъ. Вслѣдствіе отсутствія съ закрытіемъ Варшавскаго раввинскаго училища

¹⁾ Не далѣе какъ 15 лѣтъ тому назадъ ректоръ б. Воложинской іешивы, извѣстный рабби Н. Г. Берлинъ, въ отвѣтъ на предложеніе покойнаго Цедербаума ввести въ завѣдываемой имъ іешивѣ преподаваніе общихъ предметовъ, заявилъ печатно, что хотя предметы эти сама по себѣ и не запрещены нашимъ религіемъ, однакожь онъ, рабби, считаетъ преподаваніе ихъ несовѣстными съ преподаваніемъ Талмуда; прикосновеніе ихъ, такъ сказать, профанируетъ святое ученіе. (Гамельницъ 1886 г., № 9).

школы для воспитанія раввиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія, гдѣ кандидаты на раввинскую должность могли бы сдать экзамены въ знаніи еврейскихъ и общихъ предметовъ, и въ виду невозможности оставлять еврейскія общины безъ духовныхъ наставниковъ, впредь до дальнѣйшихъ предписаній по этому дѣлу, губернскимъ правленіямъ предоставляется временно допускать къ исполненію раввинскихъ обязанностей лицъ, избранныхъ обычнымъ порядкомъ общинами, на основаніи свидѣтельства, выданнаго имъ какимъ либо раввиномъ губернскаго города въ годности ихъ для должности, а также свидѣтельства о политической благонадежности ¹⁾. Такимъ образомъ, раввинскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1864 году остался на томъ же пунктѣ, на которомъ находился при своемъ возникновеніи въ 1789 году на 4-мъ дѣтнемъ сеймѣ, не подвинувшись въ теченіе 75 лѣтъ ни на шагъ впередъ! За это время много исписано было бумаги, много встрачено энергій со стороны правительства и пионеровъ еврейскаго просвѣщенія, многое измѣнилось въ жизни польскихъ евреевъ; полное равноправіе, дарованное имъ Царемъ Освободителемъ, всеобщая воинская повинность, открытіе для нихъ дверей всѣхъ учебныхъ заведеній, измѣнившіяся условія торговли и промышленности, возрожденіе ново-еврейской литературы, — все это подвинуло за этотъ промежутокъ времени евреевъ впередъ, на пути гражданственности и общеевропейской культуры; фizioномія многихъ еврейскихъ общинъ измѣнилась до неузнаваемости; неподвижными среди этого общаго движенія остались одни раввины; они одни пребывали, какъ египетскія муміи, нечувствительными къ вліянію вѣшной атмосферы, глухими къ „глаголу времяя“, неуязвимыми къ ударамъ исторіи. Напрасно ежегодно ускользала изъ подъ ихъ вліянія масса юношей, прошедшихъ черезъ общія учебныя заведенія, напрасно собственное ихъ положеніе, какъ официальныхъ представителей еврейскихъ общинъ, настоятельно требовало отъ нихъ знанія государственнаго языка, извѣстной степени общаго образованія и знакомства съ законами страны — напрасно! Польскіе раввины за все это время, какъ принцы Бурбонской династіи, ничего не забыли и ничему не научились и, подобно папѣ Пію IX-му, все твердили свое: „Non possumus“.

¹⁾ Сборникъ постановленій вѣдомства внутр. и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго. Варшава 1866 г.

Судьбы раввинскихъ училищъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ были одинаковы: всѣ они просуществовали всего около трехъ десятковъ лѣтъ; ни одно изъ нихъ не могло исполнить необходимо наведенную имъ миссію—снабдить еврейскія общины духовными наставниками, но за то всѣ они нанесли первую брешь въ окружающую наше гетто китайскую стѣну и послужили краеугольнымъ камнемъ еврейскаго просвѣщенія. Что же касается связаннаго съ этими училищами раввинскаго вопроса, то правительство наше относилось къ нему въ Царствѣ Польскомъ далеко не такъ, какъ въ Имперіи. Тамъ (въ Имперіи) оно дѣйствовало строго и послѣдовательно; утверждало въ званіи раввиновъ только лицъ, окончившихъ раввинскія училища или же сдавшихъ экзаменъ изъ курса уѣздныхъ училищъ, и по закрытіи Виленскаго и Житомирскаго раввинскихъ училищъ (1873 г.) не только не отиѣнило требуемаго отъ раввинскихъ кандидатовъ образовательнаго ценза, но еще повысило его до разиѣровъ курса средне-учебныхъ заведеній; въ губерніяхъ же Царства Польскаго, быть можетъ вслѣдствіе особеннаго политическаго положенія края, правительство относилось къ этому дѣлу терпѣливѣе, болѣе сообразовалось съ волею и религіозными понятіями большинства еврейскаго населенія. Изъ учениковъ Варшавскаго училища ни одинъ не былъ назначенъ правительствомъ на раввинскую должность, а по закрытіи этого заведенія былъ отиѣненъ и установленный раньше образовательный цензъ для раввиновъ.

Такое положеніе не могло, однако же, продолжаться долго. Раввины Царства Польскаго, утверждаемыя въ должности губернскими правленіями и получающіе жалованье изъ магистрата, состоятъ въ перепискѣ съ начальствомъ и обязаны исполнять различныя государственныя и общественныя функціи, для коихъ знаніе русскаго языка необходимо. Сознывая это и принявъ во вниманіе прежнія неудачныя попытки, мѣстное начальство постановило вновь подвергать раввиновъ и ихъ помощниковъ экзамену, но по значительно сокращенной программѣ.

Сущность вошедшаго въ силу въ 1886 году Высочайше утвержденаго 15 февраля 1885 года положенія комитета министровъ объ испытаніи въ русскомъ языкѣ раввиновъ и подраввиновъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, заключается въ слѣдующемъ:

- 1) Испытаніе производится въ установленныхъ для этой цѣли

губернскихъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ. Въ составъ экзамен. комиссіи входятъ: вице-губернаторъ, совѣтникъ административнаго отдѣленія губернскаго правленія и два учителя гимназій.

2) Отъ испытанія освобождаются: а) лица, окончившія курсъ наукъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и б) раввины и подравнины, утвержденныя къ этимъ должностямъ до 15 февраля 1885 года, при переходѣ на такія же должности въ другіе божничные округа. 3) Отъ испытаній требуется знаніе русскаго языка въ объемѣ программы двухклассныхъ начальныхъ сельскихъ училищъ, утвержденной мин. нар. просвѣщенія 31 мая 1864 года. Испытанія должны быть письменныя и устныя. Письменныя состоятъ въ письмѣ подъ диктовку и въ составленіи легкаго сочиненія; устныя же состоятъ въ чтеніи и пересказѣ прочитаннаго, въ отвѣтахъ на вопросы изъ русской грамматики и во владѣніи русскою живою рѣчью. 4) Кромѣ русскаго языка отъ испытываемаго требуется знаніе дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго узаконеній и распоряженій правительства объ обязанностяхъ раввиновъ и подраввиновъ, о бракѣ между лицами Моисеева закона вѣри, о погребеніи умершихъ, о божничныхъ дозорахъ, объ особыхъ сборахъ въ средѣ еврейскаго населенія и т. п.

Это новое „Положеніе о раввинахъ и подравнинахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго“, благодаря своей умѣренности, оказалось на практикѣ выполнимымъ, особенно по введеніи въ этомъ краѣ въ 1886 году обязательнаго преподаванія русскаго языка въ хедерахъ и іешивахъ; кандидаты на раввинскія должности ежегодно появляются на испытанія въ экзаменаціонныя комиссіи и удовлетворительно сдаютъ ихъ. Правда, что скромныя требованія „Положенія“ не особенно способны расширить кругозоръ мѣстныхъ раввиновъ, правда и то, что дѣйствіе этого „Положенія“ очень медлительное, такъ какъ изъ него изъяты всѣ раввины, утвержденныя въ своей должности до 15 февраля 1885 года; но 1) важно уже и то, что есть полная увѣренность въ томъ, что хотя лѣтъ черезъ 20 всѣ раввины въ Царствѣ Польскомъ будутъ владѣть государственнымъ языкомъ на столько, насколько это необходимо для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, будутъ въ состояніи объясняться съ начальствомъ безъ помощи переводчиковъ; 2) требуемый отъ раввиновъ цензъ можно будетъ повышать постепенно. Во всякомъ случаѣ дѣло это поставлено въ Царствѣ

Польскомъ далеко практичѣе, чѣмъ въ Имперіи, гдѣ вслѣдствіе предъявленія къ раввинамъ непопулярныхъ требованій, установился, неимѣющий себѣ нигдѣ въ мірѣ ничего подобнаго, *двойственный раввинатъ*, изображающій собою въ живыхъ картинахъ шестіе хромого со слѣпыхъ въ древне-еврейской баснѣ, и гдѣ одинъ, дѣйствительный, пользующійся довѣріемъ общины раввинъ совершенно игнорируется правительствомъ, а другой фистивный, не получившій никакой подготовки къ раввинскому званію, мѣтко прозванный народомъ „казеннымъ“, фигурируетъ, какъ оффиціальныи представитель религиозныхъ интересовъ евреевъ... Не говоря уже объ обременительности казеннаго раввинатства для нашей, и безъ того обремененной бѣдной массы, оно унизило въ концѣ высокое раввинское званіе въ глазахъ чужихъ и даже своихъ. Дошло до того, что на „раввинскій престолъ“ попадаютъ люди, незаконные съ еврейскимъ молитвенникомъ, а подчасъ и съ еврейскою азбукою изъ среды неудавшихся медиковъ, юристовъ, аптекарей, ветеринаровъ, дантистовъ и тому подобныхъ разночинцевъ! Печальнѣе всего то, что наши русскіе евреи примирились съ этимъ постыднымъ положеніемъ своего раввината; примирилась съ нимъ впрочемъ и самая духовная раввина, какъ примирились съ коробочнымъ и свѣчнымъ сборами. Кто-то изъ нихъ, помнится, высказалъ въ печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ ту мысль, что видѣвшииъ оплотомъ св. Торы на землѣ русской служатъ казенные раввины (!!), ибо они, освобождая духовныхъ раввиновъ отъ всякихъ административныхъ и общественныхъ обязанностей и отъ всякихъ заботъ о дѣлахъ мірскихъ, даютъ имъ возможность посвящать себя всецѣло изученію Талмуда. За то недовольные настоящимъ положеніемъ раввината стали являться (кто бы подумалъ) среди самихъ казенныхъ раввиновъ. Одинъ изъ лучшихъ представителей послѣднихъ, Ростовскій на Дону общественный раввинъ, д-ръ Айзенштатъ, краснѣя за своихъ коллегъ изъ разночинцевъ, указалъ недавно (Гамелиць № 249 за 1900 г.) на необходимость учрежденія комитета изъ лучшихъ и ученѣйшихъ раввиновъ, который былъ бы облеченъ властью подвергать кандидатовъ на раввинскую должность испытанію въ знаніи еврейскихъ предметовъ. И такъ, вмѣсто прежней заботы о знаніи раввинами русской грамоты, у насъ явилась другая — о знаніи ими еврейской! Почтеннѣйшій д-ръ

Абсолютно и не замѣчать сколько горькой ироніи въ его предложеніи!

Единственно справедливое и возможное рѣшеніе раввинскаго вопроса въ Россіи, по нашему мнѣнію, это пока то, которое принято нашимъ правительствомъ въ Царствѣ Польскомъ; что же до интеллигентной части еврейства, живущей преимущественно въ большихъ городахъ и неудовлетворяющейся болѣе раввинами стараго пошиба, то она можетъ себѣ по желанію выбирать просвѣщенныхъ проповѣдниковъ, какъ это въ Варшавѣ и Лодзи.

А. Палерна.

Гласъ изъ пустыни.

(Письмо седьмое).

Еврейскій духъ ничѣмъ не укрѣпленный, питаясь изъ одного только источника, какъ бы возвышенъ и прекрасенъ онъ ни былъ, не можетъ устоять въ борьбѣ съ современными жизненными и практическими теченіями именно потому, что оторвавшись давно отъ жизненной почвы, онъ удалился въ одну только духовную область и даетъ одни лишь отвлеченные элементы. Поэтому-то, совершая этотъ удивительный, своеобразный и величавый духовный міръ, вмѣстѣ съ восторгомъ испытываешь и глубочайшую боль отъ сознанія, что это—міръ уходящій, вытѣсняемый новымъ, грубымъ прованческимъ міромъ, такъ какъ вообще столкновение съ грубой практической жизнью вытѣсняетъ всѣ высокія мечты, всѣ дивныя иллюзіи.

Впрочемъ, о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы спасти эту великую духовную область, мнѣ, вѣроятно, придется еще поговорить. Теперь я только имѣю въ виду показать, что она еще существуетъ, существуетъ именно при самыхъ ужасныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Можно бы сказать совсѣмъ не метафорически, что огромная часть литовскаго еврейскаго населенія живетъ, т. е. питается исключительно духомъ. Иначе она должна была бы давно выродиться физически и нравственно. Здѣсь вполне оправдался на практикѣ слова Пятикнижія אֵין אֵין אֵין אֵין אֵין (не однимъ только хлѣбомъ будетъ жить человекъ) и нигдѣ не обнаруживается такъ сила и мощь духа, какъ тутъ.

При столь развитой духовной жизни неудивительно, если тутъ среди народной массы попадаются такія феноменальныя личности, какъ напр. сапожникъ р. Мойше, котораго я откопалъ въ тѣхъ же Россіяхъ гдѣ то на чердакѣ. Да, этотъ р. Мойше

по истинѣ рѣдкое явленіе, какое можетъ содѣять одно только литовское еврейство, и съ нимъ стоитъ познакомиться поближе.

Столкнулся я съ нимъ совершенно случайно. Нужно было произвести какія то починки въ моемъ чемоданѣ, и мнѣ указали на него, и при этомъ, кажется, сказали, что это сапожникъ довольно оригинальный. Въ этомъ я тотчасъ же убѣдился. Когда я ему заплатилъ за починку двадцать пять или тридцать копѣекъ, онъ удержалъ только пятнадцать, говоря, что больше ему никакъ не слѣдуетъ, и, несмотря на всѣ мои уговоры, всѣ остальные деньги возвратилъ мнѣ. До сихъ поръ я вижу предъ собой его прекрасное наивное лицо, смуглое, съ высокимъ большимъ лбомъ, съ большими черными, дѣтски глядящими глазами, которые временами оваряются словно блескомъ молніи и становятся прекрасными, всякій разъ какъ оставляетъ обыкновенную почву и начинаетъ говорить о своемъ «предметѣ». Иногда въ этихъ прекрасныхъ бархатныхъ глазахъ вспыхнетъ и страшный огонекъ гнѣва и негодованія. Но это очень рѣдко. Эти мягкіе глаза обрамлены большой дугой черныхъ густыхъ суровыхъ бровей, а все лицо окаймлено густою черною бородою, закрывающей всю его грудь; онъ очень маленькаго роста, но сложенъ довольно крѣпко. Ему лѣтъ сорокъ, а быть можетъ и меньше. Густые волосы, которыми заросло его лицо, дѣлаютъ его значительно старше съ перваго взгляда. Но чѣмъ больше вглядываешься въ эти чистые дѣтскіе глаза и слушаешь его наивную рѣчь, тѣмъ моложе онъ начинаетъ казаться. У него жена и пятеро дѣтей, изъ которыхъ самому старшему четырнадцать лѣтъ. Двое уже умерло. Онъ зарабатываетъ рубля два въ недѣлю, когда имѣетъ работу, частенько же его заработокъ не превышаетъ рубля. Недѣля другая проходитъ иногда такъ, что ни одинъ старый сапогъ не попадаетъ къ нему въ руки. Его жена ежедневно мѣситъ огромное корыто тѣста у мѣстнаго пекаря и получаетъ шестнадцать копѣекъ въ недѣлю; иногда она покупаетъ и перепродаетъ курицу и на этомъ «перехватитъ» двѣ-три копѣйки. Подъ праздникъ она на сотнѣ яицъ тоже зарабатываетъ нѣсколько копѣекъ. Занимаютъ они съ семьей два маленькихъ чулана на чердакѣ, за которые платятъ двадцать рублей въ годъ и должны уже за два года. Первый чуланъ—кухня: тутъ же верстакъ и большая кровать,

во второмъ опять кровать, плетеная колыбелька, привѣшанная къ потолку, старый шкафчикъ, задымленная лампочка съ надтреснутымъ стекломъ. Все тутъ глядитъ мрачно, убого, неприглядно. Тутъ-то ребъ Мойше живетъ впроголодь съ своими дѣтками, изъ которыхъ младшія совсѣмъ почти наги, а старшія кое-какъ прикрыты засаленнымъ тряпьемъ. Но все это сущіе нутяки. Такъ живутъ сотни тысячъ евреевъ, и р. Мойше не лучше ихъ. Такъ онъ постоянно твердить женѣ.

У него же совсѣмъ нная забота. Онъ, видите ли тщательно штудировалъ «Словарь знаменитостей» (ע'למ'י ע'למ'י) и, увы! какъ это ни печально, нашелъ его невѣрнымъ и совсѣмъ неполнымъ. Много именъ знаменитыхъ раввиновъ и ученыхъ ускользнуть отъ потомства, благодаря невѣжеству или небрежности составителя. Существуетъ, правда, еще другой словарь ע'למ'י ע'למ'י ע'למ'י. И его онъ тщательно изучилъ. Но и онъ не выдерживаетъ критики. Такъ онъ мнѣ объяснилъ. Какъ же можетъ онъ, р. Мойше изъ Россіи, спокойно класть заплаты на разные неказистые и искривленные башмаки и еще болѣе изуродованные сапоги, когда эти заплаты необходимо совсѣмъ налагать въ другихъ мѣстахъ, дабы не исчезло столько славныхъ именъ изъ среды общины Израиля. Долго ломалъ онъ себѣ голову, какъ помочь этому горю, какъ возстановить всѣ эти славныя забытыя имена, исправить вкравшіяся ошибки въ родословную нѣкоторыхъ. Послѣ долгихъ размышлений, онъ рѣшилъ, что заплатами тутъ ничего не подѣлаешь, а надо все начать сначала.

И вотъ онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни составить новый словарь великихъ людей, который и назвалъ ע'למ'י ע'למ'י ע'למ'י. Память у него неимовѣрная. Онъ чуть ли не всѣхъ ученыхъ раввиновъ знаетъ наизусть и ихъ родословную, и въ точности вамъ скажетъ, кто когда и гдѣ жилъ, когда родился и умеръ. Какъ только улучшить свободное время, онъ бѣжитъ въ бесгамедрашъ и зарывается въ книги, ищетъ, копается, чтобы отыскать нужное. Какъ только попадетъ имя или дата, имѣющія отношеніе къ его предмету, или даже случайно онъ услышитъ объ этомъ (а онъ всегда прислушивается къ бесѣдамъ ученыхъ и съ жадностью ловить ихъ слова), онъ все сейчасъ записываетъ. Да, легко сказать—записываетъ! Въ томъ

то и несчастье, что р. Мойше не умѣетъ записывать, т. е. просто писать не умѣетъ. И гдѣ, и какъ ему было научиться писать? Родился онъ въ какомъ то глухомъ городишкѣ Немокинтахъ, кажется. Когда ему было три года, его отецъ переѣхалъ въ какую то деревушку, заброшенную среди дремучаго лѣса, гдѣ и поселился въ качествѣ «пактора», т. е. арендатора. Тамъ онъ приготовлялъ молочные продукты, которыми и торговалъ, отвозя ихъ въ ближайшее мѣстечко. Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ р. Мойше рассказываетъ о прямомъ и чрезвычайной честности своего бѣднаго отца пактора, какой блаженный огонекъ горитъ тогда въ его влажныхъ отъ волненія глазахъ. Когда Мойше было девять лѣтъ, пакторъ р. Гершонъ (такъ звали его отца) умеръ, оставивъ сыну свою легендарную честность, а всей семьѣ безвыходную нужду и горе. Мать съ семьей переѣхала тогда въ городъ. Его отдали въ Т. Тору, т. е. къ меламенту, который за известную до смѣшного ничтожную плату, получаемую отъ ^лтр, обучалъ двадцать или двадцать пять несчастныхъ, оборванныхъ и вѣчно голодныхъ сиротъ въ темной и грязной конурѣ, пользуясь надъ ними безграничной властью.

Такъ учился онъ года полтора, а потомъ его отдали къ сапожнику на четыре года. Сапожникъ былъ какой то извергъ и жестоко его тиранилъ, избивая ремнями, дубинками и чѣмъ попаало.

— Почему же вы его не бросили? спросилъ я его, слыша рассказъ объ этихъ страшныхъ истязаніяхъ, о которыхъ онъ, между прочимъ, рассказывалъ съ величайшимъ дѣтскимъ простодушіемъ, безъ тѣни злобы.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и отвѣтилъ: «Ему же дали слово, что я буду у него четыре года». И онъ сдержалъ свое слово, несмотря на всѣ вынесенныя муки.

Да, онъ учился сапожному ремеслу, къ которому очень мало питалъ любви, у него были совсѣмъ другія наклонности. Его духовные взоры были всегда направлены туда, къ храму науки и молитвы. Туда онъ убѣгалъ въ свободныя минуты и слушалъ, запытавшись въ уголь, затанувъ дыханіе, слушалъ, и вся его душа тогда ликовала. Какой чудный міръ тутъ! Кабы тутъ остаться навсегда. Но онъ могъ приходить сюда только

урывками, даже въ субботу и праздникъ онъ не былъ свободенъ, ибо хозяинъ или хозяйка удерживали его особенно въ первые годы для домашнихъ услугъ. И вотъ такими то урывками онъ приобрѣлъ то, что зналъ. Хорошо еще, что онъ хотя кое-что понимаетъ въ книгѣ, научиться писать не было возможности. Надо, однако, замѣтить, что это довольно частое явленіе у бѣднаго люда среди евреевъ и особенно на Литвѣ, что человѣкъ порядочно понимаетъ по древне-еврейски, читаетъ часто и вообще книжникъ, а писать не умѣетъ. Впрочемъ, и знанія у нашего бѣднаго сапожника весьма ограничены.

Но какой то инстинктъ ему все подсказываетъ и руководить имъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается его специальности. Это у евреевъ довольно частое явленіе. Я знаю людей, которые изучали высшую математику по нѣмецкимъ и французскимъ учебникамъ, не имѣя никакого понятія объ этихъ языкахъ.

Да, такъ вотъ р. Мойше писать не умѣетъ. Но за то Богъ устроилъ такъ, что другіе умѣютъ писать, и это тоже хорошо. Р. Мойше стоитъ у края стола въ бесѣ-гамедрашѣ съ книгой которую поднесъ совсѣмъ близко къ глазамъ, такъ какъ онъ близорукъ. Вотъ лицо его озарилось счастливой улыбкой. Онъ немного призадумался, но опять рѣшительно закивалъ. Этого имени нѣтъ въ *с'л'ул ш*. Это онъ вѣрно знаетъ, а память р. Мойше, какъ я уже сказалъ, совсѣмъ феноменальная, и онъ на нее можетъ положиться вполне. Онъ не спутаетъ ни одного имени, года смерти и рожденія.

И такъ онъ ликуетъ. Онъ нашелъ новое, не попадавшееся еще никогда имя; сейчасъ же надо его занести въ свою тетрадку. Р. Мойше оглядывается: тамъ въ углу сидитъ мальчикъ или юноша за Талмудомъ. «Юшке или Леварке», кликнетъ онъ того: «запиши мнѣ, пожалуйста, вотъ это имя».

Малый уже знаетъ р. Мойше и идетъ на его зовъ, тѣмъ болѣе что у него такое умоляющее лицо. Но гдѣ взять письменныя принадлежности? Не безпокойтесь. Все предвидѣно. Р. Мойше нагибается, вынимаетъ изъ голенища чернильницу и огромный засаленный и потертый пеналь съ ручкой и перомъ внутри. Безъ этихъ принадлежностей онъ никогда изъ дома не выходитъ. Изъ за пазухи же вытаскиваетъ онъ свою за-

саленную тетрадку, куда Иошке или Лазарьке вносить новый перлъ. И такимъ образомъ, р. Мойше уже составилъ толстѣйшую тетрадь, гдѣ красуются тысячи именъ. Это засаленная, пропитанная потомъ и жиромъ тетрадь или «рукопись», писанная вкривь и вкось различными почерками! Сколько въ ней дѣтски наивно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чего-то глубоко трогательнаго, даже трагическаго. Въ ней вѣдь сосредоточены всѣ высшіе интересы этого человѣка; сюда онъ вложилъ всѣ свои духовныя силы, т. е. все свое существо.

Р. Мойше не ограничивается одними мѣстными изысканіями. Коли нужно, онъ и въ переписку вступаетъ съ разными раввинами и другими лицами для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по генеалогіи ихъ собственной или другихъ раввиновъ и ученыхъ, съ которыми они состоятъ въ родствѣ; и онъ получаетъ отвѣты, въ которыхъ его часто величаютъ громкими, очень почетными титулами. Всѣ эти отвѣты онъ хранитъ, какъ святыню. Въ нихъ вся его гордость, и многіе изъ нихъ онъ постоянно носитъ при себѣ. Разумѣется, эти письма ему пишутъ и читаютъ другіе.

Само собою разумѣется, что этотъ мученикъ науки, какъ и всѣ идеалисты, также мученикъ своей жены, которая за полпуда муки очень охотно отдала бы всѣхъ знаменитостей всѣхъ временъ. И вотъ она его вѣчно грызетъ и обдаетъ упреками за то, что онъ не думаетъ о семьѣ, а занимается «глупостями». Обычно онъ выносить эти упреки съ терпѣніемъ Сократа и ничего не отвѣчаетъ, хотя они и сыплются на него непрерывно. Но иногда и онъ теряетъ терпѣніе, и тогда въ его глазахъ, всегда глядящихъ такъ дѣтски наивно и выражающихъ столько безконечной бодрости и самоотреченія, молніей заблеститъ тотъ гнѣвный и негодующій огонекъ, о которомъ я говорилъ выше. Однажды, какъ мнѣ рассказывали, его жена во время продолжительной голодовки, съ яростью накинулась на знаменитую рукопись, въ которой она видитъ главное препятствіе къ ея благоденствію,—съ намѣреніемъ ее уничтожить. Тутъ р. Мойше пришелъ въ такое неистовство, что разбилъ стоявшую тутъ на землѣ корзину съ назначенными для продажи яйцами. Съ тѣхъ поръ его рукопись обезпечена отъ всякихъ покушеній. Упреки же, разумѣется, не прекратились.

Таковъ-то сапожникъ р. Мойше.

Я невольно вспоминаю классическихъ героевъ Плутарха, съ которыми считаютъ необходимымъ познакомиться юношество для подражанія, и я думаю, что чистый идеализмъ, феноменальная честность и высокія духовныя стремленія этого бѣднаго голоднаго сапожника въ сотни разъ поучительнѣе и болѣе облагораживающе должны дѣйствовать, чѣмъ подвиги многихъ мужей древности и, пожалуй, мужей всѣхъ временъ въ области всякихъ завоеваній и кровавыхъ побѣдъ.

И такихъ безвѣстныхъ героевъ не мало среди народной массы Литвы. Да, почти каждый бѣднякъ, столь тщательно охраняющій свое духовное достояніе при всѣхъ бѣдствіяхъ и лишеніяхъ, при той мучительной борьбѣ за свое несчастное существованіе, отъ которой онъ ни на минуту не освобождается въ теченіе всей своей жизни, есть уже герой! Чѣмъ нѣ герои вотъ эти группы евреевъ, изъ которыхъ одну я видѣлъ въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска по дорогѣ къ крѣпости, а другую по дорогѣ между Кельмомъ и Шавлями. Первая группа, которую я видѣлъ около Брестъ-Литовска, состояла человекъ изъ восьми. Большинство изъ нихъ люди молодые, лѣтъ двадцати, двадцати пяти; есть и юноша лѣтъ пятнадцать и два старика лѣтъ шестидесяти пяти. Эта группа людей разбивала камни для шоссе. Передъ ними навалена куча большихъ крѣпкихъ, какъ желѣзо, сѣрыхъ камней, которые они раздробляютъ въ мелкіе куски, а затѣмъ складываютъ въ отдѣльныя кучи, въ кубическую сажень каждая. За такую кубическую сажень они въ рабочую пору лѣтомъ получаютъ десять рублей. Молодые и сильные дѣлаютъ такую сажень въ восемь—десять дней; старики же употребляютъ на это двѣ недѣли. Пятнадцатилѣтній юноша, выглядѣвшій совсѣмъ мальчикомъ, по ловкости и быстротѣ работы, идетъ рядомъ съ молодыми. Зимой за эту работу имъ платятъ гораздо меньше, и заработокъ еле достигаетъ трехъ рублей въ недѣлю. Это самый каторжный трудъ, предъ которымъ даже бѣднѣе трудъ вавонника. Болѣе всего меня потрясаетъ видъ этого высокаго старика съ бѣлой длинной бородой и длинными бѣлыми пейсами, въ длинномъ талесъ-котенѣ, въ старой ермолкѣ, повязанной сверху платкомъ, съ вытянутымъ бѣднымъ лицомъ и болѣзненными глазами. Его босыя ноги

окутаны множествомъ грязнаго тряпья. Этими обернутыми ногами онъ крѣпко придерживаетъ большой сѣрый гранитный камень, который разбиваетъ тяжелымъ молотомъ. Воздухъ неподвиженъ; стоитъ палящій июньскій зной, а бѣдные рабочіе стоятъ согнувшись надъ гранитомъ и бьютъ тяжкими молотами, словно во времена фараоновъ. Признаюсь, меня стали душить слезы при видѣ этихъ добровольныхъ фараоновскихъ рабовъ. Нѣтъ, я бы вовсе не хотѣлъ, чтобы евреи принуждены были изводить свои силы такимъ изнурительнымъ трудомъ. Они могли бы совершать нѣчто лучшее. Не гордость, а ужасъ я испытываю при подобномъ зрѣлищѣ, такой же ужасъ, какъ еслибы я увидѣлъ собственныхъ дѣтей, осужденныхъ добывать себѣ пропитаніе подобнымъ трудомъ. Мнѣ тогда представилась картина еврейскихъ плѣнниковъ, проданныхъ римскими разбойниками въ рабство на далекой чужбинѣ и употребляемыхъ тамъ на самыя тяжкія работы. Развѣ это въ самомъ дѣлѣ не тѣ же плѣнники, живущіе все въ томъ же рабствѣ съ тѣхъ поръ.

Я жилъ въ одной бѣдной деревушкѣ въ Савоѣ, гдѣ, какъ извѣстно, крестьяне не брезгаютъ никакимъ трудомъ, чтобы дополнить свой скудный доходъ съ крошечныхъ участковъ земли. Но и тутъ за трудъ каменобоя—*casseur de pierres*—брался уже самый отчаянный бобыль.

Какъ однако ни тяжелъ трудъ этихъ многовѣковыхъ плѣнниковъ, но заговорите съ ними, и вы сейчасъ убѣдитесь, что въ нихъ не погухла искра Божія, что и они въ свободныя минуты ищутъ отдыха и забвенія отъ тяжкихъ трудовъ своихъ въ мірѣ духовномъ и утѣшенія въ словѣ Божиѣмъ, которое они еще цѣнятъ выше всѣхъ благъ.

Это, правда, наиболѣе невѣжественные, наиболѣе огрубѣлые среди литовскихъ евреевъ; но и между ними, особенно между стариками, есть люди съ нѣкоторыми знаніями, а уже Пятикнижіе они всѣ почти понимаютъ въ текстѣ.

Я возвращался изъ крѣпости обратно въ городъ. Солнце низко опустилось и уже близко было къ закату. Въ полѣ поднялся вѣтерокъ, и пронеслась по немъ упонительная ароматная свѣжесть. Лошади идутъ шагомъ, и все время до меня доносится однообразный стукъ ударяющихъ о камень молотовъ. Но вотъ стукъ мгновенно затихъ, и замерло, и затихло все кругомъ. На

травкѣ немного поодаль отъ дороги; около небольшого одъноко стоящаго дерева, стоитъ небольшая группа людей съ лицами, обращенными къ востоку, и молятся съ тихимъ благоговѣніемъ.

Вотъ солнце послало имъ свои послѣдніе лучи, которые падаютъ на ихъ согбенныя спины, на макушку сѣдвласой многострадальной головы старика, и потомъ потонуло, словно окунулось въ густой листвѣ почернѣвшаго лѣса. Я весь замеръ при созерцаніи этой чудной картины, которая такъ и просится на полотно великаго художника. Но наши художники свой божественный огонь, полученный ими изъ священнаго еврейскаго очага, уносятъ къ чужимъ, а къ намъ возвращаются уже безжизненными трупами, украшая одни наши кладбища. Мы, однако, настолько потеряли человѣческое достоинство, что гордимся и чувствуемъ себя осчастливленными и этой честью, оказанной намъ послѣ смерти, въ то время какъ при жизни эти «великіе» покойники насъ, можетъ быть, и знать не хотѣли.

Въ другой разъ плелся я шагкомъ на одноколѣ по узенькой дорожкѣ, среди дремучаго темнаго лѣса, какіе попадаютъ только въ этой суровой Жмуди. Ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ сюда. Оно вообще тутъ рѣдко показывается изъ-за густыхъ облаковъ, которыя почти постоянно висятъ надъ землей. Дико и мрачно кругомъ до того, что кажется мнѣ, будто я пробираюсь по дѣвственнымъ лѣсамъ, гдѣ не ступала еще человѣческая нога. Только временами попадающіяся крошечныя, прикрѣпленныя къ деревьямъ часовеньки, уставленныя разными пестро наряженными изображеніями и искусственными цвѣтами, напоминаютъ о близости людей.

Мѣстами попадаютъ распятія, тоже прикрѣпленныя къ корявымъ стволамъ старыхъ дубовъ. Отъ этихъ признаковъ близости человѣка мнѣ, однако, становится все болѣе и болѣе жутко, и меня словно начинаетъ окутывать какой-то мракъ. Мнѣ кажется, что вотъ, вотъ изъ густой чащи выступить вейделоть, потащить въ свою пещеру-капище, и тамъ принесть меня въ жертву въ угоду грозному богу Перкунасу или другому менѣе грозному божеству. Около семи часовъ утра. Такъ плетусь я долго; телѣжка скачетъ по выступающимъ изъ-подъ земли толстымъ корнямъ. Мракъ все какъ

будто спускается. Изъ-за густой листвы, сплетенной въ сплошной сводъ, не видать и нятнышка неба.

Но вотъ въ глубинѣ налѣво что-то бѣгѣтъ между огромными сѣрыми стволами осокора. Я всматриваюсь внимательно, не обманъ-ли это зрѣніе. Нѣтъ, что-то такое похожее на привидѣніе. Я останавливаю извощика и схожу. Что за странное, совсѣмъ неожиданное зрѣлище! Здѣсь, среди дикаго мрачнаго лѣса, куда, кажется, человекъ никогда не проникалъ, тутъ мнѣ представилось слѣдующее зрѣлище:

Нѣсколько фигуръ, закутанныхъ съ головы до ногъ въ бѣлое, стоятъ подъ темной листвою огромнаго вѣтвистаго дерева. Двое изъ нихъ, тоже укутанные въ бѣлое, сидятъ на срубяхъ, погруженные въ книги, которыя они держатъ предъ собой. Это не нимфы, не сатиры, не друиды и не вейделоты, а молящіеся евреи въ своихъ талесахъ.

Кругомъ лежатъ распиленные стволы, разныхъ размѣровъ доски, валяются множество бревенъ, щепокъ; тамъ, немного дальше, почернѣвшій деревянный шалашъ, около котораго сильно дымить огонекъ, надъ которымъ стоитъ котелочекъ, а предъ огнемъ на камняхъ стоитъ малышъ лѣтъ четырнадцати. Эти евреи тутъ работаютъ, приготовляя «schindlen» (тедь) для крышъ. Тутъ они проводятъ цѣлую недѣлю, работая до семнадцати часовъ въ день въ глубинѣ лѣснаго мрака, ночуя въ скверномъ шалашѣ, который весь протекаетъ. Днемъ согрѣваешься работой, а ночью часто попадаешь отъ холода, — зубъ на зубъ не попадаетъ. Лежатъ они иногда насквозь промокшіе около образовавшихся лужъ—и дрожать. Но дрожать приходится не отъ одного только холода. Эти люди, эти вѣчные труженики, которыхъ честную руку недостойнъ пожать иной владыка міра сего, эти самоотверженные мученики, жертвующіе всѣмъ, чтобы накормить семью,—они, видите ли, преступники въ глазахъ нѣкоторыхъ. Они даже не имѣютъ права ночью пребывать въ этихъ лужахъ, не имѣютъ права отдыхать тамъ, гдѣ такъ тяжело трудятся. Если же ихъ настыгнуть, тогда бѣда. И вотъ часто, заслышавъ стукъ колесъ вечеромъ, они принуждены сосканивать съ постелей и убѣгать куда глаза глядятъ въ чашу. Но въ послѣднее время (такъ передаетъ мнѣ одинъ) ихъ оставили въ покоѣ: „Mir hobeu izt a guten poritz—

er pikt van der Hand“... Такъ они живутъ тутъ цѣлую недѣлю, а на субботу расходятся пѣшкомъ по своимъ домамъ. Они изъ разныхъ мѣстъ Россіенскаго уѣзда, съ странными жмудскими названіями, которыя трудно запомнить. Теперь часть молится, а часть тамъ работаетъ, распиливая толстые стволы на доски. У нихъ тутъ всё молитвенныя принадлежности, а у двухъ оказались и другія книги, кромѣ молитвенниковъ.

Ихъ всего тутъ семь или восемь человѣкъ. Иногда приходятъ къ нимъ нѣкоторые евреи изъ сосѣдняго гѣса, и тогда они молятся мнѣнономъ. Но это очень рѣдко случается. Работаютъ они съ тысячи и зарабатываютъ до четырехъ рублей въ недѣлю при усиленномъ пятнадцати и даже семнадцати-часовомъ трудѣ въ день. За то въ пятницу они бросаютъ работу очень рано: въ десять—одиннадцать часовъ утра. И никто изъ нихъ не жалуется; о своихъ невзгодахъ и всякихъ перетерпѣваемыхъ неприятностяхъ они рассказываютъ шутливо, вставляя иногда мѣткія, полныя юмора словечки.

Всѣ бодры, за исключеніемъ одного маленькаго, очень худенькаго, который все время угрюмо молчитъ и задумчиво снимаетъ свои молитвенныя принадлежности. У него очень желтое, морщинистое лицо, хотя онъ глядитъ еще молодымъ. И чѣмъ-то хорошимъ вѣетъ отъ этихъ людей, на которыхъ я гляжу съ нѣмымъ благоговѣніемъ. И хорошо мнѣ съ ними, и такъ грустно, что-то такое сжимаетъ сердце. Это не обыкновенныя чернорабочіе, нѣтъ. Такихъ чернорабочихъ не имѣетъ ни одинъ народъ въ Европѣ. Не отводятъ они душу въ кабачкѣ, не заливаютъ горе пивомъ или водкою, не пробавляются циническими разсказами или пѣсенками, не играютъ въ карты для времяпрепровожденія, не знаютъ вообще никакихъ удовольствій и развлеченій, какія позволяетъ себѣ самый обиженный труженикъ изъ другихъ народовъ. Ихъ жизнь—жизнь истыхъ святыхъ, святыхъ, которые заняты не только постомъ и молитвой, но и тяжело работаютъ для своей семьи. И потому лица у нихъ совсѣмъ не такія, какъ у другихъ. Они свѣтятся умомъ, на нихъ лежитъ печать чего-то высшаго. Цѣлую недѣлю они питаются чернымъ хлѣбомъ и вареными „бульбами“ (картофелемъ), а впереди имъ улыбается не „разлюбезная“, не попойка въ веселой компаніи, а „невѣста суббота“,

ждуца въ ихъ бѣдной, мрачной, но привѣтливо убранной хижинѣ, среди дорогой семьи, затѣмъ домъ Божій, гдѣ въ молитвѣ и чтеніи псалмовъ изольетъ онъ всю свою душу, гдѣ, подобно всѣмъ, навѣрное имѣеть своего учителя и наставника. Тутъ онъ и побесѣдуетъ съ добрымъ знакомымъ о разныхъ разностяхъ, не исключая и политики.

И очищенный и укрѣпленный въ этой нравственной атмосферѣ, онъ съ новыми нравственными силами опять на недѣлю удалится въ темную глубь лѣса.

Когда я познакомился съ нравственнымъ обликомъ еврейскихъ колонистовъ нѣкоторыхъ колоній Херсонской губерніи (Ингулецъ, Ново-Полтавка и др.), увидѣлъ ихъ непроходимое невѣжество, дикій эгоизмъ, отсутствіе какого-либо пониманія общихъ интересовъ, ихъ вѣчныя дразги, ябеды и доносы, ихъ болѣзненную страсть ко всѣмъ внѣшностямъ городской цивилизаціи, изъ-за которыхъ иные буквально разоряются (одинъ колонистъ продалъ свой хлѣбъ на корню, чтобы сдѣлать своей женѣ ротонду и какъ разъ такую, какую носить жена мѣстнаго кулака и пивки изъ разбогатѣвшихъ колонистовъ); когда я видѣлъ все это, то, несмотря на замѣченное вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбіе и прочія качества, я подумалъ про себя: «Провидѣніе, очевидно, знало, что дѣлать, устраивая всякія препятствія къ увеличенію среди насъ землепашцевъ. Ибо оно хотѣло предохранить нѣсколько десятковъ или сотенъ тысячъ евреевъ отъ самаго дикаго огрубѣнія». И я Его мысленно благословилъ за это.

Но вотъ я посѣтилъ нѣкоторыя еврейскія колоніи Россійскаго уѣзда, и къ такимъ печальнымъ выводамъ не пришелъ. Правда, нелѣпо очень идеализировать земледѣльческій трудъ и видѣть въ немъ нѣчто идиллическое. Природа имѣеть въ себѣ столько неодолимаго обаянія, что мы всегда, вслѣдствіе этого, часто смѣшиваемъ внѣшность съ внутренней сущностью, которая такъ часто далеки другъ отъ друга. Земледѣліе, несмотря на то, что такъ тѣсно связано съ чистой природой, при всей своей идиллической внѣшности, связано, быть можетъ больше многихъ другихъ занятій и съ разными мелочами, имѣеть въ себѣ очень много весьма грубой прозы и несомнѣнно вызываетъ большую уость интересовъ и весьма жесткій

эгоизмъ. Никто не является такимъ яркимъ защитникомъ своей собственности до величайшей отталкивающей мелочности, какъ именно крестьяне, и хорошій ховяинъ даже этимъ гордится, и у него такая неодолимая страсть ко всякой собственности что не прочь онъ себѣ присвоить и чужую, особенно по хозяйственной части. Эти добродѣтели усвоили себѣ отчасти и еврейскіе колонисты юга. Крестьянинъ также далеко не чуждъ хитрости и склонности къ обману, быть можетъ, значительно меньше чѣмъ горожанинъ, но все-таки склоненъ.

Не чужды нѣкоторыхъ изъ этихъ пороковъ и литовскіе еврейскіе земледѣльцы, но въ общемъ нравственный ихъ обликъ куда выше, чѣмъ на югѣ, и не только нравственный, но и умственный. Правильнѣе будетъ сказать, что литовскій земледѣлецъ еврей выше потому именно, что онъ умственно выше, что онъ и въ деревню перенесъ, насколько возможно, свое умственное достояніе и не опускается никогда до полного невѣжества.

Работаютъ тѣ литовскіе колонисты, которыхъ я видѣлъ, при несравненно худшихъ условіяхъ. Южный земледѣлецъ и понятія не имѣетъ, напримѣръ, о сушкѣ хлѣба до молотбы, а тутъ вслѣдствіе почти непрерывныхъ дождей и короткаго лѣта, одного колоса не смолотишь безъ сушки. А эта сушка сопряжена съ большими трудностями, чѣмъ вся работа при жатвѣ. Для этого устроенъ спеціальныи амбаръ, называющійся тутъ дубою. Дуба эта имѣетъ большую печь и снабжена широкими нарами, устроенными одинъ надъ другимъ. На эти нары складываютъ снопы для сушки, при чемъ печь накаляется до того, что въ дубѣ не меньше 40, а можетъ быть и 50 град. Я не могъ тамъ оставаться ни одной минуты. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ молотба и провѣиваніе хлѣба происходятъ въ овинахъ, а не на воздухѣ, какъ на югѣ. Такимъ образомъ вся эта мелкая пыль проникаетъ во всѣ внутренности молотящаго или вѣющаго.

Нѣкоторыя колоніи, какъ наприм., небольшая колонія Реуки, лежащая въ ложбинѣ, буквально утопаетъ въ вѣчномъ болотѣ, даже лѣтомъ. Я поэтому не стану укорять жителей этой колоніи за царящую въ ихъ домахъ грязь.

Но вотъ колонія Подубиса. Она расположена въ нѣсколь-

ких десяткахъ саженьяхъ отъ удивительно красивой, текущей между живописными холмистыми и лѣсистыми берегами рѣки Дубисы, мѣстами довольно широкой и глубокой и по своей красотѣ напоминающей горныя рѣки.

Я прибылъ въ эту колонію въ средннѣ іюля, около одиннадцати часовъ утра. Около девяти или десяти почти новыхъ, очень хорошо построенныхъ домовъ тянутся въ одну ровную линію. Позади, по направленію къ Дубисѣ, тянутся довольно обширные огороды со всякой овощью, каковыхъ совсѣмъ почти нѣтъ въ колоніяхъ Херсонской губерніи, быть можетъ потому, что тамъ вода не такъ легко добывается.

Впрочемъ, огородничество въ Жмуди сильно развито у евреевъ во многихъ даже городкахъ, и для нѣкоторыхъ они составляютъ главный источникъ пропитанія. Много еврейскихъ огородовъ я видѣлъ въ Россіяхъ, и особенно въ Кельмѣ. Обрабатываютъ ихъ преимущественно женщины.

Передъ нѣкоторыми домами есть довольно хорошо устроенныя садочки, которыхъ тоже не встрѣчаешь въ южныхъ колоніяхъ. По обѣ стороны деревни тянутся цѣпи холмовъ, изъ которыхъ одна подходитъ очень близко, такъ что колонія собственно лежитъ у подошвы этой цѣпи. Я захожу въ первые три дома. Нигдѣ—ни души. Въ четвертомъ нахожу кряхтящаго на постели мальчугана лѣтъ девяти, который испуганно на меня смотритъ и хочетъ пуститься въ бѣгство при моемъ появленіи. Насилу то я его успокоилъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что всѣ въ полѣ, а онъ одинъ дома, потому что у него животъ сильно болитъ.

Въ пятомъ домѣ нахожу на порогѣ полуслѣпую старушку, которая вяжетъ чулокъ механически, не глядя.

Еще въ одномъ домѣ я нашелъ старушку, которая приготовляла сыръ, далѣе вездѣ пусто, вездѣ мертвая тишина.

Дома внутри тоже устроены почти на одинъ манеръ и прекрасно устроены. Заходишь въ обширныя сѣни, налѣво дверь ведетъ въ жилое помѣщеніе. Я вступаю въ большую, просторную комнату съ двумя окнами, глядящими на цѣпь холмовъ. Налѣво двери ведутъ въ меньшую комнату, служащую спальней, а оттуда входъ въ кухню. Обстановка вездѣ самая простая, почти что первобытная, некрашенныя кровати, некра-

шенные столы и стулья или просто табуреты и скамьи, какойнибудь шкафчикъ, а то просто полки для посуды, хлѣба и т. д. Никакихъ даже признаковъ городской обстановки, «зала» съ равными дурацкими финтифлюшками въ видѣ однообразныхъ искусственныхъ цвѣтовъ или лубочныхъ картинъ съ генералами, какъ у нѣмцевъ-колонистовъ. Однако во всѣхъ домахъ тутъ при всемъ томъ царить поразительная чистота, которая при простотѣ обстановки еще дѣйствуетъ гораздо пріятнѣе.

Осмотрѣвъ дома, я иду дальше.

Вотъ вижу я налѣво, на срединѣ склона, уединенно стоящій домикъ, который не похожъ на другіе. По виду его я догадываюсь, что это должно быть бесъ-гамедрашъ. Я выбираюсь туда по довольно крутой тропинкѣ. Да, это въ самомъ дѣлѣ бесъ-гамедрашъ и очень прилично обставленный.

За узкимъ столомъ, у самого почти входа сидятъ человѣкъ десять мальчугановъ отъ девяти до двадцатилѣтняго возраста. Почти у всѣхъ умныя интеллигентныя лица и совсѣмъ нѣтъ никакихъ признаковъ обычной деревенской заурядности. Передъ ними Библии и читаютъ они пророка Іехезкіа. Меламедъ—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, смуглый, съ красивыми выразительными черными глазами и съ славнымъ лицомъ. Онъ сильно теряется при моемъ появленіи; впрочемъ, какъ я узналъ позже, встревожились всѣ колонисты. Меня приняли за ревизора. Пріѣздъ посторонняго—почти небывалое тутъ явленіе. Ими никто не интересуется. Даже живущіе столь близко россіянскіе «интеллигенты», такъ исправно посѣщающіе ежедневно клубъ, гдѣ проводятъ часто ночи за картами, ни разу не посѣтили этихъ еврейскихъ колоній, даже не знали объ ихъ существованіи.

Я стараюсь успокоить молодого человѣка, но вижу, что онъ продолжаетъ на меня смотрѣть со страхомъ и недоумѣніемъ. Онъ никакъ не можетъ понять, что меня привлекло сюда въ эту забытую всѣми глушь лишь одно желаніе видѣть, какъ живутъ еврейскіе колонисты. Что можетъ тутъ быть для меня интереснаго.

Навѣрное у меня есть тайная цѣль.

Это совершенно законное недоумѣніе, вызванное тѣмъ, что народная масса не привыкла видѣть у себя искренно ею интере-

сущихся интеллигентовъ, всегда державшихся въ сторонѣ отъ нея и одно время даже враждебно къ ней относившихся (эта враждебность далеко еще неведѣ прекратилась),—это меня часто ставило въ самое тяжелое положеніе и сильно мѣшало во многихъ мѣстахъ ближе проникнуть въ жизнь массы.

Я принимаюсь разспрашивать дѣтей. Большинство превосходно понимаетъ текстъ, нѣкоторыя совершенно свободно читаютъ еще непройденныя мѣста изъ пророковъ, имѣя обильный запасъ словъ. Подхрамываютъ они сильно только въ знаніи содержанія историческихъ книгъ, какъ книгъ Судей, Самуила, Царей. Они, конечно, эти книги прошли, даже самый младшій безъ затрудненія переведетъ всякое мѣсто вполне сознательно. Но на знаніе содержанія историческихъ книгъ, какъ на источникъ изученія исторіи, не привыкли обращать вниманіе.

Знаніе содержанія приобрѣтается потомъ, при самостоятельномъ чтеніи, объяснилъ мнѣ учитель. Его дѣло довести ихъ до полнаго пониманія текста.

Онъ, очевидно, особенно любилъ пророковъ, въ преподаваніе которыхъ онъ вкладывалъ весь огонь своей юной души. Это обнаруживалось даже въ томъ, какъ дѣти читали пророковъ, читали словно декламировали, возвышая тонъ въ сильныхъ мѣстахъ. Чудный литовскій нагѣвъ, онъ производитъ на меня всегда такое сильное впечатлѣніе, такъ какъ выражаетъ глубокую скорбь, испытанную самими пророками.

Старшіе мальчики обучаются также Талмуду.

Меламедъ за свое преподаваніе получаетъ тридцать рублей за полугодіе съ пищей и квартирой. Колонисты относятся къ нему хорошо; они люди мирные, не грубые. Но ему тутъ жутко въ глуши. Кромѣ этого, есть еще другой хедеръ у шохата.

Я оставилъ бесъ-гамедрашъ и направился дальше въ поле. Вотъ сейчасъ за деревней, надѣво, на склонѣ очень крутого холма одна женщина и нѣсколько дѣвочекъ гребутъ сѣно. Дальше, направо, еврей, невысокаго роста, съ большой растрепанной бородой и пейсами косить рожь; его длинный талесъ-котенъ вмѣстѣ съ циписъ развѣваются на вѣтрѣ и треплютъ его по спинѣ, на головѣ у него потная ермолка, которая словно совсѣмъ прилипла къ головѣ. За нимъ идетъ его жена

высокая худая женщина съ тщательно завязанной головой, и двѣ дѣвочки-подростки, которыя вяжутъ снопы.

Тамъ дальше, ближе къ Дубисѣ, мощно размахиваетъ косою тоже невысокаго роста коренастый старикъ, съ длинной широкой сѣдой бородой, съ высокимъ лбомъ, въ суконномъ картузѣ, надвинутомъ на самую макушку. Я долго гляжу на это необычайное зрѣлище, и мнѣ припоминаются бывшя времена въ отдаленную эпоху судей, эта жатва на родной землѣ, описанная съ столь чудной идиллической простотой въ прекрасной книгѣ Руеъ. «И было въ тѣ дни, когда судили судьи».

Полившій сильный дождь заставилъ меня возвратиться обратно въ деревню. Я зашелъ въ тотъ домъ, гдѣ полуслѣпая старуха вязала чулокъ. Вскорѣ туда собралось нѣсколько вернувшихся съ поля колонистовъ. Какъ я узналъ позже, за ними послали, извѣстивъ, что прѣехалъ какой-то ревизоръ, который обо всемъ разспрашиваетъ, все записываетъ въ книжку и т. д.

Я съ ними бесѣдовалъ часа два, осматривая ихъ хозяйства, которыя находятся въ прекрасномъ состояніи.

Это настоящіе земледѣльцы, отдающіе всѣ силы своему дѣлу, въ которое вносятъ всѣ доступныя имъ улучшенія, не книжныя, разумѣется, а тѣ, что диктуетъ практическій умъ. Не замѣтилъ я у нихъ и слѣда того стремленія «въ городъ» и къ городскимъ занятіямъ, какое проявляютъ южные колонисты, считая городскую жизнь высшимъ идеаломъ. И при этомъ полномъ обращеніи въ настоящихъ земледѣльцевъ, никакого связаннаго съ нимъ невѣжества, никакого одичанія. Они не идеальныя альтруисты, разумѣется, какими не бываютъ и огромнѣйшее большинство людей, даже на самой высокой ступени образованія. Но живя въ такой глуши, предоставленные совершенно самимъ себѣ, они и тутъ по возможности заботятся о своихъ духовныхъ интересахъ и умственныхъ потребностяхъ. Они встаютъ въ три часа ночи на работы; въ семь собираются всѣ на молитву въ синагогѣ. Вечеромъ опять въ синагогу, гдѣ нѣкоторые и послѣ молитвы остаются часъ-другой за книгой. Въ субботу тутъ происходитъ то же, что во всѣхъ литовскихъ городахъ.

Учителемъ является мѣстный шохать. Зимомъ же ежеднев-

но происходит по вечерам преподаваніе. Надо еще принять во вниманіе, что тутъ живетъ не больше какихъ нибудь двѣнадцати семействъ.

При такихъ обстоятельствахъ очень трудно сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи. Кромѣ того, они едва имѣютъ свое пропитаніе, и рядомъ съ ихъ положеніемъ положеніе колонистовъ хоть-бы Новой Полтавки, напр., или Ингульца можно считать благосостояніемъ. Но удивительно, что значить атмосфера юга! Вѣдь всѣ эти колонисты южныхъ колоній выходцы Литвы! Правда, это были худшіе элементы. Въ колонисты идти въ то время было почти то же, что идти добровольно въ солдаты, и на это рѣшались уже чуть-ли не самые отверженные.

Все же таки я увѣренъ, что если-бы эти самые элементы образовали колоніи въ Литвѣ, то подъ вліяніемъ той высокой духовной атмосферы, которой тутъ пропитаны всѣ слои еврейскаго населенія, они меньше думали-бы о томъ, чтобы передъ вечеромъ выйти гулять городскими франтами или о ротондахъ для своихъ женъ, а больше заботились-бы о воспитаніи своихъ дѣтей и о собственномъ своемъ воспитаніи.

Полагаю, что всѣ эти факты и картины изъ жизни литовскихъ евреевъ достаточно показываютъ, что нѣтъ такихъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ, нѣтъ того тяжкаго труда, которые заглушили-бы въ еврей его врожденныя духовныя и умственныя потребности; что извѣстная поговорка *Ventre affamé n'a pas d'yeilles* (голодное брюхо къ ученію глухо), признанная всѣми народами, какъ высшая и неоспоримая истина, совершенно непримѣнима къ евреямъ.

Съ требованіями «брюха» евреи вообще мало справлялись, а тамъ, гдѣ дѣло шло объ ученіи,—меньше всего. Существуетъ, правда, и у насъ изреченіе мудрецовъ на этотъ счетъ, но ужъ болѣе скромное. Оно гласитъ: „нѣтъ муки, нѣтъ Торы (науки) нѣтъ Торы, нѣтъ муки“. И чтобы кто нибудь не придалъ болѣе широкаго толкованія этому скромному условію, талмудисты точно указали путь, какимъ приобрѣтаются знанія: «хлѣбъ съ солью будешь ѣсть, воду будешь пить въ мѣру, спать будешь на голой землѣ, жизнь будешь вести полную страданій—и такъ будешь добывать знанія. Если такъ будешь поступать, благо тебѣ въ сей жизни и благо тебѣ въ будущей жизни». Это-

му пути еврейство слѣдовало буквально въ теченіе двадцати вѣковъ со времени Гиллея и до послѣднихъ дней. И благодаря этому, сохранили мы свои умственные и духовныя наклонности, главное условіе сохраненія и нашего національнаго существованія.

Наше положеніе не измѣнилось, а если измѣнилось, то во многихъ отношеніяхъ къ худшему. Слѣпыя стихійныя проявленія ненависти къ намъ прежнихъ вѣковъ превратились въ холодное, расчетливое и систематическое вытѣсненіе и косвенное, медленное истребленіе.

Какъ и въ прежнія времена, насъ только рассматриваютъ съ точки зрѣнія полезности для другихъ, изъ насъ выжимаютъ сколько только возможно, чтобы потомъ выпвырнуть. Если прежде выжимали только нашу кровь, теперь принимаются и нѣры, чтобы выжимать и наши мозги, грозящіе опасностью тѣмъ, которые ихъ не имѣютъ. Но

Ein edles Volk, Sei's noch so klein,
Saugt Lebens Kraft aus Noth und Pein.

И теперь, больше чѣмъ когда либо, мы должны слѣдовать мужественному указанію нашихъ мудрецовъ и не связывать сохраненіе нашихъ великихъ унаслѣдованныхъ умственныхъ и нравственныхъ сокровищъ съ вопросами брюха; и только тогда мы можемъ облегчить и даже по возможности украсить нашу незавидную жизнь въ настоящемъ и запастись достаточными силами, чтобы спокойно ждать лучшаго въ собственномъ будущемъ.

Венъ-Ами.

5-го июля 1901 г.

Экономическое положеніе евреевъ на Западѣ въ средніе вѣка.

III.

Вслѣдствіе почти непрерывныхъ войнъ короли и феодалы постоянно нуждались въ деньгахъ: доходовъ съ ихъ доменъ не хватало, а налоги, за исключеніемъ мыта, являлись въ тѣ времена еще экстраординарнымъ средствомъ и далеко не покрывали всѣхъ потребностей государей. Не удивительно, что въ нуждѣ они обращались къ евреямъ, управлявшимъ казной и доменами и заставляли ихъ ссужать необходимую сумму. Если первоначально евреи въ качествѣ откупщиковъ за выданную сумму денегъ получали право сбора налоговъ въ теченіе извѣстнаго времени, то впослѣдствіи они ссужаютъ феодаловъ деньгами и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднимъ нечего было отдавать на откупъ, довольствуясь залогомъ драгоценностей. Что ходъ развитія былъ дѣйствительно таковъ, а не обратный—какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—видно изъ того, что еще при Людовикѣ Благочестивомъ встрѣчаются еврей-*comites* *camerarie*, а при Карлѣ Лысомъ откупщики-евреи, тогда какъ о денежной торговлѣ евреевъ упоминается впервые около 1100 года въ *Vita s. Annonis* и въ 1146 году въ хроникѣ Бернгарда Клервоскаго ¹⁾).

Дѣло въ томъ, что первоначально денежная торговля находилась въ рукахъ духовенства. Этнографическія данныя по-

¹⁾ Inama—Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte B. I. Leipzig. 1879 p. 445. Stovbe. p. 103. в сл.

каываютъ, что отдача денегъ въ ростъ происходитъ впервые въ храмахъ и производится духовными лицами. И дѣйствительно—какъ указываетъ Лампрехтъ—въ Германіи церкви были банками, и начиная съ 10-го вѣка источники упоминаютъ о денежныхъ операціяхъ какъ высшаго такъ и низшаго духовенства. Относительно 12-го и 13-го вѣковъ количество дошедшихъ до насъ фактовъ относительно денегъ, данныхъ взаимно духовенствомъ, по словамъ Лампрехта, еще болѣе увеличивается. До этого времени они пользуются исключительной монополіей; съ 13-го вѣка присоединяются и торговцы деньгами изъ другихъ классовъ населенія ¹⁾. Однако еще и въ 14-мъ вѣкѣ духовенство не гнушается этого занятія. Магистры тевтонскаго ордена ²⁾, архіепископы Трирскіе ³⁾ монахи Цистерціенскаго монастыря въ Фландріи ⁴⁾, духовенство въ Кельнѣ (1357 г.) ⁵⁾ отдають и въ 14-мъ вѣкѣ деньги въ ростъ. Тоже самое происходитъ и въ другихъ странахъ. Въ концѣ 12-го вѣка (1183—1199 гг.) французскіе клирики скупаютъ векселя на армаркахъ и затѣмъ получаютъ по нимъ платежи или просто даютъ деньги подъ залогъ различныхъ предметовъ ⁶⁾. Главныя операціи находились въ рукахъ ордена тамплиеровъ, который вплоть до 14-го вѣка ревностно занимался денежной торговлей. Французскіе короли отъ Филиппа Августа до Филиппа Красиваго, точно также какъ и англійскіе короли, феодалы и частныя лица получаютъ у тамплиеровъ деньги взаимно, подъ залогъ драгоценныхъ камней и металловъ ⁷⁾.

Но наибольшее количество денежныхъ операцій съ 14-го

¹⁾ Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. I p. 1446—1448.

²⁾ Sattler. Hansische Geschichtsblätter. 1877. p. 77 и сл.

³⁾ Schulte. B. II №№ 413, 414, 420.

⁴⁾ Lamprecht B. I p. 1448.

⁵⁾ Hüllmann. B. II p. 37.

⁶⁾ Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. B. I. Iena. 1896 p. 64. Hüllmann B. II p. 37.

⁷⁾ Delisle. Administration financière des Templiers.

вѣка церковь производитъ не самостоятельно, а черезъ посредство ломбардцевъ. Послѣдніе собираютъ налоги въ пользу церкви и эти же деньги отдаютъ взаимы, слѣд., являются въ значительной степени лишь посредниками въ денежной торговлѣ самой церкви ¹⁾.

Начиная съ 13-го вѣка—говоритъ Лампрехтъ—и міряне занимаются отдачей денегъ въ ростъ, дворяне и городскіе жители ²⁾. Во Франкфуртѣ на Майнѣ торговля размѣномъ, связанная съ отдачей денегъ взаимы была уступлена въ 1403 году городской ратушей нѣсколькимъ купцамъ христіанамъ, впоследствии же въ томъ же вѣкѣ отнята у нихъ и передана бургомистру города ³⁾. Еще ранѣе въ 13-мъ вѣкѣ жители Аугсбурга, Любека, Ахена, Гамбурга и нѣкоторыхъ другихъ городовъ стали заниматься тѣмъ же дѣломъ ⁴⁾. Въ Люцернѣ и Страсбургѣ лица назначенныя городомъ вели денежную торговлю ⁵⁾. «Семейство Малтереръ во Фрейбургѣ—говоритъ Готейнъ—принадлежавшее ранѣе къ цеху мясниковъ, приобрѣло въ теченіе 14-го вѣка богатство и власть посредствомъ очень сомнительныхъ денежныхъ операцій и получило рыцарское достоинство, въ то время какъ ихъ конкуренты—евреи погибли на кострахъ, и Мартинъ Малтереръ палъ въ битвѣ при Семпахѣ рядомъ съ Леопольдомъ, какъ одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей города Фрейбурга» ⁶⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что денежная торговля существовала въ средніе вѣка и до того, какъ евреи стали заниматься этой торговлей, и что монополіи въ этой отрасли занятій евреи никогда не имѣли. Однако, евреевъ—торговцевъ деньгами дѣйствительно предпочитали всѣмъ другимъ. Такъ Бернгардъ Клервосскій во время второго кресто-

¹⁾ См. напр. Hüllmann. В. II р. 87.

²⁾ Lamprecht. В. I р. 1448.

³⁾ Maurer. В. I р. 308. Kriegk. Bürgerjwiste, passim.

⁴⁾ Maurer. Ibid. См. также М. И. Булишевъ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры СПВ. 1887, стр. 246 и гл. XII passim.

⁵⁾ Schulte. I. р. 315.

⁶⁾ Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes р. 365.

ваго похода уговариваетъ народъ не трогать евреевъ, объясняя ему, что при отсутствіи евреевъ пришлось бы обращаться къ христіанамъ, которые еще хуже ихъ ¹⁾. Точно также и епископъ Линкольнскій, англійскій патріотъ 13-го вѣка, считаетъ, что кагорцы въ качествѣ ростовщиковъ куда хуже евреевъ ²⁾. Наконецъ и французскіе бароны убѣждаютъ Людовика IX не изгонять евреевъ, такъ какъ съ ними во всякомъ случаѣ удобнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ ростовщиками-христіанами ³⁾, а французы 13-го вѣка жалуются что ростовщики-ломбардцы эксплуатируютъ ихъ гораздо больше чѣмъ евреи ⁴⁾.

Евреи довольствовались меньшимъ процентомъ, чѣмъ христіане. Правда средній процентъ, разрѣшенный властями евреямъ, составлялъ 43 со ста и въ германскихъ городахъ, и во Франціи, и въ Англии, но и христіанамъ повсюду дозволялось брать тѣ же 43 процента ⁵⁾. Въ дѣйствительности, и тѣ и другіе нарушали установленную норму, но христіане гораздо чаще и въ несравненно большей степени, чѣмъ евреи. «Максимальная норма процента—говорить Гольдшмидтъ—была для христіанъ не ниже, а скорѣе выше чѣмъ для евреевъ, фактически же туземные ростовщики брали всегда болѣе высокіе проценты, нежели евреи ⁶⁾». Пижонно подтверждаетъ этотъ фактъ для Франціи ⁷⁾, Пельманъ для Флоренціи ⁸⁾ Гюльманъ для Германіи. «Въ городѣ Линдау у Боденскаго озера—читаемъ у Гюльмана—въ половинѣ 14-го вѣка мѣстные жители отдавали деньги взаимны подъ ростовщическій процентъ въ 216 $\frac{2}{3}$ со ста,

¹⁾ Stobbe. p. 107.

²⁾ Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. B. I. S. 66.

³⁾ Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland. p. 321 и сл.

⁴⁾ Pigeonneau. I. p. 247. Эшли. p. 228. Stobbe. p. 110—112.

⁵⁾ Schulte. I p. 317.

⁶⁾ Gobschmidt Universalgeschichte des Handelsrechts. Stuttgart 1891. B. I p. 109 Anm. 44.

⁷⁾ Pigeonneau. I p. 257 и сл.

⁸⁾ Pöhlmann. 83 и сл.

ночому населеніе очень обрадовалось прїѣзду мѣнялы—еврея, который пристыдилъ христіанъ, ограничившись меньшимъ процентомъ. Поэтому—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ—предположеніе, что евреи обращались болѣе жестоко со своими должниками, чѣмъ христіане, лишено основанія. Наоборотъ христіане ростовщики брали болѣе высокіе проценты, чѣмъ евреи, и это тѣмъ болѣе позорно, что христіанамъ не приходилось вознаграждать себя подобно евреямъ за разграбленіе ихъ имущества и вымогательства ¹⁾. Причина того, что евреи стали въ обширныхъ размѣрахъ заниматься денежной торговлей, заключается, слѣдовательно, вовсе не въ томъ, что церковь дѣлала исключеніе въ пользу евреевъ изъ общаго правила, по которому взиманіе процентовъ запрещалось, ибо, какъ доказываетъ Эндеманъ, допущеніе такого исключенія прямо невысказано, и ни въ папскихъ буллахъ, ни въ постановленіяхъ соборовъ ничего подобнаго найти нельзя ²⁾; не въ томъ также, что свѣтскія власти предоставляли евреямъ исключительную монополию въ денежной торговлѣ, ибо никому и не приходило на умъ лишать себя самого или города возможности заниматься столь выгоднымъ дѣломъ. Причину надо искать исключительно въ томъ, что евреи довольствовались болѣе низкой прибылью, чѣмъ всѣ прочіе торговцы, чѣмъ епископы и монахи, чѣмъ феодалы и бургомистры, чѣмъ коверсины и ломбардцы.

Кромѣ той прямой выгоды, которую пріобрѣтали свѣтскія и духовныя власти отъ торговцевъ деньгами—евреевъ, они навлекали и косвенную выгоду. Давая евреямъ возможность обогащаться, они тѣмъ самымъ были въ состояніи облагать евреевъ высокими налогами; болѣе того, они могли прямо конфисковать ихъ имущество и этимъ путемъ получить всю ту лихву, которая бралась евреями.

Дѣло въ томъ, что евреи считались иностранцами, и какъ

¹⁾ Hüllmann. B. II. p. 55—56. 62—63.

²⁾ Endemann. Studien in der romanisch—kanonistischen Wirtschafts und Rechtslehre. B. II. Berlin—1883. p. 386 и сл.

таковые могли жить только подъ чьимъ либо покровительствомъ. За это они и уплачивали особый налогъ, т. наз. *Juderia*, *Judenschutzgeld* или *Judensteuer*. Въ Кастиліи платилась евреямъ подушная подать (*Encabezamiento*) въ размѣрѣ трехъ мараведовъ съ человѣка ¹⁾. Въ Римѣ также встрѣчаемъ подобный налогъ въ 14-мъ вѣкѣ ²⁾. Въ Германіи первоначально *Judenschutzgeld* уплачивался императору, какъ защитнику евреевъ. Впослѣдствіи покровительство евреевъ (*Judenschutz*) становится регалией, причемъ императоръ передаетъ это право, а слѣдовательно и налогъ съ евреевъ, въ откупъ феодаламъ и городамъ. Но такъ какъ евреямъ всетаки выгодно было оставаться подъ покровительствомъ императора, то они вынуждены были уплачивать теперь двойной налогъ: и ему, и феодаламъ и городамъ ³⁾. Въ г. Бамбергѣ евреи платили въ средніе вѣка *Schutzgeld* не только императору и городу, но и епископу Бамбергскому ⁴⁾. Во Франкфуртѣ на Майнѣ взимался *Judenzins* за право проживать въ городѣ и заниматься денежной торговлей, причемъ съ каждымъ семействомъ въ отдѣльности заключался соотвѣтствующій договоръ. Субъектомъ налога являлось семейство, въ которое входили также женатые сыновья и зятья, если они не вели самостоятельнаго хозяйства. Очень хорошо объясняетъ Бюхеръ то обстоятельство, что франкфуртскимъ евреямъ разрѣшеніе на проживаніе въ городѣ давалось каждый разъ лишь на опредѣленный срокъ въ размѣрѣ отъ одного до пяти лѣтъ. Установленіе такого срока—говоритъ онъ—было послѣдствіемъ особеннаго способа обложенія евреевъ, высота котораго опредѣлялась каждый разъ на данное время. Не желая лишиться себя возможности увеличить налогъ съ возрастаніемъ имущественнаго благосостоянія евреевъ, городской совѣтъ примѣнялъ къ нему тѣ принципы, которые въ

¹⁾ Graetz. B. VII p. 154—156.

²⁾ Berliner. II. 2. p. 61—62.

³⁾ Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. B. II § 299.

⁴⁾ Eckstein. Geschichte der Juden im ehemaligen Fürstentum Bamberg. p.

настоящее время дѣйствуютъ при обложеніи промысловымъ налогомъ. Точно такъ же, какъ въ настоящее время промышленникъ долженъ ежегодно пріобрѣсти свидѣтельство на право производства торговли или промысловъ, такъ въ средніе вѣка евреи, согласившись уплатить налогъ въ требуемомъ отъ нихъ размѣрѣ, покупали на опредѣленное время право жительства и занятія денежной торговлей ¹⁾). Это крайне любопытно. Вездѣ и повсюду въ средніе вѣка евреямъ разрѣшалось жить въ городѣ лишь опредѣленный срокъ. И дѣлалось это, очевидно, съ той цѣлью, чтобы каждый разъ, когда возобновлялось это разрѣшеніе, увеличивать бремя налоговъ.

Въ Кельнѣ евреи находились подъ покровительствомъ какъ архіепископа, такъ и города. Но кромѣ ежегоднаго Schutzgeld, который уплачивался и тому, и другому, кельнскіе евреи платили еще обоимъ за право жительства въ городѣ (Aufnahmegeld). Одна та часть Aufnahmegeld, которая взималась въ пользу города, составляла въ 1372—73 гг. около 3% городскихъ доходовъ, а въ 1384 — 85 гг. болѣе пяти процентовъ ²⁾).

Въ Англіи евреи платили значительно болѣе ^{1/11} части всѣхъ государственныхъ доходовъ ³⁾).

Получали ли, однако, евреи что либо взамѣнъ всей этой массы уплачиваемыхъ ими налоговъ, пользовались ли они защитой со стороны тѣхъ лицъ, которымъ они платили за эту защиту Judenschutz? Источники даютъ на это отрицательный отвѣтъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ императоры или феодалы защищаютъ евреевъ, прекращая гоненія. Но даже и въ этихъ немногихъ случаяхъ они не довольствуются ранѣе уплаченнымъ Schutzgeld'омъ, а требуютъ отъ евреевъ спеціальнаго вознагражденія въ видѣ благодарности за оказанную услугу: евреи должны отдать извѣстную часть своего имущества.

¹⁾ Bücher. Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert. Tübingen. 1886. 528.

²⁾ Stieda „Städtische Finanzen im Mittelalter“. Jahrbücher für Nationalökonomie 1899. III t. B. 17. p. 29.

³⁾ Янгул. Основныя начала финансовой науки. Сиб. 1895 г. изд. 2-ое стр. 44.

Фактъ подобнаго рода приводитъ Готейнъ въ своей *Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes*. Въ 1429 году въ городахъ, лежащихъ у Боденскаго озера, разнесся слухъ, что въ Равенсбургѣ убитъ евреями христіанскій мальчикъ. Такъ какъ рассказывали, что это происходило на свадьбѣ, на которой присутствовали жители и сосѣднихъ городовъ, то повсюду евреевъ хватили и заключали въ тюрьму. Въ Равенсбургѣ многіе были казнены, но въ Констанцѣ городской совѣтъ, состоявшій изъ представителей цеховъ, которые недавно захватили власть въ свои руки, опасался дѣйствовать безъ согласія императора Сигизмунда. Отправленные къ послѣднему послы получили двусмысленный отвѣтъ, вслѣдствіе чего городской совѣтъ медлилъ, хотя многіе и говорили, что Сигизмундъ радъ былъ городу поступить съ евреями какъ ему угодно. Сталъ распространяться слухъ, что городъ подкупленъ евреями и въ ночь на 31 іюля цехи произвели возстаніе: сначала возстали кожевники, затѣмъ ткачи, а за ними и остальные цехи. Они разогнали членовъ городской ратуши, которые едва спаслись на противоположный берегъ озера. Когда Сигизмундъ узналъ объ этихъ происшествіяхъ, о гоненіяхъ на евреевъ и сверженіи городского совѣта, онъ явился въ Констанцъ и наказалъ виновныхъ, уничтоживъ цехи ткачей и кожевниковъ и отнявъ у другихъ цеховъ право имѣть собственное знамя. Онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи сжечь дерево, у котораго нашли трупъ мальчика, убитаго будто бы евреями, и разрушить часовню, устроенную въ честь мнимаго мученика, и запретилъ посѣщать это мѣсто, гдѣ, какъ рассказывали, уже происходили какія то чудеса и видѣнія. Евреи были восстановлены въ правахъ. Однако, проценты съ данныхъ евреями в займы капиталовъ онъ объявилъ уничтоженными. Кромѣ того въ знакъ благодарности евреи должны были уплатить ему огромную для того времени сумму въ 20.000 гульденовъ ¹⁾).

¹⁾ Gotein. *Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes*. Strassburg. 1892. I. 350—5. p.

Но самымъ прямымъ средствомъ добывать деньги отъ евреевъ являлась, конечно, конфискація ихъ имуществъ. И этимъ средствомъ не пренебрегаютъ ни императоры, ни города, ни короли французскіе и англійскіе. «Послѣ избіенія евреевъ — говоритъ Штоббе — ихъ имущество присвоивалъ себя императоръ или князь, которому принадлежалъ городъ, ихъ денежныя требованія либо объявлялись недѣйствительными, либо переходили къ городу, собственность еврейскихъ общинъ продавалась, и вырученное оставалось въ качествѣ вознагражденія слугамъ императора. Происходили споры изъ за того, кому что должно достаться въ удѣлъ, каждый хотѣлъ получить побольше изъ награбленнаго ¹⁾. Въ Цюрихѣ во время черной смерти представитель императора объявляетъ все имущество евреевъ принадлежащимъ послѣднему ²⁾. Карлъ IV уже ранѣе распредѣляетъ въ 1349 году имущество нюрнбергскихъ евреевъ между различными лицами, на случай если въ этомъ городѣ произойдетъ нападеніе на евреевъ ³⁾. Въ Аугсбургѣ въ 1384 г. схвачено было 200 человекъ евреевъ; когда послѣдніе согласились уплатить городу 22,000 гульденовъ, они были освобождены. Въ 1389 г. императоръ Венцель объявилъ притязанія евреевъ по долгамъ по всей имперіи недѣйствительными; капиталъ и проценты не подлежали взысканію, наоборотъ, евреи должны были возвратить полученные въ залогъ предметы. За это императоръ получалъ отъ должниковъ пятнадцать процентовъ съ той суммы, которую они задолжали евреямъ ⁴⁾.

То же происходитъ и въ другихъ странахъ. Французскій король Филиппъ-Августъ въ 1181 г. приказалъ въ одну субботу захватить всѣхъ евреевъ въ синагогахъ и отнять у нихъ принадлежавшія имъ золото, серебро и драгоценныя ткани,

¹⁾ Stobbe, p. 190. 286. Anm. 184.

²⁾ Ibid. 55,

³⁾ Ibid. 191.

⁴⁾ Graetz. VIII. 55. См. статью моего отца: Экспроприация евреевъ въ средніе вѣка и ея причины. Восходъ. 1899 г. кн. X.

имущество ихъ было конфисковано, долги ихъ уничтожены, причемъ король простилъ должникамъ четыре пятыхъ долговъ, а одну пятую присвоилъ себѣ. Кто не желалъ подчиниться приказанію короля, долженъ былъ оставить Францію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ¹⁾.

Въ 1186 г. повторилось то же самое. Жаловались на евреевъ, что они пили изъ заложенныхъ у нихъ церковныхъ сосудовъ, чего не осмѣливался дѣлать даже Навуходносоръ, что одинъ изъ нихъ, боясь преслѣдованій, вложилъ въ мѣшокъ икону и бросилъ въ яму съ нечистотами. Король воспользовался этимъ и повелѣлъ евреямъ оставить страну, движимое же имущество ихъ продать. Земли и дома король присвоилъ себѣ, и одинъ лѣтописецъ того времени оправдываетъ вполнѣ его дѣйствія: король—говоритъ онъ—получилъ отъ отца небольшое наслѣдство и поэтому былъ вправѣ отнять у своихъ рабовъ, евреевъ, все принадлежащее имъ имущество ²⁾.

IV.

Наше изложеніе было бы неполно, если бы мы хотя бы краткѣе не коснулись евреевъ-врачей въ средніе вѣка. Рядомъ съ торговлей товарами, денежными операціями и сборомъ налоговъ, медицина являлась четвертымъ столь же важнымъ занятіемъ евреевъ въ средніе вѣка. Правда, и изъ этой отрасли занятій, какъ и изъ всѣхъ другихъ, старались всячески вытѣснить евреевъ. Если какъ сборщиковъ податей евреевъ обвиняли въ притѣсненіи монастырей и въ злобѣ по отношенію къ христіанамъ, какъ продавцовъ мяса въ желаніи отравить потребителей-христіанъ, то и врачамъ-евреямъ приписывались злоупотребленія разнаго рода: говорили, что они даютъ вредныя лекарства, что они колдуны и чародѣи.

¹⁾ Pigeonneau. I. 249—50.

²⁾ Raumer. Geschichte der Hohenstaufen. 4. Aufl. B. V. Leipzig. 1872. S. 260.

«На врача-еврея — говорить Дрэперъ — народъ смотрѣлъ съ удивленіемъ, страхомъ и ненавистью; не существовало претупленія, которое не приписывалось бы ему. Про Цедекія, врача Карла Лысаго, рассказывали, будто бы онъ однажды, въ присутствіи всего двора, сразу проглотилъ возъ съ сѣномъ вмѣстѣ съ лошадьми и возницей ¹⁾».

Распространялись подобныя слухи церковью, которая и во врачебномъ искусствѣ встрѣчала въ евреяхъ конкурентовъ. Дѣло въ томъ, что церковь лечила молитвами, указывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ больному ту молитву, которую онъ долженъ произносить для исцѣленія. Евреи, изучавшіе въ своихъ раввинскихъ школахъ настоящую медицину, были ей конечно непріятны. Но евреи не ограничивались этимъ: они распространяли свои познанія въ медицинѣ и среди христіанъ, они являлись учителями въ этой области знанія, благодаря имъ были основаны первые медицинскіе факультеты, гдѣ они же и обучали медицинѣ, создавая такимъ образомъ церкви еще новыхъ конкурентовъ во врачебномъ искусствѣ. Однако для себя евреи создали этимъ опасныхъ соперниковъ. До 11-го вѣка они являлись единственными врачами въ Европѣ, но впослѣдствіи и христіане стали заниматься врачеваніемъ и притомъ старались вытѣснить своихъ учителей-евреевъ. Медицинскіе факультеты объявляли леченіе больныхъ своей монополіей.

Ни церковь, ни корпораціи врачей-христіанъ не въ состояніи были вытѣснить евреевъ-врачей. *Corpus juris Canonici* грозило всѣмъ мірянамъ, прибѣгающимъ къ врачебной помощи евреевъ, отлученіемъ отъ церкви, а духовнымъ — смѣщеніемъ съ должности, и церковь распространяла басню о томъ, что многіе короли посланы на тотъ свѣтъ врачами-евреями; парижскій медицинскій факультетъ, недовольный назначеніемъ врача-еврея Профація ректоромъ факультета въ Монпелье (въ 1300 г.), издалъ декретъ о воспре-

¹⁾ Draper. Geschichte der geistigen Entwicklung Europas. Leipzig. 1871. p. 441.

щеніи евреямъ лечить лицъ католическаго исповѣданія, а вѣнскій факультетъ побудилъ епископа Пассавскаго запретить христіанамъ приглашать врачей-евреевъ ¹⁾,—тѣмъ не менѣе, евреи въ теченіе всего средневѣковаго періода занимались врачебнымъ искусствомъ, какъ въ качествѣ частныхъ лицъ, такъ и въ должностяхъ лейбъ-медиковъ свѣтскихъ и даже духовныхъ лицъ, причѣмъ они освобождались отъ платежа подушной подати, прибрѣтали привилегіи, которыхъ лишены всѣ другіе евреи. И это понятно: несмотря на религіозность среднихъ вѣковъ болѣе развитые элементы понимали необходимость медицинской помощи и поэтому цѣнили врачей евреевъ.

Не только у Карла Великаго (Фаррагъ) и Карла Лысаго (Цедекіа) ²⁾ были врачи-евреи, но и вполнѣдствіи у императоровъ Конрада II (11-ый в.) и Фридриха III (13 в.), пфальцграфа Рупрехта и герцога Баварскаго въ 14 в. ³⁾ и многихъ другихъ королей и князей. Еврей изъ Мантуи Эвидельмо ди Порталеоне былъ придворнымъ врачомъ сначала у короля Неапольскаго Фердинанда, затѣмъ у Миланскаго герцога Галеаццо Сфорца и наконецъ у герцога Людовика Гонцага. (15 в. ⁴⁾). Больше всего встрѣчаемъ однако евреевъ-врачей въ Испаніи, напр. Эбнъ—Цора, бенъ Эзра, Соломона Ибнъ Алмуаллемъ (12 вѣкъ), Іуду бенъ Моше, лейбъ-медика Альфонса X, Самуила ибнъ Вакара, любимца Альфонса XI. Маймонидъ—докторъ, великій мудрецъ, слава Запада, свѣтъ Востока, уступающій только Моисею, какъ говорили про него современники, — Маймонидъ родившійся въ Кордовѣ, переселился въ Египетъ и былъ придворнымъ врачомъ у египетскаго султана Саладина ⁵⁾. И духовенство, лечившее другихъ молитвами, прибѣгало къ врачамъ-евреямъ, когда рѣчь шла о сохраненіи собственной жизни. Папы Александръ II, Бонифацій VIII, Юлій II, Бонифацій IX,

¹⁾ Draper. p. 425.

²⁾ Stobbe. p. 279 Anm. 174.

³⁾ Stobbe. Ibid., Falke. Geschichte des deutschen. Handels. I. p. 35—37.

⁴⁾ Graetz. B. VIII p. 237.

⁵⁾ Draper. p. 424.

Иннокентій VIII, дадѣ архіепископъ Трирскій (12 в.), епископъ Вюрцбургскій (15 в.) ¹⁾—всѣ они пользовались услугами врачей евреевъ. Папа Иннокентій VII даруетъ врачу еврею полноправіе. Приведемъ эту любопытную грамоту, данную городомъ Римомъ и утвержденную Иннокентіемъ VII: «Во имя Бога, Аминь. Мы Францискъ де Панціатицисъ, рыцарь Пистои и докторъ правъ, свѣтлѣйшій сенаторъ города Рима и мы правители народа римскаго въ мирѣ и на войнѣ, ученому мужу, магистру Эліасу Саббасъ еврею, врачу и хирургу и медицины доктору шлемъ наше привѣтствіе и благоволеніе. Хотя вѣроломство евреевъ, которыхъ сотворилъ Богъ, должно быть признано вазорнымъ и упорство ихъ невѣрія должно быть сокрушено, тѣмъ не менѣе сохраненіе ихъ полезно и необходимо для христіанъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности такихъ евреевъ, которые искусны во врачеваніи и приходятъ на помощь больнымъ христіанамъ. Въ виду того, что ты, какъ мы знаемъ, какъ прежде такъ и теперь испѣляешь своимъ испытаннымъ искусствомъ врачеванія не только нашихъ гражданъ, но и многихъ иностранцевъ, которые обращаются къ тебѣ за помощью, мы, принимая во вниманіе, сколь необходима и полезна твоя жизнь, какъ охранителя здоровья римлянъ и прочихъ людей, даемъ тебѣ званіе римскаго гражданина ²⁾».

Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 14 вѣкѣ два еврея занимаютъ должность городскихъ врачей, частной практикой занимается въ 14-мъ вѣкѣ одинъ врачъ и одна женщина-врачъ, въ 15-мъ вѣкѣ число ихъ значительно возрастаетъ: мы находимъ въ этомъ городѣ шесть врачей евреевъ и семь евреекъ. ³⁾ Какъ велико было довѣріе, которое питали къ нимъ видно изъ того, что въ 1511 году князя, жившіе по близости отъ Франкфурта, обратились къ городу съ просьбой разрѣшить

¹⁾ Draper. p. 425. Stobbe. 279. Weyden. p. 176. Berliner. B. II. T. I. 62.

²⁾ Berliner. B. II. T. I. p. 64.

³⁾ Kriegk. Deutsches Bürgertum im Mittelalter. Frankfurt. a. M. 1868. p. 1—2.

право жительства во Франкфуртѣ еврею-врачу Морицу изъ Ашаффенбурга ¹⁾. Въ Базелѣ также большинство врачей—еврей. Въ 1356—1370 гг. обширную практику имѣлъ еврей Тосеть, который былъ вмѣстѣ и городскимъ врачомъ. Его преемникъ на службѣ у города также еврей—Гутлебенъ (1378—1412 гг.). Конкуренты въ Базелѣ ставили имъ въ упрекъ, что они занимаются ростовщичествомъ, а это имъ было запрещено, и что они берутъ чрезмѣрную плату за врачеваніе ²⁾. Про нихъ сложилась даже слѣдующая эпитаграмма.

Tres medicus facies habet, unam, quando rogatur,
 Angelicam. Mox est, cum iuvat, ipse Deus.
 Post, ubi curato poscit sua praemia morbo,
 Horridus apparet terribilisque Sathan.

Врачъ принимаетъ три различныхъ образа: когда онъ является къ постели больного—образъ ангела, когда онъ удачно оказалъ помощь—образъ самого Спасителя, но когда онъ, вылечивъ, требуетъ уплаты—образъ ужаснаго чудовища, сатаны ³⁾.

V.

Указываютъ на то, что одновременно съ переходомъ евреевъ отъ торговли товарами къ торговлѣ деньгами ухудшилось и ихъ общественное положеніе. Въ доказательство приводятъ съ одной стороны, что со времени крестовыхъ походовъ впервые начинаются гоненія на евреевъ, а съ другой, что съ этого времени евреи теряютъ право прибрѣтать недвижимую собственность и занимать общественныя должности, что съ этого времени ихъ запираютъ въ отдѣльной части города (Ghetto), запрещая жить въ другихъ мѣстахъ.

Посмотримъ, насколько эти указанія основаны на фактахъ. Что касается гоненій, то только относительно эпохи

¹⁾ Kriegk. Deutsches Bürgertum im Mittelaler. p. 2.

²⁾ Geering. Handel und Industrie der Stadt Basel. Basel. 1886. p. 244.

³⁾ Ibid. p. 245.

Карла Великаго и Людовика Благочестиваго мы имѣемъ право утверждать, что ихъ дѣйствительно не было. Въ послѣдующую эпоху 10 и 11 вѣковъ источники либо упоминаютъ о нѣкоторыхъ случаяхъ гоненій, какъ напр. въ южной Франціи ¹⁾, въ Майнцѣ (изгнаніе евреевъ въ 1012 г.) ²⁾, либо вовсе умалчиваютъ о еврейхъ (какъ въ Магдебургѣ и др. городахъ). Но едва ли изъ умолчанія о нихъ можно дѣлать выводъ, что еврейамъ въ эту эпоху жилось хорошо, такъ какъ свѣдѣнія о противоположномъ могли не сохраниться ³⁾. Нельзя утверждать и того, что гоненія усилились въ эпоху крестовыхъ походовъ подъ вліяніемъ перехода евреевъ къ денежной торговлѣ. Ибо о еврейхъ-торговцахъ деньгами впервые говорится подъ 1100 годомъ, а послѣдующія извѣстія относятся къ половинѣ 12-го вѣка, тогда какъ мы вправѣ были бы ожидать частыхъ указаній и жалобъ на евреевъ-ростовщиковъ въ продолженіе 11-го вѣка, если бы дѣйствительно гоненія, происходившія въ концѣ этого вѣка (съ 1095 г.) были вызваны новымъ занятіемъ евреевъ. Поэтому, есть всё основанія думать, что избіеніе евреевъ въ германскихъ городахъ, какъ и въ Иль-де-Франсѣ въ концѣ 11-го вѣка объясняется вовсе не участіемъ ихъ въ денежной торговлѣ, которою они занимались тогда лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, а религиознымъ неистовствомъ массы, возбужденной проповѣдниками къ походу въ Св. Землю и враждебно настроенной противъ всѣхъ, кто не исповѣдовалъ христіанскую вѣру.

Въ теченіе послѣдующаго періода гоненія нѣсколько улеглись. Евреи снова возвратились въ тѣ города, откуда должны были бѣжать и снова зажили по прежнему.

Какъ до крестовыхъ походовъ, ⁴⁾ такъ и впоследствии

¹⁾ Roscher. Nationalökonomik des Handels und Gewerbetriebs. 7 Aufl. Stuttgart. 1899 p. 177 прим. 7.

²⁾ Weyden. p. 71.

³⁾ Güdemann. Zur Geschichte der Juden in Magdeburg. Breslau. 1866 p. 9—10.

⁴⁾ См. напр. Brisch. В. I p. 18 (Кельнъ), Güdemann p. 6 (Магдебургъ), а также Maurer. В. II § 180.

евреи составляли въ городахъ отдѣльныя общины (кагалы), которые возникли, подобно гильдіямъ и цехамъ, для защиты собственныхъ интересовъ и привилегій. Появляясь въ городѣ, евреи обыкновенно селились въ особой части города или на особой улицѣ, которая была ограждена отъ прочихъ стѣной и воротами, запиравшимися на ночь. Такое гетто мы находимъ въ Германіи повсюду. Въ Кельнѣ евреи занимаютъ отдѣльную часть города (Judenstadt), соединенную съ остальнымъ городомъ лишь воротами (Judenpforte), такую же Judenstadt мы находимъ въ Регенсбургѣ, въ Вѣнѣ, гдѣ имѣется также стѣна съ башней (Judenturm), Judenhof въ Берлинѣ, запираемый и охраняемый ночью сторожами, Judengasse въ Страсбургѣ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ со стѣной и тремя воротами, Judenviertel въ Шпейерѣ, который также назывался Judendorf (vicus judaeorum) и также былъ отдѣленъ отъ города стѣною.

На первый взглядъ такое запираніе евреевъ въ отдѣльной части города кажется большимъ стѣсненіемъ, которое можетъ быть объяснено только ихъ безправнымъ положеніемъ. Не слѣдуетъ однако забывать прежде всего, что гетто мы находимъ не только въ Германіи, гдѣ евреи подвергались частымъ гоненіямъ, но и въ Римѣ, (via Iudaeorum, piazza Giudia) ¹⁾ гдѣ отношеніе къ нимъ въ теченіе всего средне-вѣковья было самое доброжелательное ²⁾, въ Кастиліи (partecipilla de los Judios), гдѣ также та часть города, гдѣ они жили, отдѣлена была стѣной отъ прочихъ улицъ ³⁾, но гдѣ ни о какомъ ограниченіи евреевъ въ правахъ и рѣчи быть не можетъ. Утверждая подобное ⁴⁾, Грець противорѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ самъ же повсюду прославляетъ ту широкую свободу, которой пользовались евреи въ Испаніи.

Такое изолированіе вытекало изъ средне-вѣковаго быта, было

¹⁾ Berliner. В. II Т. 2. p. 11—12.

²⁾ Ibid. В. II. Т. 2 passim, особ. p. 9—10, 65, 68—70.

³⁾ Graetz. В. VII p. 125.

⁴⁾ Ibid. p. 311.

послѣдствіемъ всего общественнаго строя того времени, и слѣдовательно евреи въ этомъ отношеніи никакому спеціальному ограниченію не подвергались. Средневѣковый городъ не составлялъ нѣчто единое, подобно современному, а распадался на нѣсколько частей, изъ которыхъ состояло населеніе. Каждый цехъ, каждая гильдія составляла особую общину и имѣла свою улицу, или часть города, которая была отдѣлена отъ другихъ. Но не только цехи являлись самостоятельными общинами и селились вмѣстѣ: городской совѣтъ, университетъ, патриціи — всѣ они также составляли корпораціи и также отдѣлены были отъ другихъ корпорацій по мѣсту жительства ¹⁾).

Гетто составляло для евреевъ весь міръ. Здѣсь они чувствовали себя хорошо, пока ихъ никто не трогалъ. Они имѣли своего главу, называвшагося Archisynagogus или Judenvorsteher, Judenbischof, который обыкновенно являлся однимъ изъ двѣнадцати членовъ еврейскаго общиннаго совѣта и смѣнялся ежемѣсячно. Собранія общины происходили въ школѣ (синагогѣ) или особомъ для этого предназначенномъ помѣщеніи. Кромѣ этого спеціально-еврейскаго Rathaus'a, мы находимъ и другую общинную собственность въ видѣ помѣщеній для увеселеній (Tanzhaus, Brauthaus, Spielhaus), далѣе домъ для призрѣваемыхъ, пекарню, бойню, общинную баню, общинный колодезь, даже особую висѣлицу, принадлежавшую общинѣ ²⁾).

Внутренняя духовная жизнь евреевъ протекала внутри гетто, хотя они по временамъ и принимали участіе въ жизни общества и страны, и со времени крестовыхъ походовъ это случилось не рѣже, чѣмъ въ предыдущіе періоды. Выше мы приводили нѣкоторые случаи, когда евреи управляли доменами государей или завѣдывали ихъ казной. Случаи эти относятся какъ 10 — 11, такъ и къ 12 — 14 вѣкамъ. Точно также и врачами, какъ на службѣ у города, такъ и у духовныхъ и свѣтскихъ властей они были, какъ указано выше, какъ до кре-

¹⁾ См. Maurer. II. § 178 и сл. Относительно Англій см. Эшли, стр. 107—8.

²⁾ Maurer. B. II. § 298—300.

стовыхъ походовъ, такъ и въ 12—15 столѣтіяхъ. Полноправными гражданами, по мнѣнію Маурера, они и въ первую половину среднихъ вѣковъ являлись лишь въ видѣ исключенія ¹⁾. Всѣми правами они пользовались въ Кельнѣ, Вормсѣ и нѣкоторыхъ другихъ прирейнскихъ городахъ, гдѣ занимали и городскія должности ²⁾. Но и въ концѣ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ полноправныхъ гражданъ въ Шпейерѣ, Вормсѣ, Дортмундѣ, Геттингенѣ ³⁾. Въ Кельнѣ они до половины 14-го вѣка безпрепятственно приобрѣтаютъ поземельную собственность. Въ 1341 г. впервые городъ дѣлаетъ попытку ограничить ихъ въ этомъ отношеніи ⁴⁾, въ другихъ городахъ они и впослѣдствіи владѣютъ земельными участками, какъ напр. въ Магдебургѣ, Страсбургѣ, Бреславлѣ ⁵⁾. Въ тѣхъ городахъ, которые встрѣчаются въ источникахъ 10-го вѣка, Магдебургѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ положеніе евреевъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ не хуже, чѣмъ въ началѣ.

Правда и послѣ 1095—1100 годовъ мы встрѣчаемъ гоненія на евреевъ, но они сравнительно очень слабы и становятся сильнѣе только въ 1348—1350 годахъ, во время черной смерти, тогда евреи сжигаются массами на кострахъ, изгоняются изъ городовъ. Въ это время чума уносила людей тысячами, уничтожала цѣлые города и селенія, и только евреи, жившіе въ отдѣленной отъ прочихъ части города, оставались невредимыми. Неудивительно, что суевѣрный народъ усмотрѣлъ въ евреяхъ виновниковъ чумы и заподозрилъ ихъ въ отравленіи колодецевъ.

Если такимъ образомъ гоненія евреевъ какъ во время перваго крестоваго похода такъ и во время черной смерти должны быть объяснены религіознымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ массы, то совершенно иную причину слѣдуетъ искать въ

¹⁾ Maurer. B. II. § 236.

²⁾ Varges. Die Entstehung. der deutschen Stadtverfassung. Jahrbücher für Nationalökonomie. 1895. B. II Cap. VIII p. 520—525.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Güdemann. p. 15. Weiss. Geschichte und rechtliche Stellung der Juden im Fürstbistum Strassburg. Bonn. 1896. p. 3. Brann. p. 15. 68.

томъ, что въ 1394 году они были изгнаны изъ Франціи, въ теченіе первой половины 15-го вѣка изъ Германскихъ городовъ и въ 1492 году изъ Испаніи и что даже въ Римѣ ихъ положеніе значительно ухудшилось въ началѣ 16-го вѣка. Въ 12-мъ и 13-мъ вѣкахъ, отчасти и въ 14-мъ, евреи являются почти исключительно крупными комерсантами и банкирами. Они имѣютъ дѣло съ королями, феодалами, рыцарями, епископами, городами, которыхъ они ссужаютъ деньгами, получая въ залогъ короны и скипетры, церковную утварь и книги, драгоценности различнаго рода. Мелкихъ денежныхъ операцій они почти не производятъ. Поэтому сильные міра сего не могли обойтись безъ евреевъ, народъ же лишь съ религиозной или національной точки зрѣнія могъ видѣть въ нихъ своихъ враговъ, но не съ экономической. И дѣйствительно, феодалы и города, изгоняя евреевъ, обыкновенно по истеченіи нѣкотораго времени приглашаютъ ихъ вернуться обратно. Изгнаніе является исключительно средствомъ присвоить себѣ имущество евреевъ. Но затѣмъ они приходятъ къ сознанию, что безъ евреевъ обойтись невозможно. Людовикъ Св. въ 1253 г. изгоняетъ евреевъ изъ Франціи, но такъ какъ въ это время еще некому было замѣнить ихъ, то они были призваны снова. За изгнаніемъ евреевъ Филиппомъ Красивымъ въ 1306 и 1311 годахъ точно также послѣдовали въ 1315 и 1321 гг. приглашенія возвратиться во Францію ¹⁾. Изъ Флоренціи евреи были изгнаны въ 1415 г., но уже въ 1430 г. ихъ приглашаютъ вернуться обратно, а когда въ 1469 г. евреямъ запрещено было брать проценты, городъ очутился въ такомъ затруднительномъ положеніи, что спустя четыре мѣсяца имъ снова разрѣшена была денежная торговля ²⁾. То же самое происходило и въ германскихъ городахъ, когда изгонялись евреи: всѣми силами старались побудить ихъ къ возвращенію. Только изъ Англіи они окончательно изгнаны уже въ 1290 году.

¹⁾ Pigeonneau. T. I. p. 247 и сл.

²⁾ Poehlmann. Wirtschafts—politik der Florentiner Renaissance. Cap. IV.

Иное дѣло во второй половинѣ 14-го и въ 15-мъ вѣкѣ. Въ этомъ періодѣ Флоренція составляетъ исключеніе. Во всѣхъ другихъ городахъ и странахъ въ еврейхъ перестаютъ нуждаться. Ихъ постепенно вытѣсняютъ ломбардскіе купцы изъ Милана, Флоренціи, Асти, Сіены, Піаченцы, Лукки. Къ ломбардскимъ банкирамъ и переходитъ вся крупная денежная торговля, они становятся займодавцами свѣтскихъ и духовныхъ властей. Правда и они были иностранцами, и они подвергались различнымъ ограниченіямъ и притѣсненіямъ, и ихъ нерѣдко изгоняли изъ городовъ, но все же за ихъ спиной стояла церковь, заинтересованная въ ихъ денежныхъ операціяхъ; они пользовались высокимъ покровительствомъ папы, который называлъ ихъ «сыновьями церкви», своими «купцами и банкирами» (*Romanae ecclesiae filii speciales, Mercatores vel escambiatores Papae*). Неудивительно, что они мало по малу вытѣснили евреевъ изъ крупныхъ операцій, заставивъ ихъ перейти къ мелкой торговлѣ, ростовщичеству въ настоящемъ смыслѣ слова. Во Франціи евреи въ 14-мъ вѣкѣ даютъ взаимны мелкія суммы и на короткій срокъ (*à la semaine, à la petite semaine*), ссужая главнымъ образомъ ремесленниковъ и крестьянъ ¹⁾. Всѣ крупныя операціи находились со временъ Филиппа Красиваго въ рукахъ ломбардскихъ торговцевъ ²⁾. Въ Голландіи мы также не встрѣчаемъ болѣе евреевъ, участвующихъ въ займахъ феодаловъ и городовъ ³⁾. Въ Германскихъ, особенно прирейнскихъ городахъ евреи правда отчасти сохраняютъ за собой и это поле дѣятельности, какъ напр. въ Страсбургѣ, Мецѣ ⁴⁾, Глогау ⁵⁾. Въ Бамбергѣ должниками евреевъ еще въ 15-мъ вѣкѣ являются епископы, монастырь, крупные землевладѣльцы и городъ ⁶⁾. Въ Кельнѣ

¹⁾ Pigeonneau. T. I. p. 247 и сл.

²⁾ Ehrenberg. B. I p. 45.

³⁾ Ibid. B. I p. 67.

⁴⁾ Lamprecht. B. I p. 1451 и сл.

⁵⁾ Berndt. p. 7—8.

⁶⁾ Eckstein. p. 228—232.

въ 1377 году былъ повѣшенъ еврей Симонъ фонъ Сигбургъ, которому рыцари и землевладѣльцы по нижнему Рейну были должны на сумму въ 27 тысячъ марокъ ¹⁾. Въ концѣ 14-го вѣка нѣсколько городовъ, Вецларъ, Фридбергъ и т. д. приобрѣли сообщи огнестрѣльное орудіе, стоившее очень дорого, причѣмъ франкфуртскій еврей Симонъ фонъ Сельгенштадтъ далъ имъ необходимыя для покупки деньги, и тотъ же самый еврей въ компаніи съ четырьмя другими далъ взаймы городу Франкфурту въ 1376—1378 годахъ около десяти тысячъ гульденовъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ городахъ главнымъ занятіемъ евреевъ являлось мелкое ростовщичество. Въ томъ же Франкфуртѣ на Майнѣ, кромѣ рыцарей и духовенства, мы находимъ въ концѣ 14-го вѣка среди должниковъ евреевъ въ большомъ количествѣ членовъ городской ратуши и цеховыхъ мастеровъ, сапожниковъ, портныхъ, каретниковъ, даже крестьянъ окружныхъ селъ ³⁾. Въ Бамбергѣ также помимо епископа, землевладѣльцевъ и города къ должникамъ принадлежатъ и горожане, причѣмъ послѣдняя категорія долговъ (въ два-три десятка гульденовъ каждый) особенно возрастаетъ въ 15-мъ вѣкѣ ⁴⁾. Въ Нюрнбергѣ ремесленникамъ запрещено брать у евреевъ подъ закладъ матеріала болѣе, чѣмъ стоитъ матеріалъ плюсъ заработная плата, получаемая за обработку его ⁵⁾. Въ Регенсбургѣ въ качествѣ денежной единицы при установленіи процента берется 30 пфенниговъ, во многихъ другихъ городахъ одинъ фунтъ ⁶⁾—все это указываетъ на то, что ремесленники и розничные торговцы т. е. наименѣе состоятельные классы населенія были должниками евреевъ.

Въ томъ, что къ крупнымъ операціямъ евреевъ присоединяются вскорѣ и мелкія и эти послѣднія постепенно приобретаютъ преобладающее значеніе, и заключается несомнѣнно

¹⁾ Knipping. Kölner Stadtrechnungen. B. I p. LXXI.

²⁾ Kriegk. Frankfurter Bürgerzwise p. 437—438 u. Anm.

³⁾ Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14. und 15. Jahrh. p. 579.

⁴⁾ Eckstein. p. 234—236.

⁵⁾ Stobbe. p. 66.

⁶⁾ Falke. Geschichte des deutschen Handels. 1859—1860. B. I p. 300.

причина изгнанія евреевъ изъ городовъ въ 15-мъ вѣкѣ. Такимъ образомъ въ ухудшеніи положенія евреевъ въ средніе вѣка экономическія причины дѣйствительно играютъ важную роль, но лишь въ концѣ этого періода. До того только торговцы товарами, мясники, далѣе врачи, особенно же ломбардскіе ростовщики и могли враждебно относиться къ евреямъ какъ къ конкурентамъ; ростовщики — но послѣдніе были также иностранцами, имъ трудно было бороться съ евреями; когда же евреи перешли къ мелкому ростовщичеству, само населеніе стало враждебно относиться къ нимъ, усмотрѣвъ экономическій гнетъ въ ихъ коммерческихъ операціяхъ, а свѣтскія и духовныя власти перестали покровительствовать евреямъ, такъ какъ евреи не нужны имъ были болѣе. Поэтому въ 15-мъ вѣкѣ ихъ изгоняютъ одновременно изъ Германіи, Франціи и Испаніи и притомъ окончательно: ихъ не зовутъ уже обратно. «Только въ 15-мъ вѣкѣ — говоритъ Штоббе — евреи стали дѣйствительно вѣчными жидами, безпрестанно бродящими съ одного мѣста въ другое и нигдѣ не находящими себѣ пристанища» ¹⁾.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что во время повальнаго гоненія евреевъ въ Европѣ, изгнанные изъ многихъ странъ и городовъ, они оказали Европѣ громадную услугу, содѣйствуя возникновенію торговыхъ сношеній между Европой и Индіей. Когда Португальцы впервые явились въ Остъ-индію, они были встрѣчены населеніемъ крайне недружелюбно и не имѣли возможности заключить торговые договоры или хотя бы ознакомиться съ тамошними рынками и продуктами сбыта. Имъ пришлось бы вернуться ни съ чѣмъ, если бы они не нашли тамъ нѣмецкаго еврея, родители котораго, изгнанные изъ Познани, бѣжали въ Александрію, откуда онъ отправился въ Каиръ, Мекку, а затѣмъ въ Индію. Благодаря своимъ коммерческимъ свѣдѣніямъ, приобретеннымъ долгимъ пребываніемъ на Востокѣ, онъ въ состояніи былъ дать португальцамъ подробное описаніе мѣстности и продуктовъ Индіи.

¹⁾ Stobbe p. 199.

Онъ зналъ цѣны этихъ продуктовъ, зналъ сколько они стоили на мѣстѣ производства, сколько на рынкѣ въ Калькутѣ, зналъ сколько за нихъ платили европейскіе купцы въ Александріи. Отправившись вмѣстѣ съ Васко да Гама въ Португалію, онъ объяснилъ королю, насколько выгоднѣй должна оказаться непосредственная торговля съ Индіей, — ибо вслѣдствіе громад- ныхъ пошлинъ, взимаемыхъ при провозѣ черезъ Аравію и Египеть, индійскіе товары стоили въ Александріи втрое дороже, нежели въ Калькутѣ ¹⁾. И португальцы дѣйствительно сумѣли воспользоваться тѣми выгодами, которыя доставляли вновь открытый путь въ Индію и которыя разъяснилъ имъ познан- скій еврей.

Новая эра наступила для евреевъ въ 17-мъ вѣкѣ въ Гол- ландіи и Англии и въ 18-мъ вѣкѣ въ Германіи. Въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ евреи перешли къ промышленной дѣятельности, участвуя въ открытіи фабрикъ и мануфактуръ. Давидъ Гиршъ, Моисей Рись, Бернгардъ Исаакъ, затѣмъ Моисей Мендельсонъ и Давидъ Фридендеръ—говоритъ Гинце— всѣ эти евреи являются отчасти шелковыми фабрикантами, отчасти занимаются торговлей шелкомъ, развивая начатое Фридрихомъ Великимъ дѣло ²⁾. Это участіе евреевъ въ области промышленности, вообще и въ новыхъ отрасляхъ, какъ напр., шелковой въ частности, было вмѣстѣ съ тѣмъ предназнаменова- ніемъ подъема евреевъ въ общественномъ и умственномъ от- ношеніи ³⁾.

І. Кулишеръ.

¹⁾ Heyd. Geschichte des Levantehandels. B. II, 501, 508.

²⁾ Hintze. Die preussische Seidenindustrie des 18. Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. B. XVII. p. 37—38. 43.

³⁾ См. статью М. И. Кулишера. Просвѣдательное движеніе среди евреевъ въ Германіи. Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Спб. 1895. стр. 43 и сл.

Изъ иностранной литературы.

ЕВРЕИ ВЪ РУМЫНИИ.

Les juifs en Roumanie depuis le traité de Berlin (1878) jusqu'à ce jour par Edmond Sincerus. Londres 1901 (Евреи въ Румынии со времени Берлинскаго трактата (1878) до нашихъ дней, Эдмонда Синцеруса. Лондонъ 1901).

У Господа Бога и румынскихъ правителей все возможно, въ особенности, когда дѣло идетъ о евреяхъ.

Румынская поговорка.

Книга, заглавіе которой мы выписали, еще не вышла въ свѣтъ,—мы имѣли возможность прочесть ее въ корректурныхъ оттискахъ,—но мы не сомнѣваемся, что при своемъ появленіи она обратитъ на себя вниманіе еврейской и христіанской читающей публики. Румынскіе евреи въ послѣднее время были одной изъ «злочь дня»; ихъ пассивный протестъ, выразившійся въ массовомъ исходѣ изъ страны, вызвалъ сочувствіе у всѣхъ, не потерявшихъ еще окончательно способности болѣть чужимъ горемъ, мучиться чужимъ страданіемъ. О румынскихъ евреяхъ очень много говорилось, еще больше писалось въ разныхъ газетахъ, но всѣ эти разговоры и писанія мало приблизили насъ къ познанію причинъ бѣдственнаго положенія нашихъ соплеменниковъ въ Румыніи.

Нужно ли говорить о томъ, что безъ знанія этихъ причинъ румынско-еврейскій вопросъ представляется для насъ непонятной и неразрѣшимой загадкой? Сказать, что евреи бѣгутъ изъ Румыніи потому, что имъ тамъ плохо, значить, ничего не сказать. А давалось ли иное, болѣе обстоятельное объясненіе ис-

хода румынскихъ евреевъ? И въ настоящее время многое ли извѣстно о прошлыхъ судьбахъ румынскихъ евреевъ? Знаемъ ли мы условія ихъ теперешней повседневной жизни? Очень и очень мало.

Библиографія даннаго вопроса далеко не богата, скажемъ рѣшительнѣе,—крайне скудна. Румынскіе евреи терпятъ страданія уже не первый годъ, и тѣмъ не менѣе ихъ участь не привлекла еще къ себѣ вниманіе серьезныхъ изслѣдователей. Тѣмъ большее удовольствіе доставляетъ книга вышепоименованнаго автора. Намъ кажется, что она является первымъ серьезнымъ трудомъ по румынско-еврейскому вопросу. Составитель ея, скрывшійся подъ столь знаменательнымъ псевдонимомъ, самъ—румынскій еврей по происхожденію, видный дѣятель одного изъ крупнѣйшихъ еврейскихъ учрежденій Запада, уже прежде заявилъ себя работами по исторіи румынскихъ евреевъ.

Въ настоящемъ своемъ произведеніи онъ анализируетъ румынское законодательство о евреяхъ за послѣднюю четверть вѣка. Его изложеніе пестритъ цитатами изъ законовъ, выдержками изъ министерскихъ циркуляровъ, заимствованіями фактовъ изъ официальныхъ и офиціозныхъ органовъ. Мы готовы даже сказать, что авторъ увлекся формально-юридической стороной вопроса и, изъ-за погони за законодательными актами, позабылъ о необходимости выяснять генезисъ этихъ актовъ, причины ихъ появленія, источникъ антисемитизма въ Румыніи.

Румынскіе законы о евреяхъ представляютъ одну любопытную особенность: ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается слова еврей; можно подумать, что оно вообще не существуетъ для румынскихъ законодателей. Въ дѣйствительности же оно знакомо имъ очень хорошо, и весьма значительная доля ихъ энергіи расходуется на приниженіе и обездоленіе представителей этого имени. Какъ губернскія великосвѣтскія дамы въ «Мертвыхъ Душахъ» страшились обозначать прозаическую сторону жизни ея настоящими именами, такъ и румынскіе министры предпочитаютъ замѣнять понятное слово еврей неопредѣленнымъ выраженіемъ иностранецъ. Румынскіе ограничительные законы говорятъ намъ объ иностранцахъ, и только по откровеннымъ заявленіямъ нѣкоторыхъ депутатовъ въ па-

затѣ и по примѣненію закона на практикѣ мы узнаемъ, что онъ направленъ исключительно противъ евреевъ. Эта постановка терминовъ имѣетъ свою исторію. Статья 44 Берлинскаго трактата требовала полного равноправія для всѣхъ вѣроисповѣданій въ предѣлахъ Румыніи. Это требованіе пришлось не по вкусу румынскому правительству ¹⁾. Послѣ долгихъ переговоровъ съ европейскими дворами, ему, наконецъ, удалось добиться отъ нихъ согласія на то, чтобы къ натурализаціи были допущены лишь тѣ изъ туземныхъ евреевъ, которые удовлетворяютъ опредѣленнымъ условіямъ, и въ окончательномъ сформулированномъ текстѣ условій говорилось не о евреяхъ, а вообще объ «иностранцахъ, пользующихся либо не пользующихся иностраннымъ покровительствомъ». Въ другомъ мемуарѣ, представленномъ въ то же время румынскимъ правительствомъ державамъ, говорится, что впредь «будутъ существовать три категоріи евреевъ: иностранцы, *румынскіе подданные* и граждане». На первый взглядъ это разграниченіе кажется очень страннымъ: развѣ есть какая-либо разница между подданнымъ и гражданиномъ, не равнозначаци ли эти понятія? Оказывается, нѣтъ; изъ содержанія всего документа явствуетъ, что подъ гражданами понимаются натурализованные евреи, а румынскими подданными считаются евреи, натурализаціи не удостоившіеся. Въ такомъ случаѣ, что представляютъ собою въ публично-правовомъ отношеніи представители этой категоріи?— «иностранцевъ, не пользующихся иностраннымъ покровительствомъ», какъ значитса въ вышеприведенномъ текстѣ условій натурализаціи.

Современное публичное право различаетъ три элемента въ государствѣ—территорію, населеніе и государственную власть, и ихъ взаимоотношенія представляетъ въ такомъ видѣ, что населеніе живетъ на территоріи и за опредѣленныя повинности, по отношенію къ государственной власти, пользуется известными закономъ гарантированными правами. Изъ этихъ правъ—первое есть право на защиту, покровительство со сто-

¹⁾ „Европа пойметъ современемъ, что требовать немедленной натурализаціи всѣхъ евреевъ, значитъ настаивать на нашемъ самоубійствѣ“,—замѣтилъ тогдашній глава кабинета Братіану.

Книжки Восхода, кн. X.

роны государства. Подданства безъ государственной охраны или—беремъ изнанку этого явленія—чужеземности безъ чужеземной защиты современное публичное право не знаетъ. Чтобы встрѣтить зрѣлище, представляемое румынскими евреями, «иностранными безъ иностраннаго покровительства», надо вернуться къ среднимъ вѣкамъ, античной древности и отдаленной Индіи, создавшимъ понятія *Vogelfreiheit*, классы рабовъ и паріевъ.

Итакъ, въ юридическомъ отношеніи румынскіе евреи представляютъ собой исключительный феноменъ, пережитокъ времени сѣдой старины. Уже по одной этой причинѣ, ихъ участь заслуживаетъ большаго вниманія и должна быть тщательно изучена. Такъ какъ положеніе индивида въ государствѣ выражается въ его правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ послѣднему, то мы прежде всего скажемъ объ обязанностяхъ румынскихъ евреевъ.

За исключеніемъ почетныхъ обязанностей или такихъ, которыя неразрывно связаны съ обладаніемъ извѣстными политическими правами, румынскіе евреи несутъ всѣ остальные. Можно сказать, что они несутъ больше тяготъ, чѣмъ мѣстное христіанское полноправное населеніе, ибо послѣднее не знаетъ специальныхъ налоговъ, большой тяжестью обрушивающихся на евреевъ ¹⁾. Само собой понятно, что обязанности не искупаются правами, предоставляемыми взамѣвъ ихъ. Это понимаютъ и сами румынскіе законодатели. Поэтому-то во время Берлинскаго конгресса они всячески удаляли евреевъ изъ арміи: они совѣстились показать Европѣ, что у нихъ на родинѣ отъ евреевъ требуютъ еще повинности крови за тотъ *minimum* правъ, который предоставленъ имъ.

Переходимъ къ правамъ евреевъ. Румынія—конституціонное королевство; ея конституція гарантируетъ населенію свободу слова, собраній, передвиженія, обученія, профессій и т. д. Конечно, въ странѣ, гдѣ $\frac{1}{10}$ грамотныхъ всего равенъ 10%, конституціонныя гарантіи не могутъ отличаться особенной прочностью, сознаніе ихъ необходимости не въ состояніи проник-

¹⁾ Особенно значительны налоги, кими облагаютъ евреевъ муниципалитеты отдѣльныхъ городовъ, предназначеніе этихъ налоговъ не имѣетъ ничего общаго съ нуждами еврейскихъ общинъ: въ одномъ городѣ деньги идутъ на постройку церкви (въ Доргоѣ), въ другомъ—на содержаніе полиціи и т. д.

луть глубоко въ массы, и систематическое отстаиваніе ихъ не имѣетъ мѣста. Еще меньшее значеніе имѣютъ эти гарантіи по отношенію къ беззащитному еврейскому населенію.

Свободы прессы для румынскихъ евреевъ не существуетъ, хотя она и гарантируется статьей 24 конституціи. Когда редакторъ газеты *Fraternitatea*, заступаясь за евреевъ, выразился, что для властей города Дорогоя конституція—лоскутъ бумаги, его не привлекли къ судебной отвѣтственности за клевету, а выгнали изъ страны административнымъ порядкомъ. Судебное преслѣдованіе евреевъ-писателей неудобно для румынскихъ властей, оно всегда можетъ раскрыть ихъ грѣшки; административная расправа гораздо сподручнѣе.

Ст. 26 конституціи гарантируетъ свободу слова и собраній; ст. 11 распространяетъ покровительство закона на всѣхъ иностранцевъ, находящихся на румынской территоріи. Когда же евреи вздумали устроить публичное собраніе и громкогласно заявить о своихъ нуждахъ, ихъ поведеніе вызвало протестъ среди христіанскаго населенія, и министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ палатѣ, что «конституція не заходитъ такъ далеко, чтобы предоставлять одинаковыя гарантіи румынскимъ гражданамъ и иностранцамъ». И въ томъ же 1897 году онъ издалъ циркуляръ, коимъ евреямъ запрещалось устраивать подобныя собранія.

Ст. 28 конституціи предоставляетъ населенію широкое право петицій—индивидуальныхъ и коллективныхъ. Нельзя сказать, чтобы это право гарантировалось конституціей однимъ лишь гражданамъ, тѣмъ не менѣе, когда евреи осмѣлились прибѣгнуть къ петиціи, ихъ образъ дѣйствій вызвалъ протестъ, и Братіану, глава кабинета, заявилъ въ палатѣ, что «право петицій есть одно изъ самыхъ существенныхъ политическихъ правъ, предоставляемыхъ въ современномъ строю *гражданамъ*». Сенатъ согласился съ этимъ толкованіемъ конституціи, и потому румынскимъ евреямъ предоставляется право подавать петиціи въ судъ, министрамъ, но не въ палаты, т. е. настоящаго права петицій они лишены.

§ Пользованіе правомъ передвиженія затруднено для румынскихъ евреевъ. Затрудненія эти ведутъ свое начало отъ регламента о свидѣтельствахъ на свободное пребываніе (*Reglement*
10*

sur les billets de libre séjour), изданнаго 1 (13) марта 1880 г. и дополненаго регламентомъ 30 октября (11 ноября) 1881 г. Первоначально цѣль этихъ регламентовъ была урегулировать пребываніе въ странѣ настоящихъ иностранцевъ, но на практикѣ они примѣнялись къ однимъ только евреямъ. Оба регламента требовали отъ всякаго иностранца, прибывающаго въ Румынію на срокъ большій тридцати дней, записаться свидѣтельствомъ на свободное пребываніе, выдаваемое окружными префектами, а въ Бухарестѣ и Яссѣ—префектами полиціи. Не имѣвшимъ означенныхъ свидѣтельствъ запрещалось посѣщеніе ярмарокъ и сельскихъ мѣстностей. О всякомъ случаѣ несоблюденія предписаній регламента префекты обязывались доводить до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, который, въ случаѣ надобности, предписывалъ изгнаніе изъ предѣловъ страны арестованнаго иностранца.

Сейчасъ же послѣ изданія перваго регламента полиція стала предъявлять къ евреямъ требованія о представленіи свидѣтельствъ на свободное пребываніе. Въ іюлѣ 1880 г. множество евреевъ-купцовъ съѣхалось на годовичную ярмарку въ г. Кампулунгъ; полиція потребовала у нихъ документы, удостоверяющіе ихъ личность. Таковыя были представлены, тогда мѣстный префектъ потребовалъ у нихъ свидѣтельства на свободное пребываніе. Откуда было взять ихъ? Ни одинъ префектъ не выдавалъ ихъ. Купцовъ выселили изъ города. Съ подобнымъ же требованіемъ обращалась полиція въ томъ же году къ евреямъ и въ другихъ городахъ Румыніи,—и повсюду, за неимѣніемъ свидѣтельствъ, евреи подвергались аресту и были высылаемы на мѣсто своего послѣдняго жительства.

Регламенты о свидѣтельствахъ на свободное пребываніе отдавали евреевъ въ полное распоряженіе полиціи: она имѣла возможность арестовывать любого еврея, къ какому общественному классу онъ бы ни принадлежалъ, и высылать, куда ей вздумается. Это господство полицейскаго произвола длилось вплоть до 1900 г., вызывая не разъ тщетныя протесты со стороны независимой прессы. Лишь въ августѣ прошлаго года Оланеску, министр внутреннихъ дѣлъ, положилъ—и то болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный—предѣлъ этимъ порядкамъ. Въ циркулярѣ къ префектамъ отъ 2 (15) августа онъ разъяс-

ннѣ, что вышеприведенные регламенты имѣютъ въ виду исключительно иностранцевъ, прибывающихъ въ Румынію изъ за границы, а никакъ не туземныхъ евреевъ, живущихъ издавна въ краѣ, не состоящихъ подъ чужеземнымъ покровительствомъ, несущихъ воинскую повинность и т. д. Мы говоримъ, что цитируемый циркуляръ министра положилъ лишь видимый предѣлъ ограниченіямъ права жительства евреевъ. Онъ былъ изданъ въ моментъ возбужденія румынско-еврейскаго вопроса въ европейской прессѣ; возбужденіе это пройдетъ, и кто знаетъ, не будетъ ли изданъ циркуляръ діаметрально противоположнаго содержанія? Это есть циркуляръ, а не законъ, и изданіе его зависитъ отъ простаго желанія того или иного министра. Самъ по себѣ, своей многорѣчивостью и туманностью, онъ даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ, и нѣтъ сомнѣній, что низшіе агенты истолковываютъ его въ ограничительномъ для евреевъ смыслѣ. Онъ освобождаетъ отъ обязанности представленія свидѣтельствъ на свободное пребываніе евреевъ, отбывавшихъ воинскую повинность, пользующихся гражданскими правами и т. п., но само министерство совнавало, что одного устнаго заявленія объ обладаніи подобными правами и т. п. недостаточно. Поэтому въ другомъ циркулярѣ отъ того же мѣсяца оно обязало всѣхъ евреевъ запастись документами о личности. Но полученіе этихъ документовъ сопряжено съ большими затрудненіями. Такимъ образомъ, и нынѣ румынскіе евреи ограничены въ свободѣ передвиженія.

Мы только что говорили, что регламенты запрещали иностранцамъ, не имѣющимъ свидѣтельства на свободное пребываніе, жить въ сельскихъ общинахъ. Это предписаніе послужило причиной многочисленныхъ высылкъ евреевъ изъ мѣстечекъ. Румынскія мѣстечки въ большинствѣ случаевъ были основаны евреями, которые, переселяясь изъ другихъ странъ, зачастую заключали договоръ съ румынскими князьями о заселеніи того или иного пункта въ обмѣнъ на извѣстныя привилегіи. Въ 1881 году мѣстечки были отнесены къ числу сельскихъ общинъ; ясно, что въ силу названнаго регламента пребываніе въ нихъ евреевъ стало зависѣть отъ произвола мѣстныхъ властей.

Нельзя сказать, что румынскіе законы запрещаютъ евреямъ жительство въ деревняхъ; такого закона нѣтъ. Напротивъ, если видѣть въ румынскихъ евреяхъ иностранцевъ, то можно указать на законъ объ общинахъ отъ 7/12 мая 1887 года, который, разрѣшая иностранцу селиться въ деревняхъ, требуетъ лишь предварительнаго согласія сельскихъ властей, въ лицѣ общиннаго совѣта. Запрещается же селиться въ сельскихъ мѣстности, согласно закону о сельской полиціи отъ 23 декабря 1868 г.—4 января 1869 г., людямъ безъ определенныхъ занятій (*les individus sans aveu*). Какъ же объяснить, что евреямъ, занятія коихъ постоянно извѣстны, которые иностранцами, навѣрно, могутъ считаться, не дають селиться въ деревняхъ, постоянно выселяютъ оттуда?

„Со времени берлинскаго трактата, т. е. съ 1881 года—говоритъ г. Sincerus.—за исключеніемъ двухъ или трехъ лѣтъ, выселенія евреевъ изъ деревень, или, какъ онѣ называются на официальномъ языкѣ, изъ сельскихъ общинъ не прекращались. Незамѣтно ихъ гонять повсюду, во всякое время года, въ любой мѣсяцъ его; евреевъ преслѣдуютъ, тѣснить безъ состраданія, не обращая вниманія на ихъ жалобы, ни на заступничество жителей деревень, крестьянъ, которыхъ, какъ говорятъ, они эксплуатируютъ, заступничество, имѣющее мѣсто гораздо чаще, чѣмъ можно думать, если судить только по заявленіямъ властей“.

Изложить хотя бы вкратцѣ исторію выселенія евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей, говорить въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ, „значитъ не только опровергнуть всѣ заявленія румынъ, которые постоянно отрицали факты массовыхъ изгнаній и вызываемыя ими сцены ужаса и отчаянія, но также поколебать недověріе людей, въ общемъ симпатизирующихъ евреямъ, но думающихъ, что евреи сознательно преувеличиваютъ безвыходность своего положенія, дабы вызвать у публики состраданіе къ людямъ, которыхъ румынскія власти третируютъ, какъ бродягъ, и обвиняютъ въ портѣ деревенскаго населенія“.

Усердіе деревенскихъ властей по части очистки деревень отъ еврейскаго элемента не разъ вызывали протесты даже у румынскихъ министровъ. Мы приведемъ выдержки изъ нѣко-

торыхъ министерскихъ циркуляровъ, которыя живо обрисуютъ печальную участь евреевъ, попавшихъ въ румынскую деревню.

Разсмотрѣвши, вслѣдствіе жалобъ множества евреевъ, изгнанныхъ съ семьями изъ сельскихъ мѣстностей округа Дорогоя, постановленія общинныхъ совѣтовъ, послужившія основаніемъ для этихъ выселеній, а равне и мотивы данныхъ постановленій,—писалъ въ 1881 году префекту Дорогоя министръ внутреннихъ дѣлъ Роветти,—я долженъ вамъ сказать, что эти мѣры были приняты въ большинствѣ случаевъ произвольно и незаконно... Вы, господинъ префектъ, обязаны разъяснить общиннымъ совѣтамъ истинный смыслъ этихъ статей (ст. 8 и 10 закона о сельской полиціи отъ 1868—69 года). Ст. 10-я закона о сельской полиціи имѣетъ въ виду людей безъ опредѣленныхъ занятій, т. е. такихъ, которые не имѣютъ ни профессіи, ни постоянного мѣстожителства, ни извѣстныхъ источниковъ существованія,—и только къ такого рода людямъ она можетъ быть относима. На основаніи ея нельзя заключить, что всѣ иностранцы, поселившіеся съ давнихъ поръ въ деревнѣ, безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны общиннаго совѣта, подлежатъ теперь высылкѣ, хотя бы они жили въ данной мѣстности постоянно и имѣли извѣстную профессію. А между тѣмъ, такія именно дѣлали заключенія въ вашемъ округѣ. Евреи, мѣстные уроженцы, или же давнишніе жители въ мѣстныхъ общинахъ, подверглись изгнанію, хотя и имѣли въ нихъ свое мѣстожителство и занятіе. Общинные совѣты ограничиваютъ мотивировку своихъ рѣшеній ссылкой на то, что относительно высылаемыхъ имѣлись смутныя подозрѣнія и что это были все люди мелкіе (*sans consideration*); но для принятія подобныхъ мѣръ недостаточно простыхъ утверждений или одного подозрѣнія... Посему, пишетъ дальше министръ къ префекту, я прошу васъ вмѣшаться и отмѣнить повторявшіеся множество разъ въ вашемъ округѣ случаи изгнанія евреевъ“..

Въ 1888 году тому же министру пришлось опять напоминать префектамъ о необходимости поудержать рвеніе сельскихъ властей. „Я получаю со всѣхъ сторонъ жалобы на то, что будто бы, на основаніи ст. 4-ой закона объ общинахъ, изъ деревень изгоняютъ *всѣхъ иностранцевъ*, поселившихся тамъ съ давнихъ поръ“, писалъ министръ. То же самое обстоятельство—

излишнее усердіе сельскихъ заправилъ въ выселеніи евреевъ повело въ 1892 году къ изданію особаго министерскаго указа о правѣ жительства въ сельскихъ мѣстностяхъ лицъ различныхъ категорій. Этотъ указъ, впрочемъ, былъ впоследствии отмененъ, и съ 1892 года дѣйствовало министерское предписаніе, согласно которому общиннымъ совѣтамъ предоставлялось право изгонять живущихъ даже съ ихъ собственнаго разрѣшенія иностранцевъ, т. е. евреевъ. Сильная эмиграція румынскихъ евреевъ послѣдняго времени была въ значительной степени обусловлена этимъ распоряженіемъ, отдававшимъ жившихъ въ деревняхъ евреевъ на произволъ мѣстныхъ заправилъ. Въ іюль 1900 года министерство, обезпокоенное поднявшимся въ европейской прессѣ шумомъ, по поводу массоваго исхода румынскихъ евреевъ, издало новый указъ, въ которомъ категорически воспротивилось выселеніямъ евреевъ изъ деревень. Авторъ разсматриваемаго нами произведенія сомнѣвается, чтобы этотъ циркуляръ возымѣлъ должное дѣйствіе; онъ приводитъ газетные отзывы, свидѣтельствующіе о томъ, что изданіе циркуляра мало въ чемъ измѣнило существовавшія отношенія деревенскихъ властей къ мѣстнымъ евреямъ. — Власти то прогоняютъ евреевъ, то разрѣшаютъ вернуться обратно, то опять прогоняютъ, а министры пишутъ ничего незначащіе указы.

* * *

Ст. 23-ья конституціи 1863 года гласитъ:

Обученіе свободно.—Свобода обученія гарантируется постольку, поскольку она не наноситъ вреда добрымъ нравамъ и общественному порядку...

Начальное обученіе обязательно для румынскихъ дѣтей повсемѣстно, гдѣ только имѣются начальныя училища. Эта статья была редактирована всецѣло въ духъ прежняго румынскаго законодательства, признававшего обязательнымъ обученіе для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій ¹⁾. О томъ, какъ понималась эта статья въ то

¹⁾ Законъ 1851 г. о реорганизации народнаго образованія въ Молдавіи гласилъ въ ст. 1-й: „Народное образованіе бесплатно и свободно для всѣхъ жителей Молдавіи“. Законъ соединенныхъ княжествъ 1864 г. о томъ же предписывалъ: „Начальное образованіе обязательно для дѣтей обоаго пола, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ“.

время самимъ Братіану, впоследствии сыгравшимъ не малую роль въ дѣлѣ изгнанія еврейскихъ дѣтей изъ общей школы, видно изъ его приказа, обращеннаго въ 1867 г. къ префектамъ. „Что касается народнаго образованія, писалъ Братіану, то необходимо тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы *вся дѣти*, живущія въ подвѣдомственной вамъ области, посѣщали школу, въ которой обучаютъ румынскому языку и другимъ указаннымъ въ программѣ предметамъ“. Изъ исполненіе закона объ образованіи министръ назвалъ „грѣхомъ противъ будущаго, противъ румынизма“. Что же принесло съ собой будущее?

Евреи, первоначально сторонившіеся отъ общей школы и всячески отстаивавшіе традиціонный хедеръ, уступили духу времени и пошли въ правительственныя училища. Въ 1864 году ихъ насчитывалось въ этихъ училищахъ не больше 20—30 человѣкъ; въ 1878—79 число ихъ уже составляло 11% общаго числа учащихся въ начальныхъ школахъ, а въ 1882—83, достигло 15%, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляло 30, 40, 50 и даже 75%.

Съ 1882—3 учебнаго года начинаются преслѣдованія евреевъ, обучающихся въ общихъ школахъ. „Патріоты своего отечества“ поднимаютъ крикъ о переполненіи школъ еврейскими дѣтьми, о томъ, что изъ-за нихъ не хватаетъ мѣстъ для дѣтей румынъ. Директора училищъ прогріо motu начинаютъ удалять еврейскихъ дѣтей изъ школъ и сокращать пріемъ ихъ до minimum'a. Пресса все чаще и чаще отмѣчаетъ случаи проявленія антисемитизма въ стѣнахъ учебныхъ заведеній; учителя и учительницы на урокахъ сѣютъ сѣмена религіозной вражды и отчужденности. Преслѣдованія учениковъ-евреевъ принимаетъ такіе размѣры, что министерство оказывается вынужденнымъ вступиться за нихъ. Вскорѣ и само министерство поддается общему теченію и издаетъ ограничительныя распоряженія. Въ 1886 г. оно издаетъ циркуляръ, коимъ предписывается ставить нули тѣмъ ученикамъ-евреямъ, которые по субботамъ не исполняютъ письменныхъ работъ. Въ томъ же году министерство вноситъ на разсмотрѣніе палаты законопроектъ, согласно коему съ учениковъ-иностранцевъ должна ввѣматься плата за школьное обученіе, для остальнаго населенія бесплатное. Парламентская коммиссія, разсматривавшая проектъ

добавила отъ себя такое положеніе, что если число желающихъ поступить въ школу дѣтей превышаетъ 60, то румынскимъ дѣтямъ оказывается преимущество. Законъ въ палатѣ не прошелъ, но министерство послѣдовало желанію комиссіи и въ слѣдующемъ году разослало циркуляръ, въ коемъ приказывало отдавать при большомъ числѣ поступающихъ предпочтеніе румынскимъ дѣтямъ. Результатомъ этого циркуляра было сильное паденіе числа евреевъ-учащихся. Законъ 23 мая—4 июня 1893 года санкціонировалъ министерскій приказъ и сверхъ того ввелъ для учащихся евреевъ плату за обученіе 15 фр. въ начальныхъ сельскихъ школахъ и 30 фр.—въ начальныхъ городскихъ. Естественно, что число евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ должно было еще сильнѣе уменьшиться. Послѣдующій законъ о народномъ образованіи 30 апр.—12 мая 1896 г. мало внесъ новаго въ положеніе дѣла: предпочтеніе румынскихъ дѣтей при приѣмѣ и плата для еврейскихъ были въ немъ сохранены. Министерскія же предписанія, слѣдившія на каждомъ шагѣ за евреями-учениками, дѣлали положеніе ихъ еще болѣе нестерпимымъ, чѣмъ оно было прежде. Вопреки закону, эти циркуляры прямо воспрещали принимать евреевъ въ школы. Такъ въ циркулярѣ № 50.183 отъ сентября 1898 года мы читаемъ, что «при теперешнемъ положеніи вещей не можетъ быть и рѣчи о приѣмѣ дѣтей иностранцевъ», и нѣсколькими строками дальше:—«Теперь нечего думать о принятіи въ школу дѣтей иностранцевъ». Учащіеся евреи въ начальныхъ училищахъ, составлявшіе еще въ 1891—2 году 15—16% всего числа учащихся въ этихъ школахъ, въ настоящее время, если вѣрить показаніямъ правительственнаго органа la Roumanie, даютъ максимумъ 5 $\frac{1}{2}$ %. Точныхъ статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ, ибо съ 1893 года министерство, изъ чувства стыдливости, какъ полагаетъ г. Sincerus, перестало печатать данныя о распредѣленіи учащихся по вѣроисповѣданіямъ.

Все сказанное относится къ начальному образованію; одновременно шло преслѣдованіе евреевъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; законъ 4 апрѣля 1898 года ввелъ практику начальныхъ училищъ по отношенію къ евреямъ—въ среднюю школу. Послѣдствіемъ закона было непосредственно паденіе процента евреевъ учащихся съ 11%

въ 1897—8 до $7\frac{1}{2}\%$ —въ 1898—9 учебномъ году. Равнымъ образомъ пошло на убыль число студентовъ-евреевъ.—Въ профессиональныхъ училищахъ число евреевъ-учащихся не можетъ превосходить пятой доли всего числа учащихся; въ цѣломъ рядѣ училищъ евреевъ совсѣмъ не принимаютъ, таковы: низшая и высшая земледѣльческія школы, учительскія семинаріи, морское училище, во всѣхъ училищахъ, при коихъ имѣются интернаты, во всѣхъ военныхъ школахъ и т. д.

Казалось бы, что если евреямъ закрываютъ доступъ въ общую школу, то имъ тѣмъ самымъ рекомендуютъ идти въ свое, еврейское училище. Ничуть не бывало! Изгоняя евреевъ изъ общей школы, румынскіе министры въ то же время стараются всячески помѣшать имъ учиться въ своей школѣ. Эту, именно, цѣль преслѣдуютъ министерскіе циркуляры. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ.

Циркуляръ отъ октября 1899 года гласитъ: «До свѣдѣнія министерства дошло, что во многихъ еврейскихъ школахъ происходятъ занятія по воскресеньямъ. Согласно донесенію отъ г. инспектора частныхъ училищъ г. Онкіуль, отъ 16 сент. с. г. за № 5, нижеподписавшійся доводитъ до вашего свѣдѣнія, что празднованіе воскреснаго дня предписывается закономъ и что министерство не разрѣшаетъ, чтобы школы были открыты въ этотъ день.—Директоръ І. О. Прапа».

Циркуляръ за № 3355 отъ 4—17 апрѣля 1900 г. приказываетъ: «Субботнее утро можетъ быть отведено на богослуженіе, а въ остальное время дня должно производиться обученіе закону божьему и всякимъ другимъ предметамъ программы».

Циркуляръ отъ февраля 1900 года слѣдующаго содержанія: «Г. Директоръ. До свѣдѣнія министерства дошло, что во многихъ еврейскихъ школахъ ученики остаются съ покрытыми головами во время уроковъ еврейскаго языка. Согласно сообщенію г. инспектора частныхъ училищъ г. Онкіуль за № 649 отъ 20 янв. с. г., я долженъ сообщить вамъ, что подобное обыкновеніе противорѣчитъ правиламъ школьной дисциплины и потому не можетъ быть терпимо. Я предлагаю вамъ распорядиться о воспрещеніи ученикамъ оставаться съ покрытой головой во время уроковъ, такъ какъ частныя школы обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ дисциплины, установленнымъ

для правительственныхъ школъ. — Директоръ I. Прапа. Начальникъ отдѣленія: Ливеану».

Мы привели эти циркуляры en toutes lettres, опасаясь, что, передавая ихъ содержаніе своими словами, возбудимъ у читателя сомнѣніе въ ихъ подлинности. Одинъ директоръ запрещаетъ преподавать въ еврейскихъ школахъ по воскресеньямъ, другой предписываетъ ввести преподаваніе по субботамъ, третій востаетъ противъ религіознаго обычая носить шапки. Противорѣчіе этихъ циркуляровъ мѣстнымъ румынскимъ законамъ до того ясное, что даже главный антисемитическій органъ Aрагагеа Nationala счелъ необходимымъ выступить противъ министерства и устами бывшего министра исповѣданія Уреке заявить, что «существующіе школьные регламенты не замѣняютъ дней недѣльнаго отдыха и не принуждаютъ послѣдователей Моисея или Магомета чтить святыхъ православной церкви».

* * *

Минуя цѣлый рядъ другихъ менѣе значительныхъ ограниченій правъ евреевъ на государственную помощь въ случаяхъ болѣзни, нужды и т. п., мы переходимъ къ законамъ, ограничивающимъ поле общественной и частной дѣятельности нашихъ румынскихъ соплеменниковъ. Мы сначала скажемъ объ ограниченіи ихъ въ экономической сферѣ, а затѣмъ о томъ, насколько доступны для нихъ либеральныя профессіи.

Изъ законовъ, ограничивающихъ права румынскихъ евреевъ въ экономической сферѣ, самое видное мѣсто занимаетъ законъ 17—29 марта 1884 г. о разносной торговлѣ, совершенно уничтожившій ее въ городахъ, т. е. тамъ гдѣ ею занимались исключительно евреи. Ст. 1-я этого закона гласитъ, что разносная торговля всякаго рода совершенно воспрещается, въ предѣлахъ городскихъ поселеній, равно какъ на всемъ пространствѣ ихъ округовъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ настоящемъ законѣ.

И понятію разносной торговли давалось самое широкое опредѣленіе. Ст. 2-я закона постановляла, что подъ разносной торговлей понимается всякая продажа, совершаемая то въ одномъ домѣ, то въ другомъ, то на одномъ мѣстѣ то на другомъ, на открытыхъ площадяхъ, въ палаткахъ, подъ навѣсомъ, на

доскахъ, разставленныхъ на рынкахъ, улицахъ, въ проходныхъ дворахъ, корридорахъ и другихъ проходахъ.

Другими словами, законъ уничтожалъ всю мелочную торговлю, дающую заработокъ самому бѣдному классу городского населенія. «Пускай наймутъ магазины», заявлялъ во время обсужденія закона въ палатѣ депутатъ одинъ изъ сторонниковъ правительства, очевидно, проницая надъ тысячами бѣдняковъ, лишившихся послѣдняго заработка. Правъ былъ другой депутатъ, говорившій авторамъ законопроекта, что они не регламентируютъ разносной торговли, а душатъ ее. Въ законѣ ни единымъ словомъ не упоминалось о евреяхъ, но уже при первомъ чтеніи его въ палатѣ всё было ясно, что онъ дѣйкомъ направленъ противъ евреевъ. Это общее сознание нашло себѣ выраженіе въ рѣчи депутата Іепуреску, который замѣтилъ, что «дѣло идетъ объ иностранцахъ, составляющихъ бичъ для страны,—вотъ гдѣ находится главная цѣль всѣхъ мѣропріятій и всѣхъ ограниченій, устанавливаемыхъ закономъ». Кого называютъ въ Румыніи иностранцами, мы знаемъ.

На сельскія территоріи настоящій законъ не распространился; относительно деревень въ немъ говорилось лишь, что въ нихъ разрѣшеніе на разносную торговлю впредь должно даваться общинными властями. Зная нерасположеніе послѣднихъ къ евреямъ, можно было легко понять, что и это постановленіе закона было направлено лишь противъ евреевъ.

Слухи о подготовляющемся законѣ переположили еврейское населеніе. Въ парламентъ стали поступать петиціи съ требованіемъ отклоненія проекта. 400 разносчиковъ изъ Бухареста писали въ своей петиціи: «Когда въ другихъ странахъ съ крупной промышленностью мало-по-малу и нечувствительно ограничиваютъ права разносной торговли, занимавшіеся ею могутъ найти другой заработокъ; издавать подобный законъ у насъ, гдѣ такъ еще мало фабрикъ, значитъ выбрасывать на мостовую двадцать тысячъ душъ, потому что мы не можемъ найти другого заработка».

Просьбы эти не были услышаны, и двадцать тысячъ чело-вѣкъ остались безъ куска хлѣба. «Крикъ отчаянія вырвался у еврейскаго населенія всей страны, рассказываетъ г. Sincerus. Повсюду производился сборъ пожертвованій въ пользу постра-

давшихъ, для помощи вдовамъ, старикамъ, увѣчнымъ и содѣйствія эмиграціи болѣе молодыхъ». Подчиненные органы дѣятельно взялись за приведеніе въ исполненіе закона. Они обнаруживали свое рвеніе еще до изданія его, арестуя разносчиковъ-евреевъ и произвольно запрещая имъ заниматься торговлей. Тѣмъ болѣе уселдствовали они теперь, когда законъ былъ вотированъ. «Я долѣе признаюсь, пишетъ г. Пану въ газетѣ *Lupta*, что закономъ о разносной торговлѣ злоупотребляютъ. Подъ предлогомъ разносной торговли очень часто арестуютъ ни въ чемъ неповинныхъ бѣдняковъ, тащатъ въ участокъ и составляютъ протоколы, какъ будто бы ихъ поймали на мѣстѣ преступленія; затѣмъ ихъ подъ карауломъ отправляютъ къ мировому судѣ; послѣдній тутъ же на мѣстѣ выноситъ имъ обвинительный приговоръ и постоянно въ томъ же засѣданіи, не справившись предварительно о матеріальной обезпеченности обвиняемаго, замѣняетъ ему штрафъ тюремнымъ заключеніемъ; въ концѣ-концовъ, арестованные немедленно препровождаются въ тюрьму».

Авторъ приводитъ множество примѣровъ расправы подобнаго рода, но перечисленіе ихъ только бы утомило читателя. На улицахъ хватали всякаго еврея, если онъ только имѣлъ съ собой какую-нибудь вещь, годную для продажи; подъ разносную торговлю подводили продажу въ магазинахъ и продажу такого рода, о которой въ законѣ вовсе не упоминалось. «Извѣстно, что евреямъ-старьевщикамъ запрещено заниматься ихъ ремесломъ,—писала газета *Radicalul*,—но мы не понимаемъ, почему гордовые хватаютъ и отправляютъ въ участокъ всякаго прикащика изъ магазина, идущаго съ товаромъ». Даже въ правительственныхъ органахъ удостовѣрялось, что примѣненіе закона 17—29 марта сопровождается большими злоупотребленіями.

Христіане-торговцы, конечно, ликовали, такъ легко отдѣлываясь отъ искусныхъ конкурентовъ. Торговая палата г. Яссы настаивала на запрещеніи торговли евреямъ, продающимъ на улицахъ фрукты. Съ аналогичной просьбой обратилась къ министру торговли группа негоціантовъ изъ Бухареста. Антисемитскіе депутаты охотно поддерживали эти хода-

тайствъ, и правительство еще болѣе натравляло своихъ агентовъ на беззащитную, обездоленную еврейскую массу.

Что же сдѣлала послѣдняя?—Спасалась бѣгствомъ, эмигрировала... Другимъ, сильно пошатнувшимся экономическое благосостояніе еврейской массы закономъ, былъ законъ о патентахъ на торговлю крѣпкими напитками. Первое ограниченіе евреевъ въ этой торговлѣ относится еще къ 1873 году. Когда въ ст. 8-й наданнаго по данному предмету закона значилось, что продавцы крѣпкихъ напитковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ, поселкахъ и въ уединенныхъ или расположенныхъ на дорогахъ корчмахъ для полученія патента должны состоять избирателями въ какой-нибудь румынской общинѣ.

Евреи выборщиками быть не могли, и такимъ образомъ законъ закрывалъ имъ доступъ къ занятію раздробительной продажей питья. Но когда на Берлинскомъ конгрессѣ державы потребовали отъ Румыніи политическаго и гражданскаго уравненія туземныхъ евреевъ, румынское правительство сдѣлалось болѣе мягкимъ по отношенію къ послѣднимъ. Въ 1879 году министерство внушило своимъ агентамъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣхъ евреевъ—винныхъ торговцевъ, которые содержали свои лавки на имя подставныхъ лицъ изъ христіанъ, и совѣтовало даже разрѣшать евреямъ держать винныя лавки на свое имя. Но какъ только вопросъ съ эмансипаціей былъ порѣшенъ, и порѣшенъ въ смыслѣ желательномъ румынскому правительству, оно сейчасъ принялось за «обузданіе еврейскаго нахальства».

16—28-го августа 1880 года министръ финансовъ Янъ Бра-тіану разосланъ въ акцизные управленія циркуляръ, въ которомъ указывалъ на то, что «нѣкоторые акцизные чиновники, плохо понимая эту (приведенную выше восьмую) статью и неправильно истолковывая министерскій циркуляръ за № 31,964 отъ 1879 г., рѣшили, что измѣненіе ст. 8-й конституціи ¹⁾ повлекло за собой уничтоженіе ст. 8-й закона о патентахъ и вслѣдствіе этого дозволяли иностранцамъ заниматься продажей спиртныхъ напитковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ». Далѣе министръ предлагалъ своимъ подчиненнымъ слѣдить за строгимъ исполненіемъ означенной статьи закона 1873 г. и предписать

¹⁾ Дарующей евреямъ гражданскія и политическія права.

евреямъ-торговцамъ въ теченіе одного мѣсяца ликвидировать свои дѣла и закрыть лавки.

Подчиненные органы опять проявили крайнее усердіе, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еврей-виноторговцы вынуждены были ликвидировать свои дѣла въ 24 часа. Жалобы и протесты были тщетны. Министерство не удовлетворилось сдѣланнымъ распоряженіемъ объ уничтоженіи еврейской торговли виномъ въ сельскихъ мѣстностяхъ; оно пошло дальше по пути ограниченій. Законъ 1873 г., вносившій сказанное стѣсненіе въ сферу торговой дѣятельности евреевъ,—наряду съ нимъ, разрѣшалъ имъ оптовую торговлю виномъ и кромѣ того понималъ подъ сельскими мѣстностями однѣ лишь деревни, поселки и т. п., но отнюдь не мелкіе города, мѣстечки и посады.

При такомъ толкованіи закона, евреи могли безпрепятственно продавать крѣпкіе напитки оптомъ и въ розницу въ городскихъ поселеніяхъ и оптомъ въ деревняхъ; но въ 1880 г. Братіану циркуляромъ № 264 запретилъ евреямъ оптовую торговлю виномъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, а годъ спустя циркуляромъ № 30,655 отъ 24 сентября предписалъ префектамъ и департаментскимъ акцизнымъ управленіямъ воспрепятствовать евреямъ въ занятіи винной торговлей въ мелкихъ городахъ, мѣстечкахъ и т. д. Въ своемъ циркулярѣ министръ финансовъ выражалъ недоумѣніе по поводу того, что «акцизные чиновники до сихъ поръ считали города, мѣстечки и посады городскими поселеніями и въ силу этого разрѣшали винную торговлю лицамъ, не значащимся въ числѣ избирателей; по его мнѣнію, города, мѣстечки и посады должны быть относимы къ разряду сельскихъ мѣстностей, а посему и тѣмъ самымъ для евреевъ уничтожилась возможность торговать въ нихъ виномъ».

Но подобное толкованіе, какъ пишетъ нашъ авторъ, явно противорѣчило основнымъ законоположеніямъ страны. На противозаконность министерскаго распоряженія указывалось въ протестахъ заинтересованныхъ лицъ, но эти протесты имѣли лишь то послѣдствіе, что произволъ одного министра былъ покрытъ согласіемъ остальныхъ его коллегъ: постановленіемъ совѣта министровъ отъ 31 октября 1881 г. распоряженіе Братіану было одобрено.

Еврей-виноторговцы и кабатчики исчезли съ лица румын-

ской земли. Сколько они потерпѣли убытку отъ этого событія, извѣстно лишь тѣмъ господнимъ ангеламъ, которые занимаются на небѣ исчисленіемъ еврейскихъ бѣдъ. Но понесла вредъ и Румынія, понесла вредъ: въ видѣ уменьшенія доходовъ отъ акциза и распространенія опаснаго типа сельскаго кулака-кабатчика, спаявающаго народъ при монопольномъ положеніи на рынкѣ и благосклонномъ вниманіи властей. «Доходы съ этихъ налоговъ (патентный сборъ и акцизъ) съ нѣкотораго времени съ года на годъ падаютъ, читаемъ мы въ «изложеніи мотивовъ къ проекту закона объ установленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1885—86 годъ»; главной причиною этого обстоятельства считается закрытіе множества винныхъ лавокъ въ сельскихъ общинахъ многихъ округовъ, гдѣ этимъ видомъ торговли занимались обыкновенно иностранцы (т. е. евреи). Злоупотребленія лицъ, заступившихъ евреевъ въ торговлѣ спиртными напитками, все больше и больше обращаютъ на себя общественное вниманіе. Въ румынскихъ газетахъ очень часто можно встрѣтить филиппики по ихъ адресу; не разъ заходила рѣчь о нихъ въ парламентѣ, но «бороться съ отравленіемъ, которое производится винными торговцами, тѣмъ труднѣе, что, въ большинствѣ мѣстностей, отравителями являются сильные люди деревни, стремящіеся къ обогащенію путемъ спаяванія своихъ собратьевъ, говорилъ недавно въ румынской палатѣ одинъ изъ депутатовъ. Эти дурные румыны—преступники и мерзавцы, но еще большее преступленіе совершаютъ власти, которыя терпятъ ихъ, оберегаютъ, становятся соучастниками въ ихъ дѣяніяхъ».

Торговля табакомъ равнымъ образомъ закрыта для румынскихъ евреевъ. Пунктъ 1 ст. 15-й закона о табачной монополіи 3—15 февраля 1872 г. гласитъ:—«служащими въ табачномъ вѣдомствѣ, а также табачными торговцами могутъ быть только румыны».

Но долгое время это предписаніе закона оставалось мертвой буквой, такъ какъ за неисполненіе его не было установлено никакого наказанія. Къ тому же законъ легко было обойти, содержа табачный магазинъ на имя подставнаго лица. Среди табачныхъ торговцевъ и служащихъ на табачныхъ фабрикахъ было много евреевъ. Присутствіе ихъ кололо глаза румынскимъ

патріотамъ, и вотъ министерства принимаютъ рядъ мѣръ для вытѣсненія евреевъ изъ этой сферы дѣятельности. Въ 1879 г. палаты вотировали законъ, которымъ правительству предоставлялась возможность нарушить заключенные съ табачными фабрикантами контракты и сдѣлать добычу табака государственной монополіей. Беря въ свои руки веденіе всего табачнаго дѣла, правительство имѣло полную возможность удалить изъ него всѣхъ евреевъ. Но оно не рѣшилось предпринять такую мѣру, ибо не имѣло кѣмъ замѣстить подлежащихъ удаленію евреевъ, работавшихъ на табачныхъ фабрикахъ. Поэтому для начала оно направило свои удары на менѣе защищенные ряды противниковъ—евреевъ табачныхъ торговцевъ—и запретило имъ заниматься своимъ дѣломъ. По мѣрѣ же того, какъ среди румынскаго населенія стали появляться лица, способныя работать на табачныхъ фабрикахъ, евреевъ стали удалять изъ послѣднихъ. Къ половинѣ 80-хъ гг. такихъ лицъ среди румынъ набралось столько, что оказалась возможность воспретить евреямъ всякое участіе въ табачной монополіи. И такой законъ былъ изданъ 28 февраля 1887 г. Въ силу этого закона, служащіе въ табачной монополіи и торговцы табакомъ должны быть непременно природными или натурализованными румынами (ст. 13 и 56). Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за отсутствіемъ румынъ, пришлось еще держать евреевъ, но въ общемъ, эта область торговли и промышленности была для нихъ закрыта. Не находя себѣ работы, евреи—бывшіе рабочіе табачныхъ фабрикъ—эмигрировали.

Продолжая перечисленіе ограничительныхъ законовъ торговой дѣятельности евреевъ, мы должны остановиться на законѣ 1—13 іюня 1881 г. о торговыхъ биржахъ. Болѣе разработанный впоследствии въ законѣ 24 іюня 1886 г. этотъ законъ отнималъ у евреевъ возможность заниматься посредническими операціями: для занятія размѣномъ денегъ и торговымъ комиссіонерствомъ нужно было быть природнымъ или натурализованнымъ румыномъ.

Но это постановленіе имѣло силу лишь тамъ, гдѣ находились торговыя биржи. Между тѣмъ на практикѣ его примѣняли повсюду и тамъ, гдѣ такихъ биржъ не было. Примѣненіе его

зависѣло отъ желанія мѣстной торговой биржи, и послѣднія старались перещеголять другъ друга въ его выполненіи.

Законъ 18—30 января 1883 года запретилъ торговлю лотерейными билетами, которой занимались исключительно евреи, продававшіе выигрышные билеты нѣмецкихъ лоттерей—гамбургской и лейпцигской.

На перешедшихъ въ собственность казны желѣзныхъ дорогахъ евреи вытѣсняются все болѣе и болѣе. Пока желѣзнодорожное дѣло было новымъ для правительства, оно не рѣшалось предпринимать какія-либо коллективныя мѣры противъ служащихъ-евреевъ, и евреевъ удаляли понемногу, одного за другимъ; но въ 1899 г. правительство почувствовало себя уже полнымъ хозяиномъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и 6—18 февраля былъ изданъ законъ, закрывшій доступъ въ это вѣдомство всѣмъ иностранцамъ. Въ 1900 г., т. е. всего годъ тому назадъ частныя желѣзнодорожныя общества были обязаны имѣть среди своихъ служащихъ 60% румынъ. 12—24 мая 1887 г. былъ опубликованъ законъ о содѣйствіи промышленности, предоставлявшій крупныя привилегіи всѣмъ, желающимъ основать въ странѣ большія промышленныя предпріятія. Евреи-капиталисты не исключались изъ числа пользующихся благами этого закона, но евреи-рабочіе подверглись остракизму. Пунктъ 2-й ст. 1-й постановлялъ:

По истеченіи пяти лѣтъ со дня основанія фабрики рабочіе ея на $\frac{3}{4}$ должны состоять изъ румынъ.

Такимъ образомъ, въ значительной степени уменьшается область фабричнаго труда, въ настоящее время, правда, еще далеко не процвѣтающаго въ Румыніи, но много обещающаго въ будущемъ. Впрочемъ, кто знаетъ, не закроютъ ли его для нихъ всецѣло, когда онъ станетъ обеспечивать средства къ существованію?

До сихъ поръ мы приводили румынскіе законы, ограничивающіе торговую дѣятельность преимущественно бѣднаго еврейскаго класса. Какъ видимъ, ему запрещено заниматься разносной торговлей, продажей спиртныхъ напитковъ и табаку, состоять посредниками, принимать, въ значительномъ количествѣ, участіе въ фабричномъ трудѣ и т. д.

Не становится ли теперь для насъ понятнымъ прошлогодній

массовый исходъ евреевъ изъ Румыніи? Впрочемъ, не будетъ торопиться съ заключеніями.

Румынское законодательство не щадитъ и состоятельную часть еврейскаго населенія. Нѣкоторые изъ изложенныхъ нами выше законовъ, какъ напр. о посредничествѣ, затрагивалъ и ее существеннымъ образомъ. Законъ 1 февраля 1882 г. запретилъ евреямъ состоять экспедиторами на таможенныхъ; изъ опасенія обхода закона, экспедиторамъ запрещалось держать слушающихъ евреевъ. Законъ 28-го апрѣля 1887 года прекращалъ отдачу въ откупъ евреямъ сборовъ сельскихъ общинныхъ повинностей. Законъ 9—21 апрѣля 1889 г. распространялъ дѣйствіе предыдущаго закона на откупъ сборовъ городскихъ повинностей.— На основаніи административныхъ распоряженій евреевъ подрядчиковъ не допускаютъ къ участию въ торгахъ по казеннымъ поставкамъ и подрядамъ. Законъ 12—24 мая о содѣйствіи промышленности, какъ мы говорили, щадилъ евреевъ-капиталистовъ, но за то казнили ихъ другіе законы. Законъ 19—22 мая 1887 г., содержащій въ себѣ новое торговое уложеніе, въ постановленіяхъ о товариществахъ на вѣрѣ и акціонерныхъ обществахъ постановлялъ:

Ст. 44 (о товариществѣ на вѣрѣ). Товарищество на вѣрѣ управляется товарищами на началахъ неограниченной ответственности. Въ акціонерныхъ товариществахъ на вѣрѣ единственный администраторъ или, по крайней мѣрѣ, половина плюсъ одинъ администраторовъ должны быть румыны. Тоже правило для правленій акціонерныхъ обществъ.

Ст. 185 (о ревизіонной комиссіи). На каждомъ очередномъ собраніи и собраніи, предусмотрѣнномъ въ § 135, избирается ревизіонная комиссія изъ трехъ или пяти членовъкъ и такого же числа кандидатовъ къ нимъ для наблюденія за дѣйствіями общества и ревизіи баланса, половина плюсъ одинъ членовъ ревизіонной комиссіи и кандидатовъ должны быть румыны.

Такимъ образомъ еврей, до извѣстной степени, исключался изъ сферы крупной промышленности и торговли. Но этотъ законъ отнюдь не могъ содѣйствовать притоку въ страну иностранныхъ капиталовъ, о чемъ такъ заботилось румынское правительство: хотя подъ иностранцами понимались прежде всего

евреи, законъ поражалъ всетаки всѣхъ иностранцевъ вообще, отдавалъ ихъ капиталы въ распоряженіе румынъ. Очевидно было, что народные благодѣтели зашли слишкомъ далеко въ своемъ рвеніи. Въ мартѣ 1900 года означенный законъ подвергся измѣненіямъ, въ силу которыхъ число румынъ, обязательно участвующихъ въ перечисленныхъ учрежденіяхъ, нивводилось до $\frac{1}{3}$.

Чтобы закончить перечень ограниченій торгово-промышленной дѣятельности состоятельнаго еврейскаго класса, скажемъ, что ему закрытъ доступъ на должности управляющихъ и членовъ ревизіонныхъ комиссій въ государственномъ банкѣ и право активнаго и пассивнаго участія въ торгово-промышленныхъ палатахъ. Эти два запрещенія имѣютъ, конечно, въ виду не столько сузить поле дѣятельности евреевъ, сколько унижить ихъ въ глазахъ остального населенія, поставить въ зависимое положеніе.

Въ своей непріязни и подозрительности къ евреямъ румынское законодательство доходитъ до мелочей: оно запрещаетъ веденіе торговыхъ книгъ на еврейскомъ языкѣ, разрѣшая употребленіе любого изъ современныхъ европейскихъ нарѣчій.

* * *

Свободныя профессіи представляютъ еще менѣе простора для румынскихъ евреевъ, чѣмъ занятія торговлей и промышленностью.

Законъ 4 декабря 1864 г. гласитъ:

Для занятія адвокатурой при трибуналахъ, судахъ и кассационномъ судѣ необходимо быть природнымъ или натурализованнымъ румыномъ и обладать дипломомъ объ окончаніи курса юридическихъ наукъ въ мѣстномъ или заграничномъ университетѣ.

Единственно доступной сферой юридической практики для евреевъ оставалось веденіе дѣлъ въ мировыхъ судахъ. Законъ 8 іюня 1884 г. отнялъ у евреевъ и эти дѣла.

Ст. 2-я. Обязанности адвоката при мировыхъ судьяхъ, трибуналахъ, апелляціонныхъ судахъ и кассационномъ судѣ могутъ исполнять всѣ природные или натурализованные румыны, уплатившіе соотвѣтственный патентный сборъ казнѣ.

Ст. 3-я. Всѣ записи въ адвокатскіе списки, сдѣланныя послѣ 1 іюня 1884 г., противно постановленіямъ ст. 1 и 2 закона 6 декабря 1864 г. и настоящему закону, будутъ считаться недействительными.

Равнымъ образомъ, если окажется, что значащійся въ спискахъ адвокатъ есть иностранецъ, его имя немедленно же будетъ вычеркнуто.

Съ изданіемъ этого закона, адвокатская дѣятельность была окончательно закрыта для евреевъ. Желавшіе работать по своей спеціальности, юристы-евреи шли въ нотаріусы или секретари къ христіанамъ-адвокатамъ. Это обстоятельство не пришлось по вкусу антисемитически настроенному сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Въ 1889 г. совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ г. Бухареста запретилъ адвокатамъ своего округа держать служащихъ и помощниковъ евреевъ; такъ какъ это постановленіе не всѣми соблюдалось, совѣтъ нѣсколько разъ возобновлялъ его; его примѣру послѣдовали совѣты другихъ округовъ.

Законъ 1894 г. о мировыхъ судьяхъ довершилъ изгнаніе евреевъ изъ судебной области. Онъ дозволилъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ имѣть своими представителями въ мировомъ судѣ однихъ лишь румынъ. Такимъ образомъ, румынскій еврей не можетъ выступать въ судѣ ни по порученію адвоката, ни по уполномочію заинтересованнаго частнаго лица. Нечего и говорить о томъ, что онъ не можетъ занимать среднее между ними положеніе—мѣсто судьи: на государственную службу евреи не принимаются.

Врачебная дѣятельность представляетъ больше простора для евреевъ, чѣмъ юридическая. Румынское правительство еще не додумалось до запрещенія евреямъ-врачамъ частной практики, но путемъ ряда послѣдовательныхъ мѣропріятій изгнало ихъ изъ государственной и общественной службы.

Въ доброе старое время медицинская профессія была открыта для всѣхъ желающихъ, и врачи, за весьма малымъ исключеніемъ, были исключительно евреи и иностранцы. Первые ограниченія начались послѣ 1866 г., составившаго вообще эпоху въ исторіи румынской вѣроисповѣдной политики.

Декретъ 15 (27) декабря 1869 г. о конкурсѣ на должность главныхъ врачей больницы въ ст. 1 постановляетъ:

„Допускаются къ конкурсѣ всѣ доктора медицины румынскаго происхожденія, обладающіе правомъ свободнаго врачеванія въ странѣ».

Напротивъ, относительно конкурса на мѣсто ординаторовъ больницъ сохранялись въ силѣ старыя правила: Лица, желающія участвовать въ конкурсѣ, должны имѣть званіе доктора медицины и исполнять свои обязанности согласно дѣйствующимъ законамъ.

Регламентъ окружного санитарнаго управленія 24 августа 1873 г. постановляетъ болѣе категорически, что къ конкурсѣ на должность главнаго врача больницы «допускаются исключительно доктора медицины румынскаго происхожденія». Но относительно должности участковаго врача (*médecin d'arrondissement*) такого ограниченія пока еще не вводится. Еще мало христіанъ-врачей, чтобы ими можно было замѣстить всѣ должности, и потому правительству волей-неволей приходится обращаться къ услугамъ евреевъ. Та же причина сыграла роль при изданіи закона «объ организаціи санитарнаго управленія» 8 (20) іюня 1874 г.

Этотъ законъ предписываетъ, чтобы на посты главныхъ окружныхъ и больничныхъ врачей назначались исключительно румыны (ст. 31). Но на мѣста участковыхъ врачей, больничныхъ ординаторовъ, городскихъ врачей, ветеринаровъ и акушеровъ разрѣшаетъ принимать и иностранцевъ, т. е. евреевъ.

Послѣдовавшія за изданіемъ этого закона событія принесли новыя ограниченія.

Пунктъ 3 ст. 31 закона 1 (13) апрѣля 1885 г. гласитъ:

Къ конкурсамъ на должности главныхъ окружныхъ врачей, главныхъ больничныхъ врачей, городскихъ и тюремныхъ врачей допускаются лишь доктора медицины румынскаго происхожденія, прослужившіе годъ на должности участковаго врача и имѣющіе научную степень или проработавшіе на медицинскомъ поприщѣ четыре года».

Наконецъ, законъ 14 (26) іюня 1893 г. постановляетъ окончательно:

Ст. 32. Чтобы быть назначеннымъ на какой бы то ни было

ность во врачебномъ вѣдомствѣ, необходимо быть румынскимъ гражданиномъ и отбыть воинскую повинность.

Но такъ какъ разсчитывать на то, чтобы румыны-врачи согласились занимать нѣкоторые малоодоходныя должности въ означенномъ вѣдомствѣ, нельзя было, то ст. 33 того же закона постановляла:

На должности участковыхъ врачей, врачей не главныхъ окружныхъ городовъ, главныхъ врачей больницъ, за исключеніемъ госпиталей, расположенныхъ въ главныхъ окружныхъ городахъ, городскихъ ветеринарныхъ врачей, химиковъ и фармацевтовъ при больницахъ, за отсутствіемъ румынъ, могутъ быть наняты по контракту на опредѣленный срокъ врачи ветеринары, химики и провизора иностранцы, имѣющіе право свободной практики въ странѣ.

Такимъ образомъ и понынѣ еще встрѣчаются въ Румыніи еврей-врачи на казенной службѣ; положеніе ихъ крайне незавидное. Обыкновенно они занимаютъ такія мѣста, которыхъ не соглашается занять врачъ-румынъ, а какъ только послѣдній изъявитъ согласіе на занятіе подобной должности, еврея гонять со службы.

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ одной румынской газетѣ «Adeverul» (4 (16) мая 1892 г.):

«Для врачей-румынъ ежедневно изобрѣтаютъ новыя должности въ городахъ, такъ что ихъ никакъ не заставишь пойти служить въ деревнѣ, между тѣмъ какъ для такъ-называемаго иностранца-врача идти служить участковымъ врачомъ значить давать поводъ надсмѣхаться надъ собой. Его нанимаютъ по контракту, въ которомъ значитса, что онъ обязуется немедленно оставить свою должность, какъ только какой-нибудь румынъ пожелаетъ занять ее. Что же происходитъ въ такихъ случаяхъ? Вотъ конкретный примѣръ:

Д-ръ X. беретъ должность участковаго врача, переѣзжаетъ со всей своей семьей на мѣсто служенія, покупаетъ лошадей и повозку, уплачиваетъ за полъ-года впередъ за квартиру, покупаетъ дрова для отопленія, арендуетъ шесть гектаровъ луга и засѣянаго овсомъ поля для лошадей. Спустя четыре мѣсяца по занятіи должности, онъ вынужденъ уступить ее румыну и уѣзжаетъ. За четыре мѣсяца д-ръ X. получилъ 1,700 фр. жа-

лованья, а израсходовалъ на всѣ перечисленные предметы 1,180 фр. Понятно, что на остальные 520 фр. онъ не въ состояніи прожить четыре мѣсяца, такъ что онъ бросаетъ должность, впутавшись въ долги».

Вотъ на какую участь обречены, въ большинствѣ случаевъ, еврей-врачи, идущіе на службу.

Не менѣе печально положеніе евреевъ-фармацевтовъ.

Въ старое время, въ Румыніи евреямъ не разрѣшалось держать аптекъ, но въ 1862 г. еврей-фармацевты получили право свободного занятія своей спеціальностью.

Первыя ограниченія появились семь лѣтъ спустя, въ 1869 г. Декретъ 25 октября этого года «о концессіи права на открытіе аптекъ въ странѣ путемъ конкурса» въ ст. 2 постановлялъ:

Къ конкурсу допускаются лишь румыны фармацевты, имѣющіе званіе магистровъ фармаціи, не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и не состоящіе уже собственниками аптекъ. За отсутствіемъ фармацевтовъ-румынъ могутъ быть допущены къ конкурсу также и иностранцы.

Такимъ образомъ, еврей лишались права открытія новыхъ аптекъ, но право приобрѣтать уже существующія и владѣть ими они имѣли.

Законъ объ «организациіи врачебнаго вѣдомства» 8 (20) іюня 1874 г. вводилъ дальнѣйшія ограниченія: для открытія аптеки было уже недостаточно обладать соответствующимъ дипломомъ, а нужно было, сверхъ того, имѣть специальное разрѣшеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 79), правъ существующихъ аптекарей-евреевъ это постановленіе не касалось (ст. 83). Иностранцы могутъ быть управляющими аптекъ лишь до 1878 г., начиная съ этого времени это право признается за ними лишь въ случаяхъ отсутствія фармацевтовъ-румынъ (ст. 84). Концессіи на открытіе новыхъ аптекъ даются только румынамъ, а за отсутствіемъ ихъ, иностранцамъ на срокъ лишь до 1878 г. Управляющіе аптеками должны быть природные или натурализованные румыны, помощниками ихъ могутъ быть и иностранцы (ст. 92, 93).

Законъ 1 (13) апрѣля 1885 г. содержалъ слѣдующее постановленіе:

Ст. 84. Никто не можетъ купить право на открытіе аптеки,

если онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, изложеннымъ въ ст. 93 настоящаго закона.

Ст. 93. Собственники, арендаторы и управляющіе частныхъ аптекъ, равно какъ и завѣдующіе аптеками, содержащимися на общественный счетъ и состоящими при больницахъ, должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

Быть природными или натурализованными румынами. Но такъ какъ румынъ-фармацевтовъ все еще было мало для замѣщенія всѣхъ пунктовъ, то ст. 85 того же закона разрѣшала давать право на открытіе аптекъ иностранцамъ, но лишь до 1886 г., когда по мнѣнію авторовъ закона, страна сумѣетъ уже обойтись собственными средствами и не будетъ болѣе нуждаться въ евреяхъ.

Въ настоящее время положеніе евреевъ-фармацевтовъ таково: тѣ изъ нихъ, которые имѣли аптеки до изданія перваго ограничительнаго на ихъ счетъ закона, владѣютъ ими и по сію пору. Открывать новыя аптеки, приобрѣтать, арендовать существующія или управлять ими они не вправѣ. Равнымъ образомъ они не имѣютъ права служить въ казенныхъ или общественныхъ аптекахъ. Если же за отсутствіемъ кандидатовъ румынъ, они и привлекаются на службу или получаютъ въ аренду либо управленіе аптеку, то положеніе ихъ такъ же мало обезпечено, какъ вышеописанное положеніе еврея-врача. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ ограниченіи евреевъ въ правѣ торговли аптекарскими товарами. Уже регламентъ 30 ноября—12 декабря 1867 г. вводилъ нѣкоторые неудобства для евреевъ, занятыхъ въ этой профессіи, но впервые ограниченіе ихъ дѣятельности было сдѣлано въ 1886 г.

Изданный 4—16 іюня этого года регламентъ о торговлѣ аптекарскими товарами и ядовитыми веществами постановляетъ:

Ст. 4. Дрогистомъ нельзя быть иначе, какъ получивъ соотвѣтственное разрѣшеніе изъ главнаго управленія врачебнаго вѣдомства.

Ст. 5. Такое разрѣшеніе выдается лицамъ, удовлетворяющимъ слѣдующимъ условіямъ: Быть природнымъ или натурализованнымъ румыномъ и несостоять подъ судомъ по обвиненію въ уголовномъ или позорящемъ дѣяніи.

Этотъ законъ лишалъ права продавать аптекарскіе товары

тѣхъ евреевъ, которые занимались ею исключительно; но онъ ничего не постановлялъ о тѣхъ изъ нихъ, которые продавали эти товары въ москательныхъ или колоніальныхъ лавкахъ. Регламентъ 27 октября—8 ноября 1893 г. вводитъ запрещеніе и для этой категоріи евреевъ.

* * *

До сихъ поръ мы перечислили румынскіе законы, ограничивающіе свободу евреевъ располагать своимъ трудомъ и лишаящіе ихъ возможности получать за него достойное вознагражденіе. Мы не измѣнимъ темъ нашего изложенія, если коснемся закона о военной службѣ евреевъ. Выше мы не разъ имѣли случай убѣдиться, что на казенной и общественной службѣ евреевъ держать лишь до тѣхъ поръ, пока въ нихъ есть необходимость, что на видныя мѣста ихъ отнюдь не допускаютъ. Естественно предположить, что аналогичныя явленія имѣютъ мѣсто и въ арміи.

Не будучи подданными, румынскіе евреи тѣмъ не менѣе несутъ повинность крови. Но военная карьера для еврея невозможна,—дальше чина унтеръ-офицера онъ пойти не можетъ. «Сынъ иностранца, зачисленный въ армію, можетъ авансировать, читаемъ мы въ рѣчи одного депутата,—но до какихъ поръ? Онъ можетъ стать бригадиромъ, унтеръ-офицеромъ, но эти чины даются въ видѣ награды за хорошую службу; это—отличія, даруемая солдатамъ, а не должности. Начиная съ подъ-прапорщика чины обозначаютъ государственную должность. Сынъ иностранца не можетъ получить выше унтеръ-офицерскаго чина, не потому только, что это предписывается конституціей, постановляющей, что всѣ государственныя должности доступны лишь для румынъ, но и въ силу закона о повышеніи въ чинахъ, который выставляетъ основнымъ требованіемъ для повышенія принадлежность къ румынской національности».

Въ военныя школы, откуда воспитанники выходятъ съ офицерскимъ званіемъ, евреевъ не принимаютъ. Евреи врачи и фармацевты зачисляются на службу простыми солдатами, тогда какъ ихъ христіанскіе коллеги попадаютъ въ ряды офицерства. Воспитанники школъ путей сообщенія (*écoles des ponts et chaussées*) христіанскихъ исповѣданій, не отбывая воинской до-

винности, прямо зачисляются въ запасъ въ чинѣ прапорщика; евреи же привлекаются къ службѣ, въ качествѣ простыхъ рядовыхъ.—Законъ 31 августа 1893 г. запрещаетъ принимать на службу въ деревенскую жандармерию евреевъ—бывшихъ рядовыхъ.—Начиная съ 1895 г. многіе полки перестали повышать солдатъ-евреевъ въ чины фельдфебеля и унтеръ-офицера.

Вотъ что даетъ военная служба румынскимъ евреямъ.

* * *

Длинную серію вышеизложенныхъ румынскихъ законовъ и циркуляровъ мы заключимъ закономъ 6—18 апр. 1881 г. объ иностранцахъ. Вотъ главные положенія его:

Ст. 1. Всякій иностранецъ, временно пребывающій или постоянно жительствующій въ Румыніи, и, во время своего пребывания въ странѣ, причинившій вредъ своимъ поведеніемъ ея внутреннему или внѣшнему благосостоянію тѣмъ-ли, что нарушилъ общественное спокойствіе или принялъ участіе въ заговорѣ, направленномъ на низверженіе политическаго или социальнаго строя Румыніи либо другого государства,—будетъ удаленъ правительствомъ изъ той мѣстности, гдѣ находится или живетъ, въ специально назначенное ему мѣсто жительства или даже высланъ изъ предѣловъ страны.

Ст. 2. Судѣнное совѣтомъ министровъ постановленіе объ изгнаніи изъ страны или о ссылкѣ на жительства въ определенную мѣстность или о перемѣнѣ мѣста настоящаго пребыванія будетъ доведено до свѣдѣнія иностранца административнымъ путемъ и безъ всякой мотивировки. Въ постановленіи будетъ указанъ срокъ, въ теченіе котораго иностранцу предписывается покинуть страну или перемѣнить свое мѣстожительство; минимальный размѣръ срока—24 часа.

Ст. 5. Иностранецъ, вернувшійся на румынскую территорию послѣ изгнанія изъ ея предѣловъ, немедленно подвергается аресту и привлекается къ суду исправительной полиціи, которая подвергаетъ его тюремному заключенію на срокъ отъ 5 до 6 мѣсяцевъ. По отбытіи этого наказанія, иностранецъ долженъ быть отведенъ къ границѣ для изгнанія, и ему отказывается въ правѣ намѣтить маршрутъ своего слѣдованія.

Таковы главные положенія этого закона. Нужно сказать,

что онъ явился результатомъ печальнаго событія 1 марта 1881 г. въ Россіи, послѣ коего многіе изъ преслѣдуемыхъ у насъ лицъ укрылись въ Румыніи. Извѣстно также, что въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ румынское правительство не рѣшалось примѣнять законъ объ иностранцахъ къ мѣстнымъ евреямъ. Впервые подобное примѣненіе имѣло мѣсто въ 1885 году; тогдашнее министерство, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное высылкой изъ страны нѣсколькихъ венгерскихъ журналистовъ, придралось къ тому, что нѣсколько мѣстныхъ-евреевъ писателей заявили протестъ противъ обращенія правительства съ евреями, и изгнало ихъ.

Съ этого времени законъ объ иностранцахъ сталъ однимъ изъ излюбленныхъ орудій въ обращеніи съ непослушными элементами еврейскаго населенія. «Это вполнѣ организованный, во всѣхъ всѣхъ своихъ гнусныхъ деталяхъ, терроръ, говоритъ г. Sincerus объ этомъ законѣ. Онъ грозитъ еврею ежеминутно, ежечасно, ежедневно — днемъ и ночью, вліяетъ на всѣ его дѣла и поступки. Это не законъ объ иностранцахъ, это законъ о терроризированіи евреевъ».

Не понравится еврей-журналистъ министрамъ, — къ нему примѣняютъ законъ объ иностранцахъ и изгоняютъ изъ страны (случай съ Лабэномъ, Гюссаромъ, Гонингаммомъ, Петрану и др.). Еврей-работіе отказываются работать за плату, предлагаемую предпринимателемъ, имъ грозятъ закономъ объ иностранцахъ. Въ 1887 г. подобное событіе имѣло мѣсто съ евреями-портными въ Бухарестѣ, которые возстали было противъ предложенныхъ хозяевами условій, но испугавшись закона объ иностранцахъ, которымъ полиція имъ пригрозила, должны были смириться; въ іюнѣ 1893 года еврей-булочники въ Галацѣ, не пожелавшіе отставать отъ своихъ христіанскихъ товарищей, объявившихъ стачку, подверглись изгнанію изъ предѣловъ страны. Малѣйшее прикосновеніе къ социалистическому движенію служитъ поводомъ для изгнанія еврея. Участіе во всякомъ нежелательномъ правительству обществѣ или собраніи ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. «Еврей можетъ быть изгнанъ изъ страны безъ всякаго судебного разбирательства, пишетъ одинъ румынскій публицистъ. Очевидныхъ для всѣхъ доказательствъ виновности не требуется. Немотивированное и безапелляціонное министер-

ское предписаніе, отданное съ сознательнымъ или безсознательнымъ намѣреніемъ сдѣлать злоупотребленіе, получаетъ законную и неотвѣтственную силу постановленнаго судебнаго рѣшенія. *Правительство—полновластный господинъ надъ евреями.* Оно можетъ изгнать его изъ родного дома, оторвать отъ колыбели ребенка, отъ ложа его беременной жены и, безъ всякой судебной процедуры, вышвырнуть за предѣлы страны, подъ самымъ сомнительнымъ предлогомъ, для удовлетворенія Богъ вѣсть какой яркой ненависти, Богъ вѣсть какихъ низменныхъ интересовъ («*Іоаннъ Миклеску, La question juive est une question morale* гл. VI).

Увы, не одно правительство полновластно распоряжается судьбою еврея въ Румыніи! У румынскаго еврея много хозяевъ, начиная съ низшаго полицейскаго—явнаго и тайнаго агента. Въ сотнѣ ограниченій, существующихъ для здѣшнихъ евреевъ, администрація имѣетъ неисчерпаемый источникъ средствъ для всякаго рода вымогательствъ и незаконныхъ поборовъ. Живетъ ли еврей въ деревнѣ, обитаетъ ли онъ въ мѣстечкѣ либо городѣ, пріѣзжаетъ ли онъ на ярмарку, ведетъ ли торговлю, служить ли рабочимъ, держитъ ли подряды, основываетъ ли большое промышленное предпріятіе, хочетъ ли отдать дѣтей въ общую школу или обучать его въ своей, еврейской, вздумаетъ ли онъ громогласно словомъ или на письмѣ высказать свои мысли, запротестовать или обратиться съ ходатайствомъ — всегда и всюду его стережетъ какое-нибудь законодательное или административное предписаніе, обойти которое можно однимъ лишь путемъ—путемъ соглашенія съ надзирающимъ правительственнымъ органомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни спеціального закона, ни особаго указа, которые принуждали-бы евреевъ пойти на сдѣлку и сдѣлать подношеніе, тамъ привлекается на помощь законъ объ иностранцахъ, — и евреи, поставленные въ опасность подвергнуться изгнанію, откупаются отъ заботливой опеки начальства. «Стоитъ распространиться какому-нибудь слуху, чтобы всѣ иностранцы, а въ особенности евреи почувствовали себя въ опасности, спокойствіе и увѣренность въ своемъ благополучіи исчезаютъ; тѣ же, кому это на руку, начинаютъ брать направо и налево и живутъ такимъ шантажемъ», читаемъ мы въ одной румынской газетѣ.

Удивительно ли, что живя въ такой обстановкѣ, въ вѣчномъ

страхъ и опасности подвергнуться выселенію, заключенію въ тюрьму и разворенію, румынскіе евреи предпринимаютъ, въ минуты особеннаго напряженія страданій, массовые исходы? Послѣ всего изложеннаго выше это не должно поражать насъ. Напротивъ, мы можемъ изумляться ихъ долготерпѣнію, выносливости. Это чувство изумленія порой переходитъ у насъ въ противоположное ощущеніе злости и недовольства ихъ смиреніемъ и покорностью: ужъ лучше умереть, чѣмъ жить такою жизнью, лучше хоть на часъ, на минуту, да воспрянуть душой, возстать за свои поправныя права, права человѣка, одинаково чувствующаго, одинаково мыслящаго съ другими людьми и между тѣмъ пребывающаго въ положеніи парія, отщепенца...

Но что принесетъ это всстаніе сдавленнаго сердца, бунтъ возмущенной совѣсти? Будетъ ли услышанъ вопльея, получатъ ли благодатный отзвукъ ея крики негодованія, требованія справедливости.

Когда подумаешь объ этомъ, изумляешься не смиренію румынскихъ евреевъ, а равнодушію цивилизованнаго міра, гнѣваешься не на покорность первыхъ, а на сытое довольство второго. Страхъ беретъ передъ этой цивилизаціей, хвастающейся своими идейными завоеваніями, господствомъ индивидуальнаго начала и терпящей у себя достояніе давноминувшихъ вѣковъ: политическое и гражданское рабство многочисленной категоріи лицъ. И когда сравниваешь недавно прошедшее съ настоящимъ, кажется, что не только нѣтъ надежды на лучшее будущее, но что лучшее все болѣе и болѣе отходить въ область минувшаго. Во времена берлинскаго конгресса 22 года тому назадъ румынскіе правители считали еще нужнымъ, изъ уваженія къ Европѣ, оказывать вниманіе евреямъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и румыны, вводя все новыя ограниченія для евреевъ, стали ссылаться въ свое оправданіе на ту же Европу. «Государства Европы,—заявлялъ одинъ румынскій министръ въ палатѣ депутатовъ въ 1850 гг.—поступивъ нехорошо съ нами, страдаютъ теперь отъ того же бича, что и мы. Повсюду въ Европѣ слышывается реакція противъ евреевъ, даже тамъ, гдѣ ея до сихъ поръ не было. Кто же вступится теперь за нихъ? Австро-Венгрія? или Германія? Что касается до Россіи, то въ ней о чемъ либо подобномъ и вопроса возникнуть не можетъ».

И на этомъ сознаниі, что Европа не вступится за евреевъ, не предъявить болѣе «наивно-сентиментальныхъ» требованій берлинскаго трактата объ уравненіи вѣроисповѣданій, поконтра по новѣйшее драконовское законодательство Румыніи о евреяхъ.

Стеллинь.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ

ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ляндау, Театральная площадь, 2.
1901.

Письма о старомъ и новомъ еврействѣ.

Письмо VI ¹⁾.

Раздробленная и объединенная національная партія.

Въ послѣдніе годы въ общественной жизни евреевъ многихъ странъ установилась новая группировка партій, обусловленная отношеніемъ различныхъ группъ къ идеѣ ціонизма. Дѣленіе на «ціонистовъ» и «неціонистовъ» стремится, повидному, вытѣснить или по крайней мѣрѣ оттѣснить на задній планъ, всё существовавшія у насъ прежде партійныя дѣленія. — Соответствуетъ ли эта новая группировка партій дѣйствительному положенію вещей? Исчерпываетъ ли она всю сумму основныхъ идейныхъ направленій, борющихся за преобладаніе въ нашемъ обществѣ, или же она сама — случайное и временное явленіе, характеризующее не глубокія и основныя теченія нашей общественной и духовной жизни, а только ея видимую волнующуюся поверхность?

¹⁾ Предыдущая серія „Писемъ“ была напечатана подъ слѣдующими заглавіями:

I. О еврейскомъ духовно-историческомъ націонализмѣ (Восходъ, 1897 кн. 11).

II. Еврейство, какъ духовная нація, среди политическихъ націй (Восх. 1898, кн. 1).

III. Духовный націонализмъ и ціонизмъ (Восх., 1898, кн. 3—4).

IV. Этика націонализма и ціонизма (Восх., 1899, кн. 5—6, и дополненіе кн. 7).

V-е письмо было помѣщено въ другомъ изданіи, въ видѣ особой статьи подъ заглавіемъ: „О смѣнѣ направленій въ русско-еврейской журналистикѣ послѣдняго полулѣтя“ (*Будущность*, 1899, №№ 2—6).

Во всѣ критическіе моменты еврейской исторіи (а къ нимъ безспорно относится и нынѣ переживаемое нами тяжелое время), въ мыслящихъ слояхъ народа кипѣла борьба партій и направленій, различно опредѣлявшихъ цѣли или средства нашего народнаго бытія. Хасидеи и эллинисты, затѣмъ фарисеи и садукееи временъ греко-римскаго владычества въ Іудеѣ, zeloty и миролюбцы эпохи «разрушенія второго храма», рационалисты, догматики и мессіанисты-мистики средних вѣковъ и новаго времени, хасиды и миснагиды XVIII вѣка, обскуранты и просвѣтители, ортодоксы и реформисты XIX вѣка—всѣ эти партіи спорили между собою за преобладаніе въ еврейской жизни. Но изъ этихъ споровъ одни касались самаго существа народной жизни, глубоко захватывали ее и оставляли въ ней неизгладимые слѣды, а другіе вызывались только чрезвычайными кризисами и потому имѣли временное значеніе. Примѣромъ перваго рода можетъ служить борьба хасидеевъ съ эллинистами, а втораго рода—борьба zelotow съ миролюбцами. Хасидеи и эллинисты—иначе говоря, націоналисты и ассимиляторы—эпохи маккавейскихъ войнъ расходились между собою въ опредѣленіи самой цѣли существованія еврейства. Хасидеи полагали, что еврейство, не желая раствориться въ языческомъ мірѣ, должно существовать только въ видѣ рѣзко-обособленной культурной и національной единицы; эллинисты же думали, что іудейскій народъ долженъ приспособляться къ греческой культурѣ—идеалу тогдашняго образованнаго міра, хотя бы въ ущербъ своей духовной самобытности. Вопросъ о подчиненіи Іудеи греко-сирійской власти былъ уже вопросомъ о *средствахъ*, а не о цѣли. Хасидеи остались бы ярыми духовными націоналистами даже въ томъ случаѣ, еслибы восстаніе маккаеевъ не увѣнчалось успѣхомъ (мы это видимъ позже на примѣрѣ ихъ преемниковъ, фарисеевъ), а эллинисты, какъ извѣстно, не перевелись среди евреевъ и послѣ утвержденія маккавейской республики (поклонники греческой и потомъ греко-римской культуры при маккавейцахъ и иродіанахъ). Принципіальный споръ хасидеевъ

съ эллинистами продолжался въ еврействѣ еще много вѣковъ послѣ того, какъ исчезли самыя названія этихъ двухъ партій, ибо это былъ споръ о самомъ бытіи или небытіи еврейства въ качествѣ особой націи, вѣковѣчный споръ націонализма съ ассимиляціей.

Иной характеръ имѣла борьба зелотовъ и миролюбцевъ времени паденія Іудей. Тутъ обѣ партіи были національно настроены, и споръ между ними шелъ не столько о цѣли, сколько о средствахъ защиты и сохраненія еврейской націи. Зелоты опасались, что съ сокращеніемъ или прекращеніемъ политической независимости Іудей, еврейскій народъ непременно погибнетъ и смѣшается съ другими народами; миролюбцы же (между которыми преобладали тоже горячіе патриоты-фарисеи) глубоко вѣрили, что евреи могутъ сохранить свою національность и подъ чужимъ политическимъ управленіемъ, и даже внѣ своей территоріи. Первые, поэтому, стремились и надѣялись спасти *государство* и боролись свѣтскимъ оружіемъ; послѣдніе эту надежду потеряли и стремились спасти *націю*, сражаясь духовнымъ оружіемъ. Между героическими подвигами лучшаго изъ зелотовъ—Іоханана Гисхальскаго и неутомимою дѣятельностью миролюбца-реставратора Іоханана бенъ-Закаія была разница только въ *способахъ* национальной борьбы. Іохананъ Гисхальскій сумѣлъ славно умереть за свое «отечество», которое онъ отождествлялъ съ націей, а Іохананъ бенъ-Закаія имѣлъ мужество остаться жить для объединенія и укрѣпленія своей націи на развалинахъ отечества ¹⁾. Слѣдовательно, споръ зелотовъ съ миролюбцами

¹⁾ Представители анти-национальной „римской“ партіи, въ родѣ Агриппы II и Вероникки, могутъ быть причислены къ „миролюбцамъ“ только въ томъ смыслѣ, что они тоже были противъ войны съ Римомъ. Но *мотивы* „миролюбівъ“ были совершенно противоположны у Агриппы и Бенъ-Закаія: первый желалъ мира ради сближенія и слиянія іудеевъ съ римлянами; второй, видя безпощадность войны для спасенія государства, отказался отъ нея лишь для того, чтобы посвятить свои силы духовному укрѣпленію еврейской *націи*, какъ главному средству противъ грозившей ассимиляціи. (Объ исторически-свободной роли Іосифа Флавія здѣсь не мѣсто говорить).

былъ только внѣшній и условный, хотя для того времени очень важный: онъ касался не вопроса — должна ли или не должна существовать еврейская нація, а можетъ или не можетъ она существовать при тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условіяхъ.

Разсмотримъ съ этой исторической точки зрѣнія наше современное дѣленіе партій на ціонистовъ и неціонистовъ. Уже а priori, по самому названію партій, можно предрѣшить, что тутъ споръ идетъ не о признаніи еврейской національной идеи (ибо фактически можно горячо ратовать за эту идею, и не будучи ціонистомъ), а только о способахъ ея осуществленія. Одни находятъ, что еврейство можетъ спастись только въ Ціонѣ (гердисты) или *черезъ* Ціонъ (духовные ціонисты), а другіе убѣждены, что оно можетъ, въ силу прежней духовно-исторической эволюціи, сохраниться и въ разбѣганіи и что оно во всякомъ случаѣ *должно* къ этому стремиться, ибо надежда на возрожденіе Ціона, какъ обще-національнаго центра, не имѣетъ практическаго основанія. Это разногласіе напоминаетъ, *mutatis mutandis*, древній споръ zelотовъ съ миролюбцами, — причемъ разница историческихъ положеній не говоритъ въ пользу ціонизма. Зелоты обороняли свое существующее, хотя и поработенное государство, а ціонисты хотятъ воссоздать давно упраздненное государство, территорія котораго присвоена чужими; затѣмъ миролюбцы или духовные націоналисты времянь Веспасіана и Тита вѣрили въ сохраненіе еврейскаго народа внѣ государства (хотя частію не внѣ территоріи), не имѣя еще нашего 19-вѣковаго опыта, а нынѣшніе духовные націоналисты (неціонисты) опираются именно на этотъ опытъ. Но оставимъ параллели и апріорныя положенія и обратимся къ фактическому анализу *состава* обѣихъ современныхъ «партій», ціонистовъ и неціонистовъ. Тогда мы убѣдимся, какъ неправильно и произвольно это общепринятое нынѣ дѣленіе съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ, руководящихъ различными партіями и группами въ современномъ еврействѣ.

Партія ціонистовъ, какъ извѣстно, распадается на нѣсколько

фракцій. Существуютъ политическіе, духовные и культурные ціонисты. Въ лагерѣ политическихъ ціонистовъ,—тѣхъ «правовѣрныхъ», которые дѣйствуютъ въ духѣ «базельской программы»—издавна замѣчаются сильныя колебанія и даже случаи отпаденія. Въ одномъ изъ предыдущихъ «Писемъ» я уже указалъ на рѣзкія колебанія и противорѣчія въ писаніяхъ и рѣчахъ одного изъ главнѣйшихъ вождей ціонистской партіи—Макса Нордау ¹⁾. Въ послѣдніе годы эти колебанія еще усилились. Тотъ самый Нордау, который въ 1898 году, въ своей берлинской рѣчи, воскликнулъ: «Евреи будутъ въ Ціонѣ, или ихъ вовсе не будетъ!»—обнародовалъ въ концѣ 1900 г. на шумѣвшую тогда статью «Политическое равноправіе евреевъ», въ которой ни единымъ словомъ не обмолвился о Ціонѣ, какъ о средствѣ спасенія нашего народа. Въ этой статьѣ ²⁾ Нордау, разсуждая о способахъ сохраненія и укрѣпленія разсѣяннаго еврейства въ странахъ его теперешней осѣдлости, доказываетъ, что евреямъ здѣсь нужны не политическія права, а только гражданскія, ибо политическая эмансипація въ Западной Европѣ, полученная евреями путемъ унижительныхъ компромиссовъ, оторвала ихъ отъ ихъ національнаго дѣла, привела къ ассимиляціи и отреченію отъ своихъ народныхъ интересовъ ради чужихъ и усилила антисемитизмъ ³⁾.

¹⁾ „Письма о стар. и нов. евр.“ Восходъ, 1899, кн. VI, стр. 46 сл.

²⁾ Переведена цѣликомъ въ январской книжкѣ „Восхода“ 1901 г.

³⁾ Критика уже справедливо указывала Нордау на невозможность юридически отдѣлать гражданскія права отъ политическихъ и на то, что политическія права (парламентское представительство, государственная служба) необходимы именно для защиты равноправія гражданского. Считаю нужнымъ указать еще на коренную ошибку въ обобщеніи Нордау. Ассимиляція упростилась среди евреевъ еще до полученія ими политическихъ правъ (Германія, Австрія), а мѣстами она овладѣла частью интеллигенціи даже до полученія элементарныхъ гражданскихъ правъ (Россія). Политическою эмансипаціей воспользовались ассимиляторы; но еи же могли бы пользоваться и еврей-націоналисты въ видахъ защиты своей духовной самобытности и общинной автономіи, какъ пользуются ею всѣ другія зависимыя націи (подробно объ этомъ—въ слѣдующемъ „Писемѣ“). Такая политика и нужна для осуществленія развитія дальше, хотя и въ парадоксальной формѣ, вѣрнаго національнаго идеала Нордау.

Идеаль Нордау—граждански-свободная, внутренне-автономная еврейская община, сохраняющая среди чужих народов свою национальную самобытность, свою культуру и свои учреждения. Со свойственнымъ ему увлечениемъ авторъ даже высказывается за желательность «новаго гетто», какъ символа добровольнаго социальнаго обособленія евреевъ. «Если гетто—говорить онъ—означаетъ лишь мѣсто, гдѣ евреи братски живутъ другъ подле друга, потому что они нравятся другъ другу и предпочитаютъ имѣть сосѣдомъ любящее сердце кровнаго родственника, чѣмъ врага; если гетто означаетъ тѣсный союзъ, въ которомъ евреи трудятся другъ съ другомъ и другъ за друга въ цѣляхъ стать совершенными людьми и гражданами, хорошими, сильными, прекрасными, свободными, гармоническими натурами,—то я скажу: Ради всего на свѣтѣ, вернемся въ гетто, и чѣмъ раньше, чѣмъ въ большемъ числѣ, тѣмъ лучше!»¹⁾

Тутъ передъ вами выступаетъ Нордау-націоналистъ, глубоко убѣжденный, что національное единеніе и внутренняя общественная автономія возможны для евреевъ и внѣ Ціона, и что къ этой цѣли духовнаго возрожденія въ діаспорѣ должны быть направлены всѣ наши усилія. Значитъ, мыслимъ *активнымъ* еврейскій націонализмъ и безъ политическаго идеала ціонистовъ. Но вотъ что говоритъ тотъ-же Нордау, спустя полгода послѣ обнародованія цитированной сейчасъ статьи: «Одинъ только вопросъ о еврейской національности составляетъ тотъ пунктъ, по которому, вѣроятно, никогда невозможно будетъ достигнуть соглашенія между евреями-ціонистами и неціонистами. Кто думаетъ и утверждаетъ, что евреи не составляютъ народа, тотъ дѣйствительно не можетъ быть ціонистомъ... Кто, напротивъ, убѣжденъ, что евреи составляютъ народъ, тотъ по необходимости (?) долженъ сдѣлаться ціонистомъ, ибо *лишь возвращеніе въ свою страну можетъ спасти всюду презираемый, преслѣдуемый и притѣсняемый еврейскій народъ отъ*

¹⁾ Ibid. стр. 146.

физической и духовной гибели» ¹⁾. Ну, а куда же дѣлись недавнія мечты о крѣпкомъ еврейскомъ «гетто», какъ «тѣсномъ союзѣ» людей, стремящихся быть «совершенными, сильными, свободными, гармоническими натурами»? Какъ-же? Съ одной стороны—«только возвращеніе въ Палестину спасетъ евреевъ отъ физической и духовной гибели», а съ другой—евреи могутъ спастись повсюду путемъ сплоченія своихъ силъ въ новомъ гетто, куда Нордау еще недавно такъ пламенно звалъ своихъ соплеменниковъ: «вернемся въ это гетто, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше!»

Колебанія главнаго представителя теоретическаго ціонизма, помимо субъективныхъ причинъ, имѣють и объективную основу. Это—неизбѣжныя колебанія доктрины, которая силится отождествить себя съ еврейскимъ націонализмомъ во *всемъ* его объемѣ, между тѣмъ какъ она составляетъ только одну часть, одну изъ формъ нашей національной идеи. У такихъ людей, какъ Нордау, происходитъ логическій процессъ перехода отъ частнаго къ общему, процессъ расширения и углубленія первоначальной идеи,—и только партійное знамя мѣшаетъ имъ сознаться, что они уже давно вышли изъ рамокъ официальной ціонистской программы. Но процессъ этотъ совершается—и открытый переходъ отъ ціонизма, какъ части, къ націонализму, какъ цѣлому, составляетъ только вопросъ времени.

Выше я упомянулъ, что въ лагерѣ ціонистовъ наблюдаются и случаи отпаденія. Здѣсь я долженъ прибавить, что послѣднее, къ прискорбію, иногда доходитъ до открытой измѣны еврейскому національному знамени. Въ предыдущихъ «Письмахъ» я предсказывалъ такой печальный исходъ въ той группѣ ціонистовъ, которая формально примкнула къ идеѣ политическаго возрожденія, прежде чѣмъ успѣла проникнуться еврейскимъ національнымъ самосознаніемъ во всей его широтѣ. Такіе «условные націоналисты», преимущественно изъ быв-

¹⁾ Статья Макса Нордау „Сіонизмъ“, въ сборникѣ „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожаа“, Петербургъ, 1901 г., стр. 440.

шихъ ассимиляторовъ, изъявившіе великодушную готовность «привнать» еврейскую націю только подъ условіемъ приобрѣтенія ею своего государства въ Палестинѣ, естественно должны были отпасть отъ политическаго ціонизма, какъ только выяснилось, что это условіе неосуществимо или очень далеко отъ осуществленія. Много такихъ отщепенцевъ, вновь влѣвшихъ въ «первобытное состояніе» ассимилированныхъ, шатается нынѣ среди еврейской интеллигенціи, какъ въ Россіи, такъ и еще чаще—въ Западной Европѣ, гдѣ національная основа ціонизма была слаба съ самаго начала. Одинъ случай подобнаго отступничества получилъ недавно огласку. Постоянный сотрудникъ оффиціального органа ціонистовъ «Die Welt», С. Люблинскій, долго печатавшій тамъ боевыя статьи въ партійномъ духѣ, вдругъ публично отрекся и отъ ціонистскаго символа вѣры, и заодно—отъ еврейской національной идеи. Свое отреченіе этотъ писатель мотивируетъ такъ: ціонизмъ, по формулѣ базельскаго конгресса, стремится «создать въ Палестинѣ обезпеченное международнымъ правомъ убѣжище для тѣхъ евреевъ, которые въ другихъ странахъ не хотятъ или не могутъ ассимилироваться съ окружающими націями»—а онъ, Люблинскій, убѣдился, что онъ уже давно ассимилировался съ нѣмцами, ибо съ дѣтства воспитывался въ нѣмецкомъ духѣ и больше тяготѣетъ къ нѣмецкой культурѣ и германскимъ интересамъ, чѣмъ къ еврейскимъ. Это откровенное заявленіе, которое было бы возмутительно, если бы не было такъ трагично, появилось съ годъ назадъ въ «Die Welt». А въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ берлинскаго журнала «Ost und West» г. Люблинскій—эта «падающая звѣзда» ціонизма, которую иные почему-то считаютъ «восходящей звѣздой» въ нѣмецкой литературѣ,—помѣстилъ статью, свидѣтельствующую о страшномъ моральномъ паденіи иныхъ дѣятелей, временно приписывающихся къ еврейству ¹⁾).

¹⁾ Ein letztes Wort zur Judenfrage. „Ost und West“ 1901 г. № 9, September.

Въ этой статьѣ, озаглавленной: «Послѣднее слово о еврейскомъ вопросѣ», г. Люблинскій объясняетъ свое новое, или точнѣе старое, мнѣніе италіторское credo, къ которому онъ возвратился послѣ временнаго пребыванія въ лагерѣ ціонистовъ. Теорія его отличается больше рѣшительностью, чѣмъ глубокомысліемъ. Культура окружающей среды для человѣка—все, а кровь, раса, національность—ничего. Если еврей выросъ и воспитанъ среди нѣмцевъ и въ нѣмецкомъ духѣ, то онъ нѣмецъ и ничего общаго съ еврействомъ не можетъ имѣть. Правда, юдофобы это отрицаютъ и грубо отталкиваютъ такого лѣвущаго въ ихъ объятія еврея; но... въ этомъ трудномъ пунктѣ авторъ вдругъ бросается въ пучину «философіи исторіи». Юдофобія, видите-ли, есть лишь результатъ столѣтней борьбы между революціонными и консервативными элементами европейскаго общества,—борьбы, въ которой евреи оказались будто бы исключительно на сторонѣ радикальной или революціонной партіи; когда этотъ споръ прекратится, исчезнетъ и юдофобія. Но до тѣхъ поръ—сознается авторъ—придется долго ждать. А потому для современнаго еврея остаются три исхода: крещеніе, ассимиляція и ціонизмъ. Первый исходъ, разумѣется, самый легкій и вѣрный, и авторъ откровенно заявляетъ, что онъ не раздѣляетъ «моральнаго негодованія» противъ такихъ апостатовъ. «Правда, это не боевая природы; но есть вѣдь нѣчто высшее, чѣмъ борьба, а именно: положительная, исчерпывающая себя жизнь личности и производство духовныхъ и культурныхъ цѣнностей въ маломъ или большомъ кругу». Второй исходъ—ассимиляція, приверженцемъ которой является лично г. Люблинскій—полонъ трудностей и столкновеній: приходится терпѣть какъ отъ «расовыхъ предрассудковъ», такъ и отъ солидарности интересовъ, «навязываемой» ассимилированному еврею его соплеменниками съ одной стороны и антисемитизмомъ—съ другой. Такъ, напримѣръ, культурный нѣмецкій еврей, чувствующій себя вполне нѣмцемъ, имѣетъ на себѣ обузу въ лицѣ гонимыхъ евреевъ восточной Европы, симпатіей къ которымъ домашніе антисемиты его попрекаютъ; утверждая, что

у него не нѣмецкое, а — *horribile dictu* — еврейское національное чувство. «Мучительна эта необходимость чувствовать свою солидарность съ людьми по ту сторону границы (евреями) противъ своихъ земляковъ (нѣмцевъ)» — горестно восклицаетъ авторъ. Но *forti nihil difficile*. «И только тотъ, кто, преодолевъ этотъ внутренній разладъ, рѣшительно сказалъ себѣ: а все таки (я нѣмецъ!) — только тотъ имѣетъ право называть себя ассимилированнымъ. Ибо этотъ человекъ доказалъ, что любовь къ своей *культурной* націи есть наиболѣе активная жизненная сила его души». Для тѣхъ-же евреевъ, которые не обладаютъ столь высокимъ душевнымъ настроеніемъ и не могутъ ни креститься, ни ассимилироваться, остается третій исходъ — ціонизмъ. «Маленькое еврейское общезитіе, въ родѣ Швейцаріи, доставило-бы непосредственную помощь четыремъ или пяти милліонамъ людей и, кромѣ того, давало-бы душевное облегченіе истинно ассимилированнымъ, избавляя ихъ отъ заботъ о гонимыхъ евреяхъ другихъ странъ и устраняя ужасный разладъ между чувствомъ солидарности (съ евреями) и національнымъ чувствомъ (нѣмецкимъ)». При такомъ условіи ціонизмъ явится вѣрнымъ союзникомъ ассимиляціи, и авторъ ничего не имѣетъ противъ формулы: «ціонизмъ во имя ассимиляціи»¹⁾, т. е. ціонизмъ для одной части еврейства, не отрешившейся отъ «расовыхъ предразсудковъ», ради того, чтобы облегчить ассимиляцію для остальныхъ, болѣе порядочныхъ евреевъ, сливающихся съ окружающими европейскими націями.

До такой откровенности никто, кажется, изъ предшественниковъ г. Люблинскаго по ассимиляторству не договорился. Ассимиляторы прежней эпохи часто носились еще съ общечеловѣческой идеей, мечтали о братствѣ народовъ, о раствореніи всѣхъ національныхъ типовъ въ одномъ сверхъ-національ-

¹⁾ Этой мѣткой формулой впервые характеризовалъ взгляды Люблинскаго г. Ахадъ-Гаамъ, въ своей замѣткѣ по поводу давнишней статьи, написанной Люблинскимъ при первомъ переходѣ отъ ассимиляціи къ ціонизму. (См. „Naschiloah“ 1897 г. т. I, стр. 386—386). Въ формулѣ Ахадъ-Гаама было только употреблено слово „націонализмъ“ вмѣсто „ціонизмъ“.

номъ или универсальномъ типѣ и, слѣдовательно, требовали чего-то въ родѣ взаимности въ дѣлѣ ассимиляціи. Новый же ассимиляторъ съ рѣшительностью библейскаго раба, заявляетъ, что онъ любитъ только свою «культурную націю» (хотя послѣдняя его ненавидитъ) и ничего общаго не имѣетъ съ своей «кровной націей». Это значитъ: народъ, съ которымъ я культурно связанъ только въ теченіе одного или двухъ поколѣній, мнѣ гораздо дороже, чѣмъ мой собственный народъ, съ которымъ меня связываетъ трехтысячелѣтняя исторія, одухотворенная самобытной культурой. Народъ, вѣками преслѣдовавшій моихъ предковъ и нынѣ еще ненавидящій моихъ братьевъ, мнѣ дороже этихъ самыхъ предковъ и братьевъ.—Такія заявленія, къ несчастью, слышатся все чаще и чаще въ послѣднее время среди нашей молодежи, воспитанной въ духѣ чуждыхъ намъ націй; но объ этомъ—послѣ... Пока же достаточно указать на инцидентъ г. Люблинскаго, какъ на фактическое подтвержденіе высказанной уже въ предыдущихъ «Письмахъ» истины, что политическій ціонизмъ самъ по себѣ не гарантируетъ еще наличности національной идеи во всѣхъ его адептахъ. Если Люблинскіе теперь гласно отрекаются отъ еврейской національной идеи, то очевидно, что ея не было у нихъ и тогда, когда они числились ціонистами. Они даже и теперь готовы вступить въ компромиссъ съ ціонизмомъ, какъ съ какимъ-то чисто-практическимъ, коммерческимъ предпріятіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ національными идеалами еврейства. Но то, что Люблинскіе откровенно высказываютъ, другіе «условные націоналисты», числящіеся еще въ ціонистской партіи, хранятъ пока въ умѣ, и раньше или позже также выскажутся. Такіе люди составляютъ, къ счастью, меньшинство въ ціонистской партіи, но это меньшинство опасно, какъ элементъ разложенія, ибо ціонизмъ безъ націонализма есть тѣло безъ души, разлагающійся трупъ, отравляющій атмосферу своимъ ядомъ.

Ближе подходятъ къ еврейской національной идеѣ и вообще къ нашей народной жизни такъ называемые «культурные ціонисты». Убѣдившись, что политическій идеаль ціонизма не

скоро осуществится, да и тогда осуществится лишь отчасти, т.-е. облегчить судьбу лишь одной части народа,—эти люди поставили себѣ цѣлью культурное возрожденіе евреевъ во всѣхъ странахъ, въ смыслѣ улучшенія ихъ экономического и духовнаго состоянія. Программа культурныхъ ціонистовъ несравненно обширнѣе и активнѣе программы политическихъ; послѣдніе ограничиваются собираніемъ шекелей и акцій для колониальнаго банка; первые же заботятся объ улучшеніи всѣхъ сторонъ еврейской жизни, о реформѣ воспитанія, обновленіи общественныхъ учреждений и т. п. Но и здѣсь часто работаютъ рядомъ люди противоположныхъ воззрѣній, которые неминуемо разойдутся въ разныя стороны, какъ только въ этой партіи произойдетъ процессъ идейной дифференцировки. Одни подъ «культурной работой» подразумѣваютъ приспособленіе еврейства къ общей культурѣ, хотя бы въ ущербъ еврейской національной культурѣ; другіе ставятъ себѣ цѣлью сочетаніе еврейской и общей культуръ; третьи, приближаясь къ ретроградному лагерю, признаютъ законность полнаго культурнаго обособленія еврейства. Словомъ и здѣсь встрѣчаются различные градусы національной температуры, отъ точки замерзанія до точки кипѣнія. Если изъ этого конгломерата выдѣлить и организовать здоровые національные элементы, тогда получится еврейская національно-культурная организація, для которой «ціонизмъ» будетъ служить лишь официальнымъ флагомъ, и члены которой могутъ дружно дѣйствовать съ націоналистами, не приписанными къ партіи ціонистовъ.

О «духовномъ ціонизмѣ» я уже говорилъ раньше. Это стройное міросозерцаніе, по которому еврейство можетъ спастись лишь *черезъ* Ціонъ, какъ будущій духовный центръ, отличается отъ «духовнаго націонализма» лишь теоретически, въ своихъ философско-историческихъ посылкахъ. Практическая же программа повсемѣстной націонализаціи еврейства составляетъ ту общую почву, на которой оба эти ученія могутъ сойтись, сохраняя свои особенности.

Итакъ, партія ціонистовъ въ настоящее время представ-

лжает собою большой конгломератъ, въ которомъ механически смѣшаны такіе несоединимые элементы, какъ націоналисты и ассимиляторы разныхъ степеней и формъ. Эта партія неизбежно распадется на враждебныя фракціи лагеря, какъ только обнаружится этотъ глубокий внутренній разладъ. Тогда выяснится, что еврейская національная идея во *всемъ* ея объемѣ (т.-е. сохраненіе и духовное возрожденіе еврейской націи, какъ таковой, не только въ Палестинѣ, но и во всѣхъ другихъ историческихъ центрахъ) есть та непремѣнная аксіома, которая сама безъ ціонизма можетъ существовать, но безъ которой ціонизмъ не можетъ существовать, не превращаясь въ пустую политическую игру, лишенную всякаго нравственнаго стимула. Тогда откроется, что глубокая и непримиримая противоположность существуетъ только между сторонниками и противниками еврейской національной идеи, какъ цѣли, а не между сторонниками и противниками ціонизма, какъ средства для достиженія этой цѣли.

Покончивъ съ анализомъ ціонистской партіи, перейдемъ къ опредѣленію состава той пестрой группы, которую принято нынѣ валить въ одну кучу, съ общою надъ ней вывѣской: «неціонисты».

Когда въ XVIII вѣкѣ появился хасидизмъ, большинство евреевъ воспротивилось этому быстро распространявшемуся религиозному движенію—и поэтому получило названіе «миснагидовъ», т.-е. противниковъ, протестантовъ. Среди миснагидовъ были представители разнородныхъ партій, осуждавшіе хасидизмъ каждый съ своей точки зрѣнія. Одни видѣли въ новомъ движеніи опасность для раввинскаго книжнаго знанія и обрядовой системы, другіе—для стоической морали, третьи—для религиознаго раціонализма, четвертые—для свѣтскаго образованія. Когда борьба хасидовъ и миснагидовъ утихла, уступивъ мѣсто борьбѣ обскурантизма съ просвѣщеніемъ, ортодоксальные хасиды и миснагиды оказались соратниками въ одномъ лагерѣ, а либералы или «маскилимъ» изъ обѣихъ этихъ партій—ихъ яркими противниками въ другомъ лагерѣ. Нѣчто подобное

должно обнаружиться вскорѣ въ нашей современной группировкѣ партій. Нынѣшніе «миснагиды» ціонизма, такъ называемые «неціонисты», представляютъ собою, какъ уже сказано, смѣсь не только разнородныхъ, но и рѣзко враждебныхъ между собою направленій. Здѣсь можно различить четыре главныя группы: *націоналисты, ассимиляторы, оппортунисты и колеблющіеся.*

Первая изъ этихъ группъ исповѣдуетъ принципъ, что еврейство есть старѣйшая культурная и духовно-историческая нація, стремящаяся во всѣхъ странахъ сохранить ту самобытность или внутреннюю автономію, которой добиваются всѣ другія культурныя націи, лишеныя политической самостоятельности. «Духовный націонализмъ» (теоретическія основы котораго развиты въ первыхъ «Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ») опирается на опытъ нашей 19-вѣковой исторіи въ разсвѣтніи и на вытекающую отсюда вѣру въ историческую вѣчность еврейскаго народа, проникнутаго жаждою жизни и одухотвореннаго высшими религіозно-этическими и культурными идеалами. Говорятъ, что число такихъ націоналистовъ невелико; но это не правда. Вся многомилліонная ортодоксальная масса еврейства признаетъ себя *духовной* націей, замѣняя только эпитетъ «духовная» болѣе узкимъ и яснымъ для нея эпитетомъ «религіозная», ибо именно религія (или скорѣе—религіозный авторитетъ) является для нея, по исторической традиціи, источникомъ всѣхъ духовныхъ и національныхъ идеаловъ. Стоящая надъ этой бевосвѣдительно-національной массой и достигшая самосознанія національная интеллигенція является истинной представительницей еврейскаго народа; это—прообразъ сознавшаго себя, самоопредѣлившагося народнаго индивида. Между этой свободомыслящей интеллигенціей и ортодоксіей можетъ быть различіе въ пониманіи сущности ціонизма, но обѣ сходятся въ признаніи духовнаго характера еврейской національности. Онѣ сходятся еще въ томъ, что отводятъ мессіанскому элементу его законное мѣсто. У ортодоксовъ мессіанскій догматъ составляетъ $\frac{1}{3}$ часть символа вѣры. Национальная интеллиген-

ція дѣлаетъ по своему то же самое. Ставя себѣ цѣлью сохраненіе самобытности и—въ предѣлахъ возможнаго—внутренней автономіи еврейства во всѣхъ странахъ, націоналисты придаютъ ціонизму его настоящее значеніе, а именно значеніе *одного изъ способовъ*, но не единственнаго способа нашего внутренняго возрожденія. Они, конечно, признаютъ желательность возникновенія на нашей древней родинѣ хотя бы небольшого, полу-автономнаго еврейскаго центра; они допускаютъ даже, что такой центръ, не разрѣшая нашего экономического вопроса, могъ бы имѣть нѣкоторую притягательную духовную силу для расвѣянной народной массы. Но они не забываютъ, что нельзя все-таки основывать все спасеніе народа на прекрасной мечтѣ, осуществленіе которой зависитъ въ наибольшей мѣрѣ отъ причинъ, внѣ насъ лежащихъ. Вотъ почему націоналисты направляютъ свои усилія главнымъ образомъ на удовлетвореніе насущныхъ и реальныхъ потребностей нашей національной жизни здѣсь, въ расвѣяніи, гдѣ всегда будетъ пребывать подавляющее большинство народа. Они хотятъ, насколько это отъ насъ самихъ зависитъ, націонализировать все еврейство, а не одну только его частицу, и хотятъ дѣлать это немедленно, независимо отъ гадательнаго достиженія ціонистскаго идеала ¹⁾.

Принципиальными противниками еврейской національной идеи выступаютъ наши ассимиляторы. Эта и нынѣ еще весьма многочисленная партія распадается на нѣсколько разновидностей:

¹⁾ Къ націоналистамъ, открыто исповѣдующимъ свое credo, примыкаетъ по настроенію еще группа еврейскихъ патриотовъ, которыхъ можно было бы назвать „скрытыми націоналистами“. Эти люди, искренно преданные интересамъ еврейства и часто самоотверженно защищающіе ихъ, официально не причисляютъ себя къ націоналистамъ, изъ боязни-ли партійныхъ ключей вообще, или изъ страха передъ этой именно кличкой, которою реакціонеры и юдофобы злоупотребляютъ. Такіе патриоты, если только они окончательно отвергли идею ассимиляціи, несомнѣнно находятся на пути къ открытому исповѣданію еврейской національной идеи, ибо жизненная необходимость укажетъ имъ, что если они формально не вступятъ въ національную партію, то ихъ могутъ ошибочно причислить къ противной партіи — ассимиляціонной, которая нынѣ дискредитирована во многихъ отношеніяхъ.

есть явные и скрытые ассимиляторы, есть ассимиляторы - космополиты и ассимиляторы - народники. Космополиты утверждают, что евреи въ каждой странѣ, сливаясь въ культурномъ и гражданскомъ отношеніяхъ съ кореннымъ населеніемъ, должны представлять собою сверхъ-національный элементъ и быть повсюду какъ-бы миссіонерами общечеловѣческой идеи. Нѣкогда эта форма ассимиляціи заключала въ себѣ значительную дозу высокаго идеализма. Сторонники ея вѣрили въ прогрессивное движеніе *всѣхъ* народовъ отъ національнаго своеобразія къ космополитическому единообразію, и имъ льстила мысль, что евреи стануть въ авангардѣ этого движенія. Они обезличивали свой національный типъ, въ надеждѣ, что окружающіе народы будутъ дѣлать то же по отношенію къ себѣ, и тогда получится лучезарный идеалъ общечеловѣка. Но теперь, когда съ одной стороны выяснилась теоретическая несостоятельность космополитизма, какъ неестественной нивелировки національныхъ типовъ, уменьшающей сумму оригинальности въ *человѣчествѣ*, а съ другой—практическая невозможность его въ виду усиливающегося среди всѣхъ народовъ національнаго движенія,—теперь положеніе ассимиляторовъ разсматриваемой категоріи можетъ внушать только жалость. Они представляютъ собою шатающійся интернаціональный элементъ, отставшій отъ своего народа и не принятый другими народами. Это—носители идеи, изъ которой вывѣтрился и внутренній смыслъ, и нравственный мотивъ (ибо обезличеніе еврейской націи при усиленіи другихъ національныхъ типовъ едва ли можетъ быть признано нравственнымъ актомъ). Эти непризванные миссіонеры отвлеченной общечеловѣческой идеи навлекаютъ только на всѣхъ образованныхъ евреевъ тяжкое обвиненіе, будто они вездѣ денационализируютъ «коренныхъ», разводять беспочвенный космополитизмъ, ослабляютъ патріотическое чувство etc.

Ассимиляторы-народники поступаютъ болѣе практично: они, подобно г. Люблинскому, прямо заявляютъ, что евреи должны органически раствориться въ каждой націи, среди которой они живутъ. Они заявляютъ себя русскими въ Россіи, нѣмцами въ

Германіи, мадьярами въ Венгріи и т. д. Народы очень мало вѣрятъ въ искренность этихъ неофитовъ и часто отказываютъ имъ въ національной «натурализаціи», продолжая считать ихъ евреями. Но обиженные дезертиры изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать, что они съ еврействомъ не имѣютъ ничего общаго. Иные изъ этихъ господъ доходятъ даже до гнуснаго національнаго шовинизма въ антисемитскомъ духѣ (вспомните хотя бы объ Артурѣ Мейерѣ, редакторѣ «Gaulois»!), лишь бы только доказать чистоту своей дезертирской совѣсти. Для еврейства такіе люди—по большей части низкіе карьеристы и вообще нравственно дефектныя особы—потеряны, и едва-ли есть необходимость жалѣть объ этой потерѣ. Съ этими господами нельзя, конечно, смѣшивать тѣхъ людей, которые *не могутъ* быть евреями по духу, вслѣдствіе полученнаго ими нееврейскаго воспитанія. Такихъ нельзя назвать отщепенцами, ибо они въ душѣ никогда не были евреями. Среди этихъ *невольныхъ* апостатовъ есть не мало дѣятелей, которые, при иныхъ обстоятельствахъ, составляли-бы гордость еврейскаго народа, а теперь они «стерегутъ чужіе виноградники».

Въ послѣднее время, наряду съ этими явными ассимиляторами, размножились ассимиляторы скрытые. Чувствуя отчасти нравственное безобразіе дезертирства въ такое время, когда всѣ ополчились на еврейскій народъ, одни останавливаются въ нерѣшительности на полпути между «израильскимъ» станомъ и «филистимлянскимъ». Другіе потому не идутъ дальше, что боятся неласковаго приѣма въ непріятельскомъ лагерѣ. Есть у насъ еще особый типъ «кающихся ассимиляторовъ», которые когда-то, въ эпоху полицейскаго либерализма, имѣли нѣкоторый успѣхъ въ ухаживаніяхъ за чужой націей, а потомъ были грубо оттолкнуты. Эти господа въ душѣ глубоко страдаютъ отъ чувства «отвергнутой любви», но на словахъ обидчиво увѣряютъ, что никогда не были влюблены въ отвергшую ихъ націю. На самомъ же дѣлѣ они ждуть только, чтобы ихъ поманили пальцемъ, для того чтобы, подобно вѣрнымъ пуделямъ, вновь лечь къ ногамъ своихъ властителей.

При малѣйшихъ либеральныхъ «вѣяніяхъ», такіе люди покажутъ себя и увеличатъ собою ряды нашихъ отщепенцевъ. Вообще скрытые ассимиляторы иногда опаснѣе открытыхъ, и морально неизлѣчимымъ изъ нихъ слѣдовало бы поскорѣе уйти изъ нашихъ рядовъ въ «станъ ликующихъ», куда ихъ давно тянетъ.

Есть еще средняя партія, стоящая между ассимиляціей и націонализмомъ и причисленная мною выше къ разряду «оппортунистовъ». Сознаюсь, что послѣднее названіе не вполне характеризуетъ эту разнородную смѣсь нашей шатающейся интеллигенціи, ибо безпринципное «приспособленіе къ обстоятельствамъ» составляетъ скорѣе *результатъ*, чѣмъ *мотивъ* ея поведенія. Мотивы же здѣсь весьма разнообразны. «Дипломатичные» люди, привыкшіе всегда сообразовываться съ настроеніемъ «внѣшняго міра», опасаются, какъ бы провозглашеніе еврейской національной идеи не произвело «тамъ» дурного впечатлѣнія и не побудило Гамазовъ общества и прессы обвинить евреевъ въ *обособленности*. Эти господа тревожно щупаютъ пульсъ у Суворина или Люгера и у разныхъ «влиятельныхъ людей», но не прислушиваются къ біенію народнаго сердца, къ тому, что волнуетъ лучшіе умы еврейства. Они забываютъ, что обвиненіе въ «обособленіи» безчеститъ обвинителей, а не обвиняемыхъ, что подобныя «обвиненія» вовсе не пугаютъ интеллигенцію другихъ подчиненныхъ національностей, борющихся за свою самобытность.

Есть въ этомъ лагерѣ и люди, *боящіеся націонализма* изъ теоретическихъ соображеній. Они указываютъ на ту глубокую деморализацію, которую вызвали національныя движенія во многихъ странахъ, на выдвинутые тамъ гнусные принципы: «Франція для французовъ», «Россія для русскихъ» и т. п., наконецъ на то, что самое имя «націоналисты» стало нынѣ въ прогрессивномъ лагерѣ бранной кличкой. Желая предохранить еврейство отъ подобной деморализаціи, они поэтому противятся и еврейской національной идеѣ. Я долженъ отдать справедливость честности побужденій и прогрессивному на-

правленію этихъ людей, но не могу не усомниться въ ихъ способности къ ясному мышленію. Утверждать, что еврейскій націонализмъ дурень и безнравствененъ потому, что таковъ націонализмъ французскихъ реакціонеровъ, нѣмецкихъ юнкеровъ или антисемитовъ, и вообще грубыхъ насильниковъ другихъ *господствующихъ* націй — утверждать подобное значить совершенно потерять границу между нравственнымъ и безнравственнымъ. Неужели оттого, что нѣмецъ угнетаетъ поляка въ Восточной Пруссіи во имя своего насильническаго національнаго принципа — германизаціи, полякъ не долженъ защищаться во имя своего справедливаго принципа національной автономіи? Неужели угнетаемый не долженъ бороться за свою свободу оттого, что угнетатель употребляетъ свою свободу во зло, превращая ее въ произволъ, и неужели поэтому самый принципъ индивидуальной свободы дурень? Въ предыдущихъ «Письмахъ» я уже много говорилъ о глубокомъ различіи между «національнымъ эгоизмомъ» и «національнымъ индивидуализмомъ», о наступательномъ (государственномъ) и оборонительномъ націонализмѣ и не долженъ здѣсь повторять сказаннаго ¹⁾. Считаю нужнымъ прибавить только — а это должно быть ясно для всякаго здраво и честно мыслящаго человѣка, — что именно потому, что теперь во многихъ странахъ царитъ принципъ насилія господствующихъ націй надъ подчиненными націями (принципъ такъ называемаго «національнаго государства»), эти подчиненныя націи нравственно обязаны — каждая въ предѣлахъ возможнаго — защи-

¹⁾ Нѣкоторые отличаютъ *національныя* движенія, какъ прогрессивныя, отъ *націоналистическихъ* или реакціонныхъ (см. *Вл. Соловьевъ*, «Національный вопросъ въ Россіи» и ст. «Національныя движенія» въ Энциклопедіи Брокгауза—Ефрона). Но эта классификація терминовъ допускаетъ большую путаницу (отъ которой не былъ свободенъ и покойный Соловьевъ: см. его опредѣленіе «Націонализма», *sub voce* въ той же Энциклопедіи, и его разсужденія въ соответствующей главѣ «Оправданія добра»; срав. IV-е «Письмо о стар. и нов. евр.», *Восходъ*, 1899, кн. 5, стр. 65 сл.). Только отдѣленіе «національнаго индивидуализма» отъ враждебнаго ему «національнаго эгоизма» можетъ, по моему мнѣнію, точно установить указанное различіе.

шать свою духовную самобытность и общественную автономію. Конечно, выраженіе «обязаны» непримѣнимо къ національной интеллигенціи, чувствующей наравнѣ со всѣмъ народомъ глубокую *потребность* въ такой оборонѣ; оно приведено здѣсь для тѣхъ шатающихся интеллигентовъ, которые утратили эту потребность и нуждаются въ логическомъ оправданіи идеи-эмоціи, являющейся однимъ изъ благороднѣйшихъ стимуловъ въ исторіи политически подчиненныхъ націй.

Недѣлность вышеуказанныхъ возраженій противъ еврейскаго націонализма (который по самому существу своему можетъ быть только оборонительнымъ, освободительнымъ, т. е. прогрессивнымъ) такъ очевидна, что ее раньше или позже должны признать и наши «принципальные» противники. Тогда искреннѣйшіе изъ нихъ, въ которыхъ еще не совершенно угасла любовь къ еврейству, должны будутъ открыто примкнуть къ нашей національной партіи.

О многочисленной группѣ «колеблющихся» или «дикихъ» (въ парламентскомъ смыслѣ—не принадлежащихъ ни къ какой партіи) я не стану говорить. Такихъ элементовъ не мало во всякомъ обществѣ, во всякой интеллигенціи. Обыкновенно эти люди, желая прикрыть отсутствіе опредѣленныхъ убѣжденій, называютъ себя «просто евреями», «безпартійными». Я вполне допускаю, что во многихъ изъ нихъ сильно бессознательное чувство привязанности къ еврейству,—но бываютъ эпохи, когда одного смутнаго «чувства» недостаточно, когда каждый мыслящій человекъ обязанъ уяснить себѣ въ точности руководящую идею, вытекающую изъ его чувствъ, и сообразовать съ этой идеей свою программу дѣятельности. Въ такіе острые моменты социальной борьбы, «безпартійность»—похвальная во многихъ частныхъ случаяхъ—преступна, какъ прикрытіе бездѣятельности или индифферентизма. Въ такіе моменты—inter agna—каждый долженъ становиться подъ опредѣленное знамя, чтобы всѣ знали, во имя чего онъ борется, другъ-ли онъ или замаскированный врагъ.

Изъ нашего подробнаго анализа состава какъ ціонистической, такъ и націоналистической партій съ очевидною ясностью вытекаетъ слѣдующее:

а) Что въ каждой изъ названныхъ партій имѣются (хотя не въ одинаковой пропорціи) и націоналисты, и ассимиляторы, явные или тайные, то есть, такіе идейные элементы, которые по существу исключаютъ другъ-друга и должны неминуемо вызвать разложеніе той партіи, гдѣ оба они искусственно соединены.

б) Такъ какъ изъ обѣихъ названныхъ партій двери открыты, для однихъ—въ сторону націонализма, а для другихъ—въ сторону ассимиляціи, то сообразно этому должна возникнуть новая, естественная группировка партій, вмѣсто нынѣшней искусственной и временной.

При новой группировкѣ выдѣлятся всѣ дѣйствительные націоналисты, находящіеся нынѣ въ составѣ различныхъ группъ, и составятъ одну сильную партію—*національно-еврейскую*; всѣ же рѣшительные противники еврейской національной идеи будутъ выдѣлены въ особую партію—*ассимиляціонную*. Между этими двумя партіями не можетъ быть ни единства стремленій, ни единства дѣйствій въ вопросахъ еврейской жизни, и чѣмъ ярче будетъ демаркаціонная линія между ними, тѣмъ лучше для нашего народнаго дѣла. Дѣйствительно, при извѣстной интенсивности развитія національнаго сознанія (а въ наиболѣе здоровой части еврейства эта интенсивность нынѣ уже достигла высокой степени), націоналистъ и ассимиляторъ не могутъ идти объ руку, какъ люди враждебныхъ другъ другу идейныхъ направленій и даже душевныхъ настроеній. Тотъ, кто не слышитъ въ своей душѣ *категорическаго императива національной идеи*, повелѣвающей ему продолжать тысячелѣтнюю героическую борьбу еврейства за свою самобытность, кто допускаетъ, а тѣмъ болѣе желаетъ слиянія, полнаго или частичнаго, этого древнѣйшаго культурнаго народа съ другими народами,—тотъ не можетъ ратовать за еврейское народное дѣло. Такой человекъ будетъ прикры-

ваться знаменем національного блага лишь для того, чтобы ускорить исчезновение своего народа. Въ Талмудѣ есть полу-ироническое изреченіе: «Люби ближняго какъ самого себя — это означаетъ: выбирай для ближняго пріятную смерть». Ассимиляторы серьезно слѣдуютъ этому совѣту, и вся любовь ихъ къ еврейству выражается лишь въ томъ, что они подыскиваютъ для него наиболѣе пріятную форму смерти. Эти люди не могутъ имѣть ничего общаго съ тѣми, которые въ укрѣпленіи и постоянномъ обновленіи жизненныхъ силъ «вѣчнаго народа» видятъ главный смыслъ своего личнаго духовнаго существованія.

Когда это рѣзкое различіе проникнетъ въ сознание общества, тогда есть надежда, что многіе изъ тѣхъ, которые только по идейной безпечности причислялись раньше къ партіи ассимиляціи, воссоединятся съ національной партіей. Они, можетъ быть, поймутъ національную идею а *contrario*, ужаснувшись передъ той бездной, въ которую толкаютъ еврейство явные и тайные ассимиляторы.

Объединенная національная партія должна явиться той активной силой, на которой сосредоточены надежды еврейства. Внутри этой партіи будетъ происходить дифференцировка силъ, расходящихся между собою только по способамъ, а не по цѣли дѣятельности. Такъ общимъ лозунгомъ для всей партіи будетъ: *дѣятельность, направленная къ всемѣстному сохраненію еврейской національной самобытности и внутренней свободы, насколько это совместиимо съ условіями общечеловѣческой культуры и гражданскимъ положеніемъ евреевъ въ различныхъ странахъ*. Когда этотъ основной пунктъ будетъ признанъ обязательнымъ для всей національной партіи, тогда наступитъ время для расчлененія послѣдней на фракціи. Націоналисты-ціонисты, полагающіе, что достиженію указанной цѣли можетъ больше всего способствовать возстановленіе политической автономіи для нѣкоторой части еврейства въ Палестинѣ, и вѣрующіе въ возможность этого, будутъ посвящать палестинскому дѣлу значительную

часть своихъ силъ, не отказываясь однако отъ непосредственной работы для національнаго усиленія еврейства въ разсѣяннѣ. Националисты же, не считающіе ціонистскаго символа вѣры достаточнымъ для широкой практической программы, будутъ проводить общую программу партіи съ одинаковой энергіей во всѣхъ мѣстахъ жительства евреевъ, причемъ палестинскому дѣлу будутъ удѣлять то вниманіе и тѣ силы, на которыя оно вправѣ рассчитывать, пропорціонально своему фактическому значенію въ общемъ дѣлѣ нашего національнаго возрожденія. Въ объединенную національную партію *не* могутъ быть приняты: 1) тѣ крайніе ціонисты, которые вовсе отрицаютъ возможность сохраненія и возрожденія еврейства внѣ Ціона, отказываются отъ непосредственной національной работы среди евреевъ діаспоры и, такимъ образомъ, обрекаютъ ихъ на исчезновеніе или ассимиляцію («условные націоналисты» или ціонисты-ассимиляторы); 2) тѣ странные націоналисты (если, таковые окажутся), которые совершенно исключаютъ Палестину изъ сферы своей дѣятельности и не стремятся къ достиженію тамъ максимума національной автономіи, на которую можно рассчитывать,—ибо такое поведеніе противорѣчило-бы и нашему историческому чувству любви къ древней родинѣ, и понятію «*повсемѣстной* дѣятельности», включенному въ вышеприведенную обще-партійную формулу.

На такихъ равныхъ правахъ, безъ компромиссовъ, съ сохраненіемъ полной свободы личныхъ убѣжденій, могутъ объединиться и организоваться всѣ истинно-національные элементы, разсѣянные въ существующихъ нынѣ группахъ. И я съ радостью долженъ отмѣтить — это объединеніе уже совершается, какъ дѣло, вызванное и теоретическою, и практическою необходимостью. Въ послѣднее время въ жизни и въ литературѣ все чаще слышатся слова: «еврейская національная партія», «евреинаціоналисты» (въ отличіе отъ ассимиляторовъ). Такія имена присваиваютъ себѣ часто ціонисты, особенно на Западѣ, гдѣ они сталкиваются съ ассимиляціей, какъ съ грозной и болѣе организованной силой. Требования широкой національно-куль-

турной дѣятельности *повсемѣстно*—раздавались уже давно на ціонистическихъ сѣздахъ, а особенно на недавнемъ Ольмицкомъ сѣздѣ. Еврейская публика въ Россіи въ послѣднее время также видѣла нѣсколько крупныхъ примѣровъ соединенія націоналистовъ съ ціонистами, подъ національнымъ знаменемъ, для практической борьбы съ общимъ врагомъ—ассимиляціей. Въ настоящее время въ лучшей части нашего общества уже назрѣла потребность въ организаціи общеврейской національной партіи, которая повсюду боролась бы за поруганныя права нашего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно стремилась бы къ его внутреннему возрожденію.

Въ слѣдующемъ «Письмѣ» я попытаюсь намѣтить главнѣйшіе пункты практической программы объединенной національной партіи и способы ихъ осуществленія.

С. Дубновъ.

Кто даетъ жизнь, даетъ и необходимое для жизни.

(Изъ разсказовъ меламеда Іохонона).

Л. Переца.

1.

Я беру на себя смѣлость утверждать, что невѣрія вовсе не существуетъ.

Господа! я, Іохононъ меламедъ, хочу вамъ разсказать исторію.

И исторія, что я разскажу вамъ, будетъ колесо въ колесѣхъ, исторія внутри исторіи.

И обѣ исторіи я не выдумалъ изъ головы, не высосалъ ихъ изъ пальца, какъ говорится. Я, слава Богу, не писака какой нибудь, и отцы отцовъ моихъ не были, слава Богу, писателями.

И разскажу я вамъ все просто, безъ соли и масла. Пѣвѣн я не люблю. Кто говоритъ правду, тому пѣвѣн безъ надобности, тотъ разсказываетъ просто, безъ штукъ.

Но я долженъ предупредить васъ, господа, что исторіи, которыя я вамъ тутъ разскажу, докажутъ воочію, что вы, господа, во многомъ слишкомъ далеко зашли, что вы слишкомъ полагаетесь на свои чувства, что на свѣтѣ существуютъ вещи, которыя не снились ни вамъ, ни вашимъ мудрецамъ.

И прошу васъ не претендовать на меня за это.

Хотите—вѣрьте, не хотите—не надо.

Между прочимъ, я хочу оправдаться передъ *нашими*.

Наши могутъ быть на меня въ претензіи за то, что я выдаю нѣкоторые наши секреты, да еще въ такое время, когда

невѣріе распространилось такъ сильно. Не можетъ ли произойти, сохрани Богъ, вредъ какой нибудь отъ моихъ разсказовъ?

Въ оправданіе свое я сообщу *нашимъ* радостную вѣсть, а именно:

Знайте, господа, что невѣрія вовсе и не существуетъ, что все это однѣ выдумки. Весь свѣтъ—это исключительно одна вѣра! И можетъ ли быть иначе?

Миръ великъ, безконеченъ; мозгъ же нашъ до того ограниченъ и ничтоженъ, что мы подобны людямъ, идущимъ въ темную ночь съ копѣечной свѣчкой въ рукахъ.

Я стою на своемъ: безъ вѣры невозможно. Однимъ разумомъ не обойдешься!

Невѣріе—это выдумка пустыхъ сочинителей, тѣхъ самыхъ, что пишутъ сказки для престопаго, для кухарокъ и горничныхъ, что сочиняютъ исторіи о разбойникахъ, поддѣльвателяхъ векселей и фальшивыхъ монетчикахъ, лишь бы пугать народъ, горячить кровь.

Вотъ эти самые и выдумали невѣріе и опять таки для того, чтобы пугать народъ—горничныхъ, портныхъ и сапожниковъ. Правда же заключается въ томъ, что безъ вѣры нѣтъ и желаній, что человекъ невѣрующій—не болѣе какъ кусокъ глины, чурбанъ.

И если ты видишь, что люди имѣютъ страсти и борются съ ними ради другихъ страстей, высшихъ или низшихъ, если ты видишь, что люди, по крайней мѣрѣ, ѣдятъ и пьютъ, устраиваютъ свою жизнь, семью, работаютъ въ потъ лица—знай: они вѣрують. По меньшей мѣрѣ они вѣрують въ свою собственную жизнь. Ибо сомнѣваться можно и въ этомъ. Кто можетъ помѣшать сомнѣваться въ чемъ бы то ни было?

Словомъ, всѣ вѣрують. Но одни вѣрують, что Левіаганъ будетъ подаваться раньше Шоръ-габора, послѣдній же пойдетъ на закуску; другіе думаютъ наоборотъ, а образованные, которые не вѣрують ни въ Левіагана, ни въ Шоръ-габора, тѣ вѣрятъ въ эеиръ. И что, вы думаете, такое этотъ самый эеиръ? Эеиръ, объяснилъ мнѣ одинъ изъ *нихъ*, это нѣчто ни тѣло, ни духъ; онъ не занимаетъ мѣста и не имѣетъ вѣса; однимъ словомъ «да» и «нѣтъ» въ одно и то же время.

Спрашиваю я его, видѣлъ-ли онъ когда нибудь этотъ зейръ.

— Нѣтъ, говорить, не видѣлъ, но я вѣрю.

Ну вотъ! Какая же равница? Въ чемъ же дѣло?

Все дѣло въ томъ, что каждый вѣритъ въ своего святого, въ своего идола, скажемъ. Одни цѣлуютъ занавѣсъ кивота, хотя не знаютъ, что въ животѣ находится, другіе же цѣлуютъ упавшій со стола сонникъ.

А собственными глазами я видѣлъ, что одинъ изъ *нихъ* поцѣловалъ «Тайны Парижа». А «Тайны Парижа» это ничто иное, какъ страшная исторія про парижскаго дровосѣка, который босыми ногами ходилъ по стеклу, и про другія подобныя глупости, измышленныя однимъ парижскимъ лгуномъ, и переведенныя на древне-еврейскій языкъ однимъ виленскимъ евреемъ изъ просвѣщенныхъ.

Господа! Я прожилъ, слава Богу, немало лѣтъ. Я меламедствовалъ и въ деревняхъ, и въ мѣстечкахъ, и въ большихъ городахъ. Семь лѣтъ я, слава Богу, меламедствую въ Варшавѣ и, хвала Всевышнему, встрѣчался и встрѣчаюсь съ людьми, съ различными людьми. Я знаю хасидовъ, знаю миснагидовъ, знаю также образованныхъ, маленькихъ образованныхъ и большихъ образованныхъ и даже совершенно невѣрующихъ. Но все же настоящаго невѣрующаго я не видѣлъ. И я еще беру на себя смѣлость утверждать, что среди всѣхъ этихъ образованныхъ нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы свой собственный путь, свое собственное направленіе. Ни одного я не видѣлъ между ними, который бы смотрѣлъ на свѣтъ своими собственными глазами, за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ трехъ большихъ китовъ. Всѣмъ остальнымъ цѣна—выѣденное яйцо. Они тоже хасиды, они тоже вѣрують въ своего падику, какъ мы въ своихъ. Они подражаютъ своему авторитету, и не знаютъ даже равницы между тѣмъ, что авторитетъ этотъ казалъ обдуманно, серьезно, и тѣмъ, что онъ сказалъ въ сердцахъ или въ пылу спора,—точь въ точь какъ *наши*. Никакой равницы. А приходитъ ко мнѣ кто изъ этихъ господъ и говорить, что онъ не вѣруетъ,—конечно, я его не поставлю въ неловкое положеніе,—но про себя я знаю вѣрно, что онъ шутитъ или бравируетъ; что какъ разъ такой вотъ и боится выходить одинъ ночью. А, быть можетъ, онъ долженъ такъ говорить ради

хлѣба, а ради хлѣба на что человекъ не пойдетъ? А то онъ просто дуракъ, невѣдающій, чего онъ не вѣдаетъ.

А разъ оно такъ, зачѣмъ же намъ стыдиться того, во что мы вѣруемъ?

Чѣмъ же наши хуже образованныхъ, которые только то и дѣлаютъ, что выдумываютъ бабьи сказки и хвалятся восхваленіемъ своихъ авторитетовъ?

Въ чемъ разница?

Только въ томъ, что мы не сочиняемъ исторій, а рассказываемъ правду.

Неужто непременно надо сочинять небывальщину?

Тѣмъ болѣе, что я и не намѣренъ рассказывать исторіи, случившіяся гдѣ нибудь за морями или во времена древнія; я расскажу вамъ нѣчто, случившееся здѣсь въ Варшавѣ, и со всѣмъ таки недавно.

Если же кто придетъ и скажетъ: вранье! Такъ пусть придетъ, посмотримъ, пусть осмѣлится! Я, слава Богу, простой меламедъ, не писака какой нибудь, и лганье не мое ремесло, и не отъ лганья я хлѣбъ свой зарабатываю!

Словомъ, исторія моя—правдивая. Если же кто дастъ ей иное объясненіе—пожалуйста!

Послушаемъ! Все это предисловіе; теперь пойдетъ самый рассказъ.

2.

Швейгеровскаго цадика остроумное слово. Достоинства моего брата Доброе начало.

Рассказываютъ про швейгеровскаго цадика, что однажды его спросили, почему онъ никогда не «говоритъ торы», какъ всѣ цадика. Онъ, по своему обыкновенію, ничего не отвѣтилъ.

Но въ добрую минуту, когда начали сильно просить его, чтобы онъ объяснилъ это обстоятельство, онъ улыбаясь отвѣтилъ:

— Свѣтъ, сказалъ онъ, удивляется, что я не говорю торы. Я же удивляюсь другимъ цадикамъ, какъ это они могутъ говорить тору; какъ можно начать и кончить объясненіе стиха торы, когда тора не имѣетъ ни начала ни конца, когда она безконечна.

Но что же? Дѣло въ томъ, что тѣ, которые не знаютъ тору и говорятъ то, что взбрѣдетъ имъ въ голову, тѣ начинаютъ когда и гдѣ имъ угодно и кончаютъ тоже гдѣ и когда угодно; ибо тора, о которой они говорятъ, не безконечна, она не тора Господа вселенной, она ихъ собственная тора. Тѣ же, которые знаютъ истинную тору, тѣ не говорятъ торы, ибо они не знаютъ, гдѣ начать и гдѣ кончить.

То же мы видимъ и въ дѣлахъ мірскихъ. Вызываютъ, примѣрно, свидѣтеля въ судъ. Если онъ человѣкъ правдивый, онъ начинаетъ отъ Адама и никакъ не можетъ дойти до самого дѣла, а началъ онъ дѣло, онъ не можетъ никакъ добраться до конца. А мошенникъ— у него все въ порядкѣ. Онъ начинаетъ и кончаетъ, и рѣчь его льется какъ масло.

То же и съ рассказомъ. Писака, что высасываетъ свой рассказъ изъ пальца, тому легко начать и кончить, онъ укорачиваетъ, удлиняетъ по желанію. Я же, желая рассказать вещи, какъ онѣ въ дѣйствительности были, я вотъ никакъ не знаю, съ чего начать и на чемъ остановиться.

Но въ честь и память любимаго брата моего Зайвель-Ихиеля, миръ его праху, я начну съ него.

Всему свѣту, всей Францисканской улицѣ извѣстно, что покойный братъ мой былъ великій знатокъ талмуда и истинно богобоязненный человѣкъ. На старости лѣтъ онъ овдовѣлъ и остался одинъ съ дочерью Брохо-Лейей, дѣвушкой. Жилъ онъ въ большой бѣдности. Меламедствовать онъ уже не былъ въ состояніи, такъ онъ, не про насъ будь сказано, остался безъ куска хлѣба. А дѣвица Брохо-Лейя растеть, чтобы не сглазить, какъ на дрожжахъ. Одно слово, бѣда!

Что же дѣлаетъ Господь вселенной?

Вотъ однажды собираются нѣсколько почетныхъ хозяевъ, дѣти которыхъ учились когда-то у брата моего, и берутся выдать Брохо-Лейю замужъ, а брату моему, миръ праху его, дать денегъ на поѣздку въ святую землю.

И хотя поѣздка его не достигла цѣли, такъ какъ онъ, не про насъ будь сказано, по дорогѣ заболѣлъ и умеръ, но за то онъ все же удостоился увидѣть Яффу, гдѣ и скончался и былъ похороненъ съ великой честью.

Яффскій же раввинъ произнесъ прекрасное надгробное слово на его могилѣ и напечаталъ его въ «сборникѣ рѣчей», и кто читаетъ эти рѣчи, облизываетъ пальчики.

А разъ у меня есть начало, такъ теперь уже пойдетъ самый рассказъ.

3.

Самый рассказъ. Не пошло. Бѣда. Брохо-Лейя покинута мужемъ.

Большая вещь милостыня, хорошее это дѣло, но только для тѣхъ, кто даетъ милостыню, а не для тѣхъ, кто получаетъ ее.

И я истинно завидую брату, миръ праху его, что онъ во время успѣлъ умереть и не видѣлъ позднѣйшихъ бѣдъ.

Потому что ховяева, которые взяли на себя позаботиться о Брохо-Лейѣ, не приняли во вниманіе, что она дочь благочестиваго еврея и сама благочестивая чистая душа. Все намѣреніе ихъ было дать ей мужа, кормильца, лишь бы отдѣлаться.

Вотъ они и нашли молодчика за-дешево, писца у адвоката.

Большого приданаго онъ не просилъ, прокормить жену онъ въ состояніи. Чего же болѣе?

Покончили.

Сшили гардеробъ, позвали музыкантовъ, сыграли свадьбу.

Въ добрый часъ!

Мнѣ, правду сказать, молодчикъ этотъ не совсѣмъ пришелся по душѣ. Моя Фейга, да здравствуетъ она, также говорила мнѣ, что женихъ не изъ важныхъ. Но разъ братъ ничего не говорилъ, такъ намъ и подавно слѣдовало молчать.

Впослѣдствіи однако оказалось, что молчать какъ разъ и не слѣдовало.

Какъ только братъ, миръ праху его, уѣхалъ, началась исторія. Оказалось, что дѣло не ладно. На сторонѣ я узналъ, что домашній миръ у молодыхъ похрамываетъ: ссорятся, кричатъ. Сосѣди стучать въ перегородку.

Также я узналъ, что Брохо-Лейѣ не нравится, что мужъ ея Мойше-Исроэль не достаточно благочестивъ, а онъ съ своей стороны гровить ей, что онъ одѣнется по нѣмецки и самъ сдѣлается адвокатомъ.

У него есть свои претензіи: богачи будто обманули его, ему будто показали совсѣмъ другую невѣсту, красивую; на такой онъ бы не женился. Кромѣ того онъ рассчитывалъ на протекцію богачей, а они, поплясавъ на свадьбѣ, не пускаютъ его на глаза.

Ну, разумѣется, первое время я не вмѣшивался. Оно, знаете, не рѣдкость: послѣ свадьбы, пока привыкнутьъ, повздорять молодые между собой, бѣды тутъ нѣтъ. Потомъ все сглаживается; привычка—вторая натура. Живутъ. И, правду сказать, я съ своей Фейгой, да живетъ она, тоже не ладилъ первый годъ послѣ свадьбы. Потомъ, однако, когда она начала рожать и хлѣба отцовскіе прекратились, мы и забыли всѣ глупости. Я началъ искать хлѣба, не повезло мнѣ, я и сдѣлался меламедомъ. И ничего, слава Богу. Живемъ, дай Богъ не хуже до 120 лѣтъ.

Словомъ—я молчу. И тѣмъ болѣе, когда моя Фейга, да живетъ она, мигнула мнѣ на Брохо-Лейю, какъ говорится: «понимаешь?», такъ мнѣ пальца въ ротъ не клади. Я себѣ и думаю: въ добрый часъ. И молчу далѣе. Проходить нѣкоторое время. Я слышу—дѣло плохо, еще хуже прежняго.

Нашъ молодчикъ, оказалось, имѣетъ характеръ нашего праотца Авраама: онъ мало говоритъ и много дѣлаетъ. Онъ не только что одѣлся по нѣмецки, онъ сталъ еще по ночамъ въ карты играть.

Каждый вечеръ онъ приводитъ къ себѣ товарищей, заставляетъ Брохо-Лейю подавать чай, водку, селедку и непременно съ уксусомъ и прованскимъ масломъ. Подавай ему бѣлаго хлѣба и т. д. А нѣтъ чегонибудь, онъ кричитъ, ругается. Онъ издѣвается надъ ней, дѣлаетъ изъ нея посмѣшище для людей!

Я вижу, дѣло плохо, молчать нельзя. Я и собираюсь съ духомъ и иду къ молодымъ.

Прихожу, начинаю, разумѣется, добромъ, шуточками. Хотя, говорю, ты и большой нечестивецъ, но все еще, говорю, поправить можно. И тутъ рассказываю ему, какъ Богу дорогъ кающійся. И заслуги, говорю, отца Брохо-Лейи тоже постоятъ за него. Пусть только обѣщаетъ, пусть только подумаетъ о возвращеніи на правый путь. А когда, говорю, я пойду къ ца-

дику на судные дни, то и его возьму съ собой. И тому подобныя мягкія слова.

Онъ однако помираетъ со смѣху!

Онъ смѣется надо мной, надъ падикомъ! Я, говорить, въ этомъ не нуждаюсь, лучше вотъ освободите меня отъ Брохо-Лей.

И при этомъ еще говорить такое, что и передавать непристойно.

Я вижу, дѣлать нечего; я и начинаю немного строже. Я и говорю ему, что несмотря на то, что онъ одѣлся по-гѣмецки, онъ все таки грубиянъ, невѣжда и осель. А потомъ я сказала ему безъ всякаго страху: раскается онъ—хорошо, а нѣтъ—не миновать ему тогда черныхъ лѣтъ въ аду!

Такъ онъ опять хохочетъ, какой тамъ адъ! Словно онъ былъ тамъ и убѣдился, что, сохрани Господи, ада вовсе нѣтъ.

А потомъ этотъ мѣдный лобъ указываетъ мнѣ дверь!

Что мнѣ дѣлать?

Я вижу, Брохо-Лейя сидитъ зеленая, а слезы текутъ у нея изъ глазъ ручьемъ.

Отправляюсь я къ раввину, посылаю за нечестивымъ.

Онъ не является!...

Прошла недѣля, другая. Ничего не слышно, тихо.

А тихо потому, что нечестивецъ приказалъ Брохо-Лей, чтобы она не смѣла переступить за мой порогъ, а то онъ исколотить ее до полусмерти. Брохо-Лейя же, какъ истинно благочестивая еврейка, слушается, конечно, мужа: сидитъ дома и глотаетъ слезы.

Вотъ я и не слышу ничего, не знаю.

Между тѣмъ, у меня свои бѣды: моя Фейга заболѣваетъ, фельдшеръ говорить—лихорадка, сосѣди говорить—другое, а я думаю—отъ глаза.

Домъ—безъ хозяйки, дѣти—безъ матери и безъ отца тоже, потому что все это происходило въ началѣ сезона, а у меня не хватало двухъ-трехъ учениковъ.

Довольно кажется? Такъ я самъ не совсѣмъ здоровъ!

Варшавскія гѣстницы отымають у меня полъ-жизни. А тутъ меня окружають со всѣхъ сторонъ: квартирный хозяинъ требуетъ платы за квартиру—за двѣ четверти не уплючено; а ин-

спекторъ хотеть, чтобъ я непременно принималъ еще комнату, у учениковъ, молъ, мало воздуха.

Пусть меня Богъ за это не покараетъ,—я просто забылъ про Брохо-Лею.

А вспомню когда, такъ думаю себѣ: вѣрно, нечестивецъ раскаялся, и все уладилось. Хорошо ей живется, она и забыла про бѣдныхъ родственниковъ. Но однажды прихожу я домой усталый, съ опухшими ногами, не про васъ будь сказано; хочю совершить омовеніе, перекусить, отдохнуть, такъ мнѣ моя старуха сообщаетъ хорошія вѣсти! Брохо-Лея была у насъ и плакала горькими слезами. Мы, говорить, разбойники, мы и не думаемъ о несчастной долѣ бѣдной сироты, одинокой какъ пень. Мужъ, говорить, мучаетъ ее, онъ ее ненавидитъ, онъ бьетъ ее и пускалъ ей много разъ кровь изъ носа! Спрашиваю я свою Фейгу: какъ это возможно? Еврей чтобы билъ жену, да еще беременную.

Такъ она говорить, что онъ совсѣмъ сумасшедшій, когда вспылитъ. Онъ окончательно сошелъ съ нуты. Надѣяться на Бога онъ пересталъ, вотъ онъ и говорить, что нечѣмъ жить; онъ хотеть, чтобы Брохо-Лея Богъ знаетъ что съ собой сдѣлала.

Весь свѣтъ, говорить, такъ дѣлаетъ, всѣ богатыя женщины.

А какъ она не хотеть, то онъ бьетъ ее до полусмерти и ругаетъ ее, ея отца и всѣхъ!

Когда я улышалъ, что онъ ругаетъ брата, да будетъ упоминаніе о немъ благословеніемъ, я рассердился не на шутку; хватаю палку и бѣгу туда: моя смерть или его смерть! Зарѣжу, кричу, собаку!

Прибѣгаю и застаю...

Несчастіе я застаю!...

Двери открыты настежь, въ домѣ темно, а его нѣтъ, онъ удралъ!

Ни подушки, ни перины, ни мебели... Ограбилъ ее. А она гдѣ?

Она лежитъ на полу въ конвульсіяхъ!..

4.

Здравый смысл моей Фейги и ее подвиги. Меня выгоняют, я куда я иду.

Не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибы моя Фейга не обладала такимъ здравымъ смысломъ.

Когда я схватилъ палку и закричалъ, что бѣгу зарѣзать собаку, моя Фейга не очень то испугалась. Она отлично знаетъ, что я не разбойникъ, сохрани Господи, что я мухи не убью. Она знаетъ, что когда я уже совсѣмъ рассержусь, то сейчасъ начинаю плакать. Такой ужъ у меня характеръ: отъ гнѣва у меня слезы льются, какъ вода.

Даже учениковъ своихъ я не бью, какъ слѣдуетъ, и хозяева мои на меня даже въ претензіи за это. И я самъ иногда думаю, что я грѣшу противъ Бога и людей: посѣчь иногда необходимо! А съ того времени какъ одинъ мой ученикъ свихнулся съ пути, я даже убѣжденъ, что сѣчь необходимо.

Но не стану уклоняться.

Словомъ, моя Фейга знаетъ, что я ему худа не сдѣлаю и сидитъ себѣ спокойно въ постели.

Когда же прошелъ часъ и другой, а я не прихожу, она испугалась не на шутку: ей пришло въ голову, что я въ самомъ дѣлѣ зарѣзалъ нечестивца, какъ курицу, и сижу уже въ тюрьмѣ.

Ну-ну! Она тогда забываетъ о своей болѣзни, одѣвается кое-какъ и бѣжитъ туда; она забыла даже двери запереть.

Я оглядываюсь—она здѣсь! А она, какъ только вошла, сейчасъ поняла въ чемъ дѣло.

Прежде всего она видитъ, что я стою какъ чурбанъ, и кричить: батлонъ! И въ ту же минуту она толкаетъ дверь и кричить гевальт! караулъ!

И сейчасъ же являются нѣсколько сосѣдокъ. Моя Фейга командуетъ, а сосѣдки дѣлаютъ.

А одна изъ нихъ, по приказанію моей Фейги, выбросила меня за дверь.

Куда идти? На улицѣ мокрый снѣгъ, вѣтеръ бьетъ въ лицо. Что дѣлать? Я отправляюсь въ бейс-гамедрашъ.

Тамъ сидѣло еще нѣсколько человѣкъ, что заглядываютъ въ книгу послѣ молитвы.

Я снимаю съ полки томъ талмуда.

И конецъ! Больше мнѣ ничего не надо!

Разъ я открылъ талмудъ,—нѣтъ больше для меня ни Брохо-Лей, ни мужа ея нечестивца, ничего и никого нѣтъ!

Кого покинули? Кто удраля? У кого тяжелые роды?

Ничего нѣтъ, ничего!

5.

Мои ученики. Кто мой учитель? Это-ли плата за тору? Примѣръ съ птицей. Нечестивыя мысли и сомнѣнія.

Когда мои ученики изъ богатыхъ видятъ меня прилежно изучающимъ талмудъ, они спрашиваютъ меня, неужели и мнѣ еще нужно учиться, и кто мой учитель.

Глупцы! Они не знаютъ, что жизнь сама прекрасный учитель, что забота о хлѣбѣ тоже хорошій учитель, что библейскій вопросъ: «если же ты скажешь, что мы станемъ ѣсть» карадаетъ вѣчно мозгъ и научаетъ многому. А они сами, мои ученики, и отцы ихъ, мои принципалы, тоже прекрасные учителя. Все заставляеть учиться!

Но развѣ это есть тора, и это-ли плата за тору?!

Когда я открылъ талмудъ—кто мнѣ равенъ?

Когда я открываю талмудъ, я чувствую, что предо мной открылось небо, что Господь вселенной въ великой милости своей далъ мнѣ крылья; большія, широкія крылья далъ онъ мнѣ. Я орелъ, и я улетаю далеко далеко. Не за море я улетаю, нѣтъ! Я улетаю изъ міра сего.

Изъ міра лжи, лести и бѣдствій!

И я вижу иной міръ, міръ одного добра, міръ, въ которомъ нѣтъ досмотра невѣжественныхъ пузатыхъ принципаловъ, міръ безъ денегъ и заботъ о хлѣбѣ. Нѣтъ въ немъ тяжело-рождащихъ, голодныхъ дѣтей, женскаго плача!

И тамъ я, бѣдный, больной, прибитый, изголодавшійся мелемедъ, который здѣсь молчитъ всегда, какъ рыба, котораго здѣсь топчуть, какъ червя—тамъ я человѣкъ, тамъ я имѣю свое мнѣніе, я—почетное лицо!

И я свободенъ, и воля моя свободна, я властвую! Я строю міры и разрушаю ихъ, и опять строю новые, лучшіе великолѣпные міры и живу среди нихъ, я летаю среди нихъ. Я въ раю, въ настоящемъ раю!...

И я знаю гораздо больше, чѣмъ я могу рассказать своимъ ученикамъ и даже самому себѣ. Я чувствую нѣчто такое, чего нельзя высказать словами, чего глазъ не видитъ и ухо не слышитъ. Оно, это нѣчто, растеть въ душѣ, тамъ оно живетъ, тамъ оно трепещеть.

И я впитываю въ себя свѣтлыя искорки, мелькающія между строкъ, между словъ, между буквъ. Душа пропитывается ими, какъ губка водой. Она вся проникается свѣтомъ, который сохраняется для святыхъ въ концѣ временъ, на томъ свѣтѣ!

Ахъ! Только учиться, только учиться!

И долженъ вамъ сказать, что когда я прихожу иногда въ богатый домъ и вижу, что тамъ сидятъ по ночамъ и играютъ въ карты или проводятъ время за бесѣдой съ женщинами и за подобной суетой; или когда я хожу по улицѣ и вижу въ открытое окно трактира, какъ ремесленникъ сидитъ въ облакахъ дыма и пьетъ и говоритъ суетное,—когда я все это вижу, клянусь вамъ, я нисколько не осуждаю ихъ. Напротивъ, у меня сердце сжимается отъ жалости къ нимъ. Потому что, что же имъ дѣлать, когда они не знаютъ торы?

Приходилось мнѣ часто мелемедствовать въ деревняхъ; однажды ученикъ мой показалъ мнѣ, какъ осенью птицы собираются вмѣстѣ и оставляютъ наши края; онѣ боятся нашей зимы. Онѣ чувствуютъ, что холодъ для нихъ—ангелъ смерти.

И видѣлъ я однажды, какъ маленькая птичка, бѣдная калѣка, съ поломаннымъ крылышкомъ, прыгала по мокрой, холодной землѣ; она пищала жалобно, она не могла подняться, чтобы полетѣть съ товарищами.

И жалко было видѣть, какъ она глядѣла за чернѣющими въ высотѣ стаями здоровыхъ птицъ, съ цѣлыми крыльями!

И подумалъ я тогда: больная птичка подобна душѣ невѣжды. Не можетъ она подняться, бѣдная душа, нѣтъ у нея крыльевъ, нѣтъ торы! Дай ей тору, дай ей крылья—она полетитъ. А

Теперь она прыгаетъ по холодной землѣ, въ грязи. Теперь она говоритъ срамное, играетъ въ карты!

Богатый—въ кондитерской, бѣдный—въ кабакѣ.

Но оставимъ это, вернемся къ разсказу.

Я сижу и учусь.

Народъ понемногу расходится, уже служба вышла послѣднимъ.

Какое мнѣ дѣло? Я не замѣчаю.

При свѣчкѣ, въ теплое байс-гамедрашѣ, надъ открытымъ талмудомъ я и одинъ не чувствую страха.

Тора, вы знаете, подобна морю.

Вотъ оно волнуется, это море. Волны хотятъ меня поглотить, но я хорошій пловецъ, я опять наверху. Я ныряю и подымаюсь на поверхность, я опять тутъ. По временамъ море утихаетъ. Оно спокойно и чисто, какъ небо. И душа моя купается въ свѣжей живительной влагѣ; она скользитъ какъ по зеркалу, счастливая и блаженная, и воды ее моютъ и очищаютъ отъ пятенъ, отъ черныхъ слѣдовъ міра сего.

И чиста и свѣжа становится она!

Но вдругъ я чувствую боль отъ ожога, и я остаюсь въ темнотѣ: свѣчка погасла между пальцами.

А одинъ въ темнотѣ я боюсь!! На меня нападаетъ страхъ. Днемъ или ночью при свѣтѣ я не боюсь. Мнѣ хорошо! Я вижу міръ, и міръ видитъ меня. Я чувствую хозяина. Я знаю, что я частица міра, что его хозяинъ—мой хозяинъ, что безъ его воли волосъ не поколеблется на головѣ моей. Онъ, хозяинъ, не допуститъ, да и міръ самъ не допуститъ!

Да и за что, помилуйте, за что?!

Но когда я одинъ въ темнотѣ, когда я не вижу свѣта—ой! Тогда я не человекъ болѣе. Черныя мысли нападаютъ на меня! Мнѣ кажется тогда, да не накажетъ меня за это Господь, что меня забыли, меня, мою жену, моихъ дѣтей! Мнѣ кажется, что связь моя съ міромъ прекратилась. Вотъ вотъ меня поймали и унесли, и никто не будетъ знать, и тѣмъ менѣе чувствовать.

И какъ только потухла свѣча, такъ сейчасъ и во мнѣ потухаетъ «прибавочная душа» торы, и я остаюсь при дрожащей, испуганной, простой душѣ бѣднаго меламеда.

Опять я—ничто, червь, затерянная въ пространствѣ вещь!

И губы мои дрожать и шепчуть: помоги Господи, помоги Господи.

А сердце ноет и стучить: Брохо-Леа родить, навѣрное родить и, можетъ быть, двойни. Мать ея славилась двойнями.

Мало тебѣ жены и дѣтей, поиди корми теперь Брохо-Леа съ двойнями. Зайвель-Ихизель сидитъ тамъ въ раю и изучаетъ Тору, а тырой землю, корми!..

А губы дрожать: смилуйся, Господи, смилуйся!

А влѣя мысли подсказываютъ: если-бы Господь хотѣлъ смилостивиться, то лучшее, что Онъ можетъ сдѣлать—это послать ангела смерти... ко мнѣ... къ родильницѣ...

Милосердый Отецъ, милосердый Отецъ!..

И я знаю, что грѣшу противъ Бога, что я, сохрани Господи, отрицаю самые корни божества. Я знаю, но у меня нѣтъ власти надъ своей волей, нѣтъ силъ прогнать дьявола.

Я слабъ, я ничтоженъ!

И я знаю также, что единственное лѣкарство противъ этого—тора.

Я хочу учить наизусть, хочу вспомнить, гдѣ я остановился только-что, но я все забылъ, всю тору забылъ, все, все!..

И крикнулъ я тогда изъ глубины души моей:

Господь вселенной! Помоги мнѣ, помоги!..

И вотъ случилось со мною чудо!

6.

Чудо. Огненный столбъ. Исправленіе души. Ангелъ смерти идетъ на зовъ.

Послѣ, когда я рассказывалъ эту исторію одному образованному, бывшему моему ученику, онъ много смѣялся. Это, говорить, вовсе не чудо. Это случай, говорить, это воображеніе, а то и просто сонъ, и т. п.

Но какое мнѣ дѣло?

Исро имѣлъ семь именъ,⁷ а былъ онъ все тотъ же Исро.

Называй какъ хочешь: чудо, случай, воображеніе, сонъ... Фактъ остается фактомъ.

Я знаю одно, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мнѣ казалось, что душа моя падаетъ въ преисподнюю, весь бейсгамед-

рашь наполнился чуднымъ голубымъ свѣтомъ. Свѣтъ этотъ исходилъ отъ столба, подобнаго тѣмъ лучамъ свѣта, которые лѣтомъ иногда проникають сквозь щель окна въ темную комнату.

И я вижу воочию, что столбъ этотъ состоитъ изъ маленькихъ свѣтящихся капелекъ, и каждая капля съ быстротою молніи мелькаетъ въ столбѣ среди другихъ такъ же суесящихся капелекъ.

И вдругъ блаженное спокойствіе наполнило душу мою, сладостная надежда проникаетъ ее, и злыя мысли оставляють меня. И для меня все становится ясно и чисто, какъ кристалль.

И когда я посмотрѣлъ на восточную стѣну бейсъ-гамедраша, откуда шель столбъ свѣта, я увидѣлъ, что кто-то сидитъ тамъ на скамьѣ.

И кого, вы думаете, я увидѣлъ?

Брата я увидѣлъ, брата Зайвель-Ихіяля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и при жизни всегда сидѣлъ надъ талмудомъ.

Онъ сидѣлъ надъ книгой. Лица его я не вижу, потому что онъ оперся головой на обѣ руки. Но сердце говорить мнѣ: это братъ Зайвель-Ихіяль.

И я несколько не испугался.

Вообще, кто не боится живыхъ, тотъ боится мертвыхъ. Но я! Я бѣдный меламедь, дрожу передъ каждымъ живымъ существомъ, чего же мнѣ бояться мертвыхъ? И кого бояться?—брата Зайвель-Ихіяля, который еще при жизни былъ добръ, какъ ангель.

И я спрашиваю просто и спокойно:

— Это ты, Зайвель-Ихіяль?

— Я, отвѣчаетъ онъ мнѣ и отнимаетъ руки отъ лица,

Я вижу его лицо: какая-то сладостная доброта льется изъ его глазъ.

И я спрашиваю далѣе:

— Что ты здѣсь дѣлаешь, братъ?

И онъ отвѣчаетъ мнѣ:

— Что я дѣлаю? Я многое дѣлаю. При жизни я сидѣлъ и учился, и сатана мѣшалъ мнѣ, а также забота о хлѣбѣ; и я пропустилъ массу мѣстъ, а нѣкоторыя изучилъ недостаточно

серьезно. Вотъ я теперь и исполняю то, что мнѣ приказано: я исправляю душу, я повторяю тору.

— И все серьезно?

Онъ киваетъ головой: да, молъ. И я говорю:

— Зайвель-Ихидь, ты учишься и не знаешь...

И онъ перебиваетъ меня своимъ сладостнымъ голосомъ:

— Глупый! говорить онъ, напротивъ. Именно потому, что я знаю, я могу теперь заниматься какъ слѣдуетъ. При жизни я зналъ мало. Много сомнѣній было въ душѣ, и я не могъ серьезно изучать тору. Только невнѣніе и мѣшаетъ, только оно и заставляетъ сомнѣваться. Но теперь я знаю многое, сомнѣній нѣтъ болѣе, и я могу учиться, какъ слѣдуетъ.

— И ты знаешь, что мужъ Брохо-Лей...

— Убѣжалъ въ Америку? Знаю. Я даже знаю, на какомъ онъ кораблѣ уѣхалъ. Трефное онъ ѣсть на кораблѣ! Я знаю.

— И ты знаешь, что у Брохо-Лей...

— Тяжелые роды? Конечно, знаю. Я даже знаю и то, что она родитъ мальчика.

— А не двойнѣй?

— Нѣтъ, двойней она не родитъ. Но она нуждается въ милости! Ребенокъ родится калѣжкой! Нечестивецъ билъ ее и повредилъ ребенка.

И я спрашиваю далѣе:

— Не знаешь-ли ты, братъ, чѣмъ она будетъ существовать?

— Я знаю и это, отвѣчаетъ онъ, и придвигается ближе ко мнѣ, беретъ меня за плечо и говоритъ:

— Посмотри въ окно.

Я слушаюсь.

— Ну, что ты тамъ видишь?

— Я вижу, что кто-то идетъ мимо... одѣтый въ бѣлое... Лицо сіяетъ, какъ будто «шхина» покоится на немъ... Оно безконечно сіяетъ... И онъ идетъ, не спѣша. Мнѣ кажется, я слышу звуки грустной музыки. Вотъ человекъ этотъ прошелъ...

— Это не человекъ, это былъ ангелъ.

— Ангелъ?

— Да, ангелъ и очень добрый ангелъ...

— Быть можетъ, ангелъ смерти? пугаюсь я.

— Чего же ты боишься? Не хочешь-ли ты убѣжать отъ него?

— А куда онъ пошелъ?

— Куда? Къ Свмхѣ богачу. Его дочь также имѣетъ тяжелые роды.

— Я знаю... За нее и ребенка я сегодня читалъ псалтирь.

— «Молитва поможетъ на половину»: ребенокъ останется живъ.

— А она?

— Ты видѣлъ.

— Это онъ къ ней шелъ? И такъ неохотно? Ему видно жалко?

— Можетъ быть. Впрочемъ, ему спѣшить нечего. Онъ не отъ Бога посланъ.

— Что ты говоришь, братъ! воскликнулъ я испуганно. Кто же еще распоряжается, кромѣ Бога?!

— У человѣка есть своя воля. Она сама звала его.

— Сама?!

— Она не хотѣла рожать, не хотѣла быть матерью.

— Господь вселенной!—воскликнулъ я въ сильной горести, она умираетъ за грѣхи свои, но чѣмъ же виноватъ бѣдный ребенокъ? Кто его вскормитъ, Господи!

— Не кричи, братъ, не кричи. Брохо-Лея будетъ его кормилицей... И отнынѣ знай: кто даетъ жизнь, тотъ даетъ и необходимое для жизни.

И въ эту минуту видѣнье исчезло, и свѣтъ погасъ, а сквозь окно глядѣло сѣрое утро.

7.

Кто даетъ жизнь, даетъ и необходимое для жизни.

Вы не можете вообразить, что я тогда испытывалъ. Я упалъ на землю, источникъ слезъ открылся, и они полились изъ глазъ моихъ...

И мнѣ казалось, что не слезами я плачу, а камнями; что камни скатываются съ сердца у меня и выходятъ вмѣстѣ со слезами. Ибо чѣмъ больше я плакалъ, тѣмъ легче становилось на душѣ. И свѣтлѣе мнѣ становилось и свободнѣе.

И исторiи уже конецъ.

Я иду домой.

Двери, вижу я, стоятъ открытыя.

Вхожу въ комнату и вижу при блѣдномъ свѣтѣ утра, что здѣсь были воры и забрали почти все.

Это неважно, думаю я.

Дѣти кашляютъ сухимъ, хриплымъ кашлемъ.

Я слышу и думаю: не бѣда, это неважно.

Черезъ минуту приходитъ жена моя Фейга и говорить:

— Поздравляю тебя. И я отвѣчаю ей:

— Мальчикъ, калѣка.

Она стоитъ пораженная:

— Пророкъ ты что-ли?—И она не слышитъ, какъ кашляютъ дѣти, не видитъ, что въ комнатѣ ничего нѣтъ.

И я говорю:

— Я знаю еще, жена моя Фейга! Я знаю, что у ребѣ Симхи умерла дочь отъ родовъ, а ребенокъ живъ, и Брохо-Лея будетъ его кормилицей.

— Кто тебѣ это все сказалъ?

— Потому что, говорю я, кто даетъ жизнь, даетъ и необходимое для жизни.

И я ей все рассказалъ.

Перев. А. М.

По промышленной чертѣ осѣдлости.

(Путевые наброски ¹⁾).

Производство сельско-хозяйственныхъ машинъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Усиливающийся спросъ на земледѣльческія орудія. Распространеніе складовъ земледѣльческихъ орудій. Производство плуговъ. Гаммарни. Желѣзковальные заводы. Отсутствие на нихъ евреевъ-рабочихъ. Еврейскіе плужники въ Витебскѣ. Организациа у нихъ работъ, заработная плата. Слесарно-механическія мастерскія евреевъ и нѣмцевъ въ Витебскѣ. Еврейскіе плужники въ м. Жлобинѣ. Производство вѣялокъ, молотилокъ и конныхъ приводовъ въ м. Раковѣ. Производство соломорѣзокъ. Вытѣсненіе кустарныхъ земледѣльческихъ орудій надаліями заводовъ.

Сельско-хозяйственныя машины начали распространяться въ Сѣверо-западномъ краѣ преимущественно въ крупныхъ хозяйствахъ. Но постепенно онѣ стали проникать и въ среднія и мелкія, а въ послѣднее время замѣтный спросъ на машины стали предъявлять и крестьяне. Спросъ на земледѣльческія орудія со стороны такого массового потребителя, какъ крестьянинъ, не могъ, конечно, не вызвать цѣлаго ряда промсловъ какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. За послѣдніе годы почти всѣ машиностроительныя заводы Сѣверо-западнаго края и западной границы Польши, приступили къ построенію простѣйшихъ земледѣльческихъ орудій: молотилокъ, вѣялокъ, соломорѣзокъ, плуговъ и т. п. Въ городахъ и мѣстечкахъ слесаря и кузнецы занялись не только починкой и исправленіемъ земледѣльческихъ орудій, но и приступили къ построенію но-

¹⁾ См. „Кв. Восхода“ № 10.

выхъ простѣйшихъ машинъ: плуговъ, соломорѣзокъ, вѣялокъ а также и другихъ молотилокъ и приводовъ. Въ иныхъ мѣстахъ мелкія мастерскія кузнецовъ и слесарей превращаются въ болѣе крупныя, вмѣщающія по 30—50 рабочихъ и практикующія строгое раздѣленіе труда; въ другихъ—образуются мастерскія, занятыя лишь сборкой готовыхъ частей, заказываемыхъ на чугуново-литейныхъ и машиностроительныхъ заводахъ. Эти орудія сбываютъ крестьянамъ посредствомъ складовъ, на ярмаркахъ, и съ помощью развѣданныхъ агентовъ.

Особенно большое распространеніе не только въ крупныхъ и среднихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, но и въ крестьянствѣ получили плуги и соломорѣзки. Переходъ къ болѣе интензивнымъ формамъ хозяйства и вздорожаніе рабочихъ рукъ за послѣдніе годы послужили толчкомъ къ распространенію среди помѣщиковъ болѣе производительныхъ орудій обработки земли: много лемешныхъ плуговъ, молотилокъ и др., въ крестьянскихъ же хозяйствахъ весьма сильно стало замѣтно вытѣсненіе сохи плугомъ и появленіе соломорѣзки.

Самымъ вѣрнымъ признакомъ роста спроса на указанныя земледѣльческія машины можетъ служить увеличеніе оборотовъ, существующихъ складовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и возникновеніе новыхъ въ различныхъ городахъ края.

Такъ, 15 лѣтъ т. н. однимъ частнымъ лицомъ былъ основанъ въ Минскѣ небольшой складъ земледѣльческихъ машинъ. Обороты этого склада не превышали нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ. Въ настоящее же время складъ этотъ, принадлежащій Минскому сельско-хозяйственному обществу, разросся до огромныхъ размѣровъ. Въ Пинскѣ онъ открылъ четыре года т. н. свое отдѣленіе и предполагаетъ такія же отдѣленія открывать въ другихъ уѣздныхъ городахъ Минской губерніи.

Рядомъ съ этимъ складомъ въ Минскѣ три года т. н. былъ основанъ складъ фирмы «Польза» и продолжаетъ существовать старый складъ фирмы Павловской. Въ этомъ же году заграничная фирма Майферта открыла въ Минскѣ же свое

отдѣленіе. Въ Вильнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытъ большой складъ графа Тышкевича, расширенъ складъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества и вновь открытъ складъ Нагродскаго, специально для потребностей мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Этотъ послѣдній складъ открылъ отдѣленіе въ Свѣнцианахъ.

Въ Гроднѣ, рядомъ съ двумя складами частныхъ лицъ два года тому назадъ открытъ большой складъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества; этимъ же обществомъ открыто отдѣленіе въ Слонимѣ.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ складовъ земледѣльческихъ машинъ плуги, бороны и соломорѣзки продаются во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, на базарахъ и ярмаркахъ и въ большинствѣ складовъ, торгующихъ всякимъ желѣзнымъ товаромъ. Указанные склады продаютъ преимущественно машины заграничныхъ и польскихъ заводовъ. Изъ мѣстнаго производства встрѣчаются лишь одно-лемешные плуги, бороны, вѣялки и соломорѣзки ¹⁾).

Въ изготовленіи послѣднихъ орудій евреи принимаютъ весьма дѣятельное участіе, какъ въ видѣ предпринимателей-заводчиковъ, такъ и въ видѣ мастеровъ, владѣющихъ небольшими мастерскими. Любопытно, что изготовленіе плуговъ и соломорѣзокъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ сѣверо-западнаго края является занятіемъ преимущественно еврейскаго населенія.

Это населеніе, посвящающее свой трудъ распространенію орудій, употребленіе коихъ повышаетъ культуру крестьянскаго хозяйства—лишено однако права не только обрабатывать землю, но даже жить въ деревнѣ и дышать ея вольнымъ воздухомъ! Изъ заводовъ и мастерскихъ, изготовляющихъ плуги, одни отковываютъ лишь лемехи, отвалы и сошники, а другіе выпускаютъ полный плугъ, нѣкоторыя го-

¹⁾ Приведенныя свидѣнія о складахъ сельско-хозяйственныхъ машинъ намъ любезно сообщилъ агрономъ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества М. Л. Веллеръ.

товать для него всё желѣзные и деревянные части. Первые извѣстны въ народѣ подъ именемъ «гаммарной». Гаммарня—это специальная кузница, перековывающая старое желѣзо и сталь въ желѣзные полосы, сошники, лемехи и отвалы плуговъ. Отличительныя особенности этой кузницы—это существованіе молота, приводимаго въ дѣйствіе водянымъ колесомъ. Само названіе, происшедшее очевидно отъ нѣмецкаго слова «Hammer» (молотъ), указываетъ, что этотъ типъ кузницы перенесенъ къ намъ изъ Германіи. Эти идилическіе, заброшенные въ глуши, на берегу рѣчки или пруда заводы кажутся совершенно нетронутыми техническимъ прогрессомъ! Особенно сильное распространіе получили они въ Польшѣ, на границѣ съ Пруссіей, гдѣ еще и понынѣ въ глухихъ мѣстахъ можно встрѣтить эти примитивныя желѣзковальныя заводы, утилизирующіе водяную силу для приведенія въ дѣйствіе молота и вентилятора.

Самая оригинальная часть гаммарни — это устройство молота, качающагося на оси неравноплечаго рычага, на длинномъ плечѣ котораго приспособленъ собственно молотъ, ударяющій по желанію съ различной скоростью о наковальню. Скорость паденія молота регулируется особымъ щитомъ, впускающимъ по желанію большее или меньшее количество воды въ водяное колесо. Кромѣ молота необходимой принадлежностью гаммарни являются сварочная печь, кузнечный горнъ и вентиляторъ для вдунанія воздуха въ горнъ.

Такія гаммарни намъ пришлось посѣтить въ имѣніяхъ Игорки и Мацевичъ Сувалкской губ. (на разстояніи 45 верстъ отъ Гродны) и въ Бѣлостокѣ.

Въ имѣніи Игорки гаммарня, принадлежащая еврейскому помѣщику Ф., расположена на берегу пруда, сила паденія воды котораго утилизируется двумя водяными колесами. Эти колеса, оригинальный деревянный вентиляторъ примитивнаго устройства, а также вся гаммарня были поставлены нынѣшнимъ владѣльцемъ, механикомъ-самоучкой, 20 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время ему принадлежитъ тутъ же

расположенный чугунно-литейный заводъ, выпускающій до 1000 соломорѣзокъ въ годъ. Другая гаммарня, живописно раскинувшаяся на берегу пруда въ имѣніи Мацевичъ, арендуется г. К. Она гораздо значительнѣе первой и приводится въ дѣйствіе 4 водяными колесами и турбиной. Здѣсь попеременно работаютъ 2 молота и перерабатываются въ лемехи отвалы и сошники, старое желѣзо и сталь. Въ этой гаммарнѣ вырабатываются разнообразныя сорта лемеховъ: разной величины и размѣровъ, въ зависимости отъ вкусовъ и потребностей крестьянъ различныхъ губерній. На знаніи требованій кузнецовъ разныхъ губерній Польши и Сѣверо-западнаго края, изготовляющихъ плуги, основанъ весь успѣхъ производства гаммарней. Владѣлецъ послѣдней г. К., прежде чѣмъ приступить къ производству лемеховъ объѣздилъ многіе пункты изготовленія крестьянскихъ плуговъ и собиралъ всюду образцы лемеховъ и отваловъ, а затѣмъ уже началъ ихъ фабриковать и сбывать въ спеціальныя склады земледѣльческихъ орудій въ Гроднѣ, Слонимѣ, Волковыскѣ, Бѣлостокѣ, а также непосредственно крестьянамъ. Такія же гаммарни расположены въ мѣстечкѣ Копціевѣ и вблизи мѣстечка Сопцкина той же Сувалкской губерніи.

Во всѣхъ этихъ гаммарняхъ, принадлежащихъ еврейскимъ мелкимъ предпринимателямъ и занимающихъ работой до 10 человекъ каждая, еврейскихъ рабочихъ нѣтъ.

Рабочіе, преимущественно кузнецы, вырабатываютъ отъ 10 до 15 руб. въ недѣлю, работая по 12—14 часовъ въ день. При этомъ они имѣютъ готовыя бесплатныя квартиры, освѣщеніе и отопленіе, такъ какъ заводики эти расположены вдали отъ городовъ, въ имѣніяхъ.

Отдаленность гаммарней отъ желѣзныхъ дорогъ значительно повышаетъ цѣну на ихъ издѣлія. Провозъ 1 пуда издѣлій изъ упомянутыхъ выше имѣній до складовъ Гродны обходится по 6 коп. (разстояніе около 45 верстъ).

Немудрено, что появились попытки строить желѣзнодорожные заводы у желѣзной дороги. Такъ, нѣкто г. Р. по-

строилъ въ самое недавнее время такой заводъ въ Бѣлостокѣ. По его расчетамъ всѣ эти лемехи и отвалы плуговъ, телѣжныя и экипажныя оси обойдутся тогда значительно дешевле. Заводикъ его имѣеть паровую машину въ 27 лошадиныхъ силъ (въ Бѣлостокѣ нѣтъ даровой водяной силы) и вмѣщаетъ въ себѣ 2 молота вышеописанныхъ типовъ и сварочную печь, приспособленную для торфяного топлива. Современемъ предполагается поставить паровой молотъ. Для обточки телѣжныхъ и экипажныхъ осей заводъ будетъ имѣеть также токарное отдѣленіе, а въ будущемъ владѣлецъ его предполагаетъ устроить чугунно-литейную. Рабочіе преимущественно кузнецы неевреи. Намъ пришлось бесѣдовать съ г. Р. въ то время, когда заводъ его только строился. Уже тогда онъ предполагалъ не брать евреевъ, мотивируя это тѣмъ, что для тяжелыхъ кузнечныхъ работъ еврейскіе рабочіе непригодны, вслѣдствіе ихъ слабосильности. Этимъ же обстоятельствомъ объясняли и другіе владѣльцы гаммарней отсутствіе у нихъ еврейскихъ рабочихъ. Но съ этимъ объясненіемъ трудно согласиться: обыкновенный кузнецъ, работающій въ деревенской кузницѣ безъ приводнаго молота, гораздо больше напрягаетъ свои силы, а между тѣмъ кузнечный промыселъ сильно распространенъ именно среди евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ¹⁾.

Причину отсутствія евреевъ-рабочихъ въ этомъ промыслѣ было бы справедливѣе искать между другими общими причинами, о которыхъ уже упоминалось въ предыдущихъ очеркахъ: въ нежеланіи мелкихъ предпринимателей брать еврейскихъ рабочихъ изъ боязни встрѣтить въ лицѣ послѣднихъ будущихъ конкурентовъ (сами предприниматели были прежде кузнецами). Стремленіе сдѣлаться независимымъ, а въ крайнемъ случаѣ—искать денежнаго компаньона, когда у самого денегъ нѣтъ—въ значительно большей степени развито среди евреевъ, нежели среди другихъ сосѣднихъ съ ними на-

¹⁾ Ниже мы ближе остановимся на кузнецахъ мѣстечка Жлобина Рогачевск. уѣзда Могилевск. губ.

родовъ, и это обстоятельство часто удерживаетъ мелкихъ еврейскихъ предпринимателей отъ принятія еврейскихъ мастеровъ и рабочихъ. Во вторыхъ играетъ роль отсутствіе специалистовъ-мастеровъ евреевъ.

Все производство отковки лемеховъ, сошниковъ, осей и т. п. заимствовано, какъ я уже упоминалъ, изъ Германіи. Въ гаммарнѣ К. до сихъ поръ напр. главный мастеръ нѣмецъ, описанный имъ изъ Силезіи. Естественно, что такой мастеръ заводитъ тотъ порядокъ въ производствѣ, который ему удобнѣе, т. е. воскресный, а не субботній отдыхъ, а это обстоятельство исключаетъ возможность для евреевъ работать въ гаммарнѣ. Отковкой лемеховъ и сошниковъ, помимо упомянутыхъ мелкихъ владѣльцевъ гаммарней, заняты также крупный чугунно-литейный и машиностроительный заводъ г. П. на ст. Лоховъ С.-П. Варшавск. жел. дор. Для производства различныхъ сортовъ ковannaго желѣза онъ имѣетъ 2 паровыхъ и 2 качающихся молота описанныхъ типовъ. Этотъ заводчикъ вмѣстѣ съ вышеупомянутыми образовали между собой синдикатъ для того, чтобы держать на известномъ уровнѣ цѣны. Но синдикатъ этотъ, охватившій 6 заводовъ, въ послѣднее время распался, и цѣны на названное желѣзо начали вслѣдствіе взаимной конкуренціи производителей падать.

Недостатокъ древеснаго угля побудилъ нѣкоторыхъ заводчиковъ, переработывавшихъ лишь старое желѣзо, временно приостановить работу. Но взаимная конкуренція и временный недостатокъ топлива едва ли могутъ привести къ упадку это весьма распространенное въ Западной Польшѣ и на Литвѣ производство. Спросъ на плуги среди польскихъ и литовскихъ крестьянъ постоянно растетъ. Этотъ спросъ удовлетворяется главнымъ образомъ издѣліями кузнецовъ, разбросанныхъ по деревнямъ. Но эти кузнецы нуждаются въ лемехахъ, отвалахъ, сошникахъ, осяхъ и т. п. издѣліяхъ, составляющихъ предметъ производства гаммарней и желѣзковательныхъ заводовъ. И производство ковannaго желѣза не только не будетъ сокращаться, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе развиваться,

охватывая значительные круги рабочего населенія. Лишь еврейское рабочее населеніе, крайне суженное въ сферѣ примѣненія своихъ силъ, останется безучастнымъ зрителемъ и въ этой отрасли труда.

Рука объ руку съ возникновеніемъ гаммарней, изготовляющихъ лемехи и отвалы, въ различныхъ пунктахъ сѣверо-западнаго края возникаютъ небольшіе заводы и мастерскія, вырабатывающіе полные плуги. Въ противоположность гаммарнямъ въ этихъ мастерскихъ, преимущественно мелкихъ и бѣдно оборудованныхъ, работаютъ исключительно еврейскіе рабочіе. Намъ удалось посѣтить два подобныхъ пункта: г. Витебскъ и мѣстечко Жлобинъ, Рогачевского уѣзда, Могилевской губ.

Въ Витебскѣ производство плуговъ возникло 6 лѣтъ тому назадъ. Одинъ еврейскій слесарь, остановившись проѣздомъ въ Ригѣ, обратилъ вниманіе на плугъ мѣстнаго крупнаго завода земледѣльческихъ орудій. Заинтересовавшись имъ, онъ приобрѣлъ его, привезъ въ Витебскъ, разобралъ на части и началъ изготовлять подобные же плуги. Вначалѣ дѣло не спорилось, но съ теченіемъ времени работа наладилась, и онъ началъ изготовлять эти плуги въ большемъ количествѣ. Продавая дешевле рижскаго завода, онъ быстро приобрѣлъ среди крестьянъ покупателей. Плугъ оказался удачнымъ по конструкціи, а главное—дешевымъ, и спросъ на него среди крестьянъ Витебской губерніи возрасталъ съ такой быстротой, что К. при имѣвшихся у него средствахъ не въ состояніи былъ удовлетворить всѣхъ заказовъ. Тогда онъ вступилъ въ компанію съ однимъ мѣстнымъ мелкимъ капиталистомъ и расширилъ свое производство, начавъ изготовлять плуги на продажу массовымъ путемъ. Небольшая мастерская, имѣвшая нѣсколько десятковъ рабочихъ, быстро развивалась и успѣхъ ея не замедлилъ вызвать среди мелкихъ витебскихъ ремесленниковъ-предпринимателей усиленное подражаніе. Появились другія подобныя же мастерскія, называющія себя на вывѣскахъ «плужными заводами», а вмѣстѣ съ ними—и кон-

журренція, сильно понизившая цѣну плуга: плугъ, стоившій при возникновеніи производства 5 р. 50 к.—6 руб., въ настоящее время продается за 3 руб. 50 к. и 3 руб. 25 коп.

Районъ сбыта постепенно расширялся, охватывая помимо Витебской, также губерніи Псковскую, Смоленскую, Московскую и Могилевскую.

Эти плуги специально изготовляютъ 5 заведеній, среди которыхъ нѣкоторыя имѣютъ до 80 рабочихъ. Такъ, мастерскія Левинтова и Раппопорта имѣютъ по 80 рабочихъ, мастерская Берлина—40, Закгейма—20, Крубича—5 и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ плужныхъ заведеній изготовляютъ также оси для крестьянскихъ телегъ.

Все производство витебскихъ плужныхъ мастерскихъ достигаетъ въ теченіе года 25—30,000 плуговъ, стоимостью свыше 100,000 рублей. Они сбываются крестьянамъ указанныхъ выше губерній при посредствѣ специальныхъ возжеровъ, находящихся постоянно въ дорогѣ и принимающихъ заказы отъ складовъ земледѣльческихъ орудій. Значительное количество плуговъ сбывается, напр., даже московской фирмѣ «Работникъ».

Число рабочихъ на всѣхъ заводахъ вмѣстѣ достигаетъ 350—400 человекъ. Всѣ они—евреи, лишь среди молотобойцевъ попадаются иногда неевреи. Двигателей въ мастерскихъ нѣтъ, а всѣ работы производятся въ-ручную: на ручныхъ станкахъ и примитивныхъ приспособленіяхъ, таковы напр. прессы для гнущія отваловъ, лемеховъ.

Но, несмотря на это, работа совершается весьма производительно, такъ какъ здѣсь строго проводится система раздѣленія труда, являющаяся необходимой и неизбѣжной при массовомъ производствѣ издѣлій, а именно таковымъ является изготовленіе витебскихъ плуговъ. Здѣсь одинъ рабочій занятъ лишь просверливаніемъ отверстій, другой нарѣзаніемъ болтовъ, третій—выдавливаніемъ отверстій, четвертый—изготовленіемъ изъ дерева частей корпуса, пятый—сборкой послѣднихъ, шестой—отковкой болтиковъ, седьмой—отковкой пластинъ и т. д.

Работа совершается весьма бодро. Такъ, одинъ слесарь въ среднемъ собираетъ въ день до 36 корпусовъ, двое рабочихъ выдавливаютъ въ это время до 1000 дыръ, одинъ кузнецъ отковываетъ до 800 болтиковъ, а другой рабочій нарѣзаетъ ихъ до 1500 въ день и т. д.

Въ зависимости отъ того, требуетъ ли работа спеціального профессиональнаго искусства или же лишь рабочей силы (какъ напр., при сверленіи дыръ, нарѣзаніи болтовъ и т. д.), заработная плата колеблется въ предѣлахъ отъ 6 до 3 руб. въ недѣлю при ежедневной работѣ отъ 7 утра до 7 час. вечера. Между рабочими различныхъ отдѣленій производства она распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Слесарь, собирающій корпуса, получаетъ 67 коп. за *урокъ*, т. е. за 36 корпусовъ. Этотъ урокъ лучший работникъ можетъ изготовить въ 8 час. (отъ 7 до 3 час. дня), средній—въ 12 часовъ (отъ 7 утра до 7¹/₂ час. вечера). Такимъ образомъ, средній заработокъ рабочихъ, собирающихъ корпуса плуговъ, можетъ быть выраженъ 3—4 руб. въ недѣлю при ежедневной 12-ти часовой работѣ.

Выдавливающій дыры—до 3 руб. въ недѣлю. Намѣчающій мѣломъ на листахъ желѣза форму лемеховъ—отъ 3 руб. до 3 руб. 50 коп. въ недѣлю. Нарѣзающій болты (при болторѣзной машинѣ)—отъ 3 руб. до 3 руб. 90 коп. въ недѣлю. Кузнецы—отъ 5 руб. до 6 руб. въ недѣлю. Столяры (зимой)—отъ 4 руб. до 5 руб. въ недѣлю.

Этотъ уровень заработной платы относится преимущественно къ зимнему времени, т. е. къ главному сезону работъ по изготовленію плуговъ. Лѣтомъ же плуги не дѣлаются; въ это время и заработная плата нѣкоторыхъ рабочихъ повышается. Такъ, столяры и плотники зарабатываютъ лѣтомъ отъ 9 до 10 руб. въ недѣлю.

Заработная плата въ плужныхъ заведеніяхъ значительно ниже, нежели въ другихъ механическихъ заведеніяхъ въ Витебскѣ, гдѣ евреи либо не работаютъ, либо встрѣчаются въ видѣ исключенія по нѣскольکو человекъ. Въ самомъ дѣлѣ, на

механическомъ и чугунно-литейномъ заводѣ г. Гринберга (нѣмца) слесарь получаетъ отъ 1 руб. до 1 руб. 20 коп. въ день, токаръ—до 1 руб. 40 коп. въ день, что составляетъ отъ 6 до 9 руб. въ недѣлю. На этомъ заводѣ изъ 50 рабочихъ лишь 4 еврея (1 старшій модельщикъ ¹⁾, 1 кузнецъ и 2 слесаря). Двигатель его имѣетъ 8 лошадиныхъ силъ. Заводъ этотъ лишь 4 года тому назадъ началъ функционировать, какъ чугунно-литейный и механическій заводъ; до этого же времени онъ представлялъ собою ничто иное, какъ механическую, мастерскую, занимавшуюся первоначально производствомъ лопатъ, а затѣмъ перешедшую къ различнымъ слесарнымъ работамъ.

Въ виду того, что нѣкоторые слесарно-механическія мастерскія въ послѣднее время перешли къ производству плуговъ, а другія помимо плуговъ заняты также другими работами, напр., изготовленіемъ домовыхъ приборовъ, экипажныхъ осей, желѣзныхъ кроватей, дѣтскихъ колясокъ, рѣшетокъ и т. п., мы остановимся нѣсколько и на этихъ мастерскихъ. Слесарно-механическихъ мастерскихъ, имѣющихъ отъ 5 до 25 рабочихъ, въ Витебскѣ насчитываютъ до 15. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ нѣмцамъ, но большинство—евреямъ. Въ нѣмецкихъ мастерскихъ встрѣчаются механическіе двигатели, и вообще онѣ лучше оборудованы. Въ нихъ выполняются не только слесарныя работы, но ремонтируются также машины, такъ какъ владѣльцы мастерскихъ—преимущественно механики.

Впрочемъ, число мелкихъ нѣмецкихъ мастерскихъ все болѣе и болѣе понижается. За послѣдніе 15 лѣтъ въ Витебскѣ прекратили свое существованіе значительное количество мелкихъ механическихъ мастерскихъ, принадлежавшихъ нѣмцамъ. Это объясняется съ одной стороны конкуренціей со стороны крупныхъ фабрикъ механическихъ издѣлій, вытѣснившихъ изъ обращенія издѣлія мелкихъ слесарей-мастеровъ ²⁾ (напр. въ

¹⁾ Изготавливающій деревянныя модели для отливокъ.

²⁾ Болѣе подробно мы останавливались на этомъ явленіи на стран. 47, № 6 „Восхода“ за 1901 г.

производствѣ домашнихъ приборовъ), а съ другой стороны — конкуренціей еврейскихъ мастеровъ, начавшихъ съ подражанія нѣмцамъ и понизившихъ цѣны на трудъ до крайнихъ предѣловъ. Такъ, прежде за изготовленіе рѣшетокъ платили 6—7 руб. за пудъ, а нынѣ платятъ 3 руб. 25 к.—4 руб. 50 к. Нѣмецкіе мастера при появленіи конкуренціи со стороны большого числа еврейскихъ мастеровъ, вынуждены были либо уступить послѣднимъ производство, сдѣлавшееся менѣе выгоднымъ, и уѣхать изъ Витебска, либо ввести новое.

Еврейскіе же мастера, получивъ возможность черезъ посредство одного мѣстнаго агента пріобрѣтать на выплату нѣмецкіе мелкіе станки и машины, важныя въ ихъ производствѣ ¹⁾ (различныя прессы, давилныя, сверлильныя и токарныя станки, ножницы для разрѣзанія желѣза и т. п.), оказались способными выдержать конкуренцію и завоевать себѣ нѣмъ свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ мастеровъ. Правда, работа ихъ не выдѣляется ни оригинальностью, ни особымъ искусствомъ.

Само обученіе ремеслу у евреевъ гораздо хуже организовано и менѣе продолжительно, нежели напр. у ихъ сосѣдей нѣмцевъ. Такъ, въ слесарныхъ мастерскихъ евреевъ мальчики обучаются 3 года, а въ самое послѣднее время даже 2 года. Между тѣмъ какъ у нѣмцевъ ученіе продолжается не менѣе 5 лѣтъ. Еврей-мастера берутъ съ ученика 25 руб. лишь за 1-й и 2-й годъ, а нѣмцы всѣ 5 лѣтъ по 25 руб. въ годъ, либо по 12 руб. въ мѣсяць, если ученикъ столуется у нихъ. Очевидно, обученіе ремеслу у нѣмцевъ лучше поставлено, если родители учениковъ согласны имъ больше платить и держать учениковъ у мастера болѣе продолжительное время.

Въ еврейскихъ мастерскихъ постоянно имѣютъ мѣсто стачки и недоразумѣнія между рабочими и ихъ хозяевами, тогда какъ въ нѣмецкихъ мастерскихъ онѣ совершенно неизвѣстны. Помимо общихъ причинъ, вызывающихъ среди еврей-

¹⁾ Машина, стоящая напр. 500 руб., выплачивается въ теченіе 1½ года взносами черезъ каждыя 3 мѣсяца.

скихъ рабочихъ чертѣ осѣдлости болѣе интенсивное рабочее движеніе нежели среди рабочихъ другихъ національностей, боже о боже съ нами живущихъ—отсутствіе гражданскихъ правъ, замкнутость въ промышленно-отсталой „чертѣ“, невозможность проникнуть на мѣстные фабрики и заводы, какъ еврейскіе такъ и не еврейскіе, суживающая сферу примѣненія ихъ труда ¹⁾, большая нежели у другихъ народовъ экономическая необезпеченность и др., ²⁾ успѣху рабочаго движенія въ Витебскѣ содѣйствовали крайне неудовлетворительныя условія труда въ еврейскихъ мастерскихъ. Прежде напр. работа въ нихъ происходила при весьма низкой заработной платѣ, втеченіе 16 час. (съ 5-ти утра до 10 часовъ вечера). Кромѣ того, бѣдные мелкіе мастера изъ-за недостатка въ средствахъ и заказахъ часто не выплачиваютъ рабочимъ слѣдующаго имъ заработка, чѣмъ постоянно обостряютъ свои отношенія къ послѣднимъ.

Подобно Витебску въ мѣстечкѣ Жлобинѣ Рогачевского уѣзда Могилевской губ. лѣтъ восемь т. н. среди мѣстныхъ еврейскихъ кузнецовъ возникло также производство плуговъ. Одинъ Жлобинскій кузнецъ выписалъ изъ Риги плугъ, разобралъ его на части и началъ изготовлять такіе же. Первоначально работа мало удавалась, а затѣмъ дѣло наладилось, и въ настоящее время изготовленіемъ плуговъ въ Жлобинѣ занято до 5 мастерскихъ съ общимъ числомъ рабочихъ въ 20 человекъ, съ производствомъ, достигающимъ, по словамъ самихъ кузнецовъ, 6000-7000 плуговъ въ годъ.

Плуги дѣлаются двухъ сортовъ: такъ называемые желѣзные и деревянные. Первые—сдѣланы исключительно изъ желѣза; во вторыхъ же стойка—деревянная. Лемехи и отвалы сами кузнецы вырѣзаютъ изъ желѣзныхъ листовъ и гнутъ на специально приспособленныхъ наковальнѣ и прессѣ. Мастерскія представляютъ собою обыкновенныя деревенскія кузницы съ

¹⁾ Они не имѣютъ напр. доступа на мѣстныя фабрики г. З. (фабрика очковъ), г. К. (писчебум. фабрика), г. Л. (кафельный заводъ), на льнопрядильни Русско-Бельгійскаго общества, недавно выстроенныя, и друг.

²⁾ См. стр. 151 „Восхода“, IV 1901 г.

двумя горнами и ручным мѣхомъ. Лучше оборудованныя кузницы (такихъ—двѣ) снабжены прессами для сгибанія лемеховъ и отваловъ и углового желѣза, для выдавливанія дыръ, для нарѣзанія полосъ желѣза и стали, а также другими сверлильными машинками.

Материалъ покупается Жлобинскими кузнецами тутъ же на мѣстѣ въ желѣзной лавкѣ, содержимой однимъ изъ кузнецовъ. Крестьянамъ непосредственно деревянный плугъ продается за 3 руб., а лавочникамъ въ Рогачевъ и Бобруйскъ по 2 р. 75 коп.; чистаго заработка каждому кузнецу съ такого плуга остается 80 коп. Желѣзные же плуги продаются по 3 руб. 50 коп.—3 руб. за штуку; цѣны эти всегда держатся на опредѣленномъ уровнѣ, такъ какъ кузнецы организовали между собой синдикатъ.

Самая усиленная работа происходитъ весной, зимой же заготавливаются лишь отдѣльныя мелкія части, какъ-то: болты, гайки, соединительныя пластинки и т. д.

Плуги Жлобинскихъ кузнецовъ носятъ на себѣ всѣ слѣды примитивной кустарной работы, лемехи-тонки и въ теченіе года срабатываются. Припайка частей и способы соединенія ихъ грубы, аляповаты. По качеству своему плуги эти остаются далеко позади Рижскихъ и Двинскихъ, и только благодаря дешевизнѣ они получили большое распространеніе среди окрестныхъ крестьянъ. Заработокъ кузнецовъ весьма низокъ: подмастерье-кузнецъ за 14 часовою рабочію день едва вырабатываетъ 4 руб. въ недѣлю, заработокъ же мастеровъ-хозяевъ немногимъ выше.

Кузнецы-плужники жалуются на плохія времена, на упадокъ своего промысла, на недостатокъ оборотныхъ средствъ для закупки матеріала, и на все болѣе и болѣе угрожающую имъ конкуренцію заводовъ земледѣльческихъ орудій. Правда, на ярмаркахъ и въ лавкахъ Рогачева, Бобруйска и Гомеля, можно пока встрѣтить эти плуги еврейскихъ кузнецовъ, но сомнительно, чтобы они въ нихъ долго продержались...

Въ Минской губерніи, на разстояніи 14 верстъ

отъ станціи Ивацлавль, въ мѣстечкѣ Раковѣ, насчитывающемъ около 4000 жителей, получило развитіе среди еврейскихъ ремесленниковъ производство вѣялокъ, молотилокъ, соломорѣзокъ и конныхъ приводовъ. Въ теченіе года 10 мастерскими, громко именующими себя на вывѣскахъ «фабриками земледѣльческихъ орудій», выпускается около 300 вѣялокъ, около 80 молотилокъ и незначительное количество конныхъ приводовъ и соломорѣзокъ. На всѣхъ мастерскихъ въ общемъ работаетъ до 50 человѣкъ рабочихъ, извѣстныхъ въ мѣстечкѣ подъ именемъ «механиковъ».

Эта отрасль труда Раковскихъ ремесленниковъ ведетъ свое начало съ давнихъ временъ. Нѣкоторыя мастерскія уже существовали въ 1846 г. и своимъ возникновеніемъ, подобно Витебску и Жлобину, онѣ обязаны не «нѣмцу», а исключительно предпримчивости мѣстныхъ еврейскихъ ремесленниковъ. Одному изъ Раковскихъ ремесленниковъ (слесарей) пришлось случайно видѣть внѣ Ракова, какъ изготовлялись упомянутыя выше земледѣльческія орудія. Вернувшись въ свое родное мѣстечко, онъ началъ самъ изготовлять видѣнныя имъ машины и, какъ человѣкъ способный, по словамъ раковцевъ «Korfmensch», оказалъ въ работѣ большіе успѣхи. По истеченіи нѣкотораго времени Раковскія молотилки и вѣялки приобрѣли среди окрестныхъ помѣщиковъ добрую славу, спросъ на нихъ сталъ быстро расти, производство начало расширяться и одна за другой открывались новыя мастерскія, работавшія не только на заказъ, но и на продажу.

Работа въ мастерскихъ производится чисто ремесленнымъ путемъ. Двигателей нѣтъ, и все изготовляется въ ручную. Деревянные части орудій, а также всѣ слесарныя издѣлія изготовляются въ мастерскихъ. Чугунныя литыя части машинъ заказываются на заводахъ въ Минскѣ, а кованныя желѣзныя: болты, гайки, гвозди и т. п., составляютъ предметъ работы двухъ специальныхъ кузницъ въ Раковѣ. Въ самихъ мастерскихъ совершенно незамѣтно раздѣленія труда. Рабочіе, по ихъ выраженію, все умѣютъ дѣлать. Одинъ и

тотъ же рабочій напр. обстругиваетъ и собираетъ деревянныя части вѣялки, затѣмъ нарѣзаетъ желѣзные болты, просверливаетъ отверстія на сверлильной машинѣ, обтачиваетъ металлическія и деревянныя части на токарномъ станкѣ и т. д. Въ лучшихъ мастерскихъ можно встрѣтить нѣсколько столярныхъ верстаковъ, пару тисковъ, сверлильный и токарный станокъ и др. подобныя приспособленія; а въ хуже оборудованныхъ мастерскихъ нѣтъ и этихъ необходимыхъ въ работѣ орудій.

Само собой разумѣется, что никакими чертежами ни мастера, ни подмастерья не пользуются, такъ какъ большинство изъ нихъ—неграмотно: они едва умѣютъ писать или читать по русски.

Работа продолжается съ 7¹/₂ утра до 11 час. ночи при 2¹/₂ часовомъ перерывѣ, т. е. рабочіе ежедневно заняты 15¹/₂ часовъ, изъ которыхъ 13 часовъ они заняты непосредственно работой. Эта работа даетъ подмастерьямъ не болѣе 4—5 руб. въ недѣлю; заработокъ въ 6 руб. встрѣчается весьма рѣдко. Столько же приблизительно зарабатываютъ кузнецы, кончающіе работу зимой въ 10 час. ночи, а лѣтомъ въ 9.

Раковскія вѣялки и соломорѣзки довольно аккуратно и прочно сдѣланы. Правда, онѣ слишкомъ громоздки и тяжелы. Однако это обстоятельство повидимому не мѣшаетъ ихъ распространенію въ Могилевской, Минской, Витебской и др. губерніяхъ, а также въ Курляндіи и Эстляндіи. Каждая раковская «фирма» имѣетъ своего вояжера, распространяющаго ея издѣлія и получающаго заказы. Механики раковскихъ мастерскихъ также часто уѣзжаютъ на установку и сборку молотилокъ и конныхъ приводовъ.

Лѣтъ 15 тому назадъ дѣла раковскихъ механиковъ были по ихъ словамъ—блестящи: работы было много и она хорошо оплачивалась. Добросовѣстное выполненіе работы и знаніе дѣла создавали имъ постоянную прочную клиентуру. Такъ, одинъ помѣщикъ, переѣхавъ изъ Сѣверо-Западнаго края въ Ярослав-

скую губернію, выписалъ молотилку изъ Ракова и пригласилъ раковского механика для ея установки.

Въ противоположность плужникамъ мѣстечка Жлобина, работающимъ исключительно на крестьянъ, всѣ заказчики раковскихъ механиковъ—по преимуществу помѣщики. Въ теченіе десятковъ лѣтъ они приобретали раковскія издѣлія, эти простыя, громадкія, но прочныя орудія.

За послѣдніе время однако у раковскихъ производителей появился опасный конкурентъ—машиностроительный заводъ, болѣе ихъ богатый средствами и техническими знаніями.

Земледѣльческое орудіе, имъ выпускаемое,—легко, изящно, болѣе производительно, лучше приспособлено къ работѣ и дешевле. Немудрено поэтому, что производство земледѣльческихъ орудій въ Раковѣ съ каждымъ годомъ падаетъ. Всѣ механики жалуются на плохія времена, на затрудненіе при полученіи заказовъ. А рабочіе, прежде стекавшіеся за работой въ Раковъ изъ другихъ мѣстечекъ, лишенныхъ какой-либо промышленности, въ настоящее время вынуждены въ поискахъ за работой либо скитаться по крупнымъ центрамъ «черты», либо совершенно покидать Россію, въ надеждѣ найти приложеніе своимъ силамъ за океаномъ...

Большое распространеніе также въ Гродненской губерніи и примыкающей къ ней части Польскаго края получило производство соломорѣвокъ. Въ настоящее время спросъ на нихъ весьма значителенъ: почти каждый крестьянинъ приобретаетъ одновременно съ плугомъ и соломорѣвку.

Большинство машиностроительныхъ заводовъ описываемаго края заняты изготовленіемъ соломорѣвокъ. Одни изъ нихъ сдѣлали эту отрасль своею спеціальностью, другіе же—удѣляютъ имъ весьма значительную часть своего производства. Таковы—заводы на ст. Лоховъ, С.-Пб. Варш. ж. д., въ Бѣлостокѣ, Брестѣ, Слонимѣ и др.

Сборкой соломорѣвокъ изъ уже готовыхъ частей заняты мастерскія въ Гроднѣ, Волковыскѣ, мѣстечкѣ Цѣхановцѣ близъ ст. Чижевъ С.-П. Варш. ж. д., въ г. Остроленкѣ близъ

ст. Малкинъ той же дороги и въ др. болѣе или менѣе крупныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ этихъ мѣстахъ собираи́емъ соломорѣзокъ заняты преимущественно еврейскіе ремесленники. Такъ въ Цѣхановцѣ еврейскіе кузнецы собираютъ до 600 штукъ въ годъ, а въ Остроленкѣ—до 2000, приче́мъ всѣ литыя части, какъ-то: зубчатыя колеса, маховики и т. п. они заказываютъ на чугунолитейныхъ и машиностроительныхъ заводахъ на ст. Лоховъ.

Эти заводы помимо многочисленныхъ заказовъ на части для соломорѣзокъ выпускаютъ въ общемъ до 6000 соломорѣзокъ въ годъ, а упомянутый уже нами заводъ г. Ф. въ имѣніи Игорки Сувалкской губ.—до 1000 штукъ. Владѣльцы этихъ заводовъ постоянно расширяютъ свое производство соломорѣзокъ, такъ какъ спросъ на нихъ превышаетъ количество, выпускаемое ими на рынокъ.

На ст. Лоховъ въ настоящее время находятся въ дѣйстви́и 2 чугунолитейныхъ и машиностроительныхъ завода, принадлежащихъ г.г. П. и Л. Они построены въ имѣніяхъ. Небольшая доходность земли побудила г.г. П. и Л. обратиться къ эксплуатаціи ея съ промышленными цѣлями.

Заводъ г. П. выпускаетъ, какъ было уже упомянуто, до 3000 соломорѣзокъ, расходящихся главнымъ образомъ по Северо-Западному краю. Кроме того, онъ отковываетъ лемехи и сошники. Втеченіе года онъ отлиываетъ до 50000 пудовъ чугуна. Заводъ существуетъ свыше 20 лѣтъ и извѣстенъ на всю Гродненскую губернію и примыкающія къ ней окраины Польши. Рабочихъ—около 150 человекъ, изъ которыхъ лишь около 10 евреевъ, преимущественно кузнецовъ, маляровъ и каменщиковъ. Во главѣ завода стоитъ молодой техникъ, получившій образованіе за-границей.

Заводъ г. Л., помимо приблизительно 3000 соломорѣзокъ, изготовляетъ также литыя чугунныя кровати, извѣстныя въ продажѣ подъ именемъ *етнскихъ*. Лишь годъ назадъ онъ началъ производить сельско-хозяйственныя орудія, изъ которыхъ пока

изготавливаются лишь соломорѣвки. Ими онъ также снабжаетъ Гродненскую губернію и ближайшій Польскій край.

Молодой техникъ, также окончившій техническую школу за-границей, предполагаетъ расширить производство и продавать свои машины также внѣ Сѣверо-Западнаго края, имѣя въ виду конкуренцію съ англійскими машинами. Заводъ этотъ въ техническомъ отношеніи поставленъ очень хорошо, въ особенности литейное его отдѣленіе, отливающее въ годъ до 50000 пудовъ чугуна. Рабочихъ около 100 человекъ, изъ которыхъ евреевъ—не больше 15 человекъ (около 10 слесарей, 2 токаря, модельщикъ и др.). Такъ какъ заводъ построенъ въ имѣніи, на разстояніи 6 верстъ отъ желѣзнодорожной станціи, то при заводѣ устроены жилища для рабочихъ.

При готовыхъ квартирахъ заработная плата рабочихъ на этихъ заводахъ выражается слѣдующими цифрами:

Чернорабочій	отъ	35 коп.	до	50 коп.	въ день
Слесарь	»	1 р. 00	»	1 р. 50	» » »
Токарь	»	1 р. 50	»	2 р. 00	» » »
Модельщикъ	»	1 р. 50	»	1 р. 80	» » »
Подручный			»	1 » 60	» » »
Литейщики	»	1 » 30	»	2 » 00	» » »

Ученики берутся на 3 года. Въ первый годъ они получаютъ 25 коп. въ день; во второй—35 коп.; въ третій—45 коп. и въ четвертый—они получаютъ, какъ вообще слесаря.

Рабочій день продолжается—11¹/₂ часовъ.

На этихъ заводахъ евреи заняты лишь ручными работами, такъ какъ работа происходитъ по субботамъ. Ихъ нѣтъ поэтому въ токарномъ, литейномъ и другихъ отдѣленіяхъ, гдѣ нужно работать за машинами, приводимыми въ дѣйствіе отъ двигателя.

Приведенныя данныя даютъ лишь слабое представленіе объ участіи евреевъ въ производствѣ сельскохозяйственныхъ орудій, этой сильно развивающейся въ Сѣверо-Западномъ краѣ отрасли промышленности. Здѣсь мы видимъ повтореніе общаго для всей промышленности описываемаго края явленія: еврей-предприниматели встрѣчаются во всѣхъ отрасляхъ производи-

тельного труда; еврейскіе же рабочіе лишь въ тѣхъ производ-ствахъ, гдѣ не примѣняются механическіе двигатели и гдѣ, слѣдовательно, работа совершается въ ручную.

Въ еврейскомъ рабочемъ населеніи, ограниченномъ въ «чертѣ осѣдлости» въ сферѣ примѣненія своихъ силъ, замѣтно-особенно сильное стремленіе къ разнымъ отраслямъ промышленности, доступнымъ имъ, какъ по средствамъ, такъ и по уровню требующихся отъ нихъ техническихъ знаній.

Когда мелкій еврейскій производитель случайно наталкивается на отрасль труда, обеспечивающую ему его скромное существованіе, онъ проявляетъ тогда необычайную энергію и предприимчивость. Витебскіе, жлобинскіе и раковскіе «механики», положившіе начало новымъ отраслямъ промышленности, едва ли предполагали, что эта отрасль ихъ труда приметъ такіе широкіе размѣры и будетъ удовлетворять потребителей, живущихъ далеко за предѣлами ихъ родного города или губерніи. Однако эти производства, возникшія съ подражанія, лишеныя необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, техническихъ познаній и оригинальности, не долго удержатся въ борьбѣ, какъ вслѣдствіе взаимной конкуренціи, такъ и вслѣдствіе конкуренціи со стороны болѣе опаснаго, надвигающагося на нихъ врага— машиностроительнаго завода.

Лишенные капитала и техническихъ знаній, эти мелкіе производители несомнѣнно уступятъ дорогу другимъ. А сами еврей-механики, лишеныя возможности проникнуть на заводы въ качествѣ рабочихъ, будутъ лишь увеличивать кадры безработныхъ...

И. Хорошъ.

Палестинское земледѣліе ¹⁾.

По всѣмъ имѣющимся историческимъ даннымъ Палестина представляла собою одну изъ плодороднѣйшихъ странъ древняго міра, и земледѣліе въ ней всегда процвѣтало. Въ общемъ приемы обработки земли въ древности во многомъ сходны съ приемами, существующими и по сей день въ странѣ.

Уже во время заселенія страны еврейскимъ народомъ палестинскіе земледѣльцы, занявъ предварительно всѣ болѣе плодородныя мѣста, постепенно перешли къ выжиганію лѣсовъ и даже устройству террасъ на горныхъ склонахъ для разведенія различныхъ плодовыхъ деревьевъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда земля находилась вблизи ручья, устраивалась система орошенія, посредствомъ каналовъ. (Рс. I. 3. „רַחַץ מַיִם“). Извѣстно было древнимъ и удобреніе земли какъ обыкновеннымъ навозомъ (Іес. 9, 22), такъ и водой, получавшейся отъ сжиганія соломы (Іес. 5, 24). Во многихъ мѣстахъ употреблялась и толока, т. е. оставляли попеременно на полевыхъ участкахъ рабочей скотъ для удобренія участка. (Plin. 18. 53).

Съ первымъ дождемъ приступали къ вспахиванію земли помощью различныхъ плуговъ (רֶמְסֵי), въ которые впрягали воловъ, коровъ, рѣже ословъ, причемъ никогда не запрягали тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Погоняли и управляли скотомъ помощью особыхъ длинныхъ палокъ (רֶמְסֵי). Посѣвъ производился обыкновенно руками,

¹⁾ См. „Книжки Восхода“ XII за 1900 г. и IV. за 1901 г.
Книжки Восхода, XI

хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и тогда существовало нѣчто вроде сѣялокъ. Какъ всапка, такъ и посѣвъ производились по длиннымъ бороздамъ (לחז סל).

Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ячмень начиналъ созрѣвать уже въ концѣ марта (въ окрестностяхъ Іерихо), тѣмъ не менѣе первый день жатвы народомъ праздновался во второй день Пасхи, когда всѣ выходили въ поле съ пѣснями и бубнами и приступали къ жнивью, производившемуся съ помощью серповъ (שׁרף , לז). Начинаясь жатва съ ячменя; за нимъ слѣдовала пшеница. Въ долинахъ хлѣбъ поспѣвалъ раньше, а въ гористыхъ мѣстахъ позже. Работа продолжалась цѣлыхъ семь недѣль до праздниковъ Швуотъ.

Въ эту страдную пору жнецы питались большею частью поджаренными свѣжими зернами пшеницы и хлѣбомъ, смоченнымъ въ уксусѣ ¹⁾. Снятые хлѣба укладывались малыми охапками לז, связывались въ снопы לז и затѣмъ отвозились въ специально приготовленное мѣсто для молотбы.

Сама молотба производилась тройнымъ образомъ: или цѣпомъ סל , въ особенности, когда хотѣли вымолотить небольшое количество зерна, но преимущественно для бобовыхъ растений, какъ чечевица, бобы и т. п.; или хлѣба складывались въ кругъ, на которомъ ходили волю, коровы или ослы, съ остроконечными подковами на ногахъ и кускомъ кожи סל на головѣ для предотвращенія головокруженія. Наконецъ, существовала и своего рода молотилка; это—доска изъ прочнаго дерева, въ которую вставлены были остроконечные кремневые камни. Полученное чистое зерно свозилось въ хранилища, находившіяся подъ землею.

Судя по плодородію хлѣбныхъ растений, не разъ указываемому въ библіи, можно допустить возможность урожая въ самъ-50 или даже самъ-100 (Бытіе 26. 12); тоже самое впрочемъ утверждаютъ Геродотъ, Іосифъ Флавій и др. Эти авторы

¹⁾ Молодая, полуспѣлая пшеница, поджаренная на огнѣ, и теперь составляетъ любимое лакомство у мѣстныхъ селлаховъ. Такая жаренная пшеница известна подъ именемъ „фрики“.

указываютъ, что такое плодородіе зависѣло отъ особаго рода посѣва, практиковавшагося въ тѣ времена, именно рядового и рѣдкаго.

Неудивительно послѣ этого, что такая страна, какъ Палестина, въ состояніи была прокормить населеніе, доходившее по вычисленію многихъ до 5,000,000 душъ! И теперь, спустя почти два тысячелѣтія послѣ изгнанія евреевъ, страна, перенесшая столько опустошительныхъ нашествій и кровавыхъ войнъ, не потеряла еще своихъ природныхъ богатствъ. При населеніи всего въ 650,000 человѣкъ, палестинское полеводство доставляетъ не мало продуктовъ для вывоза въ другія страны, несмотря на то, что культура страны находится въ самомъ примитивномъ состояніи.

* *

Настоящій палестинскій земледѣлецъ-феллахъ не имѣетъ своей земли, и это составляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ улучшенію почвы, удобренію ея, очисткѣ отъ сорныхъ травъ, осушкѣ и т. п. Земля въ каждой деревнѣ считается общиннымъ владѣніемъ, и каждые два года совершается передѣлъ ея. Въ началѣ зимы старѣйшіе изъ деревни (шейхи) распредѣляютъ всю землю на три части: тяжелую—пшеничную, болѣе легкую — ячменную или люпиновую и наконецъ выгонъ.

Каждый изъ первыхъ двухъ участковъ дѣлится на зимній и лѣтній.

Величина надѣловъ опредѣляется числомъ имѣющихъся въ деревнѣ плуговъ; болѣе зажиточные при этомъ могутъ имѣть по 2—3 плуга, тогда какъ бывають ховяева, владѣющіе и $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ плуга, т.-е. $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ надѣла.

Дѣленіе полосъ совершаютъ помощью большой палки (мэсасъ), причѣмъ каждую полосу отмѣчаютъ камешками. Нерѣдко ширина такихъ полосъ достигаетъ 2—3 метровъ, максимумъ 15—20.

Съ началомъ дождей каждый феллахъ выходитъ на поле со своимъ деревяннымъ плугомъ, запряженнымъ волами,

блюдами, осликами, а нерѣдко осломъ и воломъ вмѣстѣ для паханія подъ зимніе посѣвы (шетув) ячменя, пшеницы, люпина, бобовъ и чечевицы ¹⁾).

По окончаніи этой работы феллахъ приступаетъ тотчасъ къ вспашкѣ подъ лѣтніе хлѣба, для которыхъ земля готовится уже болѣе тщательно и перепахивается нерѣдко 3—4 раза. Когда на слѣдующій годъ сняты уже зимніе посѣвы съ участковъ, бывшихъ подъ лѣтніе, деревня приступаетъ къ новому передѣлу.

Нѣсколько тщательно производится обработка усадебной земли («хакуръ»), на которую феллахъ имѣетъ уже право собственности; усадьбы часто унавоживаются и очищаются отъ сорныхъ травъ; огороженные кактусовыми изгородями, онѣ бросаются въ глаза каждому посѣтителю арабской деревни.

Преобладающей системой сѣвооборота въ странѣ является трехпольная съ выгоннымъ клиномъ. Однако въ мѣстахъ, страдающихъ отъ безземелья, поля никогда не отдыхаютъ, и изъ года въ годъ чередуются лѣтніе посѣвы (сорго, сезамъ, арбузы) съ зимними (пшеница, ячмень, бобы, монинъ и др.).

Понятно, что при такой системѣ обработки земля быстро истощается, и феллахи вынуждены послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посѣвовъ оставить часть земли совершенно невоздѣланной.

Съемка хлѣбовъ начинается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ апрѣля мѣсяца, причемъ первыми снимаютъ бобовыя растенія, какъ чечевицу, нагутъ, бобы, люпины и пр., за ними слѣдуютъ въ маѣ—ячмень и пшеница, а въ августѣ сезамъ, сорго и мансъ.

Первый день жатвы начинается съ большой торжественностью. Жнецы выстраиваются въ рядъ, и первые, болѣе удалые становятся впереди, обвязавшись кожаными передниками. Совершивъ краткую молитву, приступаютъ съ серпами (менджеръ) къ жатвѣ. За жнецами слѣдуютъ женщины-собиральщицы (рма-

¹⁾ Въ сѣверной Палестинѣ практикуется посѣвъ пшеницы за 2 недѣли до выпаденія дождей. Способъ называется „Афиръ“ и даетъ хорошіе результаты.

фра)⁴⁾. Способъ жатвы не во всѣхъ мѣстахъ страны одинаковъ; въ однихъ жнецъ, срѣзывая охапку, оставляетъ ее въ такомъ положеніи на землѣ, слѣдующія за нимъ собиральщицы собираютъ охапки въ кучи, которыя прямо уже накладываются на верблюдовъ для отправки на токъ; въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ Галилеѣ, жнецъ, срѣзывая охапку, тутъ же обвязываетъ ее соломой и кладетъ на каждый снопикъ по камню, такъ какъ господствующіе въ горныхъ областяхъ вѣтры способны разнести весь снятый хлѣбъ.

Жнецы работаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за поденную плату отъ 1 до 1 $\frac{1}{4}$ фр. въ день; въ другихъ же получаютъ за свой трудъ натурой приблизительно $\frac{1}{2}$ кейле (около 35 фунтовъ) въ день; собиральщики же получаютъ обыкновенно половину.

Рабочій день начинается съ ранняго утра и продолжается до 10 ч., а затѣмъ отъ двухъ до вечера, и совершается ежедневно, исключая тѣхъ дней, когда съ вечера не было росы; тогда жатва откладывается. Снятые хлѣба свозятся на токъ для молотбы на верблюдахъ въ Иудеѣ, или на лошадахъ и мулахъ въ гористыхъ мѣстахъ Галилеи¹⁾.

Привезенный хлѣбъ раскладывается каждымъ феллахомъ на восемь равныхъ скирдъ для отдачи десятины, и только тогда онъ имѣетъ право приступить къ молотбѣ.

Молотба продолжается нерѣдко по 3—4 и болѣе недѣль, что необходимо главнымъ образомъ для полученія тонкой мякны (тыбенъ), единственнаго корма для рабочаго скота.

По окончаніи молотбы зерно провѣивается помощью деревянныхъ лопатъ на вѣтру, и затѣмъ очищенное зерно сохраняется въ такъ называемыхъ матмурахъ—ямахъ глубиною въ

⁴⁾ За собиральщицами обыкновенно являются въ каждой деревнѣ толпы бѣдняковъ для собранія оставшихся колосьевъ (лакатъ), но кромѣ этихъ колосьевъ на каждомъ полѣ остается небольшой кусокъ (джурат) специально для бѣдныхъ.

¹⁾ Протяжущаго въ это время въ Галилеѣ жнецы встрѣчаютъ со связкой колосьевъ въ рукахъ со словами: „Гай шмальтакъ“ т. е. „вотъ твой хлѣбъ“; за что слѣдуетъ непрѣмный бакшишъ.

2—3 метра, оканчивающихся сверху узкимъ отверстіемъ, которое закрывается большимъ камнемъ и замазывается глиной.

Твердую же солсму (кассалъ) собираютъ въ конусообразныя кучи, которыя сверху оплетаютъ соломенными веревками и обмазываютъ кизякомъ.

Такія кучи десятками окружаютъ всякую арабскую деревню, солома такимъ образомъ прекрасно сохраняется въ продолженіе круглаго года. Этотъ кассалъ обыкновенно употребляютъ какъ топливо для печей.

* * *

Несмотря на высокое плодородіе почвы въ поляхъ областей: Хоранъ, Джоланъ, долина Иордана, Эдрелона, долина Саровская, окрестности Наблуса, Гаавы и проч., палестинское земледѣліе тѣмъ не менѣе стоитъ еще на низкой степени развитія. Какъ на главныя причины отсталости земледѣлія слѣдуетъ указать на слѣдующія:

1) Общинный способъ владѣнія землей, не дающій возможности палестинскому феллаху дѣлать какія-либо улучшенія, какъ удобреніе и т. п.

2) Низкая степень общаго развитія, а также фатализмъ, составляющіе характерную черту мѣстнаго феллаха. Не думая никогда объ улучшеніи своего хозяйства, палестинскій земледѣлецъ считаетъ себя счастливымъ, когда достигаетъ обезпеченія своего годичнаго пропитанія запасомъ пшеницы или дурмы, жареной оливъ и масла. И тогда онъ спокойно проводитъ свои дни, выжидая наступленія новыхъ дождей, покуривая свое аршле на навесныхъ кучахъ, окружающихъ деревни.

3) Болѣе серьезнымъ тормазомъ, влияющимъ на мѣстное хозяйство, слѣдуетъ считать налоги, вообще, и систему ихъ взиманія, въ особенности. Изъ всѣхъ налоговъ наиболее тяжелымъ бременемъ ложится на палестинское земледѣліе десятина или «оперъ», состоящій въ томъ, что отъ всѣхъ произведеній земли правительство взимаетъ десятую долю урожая или натурой или деньгами. Собственно говоря, къ этому налогу были прибавлены еще одна седьмая для школъ (суба) и еще одинъ

процентъ съ общей суммы, такъ что въ настоящее время десятина превратилась уже въ осьмьину или $12\frac{1}{2}\%$. Взиманіе ошера производится слѣдующимъ образомъ: ежегодно въ каждомъ районѣ назначаются торги на ошеръ; такихъ районовъ имѣется множество, какъ гаавскій, наблускій, яффскій, тибериадскій, іерусалимскій, хайфскій и проч. Каждый районъ обнимаетъ извѣстное число деревень, площадь посѣвовъ которыхъ извѣстна приблизительно. Обыкновенно на торги являются мѣстные эфенди, которые и состоятъ почти повсюду единственными откупщиками. Разъ откупивъ ошеръ, эфенди становится полновластнымъ хозяиномъ района и получаетъ въ свое распоряженіе необходимое число хаяловъ (нѣчто въ родѣ конной полиціи) для наблюденія за тѣмъ, чтобы ни одна деревня не начинала молотбу безъ его разрѣшенія. Съ этого момента начинаются мытарства палестинскаго земледѣльца.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ годъ плохихъ урожаевъ, когда откупщиковъ мало, власти нерѣдко принуждаютъ шейховъ деревень вносить ошеръ деньгами прямо въ казну. Къ тому же прибѣгаютъ и сами откупщики, если убѣждаются въ плохомъ урожаѣ. Въ этихъ случаяхъ у эфенди приемы очень простые. Обязанный собственно по закону брать у феллаховъ десятину натурой, онъ начинаетъ дѣлать такія проволочки, что земледѣльцы рады заплатить сколько угодно, лишь-бы освободиться. § 3

Первымъ дѣломъ эфенди пользуется тѣмъ, что феллахъ не имѣетъ права начать молотить безъ его разрѣшенія; онъ оттягиваетъ нерѣдко выдачу разрѣшенія на цѣлые мѣсяцы, отчего значительная часть зерна пропадаетъ, другая портится. Феллахъ между тѣмъ, чтобы не умереть съ голоду, вымолачиваетъ немного зерна для своего домашняго потребленія. За это онъ платитъ извѣстный штрафъ *«хази»* опять тому же эфенди. Являясь, наконецъ, въ деревню, откупщикъ приступаетъ къ выбору одной изъ восьми скирдъ, складываемыхъ каждымъ феллахомъ. Эти скирды, отвезенныя въ особое мѣсто, должны быть раньше всего обмолочены, провѣяны, очищены и отве-

зены въ то мѣсто, куда назначаетъ эфенди. Феллахъ, не имѣющій верблюдовъ, долженъ платить по одному піастру за кейле, за провозъ, или десять піастровъ (70 коп.) за каждого верблюда. И тогда только феллахъ можетъ свободно вздохнуть и приступить къ молотбѣ собственнаго хлѣба, котораго къ тому времени на току остается нерѣдко половина.

Если отъ существующей системы взиманія опера страдаетъ, какъ мы видѣли, палестинское полеводство, то тѣмъ болѣе страдаютъ отъ него огородничество и садоводство. Здѣсь непримѣнимо взысканіе натурой, а только деньгами, и откупщикъ становится полнымъ хозяиномъ нерѣдко всего урожая. Являясь въ деревню со своими же оцѣнщиками на огородъ или на баштанъ, онъ оцѣниваетъ его по своему усмотрѣнію, и тутъ же хаялъ приступаетъ ко взысканію восьмой доли деньгами. Въ такихъ случаяхъ очень часто земледѣлецъ долженъ уплатить до 50% своего валового дохода.

При такой системѣ у мѣстнаго феллаха нѣтъ никакой охоты не только создавать новое, но и поддерживать существующее и мы поэтому часто узнаемъ, что феллахи уничтожаютъ даже существующія деревья, лишь бы освободиться отъ «Вагъ-Ашара» (откупщика) и стоящаго за нимъ съ нагайкой хаяла.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ такомъ положеніи по отношенію къ десятинамъ находятся и колонисты-европейцы и колонисты-евреи. Мы приведемъ здѣсь такіе факты, какъ арестъ мухтара колоніи Хдеры за то, что онъ не согласился на сумму, предложенную ему въ хайфскомъ сараѣ во время торговъ. Въ З. Яковѣ уже два года какъ послѣдовательно повышаютъ ошеръ на виноградники, несмотря на уменьшеніе ихъ отъ филосеры; въ Р. Пинѣ бывали случаи оцѣнки винограда съ куста, и по этой оцѣнкѣ вынуждены были платить десятину; въ Кастини ошеръ достигаетъ до 7.000 фр. при 35.000 валового дохода.

Слѣдуетъ замѣтить, что при известномъ желаніи и умѣніи, вопросъ о десятинамъ могъ бы быть значительно урегулированъ, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, чтобы колонисты сами

явились откупщиками десятины своихъ поселеній. Къ сожалѣнію, на эту статью, имѣющую, такъ сказать, рѣшающее значеніе на весь экономическій бытъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія, обращаютъ весьма мало вниманія.

Поэтому экономическое положеніе нашихъ колонистовъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти повинности падаютъ всецѣло на ихъ личный счетъ, ухудшается изъ года въ годъ.

Кромѣ опера палестинскій земледѣлецъ долженъ еще платить ежегодно слѣдующіе налоги:

а) *Аскарія* ¹⁾—(исключительно для не-мусульманъ) по двѣ меджиди—8¹/₂ франковъ—за cadaго мужчину со дня рожденія до 70-ти лѣтняго возраста;

б) *Банкъ-Мазруатъ или дарбія*—*дорожный налогъ*—по 4 фр. (16 піастровъ сахъ) съ cadaго мужчины отъ 20 до 60-тилѣтняго возраста.

в) *Верко*—собственно поземельный налогъ по слѣдующему масштабу: 4 съ тысячи за поля и сады; 5 съ тысячи за дома стоимостью до 20 тысячъ піастровъ, 8 съ тысячи съ недвижимостей выше 20 тысячъ и 10 съ тысячи за дома, въ которыхъ владѣльцы не живутъ лично.

д) *Маль-Малекъ*—соляной налогъ по полбишлыка (около 0,30 фр.) съ каждой души.

е) *Маль-Маарэфъ*—школьный налогъ по 8 п. (1,40 фр.) съ cadaго мужского члена.

ф) *Эль-адіэ-эль-ренемъ*—налогъ на овецъ и ковъ по 7 и. (1,10 фр.) съ каждой головы.

Всѣ эти налоги, вмѣстѣ взятые, ложатся непосильнымъ бременемъ на мѣстное земледѣльческое населеніе, которое еще болѣе страдаетъ отъ самихъ способовъ ихъ взысканія, сопряженныхъ съ вѣчной присылкой въ деревни цѣлыхъ отрядовъ хаяловъ, прибывающихъ за взысканіемъ то верко, то дарбіи, то маль-маарэфъ и т. д.

За все время пребыванія хаяловъ въ деревнѣ ихъ личное

¹⁾ За освобожденіе отъ военной службы, такъ какъ по законамъ странъ въ войско принимаются одни мусульмане.

содержаніе, какъ и содержаніе лошадей, выскивается опять-таки съ феллаховъ; и неимущіе подъ угровой нагайки должны доставлять послѣднее, лишь бы скорѣе избавиться отъ нашествия, повторяющагося изъ году въ годъ.

Переходимъ теперь къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ культуръ палестинскаго полеводства.

Какъ мы сказали выше, всѣ полевые растенія въ Палестинѣ къ времени посѣвовъ дѣлятся на двѣ группы: зимнія и лѣтнія.

А. Зимнія полевые растенія.

Къ нимъ принадлежать: пшеница, ячмень, люпины, бобы, чечевица, нагутъ, вика и полевой горошекъ.

1) Пшеница (*Triticum vulgare*, Кемехъ (ар.) 𐤎𐤓𐤕)

Въ древнія времена пшеница была однимъ изъ главныхъ полевыхъ растеній въ Палестинѣ и воздѣлывалась повсюду. Во времена Соломона палестинскую пшеницу посылали ежегодно, какъ подарокъ, царю тирскому (Кн. Цар. I. 5, 11.); нѣкоторые же сорта, какъ Минить (за Иорданомъ), отличались своими выдающимися качествами (𐤎𐤓𐤕 𐤕𐤓).

Какъ слѣдуетъ полагать, евреи заимствовали различные сорта пшеницы для посѣва изъ Египта, гдѣ культура ихъ извѣстна была въ глубокой древности.

Въ настоящее время отличаютъ три главныхъ сорта пшеницы: харанскую, наблусскую и гаазскую.

Палестинскіе сорта пшеницы принадлежатъ къ твердымъ (напоминаетъ русскую арнаутку) и даютъ темную муку. Пшеница занимаетъ и теперь первое мѣсто въ полевомъ хозяйствѣ, въ особенности въ Хоранѣ, считающемся и по сей день житницей Палестины; ее высѣваютъ съ началомъ дождей въ ноябрѣ и декабрѣ, смотря по мѣстоположенію и качествамъ почвы; наилучшей почвой для пшеницы считается тяжело-глинистая.

Урожай пшеницы зависитъ преимущественно отъ проме-

жучочныхъ дождей, выпадающихъ въ февралѣ и мартѣ. Къ сѣмѣю пшеницы приступаютъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ южной части Палестины и въ май—въ сѣверной.

Молотѣба, очистка и храненіе совершаются по способамъ, указаннымъ мною выше.

Обыкновенно высѣваютъ на дунамъ около $\frac{1}{2}$ кейлѣ (110 килѣ или около 7 пуд. на гектаръ или десятину); средній урожай считается отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 кейлѣ съ дунама (50—60 пуд. съ десятины). Всѣ кейлѣ обыкновенно 10 ротелей или 70 фунт., средняя цѣна $4\frac{1}{2}$ франка.

У нѣмецкихъ и еврейскихъ колонистовъ при хорошей вспашкѣ и главнымъ образомъ удобреніи урожай достигаетъ до 4 и 5 кейлѣ съ дунама (отъ 70 до 80 пуд. съ десятины)¹⁾. Такіе же урожаи впрочемъ нерѣдко бываютъ въ удачныя годы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Палестины, какъ Харанѣ, Гаазѣ, и у мѣстныхъ феллаховъ при самой примитивной обработкѣ.

Какую роль производство пшеницы играетъ въ палестинскомъ земледѣліи, видно изъ того, что въ одномъ сирійскомъ вилайетѣ (Дамаскъ, Хоранъ, Джоланъ, Керакъ) производятъ ежегодно до 2.450,000 гектолитровъ пшеницы стоимостью въ 42.700,000 фр. Большія количества пшеницы высылаются ежегодно чрезъ порты Бейрутъ, Хайфа, Акка, Тантура и Яффа въ Европу, преимущественно во Францію, Турцію и Италію.

2. Ячмень (*Hordeum vulgare*. Шааръ (ар.), $\pi\tau\omega\sigma$).

Ячмень постоянно считался однимъ изъ главныхъ продуктовъ Палестины и воздѣлывался въ большихъ количествахъ (Второвак. 8,8; Ионль 1,11); онъ не только служилъ кормомъ для скота, но и употреблялся въ пищу бѣднымъ населеніемъ.

¹⁾ Какъ примѣръ можемъ привести: въ колоніи Гдерѣ колонистъ С—въ имѣлъ на 36 дун. удобренныхъ 157 кейл; въ Экровѣ колонистъ Г—чь на 45 дун.—190 кейл; въ П. Тикѣ на хорошей землѣ колонистъ Фельманъ имѣлъ въ 1899 г. съ 40 дун.—130 кейл. Болѣе интересна интензивная культура въ нѣмецкой колоніи Саронѣ, гдѣ колонистъ Stuber имѣлъ съ 10 дун. 30 кейл; Knoll съ 6 дун.—38 кейл и Steller съ 12 дун.—80 кейл.

По Плинію, напр., у римлянъ считалось наказаніемъ для войска, когда ему замѣняли пшеничный хлѣбъ ячменнымъ.

И въ настоящее время нѣкоторые районы, какъ дамасскій на сѣверѣ и гаазскій на югѣ, отличаются своимъ прекраснымъ ячменемъ и высѣвають его на обширныхъ пространствахъ.

Такъ, въ одномъ Хоранѣ и прилежащихъ къ нему мѣстностяхъ производится 2.370,000 гектолитровъ ячменя, стоимостью въ 39.000,000 франковъ!

Высѣвается ячмень раньше пшеницы, въ началѣ періода дождей, въ ноябрѣ, преимущественно на почвахъ болѣе легкихъ; черный супесокъ или суглинокъ считаются для ячменя наилучшими почвами, никогда его не сѣютъ на тяжелыхъ глинистыхъ почвахъ.

Изъ воздѣлываемыхъ сортовъ ячменя наиболѣе извѣстны два: *Руми* и *Араби*. Первый съ четырехрядными колосьями, небольшимъ и немучнистымъ зерномъ; второй двухрядный, съ зерномъ болѣе мучнистымъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ него готовятъ муку.

Вслѣдствіе отсутствія на мѣстѣ пивоваренныхъ заводовъ, въ Палестинѣ употребляютъ ячмень только для корма скота; много ячменя высылается въ Европу. Увеличивается изъ года въ годъ вывозъ палестинскаго ячменя (черезъ Гаазу, Хайфу, Бейрутъ) въ Англію, гдѣ его находятъ весьма пригоднымъ для пивоваренія; кромѣ Англій вывозятъ ячмень во Францію, европейскую Турцію, Египетъ и въ послѣднее время въ Германію.

Высѣвается обыкновенно ячмень по $\frac{1}{2}$ кейле на дунамъ (около 7 пуд. на десятину); считаютъ средній урожай по 4 кейле, при хорошей же обработкѣ и удобреніи онъ даетъ до 6 и 8 кейлѣ съ дунама. Одна кейле ячменя вѣситъ 50 фунтовъ. Средняя цѣна колеблется отъ 12 до 15 шастровъ (2—2,50 фр.).

3. Люпинъ (*Lupinus albus*, Турмусъ (ар.), لوزل).

Наваніе этого растенія встрѣчается только въ Талмудѣ, и можно полагать, что разведеніе его было довольно ограничено,

что, впрочемъ, замѣчается и въ настоящее даже время. Люпинъ и теперь сѣютъ въ песчаной полосѣ у Средиземнаго моря, гдѣ онъ даетъ прекрасные урожаи. Высѣвается люпинъ очень рано; иногда на лѣтнемъ жнивѣ (напр. послѣ арбузовъ), большею частью прямо на цѣли. Какъ только выпадаетъ первый дождь, феллахъ забрасываетъ полосу свою люпиномъ и затѣмъ запахиваетъ плугомъ. Черезъ нѣсколько дней сѣмена уже начинаютъ всходить и затѣмъ быстро развиваются, достигая нерѣдко вышины одного метра. Въ апрѣлѣ онъ созрѣваетъ, и его вырываютъ только по утрамъ, чтобы стручья не раскрывались и сѣмена не высыпались. Люпинъ вымолачиваютъ палками или съ помощью воловъ; послѣдній способъ практикуется тамъ, гдѣ нуждаются въ топливѣ, такъ какъ размельченная солома люпина считается у феллаховъ цѣннымъ матеріаломъ для специальныхъ печей (шабунъ), служащихъ для печенія хлѣба.

Люпинъ высѣвается на зимнемъ полѣ на самыхъ песчаныхъ почвахъ, гдѣ ячмень не можетъ расти. Разведеніе его, какъ сказано выше, ограничено извѣстнымъ только райономъ и сравнительно мало распространено въ странѣ. Почти все количество люпина высылается изъ Палестины ежегодно за границу, преимущественно въ Италію, Францію и Англію, приблизительно на сумму до 300,000 франковъ ежегодно. Средняя цѣна кейле отъ 10 до 12 п. 1,75—2 фр. Высѣвается на дунамъ до $\frac{1}{2}$ кейле и при среднемъ урожаѣ снимается 3—4 кейле.

Въ самой странѣ люпинъ не употребляется ни въ качествѣ корма для скота, ни для удобренія. Сѣмена же употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пищу бѣднымъ населеніемъ; для этого ихъ предварительно кипятятъ, затѣмъ мочатъ въ холодной водѣ, сливая ее ежедневно въ теченіе трехъ сутокъ. Послѣ этого люпинъ теряетъ окончательно свою горечь и, пересыпанный солью, употребляется въ пищу.

Кромѣ посѣвного люпина различные виды его встрѣчаются на поляхъ въ дикомъ состояніи: какъ *Lupinus hispanicus* съ

фіолетовыми цвѣтами, *L. luteus* со свѣтло-желтыми ароматными цвѣтами, дающими хорошую взятку пчеламъ.

Къ сожалѣнію, еврейскіе колонисты совершенно незнакомы съ культурою люпина, который могъ бы служить прекраснымъ зеленымъ удобреніемъ въ особенности въ Іудеѣ, извѣстной своими песчаными почвами. Единственный опытъ посѣва, сдѣланный однимъ колонистомъ въ миндальномъ саду для удобренія, далъ блестящіе результаты; то же можно было-бы сдѣлать и для молодыхъ виноградниковъ въ первые 3—4 года, если бы мѣстный равнинатъ не наложилъ безъ всякаго основанія на этотъ способъ удобренія строгое запрещеніе, угрожая объявить вино трэфнымъ.

4. Бобъ (*Faba vulgaris*, Фуль (ар.) لوب).

Растеніе это воздѣлывалось въ Палестинѣ еще въ глубокой древности и употреблялось въ пищу, какъ въ зеленомъ видѣ такъ и въ сухомъ состояніи (2 Самуил. 17,28); сухіе размолотые бобы примѣшивались къ мукѣ у бѣднаго класса населенія (Иезек. 4,9).

И въ настоящее время разведеніе бобовъ распространено во всей странѣ. Въ противоположность люпинамъ бобы высѣваются только на почвахъ глинистыхъ, глинисто-известковыхъ и мергельныхъ; поэтому и воздѣлываніе бобовъ въ Палестинѣ наиболѣе сосредоточено въ сѣверной ея части, въ Галилеѣ и Хоранѣ. Послѣ бобовъ на поляхъ обыкновенно высѣваютъ пшеницу, дающую отличные урожаи.

Высѣваются бобы въ продолженіе перваго мѣсяца отъ начала дождей, преимущественно въ разбрось.

Способъ уборки и молотбы такой же, какъ у люпиновъ, при этомъ только мякина сохраняется на кормъ скоту; сѣмена же большею частью продаются для отправки за границу.

Въ бейрутскомъ вилайетѣ средній годовою урожаю бобовъ считается въ 1.340,000 кило, стоимостью въ 163,000 фр., а въ Хоранѣ, Дамаскомъ и Салтскомъ округахъ въ 19.350,000 кило, стоимостью въ 1.120,000 фр. Вывозятся бобы главнымъ образомъ въ Турцію, Францію и Англію для откармливанія скота.

5) Чечевица (*Ervum lens*, Адасъ (ар.), עֲדָשׁ).

Чечевица воздѣлывалась постоянно въ Палестинѣ въ древности и была предметомъ всеобщаго потребленія у мѣстнаго населенія. И въ настоящее время культура чечевицы очень распространена и даетъ прекрасные урожаи въ особенности на известково-глинистой и мергельной почвахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее высѣваютъ съ первыми дождями, въ другихъ, въ сѣверномъ районѣ ее причисляютъ къ лѣтнимъ растеніямъ, высѣвая въ январѣ мѣсяцѣ.

Сѣютъ чечевицу рядами, послѣ всходовъ ее прорѣживаютъ и полютъ, а въ апрѣлѣ, когда она обыкновенно созрѣваетъ, ее вырываютъ по утрамъ до окончательнаго высыханія стручьевъ.

Способъ молотбы такой же, какъ у бобовыхъ растеній. Средній вѣсъ копны равенъ 10 ротелямъ и стоитъ обыкновенно 4 франка.

Воздѣлываніе чечевицы преимущественно развито въ Галилеѣ, гдѣ ее производятъ ежегодно въ количествѣ до 13.000.000 кило на сумму въ 900.000 фр., и въ Иудеѣ до 12.000.000 кило. Кромѣ мѣстнаго потребленія чечевица вывозится ежегодно чрезъ порты Яффа, Хайфа и Газа въ большихъ количествахъ преимущественно во Францію и Англію.

6) Нагутъ (*Cicer arietinum*, Хумусъ (ар.), חֻמְסִי).

Нагутъ занимаетъ видное мѣсто въ полевой культурѣ Палестины, въ особенности въ сѣверной ея части и въ Заіорданьѣ, гдѣ онъ высѣвается, какъ лѣтнее растеніе на известково-глинистыхъ почвахъ. Здѣсь онъ считается отличнымъ предшественникомъ для пшеницы и ячменя; въ южной же части Палестины его высѣваютъ какъ зимнее растеніе, подобно всѣмъ бобовымъ. Посѣвъ, уходъ и уборка тѣ же. Высѣваютъ на дунамъ до 10 кило, урожай достигаетъ до 100 кило или 1100 съ гектара. Средній урожай одного бейрутскаго вилайета достигаетъ 2.800.000 кило, цѣнностью въ 370.000 фр. Кромѣ мѣст-

наго потребленія нагутъ высылается ежегодно за границу, въ европейскую Турцію, Египетъ и Францію.

Чина, овечій горохъ (Lathyrus sativus, керсенэ (ар.), چينار).

Изъ кормовыхъ зимнихъ растений, занимающихъ видное мѣсто въ полевой культурѣ и сѣмена которыхъ употребляютъ въ странѣ для корма верблюдовъ и рогатаго скота, слѣдуетъ упомянуть чину.

Высѣвается повсюду чина въ началѣ зимы, въ ноябрѣ и декабрѣ на почвахъ средняго качества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуютъ рядовой посѣвъ. Высѣваютъ чину по полю кейла на дунамъ, а собираютъ отъ 4 до 5 кейла или до 2000 кило зерна съ гектара. Преимущественно чина идетъ на кормъ верблюдовъ: предварительно ее раздробляютъ ручной зернодробилкой.

Вика (Vicia Sativa, Джилбани (ар.), وچك).

Вика удается на почвахъ худшихъ нежели чина. Зерна идутъ на кормъ предпочтительно рогатому скоту. Посѣвъ и уборка производятся такъ же, какъ чины.—Урожайность вики нѣсколько слабѣе.

II. Лѣтнія полевая растенія.

Къ нимъ принадлежать: сезамъ, сорго, арбузы, мансъ и рисъ; послѣдній воздѣлывается преимущественно въ мѣстахъ, изобилующихъ водой.

9) Сезамъ, кунжутъ (Sesamum, Симсим (ар.) (سمنون).

Сезамъ воздѣлывается въ обширныхъ размѣрахъ преимущественно въ южной части Палестины, гдѣ онъ, занимая лѣтній клинъ, является отличнымъ предшественникомъ для пшеницы и ячменя. Подготовка почвы подъ сезамъ (какъ впрочемъ и подъ всѣ прочія лѣтнія растенія) отличается особой тщательностью, такъ какъ отъ обработки зависитъ не только урожай сезама, но и слѣдующаго за нимъ зимняго хлѣба. Съ началомъ дождей, какъ только феллахъ освобождается отъ зимнихъ посѣвовъ, онъ взрываетъ землю рѣдкими другъ отъ друга

боровдами для удержанія воды; ватѣмъ начинаютъ вспашку земли вдоль и поперекъ три - четыре нерѣдко и пять разъ вплоть до марта мѣсяца, причемъ всѣ кусты и сорныя травы очищаются по мѣрѣ возможности.

На такой разрыхленной и очищенной почвѣ приступаютъ къ посѣву сезама тогда, когда періодъ дождей уже кончился. Собственно говоря, дождь опасенъ для сезама только тогда, когда онъ выпадаетъ до его всхода; тогда, вслѣдствіе крайней слабости растеньица, сѣмена остаются въ землѣ, и феллахъ вынужденъ приступить вторично къ посѣву. Высѣваютъ сезамъ рядами особаго рода приспособленной рядовой сѣялкой. Она устроивается такъ: сзади своего плужка феллахъ привязываетъ жестяную трубку, сверху оканчивающуюся лейкообразнымъ расширеніемъ; нижній конецъ трубки идетъ до самаго лемеха плуга. Проводя борозду онъ медленно опускаетъ сѣмена сезама въ лейку, откуда они по трубкѣ попадаютъ въ землю. Слѣдующей бороздой феллахъ закрываетъ первую, третью опять высѣваютъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ цивилизація еще не дошла до устройства жестяной трубки, феллахъ готовитъ ее самъ изъ обыкновеннаго камыша или тростника (*бука*), къ которой вмѣсто лейки онъ привязываетъ натянутый на обручѣ кусокъ овечьей шкуры, образуя изъ нея нѣчто похожее на лейку.

Когда сезамъ достигъ 15—20 сантим. вышины, поле опять очищается отъ сорныхъ травъ помощью ручныхъ орудій; такое разрыхленіе и очищеніе почвы совершается нерѣдко 2—3 раза за весь періодъ роста. Вытаскивается сезамъ въ концѣ іюля или началѣ августа, еще до полнаго созрѣванія сѣмянъ; таскальщики собираютъ небольшіе снопики, связываютъ ихъ и въ такомъ видѣ перевозятъ на токъ, гдѣ выставляютъ недѣли на двѣ, пока сезамъ окончательно не дозрѣетъ и не раскроетъ головокъ, тогда только приступаютъ къ очисткѣ сѣмянъ.

Высѣвается сезамъ небольшими количествами; урожайность же его подвержена большимъ колебаніямъ, отъ 3—4 до 10—12 окъ съ дунама, среднимъ урожаемъ считаютъ 8 окъ стоимостью

въ $3\frac{1}{2}$ до 4 франковъ. Большая часть сезама употребляется въ странѣ на приготовленіе кунжутнаго масла, такъ называемаго «ширесъ», остальное вывозится: частью въ Россію, но преимущественно во Францію; вывозъ совершается главнымъ образомъ черезъ яфѣскій портъ, откуда въ прошломъ году вывезено было 3.100,000 килло на сумму въ 1.060,000 франковъ.

10. Сорго (*Sorghum vulgare*, дура (ар.), كزبرة).

Сорго—гигантское по своему росту растеніе—высѣвается на тяжелыхъ глинистыхъ почвахъ преимущественно пшеничныхъ. Способъ приготовленія почвы подъ дура такой же, какъ и подъ сезамъ: сильное разрыхленіе почвы, рядовой посѣвъ, окучиваніе. Время посѣва мартъ-апрѣль. Въ іюлѣ начинаютъ уже созрѣвать образовавшіяся на верхушкахъ стеблей метелки, которыя въ августѣ срѣзываются острыми серповидными ножами и собираются въ большія корзины для перевозки на токъ для молотбы. Урожай дура подвергаются также большимъ колебаніямъ и зависятъ главнымъ образомъ отъ количества выпадающихъ въ концѣ лѣта дождей; въ удачномъ году его собираютъ 5—6 кейлъ съ дунама, средній же урожай считается 3 кейла. Сѣмена дура, представляя отличный кормъ какъ для скота такъ и для птицъ, употребляется въ пищу и мѣстнымъ населеніемъ въ видѣ муки, большею частью въ смѣси съ пшеницей. Дура вывозится за-границу преимущественно въ Англію, гдѣ употребляется на откармливаніе скота; такъ въ среднемъ за послѣдніе годы вывозится ежегодно черезъ одинъ яфѣскій портъ 1,000,000 килло на сумму въ 990,000 франковъ.

11) Маисъ, кукуруза (*Zea Mais*, Эдра франкѣи (ар.), كزبرة).

Въ южной Палестинѣ маисъ разводится очень мало и въ полевой культурѣ мѣстныхъ феллаховъ почти неизвѣстенъ; европейцы разводятъ его на небольшихъ участкахъ какъ для зеленого корма такъ и для сѣмянъ. Мѣсто кукурузы въ лѣтнемъ клинѣ занимаютъ здѣсь сезамъ и сорго; зато въ Галилеѣ и въ Хоранѣ, кукуруза занимаетъ первое мѣсто. Здѣсь ее или

сѣютъ въ апрѣлѣ, какъ обыкновенное лѣтнее растеніе или, въ мѣстахъ богатыхъ водой, въ іюлѣ—августѣ послѣ снятія пшеницы. Тогда участки, предварительно поливаемые, вспахиваютъ вторично и, проводя борозды для поливки, сажаютъ въ нихъ сѣмена. Посѣянная такимъ образомъ кукуруза поспѣваетъ еще до начала дождей, съ наступленіемъ которыхъ высѣвается на томъ же участкѣ пшеница и т. д. Урожай въ такихъ мѣстахъ достигаютъ до 6.000 килло.

Кромѣ мѣстнаго потребленія кукуруза вывозится въ большихъ количествахъ за-границу. Какое мѣсто кукуруза занимаетъ среди прочихъ культуръ въ сѣверной Палестинѣ, видно изъ того, что въ одномъ бейрутскомъ вилаѣтѣ ежегодно собираютъ 389,000 гектол. стоимости въ 3.890,000 фр., а въ сирійскомъ (Дамаскъ, Хоранъ и проч.) 439,000 тоннъ на сумму въ 38.000.000 франковъ.

12) Рисъ (*Oryza sativa*, рисъ (ар.), 17).

Для полноты нашего очерка о воздѣлываніи въ странѣ полевыхъ растеній слѣдуетъ упомянуть о рисѣ, который разводится въ небольшихъ размѣрахъ въ одной только мѣстности Палестины, именно у Хули; такъ называется пространство на сѣверѣ отъ Меромскаго озера. Мѣстность эта чрезвычайно богата водою отъ рѣки Іордана и множества ключей, въ него впадающихъ, и представляетъ почти до половины лѣта одно сплошное болото; здѣсь-то сектанты метуали сѣютъ небольшія количества рису для мѣстнаго потребленія. Время посѣва мѣсяцы іюль-августъ, во врѣмя выростанія молодья рисовыя поля заливаются постоянно водою до полного соврѣванія. Время сѣмки обыкновенно—октябрь предъ самимъ началомъ дождей.

13. Арбузы (*Citrullus vulgaris*, батыхъ (ар.), 18).

Наконецъ, къ лѣтнимъ полевымъ растеніямъ принадлежатъ и арбузы, воздѣлываніе которыхъ на легкихъ песчаныхъ почвахъ играетъ такую же роль, какъ воздѣлываніе сезама или

дуры на тяжелыхъ болѣе плодородныхъ почвахъ. И такъ какъ легкія почвы большею частью встрѣчаются въ іудейской части Палестины, то здѣсь именно культура арбузовъ заняла видное мѣсто не только какъ огородное, но и какъ полевое растеніе. Арбузы разводятся на песчаныхъ, такъ называемыхъ, турмузовыхъ или ячменныхъ почвахъ, являясь отличнымъ предшественникомъ этихъ зимнихъ растеній. Способъ приготовленія почвы тотъ же, что и для всѣхъ лѣтнихъ растеній: многократная вспашка и тщательная очистка отъ сорныхъ травъ. Время посѣва арбузовъ двойное—ранній въ январѣ—февралѣ; такіа рано засѣянные бакчи даютъ уже плоды въ началѣ мая; и поздній посѣвъ въ апрѣлѣ, арбузы тогда поспѣваютъ въ сентябрѣ и сохраняются нерѣдко цѣлую зиму. Предъ посѣвомъ поле дѣлится на квадраты приблизительно въ 2—2½ метра, проводятся двойныя борозды вдоль и поперекъ; въ мѣстахъ пересѣченія бороздъ кладется по нѣсколько сѣмянъ арбуза, по всходѣ оставляютъ только два наиболѣе сильныхъ. Молодые баштаны продолжаютъ пахать два, три и болѣе разъ, до тѣхъ поръ пока есть возможность проходить плугомъ. Такимъ образомъ обработанный баштанъ даетъ отличный урожай; въ маѣ мѣсяцѣ уже появляются первые арбузы, которые черезъ недѣлю-двѣ покрываютъ все поле. Тогда приходится охранять баштаны отъ ночного нападенія шакаловъ, которые крайне любятъ арбузы и нападаютъ цѣлыми стадами на баштаны, утоляя здѣсь свой голодъ и жажду. Только дикіе крики, постукиванія въ жестянки и стрѣльба сторожей въ состояніи прогнать этихъ прожорливыхъ звѣрей.

Продаются арбузы въ странѣ или самими собственниками баштановъ, которые вывозятъ ихъ на верблюдахъ на рынки Яффы, Іерусалима, Бетлехема и др., или-же баштаны откупаются гуртомъ прибывающими изъ Египта откупщиками. Цѣны на арбузы подвергаются большимъ колебаніямъ и завясаютъ главнымъ образомъ отъ возможности большаго или меньшаго сбыта ихъ въ Александрію. Въ годы, когда дѣйствуетъ карантинъ, сбытъ меньше и наоборотъ. Въ среднемъ-же валовой доходъ

съ одного гектара арбузовъ колеблется между 200 и 300 франками; въ исключительныхъ случаяхъ онъ даетъ и до 400 франковъ. Такіе примѣры мы можемъ указать въ Хедерѣ и другихъ мѣстахъ.

Учетъ доходности палестинскаго полеводства.

Въ виду интереса, который представляетъ въ настоящее время вопросъ объ организаціи типа чисто-полевого хозяйства въ Палестинѣ, я постараюсь представить на основаніи всего вышеизложеннаго такъ же, какъ и на основаніи имѣющихся у меня данныхъ объ урожаяхъ изъ записныхъ книгъ различныхъ колонистовъ нашихъ земледѣльческихъ колоній, учетъ доходности такого хозяйства въ сравненіи съ прочими странами *).

I.

Колонія Кастини.

Урожай колонистовъ Финкельштейнъ и бр. Когонъ съ 300 дунамовъ.

	Колонистъ Финкельштейнъ.			Колонисты бр. Когонъ.		
	1897	1898	1899	1897	1898	1899
	Дохо	дн. въ	фр.	Дохо	дн. въ	фр.
Пшеница	840	2632	1800	1200	2565	2655
Сорго . .	50	50	135	25	87	120
Сезамъ . .	160	308	585	180	195	337
Бобы . .	—	—	110	—	—	40
Вика . .	45	60	—	57	68	110
Итого.	1095	3050	2630	1482	2915	3262

*) При всемъ желаніи привести все имѣющіяся у меня числа подъ одну форму, мнѣ въ виду трудности полученія всехъ цифровыхъ данныхъ, нельзя было этого исполнить. Я старался тѣмъ не менѣе привести все таблицы къ *одному* результату — валовой доходности одного дунама или одного гектара.

Средній валовой доходъ этихъ двухъ хозяйствъ за трехлѣтній періодъ составляетъ 2289 фр. съ 300 дунамовъ или 7,60 фр. съ дунама (83,60 фр. съ гектара).

II.

Колонія Хедера. *).

	Урожай 1897 г.				Урожай 1898 г.				Урожай 1899 г.			
	Дунамовъ.	Засѣяно жестинокъ.	Снято жестинокъ.	Стоимость въ франк.	Дунамовъ.	Засѣяно жестинокъ.	Снято жестинокъ.	Стоимость въ франк.	Дунамовъ.	Засѣяно жестинокъ.	Снято жестинокъ.	Стоимость въ франк.
Пшеница	30	26	240	480	30	26	210	420	58	48	365	730
Ячмень	50	49	485	485	62	60 ¹ / ₂	562	562	70	68	425	425
Нагутъ	18	5 ¹ / ₂	136	136	—	—	—	—	25	10	165	165
Турмусъ	—	—	—	—	25	23	110	100	40	38	110	100
Чечев.	—	—	—	—	—	—	—	—	10	1 ³ / ₄	18	54
Итогъ	98	—	—	1101	117	—	—	1082	203	—	—	1469

что составляетъ валовой доходъ съ дунама за 1897 годъ — 11,2 фр.; за 1898 г.—9,2 фр., за 1899 г.—7,2 фр., или средній за трехлѣтіе 9,2 фр. съ дунама, или 101,2 фр. съ гектара.

*) Въ Хедерѣ и во всей окрестности принята мѣра жестинокъ въ сомъ въ 18 килло (пшеницы); пять такихъ жестинокъ составляютъ тамошнюю кейлэ = 12 сая; цѣны такой кейлэ на мѣстѣ суть: для пшеницы 10—13 фр.; ячменя 5—6¹/₂ фр.; нагута 10—13 фр., чечевицы 16—17 фр. и турмуса 4—4,75 фр.

III.

Колонія Іесодъ - Гамаале.

Урожай колониста Варгафтига за 1898 годъ.

	Засѣяно гектаровъ.	Число мидь засѣяно.	Снято чи- сло мидь ¹⁾ .	Стоимость. въ пиастр- рахъ.
Пшеница . . .	8	90	700	7000
Ячмень	8	80	800	4800
Бобы и чечевица.	3	40	150 бобовъ 24 чечев.	1050 288
Нагутъ	7	40	140	1120
Итого.	26 ²⁾	—	—	14258 пиастровъ.

что составляетъ 9 франковъ съ дунама или 99 фр. съ гектара какъ валовой доходъ.

IV.

Колонія Зихронъ-Яковъ.

Урожай колониста Града за 1898, 1899 и 1900 годы.

(25 гектаровъ).

	Урожай 1898 г.				Урожай 1899 г.				Урожай 1900 г.				
	Засѣяно гектаровъ.	Число кейлъ.	Снято кейлъ	Стоимость урожа.	Засѣяно гектаровъ.	Число кейлъ.	Снято кейлъ	Стоимость урожа.	Засѣяно гектаровъ.	Число кейлъ.	Снято кейлъ	Стоимость урожа.	
Пшеница	8	16	160	} 2370	8	16	171 ^{1/2}	} 2214	8	16	134	} 1240	
Ячмень	4 ^{1/2}	13 ^{1/2}	152		4 ^{1/2}	13 ^{1/2}	142		4 ^{1/2}	13 ^{1/2}	60		
Вика	3	10 ^{1/2}	100		3 ^{1/2}	11	37 ^{1/2}		3 ^{1/2}	11	42		
Чечев.	1/2	3/4	9 ^{1/2}		Фр. 1	1 ^{1/2}	14 ^{1/2}		Фр. 1	1 ^{1/2}	7		Фр.
Нагутъ	9	7	74 ^{1/2}		8	6	58		8	6	61		

¹⁾ 1 мидь = 1/2 кейлъ или около 18 килло; меджидія равна 23 пиастрамъ.

²⁾ Изъ 30 гектаровъ одинъ подъ огородъ и дворъ, три остались на отдыхъ и 26 были засѣяны.

что составляет средній валовой доходъ за три года съ 25 гектаровъ по 1958 фр. или 78 фр. съ гектара ¹⁾, 7,10 фр. съ дунама.

Къ этимъ доходамъ въ запискѣ Града указаны общія цифры расходовъ на оперъ, на сѣмена и наемный трудъ для нѣкоторыхъ работъ за 1898 годъ 1030 фр., за 1899 г.—984 фр. и за 1900 г.—725¹/₂ франка.

Изъ этихъ уже данныхъ, взятыхъ изъ хозяйствъ различныхъ районовъ за нѣсколько лѣтъ, мы можемъ составить себѣ приблизительно валовой доходъ одного гектара полевого хозяйства въ Палестинѣ. Эти цифры суть для:

Кастини . .	съ 1 дун.	7,60 фр.	или съ 1 гектара	— 83,60 фр.
Хдеры . . .	> > >	9,20 >	> > >	> —101,20 >
Иесодъ Гамале съ	> >	9,00 >	> > >	> — 99,00 >
З. Яковъ . .	> > >	7,10 >	> > >	> — 78,00 >
или средн. дох. съ 1 дун.		8,20 фр.	или 90,20 фр.	съ гектара.

Такимъ образомъ можно составить приблизительноную таблицу доходности *чисто*-полевого хозяйства въ 300 дунамовъ при обычной системѣ, до сихъ поръ практикующейся, безъ особыхъ улучшеній. Для 300 дун. на зимніе и лѣтніе посѣвы, мы можемъ рассчитывать получить:

со 100 дун. пшеницы въ средн. по 2 ¹ / ₂ кейлѣ	—250 кейлѣ по 4 ¹ / ₂ фр.	—1125 фр.
съ 50 „ ячменя „ „ „ 4 „	—200 „ „ 2 ¹ / ₂ „	— 500 „
со 100 „ сорго „ „ „ 3 „	—300 „ „ 2 ¹ / ₂ „	— 750 „
съ 50 „ сезама „ „ „ 6 окъ „	—300 „ „ 0,40 „	— 120 „

Всего валового дохода съ урожая 2495 фр.

что и составляет средній доходъ 8,20 фр. съ дунама.

Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣютъ вмѣсто сезама нагутъ или вмѣсто ячменя бобы и проч., но тѣмъ не менѣе *въ общемъ*, какъ мы видѣли изъ различныхъ примѣровъ, валовая доходность гектара остается та же самая.

Попытаемся теперь сдѣлать учетъ *чистаго* дохода.

¹⁾ Средній урожай съ десятины напр. Самарской губерніи считается по 40 пуд. по 75 коп. пудъ, что составляет 30 руб. или 80 фр. (см. Журн. С. Х. и Лѣс. 1894 г. т. II).

Для этого мы посмотримъ, что собственно остается палестинскому земледѣльцу для продажи?

Въ нашемъ примѣрѣ онъ снимаетъ съ 300 дун. посѣв-ныхъ: 250 кейлъ пшеницы, 200 кейлъ ячменя, 300 кейлъ сорго и 300 окъ сезама. Изъ нихъ онъ отдаетъ:

за ошеръ 15% ¹⁾	Сѣмена	На пр. семьи.	На корм. скота.	Всего
съ пшен. 37½ кейлъ	50 к.	36 к.	—	123½ к.
съ ячменя 30 »	25 к.	— к.	120 ²⁾	175 к.
съ сорго 45 »	10 к.	— к.	144 ³⁾	199 к.
съ сезама 45 »	10 окъ.	— к.	—	55-окъ,

остается такимъ образомъ для продажи:

250 — 123½ пшеницы или 126½ к. по 4½ фр.	— 789,00 фр.
200 — 175 ячменя или 25 кейлъ по 2½ фр.	— 62,00 фр.
300 — 190 сорго или 110 кейлъ по 2½ фр.	— 252,00 фр.
300 — 55 окъ сезамъ или 245 окъ по 0, фр.	— 98,00 фр.

1202,00 фр

Съ этой суммы слѣдуетъ отсчитать расходы на наемъ рабочихъ, на починку и приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій, ремонтъ помѣщенія и непредвидѣнныя статьи до 200 фр. — остается такимъ образомъ чистый доходъ въ 1000 фр., которые были бы достаточны для колониста на всѣ прочіе домашніе расходы.

Но тутъ являются иныя статьи расходовъ палестинскихъ еврейскихъ колоній, о которыхъ въ Европѣ земледѣльческое сословіе мало имѣетъ понятія и безъ которыхъ существованіе здѣсь невозможно. Это, во-1-хъ, государственные налоги кромѣ ошеръ, какъ аскарія, верко, дарбіе и проч., и, во-2-хъ, такъ называемые общественные расходы; состоящіе въ содержаніи школы, рѣзника, фельдшера, аптеки, полевыхъ сторожей,

¹⁾ Собственно законный ошеръ считается 12½%, но во многихъ мѣстахъ онъ доходитъ до 20 и 25%; для средняго разчета я считаю 15%.

²⁾ По 10 кейлъ ячменя на одну лошадь, составляющую, какъ мы видимъ, необходимость въ каждомъ хозяйствѣ палестинскаго колониста-европейца.

³⁾ На содержаніе трехъ воловъ по 3 кейла вики, эквивалентной 6 кейл. сорго за 8 рабочихъ мѣсяцевъ, составляютъ 72 кейла вики равныхъ по стоимости приблизительно 144 сорго.

экстренныхъ случаевъ болѣзни и проч. Эти расходы доходятъ повсюду отъ 400 до 500 фр. на семью!

Въ колоніи Кастини, напр., общественные расходы выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: школа—1500 фр.; верко, аскарія—1700 фр.; фельдшеръ, аптека, рѣзникъ, сторожа—5000 фр.; непредвидѣнные расходы—1300 фр.; всего 9500 фр. на 20 семействъ или 475 фр. на колониста.

Это и составляетъ главную причину невозможности существованія нашихъ земледѣльцевъ въ томъ случаѣ, когда всѣ государственные и общественные расходы уплачиваются ими самими.

Не только нашъ колонистъ, бывшій горожанинъ, старающійся только *стать* земледѣльцемъ, не въ состояніи прожить 5—6 стами франковъ въ годъ, при палестинскихъ еще климатическихъ условіяхъ, но и природный пахарь, напр., въ Россіи, еле можетъ просуществовать такимъ ничтожнымъ доходомъ *).

Что этотъ чистый доходъ составляетъ средній съ надѣла въ 300 дунамовъ полевого хозяйства при условіяхъ вычета *всѣхъ* расходовъ, это мы можемъ доказать учетными листами многихъ десятковъ хозяйствъ всѣхъ нашихъ земледѣльческихъ

*) Что палестинское полеводство стоитъ по доходности даже выше напр. русскаго, не будь только этихъ обременительныхъ государственныхъ и общественныхъ налоговъ, можно видѣть изъ слѣдующаго встрѣченнаго мною примѣра аналогичнаго крестьянскаго хозяйства с. Пономаревки Самарской губ. и описаннаго г. Постниковымъ въ журналѣ С. Хов. в Лѣс. за 1894 г. стр. 293:—Владѣя 30 десятинами семья получаетъ всего 790 р. (или 69 фр. вмѣсто 90 фр. съ десятинами). Изъ этого количества хлѣбовъ остается для продажи всего хлѣбовъ на сумму 414 р. 25 к. Это будетъ валовымъ денежнымъ доходомъ семьи, изъ котораго за вычетомъ приблизительно 300 руб. на домашній и хозяйственный обиходъ, у семьи остается еще сбереженіе въ 100 руб. Итакъ мы видимъ, что урожайность стоитъ у насъ выше, но *чистаго* дохода остается нашему земледѣльцу меньше даже, нежели самарскому крестьянину, который къ собственному хлѣбу расходуетъ ежегодно 300 руб. на красный товаръ, чай, сахаръ, деготь, мясо, сало и проч. Кстати объ этихъ 300 руб., ежегодно расходуемыхъ самарской мужицкой семьей въ 6 душъ. Это составляетъ по 50 р. на душу или 130 фр. въ годъ или около *11 фр.* на душу въ мѣсяцъ; а по мнѣнію нѣкоторыхъ колонизаторовъ палестинскому колонисту достаточно 10 фр. Такая норма и принималась въ нѣкоторыхъ колоніяхъ.

колоній въ Палестинѣ, которые привести здѣсь было бы слишкомъ обременительно.

Улучшить и поставить въ нормальное положеніе палестинское земледѣльческое хозяйство можно обезпеченіемъ его отъ тяжести налоговъ и общественныхъ расходовъ, непосильныхъ средствамъ земледѣльца, а затѣмъ введеніемъ болѣе рациональной интенсивной культуры и, что всего главнѣе, введеніемъ *смѣшаннаго* типа хозяйствъ, гдѣ хлѣбопашество велось бы рядомъ съ небольшимъ садоводствомъ или иными отраслями.

Если смѣшанное хозяйство и въ европейскихъ странахъ прочнѣе другихъ, то въ Палестинѣ съ ея благодарнымъ климатомъ и равнообразной почвой оно является особенно удобной для хозяйства-практика.

Вопроса о томъ, какъ должно быть организовано такое хозяйство, и во что приблизительно должно обойтись устройство его—я коснусь въ одной изъ слѣдующихъ моихъ статей.

Старый Палестинецъ.

Еврейскія общественныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ въ ихъ историческомъ развитіи.

Статья третья.

Начальныя училища и хедеры.

До послѣдней четверти XVIII вѣка въ Польшѣ, какъ впрочемъ и въ другихъ странахъ Европы, правительство не заботилось о привлеченіи евреевъ къ мѣстной гражданственности и распространеніи среди нихъ общаго образованія. Несмотря на болѣе чѣмъ шестисотлѣтнее пребываніе евреевъ въ Польшѣ, на значительную ихъ численность и сильное ихъ вліяніе на торговлю и промышленность, слѣдовательно и на культуру края, на нихъ, ко времени раздѣла Польши, продолжали еще смотрѣть, какъ на чужестранцевъ. Точно такъ же смотрѣли поляки и на вѣмцевъ, поселившихся среди нихъ въ разныя времена въ особенности послѣ татарскаго нашествія, и занимавшихся въ городахъ торговлею, а въ деревняхъ земледѣліемъ. При отсутствіи въ населеніи старой Польши, состоявшемъ изъ пановъ и хлопцовъ, средняго сословія, евреи и вѣмцы пополняли собою весьма ощутительный пробѣлъ и составляли очень важный элементъ въ экономической жизни края. Для привлеченія этихъ народностей и обезпеченія ихъ отъ враждебно настроенныхъ къ нимъ мѣстныхъ учрежденій, каждой изъ нихъ была предоставлена особая юрисдикція: вѣмцамъ—Магдебургское право, а евреямъ—раввинскій судъ; тѣ и другіе пользовались своими автономными управленіями: у вѣмцевъ—магистратъ, а у евреевъ—кагалъ; та и другая вѣроисповѣдная или національная группа населенія пользовались также неограниченною свободою въ дѣлѣ воспитанія юношества. Последнее прямо

вытекало изъ взгляда поляковъ, какъ и многихъ другихъ католическихъ народовъ, на школу, какъ на учрежденіе, преимущественно религиозное. Польскія школы до начала XIX вѣка, т. е. до изданія „Постановленій Эдукаціонной Комисіи“ (въ 1808 году), въ деревняхъ и мѣстечкахъ, состоявшихъ на такъ наз. „школьномъ правѣ“, были всѣ церковно-приходскими и находились въ вѣдѣніи католическаго духовенства. Учителя этихъ школъ назначались мѣстными приходскими священниками, которые обыкновенно назначали на ихъ содержаніе часть своихъ десятинъ¹⁾. Такія же приходскія школы существовали при евангелическихъ киркахъ и находились въ вѣдѣніи пасторовъ; преподаваніе въ этихъ школахъ производилось на нѣмецкомъ языкѣ „канторами“ киркъ, почему онѣ и назывались „канторатскими“. При такомъ взглядѣ на школу, исключительно вѣроисповѣдный характеръ польско-еврейскихъ школъ (хедеверт, талмудъ-торъ и іешивъ), о коихъ мы говорили въ первой нашей статьѣ, былъ въ старой Польшѣ въ порядкѣ вещей и не вызывалъ никакихъ нареканій, хотя всетаки между христіанскими и еврейскими школами въ гражданскомъ и культурномъ отношеніяхъ была большая разница: языкъ преподаванія въ католическихъ школахъ былъ польскій, въ евангелическихъ нѣмецкій, т. е. языкъ, хотя иностранный, но европейскій, языкъ сосѣдней культурной страны, съ которою Польша находилась въ близкихъ сношеніяхъ; впрочемъ, впоследствии нѣмецкіе колонисты въ Польшѣ сами, безъ вѣшняго побужденія, для своей же пользы, ввели въ кругъ преподаваемыхъ въ этихъ школахъ предметовъ и польскій языкъ; кромѣ того въ тѣхъ и другихъ преподавались и свѣтскіе предметы, какъ напр. ариметика и чистописание. Въ еврейскихъ же школахъ языкомъ преподаванія былъ чужеземный жаргонъ, а предметы преподаванія—исключительно религиозныя; общеобразовательный же элементъ въ этихъ школахъ совершенно отсутствовалъ. Посѣщеніе евреями христіанскихъ школъ не только не поощрялось правительствомъ, но, напротивъ того, строго воспрещалось²⁾. Впрочемъ, при узко-вѣроисповѣдномъ характерѣ этихъ школъ носѣщеніе ихъ было немислимо для евреевъ. Такого же характера былъ и основанный въ 1400 году Ягай-

¹⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Відомство Просвѣщенія. Томъ I. Варшава. 1886 г., стр. 2.

²⁾ Чацкій, Rosprawa o Zydach, стр. 99.

ломъ Краковскій университетъ, а также открытыя впоследствии во многихъ городахъ среднеучебныя заведенія, считавшіяся приготовительными отдѣленіями Ягеллоновскаго университета, состоявшаго въ вѣдѣніи Краковскаго епископа и слушатели котораго обязаны были носить священническую одежду. Что евреи не могли бы пользоваться этими школами, еслибы даже не встрѣчали въ этомъ препятствія со стороны иѣстнаго закона,—разумѣется само собою, тѣмъ болѣе, что воспитанники этихъ школъ, какъ въ Краковѣ, такъ и въ провинціи, отличались крайнею нетерпимостью къ евреямъ. Пользуясь широкою свободой и неподсудностью свѣтской власти, «школьники», науськиваемые своими учителями, всендзми-іезуитами, часто дѣлали набѣги на еврейскіе кварталы и производили въ нихъ разбои и грабежи. Отъ этихъ набѣговъ евреи, въ городахъ, гдѣ существовали такія школы, должны были откупаться внесеніемъ особой платы въ пользу школъ, известной подъ именемъ „judaica“. Впоследствии эта подать была возложена на всѣхъ евреевъ Рѣчи-Посполитой. Однако-жъ и это средство оказалось недѣйствительнымъ: „набѣги школьниковъ“ не прекращались, и вплоть до 60-хъ годовъ 19-го столѣтія служили истинъ бичемъ для евреевъ Царства Польскаго¹⁾.

Устраненные законами страны отъ участія въ государственной и общественной жизни, оттолкнутые окражающею средою и предоставленные самимъ себѣ, польскіе евреи въ отведенныхъ имъ тѣсныхъ кварталахъ мало имѣли возможности, да и побудительныхъ причинъ къ усвоенію иѣстной культуры. Съ другой стороны, изученіе еврейскаго языка, Св. Писанія и талмудической письменности не только составляло для евреевъ религиозную обязанность, но и находило себѣ практическое примѣненіе въ обыденной жизни, въ виду дарованныхъ имъ автономнаго общиннаго управленія и собственныхъ судебныхъ учреждений, во всемъ руководствовавшихся законами талмуда. Все это, а также присущая евреямъ любовь къ знанію, имѣло своимъ послѣдствіемъ сильное развитіе школьнаго дѣла среди польскихъ евреевъ. Къ сожалѣнію, направленіе этихъ школъ было крайне одностороннее. Ограничиваясь одними только богословскими предметами и огораживая себя отъ всякихъ постороннихъ вліяній и внѣшнихъ вѣяній, школы эти совершенно

*) Исторія евреевъ Нуссбаума, т. V стр. 69.

окаменѣли, стали чуждыми окружающей жизни и содѣйствовали все большому и большому отдаленію еврейства отъ всего остального міра, а еврейской мысли и чувства отъ народившихся въ западной Европѣ новыхъ идей и стремленій. Во вторую половину 18-го вѣка среди германскихъ евреевъ проявляется сильное просвѣтительное движеніе, произведшее съ изумительною быстротою переворотъ во всѣхъ областяхъ еврейской жизни; изъ Германіи реформаторское движеніе перешло въ Австрію и Италію. Только въ наглухо закуповренное польско-еврейское гетто оно не могло проникнуть. За-то въ это же время проникло туда изъ Подолія другое, противоположное первому, движеніе. Я говорю о возникшемъ во второй половинѣ 18-го вѣка хасидизмъ, выродившемся скоро въ цаддикизмъ и нанесшемъ польскому еврейству глубокія раны, отъ которыхъ оно и по сіе время не вылѣчилось. Если раввинизмъ грѣшилъ чрезмѣрною щепетильностью въ обрядовой части религіи, если раввинскія школы своими умозощряющимъ методомъ („пилпуть“) и исключительно-богословскою программою устранили евреевъ отъ участія въ умственной дѣятельности просвѣщенной Европы, притупили въ нихъ чувство прекраснаго въ поэзіи и жизни, а умъ ихъ лишили простоты и ясности, то пророки хасидизма, основаннаго на вѣрѣ и чувствахъ, вскорѣ дошли до полного отрицанія ума и здраваго смысла и ввергли своихъ адептовъ въ крайнее суевѣріе и сильный фанатизмъ. Мѣсто схоластики заняли каббалистическія бредни; авторитетъ раввиновъ былъ поколебленъ; всевластію кагала нанесенъ былъ сильный ударъ; но вмѣстѣ съ ними исчезли и порядокъ, дисциплина и единство въ еврейскихъ общинахъ. Къ постоянной борьбѣ съ внѣшними врагами прибавилась междуособная война партій хасидовъ и жаснагидовъ (анти-хасидовъ), а также различныхъ толковъ хасидизма между собою, не пренебрегавшихъ никакими средствами для взаимнаго преслѣдованія и униженія. Такимъ образомъ польско-еврейское общество конца 18-го вѣка представляло собою въ мініатюрѣ то же безначаліе, ту же внутреннюю разрозненность при внѣшнемъ давленіи, тотъ же упадокъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, конни отличалось все польское государство.

Первый раздѣлъ Польши и послѣдовавшія за нимъ внутреннія неурядицы привели лучшихъ людей Рѣчи Посполитой къ созна-

нiю необходимости коренного переустройства всего государственнаго здания, средне-вѣковыя устои котораго обветшали, сгнили и грозили ежеминутно совершеннымъ крушенiемъ, и депутаты на *четырёхлѣтнемъ сеймѣ* (1788—1792 г.) приступили къ уложенiю новой конституцiи, долженствовавшей объединить разрозненные члены государственнаго организма для общей дружной дѣятельности. Необходимымъ условiемъ для этого внутренняго объединенiя признано было осуществленiе установленнаго въ это же время во Францiи принципа „одинаковья для всѣхъ гражданъ обязанности и одинаковья же для всѣхъ права“, при чемъ могучимъ средствомъ для сплоченiя разнородныхъ частей населенiя признана была школа, основанная на народныхъ началахъ. Исходя изъ этой точки зрѣнiя, народные представители не могли оставить безъ серьезнаго вниманiя евреевъ, составлявшихъ восьмую часть всего населенiя, и аномальное, исключительное положенiе коихъ больше всего давало себя чувствовать. Еврейскiй вопросъ такимъ образомъ впервые подвергся въ Польшѣ *всестороннему* обсужденiю, — въ видахъ *государственной необходимости*. Внесенные по этому вопросу проекты Вутримовича, Чацкаго, Езерскаго, Коллонтая, Станислава Августа Понятовскаго и др. единогласно требовали уничтоженiя еврейскаго „status in statu“ посредствомъ подчиненiя евреевъ общей администрацiи и судопроизводству края, уравненiя ихъ въ правахъ съ прочими гражданами и распростра-ненiя среди нихъ общаго образованiя.

Улучшенiю воспитанiя евреевъ Вутримовичъ въ своемъ сочиненiи „Sposob uformowania zydow w Polsce“ придаетъ большое значенiе, но не указываетъ никакихъ мѣръ для привлеченiя евреевъ къ общему образованiю, полагая, что всякiя принудительныя мѣры въ этомъ отношенiи излишни. „Стоитъ только, говорить онъ, признать евреевъ гражданами прiютившаго ихъ края, — и они полюбятъ его; слѣдуетъ только не препятствовать евреямъ въ прiобрѣтенiи общечеловѣческаго образованiя, — и они не будутъ чуждаться его.“

Проектъ улучшенiя быта евреевъ, составленный извѣстнымъ польскимъ ученымъ Фаддѣемъ Чацкимъ, предлагаетъ также дарованiе евреямъ полныхъ гражданскихъ правъ, при чемъ онъ вѣнчаетъ имъ въ обязанность посѣщенiе общественныхъ школъ, рекомендуя при этомъ, если не прямыя, то косвенныя принуди-

тельныя иѣры: еврей, не имѣющій свидѣтельства объ окончаніи курса общественнаго начальнаго училища, долженъ быть лишень права занимать раввинскую или какую бы то ни было общественную должность и права голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Далѣе, проектъ Чацкого требуетъ обложить такихъ лицъ изъ евреевъ податью въ двойномъ размѣрѣ, лишить ихъ права приобрѣтенія недвижимостей и полученія субсидій отъ правительства при учрежденіи фабрикъ и т. п.

Станиславъ-Августъ Понятовскій въ своемъ проектѣ предлагаетъ открытіе во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ при синагогахъ польскихъ школъ, по программѣ, которая имѣеть быть составлена Эдукаціонною Коммисією. Никакой еврейскій юноша не долженъ быть допущенъ къ изученію талмуда, пока не окончитъ курса начальнаго училища. Для полученія разрѣшенія на вступленіе въ бракъ еврей долженъ предъявить свидѣтельство въ томъ, что въ общественной школѣ или на дому усвоилъ себѣ достаточное знаніе польскаго языка. Предполагалось также установить образовательный цензъ для преподавателей еврейскихъ школъ; въ видахъ же устраненія недостатка среди евреевъ въ педагогахъ-специалистахъ, открытъ на счетъ еврейскихъ общинъ при Краковскомъ университетѣ еврейскую учительскую семинарію.

Всѣ эти проекты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что въ просвѣщенныхъ сферахъ тогдашней Польши, вслѣдствіе горькаго опыта, а также подъ влияніемъ ученія энциклопедистовъ и событий, происшедшихъ во Франціи, произошелъ радикальный поворотъ въ понятіяхъ о государствѣ, правѣ, гражданственности и народномъ образованіи. Всѣ усилія, однако же, передовыхъ людей того времени были напрасны; добрыя ихъ намѣренія явились слишкомъ поздно: наступившіе вскорѣ 2-ой и 3-ій раздѣлы Польши лишили либеральную *«конституцію третьяго мая»* всякаго реальнаго значенія.

Въ отошедшей къ Пруссіи, по 3-ему раздѣлу, части Польши съ главнымъ городомъ Варшавою, положеніе евреевъ значительно улучшилось. Между прочимъ Прусское правительство въ 1795 году разрѣшило евреямъ жительство въ Варшавѣ и ея округѣ, куда они не имѣли доступа въ теченіе 225 лѣтъ (по привиллегіи, данной кородемъ Сигизмундомъ-Августомъ городу Вар-

шавъ въ 1570 г.). Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III-й обратилъ также вниманіе на народное воспитаніе евреевъ. Въ обнародованномъ этимъ государемъ 17 апрѣля 1797 года актѣ подъ заглавіемъ „*Общее устройство евреевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ провинціяхъ*“, имѣются весьма замѣчательныя по своей обдуманности постановленія объ устройствѣ воспитанія евреевъ, которыя мы здѣсь приводимъ цѣликомъ:¹⁾

Отдѣлъ IV § 13. „Воспитаніе и обученіе юношества ведется въ настоящее время чрезвычайно неудовлетворительно. Родители поручаютъ по большей части своихъ дѣтей домашнимъ учителямъ, которые, не зная сами ничего, кромѣ своего закона Божія и еврейской грамоты, и будучи во всѣхъ другихъ необходимыхъ и полезныхъ наукахъ совершенными невѣждами, не учають ничему больше и своихъ учениковъ. Даже ученики, желающіе продолжать свое образованіе, останавливаются на мѣстахъ своего богословія и связанныхъ съ нимъ гражданскихъ и обрядовыхъ законахъ, которыми они обучаются у пользующихся славой ученыхъ по этимъ предметамъ; вслѣдствіе этого они ни самимъ себѣ, ни обществу не приносятъ дѣйствительной пользы“.

„Для устраненія этихъ недостатковъ, въ городахъ наиболѣе для этого удобныхъ, а въ особенности тамъ, гдѣ находятся синагоги, учреждаются особныя еврейскія училища.

а) Учителя этихъ училищъ назначаются правительствомъ и отъ него получаютъ жалованье.

б) На мѣсто учителей назначаются только такія лица, которыя не только хорошо знаютъ еврейское богословіе и въ этомъ отношеніи пользуются довѣріемъ евреевъ своего города, но умѣютъ

¹⁾ Приведенный здѣсь отрывокъ напечатанъ въ „Сборникѣ администр. постанов. Царства Польскаго“ (Вѣдомство Просвѣщенія, стр. 616—620. Т. I). На это же „Положеніе“ ссылается Гр. Киселевъ въ своей запискѣ „Объ устройствѣ евр. народа въ Россіи“, сообщенной С. М. Дубовымъ въ апрѣльскій кн. Восхода за 1901 г. стр. 38. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности ознакомиться съ полнымъ текстомъ этого замѣчательнаго историческаго документа. Странно то, что гр. Киселевъ на основаніи этого „Положенія“ говорить о преобразованіи собственно *прусскихъ* евреевъ, тогда какъ изъ написаннаго нами заглавія его видно, что оно относилось лишь къ евреямъ въ южныхъ и юго-восточныхъ, т. е. *польскихъ* провинціяхъ. Не менѣе удивительно и то, что о такомъ выдающемся событіи (сообщенномъ гр. Киселевымъ на основаніи Положенія 17 апрѣля 1797 года), какъ раздѣленіе прусскихъ евреевъ на разряды и выселеніе немущихъ евреевъ въ польскія области, Гретцъ, отмѣчавшій въ своей исторіи всѣ скольконибудь замѣчательныя факты изъ жизни нѣмецкихъ евреевъ, ничего не упоминаетъ.

и писать по нѣмецки и по польски и знаютъ начала ариметики. Всѣ эти предметы и составляютъ курсъ наукъ училища.

с) Если-бы на первое время не оказалось въ краѣ такихъ учителей и нельзя было-бы вызвать таковыхъ изъ другихъ королевскихъ провинцій, то пока училища не могутъ быть снабжены способными учителями, о коихъ говорится въ настоящемъ § буква в,—слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ способный христіанскій учитель училъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю еврейскихъ учениковъ въ ихъ училищѣ читать и писать по польски и по нѣмецки, а также обучалъ счисленію, или чтобъ еврейскіе ученики обучались этому въ назначенные для этого часы въ христіанскомъ училищѣ и, наравнѣ съ христіанскими учениками, приобрѣтали бы эти свѣдѣнія и знанія.

д) Такъ какъ евреи не имѣютъ еще порядочной начальной книги, которая могла бы служить для обученія юношества Закону Божию и связаннымъ съ нимъ наукамъ, то будутъ приняты мѣры къ составленію такой книги, а именно такимъ образомъ, чтобъ она заключала въ себѣ изложеніе не только самаго Закона Божія, но и неразрывно съ нимъ связанныхъ и изъ каждой религіи вытекающихъ правилъ жизни и обязанностей по отношенію къ лицамъ ихъ вѣроисповѣданія, высшей государственной власти, къ самимъ себѣ и ко всѣмъ людямъ вообще. Эта начальная книга, которая въ видахъ распространенія нѣмецкаго языка, будетъ составлена на нѣмецкомъ языкѣ, по разсмотрѣніи и одобреніи ея религіозной части людьми, свѣдущими въ этомъ дѣлѣ, будетъ введена во всѣхъ еврейскихъ училищахъ.

е) Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ общественныя еврейскія училища, евреи обязаны посылать своихъ дѣтей въ училища, еврейскіе-же, живущимъ въ деревняхъ или въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ училищъ, дозволяется держать для своихъ дѣтей частныхъ, т. е. домашнихъ учителей.

§ 14. „Еврейскія общественныя училища должны находиться не только подъ надзоромъ раввина и представителей еврейскаго общества, но и подъ наблюденіемъ и въ завѣдываніи мѣстнаго учебнаго начальства“.

§ 15. „Такъ какъ дочерямъ не нужно такихъ знаній, какъ сыновьямъ, то въ училищахъ кромѣ необходимо-нужныхъ свѣдѣній, дѣвочки должны обучаться у искусныхъ женщинъ шить, прать,

вязать иглой, класть заплаты, а также и другия женскія рукодѣлія, чтобы таковыи зароботкомъ онѣ могли помогать родителямъ своимъ, а въ случаѣ выхода замужъ—и мужу и дѣтямъ своимъ“.

Какъ видно изъ этого официальнаго документа, Прусское правительство вполне серьезно приступило къ упорядоченію школьнаго дѣла евреевъ во вновь приобрѣтенныхъ Польскихъ земляхъ. Въ сожалѣнію, однакожъ и этимъ столь мудрымъ постановленіемъ короля Фридриха Вильгельма не суждено было осуществиться, такъ какъ вниманіе прусскаго правительства скоро было отвлечено отъ внутреннихъ вопросовъ вѣшними политическими событіями, въ виду побѣдоносныхъ походовъ Наполеона I-го, нанесшаго смертельныя удары многимъ европейскимъ государствамъ. Въ 1807 году Наполеонъ, разбивъ на голову Прусскаго короля, основалъ Великое Княжество Варшавское, привилъ его управленію принципы великой революціи и уравнилъ въ правахъ всѣхъ его гражданъ, въ томъ числѣ и евреевъ. Но избранный Наполеономъ великій князь Варшавскій, Фридрихъ-Августъ Саксонскій, не отрицая въ принципѣ за евреями права на всѣ благодѣянія, вытекающія изъ новаго строя государства, нашелъ однако дарованіе евреямъ равноправія преждевременнымъ и декретомъ отъ 17 октября 1808 года приостановилъ дѣйствіе закона объ эмансипаціи евреевъ на десять лѣтъ, „въ надеждѣ“, какъ сказано въ этомъ декретѣ, „что за это время отличающіе евреевъ отъ другихъ жителей страны нравы и обычаи будутъ устранены“¹⁾.

Въ томъ же 1808 году были обнародованы „Постановленія Эдукаціонной комиссіи объ устройствѣ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“. Составители этого

¹⁾ См. Нуссбаумъ, Исторія евреевъ въ Польшѣ стр. 378. Напрасно однакожъ видитъ Нуссбаумъ въ декретѣ князя Варшавскаго отъ 17 октября 1808 г. отступленіе отъ французскаго закона о равноправіи всѣхъ гражданъ, ибо декретъ 17 октября есть копія декрета Наполеона отъ 17 марта 1808 г., значительно ограничивающій права французскихъ евреевъ тоже на 10 лѣтъ и тоже въ надеждѣ, что послѣ этого срока „не будетъ существовать разницы между еврейскими и французскими подданными“, съ прибавленіемъ, что въ противномъ случаѣ правительство представляетъ себѣ продолжать дѣйствіе декрета на время, какое будетъ признано нужнымъ. (См. Grätz Volkstümliche Geschichte der Juden T. 3 стр. 650, и также записку графа Киселева въ статьѣ г. Дубова „Историческія сообщенія“. (Книжка Восхода за апрѣль 1901 г. стр. 40).

замѣчательнаго государственнаго акта впервые въ Польшѣ взглянули на школы, не какъ на заведенія церковныя, кастовыя, а какъ на учрежденія всеобщія, какъ на разсадники необходимыхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа безъ различія вѣроисповѣданія и національности. Приводимъ здѣсь нѣкоторые пункты „Постановленій эдукаціонной комисіи“, наиболѣе опредѣляющіе характеръ этихъ постановленій, а главное отношеніе ихъ къ евреямъ.

§ 1. Ни одинъ городъ, мѣстечко и деревня не могутъ оставаться безъ необходимаго для нихъ училища.

§ 2. Ни одно дитя, какого бы ни были вѣроисповѣданія его родители, не отстраняется отъ этого училища.

§ 6. Всѣ жители города или деревни, къ какому сословію бы ни принадлежали, составляютъ такъ называемое училищное общество.

§ 7. Попеченіе и надзоръ надъ училищемъ принадлежатъ Совѣту того же общества, подъ именемъ училищнаго дозора, состоящаго во 1-хъ, изъ владѣльца имѣнія или его уполномоченнаго, во 2-хъ приходскаго священника, въ 3-хъ евангелическаго пастора, гдѣ таковой есть, въ 4-хъ бургомистра или войта и изъ одного или двухъ мѣстныхъ хозяевъ.

§ 14. Издержки на постройку училищнаго дома и на снабженіе училища необходимыми принадлежностями несутъ всѣ жители, составляющіе училищное общество, безъ различія состояній и исповѣданій.

§ 19. Въ уплату жалованья учителю составляется складка, въ которой участвуютъ всѣ хозяева и жители, занимающіеся торговлею и ремеслами, или владѣющіе участкомъ земли, какъ семейныя, такъ и бездомныя, безъ различія сословій и исповѣданій, а потому и хозяева-евреи должны участвовать въ этой складкѣ.

§ 27. Всѣ члены училищнаго общества обязаны посылать своихъ дѣтей въ училище, за исключеніемъ тѣхъ, коихъ дѣти воспитываются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 31. Училищный дозоръ обязанъ наблюдать, чтобы всѣ родители посылали своихъ дѣтей въ училище, не уклоняясь ни подъ какими предлогами ¹⁾).

¹⁾ Сборникъ админ. Постановленій Царства Польскаго, Вѣдомство просвѣщенія. Томъ 1, стр. 16—26.

Изъ обнародованнаго въ томъ же году „регламента для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе параграфы.

§ 27. Хотя учитель обязанъ преподавать опредѣленные предметы вообще, а законъ Божій преподается священникомъ каждаго вѣроисповѣданія въ частности, однако эдукационная палата опредѣляетъ въ должности учителей въ мѣстахъ съ исключительно католическимъ населеніемъ католиковъ, въ мѣстахъ же съ исключительно евангелическимъ—евангеликовъ.

§ 28. Города и деревни признаются исключительно католическими или исключительно евангелическими, когда во время опредѣленія учителя лишь четвертая часть жителей принадлежитъ къ другому вѣроисповѣданію ¹⁾.

Итакъ, законъ 1808 года, какъ видно изъ приведенныхъ статей его, впервые уравниваетъ евреевъ Царства Польскаго съ остальнымъ населеніемъ въ отношеніи начального образованія. Уравненіе это однакожь было далеко не полное. Въ составъ училищнаго дозора входятъ духовныя лица существующихъ вѣроисповѣданій, кромѣ еврейскаго, а при назначеніи учителей мѣстности признаются исключительно католическими или исключительно евангелическими, смотря по тому, какое изъ этихъ вѣроисповѣданій въ нихъ преобладаетъ, при чемъ совершенно не принимаются во вниманіе евреи, составляющіе во многихъ городахъ и мѣстечкахъ огромное большинство населенія. О преподаваніи же еврейскаго закона Божія и еврейскаго языка въ школахъ этихъ, куда евреи по смыслу „Постановленій“, наравнѣ съ прочими жителями, обязаны были посылать своихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ,—ни въ Постановленіяхъ, ни въ регламентахъ, и помину нѣтъ. За то вполне уравнены евреи съ остальнымъ населеніемъ въ участіи въ расходахъ на содержаніе училищъ, что было далеко небезразлично для авторовъ „Постановленій“, такъ какъ, при значительности еврейскаго элемента, въ ннхъ городахъ евреямъ приходилось вносить 75 и больше % суммы, положенной на содержаніе училищъ; въ нѣкоторыхъ городахъ, христіанское населеніе коихъ было совершенно незначительно и бѣдно, школы, какъ мужскія такъ и женскія, содержались почти исключительно на счетъ

¹⁾ Тамъ же стр. 84—86.

евреевъ. За такую цѣну стоило *de jure* допустить евреевъ въ общія училища; говорю „*de jure*“—ибо на фактическое посѣщеніе еврейскими дѣтьми общихъ школъ, въ конхъ при этомъ игнорировались и еврейское вѣроученіе, и еврейскій языкъ, въ то время нельзя было рассчитывать. Да и мѣстное начальство, вопреки основнымъ положеніямъ закона, на посѣщеніи евреями открытыхъ-эдукаціонною палатою начальныхъ училищъ никогда не настаивало: всѣмъ ясно было, что эти школы не могутъ замѣнить для евреевъ „хедеръ“.

Впрочемъ, не только евреи, но и греко-уніаты и евангелики продолжали отстаивать существованіе своихъ отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ школъ, предпочитая ихъ вновь открытымъ eduкаціонною палатою всесловеннымъ школамъ, остававшимся на краѣ подъ преимущественнымъ вліяніемъ ксендзовъ. Греко-уніаты и евангелики добились такя своего: вступившее во владѣніе Царствомъ Польскимъ русское правительство, которому вовсе не была желательна колонизація упомянутыхъ національностей посредствомъ римско-католическихъ школъ, разрѣшило имъ имѣть свои національно-вѣроисповѣдныя школы, причемъ освободило ихъ отъ всякихъ взносовъ въ пользу общихъ училищъ; евреи же не только не были уволены отъ взносовъ въ пользу этихъ школъ, но напротивъ того, по увольненіи вышесказанныхъ группъ населенія отъ участія въ училищной складкѣ, расходы евреевъ на содержаніе католическихъ школъ еще болѣе увеличились.

Мотивируя освобожденіе евангеликовъ отъ участія въ училищной складкѣ, намѣстникъ Царства Польскаго въ указѣ своемъ отъ 12 декабря 1834 года между прочимъ говоритъ: „несправедливо заставлять ихъ, евангеликовъ, участвовать безъ собственной пользы на содержаніе римско-католическихъ училищъ, потому что съ одной стороны неумѣстно было бы требовать, чтобы жители сего исповѣданія посылали своихъ дѣтей въ училища, гдѣ они не могли бы обучаться ни правиламъ своей вѣры, ни нѣмецкому языку, на которомъ совершается богослуженіе евангелической церкви, такъ съ другой стороны было бы несправедливо возлагать на нихъ двойную складку, по необходимости содержать для нихъ особыя училища ¹⁾“.

¹⁾ Сборникъ админ. Постановленій Царства Польскаго томъ I, стр. 168 и 329.

Соображенія эти еще болѣе приимчивы къ евреямъ, тѣмъ не менѣе разъ установленный законъ объ участіи евреевъ въ училищной складѣ *понынѣ* сохранилъ свою силу. Такимъ образомъ отъ всей школьной реформы 1808 г. евреямъ достался только еще лишній и очень обременительный налогъ въ пользу римско-католическихъ училищъ, — налогъ, служившій въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а отчасти и теперь, камнемъ преткновенія при открытіи еврейскихъ начальныхъ училищъ.

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ мы указывали на заботливое отношеніе Императора Александра I-го къ евреямъ Царства Польскаго и на мѣры, предпринятныя имъ послѣ Вѣнскаго конгресса къ улучшенію ихъ быта и распространенію среди нихъ образованія. Между прочимъ въ 1817 году обнародованъ былъ Высочайшій указъ объ открытіи въ Царствѣ Польскомъ казенныхъ еврейскихъ начальныхъ училищъ. Подробныя свѣдѣнія о положеніи этихъ училищъ до 1862 года сохранились въ официальномъ отчетѣ ¹⁾, который считаю нелишнимъ привести здѣсь въ сокращеніи.

„Казенныя еврейскія училища впервые были открыты въ Варшавѣ. Сперва ихъ было *три*. Въ 1824 году одно частное училище было обращено въ казенное и внесено въ штатъ. Въ 1825 году было основано начальное училище въ Прагѣ (при Вислѣ), перенесенное въ 1845 году въ Варшаву. Въ 1858 году, вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа учащихся, въ трехъ Варшавскихъ начальныхъ училищахъ были учреждены параллельныя отдѣленія и основано было еще одно женское училище. Наконецъ въ 1862 году было открыто казенное еврейское начальное училище въ Прагѣ; такъ что въ 1862 году такихъ училищъ было въ Варшавѣ семь, — пять мужскихъ и два женскихъ. Въ первые годы число дѣтей, обучавшихся въ этихъ училищахъ, доходило до 300, а въ 1862 году ихъ было 750“.

„*Преподаваніе.* Въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ сначала преподавались: Польскій и еврейскій языки, арифметика и законъ Моисѣй; но по ходатайству тогдашняго училищнаго дора Правительственная Комиссія Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія 2 мая 1823 года дозволила между прочимъ отиѣ-

¹⁾ Сборникъ админ. Постановленій Царства Польскаго Томъ 1, стр. 608—614.

нить преподаванія еврейскаго языка въ означенныхъ училищахъ и замѣнить оный геометріею (?!). Эта мѣра имѣла значительное вліяніе на уменьшеніе числа учащихся ¹⁾, и только послѣ возобновленія преподаванія еврейскаго языка съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1845 году это число стало снова увеличиваться“.

Фонды на содержаніе училищъ предполагалось вначалѣ составить посредствомъ складки, распределенной между жителями еврейскаго вѣроисповѣданія, но такъ какъ этотъ способъ оказался тягостнымъ для евреевъ (въ виду участія ихъ въ складкѣ на содержаніе общихъ школъ), то въ 1821 году нѣкоторые члены училищнаго дозора, взявшіе на себя аренду кошерной подати, выразили желаніе вносить ежегодно по 20,000 гульденовъ на содержаніе еврейскихъ начальныхъ училищъ. Когда же въ 1824 году новый арендаторъ названной подати отказался отъ этого пожертвованія, то по предписанію намѣстника необходимая сумма на содержаніе этихъ училищъ выдавалась изъ сбора *билетной платы*, взимаемой съ иногороднихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Варшаву, а также съ дохода отъ штрафовъ за ношеніе еврейской одежды. Такъ обстояло это дѣло до 1836 года, когда по постановленію Совѣта Управленія доходъ этотъ переданъ въ пользу городской кассы. Съ этого времени еврейскія училища содержались насчетъ добавочной платы къ кошерной подати. По упраздненіи же сбора кошерной подати и билетной платы въ силу Высочайшаго указа 28 декабря 1862 года суммы на содержаніе еврейскихъ училищъ внесены въ штатъ Божничнаго Дозора г. Варшавы.

Училища въ губерніяхъ. Хотя въ губерніяхъ евреи постоянно вносили и теперь вносятъ училищную складку, но только въ 1859 году были открыты для нихъ три казенныхъ начальныхъ училища, а именно: въ Петроковѣ, Влоцлавскѣ и Кальваріи. Надзоръ за этими училищами былъ предоставленъ опекунамъ изъ

¹⁾ Причину этого страннаго ходатайства Варшавскаго училищнаго дозора въ 1823 г. объ отмініи преподаванія еврейскаго языка въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ Г. Нуссбаумъ въ своихъ историческихъ очеркахъ изъ жизни Варшавскихъ евреевъ объясняетъ тѣмъ, что учителя при преподаваніи библіи пользовались единственнымъ существующимъ на польскомъ языкѣ переводомъ Св. Писанія Вуйка. Но зачѣмъ же нужно было учителямъ рабски придерживаться архаическаго этого перевода? И при чемъ тутъ отміна преподаванія еврейскаго языка вообще?

иѣстныхъ обывателей іудейскаго вѣроисповѣданія; нинѣ эти училища состоятъ въ вѣдѣніи начальниковъ учебныхъ дирекцій.

Приведенныя официальные данныя показываютъ, какъ туго подвигалось дѣло открытія начальныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ: за полвѣка открыто всего 10 казенныхъ еврейскихъ училищъ! Но эти же данныя указываютъ и на причину этого явленія: отсутствіе постоянного и надежнаго источника на содержаніе училищъ. Установить-же особый съ евреевъ сборъ въ пользу школъ на подобіе „свѣчнаго сбора“ въ чертѣ осѣдлости правительство стѣснялось въ виду того, что польскіе евреи были обложены податью на содержаніе общихъ, вѣрнѣе сказать, римско-католическихъ школъ, не говоря уже о томъ, что кромѣ того тѣ-же евреи должны были расходовать значительныя суммы на содержаніе своихъ вѣроисповѣданныхъ школъ, хедеровъ и ешивъ, которыхъ открываемыя казенныя еврейскія училища замѣнить никакимъ образомъ не могли. Сборъ же, служившіе источниками суммъ на содержаніе казенныхъ еврейскихъ училищъ, а именно: штрафы за ношеніе бороды, пейсовъ и еврейской одежды или посуточная плата иногородныхъ евреевъ за право временнаго пребыванія въ г. Варшавѣ, не только были крайне обременительны для евреевъ, но и оскорбительны для ихъ нравственнаго и гражданскаго чувства, и ужь конечно не могли внушить симпатію къ новымъ учебнымъ заведеніямъ. Положеніе это, какъ и общее положеніе евреевъ Царства Польскаго, кореннымъ образомъ измѣнилось къ лучшему въ началѣ 60-хъ годовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Паперна.

Новые звуки.

М. I. Вердичевскій и его сочиненія.

Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ, ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начинается. (Герценъ).

Для всякаго очевидно, что въ еврейскомъ народѣ теперь происходятъ движенія, начинаются перевороты, имѣющіе великое культурное и національно-психологическое значеніе. Трещитъ ледяной покровъ традицій и закостенѣвшихъ, засохшихъ, унаслѣдованныхъ идей. Раздаются новые звуки новой прелюдіи, чтобы разбудить въ душѣ еврея все человѣческое, все заснувшее подъ гнетомъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Даетъ себя знать новая весна. Ботаники духа могутъ уже замѣтить весну по первымъ распускающимся кое гдѣ весеннимъ цвѣткамъ. Еще ни одинъ вѣкъ втеченіе двухтысячелѣтняго блужданія еврейскаго народа не былъ такъ богатъ, какъ минувшій, жизненными ростками, важными проблемами. Въ этомъ столѣтіи еврейскій народъ въ странахъ всего свѣта стремился дойти до яснаго самосознанія, опредѣлить свое культурное содержаніе и обдумать свои дальнѣйшіе пути и идеи. Не партійныя движенія мы имѣемъ въ виду, а вообще духовныя стремленія еврейскаго народа, которыя можно даже прослѣдить и въ нѣкоторыхъ европейскихъ литературахъ, гдѣ евреи участвовали въ качествѣ отечественныхъ поэтовъ и писателей; и эти стремленія можно считать продуктомъ и проявленіемъ національной еще нигдѣ не угасшей души Израиля, которая подъ всякими метаморфозами и ассимиляціями сохранила свое подземное теченіе, ведущее къ первоисточникамъ ев-

рейской народной психологии и къ самобытности національнаго темперамента. Съ тѣхъ поръ, какъ раскрылись ворота гетто, началось сильное и глубокое броженіе. Старыя культурныя цѣнности отжили свой вѣкъ и болѣе никого не удовлетворяютъ. Въ великомъ истекающемъ изъ глубины души и душераздирательномъ воплѣ челоѣчества, тоскующаго о новомъ небѣ, о новой опорѣ въ хаосѣ жизни, мы слышимъ и еврейскіе голоса. Если еврейскій народъ для Европы представляетъ еще загадку, то Европа для Израиля не загадка. Безграничная тоска и тяжелыя муки другихъ душъ, предчувствующихъ возникновеніе новаго челоѣка, вызываютъ слезы и въ еврейскихъ глазахъ. Ибо наше время полно ожиданій. Мы все ждемъ—вотъ самая удивительная черта современности.

Эти строки посвящены нашему поэту и писателю М. I. Бердичевскому—челоѣку, который встрѣтилъ въ новоеврейской литературѣ только грубое, невѣжественное непониманіе. Его много осмѣивали, оскорбляли самымъ низкимъ образомъ, но никогда не понимали. Впрочемъ сомнительно, слѣдовало ли бы радоваться, если-бы Бердичевскій встрѣтилъ сочувствіе въ низкопавшей торгашеской печати. Притомъ для многихъ Бердичевскій и очень неудобенъ.

I.

Вопреки всемъ увѣреніямъ крикливыхъ журналистовъ новоеврейская литература далеко еще не стоитъ на уровнѣ европейскаго культурнаго мышленія. Все, что характеристично для нашего времени, еще остается чуждымъ новоеврейской литературѣ, ей незнакома пропасть между личностью и міромъ, такъ глубоко ощущаемая въ наше время, противорѣчіе между внутреннимъ міромъ индивидуальности и внѣшними условіями и всѣ душевныя муки, недовольство и, наконецъ, скорбь современнаго челоѣка, который снова видитъ передъ собой вѣчную загадку своего существованія и послѣ увлеченія безчисленными системами и идеями, долженъ признаться: *Da steh ich nun ich armer Thor und bin so klug als wie zuvor*. Въ новоеврейской литературѣ не отражается трагическая судьба выдающихся умовъ современности, которымъ подобно Моисею суждено лишь увидѣть съ горы Святую страну своихъ мечтаній, но не суждено достигнуть ея;

въ ней нѣтъ потому и привѣтствій новому разсвѣту, которыя вылились въ другихъ литературахъ цѣлымъ океаномъ могучихъ звуковъ, нѣтъ могучаго зрѣлища упадка, умиранія стараго и возникновенія новаго, (полнаго жизни. Не встрѣтимъ въ ней и двухъ противоположныхъ теченій современности: стремленія предоставить безграничныя права человѣческому «я», воспитать волю для власти, дать господство демону въ человѣческой душѣ, и противоположнаго теченія—желающаго совершенно подавить свое «я», провозгласить нормой жизни и поставить идеаломъ все сверхличное въ человѣкѣ. Новоеврейская литература всего этого и многоаго другого еще не знаетъ, все чисто человѣческое ее еще мало интересуеть.

Когда мы беремъ творенія даже такого даровитаго писателя, какъ Абрамовичъ, то мы встрѣчаемся здѣсь только съ міромъ вымирающимъ, осужденнымъ на погибель. Нѣтъ въ его герояхъ ничего, что говорило бы о будущемъ, вѣщало бы о новой жизни! Правда, мы у него чувствуемъ живое бѣненіе пульса жизни, видимъ истинную человѣческую душу, но это все—міръ отходящій, которому никогда уже не суждено воскреснуть. Здѣсь двигаются еще старые неизмѣнные евреи гетто, для которыхъ Менделе-мохеръ-сфоримъ еще необходимъ... И произведенія этого богато одареннаго поэта оставляютъ, несмотря на весь юморъ, самое трагическое впечатлѣніе.

А тонкій, талантливый Л. Перець! Развѣ все его творчество, за рѣдкими исключеніями, не является эхомъ умирающаго хассидскаго міра? Развѣ при чтеніи его твореній мы не переживаемъ агоніи хассидской культуры, отходящей въ вѣчность? А когда Перець выступилъ, какъ публицистъ, чтобы бороться за извѣстныя идеи, за вопросы современной жизни, развѣ онъ не былъ оклеветанъ и осмѣянъ новоеврейской журналистикой? По той же причинѣ былъ такъ скверно встрѣченъ и М. I. Бердичевскій, потому что онъ тоже можетъ вызвать броженіе и способствовать разложенію предразсудковъ, Бердичевскій—современный человѣкъ, проникнутый всѣми вопросами и задачами современной культуры. Онъ безстрашно пишетъ о всѣхъ еврейскихъ культурныхъ проблемахъ то, что онъ думаетъ. А этимъ публика обыкновенно недовольна, потому что она должна напрягать свое привыкшее къ пошлости вниманіе, для того

чтобы воспринимать *новыя* слова и *новыя* идеи. Но Бердичевскій кромѣ того поэтъ, и такъ какъ онъ не идетъ по широкому извѣженному пути, то для толпы дѣло ясно: онъ—декадентъ.

Новоеврейская поэзія вообще страдаетъ худосочиємъ. Въ какой литературѣ, наприм., былъ бы возможенъ такой фактъ, чтобы читающая публика поставила во главѣ литературы публициста, признала, что публицистъ, а не поэтъ руководить, даетъ направленіе? А между тѣмъ во главѣ новоеврейской литературы мы видимъ Ахадъ-Гаама. Послѣдній, несмотря на свои крупныя заслуги и даровитость, всетаки является холоднымъ, сухимъ, разсудочнымъ человѣкомъ; это—раціоналистъ, съ руками немного понѣжнѣе (немного, говорю я), но всетаки раціоналистъ. Жизнь въ абстракціяхъ, въ понятіяхъ, въ диалектикѣ и бесплодныхъ софизмахъ, притупила въ нашемъ народѣ его художественное чувство, то чувство, которое позволяетъ человѣку повсюду видѣть свою общность съ міромъ, даетъ его конечному существованію приобщаться къ безконечному.

Бердичевскому приходится въ новоеврейской литературѣ вести тяжелую борьбу за жизнь, за глубокое идеальное содержаніе жизни, борьбу за жизнь въ ея пышной ежедневно обновляющейся полнотѣ, въ ея богатствѣ и подвижности. Онъ ведетъ войну во имя будущаго противъ традицій, противъ старыхъ отжившихъ идей и возврѣній. Это—борьба за свободу и самостоятельность человѣческаго духа, который самъ создаетъ цѣнности и самъ находитъ своего бога. Бердичевскій борется противъ односторонности, утилитаризма, разсудочности и суетности евреевъ и хочетъ расчистить мѣсто для человѣческой души со всѣми ея стремленіями къ вѣчной красотѣ. Онъ хочетъ сдѣлать евреевъ людьми. Онъ скорбитъ о блѣдности, пассивности и усталости еврейскаго народа, который вѣчно тонется на одномъ мѣстѣ.

Въ произведеніяхъ Бердичевскаго слышно трогательное проявленіе той тоски по жизни и свободѣ, которая и раньше часто раздавалась среди еврейскаго народа глухо, беззвучно, въ отрывистыхъ фразахъ, чтобы потомъ надолго замолкнуть. Но эта тоска жива была во всѣ времена у лучшихъ и свободнѣйшихъ еврейскихъ умовъ.

Бердичевскій—культурный боецъ въ полномъ смыслѣ этого

слова. Онъ защищаетъ права жизни съ большимъ жаромъ и большимъ талантомъ. Онъ не знаетъ компромиссовъ, презираетъ половинчатость.

II.

Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Варшавѣ вышли въ свѣтъ четыре скромныхъ томика сочиненій М. Бердичевского: 1) חרר לך לך — На перепутьи, 2) רצו — Оцѣнка, 3) רצה לך — На рубежѣ, 4) הלחץ — Отсталые, критическія замѣтки. Онъ не нашелъ для нихъ издателя, и для изданія этихъ сочиненій образовался небольшой кружокъ молодыхъ людей חריריך — изданіе молодыхъ, такъ напечатано на заглавномъ листѣ. Произведенія Бердичевского вызвали къ жизни это издательство, но оно поставило себѣ цѣлью сдѣлать доступнымъ публикѣ и сочиненія другихъ авторовъ, которымъ закрыты другіе пути въ новоеврейской литературѣ. Въ этихъ четырехъ томикахъ находятся публицистическія сочиненія Бердичевского. Для поэтическихъ произведеній онъ нашелъ уже издателя въ лицѣ общества «Тушія», послѣ того какъ одинъ рассказъ его появился въ известномъ нѣмецкомъ журналѣ «Neue Deutsche Rundschau».

«Тушія» издала уже пять томиковъ его сочиненій, изъ которыхъ חריריך רצה — заслуживаетъ особаго вниманія. Бердичевскій напечаталъ также много статей въ разныхъ ежегодникахъ, изъ нихъ самой выдающейся кажется намъ статья въ Noeschkol III: לחץ חריריך חריריך חריריך .

Бердичевскій далеко не догматикъ. Онъ хорошо знаетъ, что человѣчество вѣчно развивается и перерастаетъ свои идеалы.

Абсолютную цѣнность имѣетъ только творческій человѣческій духъ, но не идеалы, которые являются лишь созданіями человѣка и, какъ всѣ дѣла человѣческія, не вѣчны.

Въ своихъ маленькихъ предисловіяхъ къ публицистическимъ сочиненіямъ онъ пишетъ:

Я не хочу навязывать публикѣ свои убѣжденія и заявлять: „вотъ вамъ опредѣленное міросозерцаніе, которое васъ научитъ, что вы должны дѣлать и чего не дѣлать, какъ думать или какъ не думать. Мое стремленіе—анализировать нѣкоторыя элементарныя мысли и побуждать нашу публику думать о такихъ вещахъ, о которыхъ у насъ не безпокоятся.—И я лишь человѣкъ во Израилѣ, который началъ

оглядываться и размышлять обо всемъ, что у насъ дѣлають и думаютъ, о нашихъ жизненныхъ цѣнностяхъ и о сущности нашей жизни, о нашемъ существованіи и нашемъ упадкѣ. И это продолжалось не въ теченіе одного дня или одной ночи, и я еще далеко не добрался до конца дѣла. Шагъ за шагомъ, постепенно шель я своимъ путемъ и думалъ свои думы. То, что вчера мнѣ казалось истиннымъ, оказывалось назавтра сплошнымъ сомнѣніемъ, опредѣленность превращалась въ возможность, свѣтъ въ тѣнь...

„Мои сочиненія это только *цѣнь моихъ мыслей и моихъ вопросовъ*, съ того дня какъ я сталъ самостоятельнымъ и пересталъ опираться на плечи другихъ писателей нашей литературы; я боюсь сказать, что это мои мемуары“. („На распутьи“, предисловіе).

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„Я полагаю, что вопросъ о цѣнностяхъ есть у насъ коренной вопросъ. И предъ лицомъ всего нашего народа я заявляю: отъ вопроса о цѣнностяхъ зависитъ все наше существованіе и выясненіе возможности нашего существованія“ („Оцѣнки“, предисл.).

„Я не говорю категорически: мои мысли и взгляды—правильны и истинны, но я говорю, что ихъ слѣдуетъ продумать, ихъ стоитъ задать себѣ. Также и мои отвѣты являются только началами новыхъ вопросовъ. И есть еще много, о чемъ слѣдовало бы спросить“. („На рубежѣ“, предисл.).

„Я здѣсь не за тѣмъ, чтобы отвѣчать, а только затѣмъ, чтобы снова спрашивать“ („Отсталые“, предисл.).

Отсюда уже достаточно ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ бесплоднымъ догматикомъ, не съ человѣкомъ, который явился на свѣтъ божій съ готовыми убѣжденіями и живетъ въ постоянномъ душевномъ мирѣ. Бердичевскій не любитъ доказывать и убѣждать словами: «какъ всѣмъ извѣстно» и т. п. Онъ знаетъ то, что онъ знаетъ. Понятно, такіе люди не всегда и не всѣмъ удобны...

Большой заслугой Бердичевского является его анализъ еврейскаго вопроса, который онъ сталъ разсматривать не только съ гражданско-политической точки зрѣнія, но и съ культурно-исторической. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи лишены гражданскихъ правъ, на еврейскій вопросъ смотрять исключительно какъ на политическій, постоянно обращаютъ вниманіе на одни лишь внѣшнія условія, какъ будто бы еврейскій народъ не нуждался во внутреннемъ содержаніи; въ своей культурѣ. А культурнымъ мы считаемъ то состояніе народа, когда политическая жизнь его соответствуетъ его идеальнымъ представленіямъ, форма—содержанію. Культура—это ежедневно возрастающій духовный

капиталь народа или индивидуума. Культура — это движение, синтезъ, созидающій и творческій элементъ чело-вѣческаго духа, который вѣчно стремится впередъ. Культурнымъ чело-вѣкомъ я называю не того, кто знаетъ, что когда то существовала Греція, жили еврейскіе пророки, была эпоха возрожденія, и было много философовъ, поэтовъ и художниковъ, но того кто *живетъ* культурно, кто лично имѣетъ отношеніе къ прогрессирующей культурной жизни. Гете совѣтуетъ чело-вѣку, получившему наслѣдство отъ родителей, «приобрѣсть его, чтобы овладѣть имъ», а овладѣть значитъ дальше строить и работать. Подобно тому, какъ знакомство со способами убійства еще не дѣлаетъ чело-вѣка убійцей, такъ и знанія о культурѣ не дѣлаютъ его культурнымъ. Всякій долженъ вносить съ собою въ свѣтъ известную истину, и всѣ проявляющіяся и воплощающіяся въ практической жизни истины составляютъ собой культуру. Китайщиной, мертвымъ безсмертіемъ можно назвать вѣчную привязанность къ унаслѣдованнымъ идеямъ и воззрѣніямъ, безъ самостоятельной творческой дѣятельности сообразно съ духомъ времени и чело-вѣческой природой, вѣчно ставящей себѣ новыя цѣли и черпающей новыя идеи изъ области бессознательнаго. Культура не терпитъ также подражательности, она признаетъ только оригинальное. ?

Это и заявляетъ Бердичевскій, когда говоритъ, что іудейство застыло въ исторической скорлупѣ своихъ догматовъ, перестало развиваться; что прекратилась связь въ еврейскомъ народѣ между личностью и еврейской культурой, еврейскими историческими цѣнностями, что еврейская культура вертится въ какомъ то *circulus vitiosus*, находится въ застоѣ. Старыя цѣнности отжили свой вѣкъ, и у еврейскаго народа есть только прошлое, а нѣтъ настоящаго. „Во всѣ времена у насъ только предки, но нѣтъ сыновей“. Ошибку и грубую ошибку дѣлаютъ тѣ представители нашей новоеврейской литературы, которые думаютъ, что Бердичевскій хочетъ умалить значеніе нашего прошлаго. Наоборотъ, рѣдко можно встрѣтить среди насъ чело-вѣка, который бы такъ понималъ и цѣнилъ наше прошлое. Онъ только не присоединяется къ гусиному хору: «наши предки Римъ спасли».

„Я уважаю“, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „всякое религіозное убѣжденіе и религіозную культуру, отвѣчающую всѣмъ духовнымъ за-

просамъ людей. И наши отцы втеченіе среднихъ вѣковъ и въ эпоху хасидизма были сынами такой цѣльной культуры. Но теперь эти зданія рухнули, и мы нуждаемся въ новыхъ*.

„Я признаю, что мы обладаемъ могучей поэзіей, голосъ которой раздается какъ гласъ Божій надъ водами, что у насъ такіе перлы красоты и природной поэзіи, какъ „Пѣсня пѣсней“; но скажите, какое вліяніе оказываютъ они на насъ *тенефь*, какая связь сохранилась у насъ между наслѣдствомъ отцовъ и самими сыновьями, между словами пророковъ и дѣлами правовѣрныхъ торгашей и реформированныхъ биржевиковъ“ („Отсталые“ стр. 36).

Культура каждаго народа, полагаетъ Бердичевскій, есть послѣдній итогъ его экономической и духовной жизни. Сначала на родинѣ, на своей почвѣ, люди спѣшеніемъ отдѣльныхъ семействъ и племенъ соединяются въ одну группу и создаютъ общую національную основу путемъ общихъ дѣлъ и общихъ мыслей. У нихъ появляются однородныя потребности и стремленія. Когда народъ вступилъ на этотъ путь, когда онъ уже проявилъ творческую дѣятельность въ области духовной и матеріальной, когда единичныя дѣла отдѣльныхъ индивидуумовъ уже соединились въ крупную сумму, тогда его культура, духовная мощь становится уже опредѣленной величиной. Этой культурой являются общія идеи, соединяющія отдѣльныхъ индивидуумовъ въ національное цѣлое. Образовавшаяся духовная сила уже безсознательно вліяетъ на дальнѣйшую жизнь народа. Народъ никогда не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что незамѣтно совершается въ его душѣ, потому что онъ не сознаетъ, что по внутренней необходимости поступилъ такъ или иначе. Эта культура не навязывается народу какъ внѣшній категорическій императивъ: думай такъ-то или чувствуй такъ-то...

Исторія доказываетъ намъ, что повсюду, гдѣ культуру хотѣли насильно навязать людямъ, противъ ихъ воли и симпатій, — тамъ убивали ихъ индивидуальный духъ; внѣшняя побѣда культуры въ такихъ случаяхъ свидѣтельствуетъ только о духовномъ безсиліи или о вѣчной агоніи и предсмертныхъ мучахъ. Бердичевскій высказываетъ слѣдующія, на первый взглядъ парадоксальныя, положенія: «То обстоятельство, что данная культура націи, культура превратившаяся въ обязанность, долго продолжаетъ жить, — есть признакъ духовной слабости ея носителей, ихъ безсилія, а отнюдь не говоритъ за ея внутреннія силы». Несомнѣнно, культура въ своихъ главныхъ частяхъ есть пос-

лѣдній итогъ данной жизни народа; но такъ какъ культура въ извѣстное время достигаетъ зрѣлости и получаетъ извѣстныя освященные неподвижныя формы, то она перестаетъ творить, а хочетъ продолжать свое существованіе только потому, что уже существуетъ. Съ этого момента она начинаетъ дѣйствовать, какъ внѣшняя норма, задерживающая внутренніе процессы.

„Конечно, мое мировоззрѣніе во всякое время есть слѣдствіе моихъ мыслей и желанія достигнуть точныхъ представленій о мірѣ и его сущности; но съ того момента, какъ я устаю душой и отказываюсь дальше думать и размышлять, а прежнія мысли, выработанныя мною раньше относительно вещей, становятся моимъ постояннымъ масштабомъ,—съ той поры я становлюсь рабомъ моего собственнаго мировоззрѣнія, я перестаю быть свободно-мыслящимъ человѣкомъ“.

„Однимъ словомъ, все что стоитъ надо мной и мной управляетъ— все это убиваетъ и уничтожаетъ мою самостоятельность, все равно исходить ли принужденіе извнѣ или извнутри“ („На перепутьи“ стр. 45).

И у еврейскаго народа Бердичевскій открываетъ то же явленіе, что у него культура стала обязанностью. У насъ господствуетъ книга, а человѣкъ и душа его подавлены. Прекратилась всякая свобода духа.

„Мы нуждаемся въ свободѣ, мы сами должны властвовать надъ собой, мы должны опять обновить свой духовный міръ“.

„Для насъ все ясно, міръ устроенъ такъ-то и такъ-то, человѣкъ таковъ-то, жизнь—такова, поступаай такъ-то и такъ-то, думай такъ, живи такъ“.

„Міровыя сомнѣнія и человѣческія сомнѣнія, загадки жизни—все для насъ опредѣленно и ясно. И вопросы у насъ существуютъ только потому, что на нихъ имѣются уже готовые отвѣты“.

„А я говорю, если мы хотимъ жить, оживить нашъ умъ и воскресить міръ въ нашемъ умѣ, или если мы хотимъ придать ему что нибудь отъ міра сего и его вѣчности—то мы должны усомниться въ нашихъ истинахъ, отдать всѣ рѣшенія, имѣющіяся у насъ, за одно сомнѣніе. Мы должны разрушить все, что ясно въ нашихъ глазахъ, что унаслѣдовано, воспринято и само собою разумѣется. Каждое законченное опредѣленное знаніе есть лишь одна точка соприкосанія съ объектомъ, а не вся его сущность. Только одно сомнѣніе, способность къ сомнѣнію, освободитъ насъ отъ рабства мысли“ („На перепутьи“ стр. 57).

Еврей долженъ жить не такъ, какъ хочетъ его душа, а какъ велитъ книга,—книга, которая существовала еще до его рожденія на свѣтъ. Противъ этого Бердичевскій подымаетъ свой

голосъ; прекрасны, печальны и глубокомысленны тѣ слова, которыя онъ возвѣщаетъ народу книги о книгѣ: „Многое, очень-многое имѣетъ преимущество надъ книгой. Жизнь стоитъ выше книги, человѣкъ стоитъ выше книги, и душа имѣетъ преимущество надъ книгой. Душа, ея предчувствія, мысли и чувства, мечтанія души и ея воля, все что наполняетъ нашъ внутренній міръ, живетъ внутри насъ—вотъ это *главное*, сущность, первичное; а книга—только тѣнь этихъ вещей, слабое отраженіе ихъ... Въ книгѣ умѣщается только малая доля того, что наполняетъ нашу душу, только кое что кое о чемъ; и эта малая доля состоитъ только изъ словъ, плохо отражающихъ самую сущность, самую жизнь. Самое жизненное внутри насъ, самое живое и творческое—безсловесно, невыразимо, и не можетъ воплотиться въ рѣчи. Невозможно выразить всѣ ощущенія нашего сердца, мечтанія души, глубину нашихъ мыслей и туманъ нашихъ чувствъ. Книга имѣетъ предѣлы, даетъ свободу лишь на маленькомъ клочкѣ, а богъ духа беспредѣленъ, безъ конца и безъ начала. И у насъ, евреевъ, слишкомъ много книгъ, у насъ все отодвинуто на второй планъ передъ книгой, передъ тѣмъ, что уже высказано и написано». («На перепутьи» стр. 39).

„Каждый народъ хранить въ своей сокровищницѣ драгоцѣнности своей національной культуры, уцѣлѣвшія и разбитыя скрижали, подвиги и мысли своихъ выдающихся людей въ различные времена; но всѣ эти вещи не превращаются у нихъ въ обязательныя нормы, регулирующія жизнь, и влияніе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной цѣнности, онѣ не обязываютъ довольствоваться ими и не мѣшаютъ двигаться впередъ въ области мысли и жизни, онѣ не угнетаютъ духа и его стремленій, которыя всегда стоятъ выше писанія и всего написаннаго. У насъ евреевъ—наоборотъ, мы не рассматриваемъ писаніе какъ тѣнь жизни, какъ слабый отблескъ, воспроизводящій лишь кое что изъ сущности жизни; мы не относимся къ наслѣдству прошлаго какъ къ старой цивилизаціи, дающей еще большой просторъ для работы, для усовершенствованія и новой жизни новымъ людямъ, нуждающимся въ духовной пищѣ. Нѣтъ, мы рабы своихъ традицій и воспоминаній, мы превратились въ какія-то муміи благодаря нашимъ унаслѣдованнымъ законченнымъ мыслямъ. Но мы уже устали отъ непрерывной жвачки и повторенія того, что уже высказано и продумано, какъ будто бы у насъ не было души и мы не могли бы двигаться впередъ безъ указки. А между тѣмъ у насъ, какъ у живыхъ людей, пробудились новыя потребности, новыя цѣнности, о которыхъ наши предки и не мечтали. Мы ощущаемъ потребность изжить до конца свою жизнь, которую мы втеченіе вѣковъ подавляли, которая теперь требуетъ удовлетворенія“.

Евреи теперь стоят на распутьи; такъ дальше жить—безцѣльно. Можно быть или не быть, но «мертвое безсмертіе», какъ говоритъ Гейне, безцѣльно. «Евреи стали тѣмъ, что они теперь, благодаря своимъ старымъ цѣнностямъ, и если мы не хотимъ больше быть такими, мы должны сбросить съ себя бремя этихъ цѣнностей. Наши мрачныя жилища являются продуктомъ нашихъ теперешнихъ цѣнностей. Когда мы выйдемъ на вольный воздухъ, въ нашу жизнь проникнуть и новыя силы» («На распутьи» стр. 49).

По мнѣнію Бердичевского, ни одинъ народъ въ мірѣ не даетъ такой массы половинчатыхъ людей, какъ еврейскій, о которомъ можно сказать, что онъ уменъ, но недостаточно чувствуетъ. Нигдѣ нельзя найти такой массы лицъ, которыя удовлетворяются нѣсколькими осколками мыслей, нѣсколькими идеями или дѣлами, и немногими расудочными островами. «Гдѣ еще найдется народъ, который зналъ бы такъ мало жизнь? Тѣснѣе міръ Израиля, его можно считать міромъ лишь отчасти»... («На перепутьи» стр. 62). Правда, евреи принимаютъ участіе въ различныхъ литературахъ, часто отличаются въ искусствѣ и наукахъ, но какое дѣло еврейскому народу до этого? Вѣдь часто дѣятельность ихъ находится въ полномъ противорѣчій съ старыми еврейскими цѣнностями. Развѣ они не должны бы часто отвернуться отъ послѣднихъ, чтобы творчески дѣйствовать?»

„Народъ, говоритъ далѣе Бердичевскій, является суммой матеріальныхъ и умственныхъ работъ, которыя совершаются въ его средѣ. Народъ слагаетъ всѣ эти работы индивидуумовъ въ одинъ вѣчный фондъ, одинъ историческій итогъ. Но у насъ этого нѣтъ, и пожалуй не можетъ быть. Со всѣхъ сторонъ намъ заявляютъ: а Спиноза, а Маймонъ, а Галеви и Мейерберъ, Мендельсонъ Бартольди и Рубинштейнъ, а Гейне и Антокольскій, Лассаль и Марксъ и другіе, занимающіе почетное мѣсто въ западно-европейской культурѣ? Но всѣ эти хвастуны забываютъ, что какъ разъ эти люди доказываютъ противное. Они совершенно забываютъ, что всѣ эти великіе люди, сильно вліявшіе на европейскую культуру, къ намъ не имѣютъ никакого отношенія, т. е. эти отдѣльныя личности у насъ не образуютъ никакого общаго національнаго итога, такъ какъ всѣ они работали въ области чужой культуры и принуждены слиться съ ней. Эти „еврейскіе мужи“ очень склонны покидать еврейскій домъ и начинать свою работу внѣ его, такъ какъ внутри стѣнъ гетто погасли свѣточки культуры, и не къ чему присоединяться и прилагать свой трудъ. Величайшее проклятіе, лежащее

на насъ, заключается въ томъ, что мы внѣ чужихъ культуръ не существуемъ, что даже отдѣльныя личности, культурные люди, не находятъ себѣ работы у насъ дома и принуждены отдавать свои силы чужимъ культурамъ“...

„Наша національная культура, унаслѣдованная отъ предковъ, такъ далека отъ жизни, отъ духовныхъ и материальныхъ потребностей жизни, что даже наши сыновья, родившіеся въ стѣнахъ гетто, принуждены искать на сторонѣ духовную работу. У насъ только книги,—книгъ безъ счета, но онѣ не даютъ намъ доступной духовной пищи, и мы принуждены искать въ другомъ мѣстѣ. Все, чѣмъ мы обладаемъ какъ культурные люди, мы получили извнѣ. Душой и тѣломъ мы погрузились въ чужія культуры, чужіе идеалы и дѣла. И пока такъ будетъ, пока у насъ дома не будетъ *самостоятельной человеческой культуры*, способной привлечь всѣ наши лучшія силы, до тѣхъ поръ мы будемъ жить чужими культурами, и національное чувство остается только абстрактнымъ чувствомъ безъ всякихъ практическихъ жизненныхъ послѣдствій“ („Отсталые“, стр. 78).

Здѣсь мы дошли до того пункта, гдѣ требованія Бердичевскаго выражены въ самыхъ рельефныхъ чертахъ: онъ хочетъ, чтобы еврейская культура освободилась отъ своей обычной узости и стала человѣческой культурой;—довольно пережевывать старое, нужно двигаться впередъ. Мы должны торжественно возвѣстить допущеніе свѣта въ нашу душу. «У насъ былъ возможенъ такой фактъ, что всѣ писатели и мыслители стали комментаторами, а подчасъ комментаторами комментаторовъ». Пора еврейскому народу перестать быть книжнымъ шкапомъ для писаній прошлыхъ вѣковъ, пусть наша душа заговоритъ свободно: «Мы не должны болѣе замыкаться въ кругу унаслѣдованныхъ идей, грозящихъ намъ умственнымъ и нравственнымъ вырожденіемъ, мы должны участвовать въ жизни».

Хотя нашъ вѣкъ сдѣлалъ самые большіе успѣхи въ области историческихъ изслѣдованій и исторіографіи, тѣмъ не менѣе онъ отличается также рѣзкимъ протестомъ противъ пережевыванія исторіи, стѣсняющаго свободную инициативу человѣка. Раздались могучіе голоса противъ излишества историческаго балласта, обременяющаго современное человѣчество и причиняющаго много бѣдъ: переоцѣниваніе прошедшаго, пренебреженіе настоящимъ, а отсюда неустойчивость и несамостоятельность въ чувствахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ. Напомнимъ здѣсь «Несвоевременное размышленіе» Фридриха Ницше «О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни».

Такой протест уместнѣе всего по отношенію къ еврейскому народу, который устремилъ свои взгляды исключительно на прошлое и руководится только имъ. Большой заслугой Бердичевского нужно считать то, что онъ выразилъ этотъ протестъ горячо, отчетливо и красиво.

III.

Мы хотимъ изложить далѣе отношеніе Бердичевского къ сіонизму. Можно было бы ожидать, что Бердичевскій—сіонистъ, такъ какъ онъ борется за самостоятельную человѣческую культуру для евреевъ. Но онъ—не сіонистъ. Любопытно то, что онъ и не можетъ быть сіонистомъ, такъ какъ новый сіонизмъ кажется ему только вариацией прежней половинчатости и поверхностности. Въ «Отсталыхъ» есть статья «Они и мы», гдѣ глубоко и обстоятельно разбирается этотъ вопросъ. «Подъ словомъ *они* я подразумеваю другіе народы, а подъ словомъ *мы*—еврейскій народъ. Обыкновенно мы думаемъ, что они—они, а мы—мы, и другъ отъ друга независимъ. Сіонисты-же не колеблются признать связь между тѣми и другими, признать нашу зависимость отъ нихъ; т. е. они совершенно ясно и опредѣленно говорятъ, что все національное движеніе пришло извнѣ, явилось вслѣдствіе ненависти другихъ народовъ къ евреямъ».

Сіонизмъ, жалуется Бердичевскій, рассматривается его сторонниками какъ разочарованіе въ возможности равноправія. Они говорятъ: такъ какъ вы насъ отталкиваете, то мы хотимъ вернуться къ себѣ и попытаться стать самостоятельнымъ народомъ. А когда другіе возражаютъ, что антисемитизмъ только временное облачко, что настанутъ еще лучшіе дни, то сіонисты заявляютъ: это неправда, ненависть никогда не исчезнетъ, и она будетъ жить среди народовъ, поэтому мы не будемъ обманывать себя; намъ необходимо гарантированное убѣжище, потому что тучи никогда не пройдутъ... Подобныя рѣчи говорятъ и ораторы Базельскихъ конгрессовъ: они насъ оттолкнули... они насъ покинули... сначала, когда антисемитизмъ возникъ, мы были изумлены и взбѣшены... затѣмъ, однако, мы рѣшили вернуться домой... Наши братья приняли насъ съ распростертыми объятіями... Мы знаемъ, что не затронемъ ихъ святынь...

„Я не присутствовалъ при этихъ рѣчахъ, говорить Бердичевскій, но въ протоколахъ записаны выраженія восторга и аплодисменты со стороны делегатовъ еврейскаго народа и посланцевъ пробудившейся націи. И все таки я долженъ признаться, что не понимаю этихъ восторговъ, наоборотъ, я понялъ бы скорѣе, если бы делегаты выразили въ ту минуту свое сожалѣніе, это было бы пожалуй симптомомъ дѣйствительнаго пробужденія народа“. „По моему мнѣнію, нѣтъ ничего болѣе унижительнаго для цѣлаго народа, чѣмъ ставить въ зависимость свое существованіе отъ симпатіи или антипатіи другихъ. Они не хотятъ, поэтому мы должны вернуться; надъ такимъ выводомъ нужно плакать... Нужно плакать при видѣ людей, которые такъ думаютъ, и которые, можетъ быть, поэтому только остаются евреями и поэтому пробуждаются... А вѣдь пробужденіе народа должно явиться только изнутри, изъ внутреннихъ задатковъ и потребностей жизни, пробужденіе народа—это духовная потребность, вытекающая изъ внутренней воли народа. Икроиъ того - если мы не чувствуемъ an und für sich національной потребности жить самостоятельно, стать особымъ народомъ даже въ томъ случаѣ, если бы намъ даны были всѣ права,—то все наше искусственное пробужденіе вовсе не пробужденіе и ничего не стоитъ“.

„Я хотѣлъ бы знать, составляемъ ли мы народъ, потому что мы дѣйствительно—народъ, или только потому, что насъ принуждаютъ извнѣ быть народомъ. И выводъ изъ такого принужденія очень важенъ,—я боюсь даже сказать—выводъ тотъ, что такой народъ вовсе не народъ... Народность является изнутри и живетъ нутромъ. Народъ есть народъ, потому что онъ есть, безъ всякихъ соображеній о томъ, нравится ли это другимъ или нѣтъ. Но народомъ нельзя быть по принужденію... Мы должны быть, потому что мы существуемъ, а не потому что они насъ заставляютъ быть...“

Любопытно, что это опредѣленіе народности вполне совпадаетъ съ тѣмъ, которое далъ извѣстный Матиасъ Ахеръ, прекрасный знатокъ еврейскаго народа въ «Jüdische Moderne». Въ то время, какъ многіе еврейскіе писатели глубокомысленно разсуждали о томъ, существуетъ ли еврейская нація, онъ смѣло написалъ: «Да, еврейская нація существуетъ. Уже тотъ фактъ, что есть люди, желающіе, чтобы о евреяхъ говорили какъ о націи, дѣлаетъ вѣроятнымъ это положеніе. Вѣдь никто не подумаетъ примѣнить слово нація къ собранію католиковъ или протестантовъ, или къ фабрикантамъ и рабочимъ». Воля—общая причина всего существующаго—вотъ что дѣлаетъ народъ народомъ. Но волей сіонистовъ было сперва равноправіе, а когда это не удалось, и тѣ этого не захотѣли, то—перешли къ возрожденію еврейской націи.

Во время великаго сматенія, когда все заигрывало съ сіонизмомъ, Бердичевскій осмѣлился высказать свои глубокія и печальныя мысли. Онъ показалъ, что мы евреи безъ *нихъ*, безъ европейской культуры, лишены всякаго содержанія... «По моему мнѣнію», говоритъ онъ, «замѣчателенъ тотъ фактъ, что лица, стоящія во главѣ движенія, какъ Герцль, Нордау и Лазарь, выдвинулись раньше въ областяхъ не-еврейскихъ... Герцль, Нордау, Лазарь говорятъ публично о еврейскомъ сердцѣ, о еврейской дѣятельности, а между тѣмъ сами работаютъ въ чужой культурѣ, въ чужой литературѣ. Мы не должны забывать, что работа въ чужой культурѣ—не пустякъ. Когда человекъ пишетъ и думаетъ на языкѣ другого народа, говоритъ и поетъ въ духѣ другой націи и т. д., то онъ принадлежитъ уже отчасти другому народу. Герцль—нѣмецъ вопреки своему желанію, Лазарь—французъ противъ воли, потому что вся ихъ писательская дѣятельность посвящена тѣмъ народамъ, освѣщавшимъ ихъ нуть и давшимъ имъ силы. Я считаю это важнѣйшимъ вопросомъ, или вѣрнѣе величайшимъ проклятіемъ, тяготящимъ надъ нами» («Отсталые» стр. 88).

Заслуживаетъ также порицанія, въ глазахъ Бердичевского, и та дипломатія, которую ведутъ съ ортодоксіей на сіонистскихъ конгрессахъ. Евреи существуютъ не для іудаяма, — впрочемъ; въ прежнія времена думали иначе, — но наоборотъ. Мы остаемся евреями, что бы мы ни дѣлали и чтобы мы ни думали. Ставить существованіе народа въ зависимость отъ *одного* религіознаго вѣрованія опасно и преступно. Мы можемъ видѣть, что стало въ западной Европѣ съ еврействомъ, которое отказалось отъ всякой жизненной культуры, способной охватить всего человека. «Ибо важнѣе всего культурный вопросъ, вопросъ о томъ, можно ли намъ быть одновременно евреями и цѣльными людьми, со всѣми нашими дѣлами и трудами, со всѣми душевными чувствами и культурными потребностями. И пока эта возможность не дана, пока культурные евреи принуждены работать среди не-евреевъ, потому что внутри еврейства нѣтъ еще своей культуры, способной дать просторъ всѣмъ нашимъ силамъ, всему лучшему въ нашей натурѣ, — до тѣхъ поръ все остальное бесполезно!» «Я до сихъ поръ не былъ въ Парижѣ и не имѣлъ возможности видѣть скульптуръ

Альфреда Носсига. Но если правда, что этому художнику удалось создать великія еврейскія произведенія, то могу сказать передъ лицомъ всего моего народа, что эти скульптуры для меня важнѣе въ смыслѣ возможнаго начала еврейской культуры, — тѣмъ тысячи рѣчей тѣхъ людей, которые ѣдутъ въ Базель и возвращаются оттуда для того, чтобы снова *работать въ чужихъ виноградникахъ*, потому что они *принуждены работать въ чужихъ виноградникахъ* («Отсталые», стр. 82).

Для Бердичевского вопросъ о культурѣ еврейскаго народа сталъ какъ бы вопросомъ собственной жизни. Важнѣйшую задачу нашу онъ полагаетъ въ томъ, чтобы воскресить духъ униженныхъ, оживить ихъ сердце и умъ. Для возведенія новаго зданія намъ необходимо создать новое поколѣніе свободныхъ цѣльныхъ людей, а не перетаскивать старыя бревна съ мѣста на мѣсто. Поэтому его возмущаетъ ханжество, царившее на второмъ конгрессѣ. Здѣсь опять еврейскій народъ, его духовныя потребности были подчинены старымъ идеямъ.

„И будь у меня громкій голосъ, я бы горько и громко возопіялъ во ставъ Израиля противъ великаго грѣха, содѣяннаго во время пробужденія народа. Будь у меня достаточно слюны, я заплевалъ бы лица тѣхъ людей, которые осмѣлились ослѣпить народу глаза и осквернить его истинныя святыни“.

Бердичевскій очень тонко отмѣтилъ, въ чемъ собственно заключается преимущество доктора Гастера передъ раввиномъ Рейнессъ. Старыя цѣнности послѣдній такъ же хорошо знаетъ, какъ и первый, а слѣдовательно, несомнѣнныя преимущества Гастера вытекаютъ только изъ европейскаго просвѣщенія...

„У насъ нѣтъ теперь ни одного великаго человѣка, мыслителя или художника, ни одного человѣка науки, архитектора или врача, скульптора или живописца, который не воспитался бы и не обучился бы у *нихъ* (у европейскихъ народовъ). Все, что у насъ есть теперь, наша духовная и матеріальная жизнь, наши мысли и рѣчи, а также наша литература и нашъ новый націонализмъ—все мы получили отъ *нихъ*“ („Отсталые“, стр. 87).

Если внимательно прочитатъ эти строки Бердичевского, невольно вспомнишь слова Ахадъ-Гаама: «спасеніе Израиля придетъ не отъ дипломатовъ, а отъ пророковъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

I. Мельникъ.

Библиографія.

Русскій историкъ еврейства. По поводу книги С. М. Дубнова *„Всеобщая исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“*. Второе, переработанное и расширенное, издание въ трехъ томахъ. Томъ первый: *Древнѣйшая и древняя исторія*. 1-ый полутомъ (до вавилонскаго плѣненія). Одесса. 1901 г.

До послѣдняго времени «всеобщая» исторія евреевъ не находила у насъ, въ Россіи, лицъ, которыя посвящали бы ей серьезную научную работу и задавались бы цѣлью представить общей (какъ еврейской, такъ и не-еврейской) читающей публикѣ полный законченный очеркъ историческихъ судебъ еврейскаго народа во всѣ времена и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ жили и живутъ «сыны Израилевы». Не говоря уже о томъ, что у насъ не было оригинальныхъ сочиненій указаннаго содержанія и объема, нужно признаться, что и въ смыслѣ переводовъ соотвѣтственныхъ произведеній иностранныхъ писателей у насъ было сдѣлано крайне мало. Правда, знаменитая «Исторія евреевъ» покойнаго проф. Генриха Гретца неоднократно привлекала вниманіе переводчиковъ, но объемъ этого труда (11 томовъ) съ одной стороны, неувѣренность въ матеріальномъ успѣхѣ такого обширнаго и дорого стоящаго изданія съ другой не способствовали распространенію знаменитаго труда наиболѣе выдающагося исторіографа еврейства въ русскомъ оуѣяннѣ. Такъ какъ наука еврейская сдѣлала за послѣднія десятилѣтія огромные успѣхи, новыя археологическія и литературныя находки подчасъ радикально измѣнили цѣлыя отдѣлы еврейской исторіи, многіе вопросы получили при новыхъ данныхъ совершенно новое освѣщеніе, а развитіе экономической науки, внесшей новыя нормы въ обработку историческаго матеріала вообще, не могло не сказаться также и въ области исторіи евреевъ, то болѣе чѣмъ почтенный трудъ проф. Гретца уже давно оказался несоотвѣтствующимъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ наше время должна отвѣчать всеобщая исторія евреевъ. Достаточно взглянуть на изданныя «Обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» V, X и XI томы «Исторія» Гретца (къ нимъ вскорѣ присоединится

также переводъ VI тома) ¹⁾, достаточно обратить вниманіе на тѣ обширныя «примѣчанія и дополненія», которыя сдѣланы ученымъ редакторомъ этихъ переводовъ, д-ромъ А. Я. Гаркави, и которыя сплошь и рядомъ кореннымъ образомъ видоизмѣняютъ текстъ Гретца, чтобы сказать, что въ смыслѣ популяризаціи интересной и во всѣхъ отношеніяхъ поучительной еврейской исторіи на всемъ ея многовѣковомъ протяженіи у насъ ничего еще не сдѣлано. Впрочемъ, не имѣя рассчитанной на широкій кругъ читателей общей еврейской исторіи, хотя бы переводной, мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ *учебниковъ* по этому вопросу (напр., рукодѣства Э. Гехта, Б. Сегала, П. Беера, И. Варшавскаго, Х. Маргольша, М. Элькана, М. Немзера и нѣк. др.); однако уже самое назначеніе подобныхъ сочиненій при подчасъ полной научной неподготовленности составителей и переводчиковъ, наконецъ отсутствіе въ большинствѣ этихъ книгъ настоящаго (прагматическаго) освѣщенія событій въ связи съ неизбежною въ учебникѣ краткостью и отрывочностью—все это вмѣстѣ взятое окончательно обезцѣниваетъ общелитературное значеніе подобныхъ работъ. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ И. Каганъ помѣстилъ въ «Русскомъ Евреѣ» (1881, 38) интересную и глубокопоучительную статью подъ характернымъ заглавіемъ «Есть-ли у насъ исторія и гдѣ ея учиться?», и въ томъ положеніи, въ какомъ находилось дѣло двадцать лѣтъ тому назадъ, оно продолжало пребывать до послѣдняго времени.

Въ 1895 году въ Германіи вышли два новые курса еврейской исторіи, притомъ посвященные изложенію событій побиблейскаго періода. То были: книги д-ра С. Бека «Исторія еврейскаго народа отъ вавилонскаго плѣненія до настоящаго времени» (*Geschichte des jüdischen Volkes vom babylonischen Exil bis auf die Gegenwart*) и трудъ проф. бреславльскаго семинаріи д-ра М. Бранна «Исторія евреевъ и ихъ литературы» (*Geschichte der Juden und ihrer Litteratur*). Въ обоихъ названныхъ трудахъ довольно удачно сплетена внѣшняя, политическая исторія евреевъ съ изображеніемъ развитія ихъ письменности, притомъ періодъ второго храма какъ здѣсь, такъ и тамъ былъ разработанъ весьма разносторонне, глубоко и умѣло. Тогда извѣстный русско-еврейскій историкъ и публицистъ, хорошо знакомый читателямъ «Восхода» С. М. Дубновъ, уже давно сознававшій необходимость изданія на русскомъ языкѣ средняго по объемамъ сочиненія по всеобщей исторіи евреевъ, рѣшилъ временно оставить свои цѣнныя архивныя изслѣдованія по исторіи польско-русскихъ евреевъ и заняться обработкою названныхъ

¹⁾ Изданіе трехъ томовъ „Исторія евреевъ“ проф. Гретца, предпринимаемое въ 80-хъ годахъ М. Я. Хашкесомъ далеко уступаетъ изданію „Общ. распр. просв.“ какъ въ смыслѣ литературности перевода, такъ и по отсутствію дополнительныхъ поясненій.

сочиненій на рускомъ языкѣ, сліяніемъ ихъ зоедино, восполненіемъ ихъ другъ другомъ и внесеніемъ въ получившуюся такимъ путемъ обработку данныхъ, добытыхъ имъ самимъ при изслѣдованіи судебъ русско-польскаго еврейства на основаніи первоисточниковъ и архивныхъ изысканій. Въ результатѣ получилась живо изложенная и мѣстами совершенно самостоятельно переработанная двухтомная «Еврейская исторія», имѣвшая такой большой успѣхъ даже среди не-евреевъ, что въ какихъ нибудь два года потребовала возобновленія изданія. Успѣхъ этотъ далеко превзошелъ ожиданія автора и, сослуживъ еврейству хорошую службу, побудилъ неутомимаго труженика еще съ большимъ рвеніемъ заняться подготовкою новаго изданія, усовершенствованнаго и дополненнаго. И въ первомъ изданіи, по собственному признанію автора, $\frac{4}{5}$ текста принадлежали ему, и лишь $\frac{1}{5}$ была заимствована у Бека и Бранна; теперь же представилась необходимость *кореннымъ* образомъ передѣлать весь «періодъ второго храма», значительно расширить отдѣлъ, озаглавленный «Талмудическій періодъ», введеніемъ культурнаго и бытоваго элемента, развитіе исторію евреевъ въ минувшемъ XIX вѣкѣ и уравнивать ее по объемамъ съ прочими частями труда. Поэтому С. М. Дубновъ, расположивъ свой новый матеріалъ уже не въ двухъ, а въ трехъ томахъ (отъ 400 до 500 страницъ въ каждомъ), рѣшился совершенно опустить имена Бека и Бранна и выступилъ теперь передъ читающей публикою съ самостоятельнымъ собственнымъ трудомъ. Поговорить объ этомъ трудѣ по скольу онъ вышелъ въ свѣтъ, кажется мнѣ, можно уже и теперь, хотя мы имѣемъ пока дѣло лишь съ тѣмъ полутомомъ, заглавіе котораго выписано въ заголовкѣ этой статьи. Съ дальнѣйшею частью труда С. М. Дубнова, предполагающаго окончить все изданіе къ 1903 году, мы въ сущности почти уже знакомы по его первому изданію. Что расширеніе программы и дополненія къ нему будутъ такъ же удачны, какъ и всѣ работы, выходящія изъ подъ пера этого ученаго, въ этомъ сомнѣваться нечего. Здѣсь мы посвятимъ нѣсколько словъ тому, какъ понялъ свою задачу авторъ и какъ разрѣшилъ онъ ее, сознавъ необходимость восполненія всеобщей исторіи евреевъ до новѣйшаго времени очеркомъ исторіи библейской—до того критическаго момента, который наступилъ съ началомъ вавилонскаго плѣненія. Желая дать публикѣ въ полномъ смыслѣ *всеобщую* исторію евреевъ, авторъ заканчиваетъ свое общее предисловіе слѣдующими словами: «Я лично смотрю на это трехтомное сочиненіе только какъ на *сжатый* ¹⁾ курсъ всей еврейской исторіи, который, помимо своего общаго назначенія, долженъ еще служить введеніемъ къ моему будущему специаль-

¹⁾ Курсивъ мой. Г. Г.

ному труду — къ обширной, разработанной по первоисточникамъ и архивнымъ материаламъ, «Исторіи евреевъ въ Польшѣ и Росіи» (стр. XII).

Для того, чтобы въ рукахъ читателя была полная всеобщая исторія евреевъ, С. М. Дубнову пришлось посвятить отдѣльнымъ томъ (или въ данномъ случаѣ полутомъ) древнѣйшей исторіи избраннаго народа, тому періоду, съ того момента, когда евреи появились среди культурныхъ народовъ Востока, до той минуты, когда они фактически стали играть мировую роль. Тутъ автору пришлось преодолѣть цѣлый рядъ затрудненій. Начать съ того, что самый предметъ его изслѣдованій не представлялся въ томъ цѣлостномъ и законченномъ видѣ, какой являютъ прочіе отдѣлы всеобщей исторіи евреевъ. Отсутствие многообразныхъ источниковъ, принадлежащихъ къ описываемой эпохѣ, неразработанность и неполнота данныхъ египтологіи, ассириовѣдѣнія и финиціологии, полное отсутствие эпиграфическихъ памятниковъ той семитской вѣтви, къ которой принадлежатъ евреи и ихъ палестинскіе сосѣди, неустановленность текстовъ (вдобавокъ относящихся къ несомнѣнно позднѣйшему времени, весьма тенденціозно переработанныхъ и потому не могущихъ считаться первоисточниками), наконецъ цѣлый рядъ внѣшнихъ условій, нерѣдко стѣсняющихъ изслѣдователя въ его безпристрастной и независимой работѣ, — все это вмѣстѣ взятое въ значительной мѣрѣ затрудняло успѣшное разрѣшеніе задачи, поставленной себѣ авторомъ. Пересказывать Библію съ ея давно-поэтическими страницами — трудъ крайне неблагодарный и рискованный уже потому, что Книга-Книгъ доступна всѣмъ и каждому и необходимъ огромный талантъ, чтобы привлечь вниманіе читателя къ пересказу того, что въ гораздо болѣе возвышенной и чистой формѣ ему давнымъ-давно извѣстно изъ первыхъ рукъ. Къ тому же простой пересказъ ни кого не удовлетворилъ бы и по другой причинѣ. Ни для кого изъ серьезной читающей публики не тайна, какую литературу народила Книга-Книгъ, какіе новые вопросы выдвинула относительно ея новая наука, какое огромное значеніе имѣютъ для правильнаго пониманія священныхъ текстовъ усилки семитологій вообще и ассириологій въ частности. Можно смѣло утверждать, что не-еврей, рѣшающійся удѣлить свой досугъ на чтеніе многотомной всеобщей *еврейской* исторіи, несомнѣнно знакомъ, хотя бы въ малой степени, съ исторіей Востока, и имена Штраусса, Ренана, Макса Мюллера, Дж. Дармштетера, Масперо, Велльгаузена и т. п. ему такъ или иначе извѣстны; другими словами, большинство публики знаетъ (правда, иногда и весьма смутно) о существованіи критическаго отношенія къ священнымъ текстамъ и цѣлой отрасли знанія, именуемой библейскою критикою. Съ этимъ обязательно долженъ счи-

таться историографъ еврейства, и наиболѣе трудною частью его задачи, по моему, является установленіе своей точки зрѣнія на первоначальную исторію и культуру евреевъ: отъ угла зрѣнія зависятъ и впечатлѣніе, получаемое отъ картины. Понятно, что и историку, посвящающему свой трудъ не узкому кругу специалистовъ, а широкой публикѣ, необходимо занять въ этомъ смыслѣ такое положеніе, которое дѣлало бы его отношеніе къ разбираемому вопросу общепонятнымъ и естественнымъ.

Книга-Книгъ издавна обладала однимъ свойствомъ, котораго мы тщетно стали бы искать у другихъ произведеній человѣческой мысли. Будучи доступна по своей простотѣ и человѣчности всѣмъ и каждому, она въ то же время подавала поводъ къ неисчерпаемому ряду недоразумѣній и споровъ. Какъ извѣстно, ни изъ-за одной другой книги въ мірѣ не было пролито столько крови, ни на одну не было потрачено столько умственныхъ и нравственныхъ силъ, какъ на нее. Отношеніе человѣчества или отдѣльныхъ его фракцій къ ней являлось нерѣдко характернымъ признакомъ той или другой эпохи всеобщей исторіи. Новая библейская критика, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Велльгаузена, Рейсса, Кюнена и Штаде, готова видѣть въ ветхозавѣтныхъ книгахъ діаметрально противоположное тому, что находятъ въ ней представители менѣе крайняго направленія богословской науки. Ясно, что необходимъ большой талантъ и ясный критическій взглядъ, нужна необыкновенная эрудиція и прежде всего полная научная самостоятельность, чтобы разобраться въ хаосѣ новыхъ и новѣйшихъ теорій, выбраться изъ многозапутаннаго лабиринта различныхъ взаимоконключающихъ другъ друга мнѣній подчасъ весьма выдающихся ученыхъ, а главное, чтобы провести свой собственными усиліями построенный корабль въ этомъ водоворотѣ теорій, своею смѣлостью нерѣдко столь заманчивыхъ и потому столь же губительныхъ, какъ подводные камни въ влокачущемъ морѣ.

Но смѣлый кормчіи С. М. Дубновъ пустился въ путь во всеоружіи знанія и опыта и сумѣлъ привести читателя къ тихой гавани, притомъ такъ, что тотъ и не замѣтилъ всѣхъ встрѣтившихся имъ по пути опасностей. С. М. Дубновъ блестяще разрѣшилъ свою задачу и положилъ начало тому, о чемъ не такъ давно онъ самъ еще писалъ, какъ о почти несбыточной надеждѣ: «Мыслитель и моралистъ могутъ найти въ исторіи духовной жизни еврейства непочатый матеріалъ для самыхъ глубокомысленныхъ философскихъ построений! Да, мы увѣрены, что наступитъ время, когда всѣ это поймутъ—и тогда двухтысячелѣтняя исторія еврейскаго народа въ Европѣ (я бы прибавилъ «трехтысячелѣтняя въ Азіи и Европѣ») сдѣлается такою же настольною книгою *мыслящаго* человѣчества, какою уже давно сдѣлалась для *спрую* .

шаю человечества ветхозавѣтная, библейская исторія этого са-
маго народа...»¹⁾

Когда я приступалъ къ чтенію перваго тома труда С. М. Дуб-
нова, я (и со мною, несомнѣнно, весьма многіе) былъ почему-то
увѣренъ, что книга наврядъ-ли удовлетворитъ меня, знакомаго
съ положеніями неокритической школы библейской экзегетики на
Западѣ. Но мои опасенія не сбылись: авторъ, далеко не
раздѣляя мнѣній крайнихъ представителей новаго направ-
ленія и въ то же время обнаруживая полное и детальное
знакомство съ ними, сумѣлъ взять отъ этихъ представителей все
то хорошее, что они дали, и отвергнуть все ихъ крайности. Стоя
вполнѣ на высотѣ современной библейской науки, будучи хо-
рошо освѣдомленъ съ новѣйшими результатами египтологіи и ас-
сириологіи, г. Дубновъ мастерски построилъ свое изложеніе пред-
мета, найдя вѣрныя точки отправленія и дѣленія матеріала и
сохранивъ всюду объективно-безстрастный тонъ истого историка,
для котораго нѣтъ ничего выше истины. Это сказывается
на первомъ планѣ въ самомъ построеніи его труда. Вотъ
что пишетъ объ этомъ самъ С. М. Дубновъ (предисловіе,
XI): «Въ новыхъ научныхъ сочиненіяхъ по исторіи этого (библей-
скаго) періода принято начинать изложеніе событій съ момента
завоеванія Ханаана, или еще позже—съ эпохи возникновенія цар-
ской власти,—причемъ предыдущія, доисторическія эпохи описы-
ваются въ позднѣйшихъ отдѣлахъ, въ формѣ обзоровъ народныхъ
преданій и религіозной письменности. Держась въ свою очередь
на почвѣ научнаго изслѣдованія, я тѣмъ не менѣе позволилъ
себѣ отступить отъ этого обычая. Я помѣстилъ во главѣ книги
два отдѣла: 1) «Доисторическій или кочевой періодъ» и 2) ге-
роническій періодъ (завоеваніе Ханаана и время судей), гдѣ парал-
лельно излагаются народныя преданія объ этихъ первобыт-
ныхъ эпохахъ нашей исторіи, и дается научное ихъ освѣщеніе,
преимущественно на основаніи данныхъ ассириологіи и египтоло-
гіи (легендарная часть и научная напечатаны въ текстѣ двумя
различными шрифтами)».

Я лично нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что «такимъ пу-
темъ достигается, съ одной стороны, дѣльность историческаго
повѣствованія, а съ другой—получается возможность характери-
зовать самыя отдаленныя и темныя эпохи на основаніи древнихъ
народныхъ представленій, возникновеніе которыхъ разъясняется
въ дальнѣйшемъ текстѣ» (стр. XII). Однако я позволю себѣ
тутъ-же высказать попутно маленькое замѣчаніе, неоднократно при-
ходившее мнѣ въ голову при чтеніи почтеннаго труда автора.
Дѣло въ томъ, что изъ самаго чтенія книги г. Дубнова далеко

¹⁾ С. М. Дубновъ, „Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учре-
деніи русско-еврейскаго историческаго общества“, 1891, стр. 8.

недостаточно выясняется внутренняя связь между отдельными институтами и воззрѣніями, присущими той или другой эпохѣ. А это по моему, происходитъ, отъ одного недостатка работы нашего историка, именно оттого, что онъ не помѣстилъ предъ своимъ трудомъ, имѣющимъ столь серьезно-научное значеніе, специальнаго «Введенія» гдѣ подробно освѣщался бы вопросъ объ источникахъ, особенно библейскихъ, гдѣ давалась бы имъ надлежащая оцѣнка, и устанавливалось бы взаимоотношеніе библейскихъ книгъ между собою, однимъ словомъ гдѣ читатель нашелъ бы главу изъ области библейской критики. У автора этотъ существенный пробѣлъ восполненъ, но въ весьма слабой степени, въ § 96, гдѣ говорится о культурѣ и духовной жизни евреевъ въ эпоху двударствія, и отчасти въ указаніи научной литературы предмета, помѣщенномъ въ концѣ каждой главы книги. Онъ приводитъ эти (кстати, весьма неполныя) библиографическія указанія источниковъ съ тою цѣлью, чтобы «дать свѣдущему читателю понятія о тѣхъ научныхъ орудіяхъ, которыми авторъ оперировалъ», и поясняетъ что эти указатели должны замѣнять собою подстрочныя ссылки, а также давать необходимѣйшія библиографическія свѣдѣнія лицамъ, желающимъ специально изучать ту или другую эпоху по источникамъ», но рѣшительно не даетъ никакихъ характеристикъ цитируемыхъ—трудовъ, трудовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ представителямъ различныхъ направленій въ библейской критикѣ. Неосвѣдомленный читатель (а такихъ, конечно, будетъ подавляющее большинство) навѣрное не сумѣетъ самъ разобратся въ предлагаемомъ ему здѣсь матеріалѣ. Очень жаль, что почтенный историкъ не нашелъ возможнымъ восполнить этотъ, весьма существенный пробѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить свою собственную обще-философскую характеристику еврейской исторіи, на которую, поскольку она заложена въ его этюдѣ («Что такое еврейская исторія?», Восходъ, 1893, кн. X—XII), имѣется лишь глухая подстрочная ссылка.

Однако я уклонился въ сторону отъ своей темы. Итаетъ, самое построеніе сочиненія г. Дубнова свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ сумѣлъ успѣшно преодолѣть всѣ вышеуказанныя трудности. Все содержаніе перваго полутома онъ разбилъ на пять отдѣловъ подъ слѣдующими заголовками: I. «Доисторическій или кочевой періодъ» (около XX—XV в.), II. «Героическая эпоха» (около XV—XI в.). III. «Объединенное еврейское государство при первыхъ царяхъ и начало раскола» (1067—928). IV. «Эпоха двударствія: Самарія и Иудея» (928—720) и V. «Иудейскій народъ при господствѣ Ассиріи и Вавилоніи» (720—538). Каждому отдѣлу предпосланъ сжатый «Общій Обзоръ», въ которомъ и выясняется взаимная связь отдельныхъ частей всего сочиненія. За этими общими обзорами слѣдуютъ самостоятельныя главы. Мнѣ

здѣсь нечего останавливаться на вопросѣ, поскольку ужьло авторъ изложилъ имѣющійся въ его распоряженіи богатый матеріалъ. Скажу одно, и это пусть служитъ общему характеристикой всего его труда: книга читается со все возрастающимъ и въ концѣ съ IV отдѣла, даже захватывающимъ интересомъ. Особенно хороша глава о верховенствѣ Ассиріи (стр. 191—212) и мѣстами (стр. 207—209) изложение г. Дубнова достигаетъ высокой художественности. Я крайне жалѣю, что мѣсто не позволяетъ мнѣ здѣсь выписать цѣлыя страницы, которыя должны быть признаны какъ по объективности тона, такъ и по художественной ясности чисто эпической рѣчи, прямо классическими. Позволяю себѣ здѣсь указать читателямъ, какъ на особенно прекрасныя части книги, на §§ 20, 26, 36, 42, 51 и др.

Крайне цѣнными являются и подзаголовки отдѣльныхъ §§, такъ тутъ нерѣдко въ одномъ словѣ характеризуется все отношеніе автора къ тому или другому легендарному событію. Для примѣра укажу на §§ 47 и 48, носящія названія: *Гетгахъ (гилеадское преданіе)*, *«Самсонъ богатырь» (данитское преданіе)* и т. п. Весьма важно и то, что авторъ постоянно, гдѣ это только допустимо, проводитъ параллели между установленіями и легендами еврейскими и другихъ семитскихъ народностей (срв. стр. 10, 11 и др.) и часто въ одномъ терминѣ объясняетъ свой личный взглядъ на историческое значеніе того или другого памятника (напр., стр. 9 *сильные люди* гордо называли себя «сынами Божиими»; стр. 37, гдѣ говорится о роли Моисея въ синайскомъ законодательствѣ; стр. 42: «Онъ (Моисей) превратилъ толпу рабовъ въ народъ и своимъ вдохновеннымъ ученіемъ сдѣлалъ этотъ народъ «избраннымъ, великимъ»; стр. 44: «Книга союза» (Сеферъ га-брить, т. е. главы 21—23 «Исхода») составляетъ первоначальное зерно Моисеева законодательства; стр. 60, гдѣ сказано: «Перейдемъ къ подробному разсказу о «времени судей», на основаніи *національно-героическаго эпоса*, сохранившагося въ священныхъ лѣтописяхъ народа», и мн. др.).

До сихъ поръ я уваживалъ на неоспоримыя и крупныя достоинства труда С. М. Дубнова, но произведеніе почтеннаго историка не свободно и отъ нѣкоторыхъ изъяновъ. Впрочемъ, эти недостатки (объ отсутствіи «Введенія», какъ я его понимаю, здѣсь говорить не приходится, потому что это дѣло субъективнаго мнѣнія и личнаго вкуса) настолько незначительны, такъ теряются въ массѣ цѣннаго и разработаннаго матеріала, что упомянуть о нихъ меня побуждаетъ исключительно чувство справедливости и нежеланіе показаться одностороннимъ.

Тутъ мы уважемъ на рядъ если не ошибокъ, то неточностей или, вѣрнѣе, нѣскольکو рискованныхъ положеній (по теперешнему положенію науки). Такъ, въ § 28 (синайское откровеніе)

сказано: «До сихъ поръ евреи сохранили *первоначальную* вѣру въ единого Бога». Вопросъ о первоначальномъ религіозномъ міросозерцаніи евреевъ, о томъ, былъ-ли это монотеизмъ или ено-теизмъ, или, быть можетъ, анимизмъ, до сихъ поръ остается открытымъ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ (на стр. 43) пишетъ: «Тутъ (у подножія Синая) впервые намѣченъ переходъ отъ смутной *естественной* религіи патриарховъ къ ясной *положительной* «религіи Моисея». Неточность, такъ наз. lapsus calami, замѣчена мною и на стр. 56, гдѣ говорится о томъ, что «сначала израильтяне овладѣли гористою частью Ханаана, гдѣ имъ, какъ *наблюдникамъ пустыни* легче было сражаться съ туземцами». Мнѣ кажется, что именно въ гористой странѣ движенія конницы гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ низменности. Въ примѣчаніи на стр. 65 дано невѣрное объясненіе имени «Авимелехъ», означающаго не «отецъ царя», но—«мой отецъ царь». Серьезною погрѣшностью нужно считать утвержденіе автора (на стр. 71), что «по своему происхожденію филистимляне принадлежали не къ семитской расѣ, а къ разнородной группѣ племенъ, обитавшихъ въ Малой Азіи и на островахъ Архипелага». Не говоря уже о томъ, что послѣднее объясненіе ничего не говоритъ, позволяю себѣ замѣтить, что вопросъ о семитскомъ происхожденіи филистимлянъ уже давно разрѣшенъ наукою въ положительномъ смыслѣ (срвн. книгу Hannecker'a, Die Philistäer, biblische Abhandlung, Eichstätt, 1872). Рисковано также утвержденіе (на стр. 72): «Нужно противопоставить филистимлянскому союзу общезраильскій союзъ. И вотъ объединеніе націи стало постепенно осуществляться *сначала на почвѣ духовной*, а потомъ и политической». А можетъ быть, дѣло происходило какъ разъ наоборотъ? Самъ же авторъ восклицаетъ (на стр. 80): «Вторженія иноземцевъ и особенно филистимлянъ заставили, наконецъ, разрозненныя израильскія колѣна объединиться подъ главенствомъ общенароднаго вождя—царя». Гдѣ же тутъ начало духовное? Тѣмъ болѣе, что непосредственно къ этому примыкаетъ фраза: «Народная воля ясно выразилась въ требованіи, обращенномъ къ пророку Самуилу: «поставь надъ нами царя, который бы управлялъ нами, *какъ это бываетъ у всѣхъ народовъ!*» Самъ священный кодексъ, слѣдовательно, выдвигаетъ тутъ на первый планъ мотивы чисто-политическаго свойства. Почему, по мнѣнію автора, Героеамъ долженъ былъ руководствоваться, выбирая для изображенія Іеговы фигуру быка или тельца, культомъ египетскаго Аписа» (стр. 124), а не болѣе близкимъ всѣмъ семитамъ культомъ Молоха, всегда изображавшагося съ бычачьею головою. Вотъ и все, что я могъ найти не совсѣмъ яснаго въ трудѣ г. Дубинова. Какъ видитъ читатель, это такая крупница, что о ней собственно и говорить не стоило бы. Все это легко устранимо въ слѣдующемъ изданіи и объясняется исключительно запутанностью и неясностью крайне

разнообразнаго и богатаго матеріала, въ добавокъ почти не работаннаго. Кромѣ того, какъ я уже указывалъ дважды, объективному, настоящему историкѣ, какимъ является г. Дубновъ, крайне трудно не считаться съ ускорившимися (иногда весьма прочно) взглядами и убѣжденіями той массы, къ которой онъ обращается съ рѣчью. Тема же труда г. Дубнова такова, что она ежеминутно заставляетъ автора считаться съ указанными взглядами. За то, сколько постигнѣ дивныхъ страницъ далъ намъ историкъ! И если можно пожалѣть о чемъ нибудь, такъ это о томъ, что 1) къ ней не приложены географическія карты и 2) нѣтъ общаго, заключительнаго резюме. Впрочемъ, предоставляя послѣднее личной инициативѣ каждаго читателя, авторъ, вѣроятно, не желалъ ослабить то могучее, прямо таки чарующее впечатлѣніе, которое остается у всякаго послѣ прочтенія его работы, дѣйствительно составленной *sine ira et studio* и всюду проникнутой талмудическою сентенціею: «Если ты черзчуръ много забралъ, то ты ничего не забралъ».

Въ заключеніе позволю себѣ привести выписку изъ одной характеристики ¹⁾ почтеннаго ученаго: «Этотъ богато-одаренный писатель всѣми фибрами своей души, всѣмъ существомъ своимъ принадлежитъ еврейству. Еврейская наука, еврейская литература, еврейская публицистика имѣютъ въ немъ одного изъ самыхъ благородныхъ и талантливыхъ представителей. Онъ здѣсь является не случайнымъ гостемъ, литература—не стороннее его занятіе, какою она была для большинства русско-еврейскихъ писателей; напротивъ, это литераторъ *pur sang*; литература—его стихія, которою онъ живетъ и дышитъ, она *conditio sine qua* поп его духовной природы. Поэтому то Дубновъ дѣйствуетъ на васъ не только силою своей трезвой логики и широкою эрудиціею, но также и теплою бодрящаго чувства, которымъ проникнуты всѣ его работы».

Какъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ произведеній С. М. Дубнова является его этюдъ о Гретцѣ («Историографъ еврейства», Восходъ, 1892, 2—9). О немъ въ той же характеристикѣ (стр. 44—45) сказано: «Здѣсь языкъ автора достигаетъ совершенства, отличается необычайною красотою, плавностію и художественностію». То же самое сказалъ бы я и объ изложеніи перваго полутома его «Всеобщей исторіи евреевъ». Тутъ С. М. положительно далъ еще нѣчто лучшее, и мы можемъ теперь сказать безъ обиняковъ: «Ученикъ превзошелъ своего учителя; въ лицѣ Дубнова русскіе евреи имѣютъ своего собственнаго Гретца».

Г. Генкель.

¹⁾ И. С. Рашковскій, «Современные русско-еврейскіе дѣятели», вид. первый, стр. 37.

ספר אלהב ציון וירושלים כשני בעד רמזעז. ויילמא תרמ"א.

(Книга любви къ Сиону и Иерусалиму. Б. Ратнера. Вильна, 1901). 217 стр. in 8°. Цѣна 3 рубля.

Съ чувствомъ глубокой радости читали мы книгу г. Ратнера и съ истиннымъ удовольствіемъ представляемъ читателю отчетъ о ней. Г. Ратнеръ задумалъ собрать «варианты и разночтенія» Иерусалимскаго Талмуда изъ сочиненій первыхъ толкователей, старопечатныхъ книгъ и рукописныхъ фрагментовъ, дабы это служило матеріаломъ для критическаго изданія Талмуда. Всѣ знаютъ, что изученіе Талмуда въ значительной мѣрѣ затрудняется неразработанностью его текста. Еще недавно Dr. Bischoff въ своей «Критической исторіи переводовъ Талмуда» предлагалъ германскому правительству ассигновать на разработку и на печатаніе критическаго текста Талмуда, — «бездѣлицу», миллионъ марокъ: германское-де правительство не разъ бросало болѣе значительныя суммы на менѣ полезныя цѣли, а критическій текстъ Талмуда сдѣлаеть его доступнымъ для христіанскихъ ученыхъ, благодаря чему будетъ положенъ конецъ великому спору о его содержаніи. Если Талмудъ вавилонскій нуждается въ критическомъ текстѣ, и переводчики его изнываютъ подъ тяжестью работы, такъ какъ вмѣсто того, чтобы ловить упорно прячущуюся въ недомолвахъ и лаконизмахъ талмудическую мысль, вмѣсто того, чтобы обращать всѣ свои силы на подыскиваніе для этой мысли наиболее близкихъ и точныхъ выраженій, — они вынуждены заниматься критикой текста, если Талмудъ вавилонскій, говоримъ мы, надѣ объясненіемъ котораго работало столько поколѣній, нуждается въ критическомъ текстѣ, — что ужъ и говорить о Талмудѣ палестинскомъ (Иерушалми), который не имѣлъ ни своего Раши, ни своихъ Тосафотъ, ни своего Альфаси. Совершенно правильно замѣчаетъ г. Ратнеръ, что едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ Иерушалми нѣтъ ни одной строки, свободной отъ ошибокъ и искаженій. Въ то время, какъ вавилонскимъ Талмудомъ занимались на протяженіи тысячи лѣтъ всѣ наиболее выдающіеся умы еврейства, и было употреблено много труда и остроумія на исправленіе и освѣщеніе его текста, Талмудъ палестинскій находился постоянно въ пренебреженіи: нѣтъ кодекса его законовъ, на него почти нѣтъ комментаріевъ, и многіе даже, какъ доказалъ г. Ратнеръ, ошибочно высказывали ту мысль, что его законы не имѣютъ обязательной силы въ случаѣ столкновенія съ законами Вавли. Для установленія текста вавилонскаго Талмуда въ услугамъ изслѣдователей имѣются еще рукописи, сохранившіяся цѣликомъ или фрагментами въ разныхъ библіотекахъ не смотря на свирѣпость инквизиціи. Про Иерушалми и этого нельзя сказать, такъ какъ единственная полная рукопись его, лейденская (отъ 1289 г.) полна ошибокъ и притомъ представляетъ

сравнительно малый интересъ, такъ какъ лежитъ въ основѣ печатнаго текста ¹⁾). Остается одинъ путь для установленія правильныхъ чтеній: это—сличеніе встрѣчающихся въ древнихъ сочиненіяхъ цитатъ изъ Іерусалима съ дошедшимъ до насъ текстомъ его.

Понятно, что за такую работу можетъ взятыся не всякій: такая работа требуетъ громадной начитанности въ древнѣйшей литературѣ въ связи съ глубокимъ знаніемъ Талмуда. Трудъ г. Ратнера показываетъ, что онъ въ полной мѣрѣ обладаетъ этими качествами. Древніе ученые, цитируя Талмудъ, часто не указываютъ ни трактата, ни главы, и г. Ратнеру приходилось самому опредѣлять, изъ какаго именно мѣста взята данная цитата, что онъ блестяще и выполнялъ. Особенно любопытны тѣ цитаты, которыхъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ не оказывается: г. Ратнеръ опредѣляетъ приблизительно, въ какомъ мѣстѣ онѣ должны были находиться и приводитъ ихъ подѣ даннымъ мѣстомъ. Такихъ цитатъ найдено г. Ратнеромъ для трактата Барахотъ порядочное количество. Кромѣ самихъ цитатъ г. Ратнеръ приводитъ и толкованія, которыми эти цитаты снабжены у древнихъ авторовъ, что весьма важно для пониманія текста, а иногда даетъ собственныя толкованія.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ разбираемаго труда. Покуда изданы только цитаты изъ трактата Барахотъ, но онѣ даютъ уже полное представленіе о размѣрахъ и исключительной важности этой работы. Исчерпалъ-ли г. Ратнеръ всѣ источники, сказать трудно, такъ какъ литература, подлежащая его разсмотрѣнію, необъятна. Самое главное онъ, несомнѣнно, далъ. Можно только жалѣть, что авторъ не потрудился дать списокъ просмотрѣнныхъ имъ изданій: это было бы и наглядательно и полезно для дальнѣйшихъ работниковъ въ этой области.

Такимъ образомъ въ трудѣ г. Ратнера Іерусалимъ получило блестящее освѣщеніе, и притомъ освѣщеніе автентическое, достоверное, основывающееся не на остроуміи толкователя, а на подлинномъ фактѣ, почеркнутомъ изъ подлинныхъ источниковъ. Отнынѣ никто не имѣетъ права братья за изслѣдованіе или переводъ Іерусалима, не проштудировавъ предварительно книги г.

¹⁾ Въ 1898 г. проф. Коконцовъ описалъ на русскомъ языкѣ присланныя ему фототипическія снимки съ рукописнаго фрагмента Іерусалима (Вава Камма, главы V, VI и VIII), гдѣ еврейскій текстъ написанъ поверхъ грузинскаго (палимисестъ). Проф. Коконцовъ въ своей статьѣ перечисляетъ еще шесть извѣстныхъ въ настоящее время рукописныхъ фрагментовъ Іерусалима: въ Британскомъ Музее имѣются: отдѣлъ *Зераимъ* и трактатъ *Шекалимъ*, въ Кембриджѣ (Водневъ) двѣ рукописи *Барахотъ*, въ частной коллекціи Lewis—Gibson часть трактата *Гиттинъ*, въ частной коллекціи бар. Гинцбурга въ С.-Петербургѣ почти весь *Зераимъ* и въ Пармѣ часть тр. *Йома*. См. „Записки Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.“ т. XI.

Ратнера; никто не имѣетъ права цитировать Иерушалми, не просмотрѣвъ приводимыхъ г. Ратнеромъ разночтеній. Ибо, какъ совершенно правильно говорить въ предисловіи авторъ, его книга даетъ больше, чѣмъ можетъ дать новая рукопись Талмуда, буде такая откроется: рукопись дастъ одно новое чтеніе, между тѣмъ какъ его книга даетъ ихъ сразу нѣсколько, она какъ бы развертывается передъ читателемъ цѣлый рядъ рукописей, и при томъ самыхъ древнихъ, самыхъ точныхъ рукописей, которыми пользовались величайшіе представители еврейской науки. Отъ души желаемъ въ высшей степени важному труду г. Ратнера самого широкаго распространенія.

Н. Переферковичъ.

Д-ръ Бернфельдъ. Талмудъ, его сущность, значеніе и исторія. Переводъ и дополненія Германа Генкеля. Изданіе Б. Звонарева. С.-Петербургъ, 1902. 144 стр. in. 8°. Цѣна 50 коп.

О нѣмецкомъ подлинникѣ прекрасной книжки, заглавіе которой здѣсь выписано, мы уже говорили на страницахъ этого журнала (см. «Кн. Восх.» 1901, вн. V стр. 138—142). Мы очень рады, что она такъ скоро переведена на русскій языкъ, вдвойнѣ рады, что переводъ ея сдѣланъ г. Генкелемъ, человѣкомъ, прекрасно знающимъ свое дѣло. Ибо за переводъ сочиненій, трактующихъ о такомъ специальномъ предметѣ какъ Талмудъ, вправѣ братья только человѣкъ, обладающій специальной подготовкой, иначе выходитъ Богъ знаетъ что. Г. Генкель даетъ не только переводъ, но тамъ и самъ вставляетъ собственныя примѣчанія. Его примѣчанія рассчитаны на русскаго читателя, котораго не могъ имѣть въ виду авторъ, и вездѣ вполне уместны. Если прибавить, что переводъ, помимо, такъ сказать, научной безукоризненности, исполненъ еще прекраснымъ языкомъ, что внѣшность книжки не оставляетъ желать лучшаго, и что цѣна ей назначена весьма умеренная, то наши читатели поймутъ, почему мы позволимъ себѣ такъ тепло рекомендовать эту работу. Самъ переводчикъ видитъ въ сочиненіи д-ра Бернфельда два достоинства: объективность и прагматизмъ изложенія.

Отсутствіе этихъ цѣнныхъ качествъ въ «трудѣ» проф. И Троицкаго «О талмудѣ и т. д.», даютъ переводчику поводъ радоваться возможности представить читающей публикѣ книжку Бернфельда. Изъ всѣхъ существующихъ на русскомъ языкѣ популярныхъ книжекъ о Талмудѣ, сочиненію Бернфельда въ переводѣ г. Генкеля отнынѣ принадлежитъ, несомнѣнно, первое мѣсто.

Н. Переферковичъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ПИСЬМА О СТАРОМЪ И НОВОМЪ Еврействѣ. Письмо шестое. Раздробленная и объединенная національная партія. С. Дубнова.	3
II. КТО ДАЕТЪ ЖИЗНЬ,—ДАЕТЪ И НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ЖИЗНИ. Изъ хасидскихъ разсказовъ. Л. Переца.	27
III. ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧЕРТѢ ОСЪДЛОСТИ. Путевые наброски. (Продолженіе). И. Хороша.	45
IV. ПАЛЕСТИНСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. Старога Палестинца.	65
V. Еврейскія общественныя учрежденія въ царствѣ Польскомъ. Начальныя училища и хедеры. А. Паперны.	92
VI. НОВЫЕ ЗВУКИ. I. М. Бердячевскій. I. Мельника.	107
VII. ВИБЛОГРАФІЯ:	
1. <i>Русскій историкъ еврейства. По поводу книги С. М. Дубнова. „Всеобщая исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“. Второе, переработанное и расширенное, изданіе въ трехъ томахъ. Томъ первый: Древнѣйшая и древняя исторія, 1-ый полутомъ (до вавилонскаго плѣненія). Одесса, 1901 г. Г. Генкеля.</i>	123
2. <i>Книга любви къ Сіону и Іерусалиму. Б. Ратнера, (Вильно, 1901) 217 стр. in 8°. Н. Переферковича.</i>	133
3. <i>Д-ръ Бернфельдъ. Талмудъ, его сущность, значеніе и исторія. Переводъ и дополненія Германа Генкеля. Изданіе Б. Звонарева. С.-Петербургъ, 1902. 144 стр. in. 8°. Н. Переферковича.</i>	135

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ТРАГЕДІИ ГЕТТО: Объявленная земля. Сатанъ Макастригъ. Переходное время. Влуждающіе во мракъ. И. Зангвилля.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Театральная площадь, 2.
1801.

Письма о старомъ и новомъ еврействѣ.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Автономизмъ, какъ основа національной программы.

Умеръ недавно XIX вѣкъ, нѣкогда мощный, порывистый, полный свѣтлыхъ надеждъ, но предъ кончиною одряхлѣвшій и впавшій въ черствый пессимизмъ. Теперь медленно приближается къ смерти одна изъ величайшихъ антитезъ еврейской исторіи, порожденная этимъ бурнымъ вѣкомъ.

Да, XIX вѣкъ былъ въ нашей исторіи «вѣкомъ антитезы». Старый *тезисъ*, противъ котораго онъ выступилъ, назывался *обособленіемъ*. Послѣ упадка сефардской культуры и перехода національной гегемоніи къ ашкеназимъ, этотъ тезисъ, въ теченіе трехъ столѣтій (1492—1791), составлялъ непоколебимую основу еврейской жизни. Строгая замкнутость въ сферѣ социальной, бытовой и духовной, внутреннее самоуправленіе, мѣстами довольно широкое и хорошо организованное (какъ напр. въ Польшѣ), и чисто формальное отношеніе къ внѣшнему государственному режиму (или вѣрнѣе—«прижиму», какъ символически выразился одинъ изъ чеховскихъ героев)—вотъ характерныя черты нашего стараго порядка. Что бы ни говорили о недостаткахъ этого стараго порядка, но въ немъ было одно великое достоинство—цѣльность, послѣдовательность поведенія. Евреи совершенно здраво разсуждали, что если государство только терпитъ ихъ, а окружающее населеніе даже явно имъ враждебно, то и они могутъ относиться къ государству только формально, а къ окружающимъ не имѣютъ основанія

питать нѣжныя чувства. Установилась, такимъ образомъ, «терпимость» съ обѣихъ сторонъ, хотя и не однородная:

Du... duldest, dass ich athme,

Dass du gasest, dulde ich (Heine).

Евреи добросовѣстно уплачивали государству свои постоянныя и чрезвычайныя повинности, несоразмѣрныя съ жалкими гражданскими правами, которыя имъ предоставлялись— и затѣмъ считали себя свободными. Они не имѣли ни политическихъ правъ, ни гражданского равноправія, но зато сохранили за собою одно право, которое имъ было всего дороже—право самобытной національной жизни, осуществляемое путемъ общиннаго самоуправления. Парія внѣ гетто, еврей былъ свободнымъ гражданиномъ внутри гетто. Въ Польшѣ, гдѣ узаконеннаго гетто (за исключеніемъ небольшой группы городовъ) не было, евреи создали широкую и стройную общинную организацію—кагалы и союзы кагаловъ, съ ихъ сложной административной іерархіей. Для христіанскаго правительства эта организація была весьма удобна, какъ учрежденіе, гарантировавшее точное исполненіе евреями всѣхъ своихъ формальныхъ обязанностей по отношенію къ государству; для христіанскаго населенія она была безразлична, ибо евреи все равно не могли имѣть съ нимъ никакого гражданского общенія, какъ люди не допускавшіеся въ городскіе магистраты, общіе ремесленныя и купеческія цехи и другія сословныя учрежденія.

Для евреевъ же эта общинная автономія имѣла громадное и національное, и культурное значеніе: она объединяла и укрѣпляла еврейскую націю среди враждебныхъ ей народовъ и въ то же время цивилизовала еврейскую массу, приучала ее къ общественной дисциплинѣ, къ самоуправленію и самопомощи. Еврей сознавалъ себя частью живого и дѣйствующаго національнаго организма; онъ имѣлъ *свою* общественный и духовный центръ—и былъ цѣльнымъ человекомъ, хотя и съ ограниченными кругозоромъ. Его обособляли, держали внѣ закона и внѣ гражданского общества—и онъ обособлялся, находя полное удовлетвореніе въ своемъ законѣ и въ своемъ

обществѣ. Онъ считалъ это обособленіе благомъ для своей національно-духовной личности и распространялъ его даже на сферу культурную и бытовую, гдѣ онъ также старался не походить на «нихъ», на чуждыхъ или враждебныхъ ему сесѣдѣй... Онъ жертвовалъ своей индивидуальной свободой ради крѣпости національной дисциплины. Только исключительная природы тяготились этой чрезчуръ суровой дисциплиной, основанной на старомъ началѣ: *salus publica — suprema lex*. Въ нихъ порывы личной свободы боролись съ игомъ общественного регламента, — но эта трагическая борьба стала замѣтной уже въ послѣдующее, переходное время.

Наступилъ XIX вѣкъ, предшествуемый громомъ революціи и восторженными кликами о «равенствѣ, братствѣ и свободѣ». Евреи Западной Европы прониклись новыми, освободительными вѣяніями еще раньше, чѣмъ эти вѣянія успѣли охватить *все* христіанское общество, даже раньше, чѣмъ рухнули повсемѣстно стѣны гетто. Сквозь тучи и туманы пробивала себѣ путь социальная заря. Огромная, наслоенная вѣками ледяная глыба обособленія быстро таяла подъ лучами солнца — и потекли великія воды: закипѣла бурная, кипучая *ассимиляція*. Тевисъ, — прочно установившійся старый порядокъ еврейской жизни, — рушился, и на его развалинахъ водворилась противоположная крайность — *антитеза*. Ей сначала еще не поддаются русско-польскіе евреи, переживающіе въ первой половинѣ XIX вѣка эпоху почти средневѣковаго типа; но *hodie mihi, cras tibi* — и во второй половинѣ столѣтія верхніе слои русскаго еврейства тоже вовлекаются въ западную антитезу, подъ влияніемъ занесенныхъ съ Запада идей и мгновенно блеснувшего на Востокъ луча эмансипаціи, вскорѣ погасшаго... Что то необычайное творилось тогда въ еврейской жизни. Умственный кругозоръ расширился, индивидуальная жизнь получила больше простору и свободы, евреи втянулись въ водоворотъ европейской общественности. *Человѣкъ*, освобожденный отъ оковъ традиціи, воспрянулъ и торжествовалъ побѣду, но что сталося съ *евреемъ*, съ нашимъ вѣковѣчнымъ національнымъ духомъ? —

Тутъ антитеза XIX вѣка надѣлала страшныя опустошенія. Безжалостно ломались всѣ старыя устои еврейской общественности, еврейскихъ національныхъ учреждений. Искоренялось самое представленіе о еврействѣ, какъ о живой, внутренне-автономной націи—еврейская національная идея попала въ index запрещенныхъ «ретроградныхъ» идей. Какъ нѣкогда кричали: «въ шатры свои, Израиль!»—такъ теперь стали кричать: «вонъ изъ шатровъ своихъ, Израиль!» Сліяніе съ окружающими націями стало догмою новаго міросозерцанія. Одни уходили по пути сліянія очень далеко—даже туда, откуда уже нѣтъ возврата къ еврейству; другіе, подобно сатанѣ въ «Іовѣ», отнимали у своей «бывшей» націи все, кромѣ души, которая у нихъ какъ-то сократилась, втиснутая въ узкую рамку нѣсколькихъ религіозныхъ догматовъ и обрядовъ. «Оставь умершую еврейскую націю и прилѣпись къ тѣмъ народамъ, среди которыхъ живешь!»—вотъ священная заповѣдь, которую съ жаромъ вѣрующихъ исполняли поклонники ассимиляціи. Во что же вѣрила эта огромная масса, убившая въ себѣ свой національный духъ, свои расовыя и историческія особенности, перекраивавшая свою душу на космополитическій, или на нѣмецкій, польскій и русскій ладъ? Она вѣрила, или точнѣе увѣрила себя, что еврейство, какъ нація, давно умерло и должно или раствориться въ челоуѣчествѣ (космополиты), или войти въ составъ чужихъ національныхъ организмовъ (ассимиляторы-народники), сохраняя только, въ видѣ красивыхъ реликвій, нѣсколько обломковъ своей древней религіи и исторіи. Крайность стараго обособленія вызвала эту крайность ассимиляціи. Сила антитезы, по психологическому закону, оказалась пропорціональною силѣ тезиса.

Но антитеза, по самому существу своему, не можетъ держаться слишкомъ долго. Разрушеніе совершается скорѣе, чѣмъ совиданіе. Роковой ходъ исторіи напомнилъ сторонникамъ антитезы, что далеко не все въ послѣдней прочно, и не все въ разрушенномъ тезисѣ гнило. Антисемитизмъ «конца вѣка» только *ускорилъ* этотъ процессъ разложенія антитезы, которая,

дойдя до крайней своей точки, должна была обанкротиться вследствие *внутренней* несостоятельности. Антисемитизм сдѣлалъ смѣшною основную заповѣдь ассимиляціи: «Прилѣпись къ окружающимъ націямъ!» Ибо эти націи стали энергично стряхивать съ себя «прилѣпившихся» къ нимъ евреевъ и тѣмъ дали понять, что при подобныхъ операціяхъ недостаточна готовность одной изъ участвующихъ сторонъ, а необходимо согласіе обѣихъ. Впрочемъ, трагическій элементъ оказался тутъ гораздо сильнѣе, чѣмъ комическій... Ассимилированная толпа не замѣчаетъ еще ни злой ироніи, ни потрясающаго трагизма въ этомъ новомъ поворотѣ исторіи и продолжаетъ по инерціи двигаться въ прежнемъ направленіи. Но лучшая, наиболѣе здоровая въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, часть еврейской интеллигенціи призадумалась — и вотъ приблизительно ходъ ея мыслей:

Чего мы достигли въ эпоху антитезы? Мы удалились отъ своего народа и не применили, не могли применить къ окружающимъ націямъ. Ассимиляція оказалась актомъ психически неестественнымъ, морально унижательнымъ и практически нецѣлесообразнымъ. Мы отреклись отъ начала *автономіи*, существа нашей исторической эволюціи, и замѣнили его началомъ *гетерономіи*. Мы забывали, что каждый сложный историческій индивидъ имѣетъ, кромѣ общечеловѣческихъ, и свои особенные законы развитія, соответствующіе особенностямъ его характера, и навязывать ему чужіе законы, втискивать его въ чужія рамки—значить совершать надъ нимъ насиліе. Эта теоретическая ошибка принесла свои плоды. Мы лишились своего внутреннего центра жизни, перенесли этотъ центръ во внѣшнюю среду—и въ результатъ у насъ оказалось неустойчивое равновѣсіе, нравственное банкротство. «Сліяніе», «пріобщеніе къ культурѣ» того или другого народа! — отчего эти слова звучали въ нашихъ ушахъ такъ сладко въ то время, когда подобные ловунги оскорбляли бы чувство достоинства всякой другой уважающей себя націи, хотя бы и политически подчиненной, угнетенной? Отчего не выработались такіе раб-

ские ловунги у ирландцевъ, поляковъ, австрійскихъ славянъ, турецкихъ армянъ и т. п.? Развѣ наша трехтысячелѣтная исторія не даетъ намъ, древнѣйшему культурному народу въ мѣрѣ, такого же права на повсемѣстное свободное развитіе въ нашемъ національномъ духѣ, какъ другимъ политически не самостоятельнымъ народамъ? Вѣдь наши требованія сравнительно скромнѣе, ибо мы всегда стремились только къ общественно-духовной, а не территориально-политической автономіи въ мѣстахъ нашего разсѣянія... Да, мы низко пали. Гораздо больше было въ насъ чувства собственнаго достоинства въ эпоху стараго тезиса, когда центръ нашей жизни находился среди насъ, а не внѣ насъ, когда обособленіе, не охраняя насъ отъ внѣшнихъ ударовъ (отъ нихъ мы и теперь не застрахованы), предохранялъ насъ отъ внутренней раздвоенности, отъ нравственныхъ терзаній и дѣлало насъ равноправными членами *своей* національной организаціи. Правда, обособленіе шло тогда слишкомъ далеко: оно простиралось не только на *еврея*, но и на *человѣка*, оно охватило тѣснымъ кольцомъ нашу умственную и культурную жизнь, оно давило многихъ тяжестью своей дисциплины, налагало на свободный духъ оковы традиціи. Это зло отчасти уже устранено эпохою антитезы — и здѣсь главная ея заслуга. Эта эпоха возродила въ еврейчеловѣка, расширила сферу индивидуальной жизни, приучила насъ болѣе или менѣе къ политической и гражданской свободѣ, вызвала въ насъ духъ реформъ, принесла намъ вмѣстѣ съ пороками общей культуры и многія изъ ея благъ...

И такъ, добро и зло, истина и ложь, были перемѣшаны и въ тезисѣ, и въ антитезѣ. И вотъ теперь, когда сама жизнь произвела точный анализъ и обнаружила составныя части обонхъ этихъ направленій, настала пора отдѣлать въ каждомъ изъ нихъ положительныя элементы отъ отрицательныхъ, соединить первые и отбросить послѣдніе. Таковъ постоянный историческій процессъ образованія истинъ, ведущій отъ тезиса черезъ антитезу къ полному *синтезу*. Синтезъ долженъ совмѣстять въ себѣ все стойкое и жизнеспособное изъ предыдущихъ

двухъ стадій развитія и, отбросивъ ихъ крайности, дать основу для новаго міросозерцанія. И мы теперь несомнѣнно стоимъ на порогѣ великаго историческаго синтеза. Въ чемъ же заключается смыслъ этого новаго идейнаго направленія, долженствующаго надолго опредѣлить характеръ нашей народной жизни?

Тезисъ назывался «обособленіемъ», антитеза—«ассимиляціей». Каково имя новорожденнаго?—*Автономизмъ*. Автономизмъ—понятіе очень широкое, допускающее различныя степени и формы. Поэтому, во избѣжаніе ложныхъ толкованій, необходимо объяснить здѣсь какъ сущность этого понятія, такъ и то значеніе, которое ему придается въ данномъ случаѣ.

Всякая жизнеспособная нація стремится къ сохраненію тѣхъ индивидуальныхъ и самобытныхъ чертъ, которыми надѣлена ея собственная историческая эволюція, а также тѣхъ орудій, которыя способствуютъ такому сохраненію. Она ревностно оберегаетъ свою родину и политическую независимость, а если она послѣднихъ лишилась—то свой языкъ, свою религію, свое общинное самоуправленіе, свои спеціальныя учрежденія и вообще все то, что укрѣпляетъ внутреннее общеніе ея членовъ. Въ живой націи такое стремленіе къ *сохраненію* своего историческаго типа всегда идетъ объ руку съ стремленіемъ къ его дальнѣйшему *развитію* и усовершенствованію. Всѣ эти естественныя наклонности національнаго организма выражаются въ стремленіи къ *автономіи*. Чѣмъ сложнѣе и своеобразнѣе историческая эволюція даннаго народа, тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе къ «своезаконію», къ «автономіи»—т. е. къ дальнѣйшему развитію согласно законамъ этой эволюціи, и отвращеніе къ «инозаконію», къ «гетерономіи», навязывающей ему чуждый духъ и чуждыя формы развитія. Однако, формы и степени автономіи бываютъ весьма разнообразны, въ зависимости отъ внѣшнихъ политическихъ и социальныхъ условій, въ которыхъ находится данный народъ. Народы, имѣющіе свою территорию и государственный строй, сохраняютъ свою автономію тѣмъ, что бере-

гаютъ эти два орудія своей независимости. Народы же, политически подчиненные другимъ, стремятся къ автономіи въ самыхъ различныхъ формахъ, смотря по своему положенію среди господствующихъ націй. Ирландцы, на примѣръ, домогаются или территоріальнаго, или по крайней мѣрѣ политическаго (Home Rule) отдѣленія своей страны отъ чуждой имъ по религіи и быту Англии; чешскіе націоналисты мечтаютъ о такой независимости, какую пользуется въ Австрійской имперіи Венгрія, и о превращеніи этой двухэтажной имперіи въ трехэтажную—Австро-венгро-чешскую; австрійскіе и прусскіе поляки стремятся къ расширенію своего мѣстнаго самоуправленія и энергично борются противъ попытокъ онѣмечиванія.

Чѣмъ же долженъ быть еврейскій автономизмъ? Онъ долженъ, конечно, соотвѣтствовать характеру еврейской національной идеи. Еврейство, какъ духовная нація, не можетъ стремиться въ діаспорѣ ни къ территоріальному, ни къ гражданско-политическому обособленію, а только къ внутренней духовно-національной автономіи. Еврей-націоналистъ говоритъ: «Какъ гражданинъ данной страны, я участвую въ ея политической и гражданской жизни, по мѣрѣ предоставленныхъ мнѣ правъ; но какъ членъ еврейской духовной націи, я имѣю сверхъ того свои внутренніе національные интересы—и въ этой сферѣ признаю себя автономнымъ въ такой же степени, въ какой автономія въ данномъ государствѣ и въ данной сферѣ интересовъ допускается для другихъ политически зависящихъ національностей. Никто не можетъ запретить мнѣ открыто исповѣдывать свою религію, воспитывать своихъ дѣтей въ еврейскомъ національномъ духѣ и поддерживать такой духъ въ моей народной школѣ, имѣть солидарность интересовъ съ моими соплеменниками въ данной странѣ и въ другихъ странахъ, устраивать легальными способами свои общинныя учрежденія или участвовать въ публичныхъ учрежденіяхъ и организаціяхъ, направленныхъ къ охранѣ и защитѣ интересовъ еврейскаго народа повсемѣстно».

Въ «эпоху обособленія» евреи въ полной мѣрѣ пользова-

лись этимъ правомъ національно-духовной автономіи,—но не имѣли еще гражданскихъ и политическихъ правъ; они были совершенно чужды тому государственному строю, отъ котораго въ значительной степени зависѣла ихъ судьба. Въ «эпоху ассимиляціи» усилилось активное участіе евреевъ въ гражданской, а мѣстами и въ политической жизни обитаемыхъ ими странъ; но вато интеллигентные вожди народа отказались отъ его лучшаго историческаго достоянія—отъ его внутренней національной автономіи, которую они ошибочно считали несомнѣстимой съ полученной евреями или ожидавшеюся гражданской эмансипаціей. Такимъ образомъ, старое еврейство жертвовало гражданскими правами ради національныхъ, а новое еврейство жертвовало національными правами ради гражданско-политическихъ. Наступающая теперь «эпоха автономизма» чужда отрицательныхъ сторонъ обѣихъ предыдущихъ эпохъ. Она должна примирить и гармонически сочетать, безъ ущерба для каждой стороны, полное гражданско-политическое равноправіе евреевъ въ обитаемыхъ ими странахъ съ тою внутреннею, общественно-духовною автономіей, которою евреи давно пользовались и которою пользуются другія націи, находящіяся въ сходныхъ съ ними историческихъ условіяхъ. Евреи должны добиваться, въ предѣлахъ возможнаго, и *гражданскаго*, и *національнаго* равноправія, не жертвуя однимъ ради другого, какъ это было раньше.

Итакъ, формула еврейскаго автономизма гласить: *Евреи во всякой странѣ, принимая участіе въ ея политической жизни и соблюдая свои гражданскія обязанности, пользуются всеми правами, присвоенными ея гражданамъ, какъ людямъ и членамъ своихъ націй. Граждански равноправные, евреи въ своемъ національномъ быту, подобно другимъ зависимымъ націямъ, стремятся къ внутренней, общественно-духовной автономіи, обусловливаемой изъ историческими особенностями и не противорѣчащей справедливому общегражданскому строю.*

Какими же путями будетъ осуществляться наше націо-

нальное право, наша внутренняя автономія? Тѣми же путями, какими осуществляет свое національное право всякая историческая нація, входящая въ составъ равноплеменнаго государства.

Въ конституціонныхъ странахъ, гдѣ представителями интересовъ различныхъ національныхъ группъ являются соотвѣтствующія парламентскія партіи, должна существовать въ каждомъ парламентѣ еврейская національная партія, состоящая изъ законнаго числа депутатовъ-евреевъ и защищающая въ законодательномъ собраніи интересы своихъ соплеменниковъ—такъ же, какъ это дѣлаютъ другія національно-парламентскія партіи, на примѣръ польская, чешская etc. Въ настоящее время политическая организація евреевъ въ странахъ, гдѣ они пользуются равноправіемъ, представляетъ собою безобразную аномалію. Въ то время, какъ всѣ подчиненныя національности, интересы которыхъ гораздо болѣе охраняются закономъ, чѣмъ интересы евреевъ, имѣютъ въ парламентахъ и внѣ ихъ крѣпко организованныя, боевыя національныя партіи, политическія клубы, лиги и т. п.,—евреи нигдѣ не имѣютъ своего національнаго представительства. Въ австрійскомъ парламентѣ, на примѣръ, депутаты-евреи раздроблены между борющимися партіями—нѣмецкою, польскою и чешскою, руководствуясь исключительно земляческими, а не своими національными интересами. Еврейскій депутатъ изъ Вѣны и Нижней Австріи обыкновенно примыкаетъ къ нѣмцамъ, изъ Галиціи—къ полякамъ, изъ разныхъ округовъ Богеміи и Моравіи—къ нѣмцамъ или чехамъ, смотря по округу,—какъ будто нѣтъ ни еврейской національности, ни спеціально-еврейскихъ интересовъ, нуждающихся въ самой энергичной защитѣ. Разные гг. Быки и Рапорты, избранники галиційскаго еврейства, угнетаемаго поляками, дѣлаются членами «польскаго клуба», который приказываетъ имъ смиренно молчать въ рейхсратѣ, когда тамъ наносятся величайшія оскорбленія еврейскому народу. Гнусные антисемиты, въ родѣ Люгера или Шнейдера, грубо поносятъ евреевъ въ своихъ пар-

ламентскихъ рѣчахъ, требуютъ для нихъ новыхъ законодательныхъ ограниченій,— а еврейскіе депутаты сидятъ рядомъ съ польскими панами и молчатъ, связанные своими лакейскими обязанностями по отношенію къ «польскому клубу». Лишь изрѣдка, разъ или два въ годъ, они, съ благосклоннаго разрѣшенія своихъ госнодъ, произносятъ блѣдную рѣчь въ защиту своихъ «единовѣрцевъ», отнюдь не какъ членовъ еврейской націи, а какъ «поляковъ Моисеева закона». По большей части галиційскіе и чешскіе евреи избираютъ или содѣйствуютъ избранію въ депутаты рейхсрата даже не своихъ соплеменниковъ, а христіанъ, изъ которыхъ многіе лишь во время выборовъ прикрываютъ свои антисемитскія наклонности притворными симпатіями къ «гонимому племени». Одни это дѣлаютъ по глубокому невѣжеству и непониманію своихъ народныхъ интересовъ, другіе—изъ корыстныхъ цѣлей, третьи подъ вліяніемъ отрицанія еврейской національной идеи, внушенной имъ ассимиляціей. Какъ бы то ни было, но результатъ таковъ, что цѣлая народность, интересы которой наиболѣе подвергаются опасности со стороны враждебныхъ элементовъ, не имѣетъ въ парламентѣ своего національнаго представительства. А между тѣмъ австрійскіе евреи, объединившись въ національный союзъ, могли бы выдвинуть и въ рейхсратъ, и въ областныхъ сеймахъ¹⁾ значительное число депутатовъ, которые составили бы особую еврейскую партію, не менѣе сильную, чѣмъ существующія тамъ партіи второстепенныхъ національностей, въ родѣ русиновъ, хорватовъ и т. п. То же примѣнимо и къ другимъ странамъ съ подобной парламентской организаціей. По послѣднимъ газетнымъ сообщеніямъ, въ одной Венгрии избрано въ мѣстный парламентъ 16 еврейскихъ депутатовъ²⁾.

¹⁾ По новѣйшимъ вычисленіямъ, евреи могли бы послать въ Галиційскій сеймъ, гдѣ хозяйничаютъ поляки, одиннадцать депутатовъ. См. *Восходъ*, с. г. № 52.

²⁾ Тамъ же, № 56, Заграничная Хроника.

Въ это число, конечно, входятъ и депутаты-евреи, избранные отчасти христіанами; но вѣдь и еврей-избиратели, надо полагать, въ неменьшей пропорціи вотировали за христіанскихъ кандидатовъ. Если бы существовала въ Венгріи чисто-еврейская парламентская партія, то при вышеуказанномъ или даже меньшемъ числѣ депутатовъ она могла бы очень много сдѣлать для защиты гражданскихъ и національныхъ интересовъ венгерскаго еврейства, которымъ нынѣ опять угрожаетъ опасность со стороны антисемитовъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ забитая еврейская масса и ассимилированная интеллигенція не дерзають даже думать объ организаціи своей политической партіи, объ этой организаціи заговорили свободомыслящіе христіане. Въ прошломъ году въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе ¹⁾.

«Въ Прагѣ организовалась „Чешская народная партія“. Учредитель ея—профессоръ Масарикъ. Новая партія признаетъ за евреями право на *самостоятельное національное существованіе*. Она не требуетъ отъ нихъ еліянія съ чешскою народностью, она готова признать не только за каждымъ евреемъ въ отдѣльности права челоуѣка и гражданина, но и за всѣми евреями въ совокупности, въ цѣломъ, права народности. Еврей не обязывается быть непременно чехомъ, нѣмцемъ или полякомъ. Австрійскіе евреи въ средѣ другихъ національностей Габсбургской имперіи должны составить особую національность, какою они въ дѣйствительности и являются. *Она будетъ имѣть своихъ собственныхъ еврейскихъ представителей въ рейхсратѣ* и свои учрежденія тамъ, гдѣ евреи живутъ сплошными массами».

Приблизительно около того же времени появилось въ австрійскихъ газетахъ и перешло оттуда въ русскую печать слѣдующее загадочное сообщеніе ²⁾: «Въ Габсбургской монархіи народилась еще одна, неслыханная до того народно-политическая

¹⁾ Цитирую фактическую часть по „Восходу“ 1900 г. № 25, Загранич. Хрон.

²⁾ По перепечаткѣ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

партія, именно еврейская. Въ теченіе мая во Львовѣ происходили засѣданія первой сессіи мѣстнаго еврейскаго сейма (съѣзда?) Сеймъ состоялъ изъ всѣхъ еврейскихъ членовъ вѣнскаго рейхсрата, во главѣ съ д-ромъ Быкомъ и краковскимъ адвокатомъ и финансистомъ Рапопортомъ. На первомъ съѣздѣ было 70 делегатовъ изъ 80 гминъ Галиціи. Постановлено потребовать отъ правительства: 1) открытія во Львовѣ специально-еврейской гимназіи; 2) признанія еврейскаго языка (?) равноправнымъ со всѣми другими языками имперіи; 3) учрежденія многочисленныхъ еврейскихъ школъ въ Галиціи; 4) признанія за еврейскими законоучителями правъ учителей казенныхъ учебныхъ заведеній; 5) признанія субботы такимъ же обязательнымъ праздникомъ, какъ и воскресенье, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ обучаются евреи, — даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе составляютъ тамъ меньшинство».

Послѣднее извѣстіе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя очевидныя неточности. Во всякомъ случаѣ подобная, даже неполная, національная программа, проведенная вѣроятно делегатами-ціонистами, не могла быть сочувственно принята такими неисправимыми ассимиляторами, какъ Быкъ и Рапопортъ. Никакихъ практическихъ результатовъ не вызвало и заявленіе партіи профессора Масарика, этого благороднаго борца за правду въ Полненскомъ процессѣ. Евреи въ Австро-Венгріи еще не выдѣлили изъ себя боевой національно-политической партіи. Въ рейхсратѣ, такъ часто оглашаемомъ людоѣдскими воплями антисемитовъ, еще не раздался голосъ еврейскаго депутата, который бы гордо заявилъ, что не только отдѣльный еврей равноправенъ съ полякомъ или чехомъ, но и еврейская нація должна быть равноправна, въ смыслѣ политическаго представительства и внутренней автономіи (конечно, *mutatis mutandis*), съ польской и чешской націями, и что къ этому равноправію она всѣми силами стремится... Но если такой національной организаціи еврейства въ конституціонныхъ странахъ еще нѣтъ, то она *будетъ*, должна быть. Къ этому ведетъ весь ходъ нашей новѣйшей исторіи, весь складъ

современной европейской политики. Я сейчас привелъ примѣръ Австро-Венгрии, гдѣ партійная группировка по націямъ уже установилась. Но и въ другихъ конституціонныхъ странахъ возможна подобная группировка, съ тѣми конечно особенностями, какія вызываются племеннымъ составомъ каждой страны. Въ Германіи, Франціи, Англии, даже Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, евреи могутъ и должны посылать въ парламенты депутатовъ съ строго-національными ин-струкціями. Двѣ вещи создаютъ политическую партію: сознаніе солидарности интересовъ данной группы населенія и необходимость защищать эти интересы. Интенсивность защиты соотвѣтствуетъ интенсивности нападенія. А вѣдь ничьи интересы не подвергаются повсемѣстно такому поруганію, какъ интересы евреевъ. Необходимость самообороны усилить сознаніе солидарности тамъ, гдѣ оно еще слабо. Сознаніе же солидарности интересовъ приведетъ къ усиленію національнаго единства. Такимъ образомъ, среди ассимилированныхъ евреевъ процессъ націонализаціи начнется съ конца—съ практической необходимости самозащиты. Когда пробужденное еврейское общество сброситъ съ себя гипнозъ ассимиляціи,—тогда ему станетъ понятна та настоятельная необходимость еврейской національно-политической партіи, на которую теперь, къ стыду нашему, указываютъ намъ только доброжелательные христіане, въ родѣ Масарика. Тогда европейскіе парламенты увидятъ въ своихъ стѣнахъ гордыхъ, независимыхъ представителей *еврейской націи*, а не жалкихъ прислужниковъ чужихъ національныхъ партій.

Въ странахъ неконституціонныхъ (или «конституціонныхъ» на манеръ Румыніи, гдѣ евреи лишены активныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ) внутренняя автономія еврейскихъ общинъ, признаваемая до извѣстной степени даже самымъ отсталымъ законодательствомъ, должна поддерживаться и расширяться тѣми способами, какими еврейство всегда охраняло свою самобытность, а именно путемъ внутренней національно-духовной дисциплины, насколько она совмѣ-

стима съ индивидуальной свободой современнаго культурнаго человѣка. Въ такихъ странахъ евреямъ приходится одновременно бороться и за свои гражданско-политическія, и за свои національныя права. И такая именно сложная борьба, когда народъ сознаетъ, что онъ одновременно отстаиваетъ и свои матеріальные и духовные интересы, что онъ защищаетъ то національное достояніе, ради котораго онъ прошелъ черезъ острые инквизиціи,—именно такая борьба и способна воспламенить духъ борцовъ и усилить порывъ къ идеалу, какъ бы ни былъ великъ гнетъ извнѣ. Наоборотъ, внѣшній гнетъ придаетъ борьбѣ особенную остроту. Въ эпоху религиозныхъ гоненій мы имѣли религиозныхъ мучениковъ, спасшихъ іудаизмъ; нынѣ, въ эпоху національныхъ гоненій, мы готовы выдвинуть національныхъ мучениковъ, которые спасутъ еврейство. Безъ мученичества и страстной борьбы не совершилось ни одно освободительное движеніе въ исторіи человѣчества. Наша собственная эмансипація гражданская въ Западной Европѣ непрочною и неполною оказалась именно потому, что она была добыта путемъ компромиссовъ и унизительныхъ уступокъ со стороны нашей ассимилированной интеллигенціи. Она была принята какъ даръ, за который надо было пожертвовать своей національно-духовной независимостью. Этотъ урокъ не пройдетъ даромъ. Въ странахъ, гдѣ евреи еще не достигли эмансипаціи, они будутъ бороться за нее не на почвѣ «слиянія», а на почвѣ національной самобытности, какъ дѣлаютъ другія націи въ подобномъ положеніи.

Однимъ изъ способовъ облегченія «еврейскаго горя», когда оно достигаетъ высшей точки, является *эмиграція*, перемѣщающая известную часть еврейской массы изъ непріязненныхъ ей государствъ въ страны съ лучшими условіями борьбы за личное и національное существованіе. Со времени исхода изъ Египта, эмиграція въ нашей исторіи не прекращалась. И если мы вспомнимъ, что за послѣднее двадцатилѣтіе Восточная Европа двинула въ Америку около *милліона* еврейскихъ эмигрантовъ (согласно новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ),

то поймемъ все важное значеніе этого фактора въ будущемъ. Перемѣщеніе географическихъ центровъ—явленіе обычное въ исторіи народа-странника. И Америкѣ, кажется, суждено сдѣлаться тѣмъ пунктомъ, который въ ближайшую эпоху нашей исторіи сыграетъ роль средневѣковой арабской Испаніи и повдѣйшей Польши, т. е. роль крупнѣйшаго культурнаго центра еврейства.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу о *степеняхъ* и *формахъ* еврейской автономіи, которыя, какъ уже сказано выше, должны быть различны въ различныхъ странахъ, обуславливаясь ихъ политическимъ строемъ, характеромъ населенія, мѣстными историческими и экономическими условіями и т. п.

Наибольшая степень автономіи возможна для евреевъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ принципъ невмѣшательства въ частную жизнь гражданъ, гдѣ нѣтъ ни административной опеки, ни чрезмѣрной централизаціи власти. Къ такимъ странамъ принадлежатъ: *Съверо-Американскіе Соединенные Штаты* и *Британскія колоніи* всѣхъ частей свѣта. Евреи этихъ странъ могутъ и теперь пользоваться широкимъ самоуправленіемъ въ своихъ общинахъ; они могутъ имѣть свою общинную магистратуру, не стѣсняемую въ своей дѣятельности полицейскими регламентами, устраивать союзы общинъ и сѣзды ихъ представителей или генеральные конгрессы, какъ органы этихъ союзовъ, открывать школы и университеты съ еврейской національной программой и вообще создавать всѣ учрежденія, необходимыя для поддержанія нашей внутренней автономіи. Свободныя конституціи Америки и англійскихъ колоній представляютъ широкое мѣстное самоуправленіе всѣмъ культурнымъ націямъ, входящимъ въ составъ этихъ государствъ. И если евреи тамъ до сихъ поръ не пользовались во всемъ ея объемѣ предоставленной имъ широкой автономіи, то лишь потому, что они этого не хотѣли. Они находились и большей частью еще теперь находятся подъ вліяніемъ западно-европейской ассимиляціи, унижившей нашу національную личность, внушившей евреямъ стремленіе «притѣпляться» къ чужимъ организаціямъ,

а не создавать свои, дабы не возбудить подозрѣнія въ національной «обособленности». Когда исчезнетъ это вѣковое заблужденіе, столь ярко изобличенное послѣднимъ фазисомъ нашей исторіи,—тогда евреи названныхъ странъ сумѣютъ воспользоваться, наравнѣ съ другими національными группами, и самымъ драгоценнымъ своимъ правомъ—правомъ внутренней автономіи, безъ котораго не можетъ жить уважающая себя нація.

Еслибы намъ удалось съ теченіемъ времени, путемъ постепенной колонизаціи, создать въ *Палестинѣ* значительный еврейскій центръ съ населеніемъ приблизительно въ одинъ миллионъ,—то этотъ центръ былъ бы, безъ сомнѣнія, наиболѣе удобнымъ для осуществленія еврейской національно-духовной автономіи. Я не вѣрю въ возможность возникновенія въ Палестинѣ «гарантированного международнымъ правомъ» еврейскаго *государства*, хотя бы и полу-зависимаго, ибо ни Турція, ни «великія державы» не расположены заботиться о нашемъ благополучіи и о созиданіи для насъ своеобразной Швейцаріи на нашей древней родинѣ, которую и христіане, и магометане считаютъ своимъ общимъ достояніемъ. Но я вполне допускаю возможность постепеннаго образованія въ Палестинѣ еврейской *общественной организаціи*, въ которой начало *внутренней* автономіи нашло бы себѣ наиболѣе широкое примѣненіе. Не благодаря свободѣ и «гарантіямъ», а скорѣе благодаря произволу, царящему въ Оттоманской имперіи, евреи могли бы тамъ обособиться въ самобытную національную группу, объединенную собственной духовной и общественной дисциплиной. Возможно, что древнееврейскій языкъ сдѣлался бы тамъ разговорнымъ (тенденція къ этому уже замѣчается среди нынѣшнихъ палестинскихъ евреевъ), и такимъ образомъ одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ націи былъ бы восстановленъ въ нашей жизни.

Историческая и религіозная атмосфера нашей древней родины содѣйствовала бы образованію тамъ болѣе самобытнаго національно-культурнаго типа, который вліялъ-бы въ смыслѣ

духовной націонализаціи на остальных $\frac{9}{10}$ евреевъ, находящихся въ діаспорѣ. Но это—идеаль болѣе или менѣе далекаго будущаго. Надо стремиться къ нему путемъ усиленной *колонизаціи*, какъ земледѣльческой, такъ и промышленной; но не нужно связывать съ этимъ отдаленнымъ частичнымъ идеаломъ и обуславливать имъ судьбу *всего* еврейства, которая въ цѣломъ зависить отъ того, насколько нашъ народъ во всѣхъ странахъ непосредственно будетъ дѣлать то, что ведетъ къ сохраненію его національной самобытности и внутренней независимости.

Возвращаюсь къ существующимъ уже еврейскимъ центрамъ, изъ которыхъ выше указаны Америка и Британскія колоніи, какъ наиболѣе удобныя для немедленнаго примѣненія программы автономізма. Сравнительно труднѣе осуществить эту программу въ государствахъ Западной Европы (кроме Англии), гдѣ принципъ административной опеки и регламентаціи еще не вполне устраненъ. Однако, и здѣсь евреи въ своемъ общинномъ устройствѣ далеко не пользуются на практикѣ всей той свободой, которую имъ предоставляютъ существующіе законы, не говоря уже о той, которой они могли бы добиться путемъ парламентскаго воздѣйствія на законодательство. Въ *Германіи* существуетъ правильная организація еврейскихъ общинъ съ массою религиозныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ учреждений, съ мѣстными и даже центральными органами самоуправленія («Союзъ нѣмецко-еврейскихъ общинъ» Deutsch-israelitische Gemeinde-Bund и т. п.). Но все это безжизненно, рутинно и казенно-благонамѣренно. Почему же?—Потому что ядромъ всей этой организаціи является не самоуправляющаяся *національная* община, а только *религіозная община* (Cultusgemeinde), синагогальный «приходъ», къ которому тяготеетъ та или другая группа ортодоксовъ или реформистовъ, одинаково онѣмеченныхъ и обезличенныхъ въ еврейскомъ національномъ смыслѣ. Здѣсь искусственно сужена сфера еврейскихъ интересовъ, которая въ своихъ естественныхъ, историческихъ группахъ простираются гораздо дальше

порога молитвеннаго дома. Это—роковое послѣдствіе ассимиляціоннаго режима, втиснувшаго еврейство въ рамки вѣроисповѣдной группы и стеревшаго нашъ національный обликъ. То же можно сказать и объ общинномъ устройствѣ евреевъ въ *Австріи* и о консисторіальной организаціи еврейскаго самоуправленія во *Франціи*. Вездѣ еврейской внутренней автономіи навязанъ, благодаря добровольному самоотреченію ассимиляторовъ, узко-религіозный характеръ, и вездѣ въ нашихъ общинныхъ учрежденіяхъ господствуетъ не еврейскій національный духъ, а нѣмецкій, французскій, вообще духъ «господствующей націи», считающійся обязательнымъ для нашей обезличенной интеллигенціи. Медленный, но вѣрный ростъ еврейской національной идеи долженъ положить конецъ этому унижительному режиму самоотреченія и показать нашему обновленному обществу, что живой организмъ долженъ бороться за свою индивидуальность и что только для тупа не существуетъ права самобытной личности.

Что касается Восточной Европы, гдѣ обитаетъ самая компактная масса еврейства, то здѣсь условія осуществленія общинной автономіи съ внѣшней стороны менѣе благоприятны, но зато въ бытовомъ отношеніи болѣе благоприятны, чѣмъ на Западѣ. Вслѣдствіе извѣстныхъ особенностей общаго государственнаго строя и строго-репрессивнаго законодательства о евреяхъ въ Россіи, общинное ихъ самоуправленіе здѣсь болѣе подвержено случайностямъ и легально менѣе обезпечено, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Россіи (кромѣ Царства Польскаго), со времени упраздненія кагаловъ, официально не выясненъ даже вопросъ о существованіи еврейскихъ общинъ, какъ юридическихъ личностей. Еврейская община тутъ скорѣе терпима, чѣмъ официально узаконена. Но за то здѣсь существуетъ огромное число патриархальныхъ еврейскихъ общинъ, которыя *фактически* имѣютъ свое самоуправленіе, хотя и безпорядочное, и не могутъ себѣ представить вторженіе чужого элемента въ ихъ внутренній бытъ иначе какъ въ видѣ стихійнаго бѣдствія (*зейра*). Если мы здѣсь пока не

имѣемъ тѣхъ политическихъ гарантій общинной автономіи, которыя возможны на Западѣ, то взаимно ихъ имѣется у насъ гораздо больше *нравственныхъ* стимуловъ къ ея сохраненію и расширенію. Законодательно обособленные, какъ «иностранцы»¹⁾, удаленные отъ участія въ государственной службѣ и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія—земствѣ и муниципалитетѣ,—евреи по необходимости должны удовлетворять свои культурныя и соціальныя потребности собственными силами, должны организовать повсюду свои общественныя дисциплины, свои учрежденія и т. п. Ограниченіе доступа евреямъ въ общія учебныя заведенія должно повлечь за собою постепенное размноженіе специально-еврейскихъ школъ, которыя въ силу нашей новой исторической эволюціи должны получить національный характеръ. Слѣдовательно, наша внутренняя жизнь прямо, а внѣшній законъ косвенно поддерживаютъ нашу общинную автономію. Придетъ время, когда закону придется и официально санкціонировать ее, хотя-бы въ скромной формѣ «гминнаго» самоуправленія, давно допущеннаго русскимъ правительствомъ для евреевъ Царства Польскаго. Отъ степени же интенсивности нашего національнаго духа (а въ Россіи эта степень всегда будетъ болѣе или менѣе высока въ еврейской массѣ и значительной части интеллигенціи) будетъ зависѣть, какъ и въ какихъ размѣрахъ пользоваться той общественно-духовной автономіей, которая составляетъ наше священное историческое право, какъ старой культурной націи, не желающей и не могущей раствориться среди другихъ націй.

¹⁾ Никогда не лишне напомнить о своеобразной официальной классификаціи народностей, въ которой *последнее* мѣсто отведено евреямъ. Ст. 762, т. IX Свода законовъ Росс. Имперіи (Законы о состояніяхъ) гласитъ: „Къ числу обитающихъ въ Россійской имперіи *иностранцевъ* принадлежатъ: 1) Сибирскіе инопородцы, 2) Самоѣды Архангельской губерніи; 3) Кочевые инопородцы Ставропольской губ.; 4) Калмыки, кочующіе въ Астрахан. и Ставроп. губ.; 5) Киргизы Внутренней орды; 6) Инопородцы областей Акмолинской, Семипалатинской и др.; 7) Инопородческое населеніе Закаспійской области; 8) Евреи“.— Эта оригинальная классификація можетъ считаться историческою именно въ силу своей неисторичности: въ ряду некультурныхъ и частью даже полудикихъ инопородцевъ кодификаторъ отводитъ евреямъ последнее мѣсто. Ясно во

Кромѣ мѣстной организаціи еврейскихъ общинъ, учрежденій, политическихъ и парламентскихъ партій для національныхъ цѣлей, необходима еще *центральная* организація евреевъ. Последняя можетъ быть двухъ родовъ: 1) организація по странамъ и 2) организація общееврейская. Въ эпоху существованія кагальной автономіи въ Польшѣ и Литвѣ, еврейская жизнь создала такіе центральные органы самоуправленія, какъ «Синодъ четырехъ земель», литовскій общинный сеймъ, окружные и областные кагальные съѣзды. А недавно, на порогѣ XX вѣка, вопросъ о «еврейскомъ сеймѣ» (Judentag) возбужденъ въ столицѣ Германіи человѣкомъ, стоящимъ во главѣ еврейскаго общиннаго самоуправленія въ этой странѣ. Читатели, вѣроятно, помнятъ еще о прошлогоднемъ предложеніи берлинскаго профессора М. Филиппсона—создать нѣмецко-еврейскій сеймъ, какъ постоянное центральное учрежденіе, имѣющее цѣлью отстаивать гражданское равноправіе и духовные интересы нѣмецкихъ евреевъ. Въ горячей статьѣ, написанной недавно по этому поводу *), проф. Филиппсонъ излагаетъ мотивы своего проекта. «Мы (нѣмецкіе евреи) старались избѣгать всего, что выставляло насъ передъ свѣтомъ въ качествѣ евреевъ. Мы заботились лишь о томъ, чтобы не бросаться въ глаза, чтобы не напоминать никому о нашемъ самостоятельномъ существованіи... Но чего мы добились? Всякій это знаетъ—именно на трусовъ, притавшихся за кустами, грубый антисеми-

вскомъ случаѣ одно: законъ смотритъ на евреевъ не только какъ на иноплеменъ, но и какъ на иноплеменъ, т. е. людей другой расы и націи—что конечно вполне соответствуетъ дѣйствительности. Еслибы евреи на самомъ дѣлѣ стояли на одной доскѣ съ калмыками и киргизами, еслибы они не имѣли никакой исторіи и никакой культуры, тогда пожалуй ассимиляціи съ господствующей націей явилась бы для нихъ какъ-бы культурнымъ повышеніемъ. Но такъ какъ евреи, вопреки приведенной классификаціи, имѣютъ притязаніе на роль древнѣйшаго историческаго и культурнаго народа—и это свое притязаніе могутъ подтвердить документами,—то они вправѣ усматривать въ ассимиляціи только насиліе надъ своей національной личностью или же актъ самоотреченія.

*) Bedürfen die deutschen Juden einer Gesamtorganisation?—*Ost und West* 1901, № 2.

тизмъ налилъ всю чашу ненависти, презрѣнія и дикости... Такъ то идутъ дѣла на свѣтѣ. Кто подставляетъ свою щеку для удара, тотъ навѣрное получитъ ударъ. Ибо о сентиментальности реализмъ нашихъ дней и згнѣть не хочетъ. Только тотъ, кто вооруженъ, можетъ устоять, а кто же, кто уступаетъ, будетъ безжалостно растоптанъ». Доказывая далѣе необходимость объединенія германскихъ евреевъ путемъ общей организаціи, проф. Филиппсонъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу этой организаціи: «Нашу задачу можно опредѣлить одной формулой: отстаивать общіе интересы германскихъ евреевъ и вновь завоевать наше равноправіе. Но многимъ эта великая и прекрасная цѣль кажется слишкомъ отвлеченной, они хотятъ выслушать вѣчто «практическое». Такъ назовемъ же отдѣльно пункты, и конечно только ближайшіе, лежащіе въ нашемъ полѣ зрѣнія; съ теченіемъ времени къ нимъ прибавятся очень много новыхъ пунктовъ. Общая организація евреевъ Германіи, а именно, собраніе делегатовъ и его комитетъ, должны всѣми законными средствами бороться противъ нанесенія ущерба нашимъ согласнымъ съ конституціей правамъ, черезъ имперское правительство, рейхстагъ, правительства отдѣльныхъ странъ и ландтаги. Они должны неустанно протестовать противъ всякаго такого нарушенія закона. Они должны постоянно выдвигать высокіе принципы іудаизма, какъ вѣроученія и нравственной системы. Они должны вліять на прессу, устраивать публичныя собранія; при выборахъ они должны вездѣ, гдѣ возможенъ успѣхъ, руководствоваться отношеніемъ кандидата къ дѣлу равноправія. Они должны составить тотъ признанный органъ, съ которымъ правительства могли бы сноситься по всѣмъ специально-еврейскимъ дѣламъ. Крайнее расширеніе и усложненіе государственной дѣятельности дѣлаютъ подобный органъ настоятельно необходимымъ, и намъ извѣстно, что появленіе такового было бы очень желательнымъ нѣкоторымъ прусскимъ министерствамъ. Делегатское собраніе и комитетъ должны содѣйствовать тому, чтобы при заключеніи торговыхъ договоровъ не было установлено какихъ-нибудь

исключительныхъ пунктовъ, могущихъ вредить еврейскимъ купцамъ. Они должны объединить разрозненные стремленія къ распространенію среди евреевъ ремесль, садоводства и земледѣлія... 'Они наконецъ должны посильно защищать евреевъ Востока» и т. д.

Благородный призывъ Филиппсона пока не увѣнчался успѣхомъ. Наша ассимилированная буржуазная интеллигенція, трусость которой онъ такъ бичевалъ, выступила противъ проекта общеврейской организаціи, боясь усилить гнѣвъ антисемитовъ и возбудить недовѣріе къ своему «нѣмецкому патриотизму»; даже самъ авторъ проекта, не рѣшившійся еще открыто стать подъ еврейское національное знамя, недостаточно энергично агитировалъ въ пользу практическаго осуществленія своей мысли ¹⁾. Но уже тотъ фактъ, что подобный безсознательно-національный порывъ могъ проявиться въ такой средѣ, гдѣ его испугались, показываетъ, какъ велика сила новаго національнаго броженія даже въ западномъ еврействѣ. Прой-

¹⁾ Когда эти строки были уже написаны, послѣдніе номера газетъ принесли извѣстіе, изъ котораго видно, что планъ проф. Филиппсона не заглухъ и что нашлись люди, взявшіеся за его осуществленіе. Въ Берлинѣ образовался комитетъ (въ составъ его входятъ и д-ръ Филиппсонъ), разославшій надняхъ во всѣ еврейскія общины и учрежденія Германіи циркуляръ съ извѣщеніемъ о приготовленіяхъ „къ общей организаціи нѣмецкихъ евреевъ“. Изъ циркуляра видно, что эти приготовленія состоятъ главнымъ образомъ въ переговорахъ съ существующими уже въ Германіи еврейскими организаціями, вродѣ „Центральнаго союза нѣмецкихъ гражданъ іудейскаго исповѣданія“ и др. „Созданіе всенѣмецкой организаціи—говорить между прочимъ циркуляръ—является не только настоятельной потребностью настоящаго момента, но вызывается болѣе глубокими и постоянными нуждами духовнаго прогресса еврейства. Задача наша заключается въ учрежденіи союза, который объединилъ бы всѣ существующія организаціи въ общей работѣ ради единой цѣли—блага всего нѣмецкаго еврейства“. Комитетъ увѣряетъ, что новый союзъ не будетъ вышиваться въ религіозныя дѣла общинъ, а будетъ преслѣдовать лишь политическія цѣли, стремясь главнымъ образомъ къ охранѣ тѣхъ правъ, которыми дарованы германскимъ евреямъ конституціей и которыя на каждомъ шагѣ нарушаются. Въ отвѣтъ на опасенія, что созданіе общей организаціи евреевъ вызоветъ усиленіе антисемитизма въ Германіи, циркуляръ говоритъ: „Должны ли имъ считаться съ подобными указаніями? Нѣтъ, имъ должны дѣлать то, что сами признаемъ правильнымъ. Если-бы евреи давно уже чинили представи-

детъ еще нѣкоторое время — и порывъ отдѣльной личности превратится въ сильное движеніе, которое охватитъ лучшіе слои общества. Тогда мысль о центральной организаціи еврейскихъ общинъ въ каждой странѣ получить, въ той или иной формѣ, практическое осуществленіе ¹⁾).

Основной догматъ нашего «національнаго credo» состоитъ въ томъ, что разсѣянные по разнымъ странамъ большія и малыя группы евреевъ составляютъ только части единого и нераздѣльнаго народа, имѣющаго свои обще-національные интересы. Органомъ этихъ обще-національныхъ интересовъ долженъ быть періодически созываемый *обще-еврейскій конгрессъ*, состоящій изъ выборныхъ делегатовъ отъ еврейскихъ обществъ всѣхъ странъ и выдѣляющій изъ себя постоянный исполнительный комитетъ. Сорокъ лѣтъ назадъ франко-еврейскій патриотъ Кремье основалъ въ Парижѣ «Alliance Israélite Universelle», какъ органъ взаимопомощи, выражающій солидарность интересовъ всего еврейства. Но этотъ «союзъ»,

теперь, если бы они действительно были связаны той солидарностью, которая ставилась имъ въ укоръ, никогда антисемитамъ не удалось бы настолько умалить еврейскія права... Нѣмецкое еврейство обладаетъ достаточнымъ запасомъ духовныхъ силъ, чтобы изнутри создать организацію, которая будетъ добиваться того, что намъ нужно. А когда мы здѣсь добьемся, наконецъ, действительнаго равноправія, можно будетъ протянуть руку помощи восточнымъ евреямъ“ (См. *Восходъ* 1901. № 62, Загр. Хрон.)—Итакъ, идея общеврейской солидарности объявлена во всеуслышаніе, и открытіе дѣйствій *Judentag*'а есть дѣло близкаго будущаго. Учредители новаго союза пока еще слишкомъ осторожны въ своихъ выраженіяхъ: они еще выставляютъ себя нѣмецкими гражданами „іудейскаго исповѣданія“, а не „еврейской національности“; они говорятъ только объ охранѣ своихъ конституціонныхъ правъ, а не о завоеваніи новыхъ правъ, необходимыхъ для „духоваго прогресса еврейства“. Но это расширеніе программы должно явиться со временемъ, когда въ новую организацію войдутъ представители еврейской національной партіи, нарождающейся и на Западѣ.

¹⁾ Въ послѣднее время возникло и въ Англіи движеніе, направленное къ объединенію всѣхъ тамошнихъ еврейскихъ общинъ въ одну федерацію. Инициаторомъ явился членъ палаты общинъ *Самуилъ Монтегю*. Толчекъ къ этому дала агитація „анти-аленистовъ“, т. е. противниковъ иммиграціи евреевъ въ Англію. Проектируемая англо-еврейская федерація общинъ будетъ, повидимому, имѣть много общаго съ нѣмец. *Judentag*.

возникшій и развившійся въ эпоху ассимиляціи, не могъ осуществить лежавшую въ его основѣ общенародную идею ⁴⁾. Съ теченіемъ времени онъ превратился въ простое филантропическое учрежденіе, и дѣятельность его нынѣ сводится къ устройству на Востокѣ еврейскихъ школъ, въ которыхъ господствуетъ не еврейскій, а французскій духъ. Въ такія же филантропическія учрежденія выродились и копіи съ парижскаго «Союза» — «Israëlitische Allianz» въ Вѣнѣ и «Angle-Jewish Association» въ Лондонѣ. — Новѣйшее ціонистское движеніе вызвало къ жизни одну замѣчательную національную организацію — періодическіе конгрессы ціонистовъ, съ «Исполнительнымъ комитетомъ» въ Вѣнѣ и «уполномоченными» во всѣхъ странахъ, съ мѣстными и центральными кружками, районными съѣздами и т. п. Но при всей распространенности этой организаціи, она все-таки имѣетъ партійный характеръ и преслѣдуетъ одностороннюю цѣль: образованіе въ Палестинѣ гарантированнаго международнымъ правомъ еврейскаго центра. Она не ставитъ себѣ цѣлью *непосредственно* заботиться объ экономическихъ и духовно-національных интересахъ еврейства въ мѣстахъ его теперешней осѣдности, а тѣмъ менѣе — о *систематической* защитѣ этихъ интересовъ; она хлопочетъ больше о будущемъ, чѣмъ о настоящемъ. Но такая односторонняя партійная организація не можетъ удовлетворить назрѣвшей потребности въ широкой общенародной организаціи, охватывающей всѣ сферы нашей національной жизни. Эта потребность не разъ уже прорывалась въ рѣчахъ многихъ членовъ ціонистскихъ конгрессовъ, выдвигавшихъ на первый планъ программу «реальной политики» и «культурной дѣятельности», и встрѣчала отпоръ только со стороны нѣкоторыхъ официальныхъ вождей ціонизма. Нынѣ въ кружкахъ русскихъ ціонистовъ и на районныхъ съѣздахъ все громче раздаются

⁴⁾ Только въ 1878 году «Союзъ» участвовалъ въ агитаціи, направленной ко включенію въ Берлинскій трактатъ статьи о равноправіи евреевъ въ новообразованныхъ болгарскихъ государствахъ. Но и здѣсь успѣхъ былъ достигнуть больше благодаря желѣзной энергіи Дизраэли-Виконсфильда.

голоса въ пользу «культурной программы», которая въ своихъ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ программой чистыхъ націоналистовъ. Кружкамъ надобно заниматься сборомъ «шеке-лей» и «акцій»; они жаждутъ живой работы, направленной къ націонализациі общинныхъ учреждений, къ улучшенію школьнаго воспитанія и т. п. Чисто «политическіе» кружки ціонистовъ все болѣе уступаютъ мѣсто «культурнымъ» кружкамъ. Такимъ образомъ, среди самихъ ціонистовъ растетъ сознаніе, что официальная программа ихъ партіи недостаточна и нуждается въ расширеніи до степені общееврейской программы. Слѣдствіемъ этого по необходимости будетъ то, что «ціонистскіе» конгрессы превратятся изъ партійныхъ въ общееврейскіе или «національные». Мы имѣемъ уже готовую армию и готовую организацію; нужно только дать имъ надлежащее направленіе.

«Общееврейскій конгрессъ» долженъ быть органомъ всѣхъ партій и фракцій, признающихъ еврейскую національную идею. Это—высшій органъ той *объединенной* національной партіи, о которой говорилось въ предъидущемъ «Письмѣ». Ціонистскій конгрессъ провозгласилъ отъ имени еврейства: мы желаемъ и можемъ быть націей при извѣстныхъ условіяхъ и гарантіяхъ и должны стремиться къ достиженію этихъ условій; общееврейскій же конгрессъ провозгласитъ лозунгъ, болѣе соотвѣтствующій исторіи и современности: мы всегда и при всѣхъ условіяхъ были и будемъ націей, мы во всѣхъ странахъ имѣемъ свои національные интересы и обязаны защищать ихъ въ предѣлахъ возможности. Конечно, если извѣстная партія включаетъ въ «предѣлы возможнаго» и политическое возрожденіе въ Палестинѣ, то она обязана къ этому также стремиться, но она должна помнить, что это только часть обще-національной программы, а не вся программа. Обще-еврейскіе конгрессы должны обсуждать всѣ коренные вопросы нашей общественной и духовной жизни, устанавливать формы національной организаціи еврейства, сообразно условіямъ каждой страны, и принимать мѣры къ повсемѣстному сохра-

женію и прогрессивному развитію нашей народности. Дѣятельность національныхъ конгрессовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ, будетъ происходить такъ же гласно, какъ дѣятельность ціонистскихъ конгрессовъ. Это должно гарантировать новой организаціи терпимость закона даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ свобода совѣсти еще официально не узаконена. Во всякомъ случаѣ, открытая національная организація еврейства не должна встрѣчать больше препятствій, чѣмъ существующая ціонистская, которая получила возможность легально дѣйствовать и въ Россіи. Если же она кое-гдѣ и встрѣтитъ препятствія, то она съумѣетъ преодолѣть ихъ, какъ преодолѣла ихъ наша народная воля въ самыя мрачныя эпохи нашей исторической жизни.

Противъ изложенной выше еврейской національной программы выставляется обыкновенно масса возраженій. Отвѣты на нѣкоторыя изъ нихъ внимательные читатели могли бы найти въ предъидущихъ моихъ «Письмахъ» (особенно во 2-мъ), гдѣ изложены тѣ общія начала еврейскаго націонализма, изъ которыхъ настоящая программа является только практическимъ выводомъ. На другія возраженія, кажушіяся нашимъ противникамъ особенно сильными, попытаюсь вкратцѣ отвѣтить здѣсь.

Еврейскій національно-духовный автономизмъ неосуществимъ—говорятъ одни (а ціонисты прибавляютъ: неосуществимъ *онъ Палестины*). Если есть еще надежда на завоеваніе евреями *гражданскаго* равноправія во всѣхъ странахъ, то права внутренней автономіи въ національномъ духѣ имъ въ этихъ странахъ никогда не предоставятъ.

На это я отвѣчу: 1) внутреннее общинное самоуправленіе, въ большей или меньшей степени, предоставлялось евреямъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, не исключая и настоящаго; только наши предки до XIX вѣка умѣли широко пользоваться этимъ правомъ, а ихъ потомки въ «эпоху ассими-

ляці» систематически отрекались отъ него и низвели его почти до нуля; 2) право самобытнаго духовно-національнаго развитія и сообразнаго съ нимъ поведенія принадлежитъ къ числу не даруемыхъ извнѣ, а исторически присущихъ каждой національной особи неотъемлемыхъ правъ,—и отъ степени индивидуальной энергіи данной націи зависитъ осуществленіе этого внутренняго права при всевозможныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Еврейскій автономизмъ преслѣдуетъ не территориально-политическія, а только національно-духовныя цѣли. Въ этихъ границахъ онъ формально осуществимъ въ «правовомъ государствѣ» и фактически неустрашимъ въ «полицейскомъ государствѣ». Тамъ, гдѣ установлено гражданское равенство вѣроисповѣдныхъ и національныхъ группъ, внутренняя свобода этихъ группъ и вызываемыя ею автономныя учрежденія являются только необходимымъ слѣдствіемъ этого равенства,—и я уже выше указалъ на тѣ страны, гдѣ государственная власть не можетъ препятствовать самой широкой общинной и школьной автономіи евреевъ въ національномъ духѣ. Въ странахъ же, гдѣ гражданское равноправіе евреевъ еще не упрочилось или вовсе не установилось, проявляется дѣйствіе второго изъ выше приведенныхъ пунктовъ—неотъемлемости національныхъ правъ, составляющихъ органическую часть *личныхъ* правъ cadaго человека.

Если во мнѣ «еврей» неотдѣлимъ отъ «человѣка», то я буду бороться за свое національное я такъ же, какъ борюсь за свое личное я. Мои предки самоотверженно охраняли это право національной самобытности, патриархальная народная масса и понынѣ его охраняетъ (хотя и не развиваетъ), а я хочу и охранять, и прогрессивно развивать его, приспособляясь къ условіямъ общечеловѣческой культуры. И никакой гражданскій законъ въ мірѣ не можетъ мнѣ это запретить, если только онъ не заимствованъ изъ давно осужденнаго исторіей средневѣковаго права или уставовъ святой инквизиціи.

«Но допустимъ, что государственный законъ подтвердитъ

наше право на внутреннюю автономію,—что же скажетъ христіанское общество, среди котораго мы живемъ? Не заявить-ли оно, что народность, такъ упорно оберегающая свою самобытность и внутреннее самоуправленіе, чужда окружающимъ націямъ, лишена чувства патриотизма въ каждой странѣ, стремится къ обособленію» и т. д. На подобное возраженіе я уже обстоятельно отвѣчалъ во второмъ изъ моихъ «Писемъ», и здѣсь долженъ только сдѣлать выводъ изъ этого отвѣта.

Я уже говорилъ, что такъ какъ понятіе «отечества» состоитъ изъ двухъ частей—«природа» и «люди»,—то и любовь къ отечеству бываетъ двоякая. Любовь къ родной природѣ, впечатлѣнія которой связаны съ самымъ процессомъ образованія нашего психическаго склада, неискоренима и такъ же постоянна, какъ сама природа. Любовь же наша къ «людямъ», т. е. къ народамъ, живущимъ рядомъ съ нами, есть величина непостоянная и зависитъ отъ степени любви этихъ народовъ къ намъ. Мой государственный патриотизмъ составляетъ эквивалентъ тому, что мнѣ даетъ государство, при условіи исполненія мною его законовъ, и какъ оно вообще относится ко мнѣ, какъ къ личности и члену известной націи. Можете ли вы требовать отъ избиваемыхъ въ Турціи армянъ турецкаго патриотизма, или отъ терзаемыхъ румынскихъ евреевъ—румынскаго патриотизма? Такое требованіе было бы чудовищно, противоестественно,—а вѣдь къ евреямъ его часто предъявляютъ, и—что всего возмутительнѣе—иные евреи находятъ, что намъ вправѣ предъявлять подобное требованіе, а мы должны съ нимъ считаться. Если же данное государство обезпечиваетъ мнѣ гражданское равноправіе и неприкосновенность моей національной личности, какъ оно это предоставляетъ другимъ, входящимъ въ его составъ людямъ и націямъ,—тогда у меня нѣтъ повода не любить это государство, и я буду ревностно работать для его усиленія и процвѣтанія наравнѣ со всѣми моими согражданами. Слѣдовательно, не мое стремленіе къ національной самобытности, а наоборотъ—попытки государства подавить во мнѣ это стремленіе могутъ ослабить во

мнѣ государственный патриотизмъ. Чѣмъ шире моя личная и національная свобода, тѣмъ сильнѣе я привязанъ къ государству, охраняющему эту свободу, и vice versa.

«Но—говорять мнѣ—вы не считаетесь съ существующими обстоятельствами. Развѣ вы не слышите этихъ постоянныхъ криковъ о «кагалѣ», объ «обособленности» евреевъ? Вѣдь именно наша національная обособленность выставлялась и выставляется какъ оправданіе нашей гражданской неправоиспособности?»

Тѣ, которые такъ говорятъ, или сами одурачены, или дурачать другихъ. Подобными наивными доводами можно было пробавляться еще полвѣка назадъ, но теперь пора бы ихъ бросить. Вы слышали, что говорятъ на Западѣ о евреяхъ ассимилированныхъ, отрекшихся отъ своей національности: «Евреи пробираются въ христіанское общество, сливаются съ нимъ и портятъ его, или же слишкомъ успѣшно конкурируютъ съ нимъ въ борьбѣ за существованіе». Вы слышали, что говорятъ въ государствахъ, гдѣ евреямъ еще не дали эмансипаціи, въ оправданіе этого: «Евреямъ нельзя давать гражданское равноправіе, ибо они способны коренного населенія, а сближаясь съ нимъ на почвѣ общей культуры, всегда одерживаютъ верхъ надъ нимъ въ сферѣ экономической и умственной». —Итакъ, юдофобы всѣхъ странъ одновременно оправдываютъ свою ненависть къ намъ и нашимъ національнымъ обособленіемъ, и нашимъ національнымъ отреченіемъ, желаніемъ однихъ остаться въ еврействѣ и желаніемъ другихъ «пробратся» въ чужую національную среду, еврейскимъ націонализмомъ и «еврейскимъ космополитизмомъ». И съ мнѣніемъ такихъ слѣпыхъ ненавистниковъ считаются друзья нашего народа!

«Кагалъ», «кагалность!»—Но что такое кагалность? Извѣстная форма, въ которой выражалась солидарность еврейскихъ интересовъ въ сферѣ духовной, общинной и национальной. Въ такомъ случаѣ очень жаль, что обвиненіе насъ въ «кагалности» такъ мало соответствуетъ дѣйствительности

въ настоящее время. Солидарность интересовъ для членовъ всякой націи есть столь-же высокая нравственная обязанность, какъ для любящихъ дѣтей дѣла членовъ семьи, и отъ такой солидарности могутъ отречься только трусливые перебѣжчики. Ни поляки, ни русины, ни армяне не скрываютъ факта солидарности своихъ національныхъ интересовъ, а известная часть еврейской интеллигенціи дошла до такого рабскаго самоотрицанія¹⁾. А разъ солидарность національныхъ интересовъ признается въ известныхъ предѣлахъ законною для всѣхъ націй, то она должна признаваться таковою и для евреевъ, древнѣйшей изъ существующихъ націй. Для реализаціи же этой солидарности интересовъ должна существовать известная внутренняя автономія съ соответствующими учрежденіями. Нѣкогда такая автономія называлась «кагаломъ», т. е. общиннымъ устройствомъ, и дѣйствовала официально, поддерживая внутреннее единство и общественную дисциплину

¹⁾ У насъ это происходитъ отъ присущей нашей интеллигенціи загнанности и запуганности, даже при наличности вѣкотораго національнаго чувства. На западѣ же такое явленіе вымывается отрицаніемъ въ еврействѣ самой національной идеи. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Когда въ 1900 г. въ Лондонѣ засѣдалъ сіонистскій конгрессъ, одинъ изъ представителей ассимилированныхъ англійскихъ евреевъ протестовалъ противъ національнаго элемента въ сіонизмѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (цитирую изъ помѣщенного въ «Daily News» письма еврея, за подписью Cantabrigian, по переводу его, приведенному въ статьѣ г. Рапопорта: „Четвертый конгрессъ сіонистовъ“ (*Еврейская бібліотека*, т. IX, Спб. 1901, стр. 307): „Противъ чего я вступаю, такъ это противъ лозунга „Израиль какъ нація“. Если было бы вѣрно, что евреи—отдѣльный народъ, то другіе народы были бы вправѣ стараться отдѣлаться отъ чуждаго имъ населенія. Но въ томъ то и дѣло, что это неправда. Евреи не отдѣльный народъ; они просто англичане, французы, вѣнды, русские другого исповѣданія, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ. И единственная причина моего протеста противъ сіонистскаго движенія—это то, что оно какъ бы оправдываетъ ложь, столь старательно распространяемую противъ насъ нашими врагами: будто наши задачи и стремленія не связаны съ нашими родинами, и мы будто упорно держимся за обособленность еврейской націи».—Такъ думаютъ тысячи современныхъ цивилизованныхъ рабовъ, боящихся, что у нихъ отнять „милостиво дарованную“ эмансипацію, если они заявятъ о своихъ національныхъ чувствахъ и интересахъ. Но именно такіе трусы должны внушать отвращеніе добропорядочнымъ христіанамъ.

среди евреевъ ¹⁾. Впослѣдствіи кагалъ упразднился, такъ какъ онъ не сумѣлъ приспособиться къ новымъ культурнымъ условіямъ. Но вѣчно живая идея еврейской солидарности должна вызвать иную, болѣе совершенную и отвѣчающую условіямъ жизни организацію, которая оберегала бы наши духовно-національные интересы. И если вамъ угодно назвать эту новую организацію еврейскимъ словомъ «кагалъ», то мы противъ этого ничего не будемъ имѣть.

Пора, наконецъ, развеять туманъ, окутывающій это страшное слово «обособленіе», которымъ насъ пугаютъ и «друзья», и недруги. О *политическомъ* или *территориальномъ* обособленіи евреевъ въ каждой странѣ, какъ мы уже видѣли, не можетъ быть и рѣчи: евреи внѣ Палестины не добиваются ни отдѣльной территоріи, хотя бы въ видѣ милой «черты осѣдлости», ни отдѣльнаго государственнаго строя, ни собственнаго войска, полиціи и т. п. Обособленіе *гражданское*, которое мѣстами еще встрѣчается, есть результатъ нашего безправія въ извѣстныхъ странахъ, искусственно отстраняющаго насъ отъ общегражданской жизни и активнаго въ ней участія. Всѣ усилія еврейской интеллигенціи направлены къ уничтоженію такого обособленія и его причины—безправія, которое для насъ неизмѣримо вреднѣе, чѣмъ для государства—наше невольное правовое обособленіе. Слѣдовательно, рѣчь можетъ быть только объ обособленіи *національно-духовномъ*, т. е. о нашемъ стремленіи сохранить и развивать свою народную самобытность въ духѣ нашей исторической эволюціи, свои религіозныя, общинныя и учебно-воспитательныя учрежденія, свой языкъ и литературу. Это духовный партикуляризмъ, свойственный всякой культурной народности, каково бы ни было ея политическое положеніе. Но вѣдь въ *такомъ* обособленіи господствующія націи часто обвиняютъ подчиненныя имъ націи, и послѣднія вовсе не стара-

¹⁾ См. мое „Объ изученія исторіи русскихъ евреевъ“ (Спб. 1891), стр. 53—55; „Историческія сообщенія“ №№ 6—11, Восходъ 1894—95.

ются оправдываться въ этомъ грѣхѣ, признавая за собою нравственное право на самобытное существованіе въ національномъ духѣ. Отчего же одни только евреи такъ боятся этого «обвиненія»?

Въ нашей новѣйшей исторіи я не знаю болѣе поворотаго явленія, чѣмъ этотъ страхъ двухъ-трехъ поколѣній еврейской интеллигенціи передъ упрекомъ въ духовномъ національномъ обособленіи. Скажите съ видомъ упрека прусскому поляку, что онъ не германизуется, вопреки всѣмъ стараніямъ прусскихъ юнкеровъ, или—русину въ Галиціи, что онъ не ополячивается,—и они вамъ отвѣтятъ, что вашъ упрекъ дѣлаетъ честь ихъ національной стойкости. А европейски образованный еврей въ ужасѣ отступаетъ передъ упрекомъ въ томъ, что онъ не онѣмеченъ, не офранцуженъ, не обрусѣлъ. Хуже всего то, что такіе евреи приучили даже либеральныхъ христіанъ стмотрѣть на ассимиляцію, какъ на нѣчто обязательное именно для еврея, какъ на эквивалентъ его гражданскаго равноправія. Въ эпоху антитезы наша «заранѣе благодарная» за равноправіе интеллигенція такъ долго пѣла сладкую серенаду о «слиянніи» подъ окнами христіанскаго общества, что послѣднее потомъ стало требовать слиянія, какъ должнаго. Въ русской либеральной публицистикѣ, напримѣръ, установились «двѣ мѣры и двое вѣсовъ» по отношенію къ евреямъ съ одной стороны и къ прочимъ историческимъ націямъ—съ другой. Когда говорятъ о полякахъ, остзейцахъ и т. п., никто изъ истинно-либеральныхъ публицистовъ не думаетъ требовать отъ нихъ обрусѣнія, т. е. отреченія отъ своей національной самобытности. Когда же говорятъ о евреяхъ, такое требованіе прямо или косвенно всегда выставляется даже въ лучшихъ либеральныхъ органахъ русской періодической печати.¹⁾ Одинъ очень сво-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ я надѣюсь подробнѣе остановиться на поучительной исторіи отношеній русской либеральной печати къ евреямъ. Здѣсь отмѣчу только тотъ общезвѣстный фактъ, что эта печать крайне слабо и неохотно защищала насъ въ то время, когда реакціонная или безпринципная юдофоб-

бодомыслеящій русскій публицистъ выразился такъ: мы не беремъ *обрусить* евреевъ, но мы требуемъ, чтобы они *обру-стали*. И въ этомъ наша собственная вина. Мы долго кричали, что мы не нація, что мы вездѣ органически сливаемся съ господствующими націями,—а теперь намъ уже не вѣрять, когда мы объявляемъ себя націей, претендующей на извѣстные національныя права. Мы такъ долго лгали (не только передъ другими, но и передъ собой), что теперь не вѣрять нашей правдѣ. Но если ложь уже укоренилась, то это еще не значить, что нужно продолжать скрывать правду. Довольно играть въ прятки. Пора объявить во всеуслышанье: мы, евреи, имѣемъ съ окружающими народами только общность политическихъ и гражданскихъ интересовъ, но національно мы настолько же обособлены, насколько обособлена всякая другая историческая нація въ нашемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, національное обособленіе евреевъ въ данномъ разноплеменномъ государствѣ не будетъ, при равенствѣ гражданскихъ правъ, сильнѣе, чѣмъ обособленность другихъ подчиненныхъ націй въ этомъ же государствѣ. Мы вездѣ, въ каждомъ государствѣ, добиваемся равноправія съ другими «инородными»

ская пресса свидѣтельствовала противъ насъ. Тутъ даже нѣтъ оправданія въ „независимыхъ обстоятельствахъ“, ибо такія обстоятельства могли имѣть силу только въ особенно острые моменты, но не въ теченіе всего послѣдняго двадцатилѣтія, когда свирѣпствовала юдофобская эпидемія. Въ эти „страшные годы“ евреи скорѣе могли услышать слово защиты со стороны умѣренно-консервативнаго, чѣмъ либеральнаго органа. «Русскія Вѣдомости» невозмутимо молчали, когда кругомъ шла дикая юдофобская травля, между тѣмъ какъ „Петербургскія Вѣдомости“ отъ времени до времени выражали свое сочувствіе преслѣдуемымъ. Кто не помнитъ за послѣдніе двадцать лѣтъ такихъ моментовъ, когда нравственно истерзанный еврей не зналъ, чѣмъ больше возмущаться—людоѣдствомъ реакціонеровъ-антисемитовъ или тупымъ равнодушіемъ либераловъ?.. Конечно, бывали блестящія исключенія: Щедрина, Вл. Соловьевъ, Чичеринъ; но эти крупные писатели говорили за себя, и каждый по своему, а не за всю либеральную печать, которая или систематически замалчивала еврейскій вопросъ, или же доктринерски-спокойно доказывала, что гоненія на евреевъ мѣшаютъ ихъ обрусенію или славянью (т. е. ихъ національному самоотреченію) и потому „невыгодны“ для государства.

націями, входящими въ его составъ, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя обусловливаются особенностями нашей національно-исторической эволюціи.

Многіе согласятся, что такія требованія исторически и нравственно совершенно справедливы, но скептически покачивая головою, скажутъ: «Врядъ-ли достижима подобная цѣль при усиливающимся нынѣ режимѣ «національнаго государства» или *государственнаго націонализма*. Послѣдній стремится ассимилировать всѣ народности даннаго государства съ господствующей націей. Ради такой ассимиляціи употребляются часто и принудительныя средства, въ родѣ правовыхъ ограниченій «инородцевъ». Устоятъ-ли евреи противъ такого режима?» Это возраженіе—самое серьезное и, во всякомъ случаѣ, самое честное изъ всѣхъ тѣхъ, которыя могутъ быть сдѣланы противъ моей теоріи. Дѣйствительно, государственный націонализмъ враждебенъ націонализму зависимыхъ народовъ, какъ враждебенъ національный эгоизмъ національному индивидуализму,—о чемъ подробно говорилось въ предъидущихъ «Письмахъ». Правда и то, что принципъ «національнаго государства» нынѣ во многихъ мѣстахъ выдвигается, какъ основа внутренней политики. Находятся фанатики — реакціонеры, которые на мѣсто средневѣковой «государственной церкви» готовы поставить начало «государственной національности». Въмѣсто принципа: *cujus regio, ejus religio* — выставляется принципъ: *cujus regio, ejus patio*. Клики въ родѣ: «Германія для нѣмцевъ», «Франція для французовъ» раздаются все чаще и чаще изъ реакціоннаго лагеря. Но долговѣченъ ли подобный режимъ, рекомендуемый шевинистами-насилъниками, можетъ-ли онъ упрочиться въ государствѣ съ разноплеменнымъ составомъ, безъ крайней опасности для цѣлости этого государства? Государственный націонализмъ—это змѣя, кусающая свой собственный хвостъ. Политика «національнаго государства», состоящая въ угнетеніи подчиненныхъ національностей и насильственномъ ассимилированіи ихъ съ господствующей націей, можетъ привести только къ двумъ результатамъ:

1) или къ постояннымъ внутреннимъ смутамъ и возмущеніямъ среди угнетаемыхъ націй, къ непрерывной «гражданской войнѣ», подрывающей въ государствахъ всѣ основы порядка и законности, 2) или къ распаденію потрясеннаго внутренними смутами государства и образованію федераціи отдѣльныхъ государствъ, по національностямъ. Всякое государство, дорожащее своимъ внутреннимъ миромъ и цѣлостью своей территоріи, будетъ одинаково избѣгать обоихъ этихъ исходовъ. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ въ духѣ государственнаго націонализма, оно придетъ къ убѣжденію, что не только для блага подчиненныхъ ему націй, но и для своего собственнаго оно должно отказаться отъ этого пагубнаго духа. Именно для своего внутреннего спокойствія и политическаго могущества, равноплеменное государство должно предоставлять внутренней національно-духовную свободу входящимъ въ его составъ историческимъ народностямъ. Оно такъ и поступаетъ (напр. въ Австріи) и будетъ поступать не только вслѣдствіе нравственнаго сознанія, но и въ интересахъ самосохраненія.

Несмотря на всѣ переживаемыя нынѣ колебанія, ходъ исторіи ведетъ не къ насильственному подавленію, а къ свободному развитію національныхъ индивидовъ. Если предъидущему вѣку удалось—хотя и не вездѣ—установить въ государственномъ правѣ принципъ свободы отдѣльной личности, то слѣдующему вѣку предстоитъ укоренить въ правосознаніи общества принципъ свободы національной личности (конечно, въ предѣлахъ известной формулы: «моя свобода кончается тамъ, гдѣ она начинаетъ вредить свободѣ другого»). Это—ясный правовой идеалъ, осуществленіе котораго вызывается практическою необходимостью. Борьба народовъ за свою національную личность не прекратится, пока не восторжествуетъ этотъ идеалъ. Евреи, слѣдовательно, не одни въ этой борьбѣ: ихъ дѣло совпадаетъ съ законнымъ процессомъ исторіи. И если историческое положеніе евреевъ отличается въ известныхъ чертахъ отъ положенія другихъ зависимыхъ національностей, то вѣдь сообразно этому видоизмѣняются и ихъ національныя

требованія. Принципъ-же одинъ: свобода національной личности въ предѣлахъ свободы правового государства.

Таковъ реальный смыслъ историческаго синтеза, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящаго «Письма». Въ этомъ синтезѣ совмѣщаются всѣ лучшія охранительныя начала тезиса и истинно-прогрессивныя начала антитезы. Намъ идеаль: сохраненіе и усовершенствованіе нашего національнаго типа въ духѣ нашей исторической эволюціи и при помощи тѣхъ средствъ, какія дастъ современная культура всѣмъ націямъ, борющимся за свое существованіе. Тѣмъ, которые боятся этой борьбы, я скажу: кто боится борьбы, боится жизни. Наши предки потому имѣли такую полноту внутренней жизни, что они всегда пассивно или активно боролись. Современные интеллигенты, еще не выбившіеся изъ полосы «антитезы», увяли и утратили смыслъ жизни, какъ только потеряли нравственный стимулъ къ борьбѣ за свою національную личность.

Мы переживаемъ время великой тоски и великаго унынія. Вся атмосфера еврейской жизни какъ будто насыщена стономъ и вздохами. Терпѣніе безъ его стойкости, отчаяніе безъ «энергіи отчаянія», мученичество безъ тѣхъ импульсовъ къ дѣйствію, которое оно даетъ живому и чувствующему народу— все это надламываетъ силы значительной части еврейской интеллигенціи. И къ этой интеллигенціи я взываю: вотъ вамъ конкретный идеаль, который возвратитъ вамъ утраченный смыслъ жизни. Къ этому идеалу примѣнимы слова Моисея (Второзак. XXX, 11—14): «Завѣтъ, который я тебѣ даю, не недоступенъ тебѣ и не далекъ отъ тебя. Онъ не на небѣ, чтобы можно было сказать: если кто взойдетъ на небо и достанетъ его, и возвѣститъ намъ, то мы его исполнимъ. И не за моремъ онъ, чтобы можно было сказать: если кто переплыветъ море и достанетъ этотъ завѣтъ и возвѣститъ намъ его, то мы его исполнимъ. Нѣтъ, очень близко къ тебѣ это дѣло, и отъ твоихъ устъ и твоего сердца зависитъ осуществитъ его». Наша историческая жизнь зависитъ не отъ тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыя въ данный моментъ угнетаютъ насъ,—ка-

кими бымогучими онѣ ни казались, —эти силы и не отъ тѣхъ гадательныхъ благопріятныхъ комбинацій, которыми мы сами себя тѣшимъ. Не отъ внутренней политики того или другого правительства по отношенію къ евреямъ и не отъ воображаемаго въ будущемъ «согласія султана и державъ» относительно уступки намъ Палестины, —а отъ насъ самихъ зависитъ наше національное возрожденіе, отъ нашихъ «устъ и нашего сердца», отъ всѣхъ тѣхъ конкретныхъ дѣлъ, которыя мы *на каждомъ шагу* будемъ совершать для сохраненія и развитія нашего народа.

Мы должны оставить томительную политику ожиданія, будь то ожиданіе гражданскаго равноправія, просвѣтленія антисемитовъ, или благорасположенія турецкаго султана. Наша программа—программа дѣйствія, упорной, повседневной, подчасъ незамѣтной работы надъ собою, и въ то же время сильной борьбы за наши человѣческія и національныя права. Тутъ каждое усиліе въ настоящемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ будущему. Всякая мѣстная организація нашихъ силъ въ національномъ направленіи, всякое учрежденіе, поддерживающее нашу законную автономію, всякая школа, проникнутая еврейскимъ національнымъ духомъ, всякій новый кружокъ для изученія еврейскаго языка, исторіи, литературы—приближаетъ насъ на одинъ шагъ къ внутреннему возрожденію. Эта великая національно-культурная работа уже началась, но она еще не дѣлается повсемѣстно и по опредѣленному плану. Существующая ціонистская организація проявляетъ рѣшительную склонность къ расширенію своей программы въ указанномъ смыслѣ. И силою вещей она будетъ втянута въ составъ болѣе широкой *національно-культурной организаціи*, имѣющей цѣлью внутреннее возрожденіе евреевъ во *всѣхъ* мѣстахъ, куда забросила ихъ исторія.

С. Дубновъ.

Евреи въ Америкѣ.

(Историческій очеркъ).

Настоящій очеркъ составленъ главнымъ образомъ, — но не исключительно, — по даннымъ и фактамъ «Еврейской Энциклопедіи» на англійскомъ языкѣ ¹⁾ первый томъ который появился въ нынѣшнемъ году. По предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ, «Энциклопедія» является первоисточникомъ, такъ какъ до появленія «Энциклопедіи» объ исторіи евреевъ въ Америкѣ имѣлись весьма скудныя свѣдѣнія, обнаруженныя притомъ лишь въ послѣдніе годы и въ изданіяхъ мало извѣстныхъ на европейскомъ континентѣ. Только въ 1892 году было учреждено Американско-еврейское историческое общество и впервые въ журналѣ этого общества сгруппированы были данныя по исторіи евреевъ въ разныхъ странахъ Америки.

Я предполагалъ дать въ видѣ предисловія хоть нѣкоторое представленіе о другихъ статьяхъ «Энциклопедіи», но вынужденъ отказаться отъ этой мысли въ виду того, что объемъ настоящаго очерка и безъ того разросся. Ограничусь поэтому только общей характеристикой въ нѣсколькихъ словахъ.

Этотъ монументальный трудъ, предпринятый въ Америкѣ, поражаетъ не только объемомъ (предполагается 12 такихъ томовъ какъ 1-ый, въ которомъ 700 стр.), но и по содержанию. Отдѣлъ теологіи и исторіи литературы еврейской стоитъ на высотѣ современнаго знанія по этимъ предметамъ.

¹⁾ The Jewish Encyclopedia, I, New-York and London, 1901.

Для характеристики культурно — исторического отдѣла «Энциклопедіи» достаточно ознакомиться съ очеркомъ исторіи евреевъ въ Эльзасѣ (Alsace). Онъ составленъ прекрасно. Наконецъ, отдѣлъ исторіи и быта евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи отличается такою полнотою, какая до сихъ поръ не встрѣчалась. Онъ составленъ не только на основаніи матеріаловъ и данныхъ, имѣющихся въ древнееврейской литературѣ, но и на основаніи источниковъ польскихъ и русскихъ, между прочимъ «Регесты», изданныя Обществомъ распространенія просвѣщенія, использованы многократно и основательно.

Исторія евреевъ въ Америкѣ, какъ указано въ самой «Энциклопедіи», не исчерпана въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ. О ней будетъ рѣчь и во всѣхъ остальныхъ томахъ, въ статьяхъ, относящихся къ названіямъ штатовъ, а также по другимъ поводамъ. Но и то, что имѣется въ первомъ томѣ, весьма содержательно и вмѣстѣ съ тѣмъ является исходнымъ пунктомъ для новыхъ изысканій по этому предмету не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ.

Дѣло въ томъ, что исторія евреевъ въ Америкѣ — это исторія ихъ эмиграціи изъ Европы и расселенія по разнымъ странамъ Америки. Слѣдя за ростомъ еврейскаго населенія въ Америкѣ, приходится поэтому то и дѣло обращаться къ событіямъ европейской исторіи для того, чтобы выяснитъ причины, которыми обусловлено было выселеніе евреевъ изъ европейскихъ странъ и переселеніе въ Америку. Уже фактъ открытія Америки тѣсно и неразрывно связанъ съ однимъ изъ наиболѣе потрясающихъ событій въ исторіи евреевъ въ Европѣ. Съ него мы и начнемъ.

I.

30 апрѣля 1492 г. было обнародовано повелѣніе Фердинанда и Изабеллы объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи и въ тотъ же день повелѣно было Колумбу снарядить флотилію для отправленія въ Индію. 2 августа того же года около 300.000 евреевъ оставило Испанію, а на другой день флотилія

Колумба начала свое плаваніе. Въ дневникѣ своемъ Колумбъ упоминаетъ о совпаденіи этихъ двухъ событій ¹⁾). Но связь между этими событіями выражается не только во времени. Первые отчеты объ экспедиціи своей Колумбъ по возвращеніи въ Европу далъ въ двухъ письмахъ—на имя откупщика королевскихъ податей Луи Сантангела и королевскаго казначея Рафаила Санхеца. Оба эти лица были еврей-марраны ²⁾).

Американецъ Дреперъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ роль евреевъ въ Испаніи въ періодѣ между X и XIV вв. «Они выдавались богатствомъ и ученостью. Большинство ихъ ученыхъ были приверженцами Аристотеля. Они открывали высшія школы и другія учебныя заведенія. Съ торговою цѣлью они объѣздили весь міръ. Особенно охотно посвящали они себя медицинѣ... Они всегда сохраняли незатѣмненный предразсудками взглядъ на мірскія дѣла. Въ сферѣ науки они въ особенности способствовали развитію математики и астрономіи. Таблицы Альфонса, которыя послужили основаніемъ для путешествія Васко де Гама, суть еврейское произведеніе» ³⁾).

Было бы странно, если бы въ виду этого преобладающаго значенія евреевъ въ области умственнаго развитія Испаніи, евреи остались чуждыми предпріятія, увѣнчавшагося открытіемъ новыхъ путей и новаго міра. Безъ нравственной и матеріальной поддержки наиболѣе передовыхъ элементовъ общества того времени, предпріятіе не могло быть подвинуто ни на шагъ. Вліятельное испанское духовенство признавало это дѣло противнымъ вѣрѣ, а соборъ въ Саламанкѣ осудилъ это предпріятіе подъ страхомъ анаемы. Этотъ соборъ провозгласилъ, что Пятикнижіе Моисея, псалмы, пророки, евангеліе, посланія апостоловъ и творенія отцовъ церкви (Хризостома, Августина, Иеронима, Григорія, Василія, Амвросія) свидѣтельствуютъ о

¹⁾ Encyclop. s. v. America, p. 492, 511.

²⁾ Ruge: Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin 1881, S. 261 Encyclop. ibid. p. 511, 512.

³⁾ Dräper: Conflictе zwischen Religion u. Wissenschaft. Leipzig, 1875. S. 146—147.

нечестивости помысловъ, направленныхъ на такое дѣло¹⁾. При такихъ условіяхъ только богоотступники-евреи могли сочувствовать великой идеѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это сочувствіе выразилось бы въ болѣе рѣзкихъ формахъ, если бы не та великая трагедія, которая разразилась надъ евреями именно въ то время, какъ подняты были паруса на корабляхъ Колумба. Трагедія эта подготовлялась уже давно—цѣлыхъ сто лѣтъ. Въ 1391 г. разъяренная чернь истребила почти всю общину еврейскую въ Севильѣ, состоявшую изъ 30.000 человекъ. Успѣхъ по-дѣйствовалъ заразительно и потоки крови полились въ Кордовѣ, Толедо, Бургосѣ, Валенціи, Барселонѣ и т. д.

Для избавленія отъ смерти евреи массами принимали христіанство, рассчитывая при удобномъ случаѣ сбросить съ себя личину; появились христіане—марраны²⁾. Число этихъ псевдохристіанъ все болѣе и болѣе увеличивалось въ Кастиліи и Арагоніи. Многие изъ нихъ были выдающимися сановниками при королевскомъ дворѣ, были вліятельными людьми, благодаря своимъ богатствамъ и родству съ аристократическими домами. Утверждаютъ, что почти не было дворянскихъ семействъ въ этихъ странахъ, въ жилахъ которыхъ не текла бы еврейская кровь. Среди городскихъ жителей, по увѣреніямъ венеціанскаго посла Квирини (въ 1506 г.), марраны составляли третью часть³⁾.

Духовенство все болѣе и болѣе настойчиво стало требовать истребленія ереси іудействующихъ, учрежденія инквизиціонныхъ судовъ для спасенія душъ отщепенцевъ, посредствомъ сожженія ихъ тѣлъ на кострахъ и конфискаціи ихъ имущества въ пользу скорбящей о нихъ церкви. Требованіе введенія экстраординарныхъ церковныхъ судилищъ въ теченіе продолжительнаго времени встрѣчало значительный от-

¹⁾ Dräper, ib. S. 163.

²⁾ Cassel: Lehrbuch der jüdischen Geschichte. Leipzig, 1879, S. 307. Grätz Geschichte der Juden, VIII, S. 58 и сл.

³⁾ Grätz: Gesch. d. Juden VIII (1875) S. 285.

поръ, отчасти потому, что подобный институтъ являлся посягательствомъ на народныя вольности, на право быть судимымъ своими же и по своимъ обычаямъ и законамъ, а отчасти потому, что марраны открыто и тайно противодействовали введенію судовъ, являвшихся угрозою для ихъ жизни и имущества ¹⁾. Но въ 1480 г. инквизиціонныя трибуналы были учреждены.

Одинъ изъ еврейскихъ поэтовъ, въ послѣдствіи сожженный инквизиціей—Ускве, характеризуетъ это учрежденіе, какъ чудовище ужаснаго вида, грядущее изъ Рима. Оно подобно и льву и змѣѣ африканскихъ пустынь, его клыки превосходятъ клыки слона, изъ глазъ и усть его вырывается пламя. Оно питается человѣческими тѣлами. Оно превосходитъ орла въ быстротѣ полета и куда бы оно ни прибыло, оно своею черною тѣнью распространяетъ глубокой мракъ. Зеленые луга, на которые оно ступаетъ, цвѣтуція деревья, которыхъ оно прикасается, засыхаютъ, вянуть и умираютъ. Ядовитый запахъ, исходящій отъ него, превращаетъ арену его подвиговъ въ ассирійскую пустыню, гдѣ растенія не поднимаются и трава не растетъ ²⁾.

Но и свирѣпыя казни Торквемады—главнаго инквизитора—(съ 1483 г.) повальные убійства, сопровождавшіяся церковными обрядами и бывшія, слѣдовательно, дѣйствительными ритуальными убійствами не въ примѣръ мнѣнческимъ ритуальнымъ убійствамъ, будто бы совершавшимся евреями, ала не устранили: марраны не были истреблены.

Изгнаніе явныхъ евреевъ было единственнымъ средствомъ для того, чтобы изолировать тайныхъ евреевъ отъ общенія съ ними и отъ тяготѣнія къ нимъ. Эта радикальная мѣра и была примѣнена 30 апрѣля 1902 г. ³⁾. Въ эдиктѣ, изданномъ въ этотъ день Фердинандомъ и Изабеллой, изгнаніе евреевъ

¹⁾ См. м. пр. Grätz, VIII, S. 289, 305 и др.

²⁾ Grätz, VIII, S. 301.

³⁾ Cassel, S. 324, 325. Dräper, S. 147—149.

оправдывается исключительно тѣмъ, что отпаденіе отъ церкви ново-христіанъ совершается благодаря постояннымъ сношеніямъ ихъ съ евреями. Для устраненія этого зла, говорится въ эдиктѣ, съ одной стороны евреямъ были отведены особыя мѣстности для жительства, а съ другой стороны была введена инквизиція. Но зло продолжается, несмотря на то, что открыты и наказаны многіе виновные. Евреи употребляютъ всѣ усилія, чтобы отвлечь новообращенныхъ отъ католической церкви. Словомъ, ничего-де не остается, какъ посредствомъ изгнанія отнять у евреевъ возможность способствовать вѣроотступничеству ново-христіанъ ¹⁾.

Какъ отмѣтилъ уже Гретцъ, ни одного изъ ходячихъ обвиненій ²⁾ нѣтъ въ этомъ эдиктѣ. Мы знаемъ, какую цѣну имѣютъ эти обвиненія даже тамъ, гдѣ они раздаются; мы знаемъ, какъ мифы превращаются въ дѣйствительныя происшествія; единичные факты въ общее правило. Но въ данномъ случаѣ, повидимому, трудно было добыть даже намекъ на фактъ объ эксплуатаціи или ростовщичествѣ, а тѣсное общеніе между еврейскимъ и испанскимъ населеніемъ устранило возможность вѣры въ мифъ о ритуальномъ убійствѣ или оскверненіи гостей, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ кругахъ. Единственною виною евреевъ было то, что они существовали. Жившее въ теченіе многихъ вѣковъ войною и хищничествомъ испанское населеніе не умѣло и не желало добывать средства существованія трудомъ и промысломъ. Церковь, море или королевскій дворъ, говоритъ Сервантесъ,—вотъ способы для того, чтобы обезпечить себя и преуспѣвать. Въ концѣ XV в. море, т.-е. служба въ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, еще виднѣлось только въ туманѣ на горизонтѣ, и, слѣдовательно, только войною и молитвою, хищничествомъ и ханжествомъ, можно было спасти себя матеріально. Какъ для дворянства, такъ и для духовенства изгнаніе евреевъ, приобрѣтеніе ихъ

¹⁾ Grätz, Gesch. d. Juden VIII (1875) S. 332—333.

²⁾ Grätz, VIII, S. 334.

нмущества, оставшагося безхозяинымъ, было однимъ изъ средствъ легкой наживы. *Ote toi, que je m'y mette*—въ этомъ выражается философія событія. Если изгнаніе прикрывалось религіознымъ рвеніемъ, или, вѣрнѣе, освящалось церковью, то именно потому, что подъ этимъ флагомъ цѣль легче всего достигалась. Символомъ единенія и мира въ это время было единство вѣры, символомъ вражды была разниа вѣры. На этомъ этическомъ основаніи можно было изгнать и грабить.

Недаромъ Лютеръ, который не особенно нѣжно относился къ евреямъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ политику христіанской церкви по отношенію къ евреямъ. «Софисты и монахи, грубые ослы, такъ обращались до сихъ поръ съ евреями, что доброму христіанину было бы приличнѣе стать евреемъ; если бы я былъ евреемъ и видѣлъ бы подобныхъ глупцовъ, властвующихъ надъ христіанствомъ и обучающихъ его, я бы охотнѣе сдѣлался свиньей, чѣмъ христіаниномъ» ¹⁾.

Понятно, что ограбленные, лишенные крова и пріюта, изгнанники-евреи, шедшіе навстрѣчу всевозможнымъ случайностямъ судьбы на сушѣ и морѣ, не могли интересоваться предпріятіемъ Колумба. Это дѣлали марраны, поневолѣ слившіеся съ испанскимъ отечествомъ и заботившіеся объ его интересахъ.

Тотъ, кому Колумбъ адресовалъ первое письмо по прибытіи въ Европу,—Луи Сантангель, не только побудилъ королеву Изабеллу выразить свое согласіе на это предпріятіе, но въ виду отсутствія денегъ въ королевской казнѣ, ссудилъ необходимыя средства для снаряженія флотиліи ²⁾.

Въ чемъ выразилось участіе королевскаго казначея Санхеца въ этомъ предпріятіи, точно неизвѣстно, но повидимому оно было столь же значительно и существенно, судя по тому, что вслѣдъ за Сантангеломъ Колумбъ считалъ необходимымъ

¹⁾ Das Jesus Christus ein geborner Jude.

²⁾ Encyclop. ib. l. c. Ruge, S. 239, 240.

адресовать письмо Санхецу и притомъ лично ему, а не для передачи заключающихся въ немъ извѣстій королю, что уже достигнуто было письмомъ къ Сантангелу.

Были евреи и среди экипажа Колумба. Луи де Торресъ, ученый еврей, владѣвшій, какъ указываютъ, знаніемъ языковъ: еврейскаго, халдейскаго и арабскаго (въ сущности большинство ученыхъ испанскихъ евреевъ того времени владѣли знаніемъ этихъ языковъ, не считая испанскаго), Родриго Санхецъ (родственникъ королевскаго казначея), хирургъ Марко и врачъ Берналь ¹⁾. Луи де Торресъ и Родриго Санхецъ получили специальное порученіе отъ Колумба изслѣдовать островъ Кубу. Во время своихъ странствованій по острову они впервые ознакомились съ табачными листьями и куреніемъ. Де Торресъ впоследствии поселился на Кубѣ, приобрѣлъ плантаціи и рабовъ и тамъ же умеръ ²⁾. Прибавимъ, что и открытіе Бразиліи португальцемъ Кабралемъ происходило при участіи моряка-еврея, Гаспара де Лемоса, оказавшаго большія услуги въ этомъ предпріятіи. Онъ участвовалъ впоследствии въ качествѣ капитана корабля въ экспедиціи Америго Веспуччи ³⁾.

II.

Еврей-марраны, принимавшіе участіе въ предпріятіи Колумба, направленномъ къ отысканію новаго пути въ Индію, не имѣли, конечно, въ виду, что они готовятъ себѣ убѣжище отъ гоненій инквизиціи. Напротивъ, цѣль Фердинанда и Изабеллы, а также самого Колумба, было распространеніе христіанства и истребленіе невѣрующихъ. Описывая благодатный климатъ вновь открытыхъ земель, Колумбъ прибавляетъ: но ихъ величества не должны доволить никому, кто не принадлежитъ къ числу правовѣрныхъ католиковъ, ступить но-

¹⁾ Encyclop. p. 511.

²⁾ Ruge, S. 255. Encyclop. p. 512.

³⁾ Encyclop. p. 492—493. Ruge, S. 129—130.

гой въ этотъ рай земной. Ибо въ этомъ заключалась цѣль открытій, которыя я сдѣлалъ по повелѣнію вашихъ величествъ. Они были предприняты для того, чтобы распространить христіанскую вѣру и возвеличить ее» ¹⁾.

Но португальскіе марраны повидимому сознательно участвовали въ экспедиціяхъ метрополи для открытія новыхъ земель, имѣя въ виду именно возможность уйти туда отъ кровожадности и грабительства духовныхъ отцовъ и предержавшихъ властей своей родины. Какъ бы то ни было, но новая Испанія и португальскія колоніи въ Америкѣ привлекли значительное число поселенцевъ-маррановъ. Въ Бразиліи раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, поселилось значительное число евреевъ. Ежегодно изъ Португаліи туда уходило два корабля, наполненныхъ евреями, преступниками и еретиками, приговоренными инквизиціей въ ссылку. Марраны, по прибытіи туда, сбрасывали маску и открыто исповѣдывали іудейство. Въ виду этого въ 1557 году воспрещено было португальскимъ марранамъ переселяться въ португальскіи колоніи. Насколько привольна была жизнь поселившихся тамъ евреевъ (бывшихъ маррановъ), видно изъ того, что голландская вестъ-индская компанія рассчитывала на ихъ помощь при завоеваніи Бразиліи. Вскорѣ послѣ того, какъ Бразилія стала голландскою колонією, еврейскій элементъ усилился переселенцами изъ Голландіи. Въ 1642 г. туда прибыло 600 евреевъ. Въ 1654 г. въ одной Бразильской провинціи Рецифъ было свыше 5000 евреевъ. Значительная еврейская колонія въ Бразиліи была разгромлена послѣ воссоединенія Бразиліи съ Португалією въ 1654 г. ²⁾.

Спасаясь отъ инквизиціи въ новую Испанію, марраны не предвидѣли, что это чудовище найдетъ ихъ въ Новомъ Свѣтѣ. Но фактъ тотъ, что матеріалы для исторіи евреевъ въ Новой Испаніи могутъ быть добыты преимущественно изъ анналовъ инквизиціи.

¹⁾ Ruge, S. 256, 258 Anm.

²⁾ Encyclop. p. 498.

Книжки Восхода, кн. XII.

Первое ауто-да-фе въ Мексикѣ произошло въ 1536 г., и уже въ 1539 г. первый еврей или еврействующій Францискъ Маланъ былъ «примиренъ» съ церковью на кострѣ. Формально инквизиція учреждена была только въ 1571 г., притомъ съ цѣлью очистить страну отъ евреевъ и еретиковъ преимущественно изъ Португаліи.

Начиная съ 1578 г. и вплоть до 1803 г. почти половина обвиняемыхъ въ святомъ судилищѣ были еврей-марраны. Въ одномъ процессѣ, происходившемъ въ 1642 г., приводятся имена 86 іудействующихъ. Большинство обвиняемыхъ владѣльцы рудниковъ и купцы, что объясняется алчностью инквизиторовъ къ конфискованнымъ богатствамъ, но имѣются среди обвиняемыхъ и представители всякаго рода ремесль: мясники, пекари, ювелиры, даже няньки и швеи ¹⁾).

Матеріалы для исторіи евреевъ въ Перу точно также можно почерпнуть только изъ данныхъ о жертвахъ инквизиціи. Въ 1581 г. тамъ былъ сожженъ одинъ еврей. Въ 1639 г. было сожжено на кострѣ двѣнадцать португальскихъ еретиковъ-евреевъ. Одинъ изъ нихъ іудействующій миллионеръ Мануэль Перець ²⁾).

Необходимо упомянуть здѣсь еще о поселенцахъ евреяхъ въ англійскихъ колоніяхъ—Ямаикѣ и Барбадосѣ. Евреи попали сюда повидимому изъ Бразиліи. Въ 1668 г. упоминается о существованіи евреевъ, владѣльцевъ сахарныхъ плантацій въ Барбадосѣ.

Перехожу къ Соединеннымъ Штатамъ.

III.

Первые поселенцы-евреи прибыли сюда изъ Бразиліи, Курасао и вестъ-индскихъ острововъ, т.-е. изъ португальскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній. Мы уже знаемъ, что еврейская колонія въ Бразиліи исчезла съ отвоеваніемъ

¹⁾ Encyclop. p. 493—494.

²⁾ Encyclop. p. 494.

португальцами этой страны отъ голландцевъ. Часть евреевъ переселилась въ 1654 г. въ голландскую колонію въ сѣверной Америкѣ — новый Амстердамъ. Голландскій губернаторъ Стюевантъ встрѣтилъ ихъ весьма непривѣтливо и предлагалъ голландской вестъ-индской компаніи воспретить имъ пребываніе въ колоніи. Но директоры компаніи отклонили это предложеніе (въ 1655 г.) въ виду того, что евреи понесли значительныя потери при завоеваніи Бразиліи, а также въ виду того, что евреи помѣстили значительный капиталъ въ капиталъ этой компаніи. Руководствуясь этими соображеніями, директоры компаніи напротивъ предписываютъ предоставить евреямъ плавать и торговать, жить и водворяться въ новой Голландіи.

Тѣмъ не менѣе мѣстныя колоніальныя власти уже въ слѣдующемъ году воспретили евреямъ строить синагогу, установили правило о недопущеніи ихъ къ занятію должностей по управленію колоніей и къ производству мелкой торговли.

Колонистамъ приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать себѣ права, отчасти посредствомъ ходатайствъ, обращенныхъ въ Голландію, отчасти посредствомъ обращенія къ мѣстнымъ судамъ. Продолжительную борьбу вынесъ одинъ изъ колонистовъ Ассеръ Леви изъ-за права носить оружіе, изъ-за права отбывать въ натурѣ повинность служенія въ рядахъ милиціи. Его вмѣстѣ съ другими евреями обложили воинскимъ налогомъ, какъ это дѣлали, между прочимъ, по отношенію къ квакерамъ, которые принципиально отказывались отъ ношенія оружія. Ассеръ Леви протестовалъ и послѣ долгихъ мытарствъ, тяжбы по судамъ, жалобъ въ метрополию, повидимому настоялъ на своемъ ¹⁾.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что однимъ изъ основныхъ правъ гражданина, провозглашенныхъ въ послѣдствіи конституціей Соединенныхъ Штатовъ, чрезъ сто лѣтъ послѣ поселенія евреевъ

¹⁾ Encycloped. p. 496.

въ одномъ изъ этихъ штатовъ, было право храненія и ношенія оружія, мотивированное тѣмъ, что хорошо организованная милиція является необходимою для обезпеченія безопасности свободной страны ¹⁾. Не всѣ колонисты, однако, усвоили себѣ принципъ, котораго держался Леви,—добыть себѣ свободу легальной борьбой за свои права. Многіе изъ нихъ, не выносившіе душевой атмосферы нетерпимости и исключительности, господствовавшей въ голландской колоніи не только по отношенію къ евреямъ ²⁾, рѣшились оставить новую родину.

Имѣются точныя свѣдѣнія о томъ, что уже въ 1658 г. изъ Новаго Амстердама переселилось въ Нью-Портъ въ Родъ-Эйландъ сразу 15 семействъ; отдѣльныя лица уже раньше селились тамъ.

Основой общежитія въ этой колоніи былъ принципъ, провозглашенный основателемъ ея, Роджеромъ Вилліамсомъ: совѣсть свободна и закономъ нельзя принудить кого-либо мыслить такъ или иначе. Изъ за этого принципа терпимости къ чужимъ мнѣніямъ пуритане Бостона рѣшили отправить его, какъ опаснаго человѣка, обратно въ Англію, и только послѣ тяжелыхъ испытаній ему удалось основать новую колонію—Родъ-Эйландъ ³⁾. Принципъ религиозной терпимости и свободы совѣсти былъ облеченъ въ форму закона для штата Родъ-Эйландъ въ 1663 году ⁴⁾. Завоеваніе новаго Амстердама англичанами въ 1664 году, превращеніе его въ Нью-Йоркъ, существенно не измѣнило положенія евреевъ, но и не ухудшило его. Прилива новыхъ поселенцевъ-евреевъ не произошло. Напротивъ, въ Нью-Портѣ колонія евреевъ увеличилась въ 1690 г. переселенцами изъ Курасао ⁵⁾.

¹⁾ Stevens: Sources of the constitution of the United States. New York, 1894 p. 223—224.

²⁾ См. и. пр. Hopp: Bundesstaat u. Bundeskrieg in Nordamerika. Berlin 1886. S. 41, 42.

³⁾ Hopp, S. 31—32.

⁴⁾ Stevens: Sources, p. 17, 216—217.

⁵⁾ Encyclop. p. 496, 496, 501.

Въ этомъ же періодѣ, т.-е. во второй половинѣ XVII в. отдѣльные переселенцы шли изъ новаго Амстердама въ Мерилендъ и Пенсильванію. Уже въ 1657 г. упоминается о поселившемся въ Мерилендѣ еврей-врачѣ, Яковѣ Ломброзо. Онъ былъ привлеченъ къ суду за кощунство и повидимому былъ оправданъ, ибо имѣются свѣдѣнія, что онъ былъ помилованъ сыномъ Кромвелля—Ричардомъ Кромвеллемъ, унаслѣдовавшимъ постъ протектора послѣ смерти отца. Въ 1663 г. Ломброзо получилъ права гражданина въ этомъ штатѣ ¹⁾. Мнимое кощунство, за которое Ломброзо былъ преданъ суду, заключалось въ томъ, что онъ, какъ еврей, не вѣрилъ въ св. Троицу. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Мерилендъ еще раньше Родъ-Эйланда, а именно въ 1649 г., установилъ начало вѣротерпимости, почему американскіе историки приписываютъ этой колоніи честь почина въ сферѣ религіозной терпимости. Но терпимость, господствовавшая въ Мерилендѣ и которую такъ часто противопоставляютъ узкой религіозной нетерпимости въ колоніяхъ Новой Англии, была продиктована лишь мірскими соображеніями, а не требованіями духа. Основателемъ колоніи былъ папистъ—лордъ Балтиморъ и первыми поселенцами были католики. Благоразуміе требовало, чтобы эта колонія не вызывала вражды и непріязни окружавшихъ ее пуританскихъ колоній, что несомнѣнно произошло бы, если бы въ католическомъ Мерилендѣ проводился тотъ же принципъ исключительности, какой господствовалъ среди пуританъ ²⁾.

Но именно въ виду указанныхъ, чисто практическихъ соображеній, терпимость въ дѣйствительности распространялась только на лицъ, принадлежавшихъ къ христіанскимъ исповѣданіямъ, и въ томъ же статутѣ, якобы гарантировавшемъ свободу совѣсти для колонистовъ Мериленда, было постановленіе, по которому отвергавшій св. Троицу, карался смертю ³⁾.

¹⁾ Encyclop. p. 497.

²⁾ Stevens: Sources, p. 216—217.

³⁾ Encyclop. p. 497.

Чтобы не возвращаться къ этому предмету, прибавимъ здѣсь же, что даже послѣ признанія независимости Соединенныхъ Штатовъ въ 1783 г. и установленія конституціею свободы совѣсти, къ занятію государственной или общественной должности въ Мерилендѣ не допускался никто, кто не давалъ подписки, что онъ вѣрующій христіанинъ. Неоднократно въ законодательное собраніе штата вносились предложенія объ отмѣнѣ этого мѣстнаго постановленія, но только въ 1819 г. цѣль была достигнута и вскорѣ (въ 1824 г.) въ собраніе города Балтимора были избраны два члена—еврея ¹⁾.

Новый, хотя и незначительный приливъ населенія въ Америку произошелъ въ 1730 г. преимущественно изъ Германіи. Меннониты и пѣтисты, протестанты, изгнанные католическою церковью изъ Зальцбурга, и другіе подобные же элементы шли изъ Германіи, по примѣру англійскихъ пуританъ и французскихъ гугенотовъ, за море, чтобы тамъ безбоязненно и свободно входить въ общеніе съ своимъ Богомъ.

Были ли въ этомъ періодѣ какія либо спеціальныя причины для эмиграціи евреевъ изъ Германіи, намъ неизвѣстно. Религіозная нетерпимость, гоненія, происходившія по временамъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ имперскомъ городѣ или территоріи, казни, которымъ подвергались лица, обвиняемыя въ ритуальномъ убійствѣ,—все это не было ново и неожиданно для евреевъ. Ко всему этому они уже присмотрѣлись и даже привыкли. Конечно, предположеніе о нечувствительности евреевъ къ грозящимъ имъ испытаніямъ напоминаетъ ту анекдотическую кухарку-англичанку, которая на вопросъ—почему она сдираетъ кожу съ живыхъ угрей—отвѣтила, что они къ этому привыкли. Несомнѣнно однако то, что эти неизбежныя условія тогдашняго существованія евреевъ не могли вліять на нихъ такъ, какъ однородныя условія вліяли на сектантовъ-христіанъ въ XVIII в.

¹⁾ Encyclop. p. 497.

Было нѣчто другое, что вліяло въ то время и на сектантовъ и на евреевъ. По всей вѣроятности такимъ двигателемъ были мошенническія обѣщанія и заманчивые рассказы корабельныхъ агентовъ—этой язвы, которая уже въ то время свирѣпствовала въ Германіи и приводила въ движеніе массу, которой скверно жилось на родинѣ ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но среди нѣмецкихъ переселенцевъ оказались и евреи, причемъ и они, разумѣется, испытывали тѣ ужасы, которые въ то время сопряжены были съ морскимъ путешествіемъ и обыкновенно влекли за собою гибель десятковъ и сотенъ переселенцевъ на пути къ обѣтованной землѣ. Такъ, въ одномъ письмѣ отъ 1732 г. сообщается, между прочимъ, что одинъ изъ кораблей, отпльвшихъ въ прошломъ году изъ Европы въ Америку блуждалъ по морю 24 недѣли и изъ 150 пассажировъ, бывшихъ на немъ, свыше ста погибли отъ голода. Вслѣдствіе недостатка въ пищѣ ловили крысъ и мышей и продавали ихъ по полъ гульдена за штуку. Оставшіеся въ живыхъ, изможденные и голодные попали наконецъ на сушу, но не въ мѣсто назначенія, и ихъ держали тамъ взаперти, требуя уплаты за проѣздъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Въ нынѣшнемъ (1732) году было десять кораблей, на которыхъ было около 3.000 душъ. Одинъ изъ этихъ кораблей былъ въ дорогѣ 17 недѣль и около 60 пассажировъ умерло въ дорогѣ. Остальные же—больные и изможденные и, что еще хуже, почти безъ всякихъ средствъ. Пассажиръ старше 14 лѣтъ платитъ 6 дублоновъ за проѣздъ отъ Роттердама, моложе 14 лѣтъ половину. У кого не хватаетъ проѣздной платы, отдается на 3, 4 и болѣе лѣтъ въ кабалу и долженъ работать какъ рабъ ²⁾. Понятно, что подобнаго рода письма, доходившія до Европы, охлаждали порывы новыхъ массъ. Переселенія совершались въ XVIII в. спорадически, когда уроки прошлаго забывались.

¹⁾ См. Норр, S. 306—307.

²⁾ Норр., S. 322—323 Амш.

Вернемся къ переселенцамъ-евреямъ.

Какъ и соотечественники ихъ нѣмцы, поселенцы-евреи селились преимущественно въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и Георгіи. Эта послѣдняя колонія основана именно въ періодѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Огльторпомъ. Онъ стремился создать въ этой колоніи прибѣжище для тѣхъ, кто оказывался безпомощнымъ въ борьбѣ за матеріальное существованіе въ Старомъ Свѣтѣ, между прочимъ для несостоятельныхъ должниковъ. По законамъ о несостоятельности, дѣйствовавшимъ въ то время въ Англіи и въ Европѣ, банкроты бросались въ тюрьмы, ямы, какъ они у насъ именовались, и уже не въ состояніи были выбраться оттуда, не имѣли возможности оправиться и вновь приняться за производительное занятіе. Когда въ іюлѣ 1733 г. Огльторпъ собралъ прибывшихъ мѣсяць тому навадъ колонистовъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ городъ Саванна, для распредѣленія между ними занятаго имъ участка земли, по рѣкѣ Саваннѣ приплылъ изъ Лондона корабль, въ которомъ было 40 переселенцевъ-евреевъ. По настоянію Огльторпа, часть ихъ, желавшихъ заняться обработкой земли, получили жеребья для устройства садовъ и фермъ. Имена этихъ лицъ фигурируютъ въ актѣ укрѣпленія, составленномъ по случаю распредѣленія земли, и они являются предками семействъ, до нынѣ процвѣтающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ ¹⁾.

Мнѣ приходилось уже указывать въ другомъ мѣстѣ, какую роль играла въ исторіи англійскихъ евреевъ форма присяги, которая могла быть дана только лицомъ, исповѣдывавшимъ христіанскую вѣру. Колоніи предупредили метрополию въ измѣненіи этой формы присяги. Впервые вопросъ о присягѣ при принятіи англійскаго подданства возникъ въ Барбадосѣ и разрѣшенъ въ 1674 г. дозволеніемъ евреямъ присягать на пятикнижій Моисея ²⁾. Дальнѣйшее проведеніе принципа религіозной терпимости не только по отношенію къ христіанамъ

¹⁾ Норт, 5, 69, 70, Encyclop., p. 498.

²⁾ Encyclop. p. 495.

разныхъ исповѣданій, но и по отношенію къ нехристіанамъ, выпало на долю Соединенныхъ Штатовъ. Они были первыми піонерами въ дѣлѣ установленія государственнаго общежитія на началахъ свѣтской, а не церковной морали¹⁾. Въ 1727 г. нью-іоркское генеральное собраніе установило, что британскіе подданные-евреи, принимая присягу, вправѣ опустить слова— «по истинной вѣрѣ христіанина»²⁾.

Въ 1740 г. англійскій парламентъ издалъ билль о натурализаціи евреевъ, которые поселились или поселятся въ какой нибудь изъ колоній его величества въ Америкѣ. Изъ 189 евреевъ, воспользовавшихся предоставленнымъ имъ правомъ, 151 жили въ Ямайкѣ, 24—въ Нью Йоркѣ, 9—въ Пенсильваніи, 4—въ Мериландѣ и 1—въ Южной Каролинѣ.

То, что такъ легко совершилось въ колоніяхъ по инициативѣ метрополіи, требовало упорной и продолжительной борьбы въ самой Англіи. Мы знаемъ, что билль о натурализаціи евреевъ въ Англіи, хотя и прошелъ въ англійскомъ парламентѣ въ 1753 г., вскорѣ былъ отмѣненъ³⁾. И въ этомъ отношеніи колонія предупредила метрополію на много десятковъ лѣтъ.

IV.

Въ концѣ того же XVIII в. наканунѣ войны за независимость, а именно начиная съ 1772 г. идетъ новая эмиграціонная волна изъ Европы, въ которой участвовали и евреи, главнымъ образомъ изъ Польши. Причиной, вызвавшей это движеніе, былъ, по словамъ автора статьи въ «Энциклопедіи»— Адлера, раздѣлъ Польши въ 1772 году и послѣдовавшія за тѣмъ безначаліе и смуты. На самомъ дѣлѣ, ближайшей причиной повидимому были дикія неистовства, совершенныя надъ евреями въ періодъ колѣвщины гайдамаками подъ предводи-

¹⁾ Stevens: Sources, p. 214

²⁾ Encyclop. p. 496, 501.

³⁾ См. мою ст. „Евреи въ Англіи“, Вѣст. 1897, январь.

тельствомъ Желѣзняка, Гонты и друг., именно въ 1768 г. наканунѣ перваго раздѣла Польши. «Какъ ни преувеличивали поляки ужасы своихъ описаній, говорить г-жа А. Ефименко, старающаяся не только объяснить, но и оправдать гайдамацкое движеніе,—все таки дѣйствительность была возмутительна». Дѣло идетъ объ одномъ изъ эпизодовъ движенія—уманской рѣзни. «Дивись, пане подстоли, якъ гуляють» говорилъ Гонта уманскому губернатору Младановичу. И дѣйствительно, былъ ужасный разгулъ народныхъ страстей, родъ безумнаго и бѣшенаго вѣрскаго экстаза, который овладѣваетъ массой, когда она вырывается на немногія минуты изъ подъ гнета, именно на минуты—она вѣроятно инстинктивно чувствуетъ это,—и хватается въ свои руки власть». Г-жа Ефименко приводитъ затѣмъ описаніе этой рѣзни, сдѣланное Павломъ Младановичемъ (сыномъ губернатора), который 10-лѣтнимъ мальчикомъ присутствовалъ при рѣзнѣ и рассказываетъ то, что видѣлъ. Дорога уже была выслана трупами. Трупы всѣ были обнажены даже безъ сорочекъ, казачество летало передъ глазами отъ одного конца до другого; крикъ, шумъ, воли производили въ головѣ помѣшательство, ужасъ. Дѣти, поднятыя на копья, представляли ужасное и поражающее зрѣлище. Выбиваютъ окна, разваливаютъ печи, одни выгоняютъ людей изъ домовъ, другіе принимаютъ выгнанныхъ на копья, топчутъ коными недоколотыхъ. Черезъ рынокъ идти нужно было (мальчику съ охранявшимъ его казакомъ). Тутъ представилось ужасное зрѣлище. Онъ уже былъ высланъ трупами по всей своей площади. Лежали равно: одни—лицомъ къ землѣ, затылкомъ къ небу, другіе затылкомъ къ землѣ, лицомъ къ небу. Окна во всѣхъ домахъ уже были выбиты, книжки, перины повыбросаны на улицу, перины распороты, перья разносились вѣтромъ и покрывали трупы. Надо было наступать на трупы, а когда выдвигались при этомъ внутренности «о, не зважай, кричалъ ковакъ, соромныя то тѣла, не православной вѣры!»¹⁾

¹⁾ Изъ исторіи борьбы малор. нар. съ пол. Слово, 1879 г. октябрь ст. 208-209.

Недаромъ и донинѣ въ годовщину катастрофы (5-го тамуза) въ уманскихъ синагогахъ читается элегія, посвященная описанію рѣзни.

Въ элегіи рассказывается, между прочимъ, что евреямъ предлагали измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ. Но евреи предпочитаютъ царство небесное земной жизни. Когда ихъ привели на мѣсто закланія, они воскликнули: слушай Израиль и со словами—Богъ одинъ—падали мертвыми. ¹⁾

На самомъ дѣлѣ не всѣ однако обнаруживали такое самоотверженіе. Было значительное число евреевъ, какъ въ Уманѣ, такъ и въ другихъ городахъ, спасавшихся отъ смерти принятіемъ христіанства. Какъ они, такъ и успѣвшіе убѣждать некрещенными евреи уходили въ Германію. ²⁾

Часть бѣглецовъ повидимому попала и въ Америку.

Возможно, что это движеніе было лишь частью польскаго эмиграціоннаго движенія въ Америку, хотя и не принявшаго обширныхъ размѣровъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что именно въ это время «уѣхалъ въ Америку безъ надежды когда нибудь возвратиться на родину» будущій герой польскаго востанія Костюшко вмѣстѣ съ пятью другими поляками. Отецъ его въ свою очередь былъ жертвой гайдамачины и это народное движеніе, отразившееся на его личной судьбѣ, произвело на него, по словамъ историка, потрясающее впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ бросить родину. ³⁾

Количественно всѣ переселенія въ XVIII в. вмѣстѣ взятыя были невелики. Въ 1818 г. Мордехай Ноа, игравшій выдающуюся роль среди американскихъ евреевъ и имѣвшій довольно вѣрныя свѣдѣнія о численности евреевъ въ штатахъ, насчитывалъ всего 3000 человекъ. Переселенцы-евреи составляли ничтожный элементъ среди другихъ переселенцевъ—une quantité négligeable и не привлекали къ себѣ вни-

¹⁾ Голантъ: Молитва въ память уманской рѣзни, Киевск. старина 1895 г.

²⁾ Голантъ, *ibid.*

³⁾ Костомаровъ: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. СПб. 1885 г. II, стр. 423 и 425.

манія ни въ тѣхъ странахъ, откуда выселялись, ни въ Америкѣ, куда они переселялись. Вотъ почему объ этомъ предметѣ имѣются только отрывочныя свѣдѣнія въ американскихъ источникахъ. Данныхъ по этому же предмету изъ еврейскихъ и польскихъ источниковъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Можетъ быть, знатоки польской исторической литературы восполнятъ этотъ пробѣлъ.

Со времени объявленія независимости американскихъ штатовъ объ особыхъ присущихъ исторіи евреевъ чертахъ, о мучительствѣ, гоненіи или даже объ исключительномъ отношеніи къ нимъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ той или иной формѣ, нѣтъ уже рѣчи: государственной религіи въ штатахъ не существуетъ. Исповѣданіе какой-бы то ни было вѣры не можетъ быть воспрещено. Для занятія государственной должности или отправленія общественной службы религіозная квалифікація не можетъ быть допущена. (Art. VI, Amendement 1). Съ тѣхъ поръ приходится останавливаться лишь на роли евреевъ въ культурномъ развитіи страны, въ выдающихся событіяхъ ихъ новой родины, а также на причинахъ эмиграціоннаго движенія изъ Европы, продолжавшагося въ XIX в. и принявшаго громадныя размѣры въ концѣ этого вѣка.

Только въ Канадѣ, оставшейся подъ англійскомъ владычествомъ, продолжаетъ существовать еще такъ называемый еврейскій вопросъ. Въ законодательномъ собраніи колоній разыгрываются сцены, которыя произошли гораздо повдѣе въ англійскомъ парламентѣ, и о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ. ⁴⁾

Первые поселенцы—евреи водворились въ Канадѣ наканунѣ американской революціи. Въ 1807 г. еврей Эзекиль Гартъ былъ избранъ депутатомъ въ мѣстный парламентъ. Онъ отказался дать христіанскую присягу и допущенъ былъ къ принятію присяги по еврейскому обряду и съ покрытой го-

⁴⁾ Евреи въ Англіи. Восходъ 1897, январь.

ловой. Тѣмъ не менѣе по этому предмету возникли пренія въ палатѣ, и результатомъ ихъ было то, что мѣсто его было признано вакантнымъ. Онъ былъ затѣмъ вновь избранъ громаднымъ большинствомъ, но опять-таки не былъ допущенъ къ занятію своего мѣста въ представительномъ собраніи. Внесенъ былъ даже билль о признаніи евреевъ политически неспособными, благодаря чему губернаторъ распустилъ палату. Вопросъ объ окончательномъ уравниеніи евреевъ въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ колоніи былъ однако рѣшенъ лишь въ 1831 г. ¹⁾

Только послѣ побѣды, одержанной передовымъ общественнымъ мнѣніемъ въ колоніи, былъ возбужденъ тотъ же вопросъ въ самой Англій и по истеченіи четверти вѣка рѣшенъ въ томъ же смыслѣ.

Хотя темпъ переселенческаго движенія евреевъ въ Америку ускорился во второй четверти XIX в., но оно все же оставалось незамѣтнымъ среди массы ирландцевъ, англичанъ и нѣмцевъ. Только изъ Германіи и происходила въ 20 и 30 годахъ эмиграція евреевъ, обусловленная духомъ тевтономанства, воцарившимся въ Германіи послѣ войнъ за независимость, погромами, происходившими во многихъ мѣстахъ, и ограниченными мѣрами, принятыми въ разныхъ территоріяхъ.

2 августа 1819 г. въ Вюрцбургѣ произошелъ погромъ. Черезъ нѣсколько дней такой же погромъ произошелъ въ Франкфуртѣ. Слѣдовали Дармштадтъ, Карлсруэ, Гамбургъ, Дюссельдорфъ, Гейдельбергъ. Начальство, принимавшее мѣры, дѣлало это потому, что подозрѣвало демагогическую агитацію. Но вскорѣ оно стало ссылаться на погромы какъ на выраженіе народной воли, какъ на проявленіе ненависти, чтобы ограничить евреевъ въ правахъ. Безправнымъ обывателямъ, объяснялъ тогда Бёрне, нуженъ обыватель еще болѣе безправный, чѣмъ они, для того, чтобы выместить на немъ свое безправіе и невѣжество ²⁾.

¹⁾ Encyclop. p. 500.

²⁾ Børne, Werke X. S. 128. Brief 74.

Погромы и исключительныя мѣропріятія сопровождались постоянной травлей, производившейся какъ печатью, такъ и администраціей во имя христіанскаго государства, какииъ являлась Германія до 1848 г.

Отчасти въ видѣ курьеза, отчасти въ видѣ предзнаменованія для будущаго, заслуживаетъ вниманія эпизодъ, связанной съ именемъ Мордехая Ноа, о которомъ я мелькомъ упомянулъ. Этотъ эпизодъ легъ въ основу полубеллетристическаго, полуисторическаго разсказа Зангвилля «Ноевъ ковчегъ ⁴⁾». Кромѣ одного вымышленнаго лица—Пеллоне, всѣ факты изложены въ разсказѣ вполне точно. Мистикъ и эксцентрическій человекъ, пропитанный духомъ американскаго грюндерства, Мордехай Ноа задумалъ подѣ вліяніемъ подавляющихъ извѣстій о погромахъ въ Германіи основать особый штатъ въ Америкѣ, въ которомъ, съ теченіемъ времени, сосредоточились бы евреи всего міра. Мѣстомъ онъ избралъ Великій Островъ неподалеку отъ Ніагарскаго водопада. На этомъ островѣ онъ предполагалъ воздвигнуть городъ Араратъ. Мысль встрѣтила сочувствіе не только среди друзей инициатора-Ноа, но и среди практическихъ дѣльцовъ христіанъ, которые послѣшили пріобрѣсти участки на островѣ въ предвидѣніи вдорожанія земли въ будущемъ, когда начнется осуществленіе плана Ноа. Во вступленіи къ широкообъщательной прокламаціи, разосланной Ноа 15 сентября 1825 года, устанавливается то положеніе, что приблизилась наконецъ времена, когда потомки Якова могутъ быть собраны со всѣхъ концовъ міра и имѣютъ возможность занять подобающее ихъ достоинству положеніе среди народовъ. «А посему, говорится далѣе въ прокламаціи, я, Мордехай Мануилъ Ноа, гражданинъ соединенныхъ американскихъ Штатовъ, бывшій консуломъ упомянутыхъ штатовъ въ главномъ городѣ и области тунисской, нью-іоркскій верховный шерифъ, членъ законодательнаго собранія и, по милости Божіей, правитель и судья израильскій, издалъ сію прокламацію для

⁴⁾ Русскій переводъ въ Восходѣ 1900 іюль.

того, чтобы возвѣстить евреямъ, разсѣянными по всему свѣту, что для нихъ приготовленъ и симъ предлагается пріютъ, въ которомъ они могутъ наслаждаться тѣмъ миромъ, счастьемъ и благополучіемъ, которыми они не могли пользоваться благодаря нетерпимости и дурному управленію минувшихъ вѣковъ,—пріютъ въ свободной и могущественной странѣ, гдѣ каждый можетъ рассчитывать на неприкосновенность своей личности; имущества и религіозныхъ правъ, гдѣ промышленность процрываетъ, оказывается содѣйствіе воспитанію юношества, а глубокая вѣра встрѣчаетъ одобреніе,—пріютъ въ странѣ текущей млекою и медомъ, гдѣ Израиль можетъ отдохнуть наконецъ подъ тѣнью виноградныхъ лозъ и смоковницъ и т. д.

Всѣ титулы, которыми наименовалъ себя Ноа, ему дѣйствительно принадлежали, за исключеніемъ, разумѣется, титула «правителя и судьи израильскаго», который онъ присвоилъ себѣ по милости Божіей, т. е. по собственному произволенію, впрочемъ только на 4 года, ибо предполагалось, что таковой будетъ избираться каждые 4 года, подобно президенту Соединенныхъ Штатовъ. За недостаткомъ выборщиковъ, Ноа прибѣгъ къ милости Божіей. Такимъ образомъ, эта полоумная выходка находить какъ будто нѣкоторое оправданіе въ обстоятельствахъ. Но она сопровождалась дѣйствіями, логичность которыхъ, въ свою очередь, является весьма сомнительною. Не дождавшись прибытія евреевъ-поселенцевъ, Ноа устроилъ не на самомъ островѣ, ибо для переправы туда не было достаточныхъ средствъ, а въ городкѣ Буфало, парадное шествіе закладки перваго камня для города Арарата. Церемонія устроена была съ большою помпой при участіи солдатъ, масонскихъ ложъ и духовенства мѣстной протестантской церкви.

Самъ Ноа облачился въ нарядъ, который онъ считалъ соотвѣтствующимъ его достоинству судьи израильскаго. Торжество закончилось пушечными выстрѣлами и банкетомъ. Благодаря газетной рекламѣ (Ноа былъ редакторомъ газеты), на это зрѣлище съѣхалась публика изъ разныхъ мѣстъ. Но и послѣ этой церемоніи сыны Израиля не откликнулись на зовъ

Ноа. Краеугольный камень будущего города или «ковчега Ноева», как называет его Зангвиль, остался в мѣстной церкви. Онъ сохранился до настоящаго времени и находится въ помѣщеніи мѣстнаго историческаго общества. Единственное поученіе, которое Ноа извлекъ изъ этой неудачи, было то, что сосредоточеніе еврейскаго племени все таки возможно, но только въ излюбленной странѣ, на которой покоятся всѣ ихъ обѣтованія—въ Палестинѣ. Эта идея была высказана имъ черезъ 20 лѣтъ послѣ постигшей его неудачи, въ публичномъ собраніи въ Нью-Йоркѣ въ 1845 г., и затѣмъ изложена въ брошюрѣ о возрожденіи евреевъ. «Въ ту минуту, говоритъ онъ въ этой брошюрѣ, какъ султанъ издастъ гатти-шерифъ, дозволяющій евреямъ приобрѣтать землю въ Сири, вся территория, окружающая Иерусалимъ, включая сюда деревни Хевронъ, Сафетъ, а также Бейрутъ, Яффу и другіе порты Средиземнаго моря, будетъ занята предприимчивыми евреями. Долины Иордана будутъ наполнены земледѣльцами изъ сѣвера Германіи, Польши и Россіи». Впрочемъ, дальше, въ той же брошюрѣ, Ноа, указавъ на обязанность Соединенныхъ Штатовъ, даровавшихъ евреямъ равноправіе, расчислить пути для возрожденія Сіона, нѣсколько умѣряетъ свои ожиданія относительно наплыва евреевъ въ Палестину. «Меня спрашиваютъ, говоритъ онъ, пойдутъ ли евреи туда? Пойдутъ всѣ, отвѣчаетъ онъ, которые чувствуютъ иго угнетенія. Мы можемъ оставаться тамъ, гдѣ мы свободны и счастливы, но тѣ, которые придавлены къ землѣ, охотно измѣняютъ свое рабское положеніе въ надеждѣ на свободу. Отъ этой надежды евреи не могутъ отказаться. Они не могутъ воставать противъ предсказаній нашихъ пророковъ, противъ обѣтованій Божества. Они перестанутъ быть націей, племенемъ, сектой (вѣроятно онъ хотѣлъ сказать вѣроисповѣднымъ обществомъ), если они это сдѣлаютъ... Они пойдутъ, говоритъ Ноа дальше, не всѣ, но въ достаточномъ количествѣ, чтобы образовать элементы сильнаго правительства, а тѣ, которые благополучно останутся здѣсь, будутъ обращать свои взоры на восходящее свѣтило и

знать, что оно восходитъ надъ свободнымъ и счастливымъ народомъ, тамъ, за холмами Іудей, и будутъ вдвойнѣ счастливы вслѣдствіе сознанія, что Господь исполнилъ обѣщанія, данныя имъ Якову».

Авторъ статьи въ журналѣ американско-еврейскаго историческаго общества, откуда я заимствовалъ всѣ приведенныя данныя о прожектахъ Ноа, Колеръ, уже указалъ на поразительную аналогію между этими аргументами въ пользу будущаго еврейскаго царства и новѣйшими заявленіями о томъ же предметѣ ¹⁾.

Оказалось однако, что въ гораздо большей мѣрѣ осуществились чаянія Ноа относительно сосредоточенія евреевъ въ Америкѣ, хотя не въ одномъ опредѣленномъ штатѣ и притомъ лишь въ концѣ XIX вѣка.

V.

Въ 1826 г. число евреевъ въ штатахъ опредѣляли въ 6000 человекъ, т. е. съ 1818 г. оно удвоилось.

Еще быстрѣе число ихъ возрастаетъ въ 30 и 40 годахъ. Въ 1840 г. насчитываютъ уже 15.000 человекъ, а въ 1848 г. около 50.000 ²⁾. Вѣроятно послѣдній годъ періода — 1848 — указанъ неточно, ибо большое увеличеніе населенія въ Америкѣ вообще относится къ 1849 году—году, послѣдовавшему за открытіемъ золотыхъ рудниковъ въ Калифорніи. Слѣдуетъ думать поэтому, что и значительный, небывалый до того приливъ еврейскаго населенія въ Америкѣ произошелъ преимущественно въ этомъ году. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что въ 1849 году дѣйствительно произошелъ притокъ переселенцевъ-евреевъ въ Калифорнію, вызванный притомъ не условіями жизни переселенцевъ на ихъ родинѣ, а притягательной силой сказочныхъ богатствъ новаго Эльдорадо.

¹⁾ Kohler: Early American Zionist Projects въ Publications of the American Jewish Historical Society № 8 (1900), p. 84—91, 97—115.

²⁾ Encyclop. p. 505.

Книжки Восхода, кн. XII.

Переселенцами были англійскіе, французскіе и отчасти голландскіе евреи ¹⁾ «Обширный Тихій океанъ бушуетъ у нашихъ береговъ, мы слышимъ ревъ далекаго Атлантическаго океана». Такъ пѣлъ поэтъ послѣ присоединенія Техаса и Калифорніи, произошедшаго въ 40-хъ годахъ. Въ этомъ поступательномъ движеніи къ дальнему западу принимали участіе евреи еще до открытія золотыхъ рудниковъ.

Нѣкоторые изъ нихъ участвовали и въ войнѣ съ Мексикой, а съ 1850 г. почти во всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ штатахъ были синагогальныя общины ²⁾.

Только въ землѣ мормоновъ въ Утахѣ евреевъ не было вплоть до 1881 г., когда они впервые поселяются въ городѣ Соленого Озера. Есть однако свѣдѣнія, что и до того водворялись тамъ евреи, которые, подобно другимъ пришельцамъ, принимали мормонство. Вѣроятно, они могли сказать о себѣ то же, что сказала одна новоиспеченная мормонка Кишлингу при посѣщеніи имъ города Соленого Озера, а именно, что она не находитъ ничего предосудительнаго въ вѣрованіяхъ мормоновъ, такъ какъ до того она и родители ея были бѣдны, а теперь обладаютъ обширными рисовыми полями. Что же касается ихъ полигаміи, то она не вѣритъ, чтобы это учрежденіе устояло. На вопросъ, какое же послѣ этого она имѣетъ право на рисовыя поля, она отвѣтила, что приобрѣла ихъ вполне законно, ибо ни она, ни родители ея громко не говорятъ противъ полигаміи. Для мормоновъ важно было, чтобы пришлые люди, поселяющіеся среди нихъ, не говорили иначе, — иновѣріе же или вѣрнѣе — иномысліе было для нихъ безразлично.

Роковой вопросъ о рабовладѣніи въ Америкѣ былъ поставленъ на ближайшую очередь, именно съ тѣхъ поръ, какъ въ западные и юго-западные штаты повалили переселенцы изъ Европы и такимъ образомъ разрушили равновѣсіе между южными рабовладѣльческими штатами и сѣверными свободными

¹⁾ Encyclop. p. 500.

²⁾ Encyclop. p. 500.

отъ рабства, примкнувъ къ послѣднимъ и создавъ преобладаніе ихъ въ конгрессѣ.

Ни въ рабовладѣльческой, ни въ аболіціонистской партіи американскіе евреи выдающейся роли не играли. Только слабые отзвуки той великой идейной борьбы, которая шла въ Америкѣ, все болѣе и болѣе разгораясь въ 50 и 60 годахъ и окончилась жестокимъ кровопролитіемъ и уничтоженіемъ рабства, проявились въ средѣ евреевъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ сторонники и защитники рабовладѣльчества дошли до того, что усматривали въ этомъ институтѣ положительное благо, основу культуры и развитія Америки. Слова одного изъ выдающихся поборниковъ рабовладѣнія — Колгуна, стали символомъ вѣры. «Нѣкогда, говоритъ Колгунъ, въ южныхъ штатахъ Америки считали рабство моральнымъ и политическимъ зломъ. Это сумасшествіе и заблужденіе исчезли. Мы видимъ теперь это учрежденіе въ истинномъ его свѣтѣ и признаемъ его наиболѣе устойчивымъ и надежнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія свободныхъ учреждений. У насъ немислима борьба между трудомъ и капиталомъ, которая дѣлаетъ столь затруднительнымъ сохраненіе конституціоннаго режима среди богатыхъ и цивилизованныхъ народовъ, не обладающихъ институтомъ рабства ¹⁾).

Для освященія этого института ссылались не только на интересы культуры, но и на религію. Аргументы, заимствованные изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, были даже излюбленнымъ орудіемъ борьбы. Библия-де не только молчалива, но прямо признаетъ институтъ рабства. Всѣ патриархи еврейскіе были рабовладѣльцами. Африканскіе рабы—это потомки проклятаго Хама. Родоначальникомъ жены Хама является Каинъ ²⁾).

Я не стану останавливаться на другихъ многочисленныхъ и столь же убѣдительныхъ доводахъ въ пользу рабства со стороны южанъ; приведу только текстъ резолюціи, постановлен-

¹⁾ Calhoun, Works II, p. 180. Halle, Baumwollproduktion, Leipzig 1897 S. 319—320.

²⁾ Halle, S. 229.

ной на торговомъ конвентѣ южныхъ штатовъ въ концѣ 50-хъ годовъ, которымъ мотивируется ходатайство о дозволении международной торговли африканскими рабами. Текстъ гласить: «въ виду того, что африканское рабство санкціонировано Свящ. Писаніемъ, что оно является единственной охранительной силой юга и американскаго союза и представляетъ собою наилучшій общественный строй тамъ, гдѣ кавказская и африканская расы вынуждены жить совмѣстно въ одномъ государствѣ, то и т. д. ¹⁾».

Аболоціонисты, съ своей стороны, проповѣдывали, что сожителство въ одномъ государствѣ съ компаніей рабовладѣльцевъ есть союзъ съ адомъ, договоръ со смертью, что рабство есть неискупимый грѣхъ противъ божества, великое моральное и политическое зло, проклятіе для всей страны.

Хотя конституція санкціонируетъ институтъ рабства въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ, но есть высшій законъ (higher law), требующій его уничтоженія ²⁾.

Отраженіемъ этихъ именно волнъ на ввбаламученномъ морѣ американской жизни является столкновение, произошедшее въ средѣ еврейства. Нью-іоркскій раввинъ Моррисъ Рафаль привнесъ 4 января 1861 г. рѣчь, въ которой настаивалъ на томъ, что рабство санкціонировано Богомъ Израиля, и что только невѣжественные болтуны могутъ ссылаться на какой-то «высшій» законъ, ибо нѣтъ высшаго закона надъ Библией, а ею установлено рабство. Ученый еврей Гальперинъ (Michael Heilprin), уже нѣсколько лѣтъ принимавшій дѣятельное участіе въ аболоціонистскихъ митингахъ въ Филадельфін, 16 января 1861 года напечаталъ въ «New-York-Tribune» (органъ аболоціонистовъ) горячую статью, въ которой опровергъ взглядъ Рафала на іудаизмъ, какъ на религіозное ученіе, освящающее рабство. Борьба противъ взглядовъ Рафала продолжалась потомъ духовными проповѣдниками въ синагогахъ въ Чикаго, Филадельфін, Балтиморѣ. Въ особенности отличился

¹⁾ Halle, S. 211 Anm.

²⁾ Halle, S. 213, 214.

своею страстностью въ этой словесной борьбѣ равнинъ Эйнгорнъ въ Балтиморѣ. Его рѣчи вызвали негодованіе руководителей рабовладѣльческаго движенія и во время смутъ, происходившихъ въ Балтиморѣ въ апрѣлѣ 1861 года, онъ вынужденъ былъ бѣжать оттуда, опасаясь за свою жизнь ¹⁾.

Были среди сторонниковъ рабовладѣльцевъ гораздо болѣе вліятельные люди, чѣмъ преслѣдованникъ Рафаль. Однимъ изъ выдающихся является Іудъ Веніаминъ. Онъ былъ представителемъ штата Луизианы въ конгрессѣ и вышелъ изъ него совместно съ другими представителями южныхъ штатовъ въ 1860 г. наканунѣ междуусобной войны. Онъ вошелъ потомъ въ составъ правительства южной конфедераціи, президентомъ которой былъ Джефферсонъ Девисъ въ качествѣ министра юстиціи (general attorney ²⁾).

Однако масса еврейскаго населенія сочувствовала повидимому аболиціонистамъ, насколько можно судить по значительному числу солдатъ, вступившихъ въ ряды сѣверянъ во время междуусобной войны. Вообще въ этой войнѣ съ той и другой стороны участвовало 7036 евреевъ ³⁾, что составляетъ весьма значительный процентъ, какъ по отношенію къ тогдашнему еврейскому населенію въ Штатахъ (около 60,000), такъ и по отношенію къ численности воюющихъ сторонъ (около 70,000).

Я указывалъ на ростъ еврейскаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ въ разные періоды, но всѣ приведенныя до сихъ поръ цифры были приблизительныя. Систематическія статистическія данныя были собраны впервые въ 1880 г. Число евреевъ оказалось равнымъ 230,257, но уже въ 1888 г. оно возросло до 400,000. Наконецъ въ 1897 г. число евреевъ опредѣлилось въ 937,800 чел. а въ 1900 г. въ 1.058,135 ⁴⁾.

Мы имѣемъ слѣдовательно точную цифру прироста еврейскаго населенія въ Америкѣ, благодаря переселенческому дви-

¹⁾ Encyclop. s. v. Antislavery Movement, p. 650.

²⁾ Нopp. s. 655, 657.

³⁾ Encyclop. p. 508, 650.

⁴⁾ Encyclop. p. 504, 505.

женію изъ Россіи, начавшемуся вслѣдствіе погромовъ и правилъ 3 мая 1882 г. Въ послѣдніе годы въ этомъ эмиграціонномъ движеніи участвуютъ и евреи изъ Румыніи.

Вплоть до 1884 г. насчитываютъ всего около 15,000 переселенцевъ-евреевъ изъ Россіи, но вслѣдствіе строгаго примѣненія правилъ 3 мая—повального изгнанія изъ деревень, число переселенцевъ возросло до 20,000 въ 1885 г. и до 30,000 въ 1886 г. Въ послѣдующіе годы—до 1890 включительно-годовое число переселенцевъ колебалось между 23,000 и 34,000. Но въ 1891 г. это число сразу удвоилось—свыше 69,000. Изгнаніе ремесленниковъ изъ Москвы и Московской губерніи, состоявшееся 28 марта 1891 г., двинуло эту громадную массу за море. Почти такое же число переселенцевъ—60,000 было въ слѣдующемъ 1892 г. Въ 1893 г. число переселенцевъ снова упало до прежней цифры—свыше 32000 и оставалось почти на этой же высотѣ до 1897 г., когда оно понизилось до 20,000. Хотя въ слѣдующемъ 1898 г. число переселенцевъ опять увеличилось на 7000, но за то оно въ 1899 г. понизилось до 14,000. Эмиграціонное движеніе среди румынскихъ евреевъ въ 1900 г. привело къ тому, что уже до іюня этого года насчитывалось 45,946 переселенцевъ ¹⁾. Вообще въ цифрѣ послѣднихъ лѣтъ трудно разобрать, какую часть общаго числа переселенцевъ-евреевъ составляютъ русскіе евреи. По всей вѣроятности ихъ число не болѣе 20,000, скорѣе меньше.

Когда на берлинскомъ конгрессѣ отъ Румыніи потребовали, чтобы она натурализовала туземныхъ евреевъ, глава кабинета Братіано сказалъ, что Европа пойметъ современемъ, что требовать немедленной натурализаціи всѣхъ евреевъ значитъ настаивать на нашемъ самоубійствѣ ²⁾.

Но вмѣсто мнимаго самоубійства румыны совершили нѣчто, близко похожее на убійство. Они отказались исполнить требо-

¹⁾ Encyclop. p. 506.

²⁾ Стеллякъ: Румынскіе евреи. Восходъ, 1901 г. октябрь, стр. 145.

ваніе о признаніи гражданскихъ правъ за исконными жителями страны, т.-е. осуществить элементарныя требованія культуры; они не натурализовали евреевъ—этихъ иностранцевъ безъ иностраннаго покровительства. Напротивъ, именно со времени берлинскаго конгресса, они принялись всячески изводить евреевъ, лишая ихъ возможности отыскивать средства существованія какъ посредствомъ торговли и промышленности, такъ и посредствомъ либеральныхъ профессій, отнимая у нихъ возможность учиться, стѣсняя ихъ право жительство и свободу передвиженія ¹⁾).

Наконецъ въ 1897 г. послѣдовали въ видѣ эпилога неистовства черни, натравливаемой на евреевъ полуобразованными политическими вожаками ея. Погромы повторились въ 1899 г. ²⁾), и румынскіе евреи, разоренные и нравственно истерзанные, вынуждены были бросить свои пепелища и идти за море.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось эмиграціонное движеніе изъ восточной Европы, американскіе евреи разселились по всѣмъ штатамъ, хотя наиболѣе густо населены ими восточные штаты. Болѣе всего евреевъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ (400,000), куда звали ихъ Ноа, затѣмъ въ Иллинойсѣ (преимущественно въ Чикаго)—95,000 и въ Массачузетѣ—60,000 ³⁾).

Громадный наплывъ евреевъ въ Америку въ послѣднія два десятилѣтія вызвалъ тревожныя опасенія, что и въ этой странѣ, являющейся прибѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ, возгорятся челоуѣконеаивстническіе инстинкты въ формѣ антисемитизма. Опытъ конца прошлаго вѣка убѣдилъ многихъ въ правильности словъ поэта:

Der Weg der neueren Bildung geht
 Von Humanität
 Durch Nationalität
 Zur Bestialität,

¹⁾ Стеллинь, *ibid.*

²⁾ *Encyclop. s. v. Antisemitism.*

³⁾ *Encyclop. p. 506.*

путь современнаго развитія идетъ отъ гуманности чрезъ национализмъ къ звѣрству. Едва ли однако намѣченная схема эволюціи примѣнима къ Америкѣ.

Мнимая вражда къ семитической расѣ есть въ сущности только болѣе или менѣе откровенная религіозная нетерпимость, есть только проявленіе выработаннаго вѣками религіознаго фанатизма, и даже тѣ изъ антисемитовъ, которые относятся безразлично къ вопросамъ вѣры, вынуждены облечь свою вражду къ еврею въ форму хотя бы стыдливой религіозной вражды, ибо у современнаго культурнаго еврея нѣтъ другого признака, отличающаго его отъ культурнаго европейца. Неприваженность къ той или другой изъ христіанскихъ церквей вотъ отличительная черта еврея.

Враждуя съ евреемъ, антисемиты на самомъ дѣлѣ враждуютъ не съ расой, не съ той или другой фигурой черена или лицевымъ угломъ, а съ формой его религіозныхъ вѣрованій.

Въ американскихъ штатахъ такая борьба невозможна, немислима. Я уже указалъ, что принадлежность къ тому или другому исповѣданію не можетъ быть символомъ вражды въ Америкѣ, не только въ политическихъ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ. Для того, чтобы устранить возможность какого-либо сомнѣнія въ этомъ отношеніи, достаточно указать на то, что не только духовенство равныхъ подвиговъ протестантской церкви-пресвитеріанъ, методистовъ, баптистовъ и т. д. взаимно обвиняются слушателями и церковными каеедрами¹⁾, но таково же отношеніе къ синагогѣ и ея проповѣдникамъ. Начиная отъ извѣстнаго въ исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи—Лиліенталя — раввина въ Цинциннати, многократно проповѣдывавшаго въ христіанскихъ церквяхъ, и кончая побывавшимъ у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ филадельфійскимъ раввиномъ Краускопфомъ, длинный рядъ раввиновъ

¹⁾ Bryce: American Commonwealth, II, p. 579.

и проповѣдниковъ приглашался для этой цѣли во всевозможныя церкви ¹⁾).

Вообще взаимное братское отношеніе христіанскаго и еврейскаго духовенства и ихъ паствы проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, кажущихся намъ совершенно невѣроятными, и свидѣтельствуетъ о томъ, что на этой почвѣ вражда, какъ я уже сказалъ, нѣмыслима ²⁾).

Возможно одно только—вражда къ пришельцамъ изъ Европы вообще, къ иммигрантамъ, возможно антиалиенистское движеніе, требованіе о недопущеніи иностранцевъ вообще со стороны такъ называемой партіи нативистовъ—коренныхъ жителей штатовъ. Такая партія явилась впервые въ 30 годахъ подъ вліяніемъ наплыва ирландцевъ, усилилась нѣсколько въ 40 годахъ, вслѣдствіе громадной иммиграціи нѣмцевъ ³⁾ и значительно увеличилась въ 80 и началѣ 90 годовъ, благодаря приливу итальянцевъ, поляковъ и евреевъ. Антиалиенистское движеніе вылилось въ форму закона, воспреещающаго привозъ рабочихъ по заключеннымъ заранее договорамъ, а также допущеніе лицъ, осужденныхъ за преступленія и безусловно неимущихъ, могущихъ стать бременемъ для общинъ, гдѣ они водворяются ⁴⁾. Для того, чтобы судить о томъ, какъ примѣняется этотъ законъ, достаточно указать на свѣдѣнія, приводимыя Брайсомъ, что изъ 500,000 ежегодно прибывающихъ переселенцевъ едва 500 подвергаются остракизму ⁵⁾. Къ евреямъ этотъ законъ почти вовсе не примѣняется. Когда въ 1891 г. иммиграція русскихъ евреевъ приняла ненормальные размѣры, въ Россію были снаряжены два комиссіонера—Веберъ и Кемпстеръ для изученія на мѣстѣ причинъ этого движенія. Они пришли къ заключенію, что препятствовать иммиграціи рус-

¹⁾ Encyclop. p. 517.

²⁾ См. также Вгусе p. 608.

³⁾ Норр, s. 509, 573—574.

⁴⁾ Вгусе II, p. 726.

⁵⁾ Вгусе II, p. 726.

скихъ евреевъ значило бы дѣйствовать вопреки духу американскихъ учрежденій и принципамъ гуманности ¹⁾, хотя сама по себѣ иммиграція немущихъ и обездоленныхъ является угрозою для трудящагося населенія въ штатахъ.

Этими соображеніями американцы съ тѣхъ поръ и руководствовались по отношенію къ переселенцамъ-евреямъ изъ Россіи и Румыніи, признавая это движеніе результатомъ непреодолимой силы—*force majeure*. Америка все еще является и долго еще останется осуществленіемъ мечты поэта, вложенной имъ въ уста Фауста—*eröffnen Räume vielen Millionen, auf freiem Grund mit freiem Volke stehn*—она создаетъ мѣста для многихъ милліоновъ и даетъ имъ возможность стоять на свободной землѣ среди свободного народа.

М. Кулишеръ.

¹⁾ Weber et Kempster: *Situation des Juifs en Russie*, 1892, p. 71, 136—137.

Еврейскія общественныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ въ ихъ историческомъ развитіи.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начальныя училища и хедеры.

Въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ притѣсненій и униженій польскимъ евреямъ улыбнулось счастье въ 1862 году, когда Царемъ Освободителемъ, Императоромъ Александромъ II-мъ, дарованы были имъ полныя гражданскія права. Всѣ накопившіеся вѣками ограничительные о нихъ законы были отиѣнены облеченнымъ широкими полномочіями тогдашнимъ администраторомъ края Маркизомъ Вельепольскимъ¹⁾; отиѣнены были также всякіе спеціальныя съ нихъ сборы (въ томъ числѣ такъ называемая „кошерная подать“ и „билетная плата“). Предъ евреями также широко растворились двери всѣхъ учебныхъ заведеній²⁾. Въ соотвѣтствіи съ общимъ равноправнымъ положеніемъ дѣло начального образованія евреевъ урегулировано было не посредствомъ спеціальнаго налога въ родѣ ииберскаго „свѣчнаго съ евреевъ сбора“, а на общемъ основаніи. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 30 августа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ помѣщено нѣсколько статей, упрочившихъ навсегда дѣло еврейскаго начального

¹⁾ Только содержаніе питейныхъ заведеній въ деревняхъ было запрещено евреямъ закономъ 1862 года, за что благомыслящіе евреи не были въ претензіи на маркиза Вельепольскаго, желавшаго этихъ отнять у враговъ евреевъ по вѣдъ къ обвиненію ихъ въ спаваніи мужиковъ.

²⁾ До 1862 г. евреямъ было дозволено только посѣщеніе четырехклассныхъ реальныхъ училищъ. Прямого закона о воспрещеніи приѣма евреевъ въ классическія гимназіи, агрономическія и др. заведенія не было; но уставами этихъ учебныхъ заведеній требовалось отъ поступающихъ между прочимъ документами также свидѣтельство о *крещеніи*.

образования наравнѣ съ прочими группами населенія не польскаго происхожденія. Вотъ эти статьи:

§ 2. Жителямъ городскихъ и сельскихъ гминъ, которые отличаются отъ общаго населенія по своему языку (какъ-то: русскимъ, нѣмцамъ, литвинамъ и т. д.) или-же по вѣронсповѣданію (какъ-то: православнымъ, греко-уніатамъ, протестантамъ, евреямъ и т. д.) предоставляется учреждать отдѣльныя училища на общемъ основаніи, при чемъ жители сіи въ случаѣ бѣдности могутъ пользоваться пособіемъ отъ казны.

§ 31. Въ случаѣ учрежденія отдѣльныхъ училищъ упомянутыхъ въ ст., 29, та часть населенія, для которой сіи училища учреждены, должна быть освобождена отъ участія въ училищномъ сборѣ.

§ 32. Указанные въ ст. 29 жители, не исключая евреевъ, могутъ также, по своему усмотрѣнію, пользоваться гминнымъ или городскимъ училищемъ, при чемъ имъ предоставляется назначить въ сіе училище особаго законоучителя или учителя своего языка.

Положеніе начальнаго образования въ Царствѣ Польскомъ, созданное указомъ 30 августа 1864 года, такъ просто и естественно и при томъ такъ справедливо, что приходится только удивляться, почему раньше до него не додумались. Съ обнародованіемъ этого указа открытіе школы стало доступно всякой болѣе или менѣе значительной еврейской общинѣ безъ особыхъ для этого затратъ, на тѣ деньги, которыя она расходовала безъ пользы для себя на католическую школу. Самое открытіе школы не было связано съ какими либо особыми затрудненіями: для этого нужно было только Божничному довору войти съ прошеніемъ къ мѣстному начальнику учебной дирекціи съ представленіемъ общественнаго приговора и штата будущей школы; учебное-же начальство въ краѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, въ просвѣтительныхъ и политическихъ видахъ, оказывало, какъ нѣмцамъ и литвинамъ, такъ и евреямъ, всякое содѣйствіе къ учрежденію отдѣльныхъ школъ, иногда ходатайствуя для нихъ даже о пособіи отъ казны.

Если сравнить положеніе еврейскаго начальнаго образования въ Царствѣ Польскомъ съ таковымъ въ имперіи, то на сторонѣ перваго окажутся слѣдующія преимущества: 1) оно не обременяетъ польскихъ евреевъ особымъ отъ прочихъ гражданъ налогомъ въ пользу школъ; 2) школы не навязываются евреямъ, а открываются по ихъ собственной

иниціативѣ, 3) школы открываются именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ въ нихъ чувствуется сознанная потребность, 4) школьная плата не возбуждаетъ неудовольствія въ плательщикахъ, потому что вознаграждается непосредственною пользою школы для ихъ дѣтей, чего нельзя сказать о большинствѣ евреевъ въ имперіи, участвующихъ въ свѣчномъ сборѣ безъ малѣйшей для себя пользы, такъ какъ школы учреждены только въ ограниченномъ числѣ городовъ, 5) такъ какъ школьныя штаты состояются тѣми общинами, которыя хлопчутъ объ открытіи школъ, то на нихъ расходуется именно столько, сколько необходимо въ данной мѣстности, и школа въ какомъ либо мѣстечкѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ школа въ Варшавѣ или Лодзи; въ имперіи же установлены одинаковыя штаты для всѣхъ школъ (по положенію 1873 г.—1815 р. для одноклассныхъ и 2480 р. для двухклассныхъ),—все равно находятся ли онѣ въ Вильнѣ или Свенцянкахъ, 6) остатки школьныхъ суммъ въ Царствѣ Польскомъ хранятся въ мѣстной городской кассѣ и могутъ бы расходуемы, по указанію данной общины и съ разрѣшенія учебнаго начальства, только въ пользу данной школы, тогда какъ огромныя суммы, накопившіяся изъ остатковъ свѣчнаго сбора, взимаемаго не въ размѣръ дѣйствительной надобности, находятся внѣ всякаго контроля со стороны плательщиковъ—еврейскихъ общинъ, 7) такъ какъ мѣстному учебному начальству нельзя дѣлать никакихъ новыхъ расходовъ для удовлетворенія нуждъ школы безъ согласія еврейскаго общиннаго правленія, то послѣднему предоставляется нѣкоторое вліяніе на школу, отъ чего она можетъ только выиграть и наконецъ, 8) учителя-евреи въ Польшѣ находятся въ одинаковомъ служебномъ положеніи съ ихъ христіанскими коллегами и наравнѣ съ послѣдними пользуются правомъ на эмеритальную пенсію по выслугѣ лѣтъ, тогда какъ въ Имперіи учителя-евреи правомъ на пенсію не пользуются хотя уплачиваютъ пенсіонныя сборы.

Со времени обнародованія указа 30 августа 1864 года собственно и начинается развитіе еврейскаго школьнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, но далеко не въ той мѣрѣ, въ какой можно было ожидать при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ. Лучшее всего поставлено еврейское начальное образованіе въ двухъ большихъ торговопромышленныхъ городахъ края: въ Варшавѣ и Лодзи.

По иѣвѣннису у насъ точнымъ свѣдѣніямъ въ г. Варшавѣ въ настоящемъ году существуютъ 20 казенныхъ одноклассныхъ и двухъ-классныхъ еврейскихъ училищъ съ 983 учащимися; въ томъ числѣ 560 мальчиковъ и 423 дѣвочки, и 27 частныхъ еврейскихъ училищъ 3-го разряда съ 958 учащимися (268 мальчиковъ и 690 дѣвочекъ); этихъ конечно не ограничивается число еврейскихъ дѣтей обоего пола, получающихъ правильное школьное образованіе, такъ какъ многія изъ нихъ посѣщаютъ христіанскія мужскія и женскія начальныя училища или пансіоны, а также казенныя и частныя средне-учебныя заведенія, кромѣ того 13,400 евр. мальчиковъ и 759 дѣвочекъ обучалось въ этомъ году въ существующихъ въ Варшавѣ 413 хедерахъ, въ коихъ преподается и русскій языкъ. Зато крайне бѣдна школами населенная хассидами губернія Варшавская; всего только въ двухъ уѣздныхъ городахъ этой губерніи (во Владлавскѣ и Плонскѣ) имѣются казенныя еврейскія начальныя училища, всѣ же прочіе города и мѣстечки этой губерніи, даже самыя бойкіе и густо населенныя евреями, какъ Ловичъ, Гостынинъ, Бутно, Нешава, Скерневицъ и ин. др. своихъ школъ не имѣютъ, хотя на тѣ суммы, которыя еврейскія общины этихъ городовъ вносятъ безъ пользы для себя на содержаніе мѣстныхъ католическихъ школъ, они могли бы учредить свои собственныя порядочныя школы. То же самое явленіе замѣчается и во многихъ другихъ большихъ и богатыхъ городахъ, какъ напр. въ Холиѣ и Замостѣ Люблинской губерніи. Хуже всего обстоитъ дѣло въ трехъ населенныхъ хассидами губерніяхъ: Радомской, Сѣдлецкой и Кѣлецкой, а лучше всего въ губерніи Петроковской, гдѣ въ 1898 году, по иѣвѣннису у меня официальнымъ свѣдѣніямъ, было 18 казенныхъ еврейскихъ одноклассныхъ и двухъ-классныхъ начальныхъ училищъ съ числомъ учащихся въ 1851 человекъ и 11 частныхъ училищъ съ 855 учащимися, не считая хедеровъ, среди которыхъ есть и образцовыя, и прекрасно обставленныя талмудъ-торъ (особенно въ Лодзи и Ченстоховѣ, при коихъ имѣются и ремесленныя отдѣленія). Надо замѣтить, что той или другой постановкѣ начальнаго еврейскаго образованія соотвѣтствуютъ большее или меньшее участіе евреевъ въ общихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ напримѣръ, въ этой же Петроковской губерніи въ трехъ мужскихъ гимназіяхъ (Петроковской, Лодзинской и Ченстоховской) изъ общаго числа учащихся 1244 было

въ 1898 году евреевъ 164 и было бы гораздо больше, если бы не ограниченіе приѣма евреевъ 10%. Въ Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ въ томъ же году было всего 458 учениковъ, изъ нихъ евреевъ 52; въ Лодзинскомъ воскресно-ремесленномъ училищѣ изъ 325 общаго числа учащихся было евреевъ 51; въ трехъ 7-ми классовыхъ коммерческихъ училищахъ (въ Лодзи, Эчержѣ и Фабіанпцахъ) на общее число 753 уч. евреевъ было 313; въ двухъ женскихъ гимназіяхъ (Петроковской и Лодзинской) изъ общаго числа ученицъ 993 было евреевъ 401, а въ трехъ Александровскихъ городскихъ училищахъ (четырёхклассныхъ Лодзинскомъ и Томашевскомъ и 3-хъ классовомъ Петроковскомъ) изъ общаго числа учащихся въ 669 человекъ было евреевъ 154. За то въ то же время (въ 1898 году) въ Сѣдлецкой губерніи, *при совершенномъ отсутствіи еврейскихъ начальныхъ училищъ*, изъ общаго числа учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи (низшихъ и среднихъ, казенныхъ и частныхъ) въ 23,515 уч. было евреевъ всего 399 человекъ, т. е. около 1,27%. Значительно лучше поставлено дѣло еврейскаго начальнаго образованія въ губерніяхъ Ломжинской (10 евр. каз. нач. училищъ съ 964 учащими), Сувалеской, Калишской, Люблинской и Плоцкой, но и во всѣхъ этихъ губерніяхъ число дѣтей, получающихъ школьное образованіе, ничтожно въ сравненіи съ числомъ дѣтей школьнаго возраста, которыя въ подавляющемъ большинствѣ ограничиваются хедернымъ воспитаніемъ.

Въ сожалѣнію полныхъ статистическихъ данныхъ о еврейскихъ начальныхъ училищахъ во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго у меня не имѣется; но иллюстраціею положенія можетъ служить хорошо мнѣ знакомая Плоцкая губернія, географическое положеніе которой (въ сосѣдствѣ съ Пруссіею) и составъ еврейскаго населенія (преимущественно миснагидское) повидимому должны были благоприятствовать дѣлу просвѣщенія, а между тѣмъ въ этомъ отношеніи и Плоцкая губернія оставляетъ желать многого. Стремленіе къ общему образованію замѣтно только въ губернскомъ городѣ Плоцкѣ. Въ Плоцкомъ еврейскомъ 2-хъ классовомъ начальномъ училищѣ обучалось въ 1900 году 127 мальчиковъ, а въ 2-хъ классовомъ женскомъ нач. училищѣ 80 дѣвочекъ, при чемъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ не хватаетъ мѣста для всѣхъ желающихъ поступить, и ежегодно приходится многимъ

отказывать въ приемъ. Кроме этихъ двухъ школъ еврейскія дѣти посѣщаютъ и христіанскія мужскія и женскія частныя училища. При иѣстной талиудъ - торѣ (съ ремесленныиъ отдѣленіемъ), въ которой, кроме обязательнаго русскаго языка, проходитса также арифметика, обучается свыше 100 мальчиковъ. О стремленіи Плоцкихъ евреевъ къ общему образованію свидѣтельствуютъ также значительное число еврейскихъ дѣтей обоого пола въ иѣстныхъ мужской гимназій (55), женской гимназій (76) и въ трехклассномъ городскомъ училищѣ (47). За то въ уѣздныхъ городахъ и иѣстечкахъ Плоцкой губерніи замѣчается въ послѣднее время полное равнодушіе къ школьному образованію. Изъ 6-и уѣздныхъ городовъ этой губерніи только въ слѣдующихъ 4-хъ иѣются еврейскія начальныя училища, а именно: въ гор. *Литъ*—одноклассное женское начальное училище, въ коемъ обучается 60 дѣвочекъ; въ *Млавѣ*—одноклассное общее еврейское начальное училище, въ коемъ обучается 21 мальчикъ и 66 дѣвочекъ; въ г. *Праснышѣ*—однокл. общее нач. евр. училище, въ коемъ учащихся 34 мальчика и 88 дѣвочекъ, и въ *Цѣхановѣ*—однокл. общее начальное еврейское училище, въ коемъ обучается 32 мальчика и 65 дѣвочекъ. Въ уѣздныхъ же городахъ Серпецѣ и Рыпинѣ, а равно въ другихъ городахъ и иѣстечкахъ съ значительныиъ еврейскимъ населеніемъ, Вышеградѣ, Дробиннѣ, Добржинѣ и др., вовсе нѣтъ еврейскихъ училищъ, да и въ существующихъ въ 4-хъ упомянутыхъ уѣздныхъ городахъ еврейскихъ училищахъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, учащіяся—преимущественно дѣвочки, хотя училища эти первоначально были предназначены для мальчиковъ, и только въ виду незначительнаго количества посѣщавшихъ ихъ учениковъ, они были впоследствии преобразованы—Липовское мужское—въ женское, а Млавское, Праснышское и Цѣхановское—въ общія—обстоятельство, свидѣтельствующее, что еврейское населеніе губерніи вовсе еще не склонно разстаться съ хедерныиъ воспитаніемъ.

Вообще, за послѣдніа два десятилѣтіа замѣчается нѣкоторый регрессъ въ школьномъ дѣлѣ. Почти всѣ существующія въ провинціа общественныя школы открыты въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, въ эпоху реформъ, отрывшихъ для иѣстныхъ евреевъ новыа поприща дѣятельности и свободный доступъ въ среднія и высшіа учебныя заведенія. Возникшіи же вскорѣ въ Германіи антисеми-

тѣмъ даяъ себя сильно почувствовать и въ Польшѣ. Мѣстные христіанскія общины стали всѣми силами препятствовать открытію еврейскихъ школъ и освобожденію евреевъ отъ взносовъ въ пользу католическихъ училищъ, утверждая, что безъ участія евреевъ они не въ состояніи содержать свои школы ¹⁾. Съ другой стороны, общее реакціонное движеніе не могло не вызвать реакціи и въ еврействѣ. Ошеломленные ударами 80-хъ годовъ, даже самыя ярне приверженцы европейской культуры въ различныхъ странахъ потеряли голову. Повсюду раздавались отчаянные крики: „назадъ, домой!“ Правда, мало по малу умы успокоились, и лучшіе представители вызваннаго антисемитизмомъ еврейскаго націонализма всѣхъ толковъ и наименованій теперь хорошо понимаютъ необходимость еврейской культуры, какъ средства къ духовному и физическому возрожденію и какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ придають особое значеніе развитію народнаго самопознанія, укрѣпленію національнаго духа и охраненію унаслѣдованныхъ традицій путемъ соотвѣтственнаго воспитанія юношества и распространенія въ народѣ знанія еврейскаго языка, исторіи и литературы. Неудивительно поэтому, что сіонисты болѣе симпатизируютъ талмудъ-тораимъ, образцовымъ хедерамъ и профессиональнымъ школамъ, чѣмъ казеннымъ начальнымъ училищамъ, которыя по своему официальному свойству недоступны постороннему воздѣйствію, а по своей программѣ мало соотвѣтствуютъ народнымъ требованіямъ.

¹⁾ Еще въ 60-хъ годахъ энергическій ноборникъ еврейскаго школьнаго дѣла, б. начальникъ Плоцкой учебной дирекціи А. А. Поповъ, часто во время своихъ объѣздовъ, посѣщалъ извѣстнаго Цѣхановскаго цаддика рабби Авраама, убѣждая его въ пользѣ открытія въ г. Цѣхановѣ еврейскаго училища, но цаддикъ остался непреклоннымъ. По смерти цадика Цѣхановское еврейское общество стало просить объ открытіи училища, но мѣстные христіане, жалуясь на свою бѣдность, протестовали противъ увольненія евреевъ отъ складки на католическое училище. Нач. учебной дирекціи, убѣдившись на мѣстѣ въ неосновательности заявленій Цѣхановскихъ католиковъ, утвердилъ штатъ училища, назначилъ учителя и объявилъ училище учрежденнымъ. Училище это однако же не было открыто, такъ какъ Цѣхановскій магистратъ отказывался отъ заключенія контракта о наймѣ помѣщенія подъ училище, признавая всякое указанное ему мѣстными евреями помѣщеніе несоотвѣтствующимъ своему назначенію. Такъ дѣло продолжалось *несколько мѣтъ*, пока новый болѣе энергическій начальникъ учебной дирекціи не положилъ конца этой *обструкціи*: онъ поѣхалъ въ Цѣхановъ, осматривъ помѣщеніе лично совмѣстно съ архитекторомъ и врачомъ, составилъ протоколъ и черезъ посредство высшей администраціи заставилъ магистратъ заключить контрактъ. Этотъ и подобныя ему случаи указываютъ на затрудненія, встрѣчаемыя иногда евреями со стороны мѣщанъ при открытіи школъ.

Въ еврейскихъ училищахъ губерній Царства Польскаго предметы проходятся по программѣ 2-хъ кл. сельскихъ училищъ, утвержденной М. Н. Пр. 31 мая 1869 г., при чемъ еврейскимъ предметамъ посвящается 6 уроковъ въ недѣлю (4 часа еврейскому языку и 2 часа закону Божию) изъ числа 36-и недѣльныхъ уроковъ, положенныхъ на всѣ преподаваемые предметы. Такое время далеко не достаточно для прохожденія хотя бы элементарнаго курса древне-еврейскаго языка; кромѣ того еврейскимъ дѣтямъ необходимо пройти въ школьномъ возрастѣ по крайней мѣрѣ существенныя части св. писанія, а также ознакомиться съ основами вѣры и съ синагогальнымъ ритуаломъ. Такимъ требованіямъ трудно удовлетворить начальныя училища безъ ущерба для общихъ предметовъ, поэтому начальныя училища, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыя существуютъ, служатъ для мѣстнаго еврейскаго населенія до сихъ поръ только дополненіемъ къ хедеру, который посѣщается дѣтьми до поступленія въ училище въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Забвѣнны же собою хедеры начальныя училища пока не могутъ.

Для улучшенія постановки еврейскаго начальнаго образованія въ губерніяхъ Царства Польскаго необходимо учрежденіе еврейской учительской семинаріи для приготовленія учителей для школъ и хедеровъ (въ существующія въ краѣ христіанскія учительскія семинаріи евреи не принимаются). За отсутствіемъ спеціальнаго педагогическаго еврейскаго института въ краѣ, учителя начальныхъ еврейскихъ училищъ въ настоящее время вербуются преимущественно изъ среды самоучекъ, выдержавшихъ экзаменъ на званіе частныхъ начальныхъ учителей по программѣ 20 марта 1896 года. Ни большихъ познаній, ни значительнаго развитія не требуется вообще отъ кандидатовъ на это званіе; еврейскіе же кандидаты не подвергаются испытанію по еврейскимъ предметамъ, такъ что въ учителя еврейскихъ училищъ могутъ попасть люди, не имѣющіе никакого понятія ни о еврейскомъ языкѣ, ни о вѣроученіи евреевъ. Разумѣется, что учителя съ такимъ незначительнымъ общимъ и спеціально-педагогическимъ образованіемъ, и съ еще меньшею подготовкою по еврейскимъ предметамъ, не въ состояніи поднять еврейское начальное образованіе на должную высоту и еще менѣе могутъ они внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе еврейскаго населенія. Въ видахъ улучшенія учительскаго персонала, попечитель варшавскаго учебнаго округа въ 70-хъ годахъ предписалъ начальникамъ учеб-

ныхъ дирекцій назначать на отерывающіяся въ еврейскихъ училищахъ вакансіи только лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ виленскомъ или житомирскомъ учительскомъ институтѣ; ибра эта однакоже не могла быть строго привѣяема на практикѣ по причинѣ незначительнаго вознагражденія учителей еврейскихъ начальныхъ училищъ въ этомъ округѣ, особенно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ (300—400 р. въ годъ), а также вслѣдствіе закрытія житомирскаго учительскаго института.

Какъ бы то ни было, благодаря закону 30 августа 1864 г., евреямъ Царства Польскаго удалось приобрести до сихъ поръ 128 правильно организованныхъ начальныхъ училищъ (77 каз. и 49 частныхъ ¹⁾). Значеніе этого приобретенія само по себѣ нельзя отрицать. Но если принять во вниманіе благоприятное для польскихъ евреевъ правовое и экономическое положеніе, сравнительно съ положеніемъ евреевъ черты осѣдлости, то достигнутый успѣхъ окажется слишкомъ слабымъ. Разочарованіе наше еще болѣе усилится, когда мы ознакомимся съ распредѣленіемъ этихъ школъ по различнымъ мѣстностямъ края. Такъ изъ числа 128 школъ—47, или 36,7% приходится на одну Варшаву, а если вычесть сумму школъ Варшавской и Петроковской губерній (въ первый—50 а во второй—29),—то на всѣ остальные восемь губерній останется всего 49 училищъ, или 38,2%. Эта послѣдняя цифра почти вся распредѣляется между губерніями Плоцкою, Люблинскою, Ломжинскою, Сувалскою и Калишскою; губернія же Сѣдлецкая, Кѣлецкая, а отчасти и Радомская не обнаружила никакой склонности участвовать въ этомъ движеніи. Такимъ образомъ для цѣлыхъ сотенъ тысячъ еврейскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, для многихъ большихъ и богатыхъ городовъ и даже для цѣлыхъ губерній 19 вѣкъ прошелъ почти незамѣтно. Извращенныя вѣками гоненія и рабства понятія нравы нуждаются иногда для своего исправленія въ цѣлыхъ вѣкахъ свободы, благосостоянія и усердной разумной работы выдающихся своихъ умомъ и любовью къ народу передовыхъ людей. Историкъ Грець ²⁾ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что деспотическій реформаторъ вродѣ Израиля Якобсона былъ бы счастливымъ для польскихъ евреевъ. Это не совсѣмъ вѣрно: ре-

¹⁾ Цифры эти относятся къ 1887 году.

²⁾ Volksthümliche Geschichte der Juden. Томъ III-ій стр. 659.

форматоръ, и даже деспотическій, былъ бы полезенъ развѣ для упорядоченія общинныхъ дѣлъ; въ дѣлахъ же религиозныхъ, къ которымъ у евреевъ относится и воспитаніе, такіе реформаторы-деспоты приносили намъ всегда скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Отъ религиознаго деспотизма своихъ и чужихъ евреи втеченіе тысячелѣтій научились искусно обороняться. Противъ всѣхъ еврейскихъ моральныхъ недуговъ есть только одно, но зато вѣрное средство, это—*книга*. Въ Германіи, а также въ Россіи культурное движеніе евреевъ началось возвращеніемъ къ библии—этому вѣчному источнику возрожденія—и къ древне-еврейскому языку, какъ вѣрнѣйшему орудію для воздѣйствія на народъ въ смыслѣ излѣченія его отъ болѣзненной склонности къ каббалистическимъ бреднямъ и схоластической діалектикѣ, для внушенія ему чувства любви къ простотѣ и красотѣ и лучшихъ понятій о вѣрѣ и гражданственности. Въ Германіи ретивымъ Якобсонамъ предшествовали Мендельсоны, Вессели и меассефиты, а въ Россіи пылкимъ Розенталямъ и Мандельштамамъ предшествовали Илья Вильнеръ, Менассія Ильеръ и И. Б. Левинзонъ. Школа Мендельсона, если и упразднила впоследствии еврейскій языкъ, какъ языкъ литературный, создала для нѣмецкихъ евреевъ на болѣе имъ доступномъ нѣмецкомъ языкѣ немнѣющуюся равной еврейскую литературу, выдвинула людей, подобныхъ Цунцу, Юсту, Рапопорту, Гейгеру, Заксу, Франкелю, Грецу, Юэлю, Теллинеку, Гудеману, Лапарусу, Штейншнейдеру и мн. др., посвятившихъ свое время и способности на изслѣдованіе еврейской жизни, исторіи и литературы, на изученіе основъ еврейской вѣры и морали. Раскрывая богатые сокровищницы еврейской письменности, указывая на идеалы еврейскаго народа, на его благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе человѣчества, развертывая передъ глазами всего міра ужасную, но вѣстѣ съ тѣмъ величественную картину трехтысячелѣтняго его мученичества, творцы нѣмецко-еврейской науки старались внушить своимъ собратьямъ чувство самоуваженія и дать имъ въ опасную эпоху скептицизма—точку опоры. Въ Россіи, гдѣ обстоятельства этому болѣе благоприятствовали, возрожденъ древне-еврейскій языкъ, создана ново-еврейская литература,—литература поучающая, убѣждающая, бичующая и осмѣивающая. Талантливыя произведенія Левинзона, Фина, Лебенсоновъ (отца и сына), М. А. Гинцбургъ, Плуингаскаго, Ману, Гордона, Абрамовича и др. проникли въ самые темные уголки Латвіи,

въ хедеры и ешиботы, и произвели тамъ умственный переворотъ. Для другихъ слоевъ общества, которымъ древне-еврейскій языкъ недоступенъ, пользуются русскимъ языкомъ и даже жаргономъ. Возникшая еврейская періодическая пресса на этихъ трехъ языкахъ приобрѣла большой кругъ читателей и создала общественное мнѣніе. Много силъ прилагаетъ къ поднятію уровня народнаго образованія „Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“ въ Петербургѣ, а также его отдѣленія въ Москвѣ, Одессѣ и Ригѣ. Ходъ возрожденія еврейскаго народа совершается поэтому въ Россіи, хотя медленно, по причинѣ различныхъ мѣстныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, но зато послѣдовательно и въ духѣ народномъ. Въ Польшѣ не было ни Мендельсоновъ, ни Левинсоновъ; ярме же деспоты реформаторы, въ родѣ Эйзенмана, своими съ ногъ сбивательными скачками, своею узкой польско-національною программю, своимъ рѣзкимъ и неуважительнымъ отношеніемъ къ традиціи предковъ, къ родному языку и исторіи могли только оттолкнуть отъ себя народъ. Вычеркнувъ изъ своей программы знаніе еврейскаго языка, они лишили себя самаго вѣрнаго средства воздѣйствія на массу. Два поколѣнія, воспитанной въ духѣ Эйзенмана, польско-еврейской интеллигенціи выдѣлили изъ себя много образованныхъ коммерсантовъ, дѣльныхъ юристовъ, врачей, но очень мало людей, интересующихся іудазимомъ. Польско-еврейской литературы—нѣтъ ни балетристической, ни научной, ни даже публицистической. Единственный органъ польскихъ евреевъ — „Израэлитъ“ еле-еле влачатъ свое жалкое существованіе, за отсутствіемъ поддержки матеріальной и интеллектуальной. Польско-еврейскіе меценаты теряютъ десятки тысячъ на изданіе сочиненій польскихъ писателей, а польскій переводъ библіи д-ра Цылкова не можетъ быть изданъ по недостатку средствъ. Польско-еврейскіе ассимиляторы сами осудили себя на анемію и безплодіе.

Основомъ еврейскаго начальнаго образованія служить, по тѣмъ или другимъ причинамъ, до сихъ поръ „хедеръ“, сѣмъившій отстоять свое существованіе, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ чертѣ осѣдлости, отъ всѣхъ посягательствъ на него своихъ и чужихъ. Всѣ опыты замѣны его современною школою не удались. Съ этимъ фактомъ должны считаться дѣятели по народному обра-

зованію и посвящать побольше вниманія нашей вѣковой національной школѣ, въ которой обучается 80% нашихъ дѣтей. Какъ ни плоха школа,—ею надо дорожить; хуже всего отсутствіе школы, отсутствіе въ народѣ сознанія пользы школьнаго образованія, святости книги. Плохую школу, при добромъ желаніи, можно поправить; обстановку, программу, приемы преподаванія, учительскій персоналъ можно улучшить. Гораздо труднѣе основать новую школу тамъ, гдѣ народъ не проникнуть любовью къ знанію, сознаніемъ его необходимости. Это цѣнное сознаніе живетъ въ нашемъ народѣ споконъ вѣковъ, оно возведено имъ въ степень догмата, культа. И какъ ни плохъ нашъ хедеръ, услуги, оказанныя имъ еврейству, неопредѣлимы: онъ охранялъ въ продолженіе тысячелѣтій вѣру и языкъ евреевъ и не далъ этому вездѣ гонимому народу въ тяжелой борьбѣ за существованіе погрузиться въ грубый матеріализмъ. Книга въ хедерѣ будитъ съ раннихъ лѣтъ мысль и чувство еврейскихъ дѣтей, и болѣе одаренныя изъ нихъ часто выходятъ изъ за круга, начертаннаго для нихъ меламедомъ, а внушенное имъ благоговѣніе къ «корифеямъ» еврейской письменности они часто переносятъ на Шекспира, Гете, Пушкина и Толстого; съ такимъ же рвеніемъ изучаютъ философію, медицину, юриспруденцію, математику и проч., съ какими въ хедерахъ и ошибкахъ изучали Талмудъ и Шулханъ-Арухъ. Вѣдь и Спиноза и Менделсонъ—питомцы тѣхъ же хедеровъ и ошибокъ! Недостатки нашихъ хедеровъ: невѣжество меламедовъ, пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены и педагогическимъ и полное игнорированіе общечеловѣческихъ знаній—нашъ всѣмъ хорошо извѣстенъ; но чѣмъ хуже хедеры, чѣмъ вреднѣе они вліяютъ на душу и тѣло нашего народа, тѣмъ болѣе имъ должны стремиться къ ихъ улучшенію. Чѣмъ опаснѣе болѣзнь, тѣмъ нужнѣе лѣченіе и уходъ. „Внѣство изъ хедера“ нашей интеллигенціи только усугубляетъ его запустѣніе и упадокъ; вмѣсто того надо приложить всѣ силы къ его подъему и оздоровленію въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Первая попытка въ этомъ отношеніи сдѣлана была русскимъ правительствомъ въ 1844 году, когда хедеры черты осѣдлости были подчинены контролю учебнаго начальства. Но законъ 1844 года оказался на практикѣ непримѣнимымъ, вслѣдствіе того, что требовалъ слишкомъ многого, а именно: замѣни всѣхъ меламедовъ втеченіе какихъ нибудь 10 лѣтъ лицами, имѣющими учительское

званіе. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 1410 т. IX св. законовъ предписываетъ опредѣлять въ должность меламедовъ, начиная съ 1-го мая 1859 года, только лицъ, обучавшихся въ раввинскихъ училищахъ или же въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ русской печати часто высказываемо было мнѣніе, что столь желательному введенію обязательнаго школьнаго ученія въ Россіи въ настоящее время препятствуетъ преимущественно недостатокъ въ учителяхъ. Если же теперь коренному русскому населенію, при существованіи столькихъ духовныхъ и учительскихъ семинарій и при значительномъ развитіи средняго и высшаго образованія, невозможно поставить контингентъ учителей, достаточный для введенія общаго обязательнаго обученія, какъ же можно было этого требовать отъ евреевъ 40 лѣтъ тому назадъ? Надежда на раввинскія училища не могла считаться серьезною, ибо существовавшія два раввинскія училища могли выпускать ежегодно не болѣе двухъ-трехъ десятковъ воспитанниковъ, да и тѣ часто опредѣлялись въ должности раввиновъ, частію же въ должности учителей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Въ виду признанной несостоятельности закона о хедерахъ 1844 г. онъ былъ отиѣненъ и замѣненъ Высочайше утвержденнымъ 13 марта 1893 г. положеніемъ о меламедахъ, о коемъ будетъ рѣчь ниже. Въ Царствѣ же Польскомъ законъ до послѣдняго времени совершенно игнорировалъ еврейскіе хедеры; даже законъ 1841 г. о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Царствѣ Польскомъ ничего не постановляетъ о хедерахъ. Только въ началѣ 70-хъ годовъ начальники Плоцкой и Сувалской учебныхъ дирекцій подчинили своему надзору хедеры ввѣренныхъ имъ губерній, основываясь на разъясненіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, что сила Высочайшаго указа 2-го декабря 1871 года объ обязательномъ преподаваніи русскаго языка распространяется и на тѣ вѣренноподданныя училища, въ коихъ преподается какой-либо другой предметъ, кромѣ закона Божія, какъ наприѣръ, языки нѣмецкій или еврейскій и проч. Меламедамъ этихъ двухъ губерній было предписано преподавать русскій языкъ въ содержимыхъ ими хедерахъ или сами, если владѣютъ этимъ языкомъ, или съ помощью приглашенныхъ для этой цѣли учителей, а также содержать хедеръ въ надлежащей чистотѣ и порядкѣ. Дѣло однакоже шло въ обѣихъ губерніяхъ весьма туго, потому что за отсутствіемъ опредѣленнаго закона о хедерахъ, обязательнаго для всего края,

невозможно было подвергать штрафу лицъ, уклонившихся отъ исполненія предписанія начальныхъ дирекцій.

Въ 1879 году плоцкій губернаторъ С. И. Толстой, ревностно заботившійся о санитарномъ положеніи ввѣренной ему губерніи, поручилъ комиссіи, состоявшей изъ доктора медицины М. Эрлиха, городского врача и полицмейстера, изслѣдованіе санитарнаго положенія г. Плоцка вообще и хедеровъ этого города въ частности. Объективный и добросовѣстный докладъ доктора Эрлиха ¹⁾ изображаетъ при свѣтѣ науки ужасающую, антигигиеническую обстановку хедеровъ и губительныхъ послѣдствій ея для физическаго развитія дѣтей. Это специальное и всестороннее изслѣдованіе не потеряло своего значенія и теперь, ибо и по сіе время цѣлыя сотни и тысячи хедеровъ въ различныхъ захолустьяхъ нашихъ Палестинъ обрѣтаются въ нелучшемъ, если не въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ изслѣдованные плоцкіе хедеры 1879 г. Я поэтому считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ доклада д-ра Эрлиха съ цѣлью обратить вниманіе всѣхъ друзей народа на неотложную необходимость оздоровленія хедеровъ для спасенія нашего племени отъ медленнаго, но неминуемаго физическаго вырожденія.

Описавъ мѣстоположеніе и помѣщеніе учебныхъ комнатъ, степень освѣщенія и вентиляціи въ нихъ, разиѣръ учебныхъ комнатъ относительно числа пребывающихъ въ нихъ лицъ и проч., д-ръ Эрлихъ, указывая на несоотвѣтствіе плоцкихъ хедеровъ, во всѣхъ отношеніяхъ, даже минимальнымъ требованіямъ школьной гигиены, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о вліяніи хедеровъ на здоровье дѣтей:

„Такъ какъ, за исключеніемъ 7 хедеровъ, имѣющихъ особня помѣщенія, всѣ прочіе (34) устроены въ тѣсныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ меламедовъ и ихъ семействъ, то воздухъ въ учебныхъ комнатахъ никогда не можетъ быть освѣжаемъ посредствомъ открытія оконъ и дверей, а постоянное пребываніе въ нихъ людей и исполненіе всякихъ хозяйственныхъ и семейныхъ потребностей уменьшаетъ въ воздухѣ количество кислорода, насыщая его съ другой стороны углекислотою, летучими жирными кислотами и

¹⁾ Напечатанъ въ „Плоцкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, №№ 44, 45 и 47 1879 года.

аммиачными газами отъ разложенія органическихъ веществъ. При низости потолковъ (средн. числомъ на $8\frac{1}{2}$ ф., минимумъ $6\frac{1}{2}$, а максимумъ 12 ф.,—между тѣмъ, какъ по вюртембергскому регламенту требуется не менѣе 14), головы пребывающихъ въ хедерахъ лицъ находятся постоянно въ слоѣ испорченнаго воздуха. Вслѣдствіе одного свойства аммиачныхъ примѣсей къ воздуху, глаза и легкія учащихся подвергаются постоянному раздраженію, располагающему сіи органы къ воспаленію, особенно въ холодное время года, когда при плотномъ закрытіи оконъ и дверей прекращается почти всякій слѣдъ самой рудиментарной вентиляціи. Выходя изъ душной, жаркой, вонючей атмосферы учебныхъ комнатъ иногда непосредственно на улицу, ученики подвергаются легко глаза и дыхательные органы простудѣ и воспаленію.

„Но самое важное зло происходитъ отъ непожѣрнаго накопленія учениковъ въ хедерахъ. Если въ хорошо устроенныхъ школьныхъ комнатахъ, гдѣ при высотѣ 14 ф. на ученика приходится по 1 куб. сажени свободнаго воздуха, по истеченіи 4 часовъ въ воздухѣ накапливается до 5% углекислоты, т.-е. въ 100 разъ больше, сколько ея есть въ чистомъ воздухѣ, и вслѣдствіе сего воздухъ дѣлается положительно вреднымъ для здоровья, то какія качества приобретаетъ воздухъ въ еврейскихъ хедерахъ, въ которыхъ живетъ постоянно семейство мелахеда, да пребываетъ въ теченіе 12 ч. столько дѣтей, что на каждого изъ нихъ приходится самое большее по $\frac{1}{3}$, обыкновенно $\frac{1}{6}$, а въ нѣкоторыхъ хедерахъ даже только по $\frac{1}{15}$ куб. сажени воздуха? Трудно себѣ представить, какими образомъ могутъ дышать человѣческія существа воздухомъ, заключающимъ въ себѣ 12, 24 и болѣе процентовъ углекислоты! Зато какой печальный видъ представляютъ ученики хедеровъ! Проволя время отъ 3-лѣтняго возраста до 14 лѣтъ, ежедневно по 12 часовъ, въ пресыщенномъ углекислотомъ воздухѣ хедеровъ, ученики подвергаются медленному, но постепенному отравленію углекислотой. Кровь у нихъ не въ состояніи выдѣлать изъ себя всего количества образовавшейся углекислоты и постепенно принимаетъ свойства жильной крови; вслѣдствіе этого является упадокъ питанія организма, обнаруживающійся малостью аппетита и всѣхъ другихъ отравленій организма и замедленіемъ роста. Вместе съ тѣмъ господствующая отъ испареній человѣческаго тѣла чрезмерная сырость воздуха въ хедерахъ, совмѣстно съ недостат-

комъ свѣта, почти у всѣхъ порождаетъ золотушное худосочіе, обнаруживающееся опухолями лимфатическихъ железъ, разнаго рода сыпями и болѣзнями кистей и суставовъ. И вотъ, въ концѣ концовъ, по истеченіи 10 лѣтъ, изъ хедеровъ выходятъ цѣлое поколѣніе мѣстныхъ жителей, физически и нравственно изуродованныхъ, погодныхъ къ несенію ни воинской повинности, ни какаго-нибудь физическаго труда.

„Не менѣе вредное вліяніе на здоровье обучающихся въ хедерахъ имѣетъ недостатокъ и неправильное распредѣленіе свѣта въ учебныхъ комнатахъ. Если виртембергскій школьный регламентъ требуется, чтобы въ учебныхъ комнатахъ свѣтъ оконъ относился къ поверхности пола, какъ 1 : 4, а по крайней мѣрѣ какъ 1 : 6, то при этомъ предварительно выражалось требованіе, чтобы зданіе училища устроено было на открытой со всѣхъ сторонъ площади; ни въ какомъ же случаѣ не допускается, чтобы окна учебныхъ комнатъ закрывались стѣнами близлежащихъ домовъ. Постановленіе это имѣетъ весьма важное значеніе въ виду того, что только при содѣйствіи достаточнаго количества свѣта молодые организмы могутъ нормально развиваться. Упущеніе изъ виду этого основнаго правила учебнаго дѣла отражается на воспитанникахъ плоскихъ хедеровъ блѣдностію цвѣта лица, безжизненностію кожи и вялостію мышечной системы. Такъ какъ при мѣстныхъ отношеніяхъ построекъ домовъ на улицахъ, гдѣ находится большинство хедеровъ, для достаточнаго освѣщенія хедеровъ требовалось бы, по крайней мѣрѣ, столь значительнаго свѣта оконъ, чтобы онъ равнялся $\frac{1}{4}$ поверхности пола, то ни одинъ хедеръ не удовлетворяетъ потребности свѣта, такъ какъ среднее число свѣта оконъ равняется $\frac{1}{13}$ поверхности половъ. Что же послѣ этого говорить о хедерахъ, въ которыхъ свѣтъ оконъ равняется $\frac{1}{32}$ поверхности половъ? Весьма понятно, что при столь недостаточномъ освѣщеніи хедеровъ ученики, занимаясь чтеніемъ и писаніемъ, должны до крайности напрягать глаза и чрезвычайно приближать къ нимъ книги и тетради, вслѣдствіе чего у дѣтей являються постоянныя, чрезмѣрные приливы крови къ глазнымъ шарамъ и постепенно теряется способность аккомодации глазъ на дальнѣйшее разстояніе, т.-е. у нихъ зарождается близорукость и слабость зрѣнія.

„Вредъ для здоровья обучающихся, происходящій отъ недо-

статка воздуха и свѣта, усугубляется еще устройствомъ самаго дѣла обученія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на слишкомъ ранній возрастъ учениковъ и на порядокъ преподаванія. Трудно допустить, чтобъ 3-хъ, 4-хлѣтнія дѣти могли безъ разстройства здоровья сидѣть почти безвыходно по цѣлымъ днямъ въ удушливой атмосферѣ хедеровъ. Притомъ несчастныя дѣти должны сидѣть какъ попало, на скамьяхъ безъ спинки и за столами, не прилаженными къ ихъ росту, такъ что ноги, не находя опоры на полу, отекаютъ, а спина безъ опоры изгибается въ разныя стороны. Къ довершенію зла, при недостаткѣ освѣщенія учебныя книги напечатаны на сѣрой бумагѣ и сложнофигурными еврейскими буквами; отъ постоянного же и долговременнаго употребленія онѣ сдѣлались до того засаленными, что даже при хорошемъ освѣщеніи едва ихъ можно разбирать. Что же удивительнаго послѣ этого, что отъ сидѣнія за столомъ бокомъ и отъ чтенія однимъ глазомъ на близкомъ разстояніи многіе выходятъ изъ хедеровъ косоглазными, что постоянное искривленіе позвоночника во время учебныхъ занятій многихъ дѣлаетъ горбатыми и слабогрудными и что, наконецъ, отъ долговременнаго держанія ногъ безъ подпоръ развиваются худосочныя язвы на нижнихъ конечностяхъ, какъ это часто встрѣчается у евреевъ даже въ юношескомъ возрастѣ⁴.

Въ виду такого неблагопріятнаго для мѣстныхъ хедеровъ станова д-ра Эрлика мѣстное начальство поручило пишущему эти строки изложеніе своего взгляда на учебно-воспитательное состояніе хедеровъ а также о мѣрахъ, которыя необходимо принять для того, чтобы поставить хедеры этого края въ положеніе, соответствующее своему назначенію.

Въ составленной мною, во исполненіе этого порученія, запискѣ¹⁾, изложены историческое происхожденіе хедеровъ и ихъ религіозно-нравственное значеніе, и, указавъ на крупныя ихъ недостатки въ педагогическомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, я однако же энергически высказался противъ участившихся въ то время, какъ въ русской, такъ и въ польской прессѣ требованій

⁴⁾ Записка эта напечатана въ „Плоцкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ въ памятной книгѣ Плоцкой губерніи за 1884 г. и особою книжкою подъ заглавіемъ: „О хедерахъ вообще и о хедерахъ города Плоцка въ особенности“.

закрѣтія хедеровъ. „Мѣра эта, говорилъ я, хотя самая рѣшительная, но крайне несостоятельная, потому что никакое нововведеніе не принесетъ никакихъ плодовъ, если будетъ введено круто, насильственнымъ образомъ и вопреки существующимъ убѣжденіямъ, даже предразсудкамъ. Крутыя мѣры часто приводятъ къ противоположнымъ результатамъ, особенно при примѣненіи ихъ къ евреямъ, такъ ревниво оберегающимъ свои религіозныя убѣжденія. Закрѣтіе хедеровъ, кромѣ того, что было бы актомъ насилія надъ совѣстью евреевъ, невозможно по причинѣ отсутствія другихъ школъ, которыя могли бы ихъ замѣнить. Все, что можно пока дѣлать—это только упорядоченіе хедеровъ, т. е. 1) сдѣлать ихъ по возможности полезными въ педагогическомъ и воспитательномъ и 2) безвредными въ санитарномъ отношеніи“.

„Что касается 1-го пункта, то обязанность эта лежитъ на раввинахъ и интеллигентныхъ евреяхъ, ибо только они въ состояніи съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ бороться съ отжившею своею вѣкъ хедерною педагогіею. Для этого было бы полезно учредить въ городахъ комитеты для завѣдыванія хедерами, которые бы состояли изъ раввиновъ и пользующихся уваженіемъ образованныхъ членовъ общины. На обязанности этихъ комитетовъ было бы опредѣленіе количества хедеровъ и соответственное распредѣленіе между ними дѣтей, сообразуясь при этомъ съ возрастомъ и развитіемъ послѣднихъ, выборъ меламедовъ; вниманіе плати съ родителей учениковъ и выдача жалованія содержателямъ хедеровъ, указаніе меламедамъ на лучшіе учебники и методы и вообще наблюденіе за всѣмъ ходомъ воспитанія въ общинѣ. Роль же правительства должна ограничиться только нравственною поддержкою въ этомъ отношеніи еврейской интеллигенціи ¹⁾). Возложить же этотъ трудъ на правительственные органы нельзя, потому что съ

¹⁾ Совѣтъ этотъ преподавалъ мною 15 лѣтъ тому назадъ (въ книгѣ „*О хедерахъ*“, изданной, впрочемъ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не имѣвшей въ продажѣ), но къ сожалѣнію до сихъ поръ онъ не нашелъ себѣ отклика въ средѣ еврейскихъ раввиновъ и общинныхъ дѣятелей. Съ радостію я поэтому прочелъ на дняхъ въ 125 № газ. Гадефиръ за 1901 г., корреспонденцію изъ г. Ростова на Дону, объ учрежденіи въ этомъ городѣ мѣстнымъ раввиномъ докторомъ М. Г. Айзенштатомъ комитета по наблюденію за хедерами, причѣмъ, по увѣренію корреспондента, результаты дѣятельности д-ра Айзенштата на произведенномъ недавно испытаніи учениковъ превзошла всякія ожиданія. Остается только пожелать, чтобы д-ръ Айзенштатъ не остался одинокимъ въ этомъ народномъ дѣлѣ и нашелъ себѣ подражателей среди своихъ коллегъ, казенныхъ раввиновъ.

одной стороны, христіанину, вслѣдствіе незнакомства его съ языкомъ, литературою и обычаями евреевъ, даже при лучшемъ желаніи невозможно руководить религиозными ихъ школами, а съ другой—всякое внимательство правительства въ религиозныя учрежденія евреевъ, возбуждая въ послѣднихъ недовѣріе и опасеніе, рѣдко достигаетъ цѣли. Примѣромъ вышесказаннаго можетъ служить слѣдующій фактъ. Во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ, было обращено вниманіе на господствующій въ хедерахъ жаргонъ и на недостатокъ хорошихъ учебниковъ и, считая почему-то русскихъ евреевъ чистокровными вѣщцами, министерство приняло на себя трудъ ввести въ хедерахъ новыя учебники на вѣмецкомъ языкѣ. Съ этою цѣлью министерствомъ были изданы на счетъ суммъ свѣчнаго сбора библія съ вѣмецкимъ переводомъ и комментариемъ, сочиненія Маймонида, еврейскія хрестоматіи, учебники грамматики, молитвенникъ и проч., всѣ съ вѣмецкимъ переводомъ, а также исторія еврейскаго народа на вѣмецкомъ языкѣ¹⁾. И что же? Несмотря на то, что книги эти были раздаваемы меламедамъ даромъ, а частнымъ лицамъ продавались за безцѣнокъ, онѣ нигдѣ не попали въ хедеры, русскіе евреи, разумѣется, не сдѣлались вѣщцами, а жаргонъ, какъ и старыя учебники, такъ и остались поняти въ хедерахъ.

„Что касается 2-го пункта, т. е. санитарной стороны хедеровъ, то въ этомъ отношеніи правительственный контроль не только возможенъ, но и необходимъ. Мало того, онъ входитъ въ прямыя обязанности мѣстнаго начальства, призваннаго, между прочимъ, заботиться о здравіи народонаселенія вѣреннаго ему края. Никакое разумное правительство не можетъ равнодушно смотрѣть на воспитаніе значительной части будущихъ гражданъ, какаго бы то ни было вѣроисповѣданія, при такихъ условіяхъ,

¹⁾ Фабрикантомъ и поставщикомъ этихъ книгъ былъ Л. Мандельштамъ, который, получая отъ министерства щедрую построчную плату, сыпалъ ихъ, какъ изъ рога изобилія, причемъ въ однихъ учебникахъ были помѣщены тексты и переводы, напечатанные въ прежнихъ, или же изданныхъ и оплаченныхъ уже гонораромъ учебникахъ. Покойный виленскій цензоръ В. Тугендгольдъ однажды, при свиданіи съ Мандельштамомъ, завелъ рѣчь о повторительныхъ текстахъ въ Пятикнижии Моисея. Мандельштамъ пустился въ ученые объясненія: но Тугендгольдъ съ насмѣшкою оборвалъ его: „гдѣ, по моему, сказалъ онъ, это объясняется очень просто; Моисей, вѣроятно, получалъ отъ Господа Бога построчную плату, какъ вы отъ министерства, и поэтому онъ, подобно вамъ, не стѣсняясь въ повтореніяхъ“.

которыя лишаютъ ихъ здоровья и энергіи и дѣлаютъ многихъ неспособными къ полезной дѣятельности.

„Кромѣ того — и это 3-й пунктъ — правительство вправѣ требовать, чтобы въ хедерахъ преподавался русскій языкъ, обязательный для всѣхъ школъ государства, не исключая и иновѣрныхъ“¹⁾.

Всѣ изложенныя въ запискѣ моей соображенія легли въ основу обнародованныхъ въ 1888 году, бывшимъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинимъ, по соглашенію съ Главнымъ Начальникомъ края, „Правилъ для открытія и содержанія еврейскихъ въроисповѣдныхъ школъ (хедеровъ и проч.) въ губерніяхъ Царства Польскаго“. Желających ознакомиться ближе съ этими „Правилами“ отсылаемъ въ изданной въ этомъ году Обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями „Справочной книгѣ по вопросамъ образованія евреевъ“ (стр. 99—102); мы же обратимъ здѣсь вниманіе читателей на существенные пункты этихъ правилъ.

А) *Санитарное* положеніе хедеровъ обезпечиваются слѣдующими предписаніями: § 2-мъ б. в. требуется отъ медресовъ при открытіи хедера представленіе протокола Комиссіи (состоящей изъ президента, бургомистра, врача или архитектора) о призваніи помѣщенія, назначеннаго для хедера, пригоднымъ и соотвѣтствующимъ санитарнымъ и гигиеническимъ требованіямъ; причѣмъ въ протоколѣ обозначается число дѣтей, которыя могутъ обучаться въ данномъ хедерѣ, сообразно размѣру содержимаго имъ воздуха; § 7-мъ предписывается, чтобы въ классной комнатѣ не было жилья и вообще ничего, кромѣ классной мебели и учебныхъ предметовъ; § 8, хедеры должны быть снабжены удобною классною мебелью, классныя скамьи должны быть поставлены по возможности такъ, чтобы свѣтъ не падалъ прямо въ глаза учащимся, а съ лѣвой стороны; § 10: дѣти, посѣщающія хедеръ, должны быть въ возрастѣ не моложе 6 лѣтъ.

Б) Относительно *преподаванія еврейскихъ предметовъ* „Правила“ ограничиваются только требованіемъ (§ 25а) отъ медресовъ представленія свидѣтельства раввина въ достаточномъ для преподаванія знакомствѣ съ предметами еврейской вѣры и

¹⁾ „О хедерахъ“, стр. 55—57.

еврейскій языкѣмъ, а также (§ 11), чтобы обученіе еврейскому языку и закону върн производилась по учебникамъ, дозволеннымъ цензурою.

В) Но самое большее вниманіе удѣляется „Правилами“ преподаванію русскаго языка въ хедерахъ: § 10-мъ устанавливается обязанность обученія всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ хедеры, ежедневно, во всѣ дни, когда производится ученіе, въ теченіе двухъ часовъ русскому языку и русской разговорной рѣчи, а по желанію и инымъ общеобразовательнымъ предметамъ. Преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ еврейскаго закона върн и еврейскаго языка, должно производиться на русскомъ языкѣ. § 14-й предписываетъ начальникамъ дирекціи ежегодно производить испытаніе учащихся по русскому языку. § 2, буква г.: меламедъ обязывается, при открытіи хедера, представлять письменное обязательство въ томъ, что преподавать русскій будетъ: 1) или онъ самъ, если имѣетъ учительское званіе, или по удостовѣреніи начальника дирекціи въ знаніи имъ русскаго языка и русской разговорной рѣчи, 2) или для этой цѣли будетъ приглашено постороннее лицо, имѣющее право преподаванія или получившее разрѣшеніе на преподаваніе русскаго языка отъ начальника дирекціи, по удостовѣреніи въ знаніи имъ русскаго языка и русской разговорной рѣчи, 3) или же, наконецъ, что для обученія русскому языку, дѣти будутъ посланы въ сосѣднее училище, въ послѣобѣденное время, по соглашенію съ учителемъ.

Если сравнить „Правила 1888 года для открытія и содержанія еврейскихъ въроисповѣдныхъ школъ (хедеровъ и проч.) въ губерніяхъ Привислинскаго края“ съ „Закономъ 1 марта 1893 года о частныхъ учителяхъ еврейскаго закона върн — меламедахъ“, дѣйствующимъ въ имперіи, то легко убѣдиться, что и въ отношеніи хедеровъ, какъ и во многихъ другихъ, указанныхъ въ этихъ нашихъ очеркахъ, отношеніяхъ, евреи Царства Польскаго находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ ихъ русскіе собратья.

1) Правила Варшавскаго учебнаго округа признаютъ въ принципѣ хедеръ за школу извѣстнаго типа. Въ качествѣ школъ хедеры должны отвѣчать тѣмъ требованіямъ, какія ставятся имѣющимися законами всѣмъ вообще школамъ, между прочимъ, и обязательнаго преподаванія русскаго языка, имперскій же законъ 1893 г.,

не считая хедера за школу, не распространяеть на него и предписаній, обязательныхъ для всѣхъ школъ, въ томъ числѣ и предписанія объ обученіи дѣтей русскому языку. Мало того, „Правила“ о примѣненіи закона 1893 года министерства графа Делянова не только не поощряютъ преподаванія русскаго языка и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, подобно правиламъ Варшавскаго учебнаго округа, но прямо запрещаютъ его въ хедерахъ. (Уму не постижимо, какъ можетъ *русское* министерство воспрещать кому бы то ни было и гдѣ бы то ни было изученіе *русскаго* языка!). Этотъ, не имѣющій себѣ подобнаго, запретъ, идущій въ разрѣзъ съ многолѣтними стремленіями русскаго правительства къ привлеченію евреевъ къ русской гражданственности и европейской культурѣ, *подорвалъ въ корнѣ* дѣло просвѣщенія русскихъ евреевъ, причинилъ имъ далеко больше нравственнаго вреда, чѣмъ законъ 1886 года, ограничившій приѣзмъ евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія.

2) Меламедъ, по „Правиламъ“ Варшавскаго учебнаго округа, есть содержатель частнаго вѣронсповѣднаго училища и, хотя по основнымъ законамъ страны содержателями частныхъ училищъ могутъ быть только лица съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ, но въ виду того, что лицъ, обладающихъ этимъ цензомъ, въ настоящее время среди иѣстныхъ евреевъ не имѣется въ достаточномъ количествѣ, признается *пока* для содержателей хедеровъ достаточнымъ знаніе еврейскихъ предметовъ, удостоверенное утвержденнымъ губернскимъ начальствомъ раввина; причемъ „правила“ предлагаютъ (примѣчаніе къ § 10-му) содержателямъ хедеровъ постепенно усваивать себѣ знаніе русскаго языка и русской разговорной рѣчи, для чего имѣеть быть впоследствии назначенъ опредѣленный срокъ; имперскій же законъ 1893 года, видитъ въ мелмедахъ только „частныхъ учителей еврейскаго закона вѣры“, причемъ отъ нихъ не требуется *никакого* образовательнаго ценза, не только по общимъ, но и по еврейскимъ предметамъ. Къ этому занятію допускается каждый еврей, не опороченный судомъ и выбравшій исключительно для этого рода преподавателей установленное „промысловое“ свидѣтельство, оплачиваемое тремя рублями въ годъ. Свидѣтельство это, какъ всякое промысловое свидѣтельство, должно быть ежегодно обмѣняемо. Въ Царствѣ Польскомъ свидѣтельство на содержаніе хедера выдается

бесплатно и служить содержателю до тѣхъ поръ, пока его хедеръ существуетъ, причеиъ въ случаѣ переиѣнн помѣщенія на свидѣ-
 тельствѣ дѣлается соотвѣтственная отиѣтка.

3) Правила Варшавскаго учебнаго округа предоставляютъ пре-
 подаваніе еврейскихъ предметовъ контролю родителей и раввиновъ;
 правила же о прииѣненіи закона 1893 года обнаруживаютъ
 склонность къ урегулированію преподаванія еврейскаго закона, да
 и то въ ограниченномъ смыслѣ.

Такъ, наприиѣръ, циркулярнымъ распоряженіемъ министерства
 народнаго просвѣщенія отъ 15 января 1895 года было воспре-
 щено преподаваніе въ хедерахъ талмуда, еврейской грамматики,
 таблицы спряженій, а также чтеніе съ учениками сочиненій Шуль-
 мана, Рунша и др. Къ счастью, распоряженіе это было отиѣнено
 циркуляромъ того же министерства отъ 27 іюля 1895 года, ко-
 торымъ разрѣшено оставить обученіе въ хедерахъ талмуду, еврей-
 ской грамматикѣ и таблицамъ спряженій въ томъ видѣ, въ какомъ
 эти предметы преподавались мелаиедими „до воснослѣдованія
 распоряженія отъ 15 января 1895 года“; послѣдніа слова этого
 циркуляра могутъ однакожь дать поводъ тому или другому ди-
 ректору школъ воспретить преподаваніе еврейскихъ предметовъ по
 учебникамъ, составленнымъ и изданнымъ *послѣ* 15 января 1895 г.

4) Правила Варшавскаго учебнаго округа разрѣшаютъ мела-
 иеду имѣть помощника въ случаѣ, если учениковъ въ содержи-
 момъ хедерѣ не менѣе 40. Такой помощникъ въ иногоядномъ
 хедерѣ младшаго возраста дѣйствительно необходимъ; кромѣ того,
 на основаніи этого закона часто соединяются два хедера, образуя
 двухкласный хедеръ, что не только выгодно для мелаиедовъ въ
 экономическомъ отношеніи, но и даетъ возможность каждому изъ
 мелаиедовъ заниматься съ отдѣльною группою дѣтей, сходныхъ по
 своему развитію и подготовкѣ. Въ имперіи же министерство на-
 роднаго просвѣщенія циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 20 октября
 1894 г. отказало мелаиедамъ имѣть помощниковъ.

5) Въ виду дознаннаго пренебрежительнаго отношенія мелаиедовъ
 къ гигиеническимъ условіямъ воспитанія, правила Варшавскаго
 учебнаго округа обусловливаютъ выдачу разрѣшенія на открытіе
 хедера представленіемъ протокола установленной для этой цѣли
 спеціальной комиссіи о пригодности хедера своему назначенію съ обо-
 значеніемъ сколько именно дѣтей, по разиѣру помѣщенія, могутъ обу-

чатся въ данномъ хедерѣ; правила же, дѣйствующія въ имперіи, „предоставляютъ только мѣстной дирекціи, *если найдетъ это необходимымъ*, удостовѣриться, соответствуетъ ли хедеръ своему назначенію“.

6) Правила Варшавскаго учебнаго округа не дѣлаютъ разницы между евреями и еврейками при открытіи хедеровъ. Поэтому послѣ введенія хедерной реформы открыто было въ Царствѣ Польскомъ также много хедеровъ женскихъ. Впослѣдствіи Варшавскій учебный округъ, принимая во вниманіе, что въ край много евреекъ, окончившихъ курсъ гимназіи и желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, предписалъ впредь выдавать свидѣтельство на открытіе женскихъ хедеровъ только тѣмъ изъ евреекъ, которыя имѣютъ званіе частныхъ или домашнихъ учительницъ. Въ имперіи же министерство народнаго просвѣщенія воспретяло открытіе женскихъ хедеровъ *„въ виду того обстоятельства, что съ точки зрѣнія еврейской религіи (Юре Део, гл. 246) обученіе дѣвочекъ закону въры считается предосудительнымъ“*.

Законъ 1888 года—великое приобрѣтеніе для евреевъ Царства Польскаго: не прибѣгая къ насиліямъ и не стѣсняя преподаванія еврейскихъ предметовъ, онъ сумѣлъ упорядочить обстановку хедера и сдѣлать его безвреднымъ въ санитарномъ отношеніи; главное же достоинство его—это обнаруживаемое имъ стремленіе къ постепенному повышенію уровня хедера въ смыслѣ общеобразовательномъ. Благодаря этому закону въ настоящее время почти всѣ еврейскія дѣти въ Польшѣ въ теченіе 6—7 лѣтъ пребыванія въ хедерахъ обучаются русскому языку. *Въ ветхозавѣтномъ хедерѣ пробито окно въ Европу*. Обученіе еврейскихъ дѣтей русскому языку важно не только съ точки зрѣнія гражданскаго принципа, но и съ точки зрѣнія гуманитарной и просвѣтительной; русская книга вноситъ въ хедеръ новый, живой элементъ, и не только доставляетъ дѣтямъ реальную пользу, но и расширяетъ ихъ кругозоръ, разнообразитъ ихъ занятія и даетъ имъ первый толчекъ на пути къ обще-европейской культурѣ. Параграфъ же 10-й „Правилъ“, разрешающій преподаваніе въ хедерахъ, кромѣ еврейскаго и русскаго языковъ, также общеобразовательныхъ предметовъ, далъ возможность многимъ

лицамъ и обществамъ учрежденія образцовыхъ талмудъ-торъ и хедеровъ, въ которыхъ на ряду съ еврейскими предметами проходятся и общіе, въ объемъ курса одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ. Въ хедерѣ такимъ образомъ положенъ зародышъ дальнѣйшаго развитія, и теперь отъ самихъ польскихъ евреевъ зависитъ схватить эту свою историческую школу дѣйствительнымъ разсадникомъ еврейскихъ и общечеловѣческихъ знаній.

А. Паперна.

По промышленной чертѣ осѣдлости.

(Путевые наброски ¹⁾).

Минскъ и значеніе его въ промышленности Сѣверо-западнаго края.

(Минскіе ремесленники. Ростъ фабрично-заводской промышленности въ краѣ. Появленіе иностранныхъ и мѣстныхъ капиталовъ въ фабрично-заводской промышленности края. Развитіе машиностроенія. Появленіе инженеровъ и техническихъ консультаціонныхъ конторъ. Техническая контора „Технологъ“. Значеніе дѣятельности ея для промышленности сѣверо-западнаго края. Единственный въ краѣ машиностроительный заводъ съ еврейскими рабочими. Фабрика дверныхъ и оконныхъ приборовъ.

Мы уже отчасти касались г. Минска въ предыдущей главѣ. Разсмотримъ его поближе. За послѣднія 8 лѣтъ здѣсь выросли нѣкоторыя промышленныя предпріятія, на которыхъ стоить остановиться, такъ какъ они въ извѣстной степени характеризуютъ явленія, совершающіяся въ промышленности всего края.

Самъ по себѣ Минскъ съ внѣшней стороны производитъ впечатлѣніе живого, бойкаго провинціальнаго города. Оживленныя улицы, высокіе дома, изящныя магазины, часто встрѣчающіяся «Café», устроенныя на манеръ европейскихъ, нарядныя дамы, джентельмены—все это какъ бы говоритъ пріѣзжему о цивилизаціи и культурѣ.

Но знатоки Минска предостерегаютъ отъ такихъ поспѣшныхъ выводовъ. «Спуститесь изъ главныхъ «показныхъ» улицъ въ улицы, наполненныя трудящимся людомъ, и неприкрытая, прямо кричащая бѣдность, говорятъ они, вамъ бросится въ глаза. Здѣсь та же скученность населенія, тѣ же

¹⁾ См. „Кн. Восх.“ №№ VIII, X, XI с. г.

узкіе скверные домики, наполненные оборванными и исхудалыми дѣтьми, та же грязь и вонь... Тѣ же заботы и нужды, тотъ же несчастный грошевой заработокъ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, та же темная сила ортодоксовъ и неудовлетворенная жажда знаній въ массѣ, та же игра въ филантропію «der oberen Tausend» и слабыя потуги одиночекъ интеллигентовъ¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь касаться еврейскихъ ремесленниковъ г. Минска. Лишь недавно на страницахъ «Восхода» ихъ положеніе обсуждалось на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, собранныхъ съ разрѣшенія мѣстныхъ властей тамошнимъ обществомъ для обученія еврейскихъ дѣтей ремесламъ²⁾.

Отмѣченное нами въ предыдущихъ очеркахъ проявленіе симптомовъ паденія еврейскаго ремесла въ описанныхъ городахъ и мѣстечкахъ «черты осѣдлости» нашло себѣ подтвержденіе и въ Минскѣ. Авторъ статистической замѣтки, пользуясь цифровыми данными (у него имѣлись данныя о 5875 мастерахъ и ученикахъ обоого пола), подводитъ слѣдующіе итоги своему исследованію:

«Наше ремесленное производство находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, неуклонно и неизмѣнно идетъ его медленное вымирание, которое можетъ быть временно и отчасти остановлено лишь экстренными мѣрами.

Мастера не знаютъ и не пользуются никакими усовершенствованными методами производства и почти не употребляютъ новыхъ улучшенныхъ машинъ.

Положеніе учениковъ постигнѣ ужасно; срокъ ученичества немовѣрно продолжителенъ, и они не получаютъ твердыхъ профессиональныхъ познаній.

Заработокъ подмастерьевъ и ихъ рабочій день несоизмѣримы, и они съ трудомъ вырабатываютъ себѣ необходимое.

Грамотность, какъ подмастерьевъ, такъ и учениковъ и мастеровъ, очень низка (почти 50% ремесленниковъ не умѣютъ ни писать, ни читать по-русски и около 25% неграмотны на

¹⁾ Письма изъ Минска Б. Ф. Газета „Восходъ“ № 98 за 1900 г.

²⁾ „Къ вопросу о положеніи евреевъ ремесленниковъ“. Статистическая замѣтка Б. Ф. Газета „Восходъ“ № 39 за 1901 г., стр. 13—20.

жаргонѣ) и, вообще, всё ремесла несутъ на себѣ роковой при-
знакъ кризиса хроническаго, разлагающаго ремесленный орга-
низмъ ¹⁾...

Касаясь минскаго ремесленнаго училища ²⁾, тотъ же авторъ
указываетъ, «что ремесленный трудъ находится теперь въ очень
печальномъ состояніи, положеніе его съ каждымъ годомъ ста-
новится все хуже, и фабрика медленно, но неустанно надви-
гается на нашу провинцію...».

Эти замѣчанія, раздающіяся съ разныхъ концовъ «черты
осѣдлости» и указывающія на ростъ въ ней крупной промыш-
ленности, далеко не голословны. Правда, этотъ ростъ совер-
шается не во всѣхъ частяхъ «черты» съ одинаковымъ тем-
помъ. Если на югѣ Россіи фабрично-заводская промышленность
развивается съ бѣшеной быстротой, то въ сѣверо-западномъ
краѣ возникновеніе фабрикъ и заводовъ, начавшееся лишь
въ самое послѣднее время, происходитъ сравнительно медлен-
нѣе. Однако и здѣсь стремленіе къ промышленному труду
даетъ себя довольно сильно чувствовать: мѣстное сырье, слу-
жившее предметомъ вывоза, начинаетъ перерабатываться на
мѣстѣ; кустарныя заведенія уступаютъ мѣсто рационально уст-
роеннымъ фабрикамъ и заводамъ; въ качествѣ предпринимате-
лей появляются не только мѣстные уроженцы, но и пріѣзжіе
изъ другихъ частей Имперіи, а также иностранцы.

Такъ напримѣръ, въ Витебскѣ, въ главномъ городѣ губер-
ніи, промышленность которой наиболѣе отстала въ сѣверо-за-
падномъ краѣ ³⁾, недавно выстроилась льнопрядильня Русско-
Бельгійскаго акціонернаго общества (S-té A-me Russo-Belge.

¹⁾ Тамъ же стр. 19—20.

²⁾ Б. Ф. „минское ремесленное училище“. Газета „Восходъ“ № 30
за 1901 г.

³⁾ Фабрично-заводская промышленность сѣв.-западнаго края распро-
дѣляется по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Гродненская	21,76	млн. руб.
Вилненская	11,32	„ „
Могилевская	8,68	„ „
Минская	8,67	„ „
Ковенская	6,84	„ „
Витебская	5,85	„ „

(Россія въ концѣ XIX вѣка, изд. мин. финансовъ).

Linière de Witebsk) съ основнымъ капиталомъ свыше 1 милліона рублей. Въ ближайшемъ будущемъ это акціонерное общество предполагаетъ открыть также льно-ткацкую.

Своимъ возникновеніемъ въ Витебскѣ эти крупныя фабрики обязаны тому обстоятельству, что Витебская губернія, какъ и сосѣднія къ ней Псковская и Смоленская, преимущественно разводятъ льняное волокно. На основаніи официальныхъ данныхъ сборъ льняного волокна во всей Россіи достигаетъ въ среднемъ 17,5 мил. пудовъ (болѣе половины сбора во всемъ свѣтѣ), а на русскихъ льняныхъ мануфактурахъ перерабатывается не болѣе $\frac{1}{4}$ годового сбора; все же остальное вывозится за границу; тамъ нашъ ленъ перерабатывается и ввозится къ намъ обратно въ видѣ заграничныхъ матерій, оплаченныхъ, конечно, высокой пошлиной.

Выгодность переработки льна на мѣстѣ ясна до очевидности, и не удивительно, что предприимчивые бельгійцы обратили свое вниманіе на Витебскъ. Тутъ же въ Витебскѣ существуетъ фабрика очковъ г. З., выходца изъ Москвы; число рабочихъ достигаетъ 250 человекъ вмѣстѣ съ работающими по домамъ¹⁾, а главные акціонеры витебской писчебумажной фабрики (150 рабочихъ) — рижскіе капиталисты.

По количеству разводимой конопли Россія занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ странъ земного шара. Подъ коноплей занято болѣе $\frac{1}{2}$ милліона десятинъ и ежегодно изъ Россіи вывозится свыше 3 мил. пудовъ на сумму въ 15 мил. рублей.

Къ губерніямъ, занятымъ разведеніемъ конопли, изъ губерній «черты осѣдлости» относятся также Могилевская и Черниговская. Однако до послѣдняго времени волокно конопли, пенька, не перерабатывалось на мѣстѣ фабричнымъ путемъ. Существовали и теперь еще существуютъ въ большомъ количествѣ кустарные канатные заводы, не имѣющіе ни машинъ, ни даже помѣщенія и вьющія канаты на открытомъ воздухѣ, на площадяхъ или во дворѣ. Это кустарное производство канатовъ рассчитано исключительно на мѣстный спросъ, вызванный движеніемъ плотовъ и судовъ по Днѣпру и его притокамъ.

¹⁾ На этой фабрикѣ, принадлежащей еврею, еврейскихъ рабочихъ совершенно нѣтъ.

Но въ самое послѣднее время въ посадѣ Клиницы Черниговской губерніи, на границѣ съ Могилевской, возникли двѣ крупныя пенько-прядильныя фабрики, вырабатывающія различныя сорта шпагата (упаковочныхъ шнуровъ и веревокъ) и сбывающія ихъ по всей Россіи. На одной изъ этихъ фабрикъ¹⁾ число рабочихъ—250, а на другихъ свыше 700. Послѣдняя помимо шпагата изготовляетъ также джутовые издѣлія. Фабрики эти въ небольшой промежутокъ времени (первая существуетъ 8 лѣтъ) сильно развились, воспользовавшись тѣми выгодами, которыя имъ представляла переработка сырья на мѣстѣ его добычанія, а охранительная таможенная политика по отношенію къ тѣмъ же иностраннымъ фабрикамъ.

Въ такомъ же положеніи находятся издѣлія изъ дерева. Минская, Могилевская, Витебская и Черниговская губерніи весьма богаты лѣсомъ. Лѣсъ этотъ въ обширныхъ размѣрахъ вырубается и отправляется на югъ и за-границу. Этимъ промысломъ, т.-е. лѣсопромышленностью, занята значительная часть мѣстныхъ капиталистовъ. Но изъ послѣднихъ весьма немногіе дѣлали попытки обрабатывать лѣсъ на мѣстѣ и фабриковать различныя издѣлія изъ дерева. Лишь въ послѣднее время возникаютъ лѣсопильныя заводы въ связи съ разнаго рода деревообдѣлочными производствами (производствомъ фанеръ, деревянныхъ колодокъ для сапожниковъ, клепокъ для бочекъ и т. п.), а также спичечныя фабрики. Здѣсь также въ качествѣ предпринимателей нерѣдко появляются пріѣзжіе капиталисты.

Мы могли бы привести еще немало примѣровъ для иллюстраціи явленія, несомнѣнно происходящаго въ экономической жизни сѣверо западнаго края. Явленіе это—*стремленіе крупныхъ и мелкихъ предпринимателей къ фабрично-заводской дѣятельности и появленіе фабрикъ и заводовъ на смѣну кустарнымъ и ремесленнымъ заведеніямъ.*

Возникающіе заводы и фабрики, нуждаясь постоянно въ машинахъ, орудіяхъ и двигателяхъ, а также въ ремонтѣ ихъ, вызываютъ, конечно, въ край развитіе машиностроенія. На

¹⁾ Она также принадлежит еврею, но еврейскихъ рабочихъ въ ней совершенно нѣтъ.

ряду съ ремонтными механическими мастерскими основываются чугунно-литейные и машиностроительные заводы, число которых за послѣднее время въ сѣверо-западномъ краѣ сильно растетъ. Но потребность въ машинахъ не удовлетворяется издѣліями мѣстныхъ заводовъ: они заняты преимущественно всякаго рода ремонтными работами и изготовленіемъ простыхъ машинъ (простѣйшія лѣсопильныя, аппараты для винокуренныхъ заводовъ, простыя сельскохозяйственныя и т. п.). Приходится поэтому прибѣгать къ иностраннымъ машинамъ.

Въ дѣлѣ снабженія мѣстныхъ предпріятій машинами, установками ихъ, а также въ проектированіи и построеніи заводовъ и фабрикъ, большую услугу мѣстной промышленности оказываютъ техническія предпріятія, извѣстныя подъ именемъ «техническихъ конторъ». Эти техническія конторы являются расадниками техническихъ знаній въ краѣ. Они даютъ техническіе совѣты, составляютъ смѣты на различныя техническія сооруженія, строятъ и оборудываютъ машинами новые заводы и фабрики, проводятъ конныя желѣзныя дороги, водопроводы, устраиваютъ электрическое освѣщеніе, отопленіе зданій и т. п. Стремленіе къ фабрично-заводской предпріимчивости въ послѣдніе годы стало особенно сильно замѣтно въ тѣхъ среднихъ классахъ, которые прежде занимались торговлей и всякаго рода посредничествомъ. Занятія посредничествомъ въ настоящее время потеряли то значеніе, которое они имѣли въ былыя времена; теперь спросъ на посредниковъ далеко не соответствуетъ предложенію: потребитель самъ научился находить дорогу непосредственно къ производителю. Явилась поэтому потребность въ другихъ видахъ труда, и такими сравнительно выгодными занятіями оказались мелкія и среднихъ размѣровъ предпріятія, фабрикующія тѣ или или другіе товары.

Средніе классы мѣстнаго населенія охотно прибѣгаютъ къ этимъ занятіямъ, если убѣждаются въ ихъ выгоду и въ возможности вести эти дѣла съ сравнительно небольшими средствами. Тамъ и сямъ, въ городахъ и мѣстечкахъ часто слышишь о вновь строящихся заводахъ или фабрикахъ, и въ ихъ возникновеніи не малую роль сыграли «консультационныя бюро», или техническія конторы.

Восемь лѣтъ тому назадъ этотъ типъ техническихъ предпріятій

былъ совершенно неизвѣстенъ въ краѣ. Въ настоящее же время въ Минскѣ существуютъ 3 техническія конторы, въ Вильнѣ—двѣ и въ Гомелѣ—отдѣленіе одной изъ минскихъ конторъ. Кромѣ того, въ Бѣлостокѣ, Витебскѣ и др. городахъ имѣются представители заграничныхъ фирмъ (преимущественно нѣмецкихъ), продающіе машины и другія техническія принадлежности¹⁾.

Первая техническая контора во всемъ сѣверо-западномъ краѣ была основана въ Минскѣ двумя молодыми инженерами, получившими образованіе за границей. Они начали свою дѣятельность въ краѣ, гдѣ не было почти зачатковъ промышленности и гдѣ трудно было поэтому найти приложеніе приобретеннымъ ими знаніямъ. Но это обстоятельство не остановило ихъ въ стремленіи приложить свои силы на родинѣ. Работа въ этомъ промышленно-отсталомъ краѣ представляла большія трудности. Владѣльцы немногочисленныхъ существовавшихъ фабричныхъ предпріятій (лѣсопильныхъ заводовъ, мукомольныхъ мельницъ, винокуренныхъ, маслособойныхъ заводовъ и т. п. предпріятій, перерабатывающихъ сельскохозяйственные продукты) не прибѣгали къ технически образованнымъ специалистамъ, а удовлетворялись техническимъ знахарствомъ разныхъ безграмотныхъ «практиковъ», приобрѣвшихъ эту практику на этихъ же отсталыхъ въ техническомъ отношеніи производствахъ. Для содержанія же новыхъ предпріятій у мѣстныхъ денежныхъ людей не было ни должной инициативы ни умѣнья вести ихъ. Приходилось поэтому преодолевать инертность и рутину, а это, какъ извѣстно, нелегкая задача на всѣхъ поприщахъ дѣятельности.

Но съ теченіемъ времени всѣ эти препятствія, необходимыя въ новомъ дѣлѣ, постепенно преодолевались. Мѣстные предприниматели успѣли оцѣнить преимущества пользованія совѣтами технической конторы и начали сами прибѣгать къ ея помощи, загромождая ее просьбами о совѣтахъ на различныя сооруже-

¹⁾ Въ Витебскѣ такой агентъ продаетъ мелкимъ ремесленникамъ на выплату машины. Покупатели (преимущественно слесаря, жестяники, столяры, мѣдники и т. д.) выплачиваютъ періодически частичными взносами.

нія, о степени выгодности и способахъ веденія дѣла разныхъ производствъ. Въ обычные рабочіе дни контора бывала полна посѣтителями, дожидавшимися очереди для того, чтобы выслушать совѣтъ специалистовъ-инженеровъ.

За все время своего существованія контора произвела работъ свыше чѣмъ на 1½ мил. рублей, установила двигателей приблизительно на 4000 лошадиныхъ силъ, въ заводахъ и фабрикахъ, построенныхъ конторой, при ихъ возникновеніи начало работать около 2300 рабочихъ. Число это, конечно, по мѣрѣ развитія предпріятій постепенно росло и увеличивалось. Дѣятельность конторы сосредоточивалась преимущественно на устройствѣ мельницъ, винокуренныхъ заводовъ и производствахъ по обработкѣ дерева. Ей приходилось сооружать въ значительномъ количествѣ лѣсопильные заводы, фабрики для производства фанеръ для мебели, соломенки для спичекъ, древесной шерсти, деревянныхъ гвоздей, деревянныхъ колодокъ для сапожниковъ, клепокъ для бочекъ и т. д.

Кромѣ того техническое бюро установило въ нѣсколькихъ десяткахъ случаевъ электрическое освѣщеніе на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ самое же послѣднее время конторѣ приходится строить крахмальные заводы, писчебумажныя фабрики и другія, для существованія которыхъ мѣстныя условія вполне благоприятны. Но этимъ не ограничилась дѣятельность конторы. Она устроила водопроводъ въ г. Слонимѣ и въ нѣсколькихъ случаяхъ соорудила конныя желѣзныя дороги отъ лѣсныхъ хозайствъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ настоящее время контора выстроила чугунно-литейный и машиностроительный заводъ въ Минскѣ, на которомъ помимо ремонта машинъ предполагаетъ строить новыя машины для нуждъ своихъ сооружений и фабриковать деревянные шкивы на продажу. Въ конторѣ, кромѣ ея руководителей и основателей, работаютъ нѣсколько инженеровъ и значительное количество чертежниковъ и конторскихъ служащихъ. Предпріятіе это преобразовано въ «Товарищество Технологъ»; оно имѣетъ отдѣленіе и въ Гомель¹⁾.

¹⁾ Въ самое послѣднее время контора строила заводы и внѣ «черты осѣдлости», наприм. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Эта энергичная дѣятельность инженеровъ, начавшихъ работать въ непочатомъ въ промышленномъ отношеніи краѣ, оказала несомнѣнно благотворное вліяніе на развитіе дремавшихъ производительныхъ силъ мѣстнаго населенія. Вліяніе это не поддается учету въ цифрахъ: всякое новое фабрично-заводское предприятие помимо того, что оно непосредственно даетъ работу опредѣленному количеству лицъ и вызываетъ къ жизни новые побочные промыслы, непосредственно къ нему относящіяся,—часто служитъ еще примѣромъ для другихъ и содѣйствуетъ возникновенію цѣлаго ряда подобныхъ же промышленныхъ заведеній.

Нерѣдки случаи, что на мѣстѣ первой фабрики или завода при благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ вырастаетъ цѣлый районъ съ какой-либо опредѣленной преобладающей отраслью промышленности.

Въ противоположность большинству еврейскихъ предприятий—это товарищество «Технологъ» при всѣхъ своихъ работахъ: строительныхъ, монтерныхъ, ремонтныхъ и т. п. пользовалось главнымъ образомъ трудомъ еврейскихъ рабочихъ, создавая среди послѣднихъ столь рѣдкихъ въ сѣверо-западномъ краѣ машинистовъ, слесарей, токарей, столяровъ, модельщиковъ, установщиковъ электрическаго освѣщенія и т. д. Большинство изъ нихъ подучивалось тутъ же на работахъ.

На заводѣ, недавно выстроенномъ, уже работаетъ около 90 рабочихъ евреевъ. Этотъ заводъ является *единственнымъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ чугунолитейнымъ и машиностроительнымъ заводомъ съ еврейскимъ составомъ рабочихъ*¹⁾.

Успѣхъ описанной технической конторы вызвалъ себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, подражаніе. Въ Минскѣ возникли недавно еще двѣ техническія конторы, а также въ Вильнѣ.

Въ томъ же Минскѣ прекратилъ свою дѣятельность около года тому назадъ другой заводъ г. М. Этотъ заводъ, развившійся изъ слесарной мастерской, изготовлялъ дверные и оконные приборы фабричнымъ путемъ; на немъ работало около

¹⁾ На другомъ минскомъ еврейскомъ машиностроительномъ заводѣ г. г. Л. и Я. изъ 130 рабочихъ лишь 13 евреевъ (5 модельщиковъ по дереву и 8 токарей).

100 человекъ, преимущественно еврейскихъ подростковъ и дѣвушекъ, и онъ приводился въ дѣйствіе 36 сильнымъ локомотивомъ.

Заводъ этотъ принужденъ былъ ликвидировать свои дѣла, вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся для него обстоятельствъ, но отнюдь не изъ-за невыгодности самаго дѣла. Выше мы указывали уже, что для домашнихъ приборовъ въ настоящее время открытъ свободный рынокъ сбыта¹⁾. Несмотря на существованіе подобныхъ предпріятій въ Ковнѣ, Ригѣ, Митавѣ, Тулѣ и др.,—спросъ на издѣлія завода г. М. былъ настолько высокъ, что вояжеръ въ нѣсколько мѣсяцевъ собралъ заказовъ, обеспечившихъ работу завода въ теченіе цѣлаго года.

Изъ еврейскихъ образовательныхъ учрежденій въ Минскѣ можно назвать народную бібліотеку, вечернюю субботнюю школу, ремесленные классы при талмудъ-торѣ и сельскохозяйственную ферму. О ремесленномъ училищѣ подробно говорилось уже въ «Восходѣ» въ цитированной выше статьѣ. Мы укажемъ лишь, что и оно подобно другимъ ремесленнымъ классамъ при талмудъ-торахъ подвержено роковому недугу, извѣстному подъ именемъ «зависимости отъ мѣстной благотворительности». Такова уже печальная судьба нашего народа: народное образованіе, этотъ краеугольный камень жизни всякаго народа, вынуждено покоиться на такомъ шаткомъ фундаментѣ, какъ благотворительность...

Сельскохозяйственная же ферма, широко раскинувшаяся со своими опытными полями, питомниками и огородами въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города, въ имѣніи Кураковщина, лишь недавно открыта на средства еврейскаго колонизаціоннаго общества и нѣкоторыхъ мѣстныхъ жертвователей. Питомцы этой школы смогутъ примѣнять вынесенныя ими оттуда свѣдѣнія въ качествѣ огородниковъ и садоводовъ въ подгороднихъ хозяйствахъ. Учрежденіе это—молодое, и результаты его дѣятельности еще не опредѣлились. Когда видишь этихъ немногихъ счастливцевъ, которымъ удалось попасть въ качествѣ учениковъ на ферму, невольно переносишься мысленно впередъ, къ тому времени, когда эти питомцы фермы по-

¹⁾ См. „Восходъ“, книга VI, стр. 47.

кинуть ее съ тѣмъ, чтобы примѣнить на практикѣ вынесенныя изъ школы знанія. Не трудно представить себѣ тѣ мытарства, которыя ихъ ждутъ, когда они вынуждены будутъ жить вдали отъ той земли, обрабатывать которую ихъ научили и которую, вѣроятно, многіе успѣли полюбить.

Гомель.

(Торгово-промышленное значеніе Гомеля. Лѣсопромышленность его. Торговля металлическими издѣліями. Фабрики и заводы. Спичечная фабрика „Везувій“ со смѣшаннымъ составомъ рабочихъ. Заработная плата рабочихъ. Маслобойный заводъ. Ремесленники. „Ровъ“ и его обитатели. Учебная мастерская. Женская субботняя школа. Кустарная и фабричная обработка пеньки въ Гомелѣ и Клинцахъ. Клиновскія пенькопрядильни и сукошныя фабрики).

Къ очень бойкимъ торговопромышленнымъ городамъ сѣверо-западнаго края слѣдуетъ отнести также г. Гомель, Могил. губ. Расположенный на пересѣченіи двухъ желѣзнодорожныхъ линій: Либава-Роменской и Полѣвской (Либава-Ромны, Брестъ-Брянскъ) и на берегу Сожа, вблизи впаденія его въ Днѣпръ—Гомель является весьма важнымъ пунктомъ торгово-промышленной дѣятельности средняго Приднѣпровья. Уже много лѣтъ онъ служитъ мѣстомъ сѣздовъ южныхъ лѣсоторговцевъ и лѣсопромышленниковъ верхняго и средняго Приднѣпровья для торговыхъ сдѣлокъ.

Во время Васильевской ярмарки въ Гомель пріѣзжаютъ приднѣпровскіе лѣсоторговцы и складчики желѣзнодорожныхъ станцій изъ Кіева, Черкасъ, Кременчуга, Екатеринослава, Одессы, Херсона, Крымскаго полуострова и др. Представители управленій южныхъ желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, строящихся съ горнопромышленными цѣлями,—для закупки шпаль; владѣльцы южныхъ сельско-хозяйственныхъ экономій, заводовъ, фабрикъ и рудниковъ—для закупки строевого лѣса и матеріала для различнаго рода деревообдѣлочныхъ произведеній.

Верхнеднѣпровскій лѣсъ либо въ видѣ цѣльныхъ брусевъ сплавляется караванами плотовъ внизъ по Днѣпру до Екате-

ринослава и Кременчуга, гдѣ онъ распиливается на многочисленныхъ южныхъ лѣсопильныхъ заводахъ и уже оттуда расходится по разнообразнымъ южнымъ потребителямъ: экономіямъ, рудникамъ, металлургическимъ заводамъ и разнообразнымъ деревообдѣлочнымъ фабрикамъ,—либо распиливается на лѣсопильныхъ заводахъ верховья Днѣпра и уже въ видѣ досокъ, клепокъ для цементныхъ бочекъ, шпаль, дровъ и т. п. отправляется на югъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Всѣ сдѣлки по куплѣ-продажѣ различныхъ партій лѣса совершаются въ Гомелѣ во время ярмарочнаго съѣзда. Въ это время гостиницы и постоялые дворы Гомеля переполняются разношерстнымъ торговымъ людомъ, маклерами, приказчиками и представителями разныхъ лѣсоторговыхъ фирмъ, и городъ, и въ обычное время оживленный, дѣлается еще бойчѣй и подвижнѣй. Здѣсь устанавливаются цѣны на лѣсной матеріалъ, производится расплата по срочнымъ обязательствамъ, вручаются задатки на покупку партій лѣса, производятся торги на поставку шпаль желѣзнымъ дорогамъ и т. д. Оперируются здѣсь весьма крупными суммами, и сдѣлки въ сотни тысячъ рублей, достигающія не рѣдко $\frac{1}{2}$ милліона и выше, весьма обычны.

Изъ породъ лѣса, продающихся во время гомельскихъ лѣсныхъ контрактовъ, главный спросъ существуетъ на сосну, осину и ель. Менѣе ходки: ольха, береза, липа, дубъ, ясень, грабъ, кленъ и т. д. Любопытно, что единственнымъ покупателемъ еловаго лѣса является Херсонъ, гдѣ одна фирма уже много лѣтъ обезпечила за собой руководящую роль на еловомъ рынкѣ. Фирма эта спеціализировалась въ производствѣ ящиковъ для упаковки металлическихъ баллоновъ съ керосиномъ, экспортируемымъ изъ каспійскихъ портовъ,—и, какъ видно, прочно утвердилась въ своей спеціальности. Пробовала, года два тому назадъ, Волга конкурировать съ Днѣпромъ въ фабрикаціи этихъ ящиковъ, но не выдержала соревнования и Херсонъ остался главнымъ поставщикомъ. ¹⁾

Торговое значеніе Гомеля не основано исключительно

¹⁾ „Лѣсные контракты въ Гомелѣ“, Торгово-Промышленная Газета, № 31, за 1900 г.

но на лѣсномъ промыслѣ. Онъ имѣеть также большое значеніе въ торговлѣ металлическими, мануфактурными и галантерейными товарами. Здѣсь имѣются крупныя торговые дома, ведущіе оптовую торговлю этими товарами съ многочисленными мелкими продавцами, разбросанными по городамъ и мѣстечкамъ Могилевской и Минской губерній.

Особенное развитіе получила здѣсь торговля мелкими металлическими издѣліями и машинами. Въ складахъ желѣзныхъ товаровъ можно встрѣтить разнообразнѣйшіе предметы, нужные въ домашнемъ хозяйствѣ, а также для ремесленниковъ: слесарей, столяровъ, жестянниковъ, мѣдниковъ и т. д. Эти предметы выписываются либо съ фабрикъ и заводовъ русскихъ и иностранныхъ, либо изготовляются мѣстными ремесленниками и чугуно-литейными заводами.

Для продажи машинъ и вообще техническихъ принадлежностей здѣсь имѣются 2 склада (одинъ изъ нихъ—отдѣленіе описанной выше Минской конторы, а другой — мѣстнаго чугуно-литейнаго завода г. А.)

Торговое значеніе Гомеля въ послѣдніе 10—15 лѣтъ стало привлекать къ нему и предпринимателей промышленниковъ, открывшихъ здѣсь нѣсколько фабрично-заводскихъ предпріятій. Среди послѣднихъ болѣе крупныя: главныя мастерскія Либаво-Роменской ж. д., писчебумажная фабрика князя Паскевича на ст. Добрушъ, спичечная фабрика «Везувій», 2 маслобойныхъ завода, 3 лѣсопильныхъ, 3 чугуно-литейныхъ, паровая мельница, фабрика лака, крахмальный заводъ, кожевенные, кирпичные и др.

Изъ рабочихъ лишь на спичечной фабрикѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ еврейскіе рабочіе (изъ 600 рабочихъ 350 еврейскихъ); въ другихъ же предпріятіяхъ они встрѣчаются по нѣсколько человѣкъ, преимущественно не въ производствѣ.

Въ виду сильнаго распространенія въ сѣверо-западномъ краѣ спичечныхъ фабрикъ, принадлежащихъ еврейскимъ предпринимателямъ, ¹⁾ мы остановимся болѣе подробно на спичечной фабрикѣ.

¹⁾ Еврейскія спичечныя фабрики также распространены въ Малороссіи: такъ, онѣ очень часто встрѣчаются въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губ. Характеристику ихъ см. В. В. Святловскій: Фабричный рабочій. Варшава 1889 г.

Она расположена въ предмѣстьи Гомеля, въ Новобѣлицѣ: помимо 600 рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, около 39 семействъ заняты для этой фабрики по домамъ оклеиваніемъ спичечныхъ коробокъ. Это оклеиваніе коробокъ, какъ домашній промыселъ, весьма сильно развито въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ (напр., въ Вѣткѣ, деревнѣ Сѣвстельнѣ и др.).

Въ этихъ мѣстечкахъ нѣтъ спичечныхъ фабрикъ, а раздача матеріала и расплата съ рабочими совершается особыми агентами—подрядчиками, берушими отъ разныхъ фабрикантовъ матеріалъ для спичечныхъ коробокъ и возвращающими имъ уже готовые коробки. Въ настоящее время спичечныя фабрики принадлежатъ къ весьма выгоднымъ предпріятіямъ, и въ мѣстахъ, богатыхъ дешевымъ лѣсомъ, какъ напр., Минская, Могилевская губерніи, и дешевой рабочей силой (каковой является бѣдное, лишенное какихъ бы то ни было заработковъ, еврейское населеніе «черты осѣдлости») постоянно возникаютъ спичечныя фабрики, широко примѣняющія дешевый ручной трудъ и ограничивающіяся въ примѣненіи машинъ самыми необходимыми.

Фабрика «Везувій» имѣетъ двигатель въ 50 лошадиныхъ силъ, свои спички она сбываетъ въ Кременчугъ, Екатеринославъ, Одессу и другіе города, вообще по теченію Днѣпра и его притокамъ. Матеріалъ (главнымъ образомъ осина) доставляется плотами съ днѣпровскихъ пристаней.

Весьма интересно, что вслѣдствіе смѣшаннаго состава рабочихъ (христіане и евреи) фабрика работает по воскресеньямъ и субботамъ при половинѣ обычнаго числа рабочихъ. По словамъ предпринимателя, это обстоятельство, т. е. работа 2 дня въ недѣлю при неполномъ составѣ рабочихъ, не приноситъ ему убытковъ, въ виду того, что паровой двигатель отапливается опилками и стружками, т. е. отбросами производства, получающимися въ колоссальныхъ количествахъ на спичечныхъ, лѣсопильныхъ и вообще деревообдѣлочныхъ фабрикахъ.

Нужно однако замѣтить, что эти опилки начинаютъ утилизовать для различныхъ промышленныхъ цѣлей. Такъ, въ Пинскѣ изъ нихъ гонятъ щавелевую кислоту и изготовляютъ «брикеты», т. е. прессуютъ въ видѣ плитокъ, удобныхъ для транспортировки и принимаемыхъ въ качествѣ топлива.

Дѣвушки зарабатываютъ на спичечной фабрикѣ «Везувій»

Книжки Восхода, кн. XII.

отъ 35 до 50 коп. въ день, а мужчины отъ 75 коп. до 1 руб. Въ самомъ началѣ дѣвушка зарабатываетъ 10 — 11 коп. въ день, и этотъ заработокъ продолжается у нея въ теченіе первыхъ 2-хъ мѣсяцевъ. Трудъ здѣсь оплачивается сдѣльно: за набивку 220 коробокъ дѣвушка получаетъ 3 коп., за работу при Abschlagmaschine⁴⁾: за 1000 верхнихъ коробокъ ей платятъ 2 $\frac{1}{2}$ коп., а за тысячу нижнихъ—3 коп., за работу при машинной обклейкѣ коробокъ—2 $\frac{1}{2}$ коп. съ тысячи, при т. наз. «накатальныхъ» станкахъ; за наполненіе 100 рамъ рабочей получаетъ 15 — 20 коп., за упаковку 100 ящиковъ — 2 $\frac{1}{2}$ коп., за оклейку бандеролью—2 $\frac{1}{2}$ коп. съ тысячи и т. д. Рабочіе на этой фабрикѣ застрахованы на случай временной инвалидности, полной неспособности къ труду и на случай смерти.

Фабрика существуетъ уже 7 лѣтъ. Любопытно, что еврейскіе и христіанскіе рабочіе работаютъ въ различныхъ отдѣленіяхъ. Это явленіе намъ приходилось наблюдать и въ другихъ фабрикахъ, имѣющихъ смѣшанный составъ рабочихъ.

На одномъ изъ двухъ гомельскихъ маслобйныхъ заводовъ г. Ш. работаетъ безпрерывно въ 2 смѣны 60 человекъ. При заводѣ, изготовляющемъ на продажу конопляное, льняное и рапсовое масло, существуетъ мукомольная мельница и круподерня. Свои фабрикаты заводъ сбываетъ на югъ, сѣверъ и западъ Россіи. Сѣмена доставляются изъ сосѣдней Черниговской и Екатеринославской губерній. Паровая машина прил. въ 100 лошадиныхъ силъ приводитъ въ дѣйствіе всѣ механическія приспособленія. Еврейскихъ рабочихъ въ самомъ производствѣ нѣтъ: они заняты во дворѣ нагрузкой и разгрузкой товаровъ. Заводомъ управляетъ техникъ, получившій свое техническое образованіе за границей. Отбросы производства, жмыхы, отправляются за границу, гдѣ они служатъ въ качествѣ корма для скота.

Большое сравнительно распространеніе имѣетъ въ Гомелѣ чугуно-литейное дѣло. Здѣсь существуютъ 3 небольшихъ чугуно-литейныхъ завода съ числомъ рабочихъ до 30 человекъ каждый и около 15 крупныхъ слесарно-механическихъ мастер-

⁴⁾ Это машины разрѣзающія древесное полотно на ленты, составляющія бока коробокъ.

скихъ, въ которыхъ работаетъ до 10 человекъ. На чугунолитейныхъ заводахъ евреи составляютъ меньшинство ($\frac{1}{6}$ числа рабочихъ), хотя владельцы заводовъ — евреи. Эти заводы заняты преимущественно ремонтомъ машинъ и отливкой для мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, а также для мѣстныхъ и окрестныхъ фабрикъ и заводовъ.

Что же касается ремесленниковъ г. Гомеля, то условія ихъ труда и существованія ничѣмъ особенно не отличаются отъ ремесленниковъ другихъ городовъ, на которыхъ мы останавливались болѣе подробно. Здѣсь насчитываютъ до 15 слесарныхъ мастерскихъ, до 8 жестянныхъ, до 5 мѣдницкихъ, до 10 — 15 столярныхъ и до 30 кузницъ. Кромѣ того, большое количество рабочихъ занято въ качествѣ водопроводчиковъ, кровельщиковъ и т. д. Также какъ и въ другихъ городахъ края, здѣсь весьма часто совмѣщеніе нѣсколькихъ специальностей у одного и того же ремесленника. Такъ, зимой жестянники дѣлаютъ на продажу разную посуду: чайники, самовары и т. п., а лѣтомъ они работаютъ въ качествѣ кровельщиковъ на постройкахъ. Они же въ большомъ количествѣ изготовляютъ искусственные клеветы, всевозможныя котельныя работы (нѣкоторые даже устраиваютъ винокуренныя заводы).

Слесаря работаютъ на магазины желѣзныя петли и другіе домовые приборы, а также приборы для сельтерской воды. Кромѣ того, они дѣлаютъ рѣшетки для балконовъ, воротъ и т. п. художественно-слесарныя работы. Мастерскія ихъ, имѣющія отъ 4 до 10 человекъ, не снабженныя двигателями, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ слесарныхъ мастерскихъ, описанныхъ нами выше. То же можно сказать о столярахъ.

Любопытно, что здѣсь одинъ жестянникъ началъ работать лампы на продажу, но вынужденъ былъ прекратить производство въ виду того, что лампы, изготовленныя на фабрикахъ, продавались значительно дешевле его издѣлій.

Если вы спросите, какія достопримѣчательности существуютъ въ Гомелѣ, вамъ непременно назовутъ знаменитый дворецъ и садъ князя Паскевича. И дѣйствительно, этотъ садъ вмѣстѣ съ дворцомъ и башнями, раскинувшійся на крутомъ берегу р. Сожа, представляетъ собой одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ

окрестностях Гомеля. Но вамъ едва ли всякій укажетъ на другое замѣчательное мѣсто Гомеля, такъ называемый «ровъ» или, какъ его называютъ въ народѣ, «рой». Обѣ эти достопримѣчательности, дворецъ и ровъ, органически срослись между собой, какъ бы олицетворяя въ себѣ два противоположныя начала жизни: силу и счастье съ одной стороны, нищету и безграничное горе—съ другой...

Въ этомъ рву, по которому постоянно текутъ зловонныя нечистоты, собирающіяся здѣсь со всѣхъ болѣе возвышенныхъ частей города, живутъ исключительно евреи. Поселиться во рву—значитъ спуститься на самую низкую ступеньку общественной лѣстницы, спуститься безъ надежды жить когда-либо такъ, какъ живутъ «на верху». Во время дождя во рву образуется глубокий и быстрый потокъ, превращающій склоны этого рва въ топкую грязь и заливающій водой прилѣпившіяся къ этой нездоровой, зараженной почвѣ жалкія хижины и землянки еврейскихъ бѣдняковъ.

Этотъ ровъ протекалъ также черезъ садъ князя Паскевича, но администрація сада отвела его въ рѣку, разбивъ надъ нимъ аллеи, бесѣдки и газоны. Съ мостика, перекинутаго черезъ ровъ, передъ вами съ одной стороны густой и живописный садъ, а съ другой—густой и мутный потокъ грязи, вони и всякихъ нечистотъ... Здѣсь счастье и жизнь, а тамъ крайняя степень человѣческаго паденія.

Въ хижинахъ рва живутъ обыкновенно безработные, нищіе, больные и тому подобный людъ. Вотъ, напр., печникъ съ женой, старухой-матерью и двумя дѣтьми живетъ въ землянкѣ, гдѣ нѣтъ пола, и гдѣ босыя ноги еврея увязаютъ въ липкой грязи. Этотъ печникъ зарабатывалъ 3 р. 50 к. въ недѣлю, а теперь онъ уже давно безъ работы. Въ этой землянкѣ умерло уже двое изъ его дѣтей отъ кори и туберкулеза костей. Больная жена лежала въ кровати совершенно лишенной какого бы то ни было бѣлья.

Въ другой хижинѣ живетъ сапожникъ. Онъ тоже не имѣетъ работы. Семья его состоитъ изъ жены и 5 дѣтей, почти лишенныхъ платья, грязныхъ и дрожавшихъ отъ холода.

Или вотъ стекольщикъ, работающій обыкновенно лишь 2 мѣсяца въ году, а въ настоящее время совершенно перестав-

шій работать вслѣдствіе рака въ желудкѣ. Жена его, съ нарывомъ на груди, лежала тутъ же на деревянномъ сундукѣ, а за грязной занавѣской спали исхудалыя дѣти.

Мы спускаемся въ погребъ, въ самую глубь рва и, открывая дверь, оказываемся въ квартирѣ шорника. Тающій снѣгъ стекаетъ въ эту яму, въ которой живутъ 3 семьи. Каждая семья имѣетъ уголь, въ которомъ помимо кровати находятся еще инструменты. По стѣнамъ течетъ вода и все черно отъ грязи. Жена шорника однако благодарила Бога, что «всего» живутъ 3 семьи. За эту конуру шорникъ, предприимчивый съемщикъ квартиры, платитъ 10 руб. въ мѣсяцъ. Воду квартиранты берутъ изъ колодца, находящагося во рву и питающагося такимъ образомъ его зараженными источниками.

Всюду на склонахъ рва видны экскременты, т. е. въ рѣдкихъ хижинахъ существуютъ отхожія мѣста. Крыши землянокъ всѣ погнуты, стѣны покривились, а между тѣмъ квартиры здѣсь стоятъ 2 р. 50 к., 3 р., 4 р. и 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Когда вы смотрите съ желѣзнодорожнаго моста черезъ р. Сожъ на крутой обрывистый берегъ ея, на которомъ мощно раскинулся дворецъ князя Паскевича съ его далеко виднѣющеюся круглой башней, вы невольно переноситесь мыслью по ту сторону сада, въ ровъ, гдѣ въ зараженныхъ лачугахъ гнѣтъ значительная часть еврейскаго населенія, не находящаго примѣненія своимъ силамъ.

Изъ просвѣтительныхъ учрежденій Гомеля можно назвать дешевую бібліотеку, субботнюю школу при частномъ женскомъ училищѣ А. Я. Сыркиной и талмудъ-тору съ строящейся при ней учебной слесарно-механической и модельно-столярной мастерской для бѣднѣйшихъ учениковъ мѣстнаго еврейскаго населенія.

Пока же ремесла преподаются въ жалкихъ столярной и сапожной мастерскихъ при отдѣленіи общества пособія бѣднымъ «махикей іосейнимъ». Содержимые въ этихъ мастерскихъ сироты обучаются нѣсколько лѣтъ ремесламъ съ тѣмъ, чтобы закончить свое ремесленное образованіе у частныхъ ремесленниковъ. По окончаніи этихъ учебныхъ мастерскихъ мальчикъ представляетъ нѣкоторую цѣнность для ремесленника, и

последній его охотно беретъ бесплатно, а иногда даже приплачиваетъ ему рублей 15—20 въ годъ при полномъ содержаніи.

Въ субботней школѣ, руководимой содержательницей частнаго жевскаго училища А. Я. Сыркиной, при содѣйствіи гомельскихъ интеллигентныхъ женщинъ, обучается нѣсколько сотъ мѣстныхъ работницъ, чулочницъ, швей, прислугъ и т. д.

Достаточно посмотрѣть, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ въ субботу вечеромъ эти труженицы слушаютъ объясненія своихъ учительницъ, открывающихъ передъ ними невѣдомый имъ миръ знанія, чтобы оцѣнить все значеніе подобныхъ вечернихъ курсовъ и то стремленіе къ просвѣщенію, которое такъ сильно въ нашей массѣ.

Я уже упоминалъ, что въ Могилевской и Черниговской губерніяхъ большое распространеніе получила культура конопли, волокно которой—пенька вывозится преимущественно за границу. Лишь небольшая часть этой конопли перерабатывается на мѣстѣ кустарнымъ путемъ въ канаты, продающіеся на мѣстѣ для оснастки плотовъ, цѣлыми караванами плывущихъ по Днѣпру и его притокамъ внизъ къ Киеву, Кременчугу и Екатеринославу.

Эти кустарныя заведенія, вяющія канаты и бичеву, носятъ здѣсь громкое названіе «канатныхъ заводовъ». А между тѣмъ, они не имѣютъ ни фабричнаго помѣщенія, ни машинъ, ни двигателя. Работа совершается на открытомъ воздухѣ, во дворѣ. Такихъ канатныхъ заведеній весьма много въ городахъ и мѣстечкахъ Могилевской губ. Такъ, въ м. Вѣткѣ ихъ — 6, въ м. Пропойскѣ—3, въ Могилевѣ—2, въ Гомелѣ — 2 и т. д.

На Гомельскомъ канатномъ заводѣ г. П. работаетъ 40 рабочихъ, преимущественно евреевъ. Для того, чтобы пенька превратилась въ канаты, она проходитъ въ этихъ заведеніяхъ нѣсколько стадій переработки: ее треплютъ, обдираютъ концы на желѣзныхъ остріяхъ, прядутъ въ нити, вяютъ въ канаты и пропитываютъ смолой. Въ зависимости отъ этихъ работъ рабочіе называются здѣсь трепачамя, тесарками, прядильщиками, котельщиками и другими еще странными для непривычнаго уха названіями.

На гомельскомъ заводѣ чернорабочій получаетъ 50 — 60 коп. въ день, прядильщикъ—85 коп. въ день, трепальщикъ—25

коп. съ пуда, если пенька безъ «костринки», т. е. безъ твердыхъ частей коноплиной соломы.

Пудъ пеньки стоитъ до 2 р. 50 к., переработанная же въ кабаты она продается въ 4 р. 50 к. и 6 руб. за пудъ. При этомъ отбросы при производствѣ совершенно не утилизируются. А между тѣмъ при рационально устроенной пенькопрядильнѣ всѣ виды отбросовъ идутъ въ переработку для полученія различныхъ сортовъ шпагата, веревокъ и пеньковой пряжи.

Такія крупныя пенькопрядильни, какъ я уже отчасти упоминалъ выше, выстроились въ послѣдніе годы въ посадѣ Клишцы Черниг. губ., находящемся на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды отъ Гомеля.

Этотъ посадъ, населенный главнымъ образомъ старообрядцами, уже издавна извѣстенъ, какъ центръ суконнаго производства. Здѣсь находятся въ дѣйствиіи 5 суконныхъ фабрикъ, работающих военное сукно и драпъ главнымъ образомъ по заказамъ правительства и желѣзныхъ дорогъ. Кроме того, существуетъ 4 кожевенныхъ завода, 2 пенько-и джуто-прядильни, 3 чулочныхъ фабрики, 2 чугуно-литейныхъ и механическихъ завода, и 2 маслособойныхъ завода. Одна изъ пенько-прядильнъ, фабрика г. К. потребляетъ до 50000 пудовъ сырца-пеньки и дѣлаетъ годовой оборотъ въ 400000 руб. Двигатель имѣетъ до 100 лошадиныхъ силъ. Прядильныя машины, также какъ и другія вспомогательныя машины,—англійскія. Освѣщеніе—электрическое. Все производство совершается на машинахъ, и лишь необходимое количество ручныхъ трепачей работаетъ въ одномъ отдѣленіи фабрики. Во главѣ фабрики стоятъ г. К. съ сыновьями, изъ которыхъ нѣкоторые специализировались за границей.

8 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ этой фабрики стояла небольшая суконная фабрика; г. К. приобрѣлъ послѣднюю и замѣнилъ суконное производство шпагатнымъ, утилизируя для этого мѣстное сырье—пеньку. Фабрика эта быстро развилась въ одно изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ предпріятій. На этой еврейской фабрикѣ среди 250 рабочихъ нѣтъ однако евреевъ. Другая фабрика г. В. имѣетъ 700 рабочихъ. Помимо шпагата, она изготовляетъ также джутовые издѣлія и тоже достигла блестящаго развитія. На этой фабрикѣ еврейскихъ рабочихъ нѣтъ.

На суконныхъ клинцовскихъ фабрикахъ, принадлежащихъ

какъ я уже упоминалъ, старообрядцамъ, нѣтъ еврейскихъ рабочихъ; эти фабрики обладаютъ солидными средствами и постояннымъ рынкомъ сбыта. Самая крупная изъ нихъ приводится въ дѣйствіе двигателемъ въ 1030 лошадиныхъ силъ и освѣщается электричествомъ. На ней находится въ дѣйствіи до 7600 веретенъ и до 180 двойныхъ ткацкихъ станковъ. Всѣхъ рабочихъ—1800 человекъ, работающихъ въ двѣ сѣны.

Суконныя фабрики обладаютъ всѣми отдѣленіями, охватывающими процессы производства сукна. До послѣдняго времени фабриканты были крайне инертны и не предприимчивы въ введеніи новыхъ отраслей производства и усовершенствованій въ послѣднемъ. Теперь они также начали слѣдить за успѣхами техники, и на фабрикахъ появляются новыя, весьма производительныя машины.

Еврейское населеніе Клинцовъ—не велико: мѣстные жители насчитываютъ не больше 500 семействъ.

И. Хорошъ.

Новые звуки *)

М. Г. Бердичевскій.

(Окончаніе).

Бердичевскій признаетъ вліяніе экономическихъ факторовъ на духовную жизнь человѣка. «То, что считалось когда-то главнымъ двигателемъ человѣческой жизни, какъ религиозныя потребности—въ средніе вѣка, свобода личности и мысли—въ эпоху возрожденія, или политическая и національная свобода въ послѣдніе вѣка; ко всему этому присоединился еще одинъ элементъ—матеріальныя и общественно-хозяйственныя потребности, и элементъ этотъ является теперь до нѣкоторой степени важнѣйшимъ факторомъ въ жизни индивидуума и народа».

Нашъ авторъ не хочетъ далѣе слѣдовать за положеніями экономическихъ матеріалистовъ, которые считаютъ даже духовныя и религиозныя потребности продуктомъ экономическихъ условій:

«Я теперь не хочу касатся великаго вопроса, предшествуетъ ли матерія духу, или наоборотъ, такъ какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ собственно болѣе отъ психологіи, чѣмъ отъ науки,—я хочу сказать, онъ болѣе зависитъ отъ натуры и духовнаго склада отвѣчающаго, чѣмъ отъ природы вещей и явленій, которыя мы сами видимъ или думаемъ видѣть и на основаніи которыхъ себя считаемъ вправѣ заключать такъ или иначе».

Но, несомнѣнно, матеріальныя потребности были нѣкогда только средствомъ для нашихъ жизненныхъ цѣлей; но съ теченіемъ

*) См. „Кн. Восхода“. № 11 с. г.

ніемъ времени, благодаря общественной и экономической борьбѣ между отдѣльными людьми, между партіями и народами, онѣ стали столь существенными факторами въ жизни, что могла появиться теорія экономического матеріализма.

Бердичевскій ярко изображаетъ силу экономическихъ, общественныхъ и политическихъ условій и ихъ вліяніе на людей. Но и въ экономической борьбѣ за матеріальныя блага раскрывается человѣческій духъ. Ибо все, къ чему мы стремимся, надъ чѣмъ мучаемся и неустанно работаемъ — это выясненіе нашей психической природы, нашего духовнаго существованія и нашей индивидуальности. Человѣкъ стремится стать *свободнымъ*, независимымъ отъ вещей и явленій, онъ хочетъ быть привязаннымъ къ нимъ по своей свободной волѣ, а не изъ-за «хлѣба насущнаго». Въ тотъ моментъ, когда мы нуждаемся въ деревѣ, чтобы срубить его вѣтви на дрова для топки, когда мы выламываемъ камни, чтобы строить дома для жилья — въ тотъ моментъ мы рабы вещей, мы видимъ въ нихъ лишь внѣшнюю полезность, но не ощущаемъ ихъ красоты, ихъ внутренней цѣнности.

Но въ настоящее время свободное отношеніе людей къ вещамъ еще сильно зависитъ отъ экономическихъ условій, которыми противъ воли заставляютъ насъ искать повсюду непосредственной пользы для нашего временнаго существованія. Поэтому мы въ жизни видимъ, что средство стало цѣлью.

И у евреевъ за послѣднее время еврейскій вопросъ стали рассматривать какъ экономическій, исключительно какъ экономическій; противъ этого Бердичевскій возстаетъ.

Два важныхъ фактора вліяютъ на жизнь человѣка: кругъ общества, въ которомъ онъ живетъ, и національность, къ которой онъ принадлежитъ. Можетъ быть, національный элементъ оказываетъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ общественный, но послѣдній непосредственно, ближе затрогиваетъ человѣка: общественный элементъ человѣкъ можетъ сознавать даже не будучи мыслителемъ, между тѣмъ какъ національный элементъ остается незамѣтнымъ для поверхностнаго взора. Все это спра-

содливо по отношенію къ народу, живущему на своей территоріи самостоятельно, но иначе дѣло обстоитъ съ народомъ, разсѣян-нымъ повсюду и не пользующимся одинаковыми правами съ коренными жителями; члены такого народа сильнѣе ощущаютъ національный факторъ въ своей жизни. Это явленіе ярко выступаетъ наружу при разсмотрѣніи еврейской жизни. Наши экономическія условія во многомъ зависятъ отъ національных и личныхъ элементовъ. А разъ наша общественная и экономическая жизнь въ корняхъ своихъ еврейская, то ясно, что, если мы хотимъ помогать еврейскому народу, нужно прибѣгать къ еврейскому оружію и обращать больше вниманія на національный элементъ.

„Нужно ли мнѣ говорить, что многія явленія нашей древней культуры вредно вліяютъ на наше положеніе! Малодушные люди, бездѣльники, какіе-то аскеты, люди не ощущающіе никакой потребности жить, которые даже не въ состояніи жить — развѣ они способны сознавать свое ужасное положеніе? Люди, которые изъ лѣни или по привычкѣ говорятъ: все къ лучшему (это талмудическое изреченіе — *תמיד תמיד לטוב*); люди, которые всю жизнь занимаютъ небесными вопросами, а земныя дѣла предоставляютъ своимъ женамъ; дурные хасиды, недобросовѣстно изучающіе законъ, какіе-то полуинтеллигенты, буржуи („Бале-батимъ“), возлагающіе съ юныхъ лѣтъ все тѣ же тефилинъ и молящіеся по тому же сидеру, пока онъ не истреплется, и не будетъ вновь переплетенъ или замѣненъ новымъ, люди по существу любящіе праздность и мечтающіе лишь о томъ, что баронъ Ротшильдъ или Гиршъ подарятъ имъ скотъ и землю за океаномъ или даже въ святой странѣ,—удивительныя созданія съ какой-то ветошью вмѣсто души, преступники и въ то же время святые, наивные плуты, грубые материалисты и въ то же время неземные идеалисты: всѣ они прежде всего нуждаются во внутренней свободѣ, нравственной и культурной, для того, чтобы стать людьми и сознавать свои человѣческія и общественныя права“.

„И такіе люди, которые потеряли самихъ себя, природу, жизнь, которые, какъ настоящія дѣти, сидятъ только надъ мертвыми буквами и мертвыми книгами, развѣ они способны понимать свою цѣнность, цѣнность своей жизни, своихъ правъ“.

„Для измѣненія нашихъ матеріальныхъ и экономическихъ условій намъ необходима также *абсолютная перемѣна* въ насъ самихъ, въ цѣлостяхъ нашей жизни, въ нашихъ отношеніяхъ къ жизни. Необходимы жизненныя цѣлности добра и зла, новме нравы для новыхъ цѣлностей, новая жизнь и новыя стремленія. Мы должны вернуться къ природѣ, войти въ непосредственное человѣческое отношеніе съ ней. Мы должны забыть то, что намъ другіе сказали, что другіе написали для насъ, приказали намъ. Мы должны сперва стать людьми, желающими жить, способными жить и признавать свободу въ экономической жизни и во внѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, вліяющихъ и на внутреннюю жизнь человѣка“.

А національная свобода зависитъ только отъ личной свободы.

Только свободные индивидуумы составляют свободный народъ. Приведемъ еще одно прекрасное мѣсто изъ Бердичевского по этому вопросу:

„Есть народы и племена, не имѣшіе никакихъ идеаловъ, которые должны еще долго-долго развиваться, пока создадутъ себѣ идеалы, произведутъ на свѣтъ великія стремленія; но у насъ уже ихъ достаточно; у насъ великое прошлое и прекрасное мессіанское будущее; у насъ великія стремленія и высокіе идеалы, на алтарѣ которыхъ можно принести себя въ жертву; у насъ очень много и ничего, потому что у насъ нѣтъ *людей* для этихъ идеаловъ, для этихъ мыслей, у насъ нѣтъ субъектовъ для этихъ объектовъ.

Высоко-поэтичная мысль возрожденія рветъ передъ нами, юношеская поэзія древняго народа, вѣчная поэма вѣчнаго народа, — а мы рабы, сыны рабовъ, утромъ вносимъ „шекель“, а вечеромъ читаемъ снова тѣ же мертвыя книги“.

Только новое культурное содержаніе можетъ возродить еврейскій народъ; только тогда засохшій стволъ можетъ получить новые жизненные соки. «Переоцѣнка нашихъ цѣнностей», говоритъ въ заключеніи этой статьи Бердичевскій, «улучшить также наше экономическое положеніе. Мы, какъ народъ, можемъ лишь тогда спастись, когда мы станемъ другими людьми. Экономическій горизонтъ долженъ сперва измѣниться *снутри* насъ, а потомъ *со внѣ*»...

Поистинѣ великую мысль хочетъ разъяснить Бердичевскій еврейскому народу. То, что дѣйствительно велико, не переходитъ цѣликомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ унаслѣдованное добро; его нужно постоянно снова оживлять, снова завоевывать, а потому и снова ставить подъ сомнѣніе. Собственные жизненные силы не должны уродоваться прошлымъ. Сколько бы мы ни были обязаны прошлому, мы все-таки должны начинать сначала, чтобы достичь большаго; мы должны и сдѣлать больше. Прошлое нужно только понимать, но нельзя его отождествлять съ настоящимъ.

Развѣ неясно, что даже въ домѣ, который споконъ вѣка хорошо топился, мы должны и сами топить, если не хотимъ замерзнуть? Всегда необходимо имѣть собственный огонь.

Одинъ изъ геніальнѣйшихъ художниковъ нашего времени восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ: «Дѣти создавайте *новое!* и еще разъ создавайте *новое!* Если вы прилѣпитесь къ старому, вамъ овладѣетъ дьяволъ непродуктивности!» «Дѣти, обновляйтесь!»

слышу я въ каждой строчкѣ сочиненій Бердичевскаго: вернитесь къ жизни, къ природѣ, ко всему естественному; не дайте дьяволу традиціи поглотить васъ; замѣйте себѣ, что наступилъ моментъ, когда нельзя далѣе откладывать вопросъ «быть или не быть».

Художники болѣе всего чутки къ жизни. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня замѣчательный романъ «Евреи въ Цирндорфѣ» даровитаго поэта Якова Вассермана, въ особенности одно мѣсто. Здѣсь рассказывается, какъ герой романа разъ вернулся домой къ матери и засталъ тамъ также бѣднаго еврея, приглашеннаго къ праздничному обѣду. «Передъ ней сидѣлъ Іоэльсонъ съ лицомъ аскета, съ тонкими губами, холодными блестящими глазами, съ изогнутыми худыми монашескими пальцами. Онъ мрачно смотрѣлъ впередъ, словно разглядывалъ могилу. И онъ дѣйствительно смотрѣлъ на могилу. Онъ самъ ее вырылъ вмѣстѣ со своими товарищами, чтобы зарывать тамъ въ теченіе тысячелѣтій все, что свободно и красиво. И онъ сидѣлъ тутъ и шепталъ слова Schemino-Essga: Sochreinu lechaim melech chofez bechajim (Помяни насъ къ жизни, Господь, благоволящій къ жизни).

Демоническій хохоть и ангельскія слезы влетены въ это описаніе, описаніе муми, молящей о жизни и не понимающей, чего она собственно хочетъ... Здѣсь можно видѣть и нѣчто символическое. Здѣсь изображенъ цѣлый народъ, «съ лицомъ аскета, тонкими губами, холодными блестящими глазами, худыми изогнутыми пальцами», народъ, шепчущій: Sochreinu lechaim...

А другой еврейскій художникъ, душа котораго воспринимаетъ и тихіе звуки еврейской души, и мрачную глубину еврейской жизни — Каганъ въ Америкѣ — такъ описываетъ еврейскую синагогу и ея обитателей въ своей повѣсти «Импортированный женихъ» («Жизнь», сентябрь и октябрь 1900 г.). «Тутъ же были двое прусимъ съ глухими голосами, пріѣхавшіе въ Америку искать богатства и очутившіеся на содержаніи общины за то, что они посвящали все свое время

«закону и службѣ». Другая кучка людей занята была общимъ разборомъ «словъ закона» и «словъ житейскихъ». Всѣ эти голоса и весь этотъ ропотъ сливались въ нѣчто общее, нѣчто величественное и смѣшное, гдѣ основная нота звучала очень трагично, — двадцать столѣтій брошенныхъ какъ попало, выразилось въ хаосѣ звуковъ и движеній».

«Двадцать столѣтій, брошенныхъ какъ попало» — это то же самое, что продажа своей жизни дьяволу непродуктивности, что царство смерти надъ живнью. Это описаніе столь же символично, какъ и предыдущее. Подобныя же мѣста мы встрѣчаемъ и у Зангвилля. А развѣ все художественное творчество Фейерберга — не есть плачъ надъ «двадцатью столѣтіями, брошенными какъ попало».

Художники, благодаря своей нѣжной организаціи и тонкому чутью, замѣчаютъ прорастаніе и отцвѣтаніе уже въ ту пору, когда «почтенная публика» и «почтенные авторы» и во свѣтъ ихъ не видятъ.

Именно еврейскіе художники возвѣстили намъ, что «старое рушится, и новое расцвѣтаетъ на развалинахъ» — еврейскіе художники, какъ бы они ни назывались: Вассерманъ, Бердичевскій, Зангвилль, Каганъ и Фейербергъ, и гдѣ бы они ни жили: въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Нью Йоркѣ, Берлинѣ и Славутѣ...

V.

Бердичевскій — поэтъ, художникъ съ выдающимися дарованіемъ. Онъ пишетъ кровью, а въ крови духъ. Въ его произведеніяхъ видны и нервы и жилы. Во многихъ мѣстахъ мы видимъ, какъ авторъ съ широкооткрытыми глазами, громкимъ, увѣреннымъ голосомъ, быстро говоритъ во имя жизни, во имя настоящаго, будущаго. А въ другихъ мѣстахъ онъ стоитъ передъ нами мечтательный, тоскующій съ закрытыми глазами и голосомъ, подавленнымъ отъ слезъ, тихимъ, но надрывающимъ душу, плачетъ о еврейскомъ горѣ. Трудно найти другого писателя, въ которомъ такъ мощно отражалась бы скорбь Израиля съ

ей мечтаниями, сомнѣніями, надеждами и тоской. Въ его твореніяхъ звучитъ симфонія рожденія и смерти, горячо желаннаго свиданія и вѣчной разлуки. Старую мать здѣсь вынесутъ на кладбище, чтобы освободить домъ для молодой невѣсты. Во всѣхъ его публицистическихъ произведеніяхъ встрѣчаются прекрасныя лирическія мѣста и элегіи.

„Не знаю, что со мною случилось, но еврейская скорбь, какой я раньше не ощущалъ, пришла и постучалась въ окошко моей одинокой комнаты. Здѣсь у моего маленькаго столика, въ моей маленькой комнатѣ и среди моего маленькаго міра я сижу и слушаю жалобы еврейскаго народа, его долги страданія въ теченіе тысячелѣтій... И всѣ, всѣ приходятъ они молодые и старые, малые и великіе, всѣ-всѣ приходятъ по череду подъ мое окошко, и лица ихъ говорятъ мнѣ о вещахъ, о которыхъ я никогда не слыхалъ, глаза ихъ показываютъ мнѣ вещи, которыхъ никогда не видалъ. Надъ всѣмъ этимъ витаешь глубокой мракъ и мировая скорбь, какой я никогда въ жизни не чувствовалъ и не замѣчалъ даже въ тайникахъ моей души. А надъ всѣмъ этимъ мракомъ — Богъ плачетъ о своихъ сынахъ, прогнанныхъ отъ отцовской трапезы, Богъ скорбитъ, что создалъ человѣка и его жизнь. Не знаю, что со мною! Я не могу дольше выдержать этихъ долгихъ мукъ, этого проклятія жизни, гнетущаго нашу душу. Я не могу выносить себя и свою жизнь, которая съ обѣихъ сторонъ исписана разсказами предковъ, не имѣющими значенія для потомковъ. Не знаю, что произошло со мной и съ моей душой, но все во мнѣ скорбь и страданіе. И это скорбь не только моя—это не скорбь за себя, не за свою отдѣльную жизнь, а скорбь цѣлаго народа, великая народная скорбь ставшая и моею. И мы по большей части страдаемъ изъ-за себя самихъ, за наши внутренніе духовные грѣхи, ставшіе у насъ добрыми нравами. Мы сами виноваты въ своемъ жалкомъ положеніи, въ своей нищетѣ; мы убили въ себѣ все живое, духъ жизни. Душа наша выдохлась благодаря писаніямъ и книгамъ, благодаря словеснымъ отрывкамъ, лежащимъ въ шкапахъ. Иногда мнѣ хочется поднять громкій и горькій вопль въ станѣ Израиля, кричать изо всѣхъ силъ, всей душой: убивайте въ себѣ все чужое, убивайте въ себѣ то, что вы сами себѣ дали. И имъ должно быть дано новое сердце, живое сердце и живая душа, воздухъ жизни и горизонтъ жизни. Но тамъ въ тайникахъ моей души я сомнѣваюсь очень часто и уже не вѣрю въ воскресеніе мертвыхъ костей... Тамъ въ тайникахъ моей души я скорблю о мертвыхъ черепахъ цѣлыхъ поколѣній, которые были набальзамированы и положены въ книжные шкапы. Тамъ глубоко внутри я ощущаю бремя наслѣдства, бремя моей жизни и моей души, которая уже давно изгнана изъ рая. И то, чего я не могу выносить, я люблю всѣми моими силами; то, что хотѣлъ бы разрушить, я не могу разрушить...

„Тамъ, между нашими могилами, я хотѣлъ бы посадить гордые дубы, плодоносныя деревья. Я хочу разрушить наши могилы и внести новую, прекрасную, великолѣпную жизнь въ нашу землю; но въ эту минуту, въ минуту разрушенія, я ощущаю всю поэзію похороненныхъ здѣсь скелетовъ, и даже черви, гложущіе ихъ, облекаются поэзіей. Одной рукой я разрушаю, а другой снимаю свои сандалии, чтобы не осквернить святого мѣста. Я хотѣлъ бы избавиться отъ внутренняго разлада, хотѣлъ бы создавать новыхъ людей и новый народъ, а между тѣмъ я самъ *раздвоенъ* въ душѣ, раздвоенъ навѣки... И опять мнѣ ничего другого не остается, какъ внутренняя скорбь, внутренняя боль

и жалобы. Одиноко живу я тамъ въ своей комнатѣ, на самой отдаленной окраинѣ чужого и нечужого мнѣ города... И я печаленъ до глубины души, до глубины моей жизни, до конца моихъ дней... Дайте мнѣ арфу и скрипку, и я сыграю вамъ пѣсню плача, пѣсню вѣчности, глубокой вѣчности. Дайте мнѣ арфу, и я вамъ спою на водахъ Вавилонскихъ пѣсню о движущемся, но никогда съ мѣста не подвигающемся народѣ. И вы услышите плачь въ моей пѣснѣ. Плачь затишья и скорби передъ грозой... И гроза наступитъ и подыметъ васъ за волосы; гроза надвигается надъ вами и надъ патрами Якова, всѣми отъ мала до велика. Дайте мнѣ арфу и скрипку и я сыграю вамъ пѣсню вѣчности, пѣсню разрушенія. Ибо близится день послѣдній надъ кедрами ливанскими, надъ землей и небомъ, надъ жизнью и тѣнями жизни. И я люблю жизнь, ибо и Господь не можетъ прогнать уничтоженія жизни. Мы хотимъ создать челоуѣка по образу нашему, хотимъ создать народъ по образу нашему! А народъ между тѣмъ погибаетъ, погибаетъ навѣки, падаетъ и скорбитъ, скорбитъ, но не плачетъ, ибо не умѣетъ плакать... Дайте мнѣ лишь клочокъ земли, я пойду туда и тамъ буду выкрикивать мои жалобы, наши жалобы"... („Оцѣвкн" стр. 96).

Тяжело разставаться съ освященной вѣками культурой, но во имя жизни это должно совершиться. «Необходимо разрушить одно святилище», пишетъ въ одномъ мѣстѣ Бердичевскій, «чтобы воздвигнуть другое святилище—вотъ что служить намъ утѣшеніемъ».

Онъ постоянно заканчиваетъ лирическими аккордами:

„Я хочу имѣть „завтра“, „сегодня“, а не только „вчера“... Богатство вчерашняго дня сегодня есть бѣдность, и они не даютъ сдѣлаться богатымъ завтра... Я вѣрю въ моихъ предковъ, въ нашихъ предковъ, я вѣрю, что таковы они были, что оно жили такъ, а не иначе! Но дайте и намъ жить, дайте и намъ просторъ жить по своему, просторъ; гдѣ мы могли бы чувствовать себя независимыми. Оставьте мнѣ мою индивидуальность, мое существо, мою жизнь. Оставьте мнѣ мою душу и возможность утверждать ее. Дайте намъ самимъ создать свою вѣру, и не дѣлайте меня стражемъ наслѣдія предковъ. Ужъ два тысячелѣтія мы все опираемся на плечи другихъ. Мы мелемъ ужъ разъ молотую муку для нашего хлѣба и аппетитъ заимствуемъ у сытыхъ. А я хочу самъ быть голоднымъ, и хочу самъ выпахать новое изъ земли... Я хочу жить по своему и быть самимъ собой, я хочу начать все съ сегодняшняго дня, а не со вчерашняго“. („На рубежѣ" стр. 77).

Не нахожу словъ для оцѣнки этого чувства, этой борьбы его противъ старыхъ изжитыхъ цѣнностей. Какъ мы нуждаемся въ этомъ! Эта древняя традиція погасила огонь еврейскаго интеллекта. Мы имѣемъ много, слишкомъ много книгъ, написанныхъ механически безъ внутренней необходимости.

„Такіе люди, какъ виленскій гаонъ, какъ рабби Акиба Эйгеръ, возможны лишь у насъ“, замѣчаетъ Бердичевскій. „Только у насъ можно такъ много знать безъ тѣни оригинальной мысли“. „Наши писатели показываютъ свои мысли безъ душевнаго участія, безъ душевнаго волненія“.

И эта опасность, грозящая еврею — опасность изсушить свою душу старыми цѣнностями, вдохновляетъ дивныя строки Бердичевского. Его двѣ небольшія статьи «о природѣ» и «о красотѣ» достойны того, чтобы мы ихъ твердили наизусть. Важнѣйшимъ недостаткомъ еврейской жизни онъ считаетъ то, что мы слишкомъ грѣшимъ противъ природы. Природы совершенно нѣтъ въ нашей жизни. Человѣкъ въ еврейской культурѣ совершенно *отрѣзанъ* отъ природы, отдѣленъ отъ міра или стоитъ выше міра. Все у насъ есть вдоволь — человѣкъ, достоинство человѣка, нравы человѣка, цѣли и потребности человѣка, все, что должно имѣть существо, созданное по подобію Бога. Но природы, матери всего живого, которой мы вскормлены, отъ которой мы зависимъ, которой ничтожную часть мы составляемъ, ея-то совершенно нѣтъ въ нашей жизни:

«И когда я вижу ужасное зрѣлище, какъ цѣлый народъ оставилъ Бога міра... природу, мать всего живущаго... свою собственную природу... когда я вижу старыя книги и мысли, которыя изсушили, обезсилили цѣлыя поколѣнія, преградили имъ путь къ жизни; когда я созерцаю душевный складъ этихъ людей, которые двигаются, склонившись къ землѣ, какъ тѣни, въ то время, какъ тамъ, снаружи я вижу всю полноту и богатство природы и міра, жизнь, которая всѣмъ принадлежитъ, и красоту этой жизни, моя душа трепещетъ, мой духъ печалится и тоскуетъ. Собирайтесь всѣ съ востока и запада и смотрите на эту потрясающую трагедію, трагедію цѣлаго народа, умирающаго отъ своего собственнаго богатства, отъ своего духовнаго богатства, съ одной стороны, и отъ бѣдности, съ другой,—придите и взгляните на этихъ людей, которые запретили себѣ наслаждаться природой, прекрасными деревьями и полями. Придите и смотрите, есть ли на свѣтѣ еще такое страданіе, такая мука, такое несчастье, какъ наше. У насъ нѣтъ природы, нѣтъ міра, нѣтъ жизни. Мы потеряли самихъ себя; мы ничего не имѣемъ, благодаря открытію, сдѣланному нами: подыматься за облака и уподобляться божеству“ „Вернитесь обратно къ природѣ, вернитесь обратно къ своей матери, матери всего живого! Помните, что здѣсь нѣтъ двойственности — міръ и человѣкъ, Богъ и человѣкъ, ибо все едино, единственно и всеобъемлюще, все безконечно и безъ начала. Забудьте—именно тогда, когда вы близки къ природѣ, къ вселенной, къ безконечному, вы, подобно ей, обладаете богатствомъ, полнотой, величіемъ и широтой. Не многочисленныя поученія, мысли, обычаи и завѣты приблизятъ насъ къ цѣли, но пониманіе природы—лишь одно это будетъ вѣчно. Наша цѣль заключена въ насъ самихъ, въ нашей жизни, когда мы чувствуемъ себя едиными съ вселенной, съ природой, съ Богомъ, съ міромъ“... „Вернитесь, вернитесь опять къ природѣ, сыны Израиля. Падите предъ ней ницъ и просите прощать васъ за то, что вы два тысячелѣтія ее оскорбляли“.

Въ статьѣ «о красотѣ» онъ опять жалуется, что чрез-

жѣрное преобладаніе ума удерживаетъ насъ вдали отъ красоты жизни, что ради буквы мы отталкиваемъ отъ себя цѣлый міръ, даже красоту. Мы согрѣшили противъ красоты, противъ всего возвышеннаго въ насъ и внѣ насъ, противъ нашего внутренняго стремленія выйти за предѣлы себя и достичь другой красоты, другого величія въ этомъ мірѣ. Наши старыя книги только и думаютъ о томъ, чтобы уничтожить красоту въ насъ самихъ и въ жизни.

„И въ часъ утра и вечера, когда солнце восходитъ и заходитъ—когда заря освѣщаетъ тихое небо, и душа моя трепетно стремится къ красотѣ, къ поэзіи моего міра, ко всему, что этотъ міръ наполняетъ, я вспоминаю о моихъ братьяхъ и оплакиваю ихъ, погребенныхъ въ своихъ книгахъ, погребенныхъ тѣломъ и душой“... И въ тоскующую душу мою прокрадывается надежда, она надвигается все ближе и ближе. И вижу я вдругъ молодое поколѣніе, смѣло двинувшееся въ путь. Это только немногія единицы, рассѣяныя здѣсь и тамъ, но они идутъ, и идеаль прекраснаго пылаетъ въ душѣ ихъ. Я плачу объ отсутствіи красоты, но радуюсь стремленію къ прекрасному. И стремленіе это велико и могуче. „Я плачу и радуюсь“, заключаетъ Бердичевскій, „я радуюсь и плачу“.

Я долженъ замѣтить, что у Бердичевского такія фразы, какъ «я плачу и радуюсь», «я надѣюсь и сомнѣваюсь», всегда оканчиваются словами «я плачу», «я сомнѣваюсь». Не означаетъ ли это отчаяніе? Не хочетъ ли онъ этимъ сказать, что его сомнѣніе сильнѣе его надеждъ?

Всѣ еврейскіе писатели относятся къ Бердичевскому враждебно. Въ «Отсталыхъ» онъ показалъ, какъ почти всѣ они примыкаютъ къ старому и никогда не идутъ впередъ. Онъ раскрылъ также ханжество вновь народившагося типа докторовъ философіи, которыя пишутъ о Ницше, Дюбуа-Реймонѣ и новыхъ цѣнностей, а сами въ качествѣ раввиновъ лицемерно проповѣдуютъ въ синагогахъ старыя цѣнности.

Что этимъ жрецамъ его сочиненія непріятны, ясно для всякаго. Согласно требованіямъ ихъ профессіи, они могутъ говорить только о прошломъ, между тѣмъ какъ онъ выдвигаетъ одни лишь запросы жизни.

Борьба противъ рутины нелегка. Но все, что есть честнаго въ еврейской молодежи, можетъ стать только на сторону Бердичевского.

Она это и сдѣлаетъ—мы надѣмся.

VI.

Удивительно прекрасно и пронизательно то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ Бердичевскій говорить о задачахъ ново-еврейской литературы. Особенно интересны надежды, возлагаемыя имъ на ново-еврейскую поэзію:

„Всѣ мои думы и мысли о нашей жизни въ настоящемъ и прошломъ, объ ея духовныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, всѣ онѣ приводятъ меня къ безнадежному отчаянію; и всѣ мои страданія, все мое національное горе о нашемъ врутреннемъ и внѣшнемъ бытіи приводятъ меня къ чаянію еврейской поэзіи и ея распространенія; и не будетъ ли она новой эта еврейская поэзія, поэзія вѣчнаго народа и вѣчнаго горя... Сердце мнѣ подсказываетъ: когда наше солнце будетъ склоняться къ закату, для насъ взойдетъ новое солнце поэзіи, поэзіи сумерекъ, поэзіи ночи, со всѣмъ печальнымъ покоемъ ночи. Сердце мнѣ подсказываетъ, что крикъ нашихъ погибающихъ сыновъ будетъ слышенъ изъ столѣтія въ столѣтіе: на рѣкахъ вавилонскихъ мы сидѣли и плакали, мы плачемъ еще, мы плачемъ. И этотъ вѣчный плачь, какъ безпредѣльное эхо, будетъ слышенъ во всѣхъ широтахъ безконечности“.

Для этого мы должны стать самими собою, свободными. Мы видимъ, что наши художники и поэты являются людьми, освободившимися отъ уевъ старой жизни, которую они возсоздаютъ въ своихъ твореніяхъ. Они должны стать выше людей и вещей, о которыхъ они повѣствуютъ, которыхъ они изображаютъ:

„Кругъ нашей жизни и дѣятельности такъ тѣсенъ и сдвленъ, такъ ограниченъ, такъ близко примыкаетъ къ какой-нибудь мелко-утилитарной цѣли, что этимъ людямъ совершенно невозможно остаться тѣмъ, чѣмъ они были, чтобы ясно различать вещи и понимать ихъ истинную цѣну. Народъ, который живетъ тысячелѣтія съ закрытыми глазами, послушный талмуду, который въ минуту веселья не долженъ пѣть стиховъ изъ пѣсни пѣсней и считаетъ опаснымъ для души любоваться прекраснымъ деревомъ, прекрасной нивой, такой народъ не можетъ взрастить поэтовъ, которые остались бы вѣрны его духу и воплотили бы его въ поэзіи. Еврейскимъ поэтамъ прежде всего нужна полная свобода, свобода отъ прошедшаго и настоящаго, свобода отъ этой жязни и ея цѣнностей, я разумію свободу, открывающую болѣе широкой горизонтъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ они родились и воспитались“.

Бердичевскій указываетъ намъ на то, что поэты жаргонной литературы обладаютъ болѣе широкимъ горизонтомъ, чѣмъ ново-еврейскіе поэты именно потому, что жаргонъ не имѣетъ культурнаго наслѣдія, и его исходнымъ пунктомъ являются лишь религіозныя книги. Въ національномъ движеніи мы собственно должны бы встрѣтить поэтовъ — свободныхъ и искрен-

нихъ, но къ сожалѣнію этого нѣтъ. Въ просвѣтительную эпоху (въ 60—70-ыхъ годахъ) наши просвѣтители были готовы принести себя въ жертву ради своихъ идеаловъ, теперь въ національномъ движеніи, которое болѣе всего нуждается въ подобныя герои, такихъ людей нѣтъ. Какъ разъ теперь, замѣчаетъ Бердичевскій, появилось у насъ много фальсификаторовъ чувства, именно теперь ново-еврейская литература изобилуетъ опасными ханжами. Теперь они льстиво боготворятъ святыни, въ которыя болѣе не вѣрятъ. Какъ разъ теперь условія въ новоеврейской литературѣ подавляющія. Не даютъ возможности подняться ни одному талантливому человѣку. Надо только повторять и пережевывать старое.

„Къ чему такъ много споровъ объ изящной литературѣ и поэзіи, когда у насъ нѣтъ для нея простора. Къ чему все это, когда ей у насъ нѣтъ мѣста. Намъ нуженъ воздухъ, побольше воздуха, намъ во всякомъ случаѣ нужны первыя необходимыя условія для рожденія поэзіи. Поэзія же сама придетъ“.

Въ этой статьѣ „*השכלה החדשה והמורה לה*“, есть еще много глубокихъ мыслей объ искусствѣ, литературѣ и художественномъ творчествѣ, о формѣ и содержаніи.

Само собой разумѣется, что Бердичевскій, который повсюду ищетъ признаковъ живой человѣческой души, который ищетъ проявленія лучшихъ, благороднѣйшихъ, но въ то же время здоровыхъ и естественныхъ инстинктовъ, долженъ былъ искать симпатичной, съ его точки зрѣнія, эпохи въ еврейской исторіи.

Онъ дѣйствительно искалъ такую эпоху и открылъ ее.

Это—хасидизмъ.

Его сочиненіе «Книга хасидовъ» (*ספר חסידים*) имѣетъ глубокое художественное и историческое значеніе въ ново-еврейской литературѣ. Если бы онъ даже ничего кромѣ этой книги не написалъ, то за нимъ во всякомъ случаѣ осталось бы имя въ высшей степени одареннаго поэта, съ широкимъ философскимъ взглядомъ на вещи.

Въ исторіи человѣчества существуютъ революціи, которыя еще не нашли своего историка. Общественныя, экономическія революціи уже достаточно описаны и комментированы. Не напи-

санной осталась исторія *революцій человеческихъ инстинктовъ*, человеческого чувства, которыя совершаются безъ шума и барабаннаго боя, безъ колокольнаго звона и флаговъ. Такая революція человеческихъ инстинктовъ совершилось у евреевъ въ эпоху хасидизма. Бердичевскій—поэтъ ея, поэтъ чувства, поднявшася изъ глубины народной души и возмущившася противъ иссушающихъ душу, развѣдающихъ умъ и обезображивающихъ жизнь завѣтовъ. Человѣкъ есть око вселенной. Видъ вселенной такимъ образомъ зависитъ отъ человеческого зрѣнія. Человѣческій духъ, подымаясь выше матеріальной формы, приближаетъ человѣка къ его внутреннему существу, къ его индивидуальности, какъ ее создала природа.

„Бываютъ времена, когда человѣкъ забываетъ свое начало, и подобно всѣмъ живымъ существамъ погружается въ матеріальную жизнь, живетъ безъ расчета и сознанія. Но такіе дни не долго продолжаются; ибо въ концѣ концовъ онъ не можетъ удержать своего духа, который напоминаетъ ему объ его индивидуальности и своеобразности. И тогда, когда этотъ духъ повѣстъ на него, его внутренний міръ получаетъ сильный толчекъ, толчекъ вверхъ... Такіе духовные толчки, такое *божественное броженіе*, мы видимъ на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, отъ перваго начала исторіи человѣка и его духа по сей день. Только въ великомъ государствѣ, въ Римѣ, благодаря воинскимъ занятіямъ, не было слышно подобныхъ движеній. У буддистовъ, персовъ, у египтянъ этотъ духъ проявлялся очень сильно. Въ особенности эхо этого духа слышится намъ сквозь туманъ неопалитаниковъ, въ александрийскую эпоху и у родственнаго намъ племени арабовъ“.

Во всѣ времена бывали такіе «духовные толчки»—въ среднія вѣка, въ эпоху возрожденія, въ послѣднія столѣтія, а также и въ наши дни. Эти духовные толчки—возвышенны. Они освящаютъ, возвеличиваютъ человѣка, его духъ и разумъ становятся выше и шире ихъ обычныхъ границъ—благодаря имъ человѣкъ интересуется не только тѣми явленіями въ мірѣ, которыя касаются его потребностей и цѣлей, онъ изслѣдуетъ не только то, что ему полезно, но совершаетъ все безъ личнаго интереса, разсматриваетъ міръ и жизнь внѣ отношенія къ его собственнымъ нуждамъ и потребностямъ. Благодаря имъ онъ покидаетъ свой узкій кругъ, свою близорукость и проникаетъ въ глубины міра, изслѣдуетъ всѣ вопросы бытія. Благодаря имъ онъ вмѣсто формы ставитъ количество, вмѣсто

оболочки ставить содержаніе, и эта внутренняя сущность обнимаетъ собой все и содержитъ въ себѣ все.

„И я съ своей стороны вижу въ долгой борьбѣ человѣка втеченіи всей исторіи только борьбу „внутренняго“ съ его оболочкой, широкаго круга съ узкимъ, абсолютно-единого съ отдѣльнымъ индивидуомъ, который отличенъ отъ абсолюта, но все же прикрѣпленъ къ нему въ своемъ обособленіи и дифференцированіи, который связанъ съ нимъ неразрывно и не можетъ быть отъ него отдѣленъ“.

И еврейскій народъ, несмотря на вѣчную внутреннюю и внѣшнюю борьбу, которая погубила въ немъ лучшія душевныя силы, переживала довольно много такихъ духовныхъ толчковъ. И мы удоставались видѣть небесную красоту, подниматься до вершинъ божества.. Бывало и мы сбрасывали съ себя матеріальную земную ветошь, и насъ оживлялъ высокий подъемъ духа и мы наслаждались лучезарнымъ свѣтомъ божества. И этотъ божественный свѣтъ, ярче всего обнаруживается въ мірѣ хасидизма, въ этомъ мірѣ чистоты и внутренней жизни, въ эту наиболѣе духовную эпоху—последнюю на всемъ протяжении нашей многовѣковой исторіи“.

Въ духовномъ развитіи каждаго народа Бердичевскій ставитъ поэтическое творчество выше логическаго мышленія. Тѣмъ болѣе у евреевъ, которые слишкомъ умны. Поэтому онъ съ такой душевной симпатіей озирается назадъ на эпоху хасидизма; въ ней онъ находитъ жизнь отъ полнаго сердца, поэтическую, возвышенную жизнь. Въ ней обнаружилась истинно полная, человѣческая жизнь еврейскаго человѣка. Евреи слишкомъ заняты внѣшней стороной жизни, никогда не вникаютъ въ глубь явленій, не понимаютъ тайны жизни.

„Въ хасидизмѣ земной кругозоръ еврея расширился и вознесся до небесъ. Онъ (т. е. послѣдователь хасидизма) началъ сознавать, что цѣль жизни вовсе не въ томъ только, чтобы избѣгать зла и сдѣлать добро и относиться къ Богу, какъ къ владыкѣ неба и земли, предписаніе котораго обязанъ исполнять человѣкъ, его сынъ или рабъ. Онъ понялъ, что сущность единенія съ божествомъ выше этихъ измѣняемыхъ и условныхъ формъ, которыя должны въ будущемъ совершенно исчезнуть“.

Эпоха хасидизма есть вѣкъ возрожденія въ еврейской исторіи. Еврей вновь родился. Несмотря на традицію, онъ смотрѣлъ на себя какъ на собственнаго законодателя, который впервые начинаетъ жизнь,—его отношенія къ міру стали свободнѣе. И дѣйствительно, въ хасидизмѣ мы впервые слышимъ смѣхъ еврея, мы видимъ въ первый разъ, какъ еврей вдохновляется природой, подымается до высшей нравственности, далекой однако отъ узкаго, безсердечнаго аскетизма. Еврейскій духъ обновился. Бердичевскій рисуетъ, какъ до-хасид-

скій еврей въ прекрасный весенній день постится и плачетъ, какъ голова его переполнена безконечными запретами и прибавляетъ: «Если мы поставимъ въ эту среду одного изъ первыхъ хасидовъ съ его гордой осанкой, съ его жизненнымъ духомъ, проникающимъ во всю открытую передъ нимъ ширь вселенной, то онъ покажется царемъ въ толпѣ, челоѡвѣкомъ съ лучезарной короной на головѣ среди прозябающихъ во мракѣ».

Введеніе въ «Книгу хасидовъ», которое носитъ заголовокъ «Душа хасидовъ» (דוּחַם חַסִידִים), есть превосходный философски-поэтический этюдъ. Книга сама состоитъ изъ хасидскихъ легендъ, картинъ и фантазій дивной красоты. Въ его фантазіяхъ פְּלֶדֶן יָמִי, רִיטוּר ו др. есть что-то музыкальное. Я еще разъ повторяю, что книга «דוּחַם חַסִידִים» составляетъ эпоху въ новоеврейской литературѣ.

Бердичевскій — выдающійся новеллистъ. Въ его новеллахъ преимущественно представленъ новый еврей — борьба старой культуры съ сильной и великой тоской по новой жизни. Въ его картинахъ много настроенія. Мѣстами его стиль отличается удивительной легкостью и увлекательной лирической красотой. Въ новеллѣ: «Безъ нея» (לְבַלְבָל) заключено столько трагической силы, что она дѣйствуетъ воспламеняюще. Въ новоеврейской литературѣ я не знаю другого поэта, который бы такъ понималъ природу, какъ Бердичевскій. Въ томѣ: «Изъ маленькаго городка», въ небольшихъ эскизахъ мастерски, нѣсколькими штрихами, обрисовано множество типовъ гетто. Самымъ удачнымъ и важнымъ собраніемъ повеллѣ я считаю: «Снаружи, и внутри». Въ ней могучій трагизмъ. Обычный герой Бердичевского это молодой еврей, истерванный, полный противорѣчій, съ разбитой душой.

„Мнѣ остается одно — перестать существовать, но проклятіе жизни надо мной тяготѣетъ, и я не могу перестать. Чего вы хотите отъ меня? Зачѣмъ противъ моей воли вы взрастили во мнѣ любовь къ жизни? Зачѣмъ не могу я умереть? Зачѣмъ? Зачѣмъ? О, Боже! Я молю тебя: возьми у меня мою душу! Возьми у меня мою жизнь! Возьми меня, чтобы я пересталъ существовать! Я не хочу больше жизни! У насъ, у твоихъ сыновъ, которыхъ ты прогналъ отъ твоей трапезы, нѣтъ больше мѣста, гдѣ бы они могли жить... Дай мнѣ напитокъ изъ кубка небытія, но не отъ бытія, — оно хуже, чѣмъ небытіе. Мой голосъ останется неслышаннымъ. Противъ моей воли я долженъ жить, когда содер-

жание у моей жизни уже отнято. Против моей воли я закованъ въ цѣпяхъ бытія, между тѣмъ какъ жизнь уже поблекла“...

Это глубокая скорбь Агасеера, бездомнаго вѣчнаго жида, — но тутъ слышится и крикъ, вызванный муками родовъ. Ибо старый еврей умретъ, и новый придетъ на свѣтъ. Наша разорванность должна прекратиться. Сочиненія Бердичевского — вѣщія. Они имѣютъ будущность.

Мы ждемъ.

VII.

Въ томъ «На перепутьи» имѣется статья, которая озаглавлена «О человѣкѣ». «Я чувствую теперь потребность» — начинается онъ — «поговорить о великой мечтѣ, которая уже давно мнѣ грезится. Говорить о новомъ человѣкѣ, о новомъ человѣкѣ среди евреевъ, или вѣрнѣе: о первомъ возникновеніи новаго человѣка среди насъ именно потому, что мы еврей»...

Что такое человѣкъ? Что такое новый человѣкъ? Что такое новый человѣкъ среди евреевъ? Бердичевскій отвѣчаетъ на эти три вопроса. Человѣкъ есть существо, которое вѣчно создается, развивается. Его внѣшность во всѣ времена одинакова, его внутреннее содержаніе мѣняется въ каждый періодъ исторіи. Еврей время пророковъ отличенъ отъ еврея до дарованія торы, политическій еврей время маккавеевъ былъ отличенъ отъ еврея въ школахъ Явны, испанскій еврей отличенъ отъ раввиниста, а каббалистъ — отъ свободнаго испанскаго еврея. Будистъ и римлянинъ, христіанинъ и грекъ, средневѣковый человѣкъ и человѣкъ возрожденія — всѣ они разные люди. Ибо каждая важная духовная эпоха создаетъ въ исторіи новаго человѣка, который совсѣмъ не похожъ на человѣка прошедшей эпохи. И въ наши дни замѣтно сильное броженіе. Идетъ работа надъ созданіемъ новой культуры. Возникаетъ новый человѣкъ. Новый человѣкъ это тотъ, который по новому мыслить, по новому чувствуетъ, по новому относится къ жизни, къ міру. Новая красота и новая душа или, вѣрнѣе,

обновляющаяся душа. Во всѣхъ націяхъ уже начинаютъ попадаться новые люди. Это лучшіе люди нашего времени.

Но среди насъ, евреевъ, можно ожидать появленія новаго человѣка раньше, чѣмъ среди другихъ національностей. Послѣднихъ со старымъ больше связываетъ политическое, общественное состояніе, территория, національное могущество. Благодаря внѣшнимъ условіямъ, онѣ не въ состояніи совершенно начать снова, во имя *одной* великой, новой мысли отречься отъ стараго. Но у евреевъ, у свободныхъ сыновъ среди евреевъ, которые *вынуждены* мѣнять свои цѣнности, которые шагаютъ черезъ цѣлыя столѣтія — у нихъ броженіе новаго человѣка, новая воля будетъ болѣе сильной и могучей, у нихъ она найдетъ болѣе свободный доступъ.

„Намъ легче снять съ себя старыя цѣпи и начать жить новой народной жизнью. Быть можетъ, мы въ состояніи усвоить себѣ новыя мысли, новую волю, новыя цѣнности и новую жизнь. Это и есть та великая мечта, которая мнѣ грезится и днемъ, и ночью, и утромъ и вечеромъ. Это мой идеалъ и цѣль моей тоски и моихъ стремленій... я мечтаю о человѣкѣ, о новомъ человѣкѣ и его первомъ возникновеніи среди евреевъ. Ибо затѣмъ и существуетъ человѣкъ, чтобы вѣчно обновляться“.

Когда я обзрѣваю все творчество Бердичевского, то онъ мнѣ представляется — какъ это ни странно звучитъ — мертвецомъ, который сидитъ на собственной могилѣ и оплакиваетъ самого себя. Онъ хочетъ перелѣзть черезъ ограду кладбища, ибо издали доносятся, маня и ободряя, свѣтлые звуки жизни. Это потрясающее и трогательное зрѣлище — попытка воскреснуть изъ мертвыхъ. Карабкаясь на заборъ, онъ раздираетъ себѣ руки до крови. Кладбищенскіе сторожа швыряютъ въ него снизу камнями. Онъ обливается кровью, онъ оплакиваетъ мертвыхъ и себя самого, но временами вдругъ раздается его ликующій крикъ: онъ услышалъ, какъ жизнь шумитъ, онъ ощутилъ безграничную красоту вселенной, онъ почувствовалъ, что *одинъ* прыжокъ съ кладбищенскаго забора — и мы спасены для жизни.

И когда солнце восходитъ и заходитъ, когда свѣтаетъ, и вѣтры приносятъ ему отголоски кипучей полной жизни, мертвецъ сидитъ на своей могилѣ, — оплакиваетъ себя самого

и ликуютъ о жизни. Это пляска мертвецовъ—скелеты поютъ гимнъ жизни.

Когда мы съ высоты взираемъ на ландшафтъ, мы восторгаемся его красотой. Мы не знаемъ горя, царящаго въ хижинахъ у подошвы горы. Мы не знаемъ, что, быть можетъ, въ нихъ находятся люди, которые гибнутъ отъ бѣдности, голода и жажды. Чтобы познать это горе, надо спуститься съ горы и проникнуть въ эти хижины. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Бердичевскій стоитъ на горѣ и въ грустномъ мечтаніи созерцаетъ красоту развалинъ, но онъ посѣщаетъ и хижины подъ горой и видитъ великое горе ихъ обитателей. Онъ видитъ не только картину въ цѣломъ, но и каждую маленькую подробность, каждую деталь. Ничто не ускользаетъ отъ его взора. И когда онъ видитъ это горе, изъ его груди вырываются могучіе, печальные, терзающіе сердце звуки.

Въ каждой строчкѣ, имъ написанной, всегда дрожитъ печальный аккордъ еврейскаго горя. Но въ этомъ и состоитъ величіе его произведеній. Говорятъ, что Паганини самыя трогательныя мелодіи исполнялъ на одной струнѣ...

Судьба юныхъ евреевъ, которые слышатъ этотъ аккордъ еврейскаго горя въ своей груди, весьма печальна. Однако мы не приходимъ въ отчаяніе. Мы будемъ прислушиваться къ движеніямъ нашей души: ничто внѣшнее, ничто «вчерашее» намъ не помѣшаетъ, когда въ глубинѣ ея раздастся призывъ

1. Мельникъ.

Сонъ изгнанника.

(The dream of the exiled).

Изъ Джэкобса.

1.

Отчизна милая, прощай!
Тамъ, за пучиной океана,
Окутанъ дымкою тумана—
Ждетъ чуждый насъ, далекий край.

Скрипятъ, свиваются канаты,
Надъ нами плачутъ небеса;
Вотъ якоря уже подняты,
Шумятъ, какъ крылья, паруса.

Вотъ задрожалъ, пришелъ въ движенье
Могучій остовъ корабля;
Свистать пары, еще мгновенье—
Прости родимая земля!

Плеснули волны, зашумѣли,
Раздался мѣрный стукъ колесъ...
И вижу берегъ еле-еле
Я сквозь туманъ горючихъ слезъ.

Глядимъ назадъ, тоскою полны
Въ нѣмомъ отчаяннѣ своемъ.
Корабль быстрѣ рѣжетъ волны,
Уходить берегъ... Мы плывемъ.

2.

Съ недѣлю мы въ открытомъ морѣ;
 Сегодня ночь, какъ день, свѣтла;
 Вверху въ сіяющемъ просторѣ
 Горять свѣтила безъ числа.

Не снится мнѣ въ каютѣ душной,
 А здѣсь—дыханье вѣтерка,
 Градою легкой и воздушной
 Плывутъ надъ моремъ облака.

Сіяютъ звѣзды кроткимъ блескомъ
 Въ прозрачно-мягкой полутьмѣ,
 Морскія волны съ тихимъ плескомъ
 Какъ-будто ластятся къ кормѣ.

Лежу я близъ канатной связки,
 Надъ головой подвѣшенъ челнъ,
 И вѣть дремой, полной ласки
 Гармонія гѣвучихъ волнъ.

Не край съ кипучей суетою—
 Мнѣ снятся мирныя поля;
 Я уношусь къ тебѣ мечтою,
 Обѣтованная земля!

3.

Листвы маслинъ
 Среди долинъ
 Священныхъ Палестины;
 И звонъ ключей,
 И блескъ лучей...
 О, дивныя картины!

Иордана снѣгъ,
 Пески пустынь
 Горять, какъ золотые;

Встають окрестъ
Изъ дальнихъ мѣстъ
Тамъ призраки святыя.

Тамъ пѣлъ Давидъ;
Еще звучитъ
Въ вѣтвяхъ плакучей ивы
Той арфы звонъ;
Не умеръ онъ,
Его напѣвы—живы.

Звучитъ нацѣвъ,
Не скорбь и гнѣвъ—
Надежду онъ вселяетъ.
Въ святой тиши
Весь гнетъ души
Въ слезахъ онъ растопляетъ.

О, Боже силъ,
Не тѣмъ, что былъ,
Возстану я изъ праха;
Вдали сквозь мракъ
Блеститъ маякъ,—
И я плыву безъ страха.

О. Чюмина.

Библиографія.

С. М. Дубновъ. Учебникъ Еврейской Исторіи для школы и самообразованія. Часть III. Средніе вѣка и новое время. Одесса 1901.

Разборъ учебника г. Дубнова представляется мнѣ задачей далеко не легкою: хотя я и состою преподавателемъ исторіи уже много лѣтъ, однако мнѣ никогда не приходилось преподавать исторію «евреевъ», за исключеніемъ того сравнительно небольшого періода ея, который, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко проходятъ въ курсѣ «Древней Исторіи» нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Поэтому буду говорить здѣсь какъ теоретикъ въ данной области, примѣняя къ разбираемому учебнику г. Дубнова общепедагогическія требованія.

Учебникъ исторіи долженъ, по моему, удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ. Онъ долженъ быть сжатымъ, т. е. давать достаточное обиліе характернѣйшаго матеріала для выясненія взаимной связи событій и освѣщенія цѣлой группы ихъ въ извѣстные періоды: такимъ образомъ, наилучше выясняется значеніе отдѣльныхъ эпохъ и прагматическій элементъ въ исторіи. Матеріалъ долженъ быть распределенъ конспективно, чтобы учащіеся могли легко ориентироваться въ немъ. Форма изложенія должна быть, конечно, особенно ясною, не заключать въ себѣ непонятныхъ дѣтямъ выраженій и иностранныхъ словъ и, въ случаѣ невозможности ихъ избѣгнуть, давать немедленно, тутъ же, точное и полное опредѣленіе ихъ значенія. Рядомъ съ этимъ эпическій, спокойный тонъ укажетъ на объективность изложенія и отсутствіе всякой тенденціозности у составителя. Если онъ притомъ сумеетъ извлечь изъ массы историческаго матеріала наиболѣе интересные факты и представить ихъ въ достаточно ясному освѣщеніи, такъ что историческія лица и событія приобретутъ жизненную реальность, то его трудъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ и можетъ претендовать на почетное мѣсто

среди нашей далеко не богатой, чтобы не сказать прямо—бѣдной, учебной литературы по исторіи.

Внимательно прочитавъ и перечитавъ III часть руководства г. Дубнова, я долженъ признаться, что книга произвела на меня болѣе чѣмъ отрадное впечатлѣніе. При вторичномъ чтеніи, когда я уже не останавливался на мелочахъ и мелкихъ, неизбежныхъ въ новомъ дѣлѣ, промахахъ, а старался составить себѣ ясное представленіе о томъ дѣйствіи, которое произведетъ работа автора на нешкольнаго, взрослого читателя, я пришелъ къ выводу, что «Учебникъ Еврейской Исторіи» г. Дубнова можно и слѣдуетъ смѣло рекомендовать всякому лицу, впервые берущемуся за изученіе еврейскаго прошлаго, другими словами, что «Учебникъ» вполне пригоденъ для цѣлей самообразованія. Общее впечатлѣніе отъ книги получается замѣчательно цѣльное и полное. Отдѣльныя эпохи очерчены крупными штрихами и рельефно выступаютъ на общемъ фонѣ исторіи всеобщей. Отдѣльные эпизоды глубоко запечатлѣваются въ душѣ читателя, производя мѣстами неизгладимое впечатлѣніе (напр., характеристики Саадія, Маймонида, Саббатая Цви). Написать въ сжатомъ видѣ исторію евреевъ, да еще въдобавокъ средневѣковую и современную, задача положительна труднѣйшая, тѣмъ болѣе, что жизнь евреевъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ историческими судьбами тѣхъ народовъ, среди которыхъ они жили. Далѣе, извѣстно, что исторія евреевъ не обладаетъ яркими фактами изъ области военной или политической жизни. Напротивъ, это исторія народа-мыслителя, и его судьбы въ сущности слагаются почти исключительно изъ данныхъ умственного, отвлеченнаго характера. Это въ полномъ смыслѣ своего рода исторія религіозно-философскихъ идей, заключающихся въ самой сущности іудаизма и проявляющихся и разрабатывающихся подъ влияніемъ того или иного, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отрицательнаго политическаго событія. Чѣмъ болѣе евреевъ гнали, преслѣдовали и унижали, тѣмъ болѣе они замыкались въ себѣ, поддерживая себя наукою и религіею, находя въ нихъ утѣшеніе и силы для дальнѣйшаго существованія и жизненной борьбы. Еврейская исторія—исторія идей, и представить ее въ удобопонятной даже дѣтскому и юношескому возрасту формѣ, задача великая, но трудная.

С. М. Дубновъ со свойственной ему талантливостью справился съ нею и преодолѣлъ почти всѣ трудности, встрѣчавшіяся ему на пути его. Сжатость и вмѣстѣ съ тѣмъ полнота фактовъ, подобранныхъ умѣло рукою даровитаго историка-популяризатора, при полной объективности изложенія, отсутствіе всякой тенденціозности, въ которую такъ легко впасть еврею, пишущему для евреевъ, и достаточная конспективность распределенія матеріала—все это не можетъ остаться незамѣченнымъ. Къ указаннымъ достоинствамъ руководства, о которомъ

самъ авторъ говорить въ предисловіи: «чтобы сохранить эту (прагматическую) связь и дѣйствовать больше на мысль, чѣмъ на память учащихъ, я излагалъ исторію евреевъ въ разныхъ странахъ синхронически, причемъ старался дать побольше характеристикъ главныхъ общественныхъ и умственныхъ движеній, не гоняясь за полнотою въ деталяхъ», слѣдуетъ присоединить удивительную ясность и простоту языка.

Позволю себѣ однако привести здѣсь нѣсколько замѣчаній, за которыя да не посѣтуетъ на меня почтенный авторъ. Недостатки его книги въ сущности маловажны; къ тому же ихъ весьма легко устранить въ ближайшемъ изданіи «Учебника», которое, надо думать, не долго заставитъ себя ждать. Почему авторъ въ началѣ своего труда нѣсколько разъ (стр. 3, 4, 5) объясняетъ различныя историческія явленія изъ жизни евреевъ якобы *мстительностью* послѣднихъ? Мнѣ кажется, что это и односторонне, и неправильно, такъ какъ противорѣчитъ духу іудазма, и въ учебникѣ во всякомъ случаѣ неумѣстно. Если же называть людей, отличающихся мстительностью, храбрыми, какъ это сдѣлано, на примѣръ, по отношенію къ наложницѣ Магомета, еврейкѣ Зайнабѣ (стр. 5), то это прямо-таки педагогическій lapsus calami. То же самое сказалъ бы я и о неудачномъ выраженіи (стр. 7) «осталась въ живыхъ только вдова убитаго экзиларха Хапиная, которая была *беременная*». А что, если шустрый мальчуганъ въ одномъ изъ классовъ низшаго училища, для котораго, между прочимъ, предназначается книга г. Дубнова, потребуетъ объясненія отмѣченнаго слова у своего учителя?

Такія объясненія во всякомъ случаѣ окажутся необходимыми: на стр. 8 не пояснено выраженіе «глава изгнанниковъ», хотя рядомъ употребляется синонимъ его «экзилархъ». На стр. 3 Юстиніановъ кодексъ названъ «извѣстнымъ» сводомъ государственныхъ законовъ. Смѣю по личному опыту увѣрить г. Дубнова, что даже ученикамъ VI класса гимназій далеко не безъ труда дается усвоеніе содержанія Юстиніанова кодекса, который они всегда путаютъ съ Помоканономъ. Употребленное на стр. 23 выраженіе «гражданское» положеніе своихъ единовѣрцевъ должно быть признано также неяснымъ и нуждающимся въ детальномъ опредѣленіи и выясненіи. На стр. 51 сказано «Французскіе и германскіе евреи, въ отличіе отъ испанскихъ, пренебрегали свѣтскими науками и философіею, удѣляя главное вниманіе Талмуду». Это совершенно вѣрно, но слѣдовало бы мотивировать такую бросающуюся въ глаза мысль. Толковый учитель на урокѣ, понятно, объяснитъ подобное мѣсто своимъ ученикамъ, а какъ быть тѣмъ, которые прочтутъ «Учебникъ» въ цѣляхъ самообразованія? На стр. 100 цитируются Апокалипсисъ, въ какъ нѣчто якобы вполне знакомое еврейскимъ дѣтямъ. Это—промахъ, который весьма легко устранить въ будущихъ изданіяхъ. Столь же неудачны и легко исправимы не только

литературныя выраженія: стр. 40 «получилъ званіе императора (въ тому же это невѣрно исторически: Карлъ Великій задолго до Оттона короновался императорскою короною); стр. 94: «Иосифъ Наси... приобрѣлъ дипломатическія способности»; стр. 98, «юноша держался *отшельнической* системы Ари и Виталія» и нѣк. др.

Есть въ книгѣ г. Дубнова и историческія неправильности, Сюда относится, на стр. 9 утверженіе, будто «Талмудъ такимъ образомъ сдѣлался священною книгою для народа», и это повторяется, хотя уже не столь категорически на стр. 10. Тутъ же, говоря о возникновеніи караимства, г. Дубновъ ни словомъ не обмолвился о вліяніи шиитовъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ недостаточнаго отгѣненія вліянія мусульманскаго богословія на раввинизмъ, глава II вообще весьма слаба. На стр. 21 Менахемъ б. Сарукъ названъ авторомъ перваго словаря древне-еврейскаго языка, причемъ раньше въ характеристикѣ Саадія ни слова не сказано объ его Сеферъ Эгронѣ. Говоря, на стр. 110 о Спинозѣ, г. Дубновъ заявляетъ: «Но евреи того времени не могли принять ученіе своего отлученнаго единовѣрца. Они слишкомъ страдали за свою религію, чтобы рѣшиться измѣнить ее по требованіямъ философскаго разума». Это совершенно невѣрно. Вся исторія евреевъ въ Испаніи можетъ служить опроверженіемъ этого. Здѣсь недостаточно ясно или вовсе не отмѣчена роль каббалистической философій, сильно тогда распространенной среди евреевъ.

На стр. 113 Лютеру ошибочно приписывается то, чего никогда не было («онъ самъ сталъ претендовать на роль непогрѣшимаго папы для протестантовъ»), а на стр. 154 Берне и Гейне названы «величайшими писателями тогдашней Германіи», причемъ сейчасъ же сказано: «Гейне, лучший *послѣ Гете* вѣмекій поэтъ...». Тутъ явное противорѣчіе.

Въ одной изъ интереснѣйшихъ главъ учебника, именно въ заключительной, посвященной обзору главнѣйшихъ событій 19-го вѣка, недостаточно выдвинутъ политико-экономическій элементъ въ возникновеніи антисемитизма. Конечно, вдумчивый читатель и самъ сдѣлаетъ соответствующій выводъ изъ словъ г. Дубнова, но, по моему, слѣдовало бы развить замѣченную мысль. Эпизодъ съ капитаномъ Дрейфусомъ можно было бы и вовсе обойти молчаніемъ. За то въ характеристикѣ такого корифея мысли, какъ Соломонъ Ибнъ-Гебироль (стр. 24), непременно нужно будетъ выяснитъ рационалистическое направленіе философа, его вліяніе на средневѣковую схоластику и особенно на каббалистическую философію евреевъ. Связь Гебироля съ арабскими мыслителями совершенно не отмѣчена.

Вотъ и всѣ замѣчанія, которыя я могу сдѣлать по поводу книги г. Дубнова. Какъ уже сказано, все это мелочи, тонущія въ обиліи прекрасно разработаннаго матеріала руководства, которое въ

виду многих своих положительных качеств несомненно вытѣснить всѣ остальные, имѣющіеся у насъ въ Россіи, учебники по исторіи евреевъ, не удовлетворяющіе даже самымъ элементарнымъ требованіямъ педагогки. Отъ души желаю книгѣ г. Дубнова самаго широкаго, вполне заслуженнаго ею успѣха.

Г. Генкель.

D-r D. Chwolson. *Die Blutanklage und sonstige mittelalterliche Beschuldigungen der Juden*. Eine historische Untersuchung nach den Quellen. Nach der zweiten vielfach veränderten und verbesserten Ausgabe von 1880 aus dem Russischen übersetzt und mit vielen Verbesserungen und Zusätzen vom Autor versehen. Frankfurt a. M. 1901. J. Kaufmann.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла нѣсколько времени тому назадъ на нѣмецкомъ языкѣ знаменитая книга нашего маститаго гебраиста проф. Д. А. Хвольсона «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». Русское изданіе этого труда, впервые появившееся въ 1861 и затѣмъ, въ значительно переработанномъ и дополненномъ (почти вдвое) видѣ, въ 1880 году сразу обратило на себя вниманіе печати и читающей публики, вызвало цѣлый рядъ серьезныхъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Церковномъ Вѣстникѣ», «Разсвѣтѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и др. периодическихъ изданіяхъ и сдѣлало имя ученаго автора популярнымъ, какъ среди не-евреевъ, такъ особенно между русскими евреями. Говорить о достоинствахъ означенной книги поэтому здѣсь совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что пришлось бы по вторять давнымъ-давно извѣстныя вещи. Самъ проф. Хвольсонъ въ предисловіи къ II русскому изданію весьма подробно передаетъ исторію возникновенія своего труда, который доселѣ является классическимъ, по выбору, и въ особенности по умѣлой группировкѣ недоступнаго большинству читающей публики матеріала.

Что же побудило Д. А. Хвольсона черезъ 20 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ русскаго изданія выпустить его въ нѣмецкомъ переводѣ? Съ нескрываемою скорбью авторъ указываетъ на участвовавшія на порогѣ XX столѣтія, даже на западѣ, приснопамятные случаи обвиненія цѣлаго ряда лицъ въ ритуальномъ убійствѣ, какъ на поводъ къ обнародованію его труда на нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ на стр. XIII—XIV своего нѣмецкаго «предисловія»:

«Въ концѣ моего «введенія» (къ русскому изданію) я говорилъ о «давно исчезнушемъ на западѣ Европы предрасудкѣ» и замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что подобное обвиненіе изрѣдка по-является теперь и то только «въ полумцивилизованныхъ странахъ». Прошло немного лѣтъ, и я замѣтилъ, какъ сильно я ошибся.

Даже въ *Германіи*, странѣ всеобщей образованности и высшей учевости, гдѣ въ области науки о религіи и исторіи замѣчается наиболѣе сильная критика, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія дважды обвинили евреевъ въ употребленіи христіанской крови съ религиозною цѣлью! Раньше я считалъ бы подобный фактъ *невозможнымъ*. Поэтому приходится сознаться, что то, что мы называемъ «образованіемъ», т. е. наличность извѣстной совокупности познаній, само по себѣ отнюдь еще *не есть истинное образованіе*. Последнее сводится къ «*внутреннему развитію*» (въ составъ его входитъ также стремленіе къ идеальнымъ благамъ), а такое развитіе теперь болѣе не наблюдается въ Европѣ, встрѣчаясь, быть можетъ, гораздо рѣже, чѣмъ въ самыя мрачныя эпохи средневѣковья. Я вовсе не принадлежу къ числу тѣхъ стариковъ, которые считаютъ современное поколѣніе худшимъ въ сравненіи съ предшествовавшимъ (хотя нынѣшнее и менѣе идеалистично настроено, чѣмъ то). Но я утверждаю, что теперь *дурные люди*, особенно тѣ, что ходятъ во фракахъ, гораздо, гораздо хуже прежнихъ дурныхъ людей. Ложь и клевета достигли теперь верха совершенства, и можно назвать, рядъ лицъ, достигшихъ въ этой области прямо таки извѣстной виртуозности. Эта виртуозность понемногу, къ сожалѣнію, распространилась повсюду, даже въ такихъ странахъ, жители которыхъ въ массѣ съ полнымъ правомъ говорили и теперь еще говорятъ съ гордостью о своей честности и правдивости. Честный человѣкъ совершенно беззащитенъ противъ лжи и клеветы, такъ какъ онъ вѣдь не станетъ бороться подобнымъ же оружіемъ. Суды ограждаютъ личность отдѣльнаго человѣка, но очень рѣдко въ состояніи реабилитировать честь обиженнаго и оклеветаннаго народа какъ такового. Въ виду этого новаго грустнаго умственного омраченія общества многія лица обратились ко мнѣ съ предложеніемъ приступить къ *нѣмецкому* изданію своей книги, что я раньше считалъ совершенно излишнимъ».

Нельзя не порадоваться, что трудъ русскаго ученаго будетъ принятъ и по достоинству оцѣненъ за границею, и можно пожалѣть лишь о томъ, что эта классическая книга въ нѣмецкомъ изданіи будетъ полнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Проф. Хвольсонъ за всѣ тѣ 20 лѣтъ, которыя прошли со времени изданія послѣдняго, не переставалъ слѣдить за вопросомъ о такъ называемомъ ритуальномъ убійствѣ и дѣлалъ себѣ въ этомъ отношеніи различныя отмѣтки и записи. Весь такимъ образомъ накопившійся у него матеріалъ былъ имъ использованъ и искусно вплетенъ либо въ самый текстъ книги, либо помѣщенъ въ цѣломъ рядѣ порою весьма цѣнныхъ примѣчаній, число которыхъ, сравнительно съ русскимъ изданіемъ, увеличилось почти на одну треть. Особенно важны эти цитаты вслѣдствіе исправленія ряда погрѣшностей чисто корректурнаго свойства, неизбѣжныхъ въ каждой большой

книгъ, а также по обилію библиографическихъ указаній новѣйшихъ трудовъ по ритуальному вопросу, а также по исторіи, экзегетикѣ и литературѣ евреевъ.

Всѣ новыя данныя, добытыя ученымъ авторомъ въ теченіе ряда лѣтъ въ работѣ надъ вопросомъ о послѣдней пасхальной вечери Спасителя, и собранныя и обработанныя имъ затѣмъ въ его интересномъ вышедшемъ въ 1892 году изслѣдованіи «Das letzte Passahmahl Christi», вошли также въ составъ подлежащей книги. Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи сказанное на стр. 47—48 относительно частныхъ и нерѣдко весьма дружественныхъ сношеній древнихъ палестинскихъ раввиновъ II вѣка послѣ Р. Хр. съ христіанами.

Понятно, что многое, интересовавшее русскихъ читателей въ книгѣ проф. Хвольсона, не могло бы остановить на себѣ вниманіе нѣмецкой публики. Такія мѣста переданы либо въ сокращенномъ видѣ, либо совсѣмъ пропущены. Такъ, напримѣръ, корейной переработкѣ подверглось предисловіе къ II русскому изданію. Вся исторія написанія книги и весь личный элементъ (относительно князя Н. Н. Голицына), бывшій въ русскомъ изданіи вполне умѣстнымъ, передана весьма сжато, а послѣдній эпизодъ и вовсе выброшенъ. Въ «Послѣсловіи» мы замѣчаемъ также нѣсколько, впрочемъ, не особенно существенныхъ дополненій. Во всякомъ случаѣ нѣмецкая обработка русской книги сдѣлана по существу настолько умѣло, на сколько этого и можно было ожидать отъ опытнаго, стараго писателя.

Мы нарочно употребили сейчасъ выраженіе «по существу»: по формѣ своей, по стилю нѣмецкое изданіе книги представляетъ много промаховъ и недочетовъ. Авторъ, впрочемъ, и самъ прекрасно сознаетъ это и дѣлаетъ по поводу этого пункта оговорки въ своемъ предисловіи. Онъ подробно рассказываетъ о томъ, какъ онъ поручилъ перевести свой русский трудъ какому-то русскому нѣмцу, учителю среднеучебнаго заведенія, и какъ этотъ переводчикъ испортилъ порученное ему дѣло. Затѣмъ г. Хвольсонъ сообщаетъ, что исправленіе перевода было поручено имъ двумъ жителямъ Вѣны, которые и сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы исправить оригиналъ, пока проф. Хвольсонъ находился въ какомъ-то нѣмецкомъ курортѣ. Конечно, все это снимаетъ съ проф. Хвольсона отвѣтственность за виѣшность его книги. Но мы тутъ же должны сказать, что снимаетъ ее лишь отчасти. Въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ тотъ, которому посвящена нѣмецкая обработка книги проф. Хвольсона, само собою разумѣется необходимо поставить дѣло такъ, чтобы рѣшительно никто изъ противниковъ автора, который самъ откровенно признаетъ вѣроятность цѣлага ряда возраженій со стороны присяжныхъ антисемитовъ, не имѣлъ *ни малѣйшаго* повода къ какимъ бы то ни было хотя бы формальнымъ нападкамъ. Ссылки на отда-

ленность крупнаго центра, гдѣ есть необходимыя книги и пособия никоимъ образомъ не могутъ служить оправданіемъ автору. Если бы послѣдній на заглавномъ листѣ книги не упомянулъ о себѣ самомъ, какъ о редакторѣ перевода и авторѣ сдѣланныхъ въ немъ исправленій, то затронутый здѣсь пунктъ былъ бы весьма мало важенъ. Теперь же отвѣтственность, какъ это ни грустно, падаетъ все-таки на проф. Хвольсона, и это тѣмъ болѣе обидно, что профессоръ, какъ я знаю по личному опыту въ качествѣ бывшаго слушателя его, владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ русскимъ. Миѣ даже помнится, что почтенный ученый всѣ свои труды первоначально писалъ по-нѣмецки, а затѣмъ уже поручалъ ихъ переводъ на русскій языкъ кому нибудь изъ своихъ учениковъ или родныхъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что книга «Die Blutanklage», изданная извѣстною франкфуртскою фирмою по баснословно дешевой цѣнѣ, распродается въ самомъ непродолжительномъ времени и потребуетъ, вѣроятно, еще цѣлаго ряда изданій. Тогда то и придется озаботиться о болѣе приличной внѣшней обработкѣ текста.

Мы и съ своей стороны пожелаемъ книгѣ самаго полного успѣха; она заслуживаетъ, его какъ по обилію данныхъ, такъ и по ихъ умѣлой группировкѣ, особенно же по той искренности, которою вѣдетъ отъ каждой ея страницы.

Г. Генкель.

תורה ודעה или „*Экзегетика и этика въ пятикнижии*“.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло недавно собраніе рѣчей плодовитаго раввина Х. Г. Либшица. Собственно говоря, русское названіе, — «Экзегетика и этика» — не соответствуетъ содержанію книги, состоящей изъ гомилетическихъ рѣчей и практическихъ рѣшеній изъ области Галахи, расположенныхъ по субботнимъ отдѣламъ пятикнижія; еще менѣе названіе это согласно съ буквальнымъ смысломъ словъ *תורה ודעה*, означающихъ «теорія и практика», но дѣло, разумѣется, не въ названіи книги, а въ ея внутреннемъ достоинствѣ.

Жаловаться на недостатокъ этого рода произведеній, намъ, евреямъ, нельзя; скорѣе замѣчается у насъ въ этомъ отношеніи *Hyperproduction*. Да, этотъ родъ словесности, духовное краснорѣчіе, — часто еврейскаго происхожденія; ни греки, ни римляне не имѣли о немъ понятія. Творцами религиозно-правственной проповѣди были вдохновенные пророки Израіля, внесшіе въ соприкосновеніи общечеловѣческой культуры самыя существенныя ея начала: монотеизмъ и альтруизмъ. Темой для этой проповѣди служила сама жизнь съ ея разнообразными явленіями, съ ея временными и вѣчными проблемами, съ ея мѣстными и мировыми вопросами; но съ особой силою ратовали пророки противъ суеты

вѣрія и ханжества, противъ угнетенія слабого сильнымъ, бѣднаго богатымъ, вообще противъ всякой неправды и безсердечія людскаго. Затѣмъ стражами благочестія и нравственности, будителями народной совѣсти, явились представители школы и синагогальныя проповѣдники, которые въ своихъ «Agadoth» и «Midroschim» («сказаніяхъ» и «толкованіяхъ») продолжали дѣло пророковъ, примѣняя ихъ изреченія къ современнымъ условіямъ. Форма проповѣдей измѣнилась, но цѣль и содержаніе остались тѣ же. Уступая пророкамъ въ поэтической силѣ, въ мощи слова, агадисты отличались сердечностью и знаніемъ народныхъ скорбей и чаяній, и рѣчь ихъ, разнообразная по содержанію и формѣ, отзывчивая на всѣ народныя недуги, стала очень популярною среди евреевъ послужила въ свою очередь, какъ прежде Св. Писаніе, обильнымъ источникомъ и предметомъ изученія и толкованія позднѣйшихъ раввиновъ и проповѣдниковъ.

Когда въ польско-еврейскихъ школахъ начало преобладать схоластическое направленіе, синагогальная проповѣдь, къ сожалѣнію, превратилась въ сухое, часто превратное толкованіе библіи и агады, въ софистическія пренія, въ умственное акробатство, и раввинъ проповѣдникъ, забывая свое назначеніе—«провозглашать любви и правды чистыя ученія» и «глаголомъ жечь сердца людей», стремился только бросать съ амвона пыль въ глаза, отуманивать своихъ слушателей множествомъ цитатъ, изумлять всезнайствомъ, остроуміемъ и диалектическими способностями. Неудивительно поэтому, что сочиненія этого рода не привлекаютъ читающей публики и игнорируются прессою.

Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ сочиненіе г. Либшица. Авторъ хотя не отступаетъ въ построеніи своихъ рѣчей отъ стараго шаблона, но въ старне мѣхи онъ часто вливаетъ новое вино. Обладая, при рѣдкой эрудиціи во всѣхъ областяхъ раввинской письменности, и общими познаніями, онъ умѣетъ не только удачно толковать трудныя мѣста изъ библіи и талмуда, но и примѣнять ихъ искусно къ разъясненію различныхъ этическихъ и общественныхъ вопросовъ. Авторъ въ предисловіи говорить, что толкованіе Св. Писанія и талмуда въ проповѣдяхъ, какъ бы осторожно оно ни было, само по себѣ бесполезно, если оно не имѣетъ въ виду главной цѣли—наставленія и назиданія слушателей, и сообразно этому взгляду, каждая проповѣдь его составляетъ разборъ какой либо темы изъ общественной или религіозной жизни, причемъ онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы указывать на наши недуги, матеріальныя и духовныя, и бичевать пороки и индифферентизмъ, гдѣ бы онъ его ни встрѣчалъ, въ средѣ ли ортодоксовъ или прогрессистовъ. Благодаря его мастерскому слогу, чуждому всякихъ фразъ, и ясному, логическому уму, рѣчи его всѣ привлекательны, убѣдительны, цѣльны и вы-

держаны. Вотъ нѣкоторыя темы, разработанныя въ изданныхъ двухъ томахъ «לחולתן שנתל»: сотвореніе міра и его цѣль; о назначеніи человѣка; семья и ея назначеніе; призваніе Израиля; о клеветникахъ, сѣющихъ раздоръ въ обществѣ; о зависти между братьями и о преслѣдованіи во имя религіи; о пророкахъ еврейскихъ и языческихъ; объ общественныхъ дѣятеляхъ и ихъ завистникахъ; начало пророчества во Израилѣ и Моисей; нравственныя начала въ зависимости отъ времени и мѣста; значеніе исхода изъ Египта; о вѣнмыхъ благодѣтеляхъ среди евреевъ и другихъ народовъ древности; заповѣдь любви къ ближнему у евреевъ и прочихъ народовъ; Амалекъ и современный антисемитизмъ; различные виды благотворительности и проч.

Считаемъ полезнымъ обратить вниманіе нашихъ молодыхъ проповѣдниковъ и общественныхъ раввиновъ на это талантливое сочиненіе, они найдутъ въ немъ цѣнный матеріалъ для своихъ проповѣдей, много дѣльныхъ указаній на различныя стороны еврейской жизни, а также много удачныхъ объясненій темныхъ мѣстъ Св. Писанія и талмуда. Большую цѣнность придаетъ этой книгѣ приложенный къ ней полный списокъ всѣхъ мѣстъ изъ библіи, талмуда, мидрашимъ и алутиимъ, приведенныхъ и объясненныхъ авторомъ.

А. Паперна.

Еврейскій Ежегодникъ на 5662 г.—ה'תרס"ב. Справочный и литературный альманахъ съ иллюстраціями. Изданіе Иосифа Лурье. С.-Петербургъ, 1901. 432 стр. in. 8°. Цѣна 1 рубль.

Кромѣ чисто-календарныхъ свѣдѣній «Ежегодникъ» г. Лурье даетъ цѣлый рядъ статей беллетристическаго, научнаго и публицистическаго содержанія. Судя по предисловію «Отъ редакціи»—«Еврейскій Ежегодникъ» будетъ продолженіемъ «Еврейскаго календаря Гурлянда» и явится съ одной стороны «отраженіемъ главнѣйшихъ явленій еврейской жизни», а съ другой—популяризаторомъ «еврейскихъ авторовъ-классиковъ». Вышедшій первый выпускъ и старается удовлетворить обѣимъ задачамъ, календарной и литературной. Въ календарной части мы находимъ подробное перечисленіе дней года съ указаніемъ еврейскихъ чиселъ, праздниковъ, молитвъ, обрядовъ, ежесубботнихъ чтеній и гафторосъ, чистые листки «для памяти», правила почты и телеграфа, законы о евреяхъ, подробное, даже слишкомъ подробное, изложеніе новаго гербоваго устава, лѣтопись за прошлый годъ, обзоръ иностранной жизни за прошлый годъ, сионистское движеніе, реколонизація (обратите вниманіе: не «колонизація», а «реколонизація») Палестины, некрологи и проч. Во второй части имѣемъ статьи (почти исключительно переводныя) Фруга, Переца, Абрамовича,

Смоленкина, Лившица, Фридмана, Эпштейна. Среди иллюстраций даны: С.-Петербургская синагога, Китайская синагога (три китайских рисунка), китайские евреи, «национальная» библиотека в Иерусалиме, карта Палестины и еврейских колоний, а также портреты: гг. Гаркави, Рюльфа, Левина, Дробкина, Шулмана, Переца и Соловьева. Есть даже «портрет» Маймонида в чалмѣ съ бритыми баками: откуда взять этотъ «курьезный портретъ» и зачѣмъ онъ попалъ въ «Ежегодникъ», покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ общемъ содержаніе довольно разнообразное и интересное. То же должно сказать и о беллетристикѣ, занимающей приблизительно треть «Ежегодника». Граціозныя вещицы Переца, Абрамовича и Фришмана читаются съ большимъ интересомъ. Два мѣсяца возможны относительно самой крупной пьесы «Ежегодника» — разсказа Смоленкина «Пробужденіе»¹⁾. Написанъ разсказъ талантливо, какъ и можно было ожидать отъ Смоленкина, нѣкоторыя сцены производятъ сильное впечатлѣніе, но въ общемъ герои очерчены очень слабо, жизненная правда принесена въ жертву націоналистской тенденціи. Рѣчь идетъ о пробужденіи нѣкоего студента, сдѣлавшагося изъ яраго ассимилятора убѣжденнымъ націоналистомъ подъ вліяніемъ погрома, уничтожившаго его родной домъ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ «оскорбленія дѣйствіемъ», нанесеннаго ему въ домъ престарелой, но бездушной «румынки», къ которой онъ былъ не совѣмъ равнодушенъ.

Въ общемъ — фабула весьма простая; герой — неестественно пустоголовый студентъ, не привлекающій къ себѣ симпатій ни до, ни даже послѣ «пробужденія»; но отдѣльные сцены, названные на эту фабулу, особенно сцена погрома и циническаго отношенія «румынскихъ» властей къ евреямъ во время погрома, оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе.

Внѣшность «Ежегодника» довольно опрятная вполне приличная. Только иллюстрація, особенно портреты, немного «подгуляли»: по нашему, лучше бы числомъ поменьше, да качествомъ повыше. Желаемъ «Ежегоднику» завоевать себѣ солидное положеніе въ еврейскомъ обществѣ. Прежнія попытки изданія еврейскихъ календарей на русскомъ языкѣ, къ сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ: они отцѣли, не успѣвши расцвѣсть.

Н. Переферковичъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ разсказъ этотъ называется «Тузъ сръ», «отщепеніе за завѣтъ». Такъ какъ въ разсказѣ нѣтъ ни единого звука ни объ отщепеніи, ни о завѣтѣ, то русское названіе должно быть признано болѣе правильнымъ, какъ болѣе соответствующее содержанію.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
BOOK DUE DATE
5864746
JAN 12 5 1978
JUL 12 5 1984

CANCELLED

CANCELLED
WIPAWER
BOOK DUE
NOV 14 1984
6 JUL 26 1984

